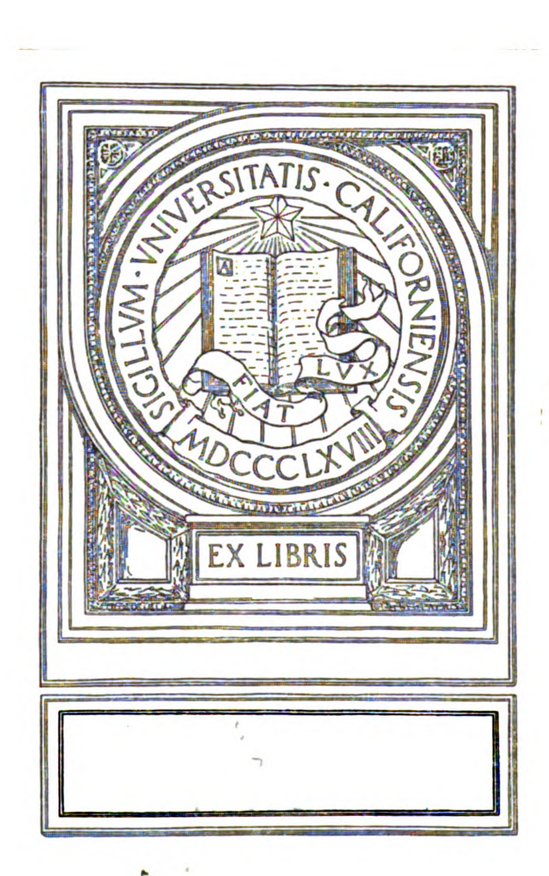

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XIII-й. № 3-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XIII-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

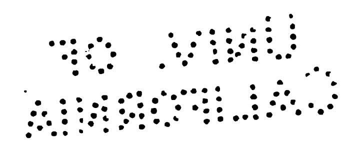
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

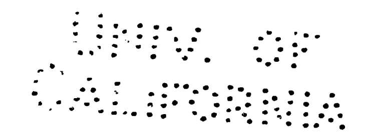
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го февраля 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВСЕНАРОДНОЕ ИСКУССТВО.

(Дж. Рескинъ, Л. Толстой, В. Моррисъ).

Es wächst hienieden Brod genug
Für alle Menschenkinder,
Auch Rosen und Myrten, Schönheit und Lust,
Und Zuckererbsen nicht minder
H. Heine.

Трудъ націй, правильно примѣненный, вполнѣ достаточенъ, чтобъ снабдить все населеніе хорошей пищей, удобными жилищами, и не только этимъ, но и доставлять ему хорошее воспитаніе, предметы роскоши и сокровища искусства.
Дж. Рескинъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Взгляните внимательно на любой предметъ окружающей васъ обстановки, и вы едва ли найдете хоть одинъ, внѣшность котораго не заключала бы какихъ-нибудь украшающихъ чертъ и не предъявляла бы претензіи нравиться: рельефы на металическомъ пьедесталѣ лампы, цвѣтная обложка книги «подъ крокодиловую кожу», узоры обой, карнизъ на потолкѣ и на печкѣ, изогнутая спинка дивана, золотой ободокъ чайнаго блюдечка,—все это совершенно не нужно для практическаго, прямого назначенія каждой изъ этихъ вещей и разсчитано только на эстетическій эффектъ. То же самое на улицѣ: фасады домовъ, фонарные столбы, вывѣски, извозчичьи сани, не исключая фабричныхъ трубъ, ни одно произведеніе рукъ человѣческихъ какъ будто не рѣшается выступить въ своей утилитарной наготѣ. Это настолько вошло въ плоть и кровь всѣмъ и каждому, что стоитъ большого труда добиться отъ ремесленника, столяра, слесаря, обойщика, чтобы онъ не затрачивалъ излишняго труда на украшеніе самыхъ прозаическихъ издѣлій. Богатые люди, желающіе оригинальничать, платятъ большія деньги за такую строгую простоту, и это отсутствіе украшеній очень многіе называютъ декадентскимъ искусствомъ. Весьма замѣчательно, что на декоративность затрачивается много труда и денегъ даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ всякая непроизводительно затраченная копейка уменьшаетъ шансы конкуренціи: сколько накладныхъ расходовъ стоитъ отдѣлка наружныхъ частей всѣхъ фабричныхъ машинъ, станковъ и двигателей, а между тѣмъ заводы какъ будто щеголяютъ другъ передъ другомъ

блескомъ отшлифованныхъ и выточенныхъ стальныхъ и мѣдныхъ поверхностей и деталей, которыя не имѣютъ никакого значенія для работоспособности даннаго механизма. Спеціалисты разсказываютъ, что на последней всемірной выставкѣ въ Парижѣ европейскіе фабриканты были прямо поражены геніальной выдумкой своихъ американскихъ конкурентовъ, которые съумѣли отдѣлаться отъ этой безсмысленной роскоши: ихъ машины не имѣли того щегольскаго вида, который такъ импонируетъ профанамъ, но зато при прочихъ равныхъ качествахъ онѣ стоили чуть не на 30% дешевле европейскихъ. Дорого платитъ Европа за свою любовь къ красотѣ!

Что, если бы эта геніальная идея получила распространеніе на весь обиходъ нашей жизни? Если бы раздражающій глаза, пестрый и грубый узоръ обой замѣнить спокойной одноцвѣтной окраской или бумагой, это было бы дешевле и гигіеничнѣе. Нелѣпые амуры съ рогами изобилія и гирляндами на подставкѣ лампы могли бы совершенно отсутствовать, лампа отъ этого не ухудшилась бы. Едва ли многіе предпочли бы изогнутыя рѣзныя спинки мебели болѣе прочнымъ и мягкимъ пружинамъ или болѣе крѣпкой обивкѣ. А карнизикъ и желобки на фабричной трубѣ ужъ навѣрное не прельщаютъ рабочихъ и не заставляютъ ихъ довольствоваться болѣе скромной платой. Но какъ же, возразятъ пожалуй, изгнать всякую красоту изъ жизни? Не о хлѣбѣ единомъ... Отлично! Мы вовсе не склонны посадить человѣчество на одинъ хлѣбъ, но позволительно спросить: дѣйствительно ли нужна кому-нибудь вся эта «красота», которая, можно сказать, загромождаетъ нашу жизнь, и удовлетворяетъ ли она чьимъ-нибудь эстетическимъ запросамъ? Художники и немногіе другіе люди, дѣйствительно преданные искусству, напротивъ того, жалуются, что эти запросы слишкомъ ничтожны въ нашемъ обществѣ, и нельзя сказать, что они неправы. Какимъ же образомъ сохраняется вся эта масса ненужныхъ, а отчасти убыточныхъ украшеній, на которыя мы натыкаемся на каждомъ шагу?

Если сдѣлать надъ собой усиліе и присмотрѣться ко всѣмъ этимъ безобразнымъ, трафаретнымъ орнаментамъ, то почти всегда легко открыть, что это безформенные, мертвые обломки когда-то живого искусства. Возьмемъ этого пухлаго амура съ тяжелой ношей чего-то, слабо напоминающаго фрукты и цвѣты: вѣдь еще полтораста лѣтъ тому назадъ онъ въ самомъ дѣлѣ весело порхалъ надъ бѣлыми париками маркизовъ, не предчувствуя, что его веселье скоро кончится горемъ. Эти коричневыя розы съ черными тѣнями въ сущности ни на что не похожи, но по фону, покрытому штрихами и крапинками, можно догадаться, что онѣ по восходящей линіи происходятъ отъ очаровательныхъ, еще и теперь, тканыхъ шелками обой въ будуарѣ Маріи-Антуанетты въ маленькомъ Тріанонѣ. А эти стрѣльчатыя окна, раставленныя цѣлыми десятками, какъ солдаты, въ рядъ, вдоль голой стѣны

третьяго этажа «доходнаго» дома, вѣдь имъ не меньше пятисотъ лѣтъ. Когда-то это было технически геніальное изобрѣтеніе «свободныхъ каменьщиковъ» и столь же геніальное художественное выраженіе религіознаго экстаза, какъ пламя возносившагося острымъ языкомъ къ небу; весь народъ, въ богатыхъ городахъ и въ убогихъ деревушкахъ, во Франціи и въ Германіи, въ Италіи и въ Англіи, возносилъ эти каменныя молитвы и умилялся общею радостью въ своихъ готическихъ соборахъ и церквахъ. Теперь же петербургскій купеческій домъ съ этими стрѣльчатыми окнами напоминаетъ приказчика въ маскарадномъ рыцарскомъ костюмѣ.

Такимъ образомъ всѣ подобные остатки когда-то настоящаго искусства въ наше время сохраняются только въ видѣ культурныхъ пережитковъ, точно такъ же, какъ напр. кавалергардскія латы, какъ масленичные блины, какъ дамскія сережки и кольца и много другихъ предметовъ въ нашемъ домашнемъ и общественномъ быту. Сохраняется вся эта уродливая «красота» отчасти по недосмотру, безсознательно, потому что мы такъ привыкли къ ней, что уже не замѣчаемъ ея, отчасти потому, что многіе находятъ матеріальный интересъ въ томъ, чтобы производить и продавать подобныя никому ненужныя украшенія, какъ придатокъ даже къ полезнымъ предметамъ. Во всякомъ случаѣ потребность въ упражненіи эстетическихъ эмоцій тутъ не при чемъ, и если бы въ одинъ прекрасный день какая-нибудь благодѣтельная волна смыла съ насъ всю пыль вѣковъ, въ томъ числѣ и эти разлагающіеся остатки стараго искусства, то никто не сталъ бы страдать по нимъ, и тогда по крайней мѣрѣ обнаружилось бы съ полной ясностью, какую ничтожную роль въ нашей жизни играетъ искусство. Одно время казалось даже, что всему искусству цѣликомъ грозитъ вымираніе, и что скоро у насъ не останется ничего, кромѣ фабричныхъ поддѣлокъ «подъ рококо» или «подъ ренессансъ». Міръ очутился въ рукахъ «дѣловыхъ» людей, которые смотрѣли на всякое «художество» не иначе, какъ со снисходительной улыбкой, предоставляя эту забаву дамамъ, дѣтямъ и нѣсколькимъ безнадежнымъ чудакамъ. Правда, и «дѣловые» люди затрачивали большія суммы на своего рода искусство — такое искусство, которое служило чувственности, такъ что, казалось, оперетка, канканъ, порнографія окончательно вытѣснятъ всѣ остальные жанры. Общественныя науки вѣрно отражали дѣйствительность и очень усиленно изучали условія производства и распредѣленія матеріальныхъ благъ, вліяніе этихъ условій на взаимныя отношенія людей и совершенно устраняли изъ своего поля зрѣнія всю область духовной дѣятельности человѣка. Человѣкъ трактовался какъ пищеварительный аппаратъ, вооруженный мускульнымъ механизмомъ, для доставленія этому аппарату достаточнаго количества пищи. Задачей общественной организаціи представлялось равновѣсіе между пита-

*

ніемъ желудка и мускульной энергіей: если желудокъ не получаетъ достаточнаго количества пищи, то мускулы отказываются работать; если является излишекъ пищи, то это еще опаснѣе, — обладатели мускульной энергіи также отказываются работать, а при этомъ зазнаются, теряютъ субординацію и тѣмъ вносятъ въ общество элементъ разрушенія. Впрочемъ во второй четверти XIX-го вѣка, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду, послѣдній случай предполагался только гипотетически; обладатели мускульной энергіи голодали въ Ліонѣ, Силезіи и въ Манчестерѣ. Вполнѣ естественно было поэтому, что наука, даже не подкупленная капиталомъ, направляла всѣ свои усилія исключительно на проблему пауперизма, и смягчить ужасы хроническаго голода было законнымъ идеаломъ благороднѣйшихъ умовъ.

Мало-по-малу, путемъ невѣроятныхъ страданій двухъ поколѣній, путемъ ожесточенной борьбы, руководимой научной мыслью, голодъ хотя и не устраненъ окончательно изъ обихода, но, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе передовыхъ обществахъ Европы настолько ослабленъ въ своихъ опустошительныхъ дѣйствіяхъ, что картины массовыхъ бѣдствій начинаютъ отходить въ исторію. Борьба не прекращается, но формы ея видоизмѣнились. Недавно окончилась болѣе чѣмъ двухлѣтняя, весьма тяжелая сама по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ стачка англійскихъ каменотесовъ, вольныхъ рабовъ лорда Пенрина,—окончилась пораженіемъ стачечниковъ, и все-таки, благодаря общественной помощи и солидарности труда, мы не слышали ни о голодномъ тифѣ, ни о массовой эмиграціи,—пятьдесятъ лѣтъ назадъ это было бы неизбѣжно. Каменотесы лорда Пенрина—это, конечно, наименѣе вооруженный отрядъ арміи труда. Многіе милліоны производителей въ Англіи, Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Австріи не рискуютъ уже подобной участью: средняя степень ихъ благосостоянія такова, что о физическомъ голодѣ не можетъ быть рѣчи, а наиболѣе острые случаи нужды при болѣзни, безработицѣ, инвалидности и старости устраняются взаимопомощью, кое-гдѣ и государственными установленіями. И несмотря на это, недовольство не уменьшилось къ концу столѣтія, а стало только систематичнѣе, хотя никогда уже не доходитъ до такихъ взрывовъ, какіе потрясали Европу въ первой половинѣ вѣка. Средство къ чему? Вотъ тутъ именно и обнаруживается съ полною ясностью, что человѣкъ, даже не унаслѣдовавшій отъ предковъ преувеличенныхъ претензій, не желаетъ и не можетъ помириться съ ролью пищеварительнаго аппарата. Отвѣтимъ лучше словами Джона Рескина, который много думалъ надъ этимъ вопросомъ: «Всеобщій протестъ противъ богатства и знатности не вызывается ни голодомъ, ни уязвленной гордостью. То и другое теперь, какъ и во всѣ времена, причинило много зла, но никогда общества не были такъ потрясаемы, какъ теперь. Дѣло не въ томъ, что люди плохо питаются,

а въ томъ, что работа, которою они добываютъ свой хлѣбъ, не доставляетъ имъ удовольствія, и богатство представляется единственнымъ источникомъ этого удовольствія. Не въ томъ, что презрѣніе высшихъ классовъ тяжело для низшихъ, а въ томъ, что невыносимо ихъ собственное презрѣніе къ себѣ; они чувствуютъ, что трудъ, къ которому они приговорены, поистинѣ унизителенъ и дѣлаетъ ихъ менѣе, чѣмъ людьми. Никогда высшіе классы не относились къ низшимъ такъ сочувственно, никогда такъ не заботились о нихъ, какъ теперь, и никогда въ такой степени не были ненавидимы ими. Это происходитъ потому, что въ старину богатые и бѣдные раздѣлялись только стѣною, воздвигнутою закономъ; теперь они стоятъ уже ни на одномъ уровнѣ: между низшими и высшими слоями человѣчества разверзлась бездна, и со дна ея поднимаются ядовитыя испаренія...» *).

Вполнѣ понять мысль Рескина мы можемъ только въ томъ случаѣ, если примемъ во вниманіе, что понятія «богатство» и «богатые» онъ употребляетъ не въ ходячемъ смыслѣ и не въ томъ, какое принято въ политической экономіи. «Жизнь есть единственное богатство,—говоритъ онъ **),—жизнь со всей мощью любви, радости и восторга. Та страна наиболѣе богата, которая питаетъ наибольшее количество благородныхъ и счастливыхъ людей; тотъ человѣкъ наиболѣе богатъ, который наиболѣе усовершенствовалъ функціи своей собственной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ самое широкое благотворное вліяніе, какъ личное, такъ и матеріальное на жизнь другихъ людей». Такое представленіе о богатствѣ заключаетъ умѣніе пользоваться наибольшимъ количествомъ изъ накопленныхъ человѣчествомъ несмѣтныхъ сокровищъ духа, а матеріальное благосостояніе есть не болѣе, какъ необходимое условіе для свободнаго распоряженія высшими качествами человѣческаго интеллекта. Работа, которая не связана съ упражненіемъ этихъ высшихъ качествъ, хотя бы она съ избыткомъ доставляла питаніе желудку, не можетъ удовлетворить человѣка, этого не позволяетъ его человѣческое достоинство. Завидовать такому богатству не есть признакъ жадности, не есть грѣхъ противъ десятой заповѣди. Пожелавъ чужого осла или вола, я этимъ стремлюсь лишить своего ближняго возможности пользоваться этими животными. Если я требую себѣ больше хлѣба, то этимъ я уменьшаю общій запасъ хлѣба, предназначенный въ пищу моимъ сосѣдямъ. Если я сжегъ въ своей печкѣ кусокъ угля, то я уничтожилъ извѣстное количество углерода, которое уже никого больше не согрѣетъ. Но если я радуюсь переливчатой игрѣ

---

*) „The Nature of Gothic", § 15.

**) „Послѣднему, что и первому" („Untothis last"), пер. Л. П. Никифорова Москва, 1900 г., стр. 83. Ср. *Дж. Гобсонъ* „Общественные идеалы Рескина" („John Ruskin Social Reformer"), ред. Д. Протопопова. Спб. 1899 г., стр. 58.

солнечныхъ лучей въ вечернихъ облакахъ, это не уменьшаетъ ничьей доли радости: этого золота хватитъ на всѣхъ, кто только захочетъ присвоить его. Если мнѣ доставляетъ удовольствіе вникать въ тайники природы, изслѣдовать законы явленій или слѣдить за поворотами мысли великихъ философовъ, я ни у кого не оспариваю права идти еще глубже или выше, если онъ хочетъ и можетъ. Если я глубоко взволнованъ симфоніей Бетховена или трагедіей Шекспира, я этимъ не ограбилъ своего сосѣда, не парализую его воспріимчивость къ звукамъ и образамъ. Наконецъ, если я часами могу стоять передъ луврской Афродитой, чувствуя, какъ омывается и растетъ душа въ созерцаніи этой геніальной гармоніи и красоты, то для этого вовсе не надо было, чтобы древніе эллины воздержались въ мою пользу отъ радостнаго поклоненія своей богинѣ и сберегли для меня всю сумму духовнаго наслажденія, какое она въ состояніи доставить. Минуютъ еще вѣка, смѣнится длинный рядъ поколѣній, преобразуется, быть можетъ, лицо земли, человѣчество переживетъ новыя тревоги и новыя торжества, а эта безрукая статуя останется молодой и прекрасной, и будутъ къ ней стекаться люди со всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и каждый изъ нихъ, въ мѣру своего духовнаго развитія, будетъ стоять передъ ней съ благоговѣніемъ, какъ будто онъ первый изъ смертныхъ увидѣлъ ее рождающеюся изъ пѣны.

Въ этомъ смыслѣ человѣчество несомнѣнно было богаче во время оно, и главное, богатство это распредѣлялось равномѣрнѣе. Потребность въ упражненіи эстетическихъ эмоцій была распространена въ народной средѣ сверху до-низу, какъ и теперь это можно наблюдать у отсталыхъ народовъ, не совсѣмъ еще порабощенныхъ нашей денежной и машинной культурой. Конечно, не въ каждой деревнѣ, не въ каждомъ городѣ, даже не въ каждой странѣ рождались великіе художники, равные Бетховену, Шекспиру или творцу Венеры Милосской, не всѣмъ удавалось видѣть выдающееся произведеніе искусства, но безусловно въ каждой деревнѣ, можно сказать въ каждомъ дворѣ, жива была творческая способность, и ни одинъ человѣкъ въ своемъ домѣ не былъ лишенъ пластики, музыки и поэзіи. Машина, которая взяла на себя сторицею приумножить матеріальныя богатства человѣчества, а на самомъ дѣлѣ только перераспредѣлила богатство такъ, что подавляющее большинство людей вотъ уже полтора вѣка не выходитъ изъ самой скупой нужды,—эта самая машина совсѣмъ обездолила трудящіяся массы въ томъ значеніи, какое придаетъ Рескинъ слову «богатство». Всѣ рабочіе, особенно при совмѣстной работѣ, пѣли пѣсни, скрашивая этимъ не только скуку, но и увеличивая продуктивность труда. Грохотъ машины заглушилъ эти пѣсни. Всякій рабочій, какъ и крестьянинъ украшалъ свой домъ, свою одежду, свою утварь живыми пластическими формами, красоту которыхъ онъ ощущалъ. Теперь онъ живетъ въ наемной конурѣ, дорожитъ для отдыха каждою

минутою, остающейся отъ фабрики, и покупаетъ себѣ на базарѣ дешевое платье и дешевую утварь, правда тоже украшенныя фабрикантомъ, но эти мертвыя украшенія не способны доставлять никому удовольствія. Тѣшиться тѣми зрѣлищами, которыя щедрая природа готова доставлять всѣмъ, даже въ дымныхъ и смрадныхъ фабричныхъ городахъ, рабочему человѣку также некогда, и онъ постепенно совсѣмъ отвыкъ обращать вниманіе на геніальныя выдумки стихій, поскольку онѣ не нарушаютъ его рабочій день неожиданной темнотой или не врываются въ его конуру въ видѣ мороза или сырости.

Ходячее мнѣніе, не задумывающееся надъ хронологіей, утверждаетъ, что искусство, переставъ быть народнымъ, стало индивидуальнымъ и выиграло отъ этого въ интенсивности. Это совершенно противорѣчитъ фактамъ. Какъ только появляются выдающіеся художники, не только работающіе для украшенія своей домашней обстановки, а создающіе произведенія, которыя по своему совершенству становятся предметами народнаго поклоненія, то искусство носитъ уже неизгладимыя черты этихъ выдающихся личностей, хотя имена ихъ и рѣдко доходятъ до насъ. Египетское, индійское, японское искусство было индивидуально уже задолго до нашей эры, что нисколько не противорѣчитъ одновременному существованію народнаго творчества; напротивъ того, великія произведенія вырастаютъ на фонѣ всеобщаго художественнаго развитія, какъ отдѣльные крупные кристаллы среди безконечнаго количества мелкихъ. Въ крупныхъ и мелкихъ произведеніяхъ искусства одно и то же, такъ сказать, вещество, однѣ и тѣ же организующія силы, между тѣми и другими разница количественная, а не качественная. Дѣло измѣняется съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ продолжительнаго соціальнаго разслоенія высшіе классы народа въ своей культурѣ отдѣляются отъ низшихъ. Послѣдніе устойчивѣе въ характерѣ своего художественнаго творчества, и довольно долго можетъ казаться, что народное (въ тѣсномъ смыслѣ) искусство живетъ прежнею органическою жизнью, но мало-по-малу, лишившись связи съ наиболѣе совершенными проявленіями индивидуальнаго генія, оно бѣднѣетъ, становится рутиннымъ, повторяетъ традиціонныя формы, не обновляя ихъ новыми наблюденіями. Искусство высшихъ классовъ, обнимающее работу самыхъ одаренныхъ художниковъ, на первыхъ порахъ могучимъ взмахомъ идетъ въ гору, но быстро достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта и, не поддерживаемое питательной средой народнаго сочувствія и пониманія, неудержимо падаетъ и вырождается. Такъ было съ рыцарскою поэзіею. Такъ было и съ итальянскимъ искусствомъ, когда оно перестало быть искусствомъ городскихъ общинъ и поступило въ услуженіе къ князьямъ, маленькимъ и большимъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Такъ было и у насъ двѣсти лѣтъ назадъ, съ тою, однако, крупною разницею, что подъ вліяніемъ заимствованной культуры художественныя силы верхняго слоя русскаго

общества совершенно не могли проявиться. Часто бываетъ затѣмъ, что интеллигентные художники вдругъ болѣзненно почувствуютъ свою оторванность отъ народной почвы и сознательно примутся завязывать порванныя нити. Нерѣдко это приводитъ къ расцвѣту такъ называемаго «національнаго» искусства. Соприкосновеніе съ матерью-землею вдохнетъ новыя силы въ усталаго Антея, но періоды эти въ большинствѣ случаевъ бываютъ кратки и кончаются новымъ паденіемъ. Нельзя объединить искусство, пока всѣ остальные факторы соціальной жизни разъединяютъ самое общество.

Вотъ надъ этимъ-то пунктомъ проблемы и бьются наиболѣе мыслящіе и честные художники. Культурное искусство вертится въ заколдованномъ кругѣ и вырождается, народное искусство вымираетъ или уже вымерло, такъ что приходится, чтобы найти путь къ художественному творчеству массъ, возвращаться къ давно прошедшимъ временамъ или импортировать народное искусство изъ далекихъ странъ. Но такія реставраціи не имѣютъ будущности, поэтому онѣ всегда окрашиваются элегическимъ чувствомъ сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ. Единственное средство создать новое, жизненное, органическое искусство заключается въ томъ, чтобы сдѣлать его всенароднымъ, а этому препятствуетъ та зіяющая бездна, о которой говоритъ Рескинъ. Такимъ образомъ вопросъ о возрожденіи искусства становится вопросомъ о возрожденіи общества, въ томъ освѣщеніи, какое даетъ ему тотъ или другой мыслитель: Рескина эстетика привела къ этикѣ, для Л. Н. Толстого искусство есть воплощеніе религіознаго чувства, Вильямъ Моррисъ началъ съ архаической поэзіи и прикладного искусства и наткнулся на рабочій вопросъ. Всѣ трое имѣютъ очень много точекъ соприкосновенія, но и весьма характерныя отличія, и намъ казалось любопытнымъ сопоставить ихъ взгляды. Каждый изъ нихъ, особенно первые два, чрезвычайно узки и нетерпимы въ своихъ вкусахъ, эстетическихъ теоріяхъ и далеко расходятся въ своихъ общественныхъ идеалахъ, но каждый изъ нихъ подкупаетъ поразительно глубокимъ анализомъ и необычайною искренностью. Сведя ихъ на очную ставку, намъ, быть можетъ, удастся извлечь изъ ихъ разногласій болѣе широкій взглядъ на настоящее положеніе и будущность искусства.

Джонъ Рескинъ (1819—1900).

Когда въ началѣ 40-хъ годовъ молодой, начинающій писатель Джонъ Рескинъ встряхнулъ самодовольныхъ и высокомѣрныхъ жрецовъ и знатоковъ искусства своею дерзкою критикой установленной табели о художественныхъ рангахъ, его міровоззрѣніе покоилось на фундаментѣ крайне бѣднаго жизненнаго опыта. Какъ единственный, боготворимый и тщательно опекаемый сынъ болѣе чѣмъ обезпеченныхъ

родителей, онъ зналъ о жизни и мірѣ столько, сколько можно узнать изъ книгъ, изъ музеевъ, изъ путешествій по красивымъ мѣстностямъ и стариннымъ городамъ. Всюду онъ видѣлъ только казовую, красивую сторону вещей. «Я никогда не видѣлъ смерти, — говоритъ онъ, вспоминая свою молодость,—и не принималъ никакого участія въ печали и безпокойствѣ, связанныхъ съ комнатой больного; я никогда также не видалъ, а еще меньше могъ представить себѣ страданія безпомощной бѣдности» *). Но существованіе безполезнаго диллетанта ему не улыбалось. Въ немъ просыпалось сознаніе своихъ внутреннихъ силъ, и онъ стремился отдать ихъ на служеніе какому-нибудь великому дѣлу. Онъ вспоминалъ послѣ тотъ день, когда онъ 22-лѣтнимъ юношей въ церкви въ Женевѣ, принялъ рѣшеніе «что-нибудь совершить, на что-нибудь быть полезнымъ». Въ какой области приложить свои силы, онъ сказалъ себѣ черезъ годъ въ той же торжественной обстановкѣ: то поприще, къ которому толкали его и наклонности, и воспитаніе, было искусство. Для роли художника онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно таланта, но изощренный вкусъ и преклоненіе передъ красотой и величіемъ природы подсказали ему миссію проповѣдника истинныхъ принциповъ искусства: честность намѣреній, доведенная до степени величія, и главное искренность въ реализаціи. Подъ обаяніемъ недавно прочитанной книги Карлейля о «Герояхъ», онъ рѣшился повѣдать міру, что въ искусствѣ есть свои герои, не менѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ жизни, что источникъ ихъ энергіи—искренность, а цѣль проявленія этой энергіи — правда **).

Такого «героя искусства» онъ нашелъ въ лицѣ пейзажиста Тернера, на котораго профессіональная критика смотрѣла съ пренебреженіемъ за его реализмъ, нарушающій всѣ академическіе каноны, и воспѣлъ ему гимнъ въ знаменитомъ сочиненіи «Современные художники». Какъ Рескинъ въ то время смотрѣлъ на средства, которыми можетъ быть поднятъ уровень искусства, видно изъ письма его къ своему другу, художнику. «Я не могу сочувствовать вашимъ надеждамъ поднять англійское искусство при помощи фресковой живописи... Ни матеріалъ, ни пространство не могутъ дать намъ мысль, страсть и силу. Все, что я вижу въ вашей академіи, низменно въ мелкихъ картинахъ и было бы отвратительно въ крупныхъ... Намъ нужна не любовь къ фрескамъ, намъ нужна любовь къ Богу и его творенію; намъ нужны смиреніе, милосердіе, самоотверженіе, постъ и молитвы; намъ нужно полное измѣненіе характера. Больше вѣры и меньше разсужденій, меньше усилія и больше упованія. Вамъ нужны не стѣны, не штукатурка, не краски—ça ne fait rien à l'affaire; Джіотто, Гирлан-

*) *Гобсонъ*, стр. 12.

**) *W. G. Collingwood.* „The Life and Work of John Ruskin“, London, 1893, т. I, стр, 94—103.

дайо, Анджелико вамъ нужны, и будутъ и должны быть нужны, пока это отвратительное девятнадцатое столѣтіе испуститъ—не дыханіе, скажу лучше — свой паръ» *).

Убѣжденіе, отъ котораго Рескинъ не отказался во всю свою жизнь, что высокое произведеніе искусства можетъ создать только высокой нравственности человѣкъ, здѣсь утверждено еще на строго религіозной основѣ; недаромъ мать продержала его въ теченіе всего дѣтства на чтеніи Библіи. Весьма характерно также преклоненіе передъ примитивными религіозными художниками Италіи: когда писались эти строки, никому еще въ голову не приходило придавать какое-нибудь серьезное значеніе ихъ наивнымъ фрескамъ. Лишь пять лѣтъ спустя (1848), нѣсколько молодыхъ художинковъ, напитавшись идеями Рескина, пошли искать художественной правды въ до-рафаэлевскомъ искусствѣ. Принципъ искренности, поставленный Рескиномъ во главѣ угла всякаго искусства, указалъ его критической мысли и дальнѣйшій путь. Академическіе жрицы, владычествовавшіе тогда по всему лицу Европы. признавъ образцомъ какой-нибудь «стиль», учили художниковъ какъ можно ближе держаться его формъ, тогда какъ Рескинъ съ геніальною прозорливостью понялъ, что создать въ старыхъ формахъ новыя великія произведенія нельзя, но можно достичь прежняго величія только при томъ условіи, чтобы современные художники внутренно были похожи на великихъ стариковъ, даже не только великихъ: искренность въ соединеніи со смиреніемъ создавали великое искусство даже тогда, когда художниками были безымянные рабочіе, или обратно, когда простые рабочіе силой своего искренняго воодушевленія становились художниками. Такъ создалась готическая архитектура, которою Рескинъ никогда неуставалъ восхищаться. Страницы, гдѣ онъ выясняетъ сущность готики **), принадлежатъ къ самымъ значительнымъ, какія онъ когда-либо написалъ, и заключаютъ въ зародышѣ всю будущую систему его соціальныхъ идей.

Изъ всѣхъ характерныхъ чертъ сложнаго явленія, носящаго названіе готическаго искусства, особенное значеніе для насъ имѣетъ организація сотрудничества между всѣми участниками общей работы. Въ исторіи архитектуры, которая является по преимуществу коллек-

---

*) Тамъ же, 126.

**) Мы уже цитировали „On the Nature of Gothic“: это въ первоначальномъ видѣ глава изъ сочиненія „Камни Венеціи“ („Stones of Venice“), гдѣ онъ выясняетъ развитіе венеціанскаго искусства, пережившаго три главныхъ момента—византійскій, готическій и ренессансъ, изъ психологической, такъ сказать, исторіи венеціанской республики. Сочиненіе это, какъ всѣ сочиненія Рескина, заключаетъ много произвольнаго, благодаря стремленію свести всѣ факты къ опредѣленной, заранѣе установленной схемѣ, но также, какъ большинство его сочиненій, на каждомъ шагу поражаетъ тонкими наблюденіями, блестящими идеями и гипотезами.

тивнымъ искусствомъ, Рескинъ различаетъ три формы такого сотрудничества. Первая, приписываемая авторомъ египетскому, ассирійскому и греческому искусству (впрочемъ, безъ достаточнаго основанія), основана на томъ, что художникъ-архитекторъ настолько дорожитъ совершенствомъ и законченностью художественнаго цѣлаго, что требуетъ отъ исполнителя-рабочаго математически точнаго выполненія деталей, въ строгомъ подчиненіи общему замыслу. Результатомъ этого является гармонія цѣлаго, но сухость и безжизненность орнаментальныхъ частей. Такимъ образомъ рабочій лишается всякой инціативы и самостоятельности и становится рабомъ художника. Противоположная крайность, приписываемая искусству «возрожденія» (тоже не совсѣмъ правильно), заключается въ томъ, что исполнитель каждой отдѣльной детали обнаруживаетъ тенденцію сравняться съ руководящимъ художникомъ въ талантѣ и познаніяхъ. Такимъ образомъ теряется гармонія, и цѣлое обращается въ «утомительную выставку хорошо обученнаго безсилія». Наконецъ, готическая, или, какъ Рескинъ называетъ, христіанская система орнаментаціи коренится въ самомъ принципѣ христіанства, признавшемъ, въ маломъ и великомъ, индивидуальное значеніе каждой души. «Но оно не только признало значеніе каждаго человѣка, оно терпимо относится къ его несовершенству... Каждому, кто призывается служить христіанству, оно говоритъ: дѣлай, что можешь, и чистосердечно сознавайся въ томъ, чего ты не въ силахъ сдѣлать; пусть твое усиліе не укорачивается страхомъ ошибки, и не подавляй сознанія въ своей слабости изъ боязни стыда. И главная, быть можетъ, причина дивности готическихъ школъ архитектуры заключается въ томъ, что онѣ включали продукты работы и невысокихъ умовъ; такимъ образомъ изъ полныхъ несовершенства отдѣльныхъ частей, обнаруживающихъ это несовершенство въ каждой черточкѣ, свободно вырастаетъ стройное и безукоризненное цѣлое» (§§ 9—10). Каждый участникъ свободенъ и отвѣтственъ въ порученной ему части цѣлаго, каждый вноситъ въ него свою индивидуальную черточку; каждый воплощаетъ свое собственное чувство, и никто не исполняетъ рабски чужого замысла, никто не можетъ обойтись безъ извѣстной доли таланта, знанія и воображенія. Готика не отдѣляетъ физическаго труда отъ интеллекта, и въ этомъ ея отличіе отъ современности. «Въ наше время мы всегда стремимся ихъ раздѣлить; мы требуемъ, чтобы одинъ человѣкъ постоянно мыслилъ, а другой постоянно работалъ, и называемъ одного джентльменомъ, а другого мастеровымъ; тогда какъ часто рабочій долженъ мыслить, а мыслитель—работать, и оба будутъ джентльменами, въ лучшемъ смыслѣ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ мы лишаемъ джентльменства обоихъ, такъ какъ одинъ завидуетъ своему брату, а другой презираетъ своего брата; и все общество складывается изъ болѣзненныхъ мыслителей и жалкихъ рабочихъ» (§ 21). Коллективное произведеніе, созданное та-

кимъ свободнымъ, но единодушнымъ сотрудничествомъ, всегда будетъ оригинально, ибо «ничего не можетъ быть великимъ произведеніемъ искусства, что не создается внѣ всякихъ правилъ и образцовъ. Архитектура по извѣстнымъ правиламъ и по существующимъ образцамъ не искусство, а промышленность. Изъ двухъ способовъ дѣйствія наименѣе раціональный (ибо болѣе легкій) копировать капители или карнизы у Фидія и называть себя архитекторомъ, чѣмъ копировать головы и руки у Тиціана и называть себя живописцемъ» (§ 28). Такимъ именно оригинальнымъ искусствомъ была готика, которая «никогда не терпѣла мысли о внѣшней симметріи и о неизмѣнномъ составѣ въ ущербъ реальной необходимости и смыслу своего назначенія. Если строителямъ нужно было окно, они его продѣлывали,—комнату, они достраивали ее,—контрафорсъ, они его ставили, совершенно не заботясь о принятыхъ условностяхъ внѣшней формы, зная (какъ это всегда и бывало), что такія смѣлыя нарушенія формальнаго плана сообщаютъ его симметріи скорѣе дополнительный интересъ, чѣмъ оскорбляютъ ее» (§ 38).

Такое пониманіе условій, при которыхъ только и можетъ существовать искусство, достойное этого имени, сразу давало отвѣтъ на всеобщія ламентаціи о прозаичности нашего времени, о паденіи искусства и интереса къ нему. Это указывало также Рескину путь дальнѣйшей практической дѣятельности. «Если рабочій долженъ быть художникомъ, — такъ формулируетъ этотъ моментъ цитированный уже нами лучшій біографъ Рескина *),—онъ долженъ обладать опытомъ и чувствомъ художника, также какъ и способностями: а это включаетъ все, что касается образованія рабочаго, и все, что способствуетъ его истинному благосостоянію. Когда же Рескинъ сталъ разсматривать этотъ предметъ практически, онъ пришелъ къ выводу, что простыя школы рисованія и старанія благотворительности не могутъ переработать городского машиннаго рабочаго и деревенскаго неуча въ художника; вопросъ объ искусствѣ переплетался съ гораздо болѣе обширными вопросами,—не болѣе, не менѣе, какъ съ вопросомъ объ основныхъ принципахъ человѣческихъ отношеній и политической экономіи».

Ближайшей попыткой практической дѣятельности въ направленіи, указываемомъ этими взглядами, была общеобразовательная школа для рабочихъ (Working Men's College), основанная однимъ пріятелемъ Рескина, не только при его участіи въ качествѣ преподавателя рисованія, но подъ прямымъ вліяніемъ его идей: на вступительной лекціи (30-го октября 1854 г.), въ качествѣ манифеста предпринятой дѣятельности, слушателямъ раздавалась брошюра Рескина «О сущности готики», спеціально для этой цѣли перепечатанная изъ «Камней Венеціи». Школа эта имѣла болѣе широкія задачи, чѣмъ сообщеніе рабочимъ полезныхъ общихъ и спеціальныхъ свѣдѣній: это была попытка

*) *Collingwood*, I, стр. 166.

группы интеллигентныхъ людей завязать непосредственныя сношенія съ классомъ трудящихся, поднять уровень ихъ интеллектуальной жизни, содѣйствовать устраненію наиболѣе рѣзкихъ золъ соціальнаго неравенства. И легко повѣрить, что полвѣка назадъ, въ періодъ господства «манчестерства», подобная попытка казалась смѣшнымъ и празднымъ донкихотствомъ. Цѣлью своего преподаванія Рескинъ ставилъ не производство художниковъ, не доставленіе однимъ рабочимъ лучшихъ шансовъ и средствъ въ конкуренціи съ менѣе вооруженными собратіями: сдѣлать рабочихъ лучшими людьми, развить ихъ нравственныя силы и чувства, словомъ, воспитать ихъ — вотъ общая задача; а спеціальная—въ области обученія рисованію—заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать острѣе глаза и тверже руку своихъ учениковъ, такъ чтобы они могли наслаждаться великими произведеніями природы и искусства. Кто хочетъ быть профессіональнымъ художникомъ, кто хочетъ писать картины, выставлять и продавать ихъ, пусть идетъ въ академію. А научиться рисовать, съ достаточной для указанной цѣли степенью совершенства, долженъ былъ бы и можетъ всякій,—въ этомъ Рескинъ былъ глубоко убѣжденъ и, на основаніи своего опыта, утверждалъ, что ему не стоило большого труда въ самое короткое время, мѣсяца въ четыре, развить глазъ и руку самаго обыкновеннаго рабочаго настолько, что послѣдній въ состояніи былъ правильно, а иногда изумительно тонко изобразить любой предметъ изъ окружающей природы или обстановки. Результаты, достигнутые школой, были настолько удовлетворительны, насколько можно было ожидать отъ такого скромнаго по масштабу предпріятія. Инициаторы почерпнули здѣсь увѣренность, что рабочіе классы могутъ интересоваться искусствомъ, что, несмотря на вѣковой перерывъ, способности, проявленныя готическими мастерами, не вполнѣ вымерли въ народѣ. Для Рескина этотъ экспериментъ далъ очень много: на почвѣ его онъ значительно развилъ свои взгляды относительно связи между искусствомъ и политической экономіей *).

Не довольствуясь своей педагогической дѣятельностью въ указанной школѣ, Рескинъ съ этого времени пользуется всякимъ случаемъ, чтобы въ качествѣ лектора выступить на защиту дорогихъ ему мыслей, особенно въ различныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ цѣлью развитіе искусства, чистаго и прикладного, а также въ возникшемъ тогда въ Оксфордѣ «народномъ университетѣ» (university extention), направлявшемъ свои силы на пополненіе образованія среднихъ классовъ. Изъ подобныхъ лекцій возникла его извѣстная «Политическая экономія искусства», которую онъ дѣлитъ на четыре отдѣла: 1) открытіе возможно большаго количества талантовъ, 2) наиболѣе продуктивное примѣненіе ихъ труда, 3) способы накопленія и сохраненія плодовъ

*) *Collingwood*, V. I, Chapt. VII, „The Working Men's College“.

ихъ труда и 4) распредѣленіе художественныхъ сокровищъ съ наибольшей пользой для націи. Въ названномъ сочиненіи далеко еще не проведены тѣ своеобразныя, но строго согласованныя другъ съ другомъ понятія, которыя казались такими парадоксальными экономистамъ классической школы, а теперь въ значительной степени получили подтвержденіе со стороны науки *). Авторъ даже подчеркиваетъ свое пренебреженіе къ ученымъ авторитетамъ, выставляя на видъ, что онъ не читалъ ни одного сочиненія по политической экономіи, кромѣ Адама Смита, да и то въ ранней молодости. Однако біографъ Рескина опредѣленно утверждаетъ, что онъ уже искалъ и не нашелъ отвѣтовъ на интересовавшіе его вопросы у Бентама, Рикардо и Дж. Ст. Милля. Такъ или иначе, разсматривая искусство съ экономической точки зрѣнія, онъ не могъ обойти одного изъ кардинальныхъ понятій экономической науки, не могъ не остановиться на вопросѣ, приложимо ли вообще къ произведеніямъ искусства понятіе цѣнности, и если приложимо, то чѣмъ она, эта цѣнность, опредѣляется. Рескинъ здѣсь уже вполнѣ пришелъ къ тому пониманію богатства, которое мы упомянули выше, хотя и не формулируетъ его съ достаточною ясностью **): богатство есть то, что необходимо, полезно и пріятно людямъ, иначе говоря то, что поддерживаетъ жизнь и дѣлаетъ ее болѣе желательной, счастливой и благородной (послѣднимъ условіемъ Рескинъ вводитъ неизбѣжный у него этическій элементъ). Такимъ образомъ къ сокровищамъ человѣчества причисляются и воздухъ, и солнечный свѣтъ, и море, и прекрасный пейзажъ. Эти предметы имѣютъ абсолютную цѣнность, т.-е. не существуетъ достаточно высокой цѣны, которую бы отказались заплатить за воздухъ или свѣтъ, если бы пришлось ихъ покупать, но отъ организаціи нашей жизни зависитъ сдѣлать такъ, чтобы эти блага ничего не стоили; иначе говоря, цѣнность не находится ни въ какомъ отношеніи къ стоимости. Всѣ же продукты человѣческаго труда могутъ имѣть цѣнность, если они способны поддерживать жизнь, но стоимость ихъ будетъ опредѣляться количествомъ затраченнаго на нихъ труда ***). Произведеніямъ искусства, по мнѣнію Рескина, въ высшей степени присуще понятіе цѣнности, потому что они служатъ постоянными источниками радости и воспитанія: пища

---

*) Кромѣ цитированной уже книги *Дж. Гобсона*, критически излагающаго экономическіе взгляды Рескина, намъ, конечно, нѣтъ надобности напоминать читателю посвященную имъ статью *г. Рыкачева* („Міръ Божій" 1903, №№ 10—12).

**) Въ слѣдующихъ строкахъ мы старались собственными словами выразить основныя идеи, лежащія въ основѣ разсматриваемаго сочиненія Рескина.

***) Позднѣе Рескинъ усложняетъ свое понятіе о *стоимости*, вводя въ него новый опредѣлитель: количество страданій, связанныхъ съ даннымъ трудомъ, такъ что трудъ пріятный, свободный, связанный съ искусствомъ, является наиболѣе выгоднымъ въ экономическомъ отношеніи.

необходима для жизни, искусство необходимо для пріятной и достойной жизни. Поэтому вполнѣ правильно ходячее выраженіе: «художественныя сокровища». Стоимость же имѣютъ только произведенія современнаго искусства, какъ продуктъ труда. Произведенія умершихъ художниковъ, если они вообще имѣютъ цѣнность, то такую же абсолютную, какъ дары природы. Нелѣпо было бы высчитывать, сколько рабочихъ дней затратилъ Фидій на свою статую или Веронезе на свою картину; за произведенія Фидія и Веронезе никогда не будетъ много заплатить столько, сколько необходимо для предохраненія ихъ отъ гибели или порчи, но платимыя за нихъ деньги не измѣряютъ ихъ цѣнности; если они находятся въ безопасности отъ пожара, сырости, небрежнаго обращенія и реставраторовъ и предоставлены всеобщему пользованію, то они также ничего не стоютъ, какъ снѣговыя вершины Альпъ. Что касается современнаго художественнаго производства, то Рескинъ примѣняетъ къ нему строго трудовой критерій стоимости. «Если вы хотите, чтобы человѣкъ сдѣлалъ для васъ рисунокъ, на который онъ употребитъ шесть дней, то вы, во всякомъ случаѣ, должны доставлять ему въ теченіе этого времени необходимую пищу, питье, отопленіе, освѣщеніе и помѣщеніе. Это самая низкая плата, за которую онъ можетъ сдѣлать эту работу, и она, надѣюсь, не особенно высока». Далѣе Рескинъ настаиваетъ, что эта низшая плата, должна быть и наивысшей въ интересахъ не только «распредѣленія» художественныхъ произведеній, но и достоинства самого искусства. «Дѣйствительный художникъ будетъ прекрасно работать, если вы, какъ я выше сказалъ, дадите ему хлѣба, воды и соли; а дурной художникъ станетъ плохо дѣлать и торопиться, хотя бы поселили его во дворцѣ и предоставили въ его распоряженіе доходы съ цѣлаго княжества. Въ современныхъ условіяхъ,—прибавляетъ Рескинъ,—ни одинъ (мы бы сказали, почти ни одинъ) настоящій художникъ, пока онъ живъ, не получаетъ и половины дѣйствительной цѣны за свое произведеніе. Когда онъ умретъ, его картины, если онѣ хороши, продаются неизмѣримо дороже, но этотъ излишекъ не есть уже оплата труда художника, а идетъ въ карманъ спекулянта. Громадныя же цѣны, платимыя любителями за произведенія популярнаго художника, не имѣютъ никакого отношенія ни къ дѣйствительной ихъ стоимости, ни къ ихъ цѣнности, а «по большей части выражаютъ лишь степень желанія богачей данной страны пріобрѣсти эти картины». «Такъ что каждымъ рублемъ, переплачиваемымъ вами за картину сверхъ ея стоимости, т.-е. стоимости, окупающей трудъ и время, потраченные художникомъ, вы не только обманываете себя и платите за свое тщеславіе, но и поощряете тщеславіе другихъ и буквально способствуете развитію гордости». Вредъ большихъ цѣнъ на современныя произведенія искусства, заключается прежде всего въ томъ, что эти цѣны платятся какъ разъ за произведенія наименѣе достойныхъ художни-

ковъ, взявшихся за живопись или скульптуру только, какъ за прибыльную профессію; такой порядокъ давитъ тяжелымъ гнетомъ на истинное искусство, извращаетъ вкусъ публики, затмеваетъ, мучитъ и оскорбляетъ истинныхъ художниковъ, а кромѣ того слишкомъ ограничиваетъ распредѣленіе въ народѣ продуктовъ искусства.

Въ вопросѣ о распредѣленіи искусства Рескинъ не даетъ никакихъ особенно цѣнныхъ соображеній. Очевидно, этотъ отдѣлъ занималъ его менѣе другихъ. Онъ, конечно, сторонникъ большихъ національныхъ музеевъ и хранилищъ, но рекомендуетъ по возможности во всѣхъ провинціяхъ устраивать немногочисленныя, но тщательно подобранныя собранія образцовыхъ, хотя бы и не величайшихъ произведеній, для развитія правильнаго вкуса и особенно украшать ими мѣста общественнаго пользованія. Но онъ считаетъ полезнымъ и частныя коллекціи, опасаясь, что какое-нибудь стихійное бѣдствіе, а еще легче самонадѣянный или не по разуму усердный консерваторъ могутъ нанести неисчислимый вредъ слишкомъ большому количеству шедевровъ, тогда какъ послѣдствія несчастныхъ случаевъ ослабляются, если произведенія искусства распредѣляются въ незначительныхъ количествахъ по многимъ мѣстамъ. Это, конечно, противорѣчитъ представленію Рескина о богатствѣ: въ это понятіе входитъ не только обладаніе, но и умѣніе пользоваться извѣстнымъ благомъ. Богатъ не тотъ, кто держитъ свои деньги подъ половицей, а тотъ, кто пріобрѣтаетъ на нихъ пріятные и полезные предметы для себя и другихъ. Страна, гдѣ искусство, хотя бы и въ большомъ количествѣ, хранится подъ замками богатыхъ людей, не доставляетъ своему населенію тѣхъ возвышающихъ радостей, которыя способно дать данное количество искусства, т.-е. крайне бѣдна искусствомъ; лишь та страна богата имъ, гдѣ оно доступно всѣмъ, цѣнимо и понимаемо всѣми.

Но и въ области искусства, какъ и въ области матеріальнаго богатства, корень зла находится не въ системѣ распредѣленія, а въ системѣ производства, и близкое знакомство съ трудящимся людомъ въ различныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ показало Рескину съ полной очевидностью, въ какой тѣсной связи стоитъ характеръ нашего искусства со строемъ современной промышленности. Народныя школы могутъ поднять интеллектуальный уровень извѣстныхъ группъ народа, хорошо поставленное преподаваніе рисованія и другихъ элементовъ искусства можетъ обнаружить много зародышей артистическихъ дарованій, но обычныя условія, въ которыхъ живетъ и работаетъ трудящаяся масса, будутъ мощно стремиться снова понизить достигнутый интеллектуальный уровень, и обнаружившіяся художественныя способности никогда не найдутъ ни малѣйшаго примѣненія за фабричнымъ станкомъ. Да и можно ли требовать или ожидать, чтобы въ средѣ рабочихъ, отдающихъ, поколѣніе за поколѣніемъ, все свое время, всю физическую энергію и здоровье на борьбу за скудный кусокъ хлѣба, осталось до-

статочно бодрости и духовной энергіи нетолько для художественной дѣятельности, но даже для пассивнаго желанія видѣть больше красоты въ своей жизни? Справедливо ли проповѣдовать высшимъ и среднимъ классамъ любовь къ болѣе роскошной жизни,—роскошной не въ смыслѣ расточительнаго тщеславія, а даже въ болѣе законномъ смыслѣ спроса на декоративное искусство, когда эта роскошь оплачивается за счетъ голода и холода менѣе счастливыхъ слоевъ населенія? Моральная сторона проблемы о процвѣтаніи искусства всегда сознавалась Рескиномъ съ особенною силой: онъ находилъ, что «невозможно коснуться какой-либо части этого вопроса безъ того, чтобы не затронуть самаго корня его». Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ свое мнѣніе объ этомъ со свойственной ему колоритностью: «наиболѣе желательный въ Лондонѣ родъ живописи—это окраска щекъ здоровьемъ въ румяный цвѣтъ».

Но и помимо справедливости и состраданія, ставя вопросъ только о простой возможности, Рескинъ приходилъ къ заключенію, что никакое обиліе талантовъ въ народной средѣ не можетъ создать искусства при современномъ строѣ жизни. «Прекрасное искусство,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ лекцій («Современная промышленность и рисованіе» *),—можетъ быть создано только народомъ, который живетъ въ обстановкѣ красивыхъ предметовъ и имѣетъ досугъ смотрѣть на нихъ, и если вы не позаботитесь о томъ, чтобы ваши рабочіе были окружены какими--нибудь элементами красоты, вы увидите, что они не будутъ въ состояніи изобрѣсти никакихъ элементовъ красоты. Какимъ гнетомъ ложится этотъ громадный въ своемъ значеніи фактъ на наши современныя попытки орнаментаціи, я былъ пораженъ, гуляя какъ-то на послѣдней недѣлѣ вечеромъ по предмѣстью одного изъ нашихъ большихъ промышленныхъ городовъ. Я сталъ размышлять о томъ, какъ непохоже впечатлѣніе, вызываемое въ душѣ рисовальщика представившеюся мнѣ картиною, на то, какое получалъ какой-нибудь средневѣковый рисовальщикъ, когда онъ оставлялъ свою мастерскую, отъ картины, которая навѣрно представлялась его глазамъ. Какъ разъ за городомъ я наткнулся на старый англійскій коттэджъ или дворецъ,—ужъ не знаю, какъ назвать его,—подъ самымъ холмомъ, близъ рѣки, построенный, быть можетъ, во времена Карла, съ двухстворчатыми окнами, съ низкими сводчатыми воротами; близъ дома, въ маленькомъ треугольномъ садикѣ можно вообразить себѣ расположившуюся семью, какъ бывало въ старыя времена лѣтомъ; плескъ рѣки слабо доносился сквозь шиповникъ изгороди, и овца на полянѣ свѣтилась издали въ лучахъ вечерняго солнца. Нынѣ, не обитаемый уже много-много лѣтъ, онъ брошенъ безъ призора, въ запустѣніи; садовая калитка все время раскачивается и стучитъ щеколдой; загаженный садъ обращенъ въ кучу золы, и ни одна сорная травка не оставила въ немъ корня; крыша

*) „The two Paths" etc.

зіяетъ безобразными щелями; ставни висятъ сбоку оконъ обрывками гнилого дерева; передъ калиткой рѣчка, которая дѣлала домъ такимъ веселымъ, теперь лѣниво подмачиваетъ его, черная, какъ сажа, и густая отъ сварившихся шлаковъ; берегъ надъ нею растоптанъ въ липкую черную грязь: вдали, насупротивъ, между домомъ и старыми холмами, дымящіяся фабричныя печи города непрерывно заражаютъ воздухъ сѣрнистой тучей; дымные клубы этихъ грозовыхъ тучъ вьются низко надъ обширными полями, лишенными травы, и поля эти разгораживаютъ одно отъ другого не живыя изгороди, а квадратныя каменныя глыбы, похожія на могильныя плиты, скрѣпленныя между собою желѣзомъ». Для пущаго контраста Рескинъ набрасываетъ затѣмъ яркую картину средневѣкового итальянскаго города, какъ онъ развертывался въ своемъ великолѣпіи передъ глазами готическаго мастера, напр., Нино Пизанскаго или кого-нибудь изъ его подручныхъ. «Какъ вы думаете, хорошая ли это школа рисованія?» заключаетъ онъ, и затѣмъ, возвращаясь къ печальной дѣйствительности, настаиваетъ на своемъ мнѣніи: «Для людей, окруженныхъ гнетущей и монотонной обстановкой англійской промышленной жизни, будьте увѣрены, рисованіе прямо невозможно. Изъ всѣхъ наблюденій, вынесенныхъ мною изъ сношеній съ современнымъ рабочимъ, это для меня самое ясное. Онъ интеллигентенъ и изобрѣтателенъ въ высшей степени, у него легкая рука и острый глазъ, но, вообще говоря, онъ совершенно лишенъ способности къ рисованію». Мы видѣли, что въ другомъ мѣстѣ Рескинъ говоритъ, что онъ достигалъ хорошихъ результатовъ, обучая рабочихъ рисованію, но это не нужно считать противорѣчіемъ: по мнѣнію Рескина, всякаго можно научить правильно рисовать съ натуры, также какъ всякаго можно научить говорить по-французски или по-нѣмецки; но подъ способностью къ рисованію въ данномъ случаѣ онъ подразумѣваетъ извѣстнаго рода творческую способность, которая дѣлаетъ, изъ рабочаго художника, какимъ былъ каменщикъ, столяръ и ювелиръ готическаго періода. «И если вы хотите дать ему эту способность,— продолжаетъ авторъ,—вы должны дать ему для этого средства и поставить его въ соотвѣтствующую обстановку. Рисованіе не есть игра праздной фантазіи: это добытый ученіемъ результатъ синтезирующаго (accumulative) наблюденія и радостнаго состоянія духа. Безъ наблюденія и опыта—нѣтъ рисованія, безъ покойнаго и веселаго характера труда—нѣтъ рисованія, и всѣ на свѣтѣ лекціи, уроки, преміи и правила искусства безполезны до тѣхъ поръ, пока вы не окружите вашихъ людей счастливыми условіями и прекрасными предметами. Имъ невозможно имѣть правильное понятіе о цвѣтахъ, если они не видятъ чудныхъ красокъ природы въ неиспорченномъ видѣ; имъ невозможно вводить красивыя случайности и движеніе въ свой орнаментъ, если они не видятъ на свѣтѣ вокругъ себя красивыхъ случайностей и движенія. Дайте развитіе ихъ уму, сдѣлайте ихъ образъ жизни изящнѣе,

и вы этимъ разовьете и сдѣлаете изящнѣе ихъ рисунки; но оставьте ихъ безграмотными, въ неуютной обстановкѣ, среди некрасивыхъ предметовъ, и все, что они будутъ дѣлать, всегда будетъ фальшиво, вульгарно и безъ цѣны».

Съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны эти горячія слова, родилось и состарилось цѣлое поколѣніе. Многое измѣнилось на свѣтѣ, новые опыты и наблюденія дали людямъ новый матеріалъ для размышленій. Трудящіеся классы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ, тяжелымъ напряженіемъ силъ завоевали себѣ болѣе человѣческое существованіе: на нихъ не смотрятъ уже, какъ на самыя несовершенныя орудія производства; во многихъ мѣстахъ стали считаться съ ихъ психологіей; ихъ умственное развитіе сдѣлало громадные успѣхи, не говоря уже о простой грамотности; у нихъ явились болѣе сильные запросы духовной пищи. Съ другой стороны наблюдается, что безобразіе и грязь большихъ промышленныхъ городовъ не въ силахъ убить художественнаго творчества. Въ полумракѣ узкихъ переулковъ, между многоэтажными казарменными домами, въ несмываемой копоти фабричнаго неба, подъ прозаическими сводами сквозныхъ вокзаловъ, въ изрытыхъ и безплодныхъ пустыряхъ городскихъ окраинъ и въ опустошенной душѣ ихъ обитателей новѣйшіе художники открыли природу, и игру красокъ, и красоту, и поэзію, и величіе. Рескинъ, конечно, съ негодованіемъ отвергнулъ бы такую профанацію искусства, но, по крайней мѣрѣ, онъ не могъ бы отрицать, что даже въ такой обстановкѣ иногда зарождается фантазія, способная приблизиться къ тому, что самому Рескину казалось поэзіей: какъ разъ, когда онъ произносилъ выше цитированныя филиппики, дѣлалъ свои первые крупные шаги Бернъ-Джонсъ, молодой художникъ, который родился и провелъ всю свою раннюю юность въ такой, казалось бы, антихудожественной средѣ, какъ Бирмингамъ, въ самомъ центрѣ меркантильныхъ интересовъ, и несмотря на это, онъ внесъ въ англійское искусство какъ бы струю примитивной средневѣковой и классической легенды и такую необыкновенную силу художественной изобрѣтательности, которой не могъ не признать и самъ Рескинъ *).

Такимъ образомъ уже позволительно, быть можетъ, предвидѣть, что для зарожденія новаго искусства, имѣющаго шансы стать народнымъ, человѣчеству не придется возвращаться ни къ пастушеской цивилизаціи, ни даже къ средневѣковымъ гильдіямъ и цехамъ. Техническія силы, которыя люди пустили въ ходъ, но еще не подчинили интересамъ своего общежитія, по существу своему вовсе не заключаютъ въ себѣ отрицанія духовной свободы массъ, этого необходимаго условія всякаго народнаго искусства. Машинная промышленность, которая, какъ потокъ, разлилась по лицу міра, своею разрушительною

*) „The Art of England"; Lect. II, „Mythic Schools of Painting".

*

мощью гнететъ впечатлительное воображеніе художниковъ и поэтовъ, какъ море, вѣроятно, угнетало воображеніе первобытнаго человѣка: его собственная сила казалась ему такою безконечно ничтожною сравнительно съ гигантскимъ прибоемъ кипящихъ валовъ, что онъ могъ только трепетать передъ злобой этого безпощаднаго бога. Какимъ жалкимъ, ограниченнымъ и разъединеннымъ осталось бы человѣчество, если бы оно не научилось бороться, а потомъ и побѣждать капризную стихію воды, и какъ много несравненной красоты и поэзіи осталось бы неизвѣстно людямъ!

Нужно, впрочемъ, сейчасъ же прибавить, что Рескинъ никогда не мечталъ о реставраціи среднихъ вѣковъ, какъ ему приписываетъ ходячая молва. Онъ былъ настолько уменъ, что понималъ невозможность подобнаго строя, и настолько реально представлялъ себѣ средневѣковую жизнь, что не могъ не видѣть темныхъ сторонъ этого строя. Какъ ни прекрасна была Пиза во время расцвѣта своей архитектуры, «я повторяю,—говоритъ Рескинъ,—что я не предлагаю и не желаю, чтобы вы построили новую Пизу... Намъ не нужно возвращаться ни къ жизни, ни къ декоративному искусству XIII столѣтія; обстановка, которою вы должны окружить вашихъ рабочихъ, это простая и счастливая современная англійская жизнь, ибо рисунки, какіе вы можете требовать отъ вашихъ рабочихъ, должны сдѣлать современную англійскую жизнь красивою. Вся пышность среднихъ вѣковъ, какъ бы она ни казалась красивой въ описаніи, во многихъ отношеніяхъ она и на самомъ дѣлѣ была благородна, тѣмъ не менѣе въ своей основѣ и въ своей цѣли была полна гордости — гордости такъ называемыхъ высшихъ классовъ; гордость эта поддерживалась насиліемъ и грабежемъ и, въ концѣ концовъ, привела къ разрушенію какъ самаго искусства, такъ и тѣхъ государствъ, въ которыхъ оно процвѣтало».

Вскорѣ Рескинъ понялъ безрезультатность подобныхъ призывовъ, обращаемыхъ къ промышленнымъ классамъ. Его заманчивымъ перспективамъ противопоставлялись «экономическіе законы», которыми-де управляется человѣческая жизнь и противъ которыхъ бунтъ безсиленъ, какъ противъ законовъ природы. Тогда онъ рѣшилъ ближе присмотрѣться къ этимъ «законамъ», и въ результатѣ пятилѣтняго одинокаго труда и размышленія онъ разсмѣшилъ однихъ и разсердилъ другихъ радикальной перестройкой всей системы экономической науки. Политическая экономія,—говорилъ онъ,—если она не есть просто апологія современной капиталистической и машинной промышленности, должна разсматривать всѣ формы человѣческаго труда; если она имѣетъ претензію направлять и регулировать человѣческую жизнь, она должна принять во вниманіе всѣ потребности человѣческой природы, духовныя не менѣе, чѣмъ матеріальныя, должна вести человѣчество къ счастью, а не къ накопленію сомнительнаго достоинства фабрикатовъ. Законъ конкуренціи не есть законъ, потому что имъ опредѣляются

не всѣ людскія отношенія. Законъ спроса и предложенія не есть законъ, потому что ему подчинена не вся область человѣческаго труда, и нелѣпо утверждать, что Дюреръ, затрачивая трудъ даромъ на лучшія свои произведенія, самъ предъявлялъ спросъ на нихъ.

Всю свою критическую работу надъ экономическими теоріями Рескинъ производилъ въ тяжеломъ душевномъ состояніи, угнетаемый мыслью о жестокой несправедливости соціальнаго строя. «Покой, въ которомъ я въ настоящее время нахожусь,—писалъ онъ въ частномъ письмѣ,—подобенъ тому, какъ если бы я зарылся въ кустъ травы на орошенномъ кровью полѣ битвы, вопль земли непрестанно въ моихъ ушахъ, если я не прячу своей головы на самое дно». И нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе опять: «Мнѣ все еще очень плохо, я мучусь между жаждой покоя, пріятной жизни и страшнымъ сознаніемъ, что меня зовутъ противостоять человѣческому злодѣйству и помочь человѣческой нищетѣ, хотя мнѣ кажется, что безнадеженъ этотъ призывъ изъ кровавой рѣки, которая только можетъ смыть меня въ свою черную гущу» *). Это мучительное состояніе отвѣтственности за торжествующее кругомъ зло продолжалось у него много лѣтъ. Предпринявъ серію писемъ—нѣчто въ родѣ «дневника писателя»—«къ великобританскимъ рабочимъ и труженикамъ» въ самый разгаръ осады Парижа пруссаками Рескинъ пишетъ: «Я человѣкъ не свободный отъ эгоизма, я живу не по Евангелію; мнѣ не доставляетъ особеннаго удовольствія дѣлать добро; дѣлая добро, я не прочь ждать воздаянія за это въ иномъ мірѣ. Но просто я не могу ни рисовать, ни читать, ни разсматривать минералы, ни вообще дѣлать что-нибудь, что я люблю, я ненавижу ясный свѣтъ утренняго неба, вслѣдствіе бѣдствій, о которыхъ я знаю или догадываюсь по признакамъ, если не знаю о нихъ, которыя никакое воображеніе не можетъ представить себѣ въ слишкомъ черномъ видѣ». Но здоровой, энергичной натурѣ Рескина несвойственно было посыпать пепломъ главу и предаваться пессимистическимъ ламентаціямъ. «Отнынѣ,—прибавляетъ онъ сейчасъ,—я не хочу больше спокойно переносить это, и вмѣстѣ съ немногими или многими, которые захотятъ помочь мнѣ, я буду дѣлать все, что въ моихъ слабыхъ силахъ, чтобы уничтожить эти бѣдствія». Но прежде всего нужно выяснить свое положеніе и свою точку зрѣнія. «Моя особенная радость въ послѣднее время была связана съ исполненіемъ извѣстнаго долга. Мнѣ поручено было приложить старанія, чтобы наша англійская молодежь нѣсколько подумала объ искусствѣ; и я долженъ напрягать всѣ силы для исполненія этого дѣла. Съ этою цѣлью я долженъ очистить себя отъ всякаго чувства отвѣтственности за матеріальныя бѣдствія кругомъ меня, выяснивъ вамъ, разъ навсегда, самымъ внятнымъ англійскимъ языкомъ, какимъ я только могу, что я знаю объ ихъ при-

*) Collingwood, II, 7.

чинахъ, и указавъ вамъ нѣкоторые изъ способовъ, которыми они могутъ быть устранены» *).

Для исцѣленія міровыхъ золъ Рескинъ не надѣется, какъ другіе утописты, на взаимодѣйствіе свободныхъ личностей и на торжество равенства. Онъ принадлежитъ къ другой категоріи соціальныхъ мечтателей. Какъ Макіавелли, Гоббсъ, Жозефъ де-Местръ и Карлейль, онъ глубоко убѣжденъ, что свобода ведетъ къ анархіи и торжеству злыхъ, что Провидѣніе создало людей неравными въ самыхъ основахъ ихъ духовной природы, и поэтому идеальное общество представлялось ему не въ видѣ непринужденнаго союза братски относящихся другъ къ другу индивидуумовъ, а въ видѣ принудительной, почти деспотической феодальной іерархіи, которая должна осуществлять въ средѣ своихъ членовъ счастье помимо, а въ случаѣ надобности и противъ ихъ воли **). Государство должно регулировать всѣ отношенія между людьми, начиная съ брачныхъ: счастливымъ человѣчество можетъ быть только при условіи здоровья, а здоровье прежде всего зависитъ отъ благопріятной комбинаціи наслѣдственности; поэтому государственная власть должна не только запрещать прямо вредные въ общественномъ смыслѣ браки, но и во всѣхъ брачныхъ союзахъ регулировать возрастъ, характеръ, физическія и нравственныя качества брачущихся. Происшедшимъ отъ такихъ нормированныхъ союзовъ дѣтямъ государство должно гарантировать высшее образованіе, какое только каждый способенъ вмѣстить, и никакія матеріальныя жертвы не должны казаться слишкомъ большими, чтобы дать развиться всѣмъ полезнымъ способностямъ, чтобы вызвать наружу всѣ таланты, въ какой бы то ни было области: общество должно быть увѣрено, что «ни одинъ Джіотто не останется въ горахъ пасти овецъ». Но несмотря ни на какое образованіе и развитіе, человѣчество всегда будетъ дѣлиться по своей природѣ на господъ и подданныхъ, и почти всегда это будетъ соотвѣтствовать происхожденію. Всегда общество будетъ выдѣлять извѣстное количество преступныхъ натуръ, которымъ будутъ поручаться самыя тяжелыя, унизительныя и опасныя работы, и даже отвращеніе цивилизованнаго общества къ смертной казни Рескинъ считаетъ фальшивой сентиментальностью. Выше преступниковъ, но ниже всѣхъ остальныхъ будутъ люди, неспособные ни на какой другой трудъ, кромѣ чисто физическаго, а въ глазахъ Рескина это признакъ и условіе рабства; эти рабы будутъ рудокопами, кочегерами, матросами и т. п. Далѣе идутъ уже болѣе почтенныя и интеллигентныя занятія: земле-

---

*) „Fors Clavigera“, I, letter 1.

**) Свою схему идеальнаго общественнаго строя Рескинъ излагаетъ въ „Time and Tide“, но многія частности и отдѣльныя мысли разбросаны почти по всѣмъ его сочиненіямъ.

дѣліе и ремесла. Послѣднія уже могутъ быть связаны съ изобрѣтательностью и искусствомъ, а потому это уже вполнѣ благородная дѣятельность. Земледѣліе, какъ и промышленность должны быть подъ бдительнѣйшимъ надзоромъ и руководствомъ государства. Надъ каждыми 100 семействами въ деревнѣ будетъ стоять нѣчто въ родѣ просвѣщеннаго сотскаго или добродѣтельнаго бурмистра, который обязанъ входить во всѣ подробности ихъ хозяйства, давать о нихъ ежегодный отчетъ государству, руководить, поучать, предостерегать и въ случаѣ надобности спасать отъ разоренія. Высшій же классъ будетъ держать всю власть и управлять низшими: самые сильные будутъ охранять законы и порядокъ; предусмотрительные будутъ нормировать производство и распредѣленіе богатствъ, такъ чтобы предохранить низшіе классы отъ нужды, бѣдствій и собственнаго безразсудства; ученые и художники будутъ заниматься своею профессіей, какъ общественной функціей; наконецъ родовая земельная аристократія сохранитъ свои обширныя помѣстья для представительства и будетъ исполнять свой общественный долгъ простымъ своимъ существованіемъ, украшая государство своимъ благородствомъ и высшей культурой. Во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій спеціализаціи и раздѣленія труда, всѣ отъ низшаго до высшаго, не исключая сыновей короля, должны будутъ что-нибудь умѣть дѣлать собственными руками, и всѣ, за исключеніемъ развѣ высшей аристократіи, будутъ фактически принимать участіе въ физической работѣ. При этихъ примѣрно условіяхъ Рескинъ убѣжденъ, что будетъ обезпечено наибольшее количество возможнаго на землѣ счастья, взаимное благожелательство между высшими и низшими, чувство внутренней свободы и благородное соревнованіе въ извѣстныхъ предѣлахъ, не имѣющее ничего общаго съ существующей нынѣ конкуренціей. Этой цѣной на землю опять сойдетъ красота, и возродится искусство, можетъ быть, великое и во всякомъ случаѣ народное.

Мы не будемъ оцѣнивать этой соціальной схемы. Она слишкомъ чужда намъ, чтобы стоило серьезно обсуждать ее. Кромѣ того, она слишкомъ утопична, чтобы быть опасной. Поставимъ лучше рядомъ съ Рескиномъ другого англійскаго дѣятеля, писателя и художника, который также глубоко любилъ искусство,также сильно чувствовалъ жестокость и несправедливость современнаго рабства и также энергично призывалъ къ лучшему будущему, но былъ антиподомъ Рескина по своимъ идеаламъ.

Вильямъ Моррисъ (1834—1896).

У насъ до половины столѣтія колыбелью всякой поэзіи и идеализма была помѣщичья усадьба, на фонѣ трагической идилліи крѣпостного права. Такъ точно въ Англіи въ тотъ же періодъ времени наиболѣе

оригинальные и одаренные люди, писатели, мыслители, художники выходили изъ богатыхъ семействъ торговой и промышленной буржуазіи, завоевавшей міровой рынокъ своей упорной энергіей и предпріимчивостью, своею корректною дѣловитостью въ торговыхъ сдѣлкахъ и поработившей своихъ собственныхъ производителей такимъ же упорнымъ корыстолюбіемъ и эгоизмомъ. Рескинъ былъ сынъ виноторговца, оставившаго ему болѣе полутора милліона рублей наслѣдства. Вильямъ Моррисъ былъ сынъ банкира, и накопленное отцомъ состояніе дало сыну возможность впослѣдствіи не заботиться о хлѣбѣ насущномъ на завтрашній день и широко поставить свои художественно-промышленные эксперименты.

Счастливое дѣтство въ дружной семьѣ, совсѣмъ не стѣснительная школьная дисциплина, увлекательныя скитанія по обширнымъ вѣковымъ лѣсамъ вокругъ загородной резиденціи, весьма опредѣленная съ самаго дѣтства любовь къ романтической старинѣ и фантазированію, не стѣсняемому предѣлами возможнаго, необыкновенная зрительная память,—всѣ эти данныя съ самаго начала могли внушить мысль, что Вильяму Моррису предстоитъ будущность художника. Дѣйствительно, артистическія наклонности сказывались въ немъ съ раннихъ поръ, но ему казалось, что его зоветъ другое призваніе: онъ поступилъ въ оксфордскій университетъ съ намѣреніемъ посвятить себя духовной карьерѣ, и вокругъ него группировался цѣлый кружокъ друзей, въ томъ числѣ будущій знаменитый художникъ Бернъ-Джонсъ, увлекавшихся идеей о монастырскомъ общежитіи съ цѣлью борьбы противъ матеріализма вѣка путемъ духовно-нравственнаго возрожденія человѣчества. Скоро, однако, артистическія тенденціи превозмогли, и проектъ монастырскаго общежитія эволюціонировалъ въ проектъ художественнаго братства, нѣчто въ родѣ артели, также съ нравственно-преобразовательными задачами, осуществляемыми при помощи искусства. Рѣшающимъ литературнымъ вліяніемъ было вліяніе Рескина, его завершенныхъ къ тому времени «Современныхъ художниковъ» и особенно «Камней Венеціи», гдѣ искусство освѣщалоеь съ такой новой стороны. Моррисъ рѣшаетъ сдѣлаться архитекторомъ, но безнадежная ремесленность современной архитектурной практики оттолкнула его отъ этой дѣятельности. Вскорѣ Моррисъ вмѣстѣ съ Бернъ-Джонсомъ попадаютъ въ сферу личнаго вліянія знаменитаго Россетти, одного изъ трехъ иниціаторовъ прерафаэлитскаго братства, по направленію своего таланта особенно близкаго къ идеямъ Рескина и пользовавшагося неизмѣнной симпатіей и поддержкой послѣдняго. По убѣжденію Россетти, на свѣтѣ существуетъ лишь одно достойное человѣка занятіе—живопись. Хотя онъ самъ былъ выдающимся поэтомъ, но утверждалъ, что въ литературѣ уже все сказано, тогда какъ въ живописи еще все остается сказать, что человѣчество раздѣляется на двѣ части: назначеніе однихъ—

писать картины, назначеніе другихъ, которые этого не могутъ—покупать картины. Идея о нравственно-возрождающемъ вліяніи искусства на человѣчество была въ высшей степени дорога прерафаэлитамъ, и это-то главнымъ образомъ и привлекало молодыхъ оксфордскихъ друзей къ Россетти. Руководство послѣдняго для Бернъ-Джонса оказалось рѣшающимъ: онъ посвятилъ себя живописи, не только какъ профессіи, но какъ нравственной миссіи. Но Моррисъ, несмотря на свои выдающіяся способности къ рисованію и особенно сильное чувство красокъ, не могъ спеціализироваться и въ этой отрасли искусства. Чтобы искусство могло выполнить роль, которая ему подобаетъ, по мнѣнію Морриса, оно должно проникать всю жизнь. Картины, которыя развѣшиваются въ галлереяхъ или по стѣнамъ частнымъ жилищъ, могутъ сами по себѣ быть очень хороши, но это оазисы, исчезающіе въ безконечно унылой пустынѣ прозаической жизни, лишенной въ наше время всякаго элемента живой красоты. Независимо отъ Рескина, авторитетъ котораго только санкціонировалъ вкусы Морриса, послѣдній возвращался мыслью къ готическому періоду среднихъ вѣковъ, когда каждое ремесло было искусствомъ, когда дѣятельность творческаго вообраѫенія, присущаго болѣе или менѣе всѣмъ людямъ, не была подавлена чрезмѣрнымъ трудомъ и находила приложеніе въ производствѣ самыхъ обыденныхъ предметовъ, какъ и самыхъ праздничныхъ, отъ прялки въ крестьянской хатѣ до неподражаемыхъ витражей и скульптурныхъ порталовъ гигантскихъ соборовъ.

Какъ и Рескинъ, Моррисъ никогда не могъ хранить свои завѣтныя убѣжденія про себя, въ видѣ частнаго достоянія, и не сдѣлать попытки убѣдить въ томъ другихъ и даже провести свои взгляды въ жизнь. Такъ, еще будучи ученикомъ Россетти и занимая съ Бернъ-Джонсомъ одно помѣщеніе, онъ задумалъ обзавестись мебелью по собственному вкусу и совершенно устранить отвратительную для него магазинную красоту. На этомъ скромномъ опытѣ онъ воочію увидѣлъ, насколько современный ремесленникъ не похожъ на средневѣковаго: исполненіе самыхъ простыхъ чертежей, отличныхъ отъ модныхъ шаблоновъ, встрѣчало часто непреодолимыя затрудненія, потому что ремесленники считали ихъ безобразными и старались подогнать подъ свои рутинные образцы, освященные рыночнымъ спросомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Моррисъ задумалъ произвести опытъ въ болѣе широкомъ масштабѣ. Заручившись содѣйствіемъ самыхъ выдающихся художниковъ, своихъ друзей, въ томъ числѣ Россетти, Мэдокса Броуна, Бернъ-Джонса, архитектора Филиппа Уэбба, онъ предпринялъ постройку собственнаго дома (извѣстнаго «Red House»), внѣ Лондона, съ тѣмъ, чтобы не только самый домъ, но каждая вещь обстановки, до мельчайшихъ подробностей, были исполнены по оригинальнымъ рисункамъ. Принципъ, положенный въ основу всей этой работы, заклю-

чался прежде всего въ простотѣ и цѣлесообразности; каждый предметъ долженъ былъ возможно лучше исполнять свое практическое назначеніе, и въ зависимости отъ этого уже допускалось придавать ему изящную форму или декорировать его, какъ подсказывала художнику его фантазія; всякое подражаніе стариннымъ образцамъ было совершенно устранено. Для всѣхъ участниковъ предпріятія это была не просто заказная работа, а интересный, увлекательный опытъ: въ ихъ письмахъ постоянно встрѣчаются обсужденія, оцѣнки различныхъ подробностей; Бернъ-Джонсъ въ одномъ изъ такихъ писемъ съ восторгомъ восклицаетъ, что «Red-House»—это «самое прекрасное мѣсто на землѣ».

Выполненіе художественныхъ проектовъ и въ данномъ случаѣ было очень затруднительно, потому что за неимѣніемъ артистически развитыхъ мастеровъ приходилось отдавать заказы обычнымъ торговымъ фирмамъ, которыя съ величайшимъ презрѣніемъ относились къ нелѣпымъ съ точки зрѣнія ихъ практики затѣямъ чудаковъ, не желающихъ довольствоваться общепризнанной красотой въ стилѣ «ампиръ», «буль», «рококо» и т. п. Отсюда въ кружкѣ Морриса возникъ проектъ основать на паяхъ компанію для производства по возможности въ собственныхъ мастерскихъ или по крайней мѣрѣ подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ всевозможныхъ предметовъ прикладного искусства. Такимъ образомъ возникла знаменитая впослѣдствіи художественно-промышленная фирма «Моррисъ и К°», которая по свидѣтельству вѣскихъ наблюдателей «измѣнила видъ половины лондонскихъ домовъ и замѣнила безобразіе искусствомъ по всему лицу Англіи *)». Для воспитанія общественнаго вкуса въ желательномъ для Морриса направленіи изъ всѣхъ продуктовъ фирмы особенное значеніе имѣли многочисленные церковные витражи, исполненные большею частью по рисункамъ Бернъ-Джонса и достигшіе такой красоты, какой они не имѣли уже со времени Дюрера, и бумажные обои по рисункамъ самого Морриса: первые были доступны всѣмъ и каждому по своему назначенію, вторые по своей сравнительно невысокой цѣнѣ получили широкое распространеніе въ Англіи. Въ общемъ, однако, произведенія фирмы (ковры, гобелены, изразцы, мебель и др.), при всей своей красотѣ и при всемъ своемъ практическомъ достоинствѣ, остались достояніемъ лишь небольшого круга богатыхъ покупателей или художественно-промышленныхъ музеевъ, т.-е. имѣли также мало права претендовать на роль народнаго искусства, о которомъ Моррисъ мечталъ, какъ и вообще всякое искусство новѣйшаго времени **). Въ этомъ

---

*) Aymer Vallance „William Morris, his Art, Writings and Public Life“, London, 1898, стр. 144.

**) Достаточно указать хотя бы на цѣны изданій Морриса (знаменитая марка „Kelmscott Press“), которымъ онъ отдалъ послѣдніе годы своей жизни

отношеніи, впрочемъ, Моррисъ нисколько не обманывался. Дешевое искусство онъ считалъ неосуществимой утопіей, такъ какъ художественное производство по существу своему должно быть ручнымъ. Что подавляющее большинство людей не въ состояніи оплачивать дорогихъ предметовъ искусства, въ этомъ по мнѣнію Мориса виноватъ современный соціальный строй: противъ него безсильны художники въ своихъ произведеніяхъ. Цѣль, которую Моррисъ ставилъ своей фирмѣ, находится въ связи съ его ученіемъ о томъ, что только одно прикладное искусство, обнимающее всѣ стороны жизни, есть живое искусство, а музейныя картины и статуи, составляющія содержаніе современнаго искусства, это печальные признаки вымиранія, продуктъ вреднаго выдѣленія художественной дѣятельности въ спеціальную профессію.

Попутно Моррисъ получалъ цѣнныя наблюденія надъ способностью современныхъ рабочихъ къ художественной дѣятельности. Онъ исходилъ изъ принципа, что всѣ люди, за исключеніемъ рѣдкихъ аномалій, не только способны чувствовать и цѣнить красоту, но и обладаютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ творческимъ дарованіемъ; если же въ настоящее время эти способности и дарованія атрофировались, то это результатъ антихудожественной обстановки, среди которой живетъ современный человѣкъ: стоитъ оградить его отъ притупляющаго вліянія господствующаго безобразія, и въ немъ снова проснутся артистическія силы, утраченныя было за отсутствіемъ упражненія. Моррисъ доказывалъ это положеніе практически тѣмъ, что никогда не подбиралъ для своихъ мастерскихъ спеціально одаренныхъ рабочихъ. Онъ держался въ этомъ отношеніи такой системы: когда въ какой-нибудь отрасли его производства требовались лишнія руки, онъ бралъ перваго попавшагося рабочаго, преимущественно мальчика и засаживалъ его за станокъ, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ не только объ его сытости, но и объ его умственномъ развитіи; при этомъ работа, которую ему давали въ руки, была не механическая, а требовала извѣстнаго вкуса, самостоятельности и полнаго пониманія воспроизводимаго рисунка художника. И за всю практику Морриса, болѣе чѣмъ тридцатилѣтнюю, ни разу не случилось, чтобы принятый въ мастерскую мальчикъ оказался неспособнымъ къ артистической работѣ *). Резуль-

---

весь комплектъ этихъ изданій въ количествѣ 53-хъ первоначально стоилъ около 1,500 руб., а по смерти Морриса продается почти втрое дороже; одно изъ самыхъ меньшихъ изъ нихъ—брошюра Рескина „О сущности готики“, которой Моррисъ придавалъ необыкновенно высокое значеніе, продается теперь за 2 гинеи (30 руб.), въ обыкновенномъ изданіи она стоитъ 1 шиллингъ (47 коп.).

*) J. W. Mackail, „Tch Life of William Morris“ London, New-York and Bombay 1899, II, 47—48; также Vallance, 121.

татъ этотъ вполнѣ согласуется съ наблюденіями Рескина и подтверждаетъ его убѣжденіе, что обстановка жизни мощно вліяетъ на развитіе въ народѣ художественныхъ инстинктовъ.

Помимо напряженной дѣятельности въ области прикладного искусства, Моррисъ съ неменьшей энергіей, чѣмъ Рескинъ, велъ неустанную пропаганду въ пользу своихъ взглядовъ словомъ и перомъ. Не владѣя краснорѣчіемъ Рескина, онъ увлекалъ слушателей своей горячей любовью къ искусству, вѣрою въ хорошія стороны человѣческой природы. Очень долгое время, до сорокалѣтняго возраста, Моррисъ считалъ, что общественная дѣятельность не его область. Онъ причислялъ себя «къ тому обширному классу людей—смирныхъ людей, которые дѣлаютъ свое прямое практическое дѣло (business), обращая на общественныя дѣла меньше вниманія, чѣмъ они того требуютъ». Какъ поэтъ, какъ художникъ онъ жилъ въ давно прошедшихъ вѣкахъ: легендарный міръ славнаго короля Артура и его Круглаго Стола, міръ суровыхъ викинговъ, заселившихъ Исландію, міръ средневѣковыхъ наивныхъ хроникъ и великихъ готическихъ соборовъ былъ ему ближе, чѣмъ прозаическая Англія XIX-го вѣка, и если онъ въ своихъ поэмахъ изрѣдка мысленно обращается къ современности, то только за тѣмъ, чтобы бросить ей упрекъ въ безобразіи. Построить себѣ дворецъ искусства, въ которомъ онъ и нѣсколько единомышленниковъ-друзей могли бы оградить себя отъ этого безобразія, предоставить и другимъ возможность, если они того желаютъ, окружить себя истинно прекрасными предметами—вотъ цѣль, которую ставилъ себѣ Моррисъ. Но безвкусіе и безобразіе окружающей жизни наполняли атмосферу, какъ болотные міазмы отъ которыхъ не ограждаетъ ни высокая дворцовая стѣна, ни тщательно воздѣланный садъ вокругъ. Логикой вещей онъ былъ втянутъ въ водоворотъ тревогъ и волненій внѣшняго міра, былъ принужденъ прислушаться къ его жалобамъ, составить себѣ систему общественныхъ взглядовъ и взять на себя свою часть въ великой промышленной битвѣ. «Что онъ не колебался, на чью сторону стать и съ кѣмъ соединить свой жребій, этому нельзя удивляться, если принять во вниманіе цѣлостность его натуры», такъ говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ сотрудниковъ Морриса, извѣстный художникъ Уалтеръ Крэнъ *).

В. Дегенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Vallance, 227.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Годы 1850 и 1851).

*(Окончаніе *).*

XXII.

Въ праздничные дни, особенно въ длинные, зимніе вечера, мнѣ случалось быть свидѣтелемъ арестантскихъ забавъ. Изъ таковыхъ наиболѣе привлекали меня *пляски* и *сказки*. Ихъ попробую описать въ отдѣльности, насколько память моя не измѣнитъ мнѣ. Но я долженъ сознаться, что, замышляя это, я стою едва ли не передъ самой трудной задачей предпринятаго мною труда, и что только побуждаемый горячимъ желаніемъ записать хоть что-либо изъ видѣнныхъ мною этихъ удивительныхъ зрѣлищъ, я отваживаюсь прикоснуться къ описанію ихъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ. Эти невинныя развлеченія производили всеобщее оживленіе толпы, какъ бы ими вырывавшейся на свободу, людей, замученныхъ тяжкой неволей. Много забыто въ жизни, но не все.

Въ пляскѣ принимали живое участіе, какъ зрители, болѣе или менѣе всѣ арестанты, но помѣщеніе для этого зрѣлища было неудобное по тѣснотѣ пространства. Пляски производились въ среднемъ проходѣ— въ болѣе глубокой части его, т.-е. во второй половинѣ отъ входа изъ сѣней,—такъ что хорошо любоваться этимъ зрѣлищемъ могли только жители нижнихъ и верхнихъ наръ задней половины казармы, но пляски привлекали всѣхъ, и все свободное пространство на нижнихъ и верхнихъ нарахъ наполнялось всѣми живущими въ казармѣ. Освѣщеніе отъ маленькихъ лампъ было очень слабое, потому во всемъ отдѣленіи для плясокъ устраивалось оно помощью зажигаемыхъ камышевыхъ лучинъ. Высокіе тростники камышей, которыми топилась печь, приносимы были въ достаточномъ количествѣ, чтобы ярко освѣтить впродолженіи небольшого времени темную, плясочную арену. Все готово. Ударили въ двѣ балалайки плясовую, но никто сейчасъ не выходилъ, тогда стали заохочивать, припѣвая подъ ладъ разныя слова:

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

Ой, вы наши молодцы, что стоите удальцы?
Выходите прогуляться, дать собой полюбоваться!..

Балалайки гремѣли громче, припѣвы съ разными присочиняемыми тутъ же словами продолжались.

Вотъ, выступилъ одинъ, повидимому старикъ, но съ первыхъ пріемовъ, какъ развернулся, сразу помолодѣлъ и заинтересовалъ всѣхъ. Онъ прошелся разъ—два и остановился на своемъ прежнемъ мѣстѣ, поджидая... Балалайки бренчали. Насупротивъ его выходитъ одинъ изъ стоявшихъ—тоже уже немолодой. Онъ выпрямился, подбоченясь и поднявъ голову, потопталъ ногами и бросился въ живую пляску; плясавшій прежде выступилъ снова, и, обмѣнявшись выходами нѣсколько разъ, они отошли въ толпу. Балалайки не переставали бренчать, лучины камышинъ дружно вспыхивали, подпѣвалы пѣли, присочиняя все разныя слова. Выходитъ юноша, какъ молодица—маленькій ростомъ, бѣлый, красивый, круглолицый,—онъ въ кандалахъ! Вышелъ, сталъ, смотритъ на всѣхъ и задумался. При музыкѣ и пѣсняхъ, онъ встрѣченъ громкими возгласами привѣтствій, и подпѣвалы запѣли подъ ладъ балалаекъ:

Степа, Степа! Нашъ голубчикъ, нашъ плясунчикъ золотой!

(Это былъ вышеупомянутый юный Степанъ Колюжный).

Потоптавшись на мѣстѣ съ поднятой гордо головой, побренчавъ кандалами, онъ выскочилъ на середину арены и пустился выдѣлывать съ чрезвычайной быстротой и ловкостью своеобразныя, ему одному только свойственныя увертки—выворачивая пятками, стуча каблуками, выкидывая впередъ то ту, то другую ногу и въ это время подскакивая, ударяя въ ладоши подъ колѣнами, то раздвигая ноги съ откинутой назадъ головой, то сближая ихъ вновь, онъ хлопалъ пятками и ладошами. Затѣмъ прикидаваясь усталымъ, изнеможеннымъ, опускалъ голову на грудь и вдругъ, подскакивая, выпрямлялся и пускался въ присядку. Музыка бренчала звонко, хоръ запѣвалъ подхватывалъ:

Степа, Степа! Нашъ голубчикъ, нашъ плясунчикъ золотой!
Наша радость, нашъ молодчикъ! Нашъ красавчикъ дорогой!

Степа плясалъ... Отовсюду между пѣснями раздавались ликующіе крики одобренія, воодушевленіе было полное,—вдругъ онъ сталъ и замахалъ руками, желая сказать что-то... Все остановилось въ ожиданіи:

— О, то!—сказалъ онъ.—Подивитесь!—при этомъ онъ поднялъ и вытянулъ одну ногу—подошва сапога, оторванная спереди, висѣла на половинѣ ступни...

— Доплясался!—добавилъ онъ. Раздался хохотъ, и съ верхнихъ наръ упали внизъ двѣ пары сапоговъ.

— Надѣнь, надѣнь, пляши, пляши...

Онъ надѣваетъ сапоги, прохаживается, смотритъ вверхъ и говоритъ смѣясь: «добре!» И забренчали вновь балалайки, и Степа, забренчавъ

кандалами, возобновилъ пляску, выдѣлывая все новыя фигурки, не повторяясь. Затѣмъ остановился и сѣлъ.

Музыка и пѣніе затихли, настала тишина...

Всѣ чего то ожидали, вдругъ въ толпѣ стало повторяться чье-то имя, сначала шопотомъ. а потомъ все громче, и выразилось единодушными, неумолкавшими криками: Глущенко, Глущенко!

Сидѣвшій на нижнихъ нарахъ въ толпѣ Глущенко, обремененный тяжелыми звеньями, былъ лучшій танцоръ. Онъ всталъ и вышелъ на середину. Захлопали всѣ въ ладоши, забренчали звонко балалайки, и подпѣвалы запѣли:

Нашъ Глущенко богатырь! Намъ на славу богатырь!
Брамъ—брамъ—брамъ—брамъ—брамъ—брамъ.
Брамъ—брамъ—брамъ...

Сначала онъ, какъ и предыдущій, побренчалъ своими звеньями, потомъ, все болѣе и болѣе оживляясь, развернулъ всю свою мощь, производя со звономъ цѣпей самыя быстрыя, самыя ловкія движенія руками и ногами. Порою онъ, склонившись впередъ, пригибался смиренно, топчась и медленно подвигаясь, выглядывалъ какъ бы робкимъ взглядомъ и затѣмъ, вдругъ выпрямляясь, бурнымъ вихремъ кружился по аренѣ и, пріостановившись, пустился въ присядку, выбрасывая ноги, звонившія цѣпями.

По мѣрѣ все большаго оживленія веселящейся толпы балалайки бренчали еще громче, и пѣвцы, измышляя новыя восторженныя похвалы искусному танцору, пѣли:

Нашъ Глущенко, нашъ боецъ!
Молодецъ ты, молодецъ!
Брамъ—бамъ—бамъ, брамъ—бамъ!
Воинъ славный удалецъ
Брамъ—бамъ--бамъ...

Тутъ и Степа не вытерпѣлъ, выскочилъ снова съ своими дробными увертами и, крутясь, при наступательномъ движеніи, свободно, легко, едва прикасаясь къ полу, сталъ описывать круги вокругъ могучаго Глущенко, присядкою выступавшаго впередъ. Такъ продолжалась эта пляска съ различными варіаціями, сопровождаемая восторженными возгласами одобренія, хлопаньемъ въ ладоши и припѣваніями; наконецъ, оба устали и сѣли на нары. Музыка не переставала, пѣсни заохочивали снова, и выходили еще молодцы и плясали, и всѣ кричали и шумѣли веселымъ разгуломъ.

Откуда ни возьмись, появились чарки съ водкою и подносились сначала плясавшимъ, потомъ музыкантамъ и пѣвцамъ. Оживились музыка и пѣнье, запѣвалы пѣли вновь, и выходили вновь плясуны, и между ними нашъ Еремка-пьяница; онъ хоть и съ прежними клеймами, но безъ кандаловъ, и пляска его была бурная—съ криками и визгами, онъ стучалъ ногами, сжималъ кулаки со злобнымъ взглядомъ

какъ бы увидя что передъ собою, и дикими ухватками, выступалъ подъ музыку и пѣнье, а запѣвалы пѣли:

Ай Ерема молодецъ,
Разудалый удалецъ!
Всюду былъ ты: за морями,
За кавказскими горами,
По всей Турціи прошелъ,
Нигдѣ мѣста не нашелъ
И опять сюда пришелъ.
И опять сюда пришелъ
Молодецъ ты молодецъ,
Разудалый удалецъ!

(Кто, то изъ зрителей тихо прошепталъ: «Ну, сорвался сорванецъ!») Вдругъ Ерема остановился, какъ вкопанный, лицо его покрылось мрачною думой и, отойдя, онъ сѣлъ на нары. Послѣ того выходили еще другіе и ихъ смѣняли новые танцоры—пляски продолжались, но мало-по-малу вниманіе утомлялось, лучины сгоравшія не смѣнялись новыми, нары вверху и внизу пустѣли, запѣвалы замолкли, и балалайки перестали бренчать.

Таковы, приблизительно, были пляски, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и которыми восхищался до забвенія всего. По прошествіи 48 лѣтъ въ одномъ изъ моихъ сочиненій, озаглавленномъ «Потокъ жизни», описывая періодъ этого времени, я писалъ:

Мои острожные друзья,
Мои товарищи былые!
Васъ не забыть, васъ помню я—
Вы предо мною какъ живые,
Мнѣ слышны ваши голоса
И ваши пѣсни, ваши сказки—
Ихъ слушалъ я не полчаса...
И ваши топанье и пляски,
Съ бряцаньемъ на ногахъ цѣпей,
Подъ блескъ лучинъ изъ камышей.

XXIII.

Не разъ я упоминалъ уже о старикѣ Вороновѣ, который привлекалъ меня къ себѣ своими личными качествами. Мнѣ казалось въ немъ все интереснымъ: — его наружность, его деликатное обращеніе съ людьми, его складная, тихая, часто юмористическая рѣчь. Вороновъ, по виду, казалось, годами былъ старше всѣхъ жителей острога: высокаго роста, худой до костлявости, съ блѣдно-бѣлымъ лицомъ и бѣлыми, всегда чистыми руками, небольшой головой, покрытой негустыми, снѣжной бѣлизны сѣдыми волосами, какъ его усы и маленькая бородка. Несмотря на старые года, онъ былъ полонъ жизни, усердно шилъ платье, продавалъ его и тѣмъ зарабатывалъ себѣ деньги. За что осужденъ онъ былъ, осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Въ моей па-

мяти онъ сохранился въ его болѣе обычномъ положеніи, сидящимъ на своихъ нарахъ за швейной ручной работой или стоящимъ на томъ же мѣстѣ съ высоко поднятою головой выступавшею надъ уровнемъ толпы людей, его окружавшей и съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшей его всегда оживленный разсказъ. Голосъ его былъ не сильный, но онъ былъ достаточно слышенъ по всей вокальной залѣ нашей казармы. Кельхинъ былъ его vis a vis по нарамъ въ самой срединѣ этого помѣщенія, и мы вдвоемъ часто сиживали подлѣ работавшаго и всегда болтливаго Воронова. Онъ любилъ разговоръ и много разсказывалъ о своей прошедшей жизни. Посторонніе люди, проходившіе мимо, нерѣдко останавливались и слушали его. Изъ его разсказовъ о быломъ, — чего онъ былъ свидѣтелемъ въ долголѣтней его жизни, запечатлѣлся въ моей памяти болѣе всѣхъ одинъ, который я и желалъ бы представить здѣсь — хотя бы въ его основномъ остовѣ.

Въ его ранней молодости—ему было, по его словамъ, можетъ быть, лѣтъ 16, онъ жилъ въ Москвѣ, при своемъ дѣдушкѣ, который былъ дворникомъ въ домѣ князя Голицына, (сколько мнѣ помнится). Это было во время нашествія французовъ, въ 1812 году и они оставались въ Москвѣ во время всего пребыванія тамъ Наполеона. Домъ ихъ господъ занятъ былъ кавалерійскимъ отрядомъ какого то маршала, со всѣмъ его штабомъ; французскія войска, поселившись тамъ, оказывали его дѣдушкѣ уваженіе и съ нимъ—мальчикомъ обращались шутливо. Порядокъ былъ во всемъ; дѣдушка угощалъ французовъ запасами винъ и водокъ изъ большого погреба, за что они платили ему большія деньги. Такъ было во все время пребыванія французовъ. Языка ихъ онъ не понималъ, но видѣлъ, что всѣ они были тревожны.

Москва горѣла, и никто не зналъ, откуда эти пожары; было что-то зловѣщее, горѣли и барки на рѣкѣ Москвѣ, въ которую наши войска, уходя, затопили бывшія въ арсеналѣ пушки, ружья, сабли и огромные провіантскіе запасы; съѣстныхъ припасовъ въ ихъ домѣ было мало, и они берегли ихъ, чтобы не остаться безъ пищи. Дѣдушка не отлучался почти изъ дома. Безпрестанно пріѣзжали верховые съ приказаніями, и тревожное состояніе все усиливалось. Были толки, которыхъ онъ не понималъ.—Въ одинъ день вдругъ всѣ осѣдлали лошадей и оставили домъ. При уходѣ французовъ по направленію къ Драгомиловской заставѣ, русская конница, съ казаками впереди, въѣзжала съ другого конца въ Москву, и догнавъ французовъ, они кололи отстававшихъ пиками. Тутъ дѣдушка заперъ ворота, опасаясь, чтобы домъ нашъ, сохранившійся въ цѣлости по уходѣ французовъ, не былъ разграбленъ казаками. Была глубокая осень,—погода холодная, грязная, и когда этотъ первый натискъ нашихъ конныхъ отрядовъ подвинулся впередъ преслѣдовать выступавшихъ, и

мѣсто на площади близъ дома опустѣло, они вдвоемъ вышли изъ воротъ и увидѣли лежащаго въ грязи, безъ чувствъ, молодого, хорошо одѣтаго француза. Дѣдушка очень опасался, чтобы его не убили.

— Надо спасти его, спрятать къ намъ въ домъ,—и вотъ, мы вдвоемъ—я поддерживалъ его ноги—понесли его въ нашъ дворъ. Мы успѣли его внести и заперли ворота.

Раненный французъ имѣлъ видъ очень молодой и не приходилъ еще въ себя. Мы внесли его въ комнаты, сняли съ него загрязненную верхнюю одежду. Дѣдушка пошелъ за бѣльемъ. Я остался одинъ съ лежащимъ на диванѣ французикомъ и увидѣлъ вдругъ, что это молоденькая дѣвушка... Я побѣжалъ къ дѣдушкѣ и закричалъ: «Дѣдушка, дѣдушка! Это француженка». Онъ схватилъ бѣлье и побѣжалъ къ ней.

Мы ее раздѣли, перемѣнили бѣлье, положили на постель, прикрыли одѣялами, затопили печь и напоили ее чаемъ, и она, очнувшись, смотрѣла и ничего не говорила. Затѣмъ мы приготовили кушать, что было. Въ погребѣ нашлись еще остатки вина, и мы дали ей выпить. Понемногу она заговорила что-то и заплакала. Потомъ выражала намъ свою благодарность улыбкою и поцѣловала руку дѣдушки. Ранена она была копьемъ въ спину, и мы ее мыли грѣтой водой и прикладывали чистыя тряпки, и она, какъ видно, упала больше отъ испуга.

Москва быстро наполнилась нашими войсками, вступавшими черезъ Коломенскую заставу,—всѣ они стремились впередъ за французами и вслѣдъ за ними потянулись скоро возвращающіяся телѣги и экипажи московскихъ жителей. Изъ военныхъ многіе забѣгали въ свои дома и, освѣдомившись, продолжали походъ. Между такими былъ и шедшій съ ополченіемъ одинъ изъ молодыхъ князей Голицыныхъ; онъ постучалъ въ ворота, и когда увидѣлъ дѣдушку, бросился къ нему на шею съ радости. Онъ вошелъ въ комнаты, освѣдомился обо всемъ, и тогда дѣдушка разсказалъ ему о приключеніи со спасенной нами француженкой, которую онъ и полюбопытствовалъ увидѣть. Онъ благодарилъ дѣдушку за все и сказалъ, чтобы о больной заботились и сохранили ее до возвращенія его родителей.

Въ такомъ видѣ сохранился этотъ разсказъ въ моей памяти. Я слышалъ его въ 1850 году, не помышляя, къ сожалѣнію, о томъ, что я буду когда-нибудь его описывать, и теперь я удивляюсь, какъ мало я воспользовался совмѣстною жизнью моею съ такимъ рѣдкимъ сожителемъ, вмѣщавшимъ въ себѣ цѣлый архивъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ этомъ времени отечественной войны.

Разсказовъ Воронова было много;—въ нихъ онъ, по страсти говорить, мѣшалъ быль съ небылицею, дополняя и украшая разсказываемое своими вымыслами. Къ таковымъ принадлежатъ въ особенности его *сказки*, славившіяся извѣстностью въ нашемъ замкнутомъ мірѣ херсонскаго острога, но можно навѣрное сказать, что онѣ привлекали

бы огромную толпу во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни являлся разсказчикомъ.

Содержаніе ихъ разнообразно и многочисленно, и воспроизвести я не могу ни одной сказки, но самое говореніе его, настроеніе собравшейся около него толпы и общій характеръ видѣннаго и слышаннаго мною я очень бы желалъ возстановить, насколько это удастся мнѣ. Сказки его обыкновенно говорились подъ вечеръ въ праздничные дни, когда люди, не утомленные работой, никуда не торопились и бродили, не зная, что дѣлать.

О сказкѣ никогда не возвѣщалось, да и онъ самъ, полагаю, не зналъ того, и говорилъ, когда на него находила охота. Иногда его просили, вызывали на разсказы, и онъ рѣдко уклонялся отъ нихъ. Находившіеся вблизи его, видя его готовность, громко возвѣщали о томъ по обѣимъ казармамъ, и всѣ спѣшили занять поближе мѣсто, чтобы не только слышать, но и видѣть Воронова говорящимъ.

Говоря сказку, онъ стоялъ на своемъ мѣстѣ на нарахъ, придвинувшись къ самому краю ихъ; голова его возвышалась надо всѣми, лицо оживлялось неподдѣльной мимикой, и голосъ его, всюду слышный, мѣнялся соотвѣтственно содержанію разсказа, также, какъ и выраженіе его лица; изображаемые имъ люди говорили каждый своимъ языкомъ, своимъ голосомъ. Лицо его становилось то смѣющимся радостнымъ, то угрюмымъ или страшнымъ. Проходившее по дѣламъ, или случайно ближайшее начальство—унтеръ-офицеры—равнымъ образомъ вовлекалось въ слушаніе. Тутъ забывались всѣ людскія отношенія и многія горести, пережитыя прежде, и всѣхъ привлекалъ одинъ интересъ чудеснаго, столь же по изящному, часто рифмованному говоренію, сколько и по фантастическому содержанію разсказа, часто съ примѣсью значительнаго юмора. Это былъ цѣлебный отдыхъ отъ безцвѣтной, однообразной жизни несчастныхъ заключенныхъ. Разсказъ талантливаго разсказчика выводилъ слушателей далеко за стѣны тюрьмы,—на волю, гдѣ передъ ними возникали картины природы, дѣйствія людей въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ—пылкихъ страстей, любви, злобы, отчаянія...

Сказки Воронова были всегда предшествуемы короткимъ предисловіемъ, обращеннымъ къ собравшимся слушателямъ, и предисловія эти съ первыхъ же словъ привлекали вниманіе. Мнѣ помнятся нѣкоторыя, и въ особенности одно изъ нихъ:

— Эхъ вы, братцы мои, братцы! Всѣ-то мы засидѣлись въ неволѣ; я ужъ старъ, облѣнился, многіе вышли, кому какъ придетъ, что Богъ дастъ! Не вѣчна неволя, какъ не вѣчны, не прочны дѣла людскія и ихъ рѣшенія писанныя. У Бога все близко, и не знаемъ мы ни дня, ни часа, когда жизнь наша измѣнится... Ну, слушайте, я буду вамъ правду говорить, чистую правду, маленько привираючи, конечно, приплетаючи, а вы уже сами разберете. Я выведу васъ, да и самъ вы-

*

скочу изъ тюрьмы на волю, позабавимся вмѣстѣ, такъ слушайте: то не волъ мычитъ, — человѣкъ сказку говоритъ... Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жили, были. .

Затѣмъ слѣдовалъ самый разсказъ, и столь увлекательный, что былъ слушаемъ всѣми съ напряженнымъ вниманіемъ. Тишина была полная, звучалъ только одинъ его голосъ, чистый теноръ, прерываемый возгласами или смѣхомъ, или криками одобренія...

Слова лились изъ устъ разсказчика, глази его блистали какъ бы вдохновеніемъ, рѣчь его то лилась потокомъ, то пріостанавливалась и затѣмъ возобновлялась съ новымъ увлеченіемъ.

XXIV.

Однажды — это было, сколько мнѣ помнится, зимою, въ концѣ 1850 года, въ одинъ изъ буднихъ дней, когда арестанты только что возвратились съ утреннихъ работъ, и я взошелъ на верхнія нары къ своему мѣсту, чтобы взять свою посуду для пищи. Вслѣдъ за мной пришелъ и Мехмедъ, у него въ рукѣ былъ какой-то узелокъ. Онъ показалъ мнѣ на него съ довольнымъ видомъ и сказалъ: «У насъ сегодня будетъ хорошій ужинъ». На вопросъ мой, что это у него, онъ мнѣ сказалъ по-турецки: «Это кусокъ мяса». На вопросъ—откуда?— онъ отвѣтилъ: «Аллахъ верды!» (Богъ послалъ). Я удивился и, покачавъ головой, сказалъ ему: «Ты стащилъ на базарѣ!»—«Ну, да,—отвѣтилъ онъ,—никто не замѣтилъ, и я благополучно принесъ его къ намъ; теперь надо позаботиться приготовить его къ ужину».—«А что скажетъ мулла?» спросилъ я его. «А, онъ, конечно, будетъ ругать меня, а потомъ будетъ ѣсть со всѣми, и всѣ будутъ рады».

Затѣмъ онъ исчезъ, и я его до вечера не видѣлъ. Насталъ вечеръ, и арестанты вновь возвратились съ работъ, и, когда я шелъ съ моею посудою въ кухню, меня остановилъ одинъ изъ турокъ—это былъ знакомый Джурга—и сказалъ мнѣ:

— У насъ сегодня хорошій, сытный ужинъ, и наши земляки всѣ послали меня предупредить васъ и просить пожаловать къ намъ на вечернюю трапезу.

Объ утреннемъ разговорѣ моемъ съ Мехмедомъ онъ ничего не зналъ. Я въ этомъ былъ почти увѣренъ и потому спросилъ, какъ это и по какому случаю у нихъ сегодня хорошій ужинъ. Онъ отвѣтилъ, усмѣхаясь:

— Не знаю, что мнѣ вамъ сказать; придете къ намъ—тамъ мулла вамъ скажетъ все. Приходите же сейчасъ.

Я пошелъ было поставить мою посуду наверхъ, но подумалъ, что, можетъ быть, взять ее съ собою, и съ нею, какъ былъ, пошелъ вслѣдъ за Джургой. Группа турокъ въ теченіе нѣкотораго времени вся мало-

по-малу перемѣстилась на другое мѣсто, тамъ же внизу, но съ правой стороны казармы, у самой задней стѣны зданія. Всѣ перебрались туда, кромѣ Мехмеда, который остался моимъ сосѣдомъ на верхнихъ нарахъ противоположной отъ нихъ стороны. Туда я пришелъ къ нимъ вмѣстѣ съ Джургою и засталъ ихъ всѣхъ сидящими вокругъ большого чугуна, казалось, только что вынутаго изъ русской печи. Тутъ собралась вся ихъ семья, и старый Османъ пришелъ къ нимъ изъ отдѣленія неспособныхъ. Они еще не начинали ужинать. Всѣ они имѣли довольный видъ, болтали, кромѣ муллы, который сидѣлъ задумавшись. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и взаимныхъ любезностей, я поблагодарилъ ихъ за приглашеніе и полюбопытствовалъ спросить о причинѣ собранія ихъ всѣхъ на ужинъ; тогда мулла сказалъ:

— Мнѣ не легко отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ. Я долженъ вамъ многое объяснить, и потому позвольте отложить это объясненіе до окончанія ужина. Какъ видите, горячій супъ, съ такимъ стараніемъ приготовленный Османомъ, стынетъ, и ожидающіе ужина всѣ голодны. Будемъ сначала кушать, а потомъ уже говорить, и мнѣ предстоитъ обсудить многое, касающееся жизни всѣхъ насъ въ острогѣ. Будемъ кушать,—сказалъ онъ и протянулъ руку ко мнѣ за моею посудою.

Онъ налилъ мнѣ полную чашку крѣпкаго, густого отвара мяса, приправленнаго картофелемъ, морковью, разными кореньями и пряностями. Супъ своимъ видомъ и запахомъ возбуждалъ аппетитъ, и всѣ застольники, молча, принялись за ѣду. Затѣмъ, многіе, вкушая отмѣнный супъ, выражали свое удовольствіе Осману, приготовившему его. Послѣ первой порціи были наливаемы вторыя, но нѣкоторые уже просили полупорціи. Потомъ были вынуты изъ супа куски жирной говядины и порѣзаны на деревянной доскѣ. Каждый бралъ себѣ и повторно, сколько хотѣлъ, такъ какъ мяса была цѣлая гора. Восхваляемый ужинъ былъ сопровождаемъ оживленною бесѣдой. Послѣ ѣды всѣ замолкли, и, казалось, наступилъ часъ отдохновенія, тогда мулла поднялъ отложенный вопросъ.

— Теперь я считаю своимъ долгомъ, — сказалъ онъ, — обсудить многое... Причиной, или лучше, виновникомъ, какъ вамъ извѣстно, нашего ужина былъ одинъ изъ насъ... Хотя и совѣстно, но надо признаться, что нашъ землякъ Мехмедъ, вашъ сосѣдъ по ночлегу,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — большой плутъ... Представьте, что онъ совершилъ сегодня: вернувшись съ утреннихъ работъ, онъ принесъ съ собой кусокъ мяса... Конечно, никто ему не подарилъ, а онъ стащилъ съ лотка, укралъ у торговца и принесъ въ казарму. Мы всѣ узнавъ о случившемся, пристыдили его, но онъ виновнымъ себя не призналъ, пожималъ плечами и, смѣясь, утверждалъ, что голодному можно украсть пищу. На этомъ разсужденіи нашемъ и его оправданіи мы остановились утромъ, а потомъ всѣ должны были вновь вы-

ходить на работу, а между тѣмъ тутъ возникъ и другой вопросъ—спѣшный,—что дѣлать съ принесеннымъ имъ большимъ кускомъ мяса? Самое лучшее, по моему, было бы бросить его, пусть Мехмедъ дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ, но наши земляки, какъ и всѣ живущіе здѣсь, съ аппетитомъ, единогласно порѣшили—сварить на ужинъ хорошій супъ и вотъ, достали у кашеваровъ картофеля, моркови, крупы, кореньевъ, перцу и пряностей, и тамъ же въ кухнѣ Османъ приготовилъ намъ ужинъ. Такимъ образомъ состоялся сегодняшній ужинъ, но я бы желалъ, чтобы такихъ ужиновъ у насъ больше не было. Если въ острогѣ пища и не очень сытна, то все же мы не умираемъ съ голода. Мехмедъ развѣ больше страдаетъ, чѣмъ всѣ здѣсь живущіе, что ему дозволяется нарушать законъ! Мы всѣ, благодаря Бога, живы и здоровы на этой пищѣ, а въ праздничные дни насъ кормятъ хорошо благотворители, и мы въ русской тюрьмѣ не обижены ничѣмъ передъ другими, даже готовящіе обѣдъ насъ, чужестранцевъ, надѣляютъ какъ бы болѣе щедрой рукою.

Мехмедъ, слыша эти слова, покраснѣлъ и дрожащимъ голосомъ, ударяя себя рукою въ грудь, воскликнулъ:

— Бисмильлягир-рахмани (во имя Бога всемилостиваго)! я никогда не сдѣлалъ бы того на свободѣ!

— Слышали вы, что онъ сказалъ?! Нѣтъ, друзья мои, никогда, никто изъ насъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, въ неволѣ ли, въ плѣну или на свободѣ, не долженъ творить беззаконія, но всякій долженъ себя вести одинаково честно. Всюду, во всѣхъ странахъ, кража признается постыднымъ грѣхомъ, по нашему мусульманскому шаріату и по русскому закону. Я вѣрю словамъ Мехмеда, что прежде, на свободѣ, онъ такъ не поступалъ, но я боюсь за него, чтобы онъ за этотъ долгій срокъ нашего здѣшняго плѣненія не испортился совсѣмъ, дурныя привычки легко усвояются... пожалуй, и водку станетъ пить...

Мехмедъ слушалъ съ безпокойствомъ. Ему хотѣлось прекратить оскорбительную для него рѣчь муллы, онъ порывался говорить и наконецъ смиреннымъ голосомъ проговорилъ:

— Я никогда болѣе не буду такъ поступать!..

— Ну, вотъ такъ, это лучше. Простимъ ему въ этотъ разъ и предадимъ забвенію нашъ сегодняшній ужинъ. Будемъ жить мирно, благочестиво въ неволѣ (это воля Божія) и не очернимъ нашу жизнь никакими грязными дѣлами, тогда и выйдя на волю, мы будемъ достойны лучшей жизни и будемъ чувствовать свое достоинство передъ Богомъ и людьми!

Этимъ окончилось высоконравственное поученіе муллы. Остальное время проведено было въ тихой бесѣдѣ, мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, нѣкоторыхъ клонило ко сну, и они располагались къ ночи. Мулла благодарилъ меня, сказавъ, что онъ считаетъ меня какъ бы своимъ земля-

комъ. Прощаясь съ Мехмедомъ, онъ подалъ ему руку и, смотря ему въ глаза, сказалъ:

— Ты знаешь, я люблю васъ всѣхъ и тебя, можетъ быть, болѣе всѣхъ нашихъ, люблю и жалѣю, такъ какъ ты моложе насъ всѣхъ!

Послѣ того мы простились совсѣмъ и пошли на свои верхнія нары. Прощаясь, я сказалъ муллѣ:

— Мехмедъ и мы всѣ не забудемъ сегодняшняго ужина!

XXV.

По временамъ, очень рѣдко впрочемъ, арестантамъ предлагалась баня. Они ходили туда партіями, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и соотвѣтственнаго по числу арестантовъ конвоя. Баня выбиралась невдалекѣ отъ острога,—очень тѣсная, дешевая. Въ ней было два помѣщенія—раздѣвальня и самая баня съ кранами горячей и холодной воды и съ полкомъ для пара—въ той же комнатѣ. Она помѣщалась въ крѣпости, на крутомъ берегу Днѣпра. Я всегда пользовался этимъ случаемъ, чтобы хоть сколько нибудь омыться теплой водой съ мыломъ. Въ первый разъ, однакоже, когда я вошелъ въ нее, въ первой комнатѣ на скамьяхъ не было ни одного мѣстечка, и я, видя другихъ сидящихъ на полу, старался приткнуться гдѣ нибудь у стѣнки, но тутъ меня взялъ подъ руку одинъ изъ арестантовъ и попросилъ перейти на его мѣсто на скамейку—это былъ упомянутый уже въ описаніи псаломщикъ. Невозможно было укладывать свое бѣлье въ отдѣльности—все складывалось, какъ попало, вмѣстѣ.

Войдя въ банную, я былъ удивленъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Отъ пару не видно было ничего; стоялъ какой-то густой туманъ,—въ двухъ шагахъ нельзя было различать предметовъ—ни лицъ, ни скамеекъ, ни ступенекъ полка. Всѣ входящіе наталкивались одинъ на другого: въ рукахъ я держалъ кусочекъ мыла и маленькую мочалку. Подвигаясь впередъ, разсматривая, что и кто это, я вдругъ наткнулся на Мустафу, который взялъ меня за руку и пригласилъ сѣсть возлѣ него на полу,—на другой сторонѣ отъ меня я увидѣлъ Мехмеда и всю компанію турокъ. Они мнѣ помогли разобраться въ этой объятой туманомъ тѣснотѣ, приносили мнѣ воду и просто мыли меня. Тутъ я увидѣлъ вблизи меня моющагося Глущенко и былъ изумленъ страшнымъ видомъ его спины. Она была вся изрыта, исполосована поперекъ идущими глубокими рубцами, которые въ мѣстахъ перекрещиванья полосъ представляли узлы безобразно зажившихъ ударовъ. Это были страшные слѣды тысячей шпицрутеновъ, которыми онъ былъ нещадно избитъ за свою расправу съ ихъ ротнымъ командиромъ. Видя, что у него не было мочалки, я попросилъ позволенія дать мнѣ вымыть его спину—и онъ согласился, хотя не сразу, на мою усердную и настойчивую просьбу: я развелъ мыло въ его ряжкѣ и старательно тёръ

ему его избитую спину съ особеннымъ чувствомъ довольства, тѣмъ какъ бы воздавая почтеніе перенесеннымъ имъ жестокимъ страданіямъ. Это была зима, великій постъ, и многіе выбѣгали на крыльцо и обтирались лежавшимъ около бани снѣгомъ.

XXVI.

Въ теченіе всего великаго поста, томясь и скучая безцвѣтною моею жизнью, безъ всякаго умственнаго занятія, среди арестантовъ, я нерѣдко вспоминалъ исповѣдь мою на первой недѣлѣ поста и слова почтеннаго старца, отнесшагося къ судьбѣ моей съ сочувствіемъ и участіемъ и обѣщавшаго мнѣ книгу Іоанна Златоуста для чтенія. Ждалъ я сначала съ любопытствомъ и желаніемъ имѣть при себѣ хоть какую нибудь книгу, но прошла недѣля, другая и такъ весь великій постъ, и я думалъ, что преподобный отецъ уже забылъ обо мнѣ. Но вотъ, на Ѳоминой недѣлѣ, вернувшись съ арестантами въ казарму, я получилъ приказаніе въ тотъ же день идти къ отцу протоіерею—въ его жилище и быть тамъ въ шестомъ часу вечера. Послѣ обѣда я долженъ былъ остаться безъ выхода на работу. Къ означенному времени я увидѣлъ моего пріятеля, унтеръ-офицера Матвѣева, который пришелъ за мной, чтобы сопровождать меня на квартиру протоіерея. Я вышелъ въ арестантской курткѣ безъ полушубка, такъ какъ была уже весна и вскрылся Днѣпръ. При выходѣ моемъ изъ калитки я увидѣлъ стоящаго солдата съ ружьемъ, и мы пошли втроемъ. Такое сопровожденіе двухъ человѣкъ отозвалось крайне непріятнымъ чувствомъ въ моемъ сердцѣ. Я выходилъ обыкновенно вмѣстѣ съ арестантами и не ощущалъ тягости этой охраны, но на меня одного столько охранительной силы вызвало во мнѣ какое-то жуткое впечатлѣніе—унтеръ-офицеръ съ тесакомъ и конвойный, какъ всегда съ заряженнымъ ружьемъ! Мы шли съ версту по дорогѣ на форштатъ и дошли до дома, гдѣ жили соборные священники. Я вошелъ. Изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ: «Кто тамъ?»

— Я, арестантъ Ахшарумовъ, пришелъ по приказанію отца протоіерея,—отвѣтилъ я.

— А, — сказалъ онъ, входя сейчасъ же въ комнату, гдѣ я стоялъ.— Давно желалъ васъ видѣть... я помню, вѣдь, я обѣщалъ вамъ книгу, и вотъ цѣлый постъ прошелъ. Это время такое для насъ трудное, насилу справляешься; теперь только я отдыхаю, да и вся Святая прошла въ поѣздкахъ и посѣщеніяхъ! Ну что же, какъ живете, здоровы?

Я поблагодарилъ за то, «что меня вспомнили».

— Ну, какъ къ вамъ здѣшнее начальство?

Я отвѣчалъ, что я его не вижу совсѣмъ, живу въ общей казармѣ и хожу на работу съ арестантами.

— И работать заставляютъ?

— Нѣтъ, работать меня не заставляютъ, но и безъ дѣла скучно.

— Да, да, безъ дѣла скучно жить. Вѣрю, вѣрю, что вамъ тяжело, и жалѣю васъ! Но надѣйтесь болѣе всего на Бога. Онъ не оставитъ, сохранитъ вашу жизнь и вернетъ вамъ свободу и все потерянное.

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ поискать съ нимъ вмѣстѣ книгу проповѣдей Іоанна Златоуста.

— Это былъ знаменитый проповѣдникъ въ V вѣкѣ нашей эры — архіепископъ византійскій, по-гречески онъ назывался «Хрюзостомъ», по-русски Златоустъ. Сочиненія его у меня есть.

Онъ вышелъ въ другую комнату. Я послѣдовалъ за нимъ. Комната эта была раздѣлена перегородкою, не доходившею до потолка, на два отдѣленія. За перегородкою на полкахъ помѣщалась его библіотека, и, когда я вошелъ туда, я увидѣлъ, кромѣ книгъ, еще болѣе въ ту минуту меня заинтересовавшіе предметы: тамъ на нижнихъ полкахъ и на полу, на столикахъ и на табуреткахъ, въ углахъ и всюду, прислоненные къ стѣнѣ, лежали съѣстные припасы — приношенія міранъ. Всего болѣе было обыкновенныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ, затѣмъ—меду, яицъ разныхъ цвѣтовъ, куличей и другихъ мелкихъ приношеній. Такая вкусная, необыкновенная для меня въ то время пища привлекла невольно все мое вниманіе, и я, разсматривая его библіотеку, все думалъ, если бы онъ мнѣ далъ хотя бы одинъ французскій хлѣбецъ, я бы его съѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Такъ продолжались его поиски съ четверть часа. Не находя упомянутой книги, онъ становился на табуретку и обозрѣвалъ верхнія полки. Я, показывая, что ищу внизу все болѣе увлекался разсмотрѣніемъ представшей моимъ глазамъ въ такомъ обиліи прекрасной пищи. И если бы я ему сказалъ, то я увѣренъ, святой отецъ не пожалѣлъ бы надѣлить меня цѣлой охапкой засохшихъ уже и пропадающихъ у него въ чуланѣ хлѣбовъ, но я этого не сдѣлалъ.

— Вотъ, нашелъ,—воскликнулъ онъ,—Іоанна Златоуста,—и снялъ съ верхней полки большую, въ желтомъ, кожанномъ переплетѣ in quarto книгу. — Вотъ, возьмите и читайте!

Мы вышли изъ его чулана въ прежнюю гостиную; онъ предложилъ мнѣ сѣсть и еще поучалъ меня и ободрялъ, утѣшая, что я буду вновь свободенъ. Затѣмъ благословилъ меня и отпустилъ. Мы вышли; смеркалось, погода была теплая и весенняя, и я, прекрасно прогулявшись, вернулся въ казарму. Арестанты, уже вернувшись, поужинали, и я съ моею суповою посудою пошелъ въ кухню.

Книгу, данную мнѣ священникомъ, прочелъ я почти всю, она была на славянскомъ и читалась трудно. Черезъ мѣсяцъ приблизительно я испросилъ позволеніе отнести эту книгу и вновь, сопровождаемый солдатомъ и унтеръ-офицеромъ, былъ на квартирѣ протоіерея, но его дома не засталъ и, оставивъ книгу, просилъ передать ему мою благодарность.

XXVII.

Наступила весна 1850 года; я продолжалъ выходить каждый день съ арестантами на работы и вотъ однажды, когда съ партіей арестантовъ я вновь былъ на инженерномъ дворѣ, вышеупомянутый А. М. Бушковъ пригласилъ меня войти въ квартиру инженера Рудыковскаго и провелъ меня самъ съ крыльца, выходившаго на дворъ.

Объ этихъ людяхъ было упомянуто мною. Рудыковскій былъ единственный человѣкъ во всемъ городѣ, который не побоялся принять во мнѣ участіе и оказать мнѣ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку. Я вошелъ къ нему въ домъ, и онъ, встрѣтивъ меня привѣтливо, попросилъ войти въ столовую, гдѣ онъ въ то время пилъ чай. Съ первыхъ словъ его онъ своимъ деликатнымъ со мною обращеніемъ удовлетворилъ самой насущной потребности души, лишенной въ продолженіе долгаго уже времени живого, добраго слова участія со стороны человѣка одинаковаго со мною общества и образованія. Въ его голосѣ, въ его вопросахъ мнѣ слышалось что-то какъ бы родственное, близкое моему сердцу. Николай Евстафіевичъ Рудыковскій былъ лѣтъ сорока отъ роду, средняго роста, бѣлолицый, бѣлокурый, красивый собой мужчина. Лицо его носило отпечатокъ умственнаго труда, выраженіе было серьезное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно привѣтливое и какъ бы грустное. Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ о моемъ положеніи онъ выразилъ сожалѣніе, что, несмотря на желаніе познакомиться со мною съ самаго моего прибытія въ здѣшній острогъ, онъ долженъ былъ откладывать.

— Ваше ближайшее крѣпостное начальство, напуганное строжайшими о васъ предписаніями, имѣло и на меня вліяніе, но теперь уже о васъ перестали говорить, и я готовъ вамъ помочь всѣмъ, чѣмъ могу.

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ чаю, и я съ особеннымъ удовольствіемъ впервые послѣ дороги пилъ чай и ѣлъ бѣлый хлѣбъ. Потомъ пришла къ столу его жена, молодая, худенькая красивая женщина, и онъ познакомилъ меня съ нею и съ маленькой дочкой, которая была на рукахъ у нянюшки. Первая бесѣда моя съ нимъ была недолгая, и эти полчаса, проведенные съ нимъ, имѣли на меня самое благотворное вліяніе. Я почувствовалъ вдругъ, что я не одинъ, забытый всѣми, но вблизи отъ меня есть искренно ко мнѣ расположенный человѣкъ, въ сердцѣ котораго «почтены мои страданья»,—другъ, готовый оказать мнѣ помощь и облегчить мнѣ пережить это тяжелое время. Съ этого дня внесена была въ мою жизнь отрадная мысль, меня утѣшавшая, и она какъ бы повѣяла надо мною во всѣхъ моихъ соображеніяхъ, размышленіяхъ и надеждахъ... Образъ этого человѣка, имя его сдѣлались мнѣ дорогими.

Вернувшись въ казарму къ обѣду, я не могъ забыть со мною слу-

чившагося и, пообѣдавъ, прилегъ и заснулъ въ пріятныхъ размышленіяхъ. Вечеромъ, я сообщилъ мою новость Кельхину. Онъ очень заинтересовался этимъ и раздѣлилъ мою радость. Позже вернулся и Биліо, но онъ съ праздниковъ не переставалъ пить, и я сожалѣлъ, что онъ для меня какъ бы все болѣе перестаетъ существовать.

XVIII.

Съ теплымъ временемъ открылись новыя работы. Въ крѣпости начались поправки, очистка улицъ, переноска строительнаго матеріала, производство кирпича, привозка песку въ тачкахъ, крашеніе крышъ и разныя другія, которыхъ въ эту минуту не вспомню. Между прочимъ были нѣкоторыя и на инженерномъ дворѣ, но моя любимая работа рубка дровъ лѣтомъ не производилась. Будучи на дворѣ у жилища Рудыковскаго, я всегда надѣялся побывать у него, но самъ, безъ приглашенія, ни разу не рѣшился войти къ нему непрошеннымъ гостемъ. И онъ, я полагаю, воздерживался отъ приглашенія меня,— «политическій арестантъ» звучалъ непривѣтливо. Но отношенія мои съ моимъ начальствомъ были самыя для меня желательныя; оно какъ бы совсѣмъ забыло обо мнѣ, и я ни о чемъ не просилъ и о себѣ не напоминалъ.

Все болѣе наставало лѣто, и мѣстомъ любимой работы моей сдѣлался кирпичный заводъ. На немъ формовались плитки изъ глины, песку и воды и затѣмъ обжигались въ особо устроенныхъ для сего печахъ. Глина доставалсь тамъ по близости, а песокъ привозился изъ мѣстности верстахъ въ четырехъ отъ завода. Самый кирпичный заводъ былъ устроенъ верстахъ въ трехъ отъ крѣпости, на самомъ берегу Днѣпра, и эта прогулка по чистой степи, вдали отъ всякаго людского жилья, мнѣ очень нравилась. Въ нарядѣ на работы, при распредѣленіи арестантовъ, каждому предоставлялся свободный выборъ, только бы выходило требуемое число, а если нужно было спеціальное знаніе какого-либо мастерства (кровельщики, маляры, печники), то назначались знающіе. Я былъ вполнѣ свободенъ въ выборѣ, куда идти, и шелъ, куда мнѣ казалось пріятнѣе. Таковымъ былъ для меня кирпичный заводъ. Иногда же я избиралъ работу вблизи инженернаго двора, чтобы увидѣть, можетъ быть, Рудыковскаго.

Въ слѣдующій разъ, когда я былъ у него, онъ распрашивалъ меня о моихъ нуждахъ, и я объяснилъ ему, что я лежу на голыхъ нарахъ, и мнѣ хотѣлось бы завести, по примѣру другихъ арестантовъ, самый простой тюфякъ — мѣшокъ съ соломой или сѣномъ, и затѣмъ имѣть при себѣ какую-нибудь книжку всего лучше научнаго содержанія, карандашъ и бумагу.

— Я готовъ вамъ помочь во всемъ, но надо сдѣлать это съ соблюденіемъ обоюдной осторожности. Я думаю, самое лучшее, если вы

возьмете отъ меня, сколько вамъ нужно денегъ для необходимыхъ издержекъ, и сами справите себѣ, что вамъ нужно. Я вамъ буду давать понемногу, да у васъ могутъ и украсть тамъ арестанты.

Я поблагодарилъ его; онъ далъ мнѣ пять рублей.

— Что же касается книгъ, то вотъ что у меня есть.

Онъ привелъ меня къ этажеркѣ, гдѣ лежали книги, и я взялъ, кажется, какое-то сочиненіе по естественной исторіи—зоологію Мильнъ-Эдварса и Эли-де-Бомонъ (Elie-de-Baumont)—изслѣдованіе о нѣкоторыхъ переворотахъ на земной поверхности, также его «Notices sur les systêmes des montagnes». Вернувшись въ казарму, я подѣлился моими новостями съ ближайшимъ моимъ сосѣдомъ по нарамъ и просилъ его спрятать полученные мною 3 рубля для нашихъ общихъ надобностей, такъ какъ у меня не было никакого помѣщенія для денегъ, а мнѣ извѣстно, что арестанты хранятъ деньги всегда при себѣ, въ сапогахъ большею частью.

На другой же день я просилъ Кельхина купить холста для мѣшка. Онъ охотно взялся за это и обѣщалъ мнѣ и сшить изъ него мѣшокъ. Все это было сдѣлано очень скоро, и у меня явился мѣшокъ достаточной величины для моего ночлега, но не такъ-то легко было достать сѣна для набивки его. Тѣмъ не менѣе я радъ былъ и подстилкѣ одного чистаго мѣшка на досчатыя нары и улегся на немъ очень довольный. Остальныя деньги я отдалъ Мехмеду, предложивъ ихъ считать нашими общими и, что нужно, купить на нихъ.

Съ наступленіемъ теплой погоды, однажды, вернувшись съ работъ, я увидѣлъ, что въ сѣняхъ сдѣлалось свѣтло, какъ прежде не было; это выставлена была или снята съ петель большая, на зиму запертая, дверь на площадь крѣпости (противъ двери на дворъ), и осталась только одна, большой величины желѣзная рѣшетка, снаружи вдѣланная въ каменную стѣну и тоже при надобности отворяющаяся на обѣ половины, какъ дверь. Около этой рѣшетки скоро появились торговки съ пищею разнаго рода—пороги съ горохомъ, куски жаренаго мяса, яица, булки; арестанты покупали, кто могъ. Въ тотъ же день и я съ Мехмедомъ купили себѣ по пирогу съ горохомъ и съѣли ихъ, какъ рѣдкое лакомство. Помнится мнѣ, что въ одинъ изъ послѣдующихъ праздниковъ я купилъ себѣ у торговки небольшую кружку молока, котораго съ прибытія моего въ острогъ ни разу еще не пилъ, къ нему и булку бѣлаго хлѣба. Тутъ же въ сѣняхъ я присѣлъ на какую-то скамью и сталъ съ большимъ удовольствіемъ вкушать мою рѣдкую пищу. Между тѣмъ проходилъ мимо Иванъ Ефимовъ и, увидѣвъ меня въ такомъ интересномъ положеніи, остановился и сказалъ:

— Должно быть, это очень вкусно?

— Вы, будто, никогда не кушали такой пищи?—сказалъ я ему.

— Я?—отвѣтилъ онъ.—Никогда; но, судя по тому, что мнѣ говорилъ

одинъ жидъ, что онъ видѣлъ такого человѣка — ѣвшаго молоко съ хлѣбомъ, я могу только полагать какъ это должно быть вкусно!

Я, засмѣявшись, попросилъ его сѣсть и готовъ былъ подѣлиться съ нимъ моею пищей, но онъ, улыбнувшись, уклонился отъ предложенія, сказавъ: «Какъ можно, да вамъ-то и дѣлиться нечѣмъ! Я вѣдь это такъ сболтнулъ...»

Въ числѣ немногихъ лѣтнихъ работъ, на которыхъ я предпочиталъ бывать, были малярныя работы — красились крѣпостныя желѣзныя крыши. Погода была ясная, теплая, но солнце еще не жарило; рѣка была въ полномъ разливѣ. Зданія были высокія, крыши большія, работники же въ маломъ количествѣ и всегда находились нетронутыя еще краскою мѣста, или уже высохшія, гдѣ можно было босикомъ прохаживаться, сидѣть или лежать. Съ высоты этихъ большихъ зданій разстилался огромный кругозоръ: широко разлившійся Днѣпръ былъ безбреженъ по ту сторону берега, и пароходы большіе и малые и парусныя барки неслись на моихъ глазахъ. Воздухъ вдыхался чистый, весенній, душистый, стаи птицъ летѣли на сѣверъ, и я былъ на крышахъ, какъ бы одинъ съ природою, не видя стражи, оставшейся внизу у лѣстницы, покинувъ внизу все земное. Товарищи мои по работѣ заняты были своимъ дѣломъ или тоже отдыхали, курили трубку и, сидя, бесѣдовали, пользуясь тишиною и покоемъ.

Крыши этихъ зданій были для меня самое спокойное мѣсто во все время моей осторожной жизни: я отдыхалъ всею душою, и никто не мѣшалъ мнѣ предаваться вволю моимъ думамъ. Съ разсвѣтомъ дня я уже былъ на крышѣ и тамъ упивался моимъ высокимъ, изолированнымъ отъ всякихъ людскихъ притязаній, положеніемъ между землею и небомъ. Тамъ стоялъ я молча, смотрѣлъ, прислушивался къ звукамъ природы, любуясь безбрежнымъ разливомъ, произнося вполголоса вырывавшіяся изъ груди разныя слова[1]..

Еще одна работа интересовала меня — это нарядъ для привезенія въ тачкахъ запасу хорошаго песка въ мѣстность, болѣе удаленную отъ крѣпости. Объ этой работѣ я буду говорить ниже особо. Другія лѣтнія работы были самыя обыкновенныя—я не знаю, какъ и назвать ихъ; не было ни одного будничнаго дня, чтобы арестанты сидѣли дома. Они посылаемы были и въ городъ, и на базаръ за различными хозяйственными надобностями и возвращались оттуда нерѣдко и не съ пустыми руками; объ этомъ будетъ особая глава.

XXIX.

Зимою этого года у меня какъ-то ночью стала болѣть рука въ области плечевой кости—я почувствовалъ ломъ, который мѣшалъ заснуть, но это было кратковременно и мало чувствительно, и я не обра-

щалъ вниманія на эту боль, которая, полагалъ я, должна сама пройти, но она возвращалась ночью, такъ что я долженъ былъ вставать и ходить. Это продолжалось недолго и затѣмъ забылось, но весною рука вновь заболѣла, и я желалъ увидѣть доктора. Когда я объ этомъ сказалъ Кельхину и Мехмеду, оба они посовѣтовали мнѣ пойти въ военный госпиталь, какъ это всѣ дѣлаютъ, такъ какъ особаго доктора для острога нѣтъ, и острогъ этотъ военнаго вѣдомства. Военный госпиталь былъ за крѣпостью верстахъ въ двухъ, на берегу Днѣпра, и вотъ, я рѣшился тамъ побывать и полечиться. Объявившись по начальству больнымъ, я, въ сопровожденіи моего почетнаго караула—унтеръ-офицера и конвойнаго, былъ отправленъ въ госпиталь.

Меня приняли, привели въ особую палату—арестантскую. Она была полна больными, и у двери стоялъ часовой. Мнѣ выдали чистое бѣлье—длинную рубаху грубаго холста и большіе, выше колѣнъ, холщевыя чулки съ завязками и сѣрый солдатскій халатъ; вещи напомнили мнѣ Петропавловскую крѣпость. Я легъ на кровать—на тюфякъ изъ мочалокъ, должно быть, и былъ удивленъ удобствомъ моего ложа, по сравненію съ досками и безъ постели. Кромѣ того, было и чѣмъ покрыться—одѣяло, подшитое простыней. Все это было для меня отдохновеніемъ, и я съ большимъ удовольствіемъ валялся на новой своей чистой постели. Комната была большая, свѣтлая, съ большими окнами на Днѣпръ. Вскорѣ подошелъ ко мнѣ на костылѣ какой-то хромой мужчина высокаго роста, старше меня годами, въ военной одеждѣ, назвавшій себя фельдшеромъ, и, узнавъ мою фамилію, поинтересовался моимъ положеніемъ и моимъ здоровьемъ.

— Васъ положили въ арестантскую палату,—сказалъ онъ,—но надо будетъ устроить черезъ доктора, чтобы вы не были этимъ стѣснены.

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что я ненадолго; у меня болитъ рука, и больше ничего.

— Ну это все равно сколько вы пробудете, но все же вамъ здѣсь хуже, чѣмъ въ другихъ палатахъ, и я позабочусь объ этомъ.

Я спросилъ его, кто онъ и какую должность занимаетъ при госпиталѣ. Онъ назвалъ мнѣ свою фамилію. Онъ былъ тоже арестантомъ и, такъ какъ прежде изучалъ медицину, то и остался помощникомъ вродѣ фельдшера и живетъ постоянно въ госпиталѣ, при аптекѣ. Онъ предложилъ мнѣ пройтись съ нимъ по палатамъ и зайти къ нему въ комнату. Я очень охотно согласился, и мы прошли всѣ палаты. Госпиталь былъ большой и полонъ больными.

Ожидался визитъ врача, и я поспѣшилъ къ своему мѣсту. Въ госпиталѣ было три врача: главный врачъ въ генеральскомъ чинѣ, старшій ординаторъ и младшій врачъ. Пришелъ съ визитаціей послѣдній, молодой человѣкъ небольшого роста, блондинъ, полный собой, лицомъ рябой. Онъ осмотрѣлъ меня, распросилъ о болѣзни и прописалъ мнѣ какое-то лекарство—втираніе.

Подавалась вечерняя пища; она была гораздо лучше арестантской нашего острога. Эту ночь я спалъ очень хорошо и утромъ всталъ освѣженный новою обстановкою. Не помню, подавался ли чай, но я уже отвыкъ отъ него. Пришли врачи, осматривали меня и одобрили прописанное лекарство. Младшій врачъ, ведущій скорбный листъ, оставался въ палатѣ дольше и со мною обошелся очень любезно. На другой день меня перевели въ другую палату — не арестантскую, — просторную, гдѣ было свѣтлѣе и воздухъ былъ чистый. Этимъ мнѣ было оказано со стороны врачей особое вниманіе и довѣріе. Я былъ внѣ присмотра стражи. Молодой врачъ пришелъ съ утренней визитаціей и сказалъ мнѣ:

— Мы перевели васъ въ эту палату — она въ санитарномъ отношеніи лучше прочихъ, и здѣсь нѣтъ заразныхъ больныхъ, да и вамъ будетъ здѣсь свободнѣе и лучше во многомъ.

Я былъ очень доволенъ моимъ перемѣщеніемъ въ госпиталѣ и новыми лицами, которыхъ я видѣлъ вокругъ себя, и это доставляло мнѣ отдыхъ и развлеченіе. Младшій врачъ относился ко мнѣ весьма сочувственно, назначалъ мнѣ болѣе питательныя пищевыя порціи. Познакомившись съ нимъ, я попросилъ дать мнѣ что-либо читать,—онъ назвалъ мнѣ нѣкоторыя сочиненія, которыя были у него, и, по моему выбору, принесъ мнѣ «Исторію воздухоплаванія», которую я прочелъ съ большимъ увлеченіемъ. Къ сожалѣнію, имени и фамиліи его я не могу теперь вспомнить, но старые года мои не заслонили въ моихъ воспоминаніяхъ его дорогой для меня образъ: онъ какъ бы живой и теперь передъ моими глазами и въ сердцѣ моемъ я храню къ нему чувства глубокой благодарности. Милый профельдшеръ заботился постоянно о моемъ благополучіи, и я былъ окруженъ невидимыми заботами моихъ новыхъ доброжелателей. Рука у меня болѣла все также по ночамъ, но я о ней пересталъ и думать, и только при вопросѣ о здоровьѣ говорилъ, что мнѣ лучше. Одно, чего мнѣ недоставало, я не могъ выходить на воздухъ и только смотрѣлъ въ открытыя окна. Въ арестантской палатѣ я встрѣтилъ нѣсколько сектантовъ—нѣмцевъ и нашихъ. Между послѣдними были строгіе фанатики. Одинъ изъ нихъ, говоря о преслѣдованіяхъ ихъ правительствомъ, выражалъ свою готовность «принять пулю, какъ драгоцѣнную жемчужину.»

Во время моего пребыванія въ госпиталѣ случилось со мною памятное мнѣ происшествіе. Вдругъ, въ утренній часъ, вошелъ въ палату офицеръ жандармскаго вѣдомства и за нимъ плацъ-маіоръ Червинскій и остановились у моей кровати: офицеръ этотъ передалъ мнѣ конвертъ, онъ былъ адресованъ на мое имя и запечатанъ большою печатью.

— Это письмо на ваше имя,—сказалъ онъ.

Я прочелъ надпись и распечаталъ конвертъ: въ немъ было письмо

отъ моихъ родныхъ, написанное рукою брата Николая. Я прочиталъ съ безпокойствомъ и большимъ интересомъ. Затѣмъ мнѣ сообщено было, что я долженъ сейчасъ же отвѣтить собственноручно и передать мой отвѣтъ принесшему мнѣ письмо.

Мнѣ былъ данъ листъ почтовой бумаги большого формата. Я сѣлъ за столъ и сочинялъ письмо. Въ письмѣ ко мнѣ спрашивалось о моемъ здоровьѣ, сообщалось о готовности пріѣхать въ Херсонъ для свиданія со мною и о домашнихъ новостяхъ. Я отвѣчалъ, чтобы они не безпокоились обо мнѣ, что я переношу много лишеній, живу въ казармахъ съ арестантами, но вообще духомъ бодръ и здоровъ, въ госпиталѣ теперь, потому что у меня болитъ рука, которая, надѣюсь, скоро пройдетъ. Предложеніе пріѣхать ко мнѣ повидаться теперь же я отклонилъ и очень просилъ ихъ не пріѣзжать сюда; въ настоящее время видѣть ихъ мнѣ было бы очень тяжело, но я буду надѣяться на лучшее время для свиданія съ ними...

Когда я окончилъ, я отдалъ написанный листъ жандармскому офицеру, и онъ, сложивъ его, положилъ въ заранѣе приготовленный уже конвертъ и спряталъ въ свой боковой карманъ. Затѣмъ, не сказавъ мнѣ ни слова, слегка кивнувъ головой, ушелъ; за нимъ послѣдовалъ и плацъ-маіоръ. Послѣ я слышалъ отъ Биліо, что плацъ-маіоръ былъ очень непріятно удивленъ такимъ, помимо моего прямого начальства, дѣйствіемъ жандармскаго управленія.

XXX.

Въ моемъ предыдущемъ описаніи я не проронилъ ни одного дурного слова объ арестантахъ вообще, и мнѣ было бы грѣшно выставлять на видъ дурное изъ нашей немногочисленной подневольной, замкнутой семьи. Многія погрѣшности можно и простить живущимъ въ такихъ ненормальныхъ условіяхъ жизни. Почти всѣ дѣйствія, называемыя по закону преступными, совершаются въ горячности или въ пьяномъ видѣ и рѣдко кто усваиваетъ себѣ, пріобрѣтаетъ склонность къ повторенію такихъ дѣйствій.

Не могу, однако же, не сказать, что большинство ихъ были осуждены за воровство, и они, сохраняя въ себѣ склонность къ такого рода дѣйстіямъ, возвращались съ работъ не всегда съ пустыми руками. Принося вещи украденныя, они ихъ припрятывали. У нѣкоторыхъ были ящики подъ нарами. Больше приносили они по вечерамъ, возвращаясь въ сумерки, и въ тотъ же самый вечеръ, послѣ ужина, на верхнихъ нарахъ производилась продажа ихъ съ аукціона. Приходили снизу многіе посмотрѣть, что продается. Продажа эта имѣла свой порядокъ: производилъ ее такъ называемый майданщикъ—арестантъ запасливый, у котораго были всегда на-готовѣ вещи первой необходимости—у него можно было купить свѣчу, посуду и другія

вещицы. Онъ же держалъ у себя карты, и около него собирались играющіе. Приходившій взглянуть снизу долженъ былъ, пробравшись наверхъ, присѣсть, такъ какъ тамъ стоять было нельзя. Если было темно, зажигалась свѣча. Все это дѣлалось безъ шума, хотя и не очень стѣсняясь—всѣ знали, всѣ пользовались, кто могъ, и всѣ молчали. Вещь показывалась и называлась по имени. Унтеръ-офицеры не вмѣшивались ни во что, да имъ и дарилась часть этихъ вещей, въ особенности фельдфебелю. Говорили, что и ротный былъ задабриваемъ приношеніями украденныхъ лучшихъ вещей. Таковы были нравы полвѣка тому назадъ, никто не осуждалъ, не протестовалъ. Я приходилъ взглянуть тоже на эту продажу и удивлялся, какъ много было накрадено, быть можетъ, это не за одинъ разъ.

XXXI.

Весна скоро смѣнилась лѣтомъ, прошли дожди и грозы, наступили ясные, сухіе и пыльные дни. Пыль эта была не такая, какую я привыкъ видѣть въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи; она была известковая, мельчайшая, парящая въ воздухѣ какъ бы до небесъ. Эта пыль, какъ я узналъ позже, по всей южной Россіи, но я впервые увидѣлъ и ощутилъ ее въ Херсонѣ. Съ непривычки она трудно переносима и вызываетъ постоянное желаніе вымыть себѣ лицо, глаза, уши, носъ и руки. Она забивается въ самыя тончайшія ткани одежды. Для меня, случайнаго жителя острога, лишеннаго возможности соблюдать привычную чистоту, она была особенно тягостна. Въ маѣ уже наступили жары. Для арестантовъ Херсонскаго военнаго острога особаго лѣтняго платья не было, и всѣ ходили въ зимнихъ суконныхъ курткахъ, а на работахъ онѣ сбрасывались, и работали безъ нихъ. Арестантскія работы производились большею частью, какъ я уже упомянулъ, безъ торопливости, лишь бы арестанты не сидѣли сложа руки, но нѣкоторыя изъ работъ были спѣшныя, и тогда унтеръ-офицеры и инженерные начальствующіе наблюдали сами и торопили. Въ такихъ случаяхъ предпочиталась работа на урокъ, т.-е. назначалось, сколько должно быть исполнено утромъ и послѣ обѣда, и арестанты охотно и дружно принимались за дѣло и приводили его скорѣе къ назначенному концу, чѣмъ бы они сдѣлали это съ понуканіями. По окончаніи урока они были свободны и могли возвращаться раньше въ свое жилище. На таковой работѣ, если я находился въ нарядѣ, то считалъ долгомъ участвовать въ общемъ трудѣ. Работа эта раннимъ окончаніемъ обязательнаго труда утромъ и вечеромъ даетъ болѣе отдыха и измѣняетъ отчасти весь день. Вотъ одинъ изъ такихъ дней.

Работа была въ крѣпости на берегу Днѣпра—ломка стараго строенія и переноска годнаго матеріала въ другое мѣсто. Назначенъ былъ большой нарядъ арестантовъ, а работа, дли успѣшнаго окончанія, дана

была на урокѣ. Арестанты, взявшись за дѣло, торопились окончить его какъ можно скорѣе, потому и я счелъ нужнымъ содѣйствовать своими руками къ скорѣйшему его окончанію. Какъ только я началъ работать, помогая переносить, я былъ остановленъ арестантами, но въ этотъ разъ я не хотѣлъ присутствовать, ничего не дѣлая, когда всѣ усиленно работали. Многіе изъ арестантовъ противились этому и унтеръ-офицеръ тоже отговаривалъ, но я не оставилъ работу и мнѣ было это вовсе не трудно. Мы кончили часомъ раньше передъ обѣдомъ и отправились на покой. Мнѣ было пріятно, что я исполнилъ то, что считалъ долгомъ. Къ тому же, работа, не будучи сверхъ моихъ силъ, меня не утомила, а только оживила во мнѣ кровообращеніе. Послѣ обѣда мы отправились вновь на ту же работу и вернулись въ казарму раньше сумерекъ, и я былъ доволенъ работою дня. День былъ жаркій; по приходѣ въ казарму, большинство арестантовъ вышли отдыхать на дворъ. На немъ, какъ я уже упомянулъ, росло большое дерево бѣлой акаціи; оно было все въ цвѣту и наполняло воздухъ живымъ ароматомъ. Усталый нѣсколько въ этотъ день, я сѣлъ подъ нимъ, прислонившись спиною къ стволу. Солнце садилось, и арестанты всѣ выходили изъ душной тюрьмы на дворъ. Большинство садились, прислонившись къ каменной стѣнѣ, нѣкоторые усаживались вблизи меня подъ навѣсомъ акаціи. Запахи цвѣтовъ, когда-то слышанные нами въ жизни, при повтореніи навѣваютъ воспоминанія былого и переносятъ насъ въ другую обстановку совсѣмъ иного времени. Запахъ бѣлой акаціи былъ мнѣ чрезвычайно пріятенъ и вызвалъ передо мною картину лѣта, проведеннаго мною однажды за границей въ 1845 году въ Карлсбадѣ, куда я сопутствовалъ мою больную мать. Сидя на арестантскомъ дворѣ, я мысленно уносился въ это пріятное мнѣ воспоминаніе: я былъ тогда еще студентомъ и наслаждался полнѣйшею свободой, совершалъ дальнія, загородныя прогулки, всюду одинъ, бродилъ по горамъ, по непроходимымъ путямъ, лежалъ на самыхъ вершинахъ горъ, на спинѣ, смотря на небо, не видя кругомъ себя земли. Утромъ, по желанію и настоянію моей матери, для запаса здоровья, принималъ я теплыя ванны горячаго источника Шпруделя и въ тотъ же день, послѣ обѣда, спускался на цѣлые часы въ долину Егеря и, подходя, разгорѣвшись и въ поту, къ рѣкѣ, купался въ ней съ наслажденіемъ.

Тогда я былъ вполнѣ свободенъ и счастливъ,—теперь я запертъ въ тюрмѣ, нéгдѣ и омыться... Кельхинъ вышелъ на дворъ и сѣлъ подлѣ меня. Всѣ говорили о томительной жарѣ и недостаткѣ хорошаго дождя. Между тѣмъ темнѣло все болѣе, и остальные рабочіе наряды возвращались домой. Билась вечерняя заря. Арестанты всѣ повыходили изъ душныхъ стѣнъ казармы на дворъ и, сидя, разговаривали кучками.

Вечеръ былъ безоблачный, потемнѣвшее небо заблистало звѣздами, Кельхинъ и я, мы встали, и, прохаживаясь со мною, онъ предался

воспоминаніямъ совершеннаго имъ дважды кругосвѣтнаго плаванія, въ «немолчномъ разливѣ океана». Я интересовался его разсказами; при этомъ онъ называлъ поименно созвѣздія и звѣзды, видимыя нами.

— Вотъ Малая Медвѣдица,—говорилъ онъ,—и полярная звѣзда; отъ нея, проводя прямыя линіи, можно найти всякую звѣзду. Послѣдовательность восхожденія звѣздъ одной за другою не мѣняется;—вотъ Плеяды, за ними всегда слѣдуетъ Альдебаранъ—свѣтлая звѣзда 1-й величины, за нимъ—ближе къ горизонту—стоитъ созвѣздіе Оріонъ, а за нимъ на горизонтѣ восходитъ Сиріусъ—самая яркая, сверкающая бѣлокалильнымъ бриліантовымъ лучемъ неподвижная звѣзда въ нашемъ полушаріи! А вотъ стоитъ Юпитеръ, теперь находящійся въ періодѣ близкаго своего разстоянія къ солнцу и землѣ...

Онъ говорилъ объ отдаленности отъ земли планетъ и неподвижныхъ звѣздъ и о паралаксахъ: экваторіальномъ (на поверхности земли) и годовомъ (на различныхъ пунктахъ земной орбиты), какъ о способахъ измѣренія этого разстоянія, возможныхъ только для нѣкоторыхъ болѣе близкихъ звѣздъ... Поздно ночью окончилась его поучительная для меня астрономическая бесѣда, къ которой я былъ уже отчасти подготовленъ моими предыдущими чтеніями.

По случаю описанной въ этой главѣ работы вспоминалась мнѣ еще другая, гораздо болѣе урочной побудившая меня къ собственноручному участію въ ней, заключившаяся весьма смѣшнымъ и характернымъ, по отношенію ко мнѣ арестантовъ, эпизодомъ. Это была выбранная мною по дальней прогулкѣ, такъ сказать, пѣшая поѣздка за пескомъ для кирпичнаго завода. Туда назначалось тоже значительное число арестантовъ и двѣ или три тачки для песку. Тачки эти везли сами арестанты, по четыре числомъ, за длинныя, привязанныя къ нимъ, веревки, накидывавшіяся, подобно бурлацкой бичевѣ, петлями на грудь черезъ плечо. Мы выѣхали изъ крѣпости; арестанты, на каждой приблизительно полуверстѣ, смѣнялись для отдыха. Тачки были двуколесныя съ дышлами. Видя, что всѣ арестанты наблюдаютъ очередь, я тоже хотѣлъ раздѣлять ихъ трудъ, но они до этого меня не допускали и впрягались сами. Когда же я убѣдительно просилъ ихъ дозволить и мнѣ везти тачку, они смѣялись и постоянно оспаривали у меня петлю. Это меня приводило въ смущеніе на каждой смѣнѣ впряжки и сдѣлалось до того смѣшнымъ, что кто-то громко сказалъ:

— Когда онъ не хочетъ идти просто, такъ посадимъ его въ тачку!

— Больше нечего съ нимъ дѣлать,—кто-то отозвался на это, меня поразившее предложеніе.

Не долго думая, одинъ изъ нихъ схватилъ меня, поднялъ и посадилъ въ тачку. Я испугался и, смущенный, хотѣлъ выпрыгнуть, но съ боковъ шли арестанты около самой тачки, и мнѣ не удалось.

Такъ ѣхалъ я поневолѣ; но это еще мало: всегдашній шутъ Иванъ Ефимовъ (псаломщикъ) сорвалъ съ дерева длинную вѣтку и, ободравъ

*

ее, раскололъ на концѣ и, вынувъ изъ кармана какую-то тряпку, вродѣ платка, воткнулъ ее въ щель и всадилъ какъ-то въ тачку.

— Вотъ такъ, съ флагомъ мы его повеземъ,—проговорилъ онъ.

Всѣ засмѣялись, и такъ въ тачкѣ доѣхалъ я до самаго мѣста. Набравъ въ тачки песку, мы поѣхали въ обратный путь. Я уже не смѣлъ болѣе ничего говорить и шелъ молча, сконфуженный, всю дорогу.

По этому случаю читатель видитъ, каковы были отношенія ко мнѣ арестантовъ. Во всемъ я видѣлъ ихъ ко мнѣ снисходительность и уваженіе—ничѣмъ собственно мною незаслуженныя, кромѣ, быть можетъ, моимъ къ каждому участливымъ, уважительнымъ обращеніемъ, не подавшимъ никогда никакого намёка на какое-либо мое надъ ними превосходство, по дворянскому моему происхожденію или по образовательному цензу. Во все время моей совмѣстной съ ними жизни они оказывали мнѣ, гдѣ только могли, всякія уступки и одолженія.

Вспоминается мнѣ еще одинъ случай, подходящій къ вышеописанному.

Была весна 1851 года; дожди размыли всѣ дороги, по улицамъ стояли необходныя лужи. Въ это время большой нарядъ арестантовъ шелъ по улицѣ и наткнулся на такой разливъ; близкаго обхода не было,—всѣ остановились, но, подумавъ, пошли по водѣ, погрузившись въ нее всею ступнею. Мое затрудненіе и остановка въ раздумьи были немалыя. И вотъ, въ эту секунду моей нерѣшительности одинъ изъ арестантовъ предложилъ мнѣ перенести меня; я, поблагодаривъ, отказался, но онъ вдругъ, отвѣтомъ на мои слова, подхватилъ меня, понесъ на рукахъ и поставилъ на сухое мѣсто. Я былъ такъ тронутъ его неожиданною предупредительностью, что, ставъ на ноги, обнялъ и поцаловалъ его. Сапоги берегли мы всѣ, и я тоже боялся, что они преждевременно порвутся и износятся; у меня была только одна пара хорошихъ сапоговъ, привезенныхъ съ собою. (Другая, какъ оказалось впослѣдствіи, дана была, по приказанію коменданта, на сохраненіе капитану Петрини).

Вниманіе и заботливость обо мнѣ моихъ сожителей отзывалась въ моемъ сердцѣ самымъ отраднымъ ощущеніемъ и чувствомъ спокойствія и полнѣйшей безопасности въ средѣ отверженныхъ обществомъ. Поистинѣ, я не могу иначе назвать людей этихъ, переносившихъ со мною неволю, какъ моими добрыми и вѣрными товарищами, охранявшими мое благополучіе, и вспоминаю о нихъ съ самою искреннею благодарностью.

XXXII.

Вскорѣ послѣ описанной поѣздки за пескомъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда арестанты не выходили на работу, уже послѣ обѣда, когда день склонялся къ вечеру, я бесѣдовалъ съ Мех-

медомъ, сидя на ступенькахъ крыльца сѣней, выходившаго на дворъ. Мы оба томились жарою и говорили о невозможности выкупаться въ Днѣпрѣ, столь близкомъ отъ насъ. Мехмеду пришла счастливая мысль сдѣлать попытку; но какъ? Онъ говорилъ, что съ Днѣпра приносятъ воду каждый день арестанты. Для этого назначаются два арестанта, въ сопровожденіи одного конвойнаго, котораго можно потребовать во всякое время съ гауптвахты—они, все равно, ничего не дѣлаютъ. Скажемъ, что намъ нужна вода для стирки, и принесемъ ушатъ воды, а когда придемъ на плотъ, то сейчасъ же, въ одну секунду сбросимъ платье и обувь и въ воду. Онъ никогда не пробовалъ еще выкупаться въ Днѣпрѣ, а ему этого очень хотѣлось бы. Мы оба рѣшились попытаться выкупаться, и вотъ Мехмедъ докладываетъ унтеръ-офицеру, что ему нужна вода для стирки. Такъ какъ это было обыкновеннымъ дѣломъ, то препятствія не встрѣтилось, и вытребованъ былъ черезъ окно калитки конвойный. Оставалось взять ушатъ, палку и идти. Насъ выпускалъ дежурный унтеръ-офицеръ и, когда увидѣлъ, что второй арестантъ былъ я, то онъ сказалъ мнѣ: «Вамъ это будетъ тяжело, ушаты у насъ большіе». Я отвѣтилъ, что не будетъ тяжело, и мнѣ нужна вода. Мы оба, съ пустымъ ушатомъ и ковшомъ въ немъ, выскочили изъ калитки и стали спускаться по крутому берегу внизъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ этотъ спускъ къ водѣ лѣтомъ. Мы дошли скоро, надо было сопротивляться большой тяжести, влекшей насъ внизъ. Но вотъ, мы на плоту, поставили ушатъ и сколь возможно быстро раздѣлись и бросились въ воду. Увидѣвъ это, конвойный сталъ кричать на насъ и вознамѣрился не пускать, но Мехмедъ былъ уже въ водѣ и я вслѣдъ за нимъ. Мы оба поплыли. Тогда онъ закричалъ изо всей силы: «Послать ефрейтора!» Мехмедъ, отличный пловецъ, очутившись какъ бы въ своей стихіи, поплылъ далѣе, я же держался вблизи плота, но плавалъ и наслаждался чудеснымъ купаньемъ. Большая крутизна берега заслоняла собою полетѣвшій къ гауптвахтѣ звукъ отъ крика конвойнаго — никто сверху не бѣжалъ на помощь; тогда онъ закричалъ, что будетъ стрѣлять въ Мехмеда, и угрожалъ прицѣломъ, но тотъ махнулъ ему рукою и повернулъ назадъ. Конвойный успокоился, Мехмедъ приплылъ къ плоту, но не вылѣзалъ изъ воды, я тоже остался еще нѣсколько минутъ, и мы оба, чудесно выкупавшись, также скоро одѣлись и, наполнивъ ушатъ, потащили его. Взойдя на значительную уже высоту, я почувствовалъ, что не въ силахъ болѣе идти и просилъ остановиться отдохнуть. Опустивъ на землю, на покатомъ мѣстѣ, ушатъ, причемъ вылилось много воды, мы постояли минуты двѣ, и я принялся вновь за мою тяжелую ношу. Тутъ мы встрѣтили спускавшагося ефрейтора съ ружьемъ, спѣшившаго внизъ, но когда онъ увидѣлъ наше благополучное шествіе вверхъ, то спросилъ: «Чего кричалъ?» Конвойный объяснилъ ему случившееся, и ефрейторъ посмѣялся его трусости. Мы благополучно дошли до калитки, по-

тучали, и насъ впустили на дворъ. Такъ кончился этотъ забавный эпизодъ нашего купанья, доставившій намъ столь пріятное, чудное, можно сказать, въ нашемъ положеніи омовеніе и освѣженіе нашего загрязненнаго пылью и потомъ тѣла.

XXXIII.

Въ серединѣ лѣта я былъ потребованъ комендантомъ. Такая новость сначала меня какъ бы испугала: не случилось ли чего помимо моего вѣдома. Для исполненія сего позванъ былъ съ гаупвахты конвойный, и я пошелъ одинъ съ нимъ (безъ унтеръ-офицера, какъ это было прежде). Это было утромъ и въ праздничный день. Я вошелъ въ переднюю, (конвойный остался у входа) и меня попросили войти въ пріемную, и затѣмъ я былъ приглашенъ въ кабинетъ. Коменданта я видѣлъ только одинъ разъ — въ вечеръ моего прибытія въ Херсонъ. Я увидѣлъ передъ собою при дневномъ свѣтѣ того же худенькаго, небольшого роста старичка. Фамилія его была Краббе. Онъ всталъ, когда я вошелъ, и говорилъ со мною стоя (чтобы не просить меня у него сѣсть, вѣроятно), но въ разговорѣ говорилъ мнѣ «*вы*» и высказывалъ сожалѣніе, что онъ не можетъ сдѣлать мнѣ никакихъ снисхожденій, что предписанія обо мнѣ очень строгія, и что онъ не одинъ здѣсь,а на глазахъ у людей,готовыхъ на все:«Я уже разъ,—сказалъ онъ,—по неосторожности, былъ подъ судомъ 5 лѣтъ; теперь я опасаюсь всего!..» Затѣмъ онъ сказалъ, что мнѣ разрѣшено писать письма роднымъ, черезъ него предложилъ написать сейчасъ же письмо. Я былъ тому радъ и написалъ коротенькое сообщеніе, что я здоровъ, живу въ казармѣ съ прочими арестантами и надѣюсь, что это время пройдетъ, и я вернусь вновь въ прежнюю жизнь въ наше семейство... Съ тѣхъ поръ я по временамъ былъ вновь требуемъ комендантомъ и вновь писалъ короткія письма о моемъ здоровьи, безъ всякихъ подробностей. Онъ со мною наединѣ былъ вѣжливъ и увѣрялъ меня, что онъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ все отъ него зависящее для скорѣйшаго моего освобожденія.

XXXIV.

Въ одинъ изъ буднихъ дней августа мѣсяца, подъ вечеръ, когда спадалъ жаръ, арестанты возвращались партіями съ различныхъ работъ и немногіе, вернувшіеся уже, отдыхали, выйдя на дворъ,—вдругъ щелкнулъ затворъ калитки, отворилась дверь и вошелъ на дворъ капитанъ Петрини, замѣтно выпившій. Съ нимъ вмѣстѣ вошелъ и чернорабочій съ топоромъ за поясомъ.

Такое явленіе обратило вниманіе всѣхъ бывшихъ на дворѣ и притомъ возникъ вопросъ: «Зачѣмъ этотъ рабочій съ топоромъ,—починять что ли, что понадобилось?» Никто не отгадалъ, да и возможно ли сообразить, что всплыветъ на видъ въ грязной тинѣ представленій

пьянаго глупца?! Войдя, онъ направился вдоль по срединѣ двора къ правой его (отъ выхода изъ сѣней) сторонѣ. При приближеніи его сидѣвшіе вставали; онъ смотрѣлъ впередъ, ничего не говорилъ, а между тѣмъ, что было въ его головѣ, носило въ себѣ жестокій замыселъ—совсѣмъ ненужное лишеніе самою природою, казалось, сохранившагося утѣшенія для людей заключенныхъ, лишенныхъ вечерняго отдыха: въ его сумасбродной головѣ спьяна блеснула мысль, зачѣмъ на арестантскомъ дворѣ растетъ дерево душистой акаціи? Оно совсѣмъ неумѣстно, притомъ же оно можетъ пригодиться къ совершенію побѣга. Срубить эту акацію доставлявшую арестантамъ все же нѣкоторую отраду.

Къ нему выбѣжалъ изъ казармы дежурный унтеръ-офицеръ. Никому, не говоря ни слова, Петрини подошелъ къ акаціи и приказалъ срубить это дерево. Немногіе присутствовавшіе едва успѣли сообразить, какъ уже топоръ былъ взмахнутъ, ударъ былъ нанесенъ въ основаніе ствола многолѣтней акаціи. Двое изъ близъ стоявшихъ арестантовъ отважились возразить, но ротный командиръ закричалъ:

— Молчать! Я отвѣчаю за васъ, мерзавцы! Нужна имъ еще акація!.. Руби!

И удары остраго топора подсѣкли внизу слабый, на мягкой древесинѣ, стволъ прекраснаго дерева: оно склонилось на бокъ и затѣмъ упало, обсыпавъ сухими стручками землю, на которой росло!.. Виновники этого позорнаго дѣла, совершивъ его, ушли и рабочій поволокъ по землѣ упавшую акацію! Широкія вѣтви, не входившія въ отверстіе калитки были тутъ же обрублены и выпихнуты наружу.

Возвращавшіеся съ работы арестанты, всѣ, не заходя въ казарму, приближались ко пню павшей акаціи и, покачивая головой, отходили съ ругательствами. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Видитъ Богъ, что дѣлаютъ злодѣи!»

Другое безсмысленное, нахальное дѣйствіе капитана, совершившееся на моихъ глазахъ, было слѣдующее.

Въ праздничный день, когда арестанты были всѣ дома, въ послѣобѣденное время, пришелъ ротный командиръ въ острогъ, тоже выпивши. Онъ имѣлъ видъ недовольный, строгій. Обходя казарму, онъ смотрѣлъ на всѣхъ, останавливался и заводилъ придирчивые разговоры. Арестанты отвѣчали, но, одинъ изъ нихъ (это былъ недавно присланный—непомнящій родства) чѣмъ-то провинился, и онъ, обращаясь къ сопровождавшему его унтеръ-офицеру, приказалъ подать розги. Арестанты, слышавшіе это, были удивлены, также какъ и унтеръ-офицеръ, недоумѣвавшій и не торопившійся исполнить приказаніе. Но когда приказаніе было повторено, уклониться ему было нельзя и онъ пошелъ. При мнѣ спроса на розги не было ни разу, и онѣ, вѣроятно, употреблялись рѣдко, потому ихъ наготовѣ не было. Командиръ ходилъ разсерженный взадъ и впередъ, плевалъ на полъ, каш-

лялъ, бормоталъ что-то, произнося ругательныя слова, затѣмъ вышелъ на крыльцо и тамъ дождался розогъ. Онѣ принесены были въ казарму, и съ ними захвачена была изъ сѣней скамейка и поставлена въ срединномъ проходѣ передъ дверью канцеляріи. Всѣ спрашивали вполголоса: для кого это? и ожидали, что будетъ.

— А ну ты, какъ тебя тамъ, непомнящій родства, что ли?.. А ну, иди сюда, ложись!

— За что же, ваше высокородіе?—сказалъ подошедшій тихимъ голосомъ,—я не виноватъ!

— А ну, чтобъ ты зналъ здѣшніе порядки и какъ говорить съ ротнымъ командиромъ, ложись!

Наказаніе долженъ былъ производить унтеръ-офицеръ. Несчастный, мнимо-провинившійся въ чемъ-то опустился на скамью.

— Ваше высокоблагородіе! за что же? Я ничего не сдѣлалъ.

— Говори тамъ, бездѣльникъ; чтобы ты зналъ, какъ отвѣчать. Сѣки его!..

Унтеръ-офицеръ, неохотно принявшійся за это скверное дѣло, для вида, легко нахлестывалъ бѣднаго арестанта. Тогда командиръ, замѣтивъ это, окинулъ взглядомъ толпу стоявшихъ и, увидѣвъ выдающуюся высокую, смуглую фигуру одного изъ турокъ, закричалъ:

— Мустафа! А ну, иди сюда!

Мустафа подошелъ.

— Возьми розги и сѣки его!

Мустафа, всегда тихій, кроткій, долженъ былъ почувствовать всю мерзость такого дѣйствія и сталъ просить освободить его отъ этого дѣла.

— Я не могу—говорилъ онъ и, пожимая плечами, отодвигался.

Тогда пьяный капитанъ, недовольный унтеръ-офицеромъ, но не рѣшившійся поступить съ нимъ, какъ съ арестантомъ, набросился на Мустафу.

— Это что, меня уже не слушаютъ!.. Ты не можешь? Вотъ я тебѣ покажу: не можешь, такъ ложись самъ — я тебя отдеру!..

Тутъ онъ крикнулъ изъ толпы арестанта Лялина, приказавъ ему сѣчь Мустафу (это былъ негодяй, приносившій мнѣ одно время бѣлье). Лялинъ здоровый, высокій, жирный подошелъ къ Мустафѣ взять его, но тотъ оттолкнулъ его съ остервенѣніемъ. Въ это мгновеніе съ верхнихъ наръ кто-то страшнымъ, угрожающимъ голосомъ закричалъ «Лялинъ!..» Въ тотъ же моментъ раздались со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, сзади и спереди неистово кричавшіе голоса, ругавшіе Лялина всякими скверными словами. Вся казарма шумѣла, стучала и кричала, не смолкая. Лялинъ отошелъ, готовый убѣжать; унтеръ-офицеръ, испуганный, подошелъ къ капитану и шепнулъ ему что-то, послѣ чего оба ушли. Виновникъ готоваго разразиться бунта успѣлъ скрыться, сопровождаемый унтеръ-офицеромъ, переступивъ благополучно за ка-

литку арестантскаго двора. Лялинъ же не ушелъ отъ суда толпы: избитый сильными кулаками, съ окровавленнымъ лицомъ, выбѣжалъ онъ въ сѣни, но и тамъ ему покоя не было.

Таковыя дѣла творилъ въ пьяномъ состояніи капитанъ Петрини.

XXXV.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ получать понемногу денегъ, благодаря заботливости обо мнѣ Н. Е. Рудыковскаго, моя имущественная пустота стала понемногу пополняться. Вскорѣ затѣмъ обогащеніе мое приняло большіе размѣры, и ночлегъ мой совсѣмъ преобразился.

Прошу читателя представить себѣ слѣдующую картину: глубокая осень, поздній часъ ночи, я лежу на тюфякѣ на верхнихъ нарахъ, въ своемъ уголкѣ; рядомъ со мною, съ лѣвой стороны спитъ Мехмедъ; между нашими изголовьями стоитъ старый сѣроватый ящичекъ, запирающійся ключемъ, на немъ, воткнутая въ какую-то деревянную подставку, горитъ свѣча. Я лежу и читаю книгу съ карандашемъ въ рукѣ; на ящикѣ, служившемъ намъ столомъ, лежитъ записная школьная тетрадь. Кругомъ тьма и тишина, всѣ спятъ вверху и внизу, кое-гдѣ слышно храпѣнье, порою вздохи и бормотанье во снѣ или при просыпленіи. Вскорѣ я замѣчаю, что верхніе нары, поодаль отъ меня влѣво, освѣтились еще въ двухъ мѣстахъ: тамъ что-то творится не въ одиночку, слышны шопотъ и разговоры въ полголоса, а въ ближнемъ ко мнѣ освѣщеніи, по временамъ слышны и болѣе громкія слова и видны издали размахи рукъ, дѣло обыкновенное, играютъ въ карты. Далѣе за этой компаніей, поодаль отъ нея, у послѣдняго отъ сѣней схода виденъ какой-то мерцающій чуть замѣтный полусвѣтъ, тамъ тоже сидятъ нѣсколько человѣкъ, видны торчащія головы.

Уставъ читать передъ сномъ, я хочу посѣтить ихъ, увѣренный въ томъ, что по моимъ добрымъ отношеніямъ къ арестантамъ, я не нарушу ихъ дѣлъ. И вотъ я поднимаюсь и иду тихонько босикомъ въ рубахѣ, подхожу—все знакомыя лица; между ними одного я хорошо знаю—Еремѣевъ: посрединѣ у нихъ коврикъ и на него выкидываютъ карты, игра идетъ разгоряченно, ставятъ въ конъ то мѣдь, то серебро и затѣмъ, по окончаніи всякаго тура, выигравшій беретъ всѣ деньги. Не знаю, въ какую игру они играли, но между арестантами херсонскаго острога наиболѣе распространенными были игры въ трилистика, въ горку, и въ преферанецъ. Въ сущность этихъ игръ я никогда не вникалъ.

— А! У васъ очень весело!—въ видѣ привѣтствія говорю я.— Должно быть много выигрывается и проигрывается!

— Да, кому какъ, тутъ фортуна только одна играетъ, разсчета никакого!—отвѣчаетъ одинъ изъ игроковъ.

— Охъ, фортуна, фортуненко, гдѣжь до тебѣ стежка?—прибавляетъ другой, смотря на меня.

— Присядьте, посмотрите, кто изъ насъ счастливъ.

Игра продолжается оживленно, вниманіе напряжено, глаза горятъ. Я смотрю не безъ интереса, такъ какъ играющіе волнуются, играютъ горячо, выбрасывая изъ кармана, можетъ быть, послѣднія деньги. Я принимаю участіе въ игрѣ Еремѣева, и онъ на моихъ глазахъ выигрываетъ.

Посидѣвъ съ ними, не торопясь, я простился, поблагодаривъ ихъ и извинившись, направился далѣе къ другому слабому огоньку и вижу, человѣкъ пять, тоже мнѣ знакомыхъ, сидятъ вокругъ маленькой скамеечки. Я подошелъ, они всѣ взглянули на меня сначала, какъ бы смутясь, а потомъ всѣ засмѣялись.

— А, это вы? Вы тамъ въ своемъ уголкѣ дѣлаете свои дѣла, а мы здѣсь тоже праздно не сидимъ.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ я.

— А вотъ, присядьте, увидите...

На скамейкѣ что-то горитъ мерцающимъ пламенемъ подъ котелкомъ; въ немъ виденъ какой-то плавящійся бѣлый металлъ и одинъ изъ нихъ выливаетъ эту жидкую массу въ глиняную форму на таковой же подставкѣ. По остываніи масса вынимается и показывается, вышелъ кружокъ съ надписью, похожій на четвертакъ.

Видя это, я удивился и сказалъ:

— И вы не боитесь это дѣлать? И меня не боитесь?!

— Что же намъ васъ бояться? Мы всѣ васъ знаемъ, вы же не выдадите насъ... А если выдадите, такъ мы скажемъ, что вы съ нами вмѣстѣ, да еще научали насъ!

— Вотъ какъ! Сказать-то я, конечно, не скажу, но все же вы что-то ужъ очень смѣлы... лучше бы вамъ совсѣмъ оставить это!

— Вотъ, посмотримъ, позабавимся... еще не сбывали нашихъ четвертаковъ... Мы дѣлаемъ только пробу.

— Это дѣло очень трудное и не съ вашими средствами... Мой совѣтъ — лучше бросить и выкинуть все, чтобы и слѣдовъ не осталось.

Побывъ еще нѣсколько минутъ, я поторопился уйти и легъ спать, раздумывая о безумствѣ вообще человѣческихъ дѣлъ.

Мое ночное занятіе—чтеніе книги, хотя и было запрещеннымъ для меня въ то время, но оно было, при установившихся уже для меня отношеніяхъ къ моему начальству, совершенно безопасно и потому прочно и устойчиво и мои ночныя занятія пережили собранія «ночныхъ верхненарныхъ монетчиковъ» (какъ я ихъ въ то время назвалъ). Собранія эти, хотя и продолжались еще нѣкоторое время, но я ихъ не посѣщалъ болѣе и потомъ я ихъ болѣе не видѣлъ.

Картежники, которыхъ я тоже болѣе не посѣщалъ, продолжали играть, и у нихъ случилось однажды большое замѣшательство, встревожившее весь острогъ.

Ночная тишина вдругъ прервана была внезапнымъ шумомъ и возней. Одинъ изъ участниковъ игры (вѣроятно, мало извѣстный прочимъ) схватилъ кучку денегъ, лежавшихъ на коврикѣ, и побѣжалъ; за нимъ вскочили всѣ въ погоню. Тутъ была бѣготня въ потемкахъ, (свѣчи потушили) по ногамъ лежавшихъ; крикъ, вскакиванье спокойно спавшихъ, при непониманіи отчего. Я тоже задулъ мою свѣчу. Движеніе это перешло на нижніе нары, такъ какъ убѣгавшій бросился внизъ и сдѣлалось въ казармѣ всеобщее смятеніе, люди кричали, ругались, большая часть не знала, что случилось. Затѣмъ, внизу драка. Только медленно, съ пробужденіемъ начальства и послѣ криковъ и побоевъ неизвѣстно кѣмъ, кому, и за что, все вновь успокоилось. Таковы были ночныя дѣла, которыхъ я былъ невольнымъ свидѣтелемъ.

XXXVI.

Въ этой главѣ я имѣю въ виду описать побѣгъ двухъ арестантовъ изъ Херсонскаго острога, совершившійся въ мою бытность въ немъ.

Полвѣка тому назадъ не только тюрьмы, но и всѣ южные окраины Россіи были полны бѣглыми. Источниками постояннаго пополненія ихъ была наша крѣпостная Русь и наша тогдашняя армія съ ея 25-лѣтнею службою съ побоями и невозможной выправкой парадной трехпріемной маршировки, съ 18-ти фунтовымъ ружьемъ на плечѣ, при требованіи стоянія на одной ногѣ въ самомъ неудобномъ для сохраненія равновѣсія положеніи. Я упоминаю объ этомъ, какъ самъ прошедшій всю эту школу, на службѣ солдатомъ съ 1851 по 1857 гг.

Въ то, такъ называемое, доброе старое время, нынѣ съ ужасомъ вспоминаемое, какъ что-то будто нарочно для мученія людей измышленное, побѣги были частые и тюрьмы, по прежнему устройству ихъ, давали тому возможность. Съ того времени образовался особый типъ арестантовъ-бродягъ, бездомныхъ скитальцевъ, предпочитавшихъ неволѣ самые опасные переходы по безлюднымъ сибирскимъ тайгамъ, и имъ не были препятствіями «ни морозы Сибири, ни таежный звѣрь». Это бѣглецы изъ тюремъ—любители странствій, убѣгавшіе съ наступленіемъ весны по призыву кукушки и на зиму ищущіе вновь убѣжища въ тюрьмахъ (Достоевскій). Типы этихъ бѣглецовъ описаны многими нашими литераторами, объ нихъ упоминаетъ и Кенанъ (Сибирь).

Такихъ не было въ Херсонскомъ острогѣ, но всѣ заключенные въ тюрьмахъ всегда готовы на побѣгъ, если таковой представляется возможнымъ и если имѣется надежда достать себѣ видъ на жительство. Въ то время это было гораздо легче, чѣмъ теперь. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторые славились въ то время своими отважными побѣ-

гами и схватками съ преслѣдовавшей ихъ вооруженной стражей и болѣе прочихъ распространены были разсказы о знаменитомъ скитальцѣ Кармалюкѣ. Въ мою бытность въ Херсонскомъ острогѣ всѣ знали его имя, но никто самъ его не видѣлъ. О немъ сложились многочисленные разсказы о его побѣгахъ изъ тюремъ и при шествіи по этапамъ, и о его вліяніи на арестантовъ. Онъ повсюду являлся руководителемъ толпы и примѣромъ тому приводятъ различные случаи и между прочими такой, мною слышанный: большая партія бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, преслѣдуемая погоней, имѣла выборъ двухъ путей— тропинка, ведущая въ лѣсъ, и большая дорога. Кармалюкъ избралъ послѣдній путь и звалъ всѣхъ послѣдовать за нимъ, но большая часть пошла тропинкой въ лѣсъ. Всѣ послѣдніе были, будто бы, пойманы, тѣ же, что пошли большой дорогой за Кармалюкомъ, всѣ счастливо спаслись, достигнувъ скоро по пути лучшаго убѣжища. Въ тюрьмахъ онъ держалъ себя инкогнито, былъ молчаливъ и тихъ, пока не представлялось дѣло. Изъ всего слышаннаго у меня сложились о немъ немногія свѣдѣнія. Онъ жилъ, должно быть, въ 40-хъ годахъ, родомъ изъ Каменецъ-Подольской губерніи, малороссъ.

За какую провинность онъ впервые лишился свободы, осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Онъ сосланъ былъ въ Сибирь и оттуда начались его странствія. Онъ бѣжалъ и добрался до родины, гдѣ не нашелъ ни жены, ни хаты, въ которой прежде жилъ, пробовалъ устроиться вновь и жить своимъ трудомъ, но это было ему, при его положеніи, невозможно и тогда онъ рѣшился выйти на дорогу, какъ это говорится въ пѣснѣ его: «Такъ выйду жъ я на дорогу,—никого не пущу, чи то жида, чи то пана, хоцъ якого графа...»

Пѣсня эта извѣстна мнѣ только отрывками. Въ личности Кармалюка соединяется идеалъ тогдашняго бродяги. Въ наше время такіе Кармалюки стали невозможными: теперь другія условія жизни, другія общественныя отношенія, идеалы совсѣмъ другого рода, и въ тюрьмахъ поются совсѣмъ иныя пѣсни.

Побѣгъ изъ Херсонскаго острога совершился слѣдующимъ образомъ.

Въ бурную осеннюю ночь 1850 года спавшіе арестанты были разбужены поспѣшнымъ вхожденіемъ многихъ унтеръ-офицеровъ и спросомъ: «Кто бѣжалъ, съ какого мѣста наръ?» Разсказъ о томъ, что предшествовало этой тревогѣ, былъ слѣдующій.

Часовой (изъ недавно принятыхъ на службу) стоялъ на своемъ посту за высокою стѣною арестантскаго двора. Онъ укрывался въ шинель отъ бури, вѣтеръ вылъ, было совершенно темно... вдругъ что-то грохнулось какъ бы на него съ двухъ сторонъ; онъ испугался, уронилъ ружье и сталъ кричать «*Караулъ!*». Съ гаупвахты прибѣжали вооруженные люди и нашли его одного—дрожащимъ въ испугѣ.

Тогда дано было знать начальству и прибѣжали унтеръ-офицеры. Какъ и кто бѣжалъ—осталось невыясненнымъ, но по двумъ паденіямъ (со словъ часового) полагалось, что бѣжали двое, соскочивъ со стѣны близъ самого часового. Прибѣжалъ въ казарму встревоженный фельдфебель; послѣ опросовъ арестантовъ, кого нѣтъ, оказалось, что исчезли двое т. н. *Одесскіе*. Оба были пожилые. «Бѣжали одесскіе!»—всюду разнеслась молва. Какъ они бѣжали, остались ли слѣды — я не помню.

Какъ они взобрались на высокую каменную стѣну? Говорили о веревкѣ съ острымъ крючкомъ, заброшеннымъ снутри поверхъ стѣны, такъ что крючекъ захватилъ за другой край ея и натянутъ былъ какъ якорь, съ укрѣпленной на немъ веревкой, по которой арестанты могли влѣзть наверхъ толстой стѣны и затѣмъ, когда уже они оба были наверху, разомъ спустились на другую сторону и упали на землю.

Послана была погоня и письменныя извѣщанія въ уѣзды и сосѣднія губерніи, для изловленія бѣжавшихъ;—телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было.

Арестанты слѣдили нѣсколько дней и долго потомъ за извѣстіями и радовались, что таковыхъ не послѣдовало—«ни слуху, ни духу»— ушли, стало быть, освободились отъ проклятой неволи, должно быть, навсегда. Знавшіе ихъ близко предсказывали ихъ поимку—по склонности ихъ къ выпивкѣ; но этого не случилось—«должно быть, выпили уже въ безопасномъ мѣстѣ, добравшись до родины, а тамъ и нашли себѣ пріютъ, спасены!»

Послѣдствія ихъ побѣга, однако же, почувствовали мы всѣ, оставшіеся въ острогѣ: присмотръ былъ усиленъ, посты часовыхъ прибавлены. Начальство—ротный и фельдфебель—часто появлялось, но все это ничего, а была одна крайняя всѣмъ тягость: выходные двери на дворъ на ночь запирались и потому въ сѣни вносимъ былъ большой ящикъ съ крышкою, *«параша»*! Всѣ почувствовали это спавшіе въ двухъ казармахъ. Была общая жалоба, и жестокое это распоряженіе было скоро отмѣнено, и о побѣгѣ забыто всѣми.

XXXVII.

Описывая острожную жизнь въ ея разныхъ проявленіяхъ, не могу не упомянуть объ отношеніи населенія къ арестантамъ и лично ко мнѣ.

Населеніе, простой народъ, вообще къ арестантамъ относилось съ состраданіемъ и участіемъ.

Ежедневно, среди крѣпости, по дорогамъ, на базарахъ и площадяхъ, въ улицахъ города, проходя съ партіей арестантовъ, я видѣлъ,

нерѣдко, что люди встрѣчные останавливались, прерывая свои дѣла, и смотрѣли на нихъ, какъ бы размышляя о чемъ. Въ размышленіяхъ этихъ несомнѣнно все поглощалось чувствомъ сожалѣнія и желаніемъ хотя чѣмъ либо облегчить ихъ тяжелую участь, таковы вообще природныя чувства русскаго народа—человѣколюбіе, снисходительность, неосужденіе ближняго! Нерѣдко эти самыя личности, смотрѣвшія на арестантовъ и задумавшіяся при видѣ ихъ, подзывали къ себѣ близъ идущаго или сами подходили поспѣшно и совали ему въ руку деньги или куски пищи. Часто, при моемъ нахожденіи въ партіи работавшихъ или мимо проходившихъ арестантовъ, милостыня эта подаваема была мнѣ,—даже чаще, чѣмъ кому-либо—вѣроятно, мой юный еще видъ и малый ростъ удостаивался особаго сожалѣнья. Когда въ первый разъ мнѣ подана была милостыня, неожиданность этого какъ то непріятно поразила меня, какъ бы уколола мое самолюбіе, и вспыхнуло желанье отказаться отъ нея, но чувство этой неумѣстной гордости было мгновенно проскользнувшее, и, видя добродушное лицо подающаго, у меня не хватило дерзости отвернуться и отвергнуть благочестивое приношеніе, да и мои сожители, рядомъ со мною шедшіе, сочли бы это глупою дворянскою спесью. Къ счастью, я все это вдругъ сообразилъ и принялъ милостыню, поспѣшно отвернувшись однако же. Изъ подающихъ были обыкновенно женщины (мужчинъ я не помню вовсе). Иногда проходящая мимо останавливалась, призывая къ себѣ одного изъ насъ движеніемъ руки или головы, и, развязавъ узелокъ, бывшій у нея въ рукахъ, вынимала оттуда булку или другое печенье или сезонные фрукты и отдавала подошедшему или же, что чаще бывало, подходила сама и совала въ руки арестанта пятакъ. И это подаяніе было часто подаваемо мнѣ, я принималъ и благодарилъ, но по полученіи, если это была деньги — отдавалъ ее ближайшему около шедшему, если же это было что-либо съѣстное, то я съ удовольствіемъ съѣдалъ поданное и дѣлился—если было чѣмъ.

По прошествіи полугода по моемъ прибытіи въ Херсонъ, когда уже жителямъ стало извѣстнымъ, что между арестантами находится какой-то привезенный «чи изъ Питера, чи изъ Москвы, ма будь изъ Кыева—панычъ», многіе высматривали партію арестантовъ, ища глазами въ ней маленькаго, смуглаго, очень молодого еще *арестанта*, переговаривались между собою, даже показывали на меня пальцемъ. Однажды я былъ очень удивленъ и сконфуженъ, не зная, что отвѣтить: одна пожилая, толстая, по наружному виду простого званія, женщина, при остановкѣ партіи, вдругъ подошла ко мнѣ близко и, смотря на меня, покачавъ, какъ бы съ сожалѣніемъ головой, сказала мнѣ, громко вздохнувъ:

— Эхъ панычь, панычь! що ты се тамъ наробивъ, що тебе до насъ послалы?!

XXXVIII.

Наступила вновь безснѣжная, вѣтреная зима, а съ нею и новый 1851 годъ. Устраивая все болѣе мой ночлежный уголокъ, я пополнялъ недостававшее въ немъ, но это совершалось медленно, по мѣрѣ возможности, такъ какъ изъ денегъ, даваемыхъ мнѣ Н. Д. Рудыковскимъ, многое шло на ѣду и угощеніе нерѣдко арестантовъ. Такъ, помнится мнѣ, что только въ концѣ 1850 года я могъ позволить себѣ издержку на покупку грубаго дешеваго холста, часть котораго пошла на покрышку для ночи грязнаго тюфяка, другая же болѣе широкая послужила мнѣ одѣяломъ. Также заведены были два полотенца, и моя кожаная подушка была по временамъ обтираема намоченнымъ концомъ одного изъ нихъ. Каждый день, вставая по утрамъ, всю постель мою, съ слабо набитымъ тюфякомъ, я пригибалъ плотно поверхъ подушки. Подъ подушкою хранились кое-какія вещицы моей нетребовательной жизни (кусокъ мыла въ тряпкѣ и бумагѣ, полотенце, гребенка и т. п.).

Въ ветхомъ ящичкѣ подъ замкомъ были книжки и письменныя принадлежности, какъ запрещенный товаръ (во всемъ острогѣ я не видѣлъ ни разу, чтобы кто-нибудь изъ арестантовъ читалъ книгу), перочинный ножикъ для карандаша и кусочекъ резинки.... Бумага покупалась въ мелочныхъ ближнихъ лавочкахъ. Обезпечивъ себя въ самомъ необходимомъ въ этомъ отношеніи, я сталъ подумывать объ умственныхъ трудахъ. Прежде всего у меня были воспроизведены въ памяти и написаны нѣкоторыя стихотворенія, сочиненные мною въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ и новосочиненныя мною большею частью во время нахожденія моего на работахъ. У меня сохранились также нѣкоторые листки того времени. Къ таковымъ принадлежатъ записанныя мною, со словъ Мехмеда, отрывки турецкихъ народныхъ пѣсень и нарисованный моею неумѣлою рукою портретъ Мехмеда, возлежащаго на его постели возлѣ меня—съ головою, покоющеюся на ладони, облокотившейся на изголовьѣ правой руки, также и портретъ другого его земляка—нашегопріятеля Джурги,и еще одного русскаго арестанта, нѣсколько похожаго на меня, въ шапкѣ сѣраго сукна съ широкимъ въ два пальца крестомъ бураго сукна, черезъ всю шапку—одна полоса отъ уха чрезъ макушку до другого уха, другая—отъ затылка до края шапки на лбѣ). Полосы эти на-крестъ, измышленныя съ цѣлью обезображенія, не только не достигали этой цѣли, но даже какъ бы украшали головной покровъ арестанта, и шапка эта мнѣ скоро стала нравиться и я полюбилъ ее. Записывать тогда же все видѣнное и слышанное мною—характерныя выраженія арестантской рѣчи, у меня тогда и мысли не было. Такія замѣтки можно вести только при полномъ спокойствіи духа, отрѣшившись ото всего настоящаго и недавно прошедшаго—всецѣло насъ поглощающаго, какъ это выра-

жено въ первой части моихъ воспоминаній. Да мнѣ и въ голову не приходило, что мнѣ когда нибудь понадобится все это и что черезъ 50 лѣтъ я буду глубоко сожалѣть о томъ. Мысли и желанія мои въ то время всѣ поглощены были заботою объ удовлетвореніи, насколько возможно моихъ первыхъ нуждъ. Положеніе мое на верхнихъ нарахъ я представилъ читателю уже въ готовомъ видѣ, но оно образовывалось медленно, хотя перемѣщеніе мое на верхнія нары и состоялось гораздо ранѣе. Верхній этажъ въ плохо вентилированномъ многолюдномъ помѣщеніи и, къ тому же, въ самымъ дальнемъ отъ сѣней отдѣлѣ, не могъ не быть хуже качествомъ воздуха, чѣмъ нижній, гдѣ я занималъ мѣсто, болѣе близкое отъ выходной двери въ сѣни и передъ самымъ вентиляторомъ (о которомъ было упомянуто при описаніи первой моей ночи въ острогѣ), но я тогда этого вовсе не замѣтилъ и не обратилъ никакого вниманія въ виду большого неудобства помѣщенія моего внизу и возможности имѣть какой-нибудь свой, въ нѣкоторой степени изолированный уголокъ. Въ немъ было менѣе шума и сосѣдъ мой съ другой стороны былъ нѣсколько поодаль отъ меня. То же тамъ было и чище,—такъ мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, по опрятности моихъ сосѣдей, а также и по меньшему, сравнительно, количеству обсыпавшихъ меня насѣкомыхъ, или, можетъ быть, я уже привыкалъ къ этой обсыпкѣ и не такъ ее чувствовалъ. Вообще, я все болѣе приспособлялся къ новымъ условіямъ моей тюремной жизни и болѣе терпѣливо переносилъ ее. Всякій разъ выходилъ я на работу и по возвращеніи чувствовалъ себя нѣсколько освѣженнымъ прогулкою и пребываніемъ внѣ-казарменнаго воздуха. По вечерамъ, улегшись на своемъ мѣстѣ, зажигалъ свѣчу и кое-что читалъ и дѣлалъ замѣтки карандашемъ. Такъ текла моя жизнь. Цирюльникъ *Мойша* (солдатъ мѣстнаго баталіона) обходилъ еженедѣльно всю роту и брилъ, смѣясь и шутя, головы арестантовъ. Никто тому не противился, но нѣкоторые просили подождать еще и онъ охотно соглашался, лишь бы начальство не понуждало къ тому. По временамъ, однакоже, упадая духомъ, я болѣе чувствовалъ всю тягость моей жизни и перемѣщался, подъ видомъ болѣзни, для развлеченья и отдыха въ военный госпиталь. Въ немъ я находилъ всякій разъ радушный пріемъ и отдыхалъ, но могъ оставаться тамъ только короткое время, такъ какъ, сидя безъ прогулки, я начиналъ скучать, терялъ аппетитъ, слабѣлъ, даже заболѣвалъ лихорадочнымъ состояніемъ и потому спѣшилъ къ концу второй же недѣли вновь возвратиться въ наше, повидимому, для сохраненія здоровья лучшее помѣщеніе, въ которомъ, скоро по возвращеніи, и выздоравливалъ.

XXXIX.

Давно уже я не упоминалъ о столь интересовавшемъ меня прежде товарищѣ А. Н. Биліо, къ которому я былъ искренно расположенъ

но я его видѣлъ все рѣже, и онъ какъ бы скрывался отъ меня, такъ что я былъ лишенъ сообщества моего добраго пріятеля, которому, съ первыхъ дней моего прибытія, я обязанъ былъ утѣшеніемъ и нравственною поддержкою. Причиной тому было его частое опьяненіе. Онъ возвращался въ казарму, какъ бы чрезвычайно утомленный, молчаливый, иногда съ покраснѣвшимъ лицомъ и сонными глазами, и ложился спать,—на верхнихъ нарахъ. Ночью, говорили мнѣ, онъ часто игралъ въ карты, выигрывалъ и тогда покупалъ водку и угощалъ себя и другихъ. Кельхинъ о немъ говорилъ: «Антонъ Николаевичъ запилъ и тѣмъ погубитъ себя!» Въ одно утро я не нашелъ у моей постели моихъ сапоговъ и, вставъ, босикомъ пошелъ отыскивать ихъ по казармѣ: я ходилъ и спрашивалъ всѣхъ: «Не знаете ли, кто взялъ мои сапоги? Не въ чемъ вѣдь ходить!»

Сапоги мои нашлись и были отданы мнѣ: оказалось, что Антонъ, Николаевичъ проигралъ ихъ въ карты, въ надеждѣ, конечно, отыграться и возвратить мнѣ ихъ во время, но надежда его не сбылась и онъ выпивъ, заснулъ. Съ тѣхъ поръ я его совсѣмъ пересталъ видѣть и скоро узналъ, что онъ, раннею весною 1851 года выбылъ изъ роты, окончивъ свой срокъ, не простившись ни съ кѣмъ. Глущенко и Менщиковъ—его постоянные застольники скуднаго стола, сожалѣли о немъ, но болѣе всѣхъ сожалѣлъ о немъ я. И вотъ, однажды мнѣ случилось встрѣтить его на кирпичномъ заводѣ, на дачномъ помѣщеніи семейства вышеупомянутаго мною дѣлопроизводителя инженерныхъ работъ А. М. Бушкова. Онъ, при видѣ меня, казалось былъ смущенъ и стоялъ, не сдвинувшись съ мѣста. Я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Антонъ Николаевичъ! Вы уже на свободѣ—поздравляю васъ! Отчего же вы такъ ушли, ни съ кѣмъ не простившись, и со мною тоже?

Онъ стоялъ, не зная, что отвѣтить, но въ глазахъ его показались слезы, и онъ прошепталъ, робко смотря на меня:

— Простите! Мнѣ стыдно смотрѣть на васъ!

— Ну простимся же хоть теперь!—сказалъ я. Я обнялъ его; онъ схватилъ мою руку, и съ силой удерживая ее, прижалъ къ своимъ губамъ и цѣловалъ, плача. Я обнялъ его еще разъ,—мы простились. Прощанье это меня разстрогало, и я вышелъ изъ комнаты.

XL.

Настало Рождество и новый 1851 годъ. Думая о томъ, что срокъ мой еще долгъ, я иногда утѣшался мыслью, что, можетъ быть, что-либо и случится благопріятствующее скорѣйшему моему освобожденію, но такія надежды казались уже мнѣ несбыточными, и я старался прогонять отъ себя эти ни на чемъ не основанныя обманчивыя мечты и переходилъ вновь къ обычнымъ моимъ размышленіямъ—о сохраненіи мнѣ моего уголка и о большемъ развитіи въ немъ моихъ умствен-

ныхъ трудовъ, а между тѣмъ это были уже почти послѣдніе дни моей острожной жизни; въ первые дни свѣтлаго праздника, совсѣмъ неожиданно, я былъ освобожденъ и милостиво произведенъ въ солдаты русской арміи.

Не могу умолчать здѣсь объ одномъ странномъ совпаденіи: передъ наступленіемъ этого въ жизни моей столь памятнаго событія, я видѣлъ на вербной недѣлѣ сонъ. Не будучи суевѣрнымъ или вѣрящимъ въ сны, я живо сохранилъ въ памяти моей это какъ бы иносказательное видѣніе.

Мнѣ снилось, что я вышелъ на работу въ большой партіи арестантовъ, но будто бы по какому-то дѣлу, я отдѣлился отъ наряда въ сопровожденіи конвойнаго. И вотъ мы вдвоемъ идемъ по крѣпости, заходимъ въ нѣкоторыя мѣста и затѣмъ повернули на дорогу въ казарму, какъ вдругъ я замѣтилъ, что на головѣ у меня нѣтъ моей полюбленной мною уже шапки съ крестомъ. Встревожась этимъ, мы вернулись и искали забытую гдѣ-то или потерянную мною шапку. Какъ я такъ и конвойный, который былъ ко мнѣ очень внимателенъ и услужливъ, мы старательно искали, но, не найдя, разошлись въ разныя стороны, полагая успѣшнѣе ее найти, но потерявъ надежду, я вернулся къ мѣсту, на которомъ мы разошлись, а конвойный опоздалъ и въ ожиданіи его я встревожился еще болѣе, ходилъ туда и сюда. уже забывъ о потери шапки, смотрѣлъ кругомъ, звалъ его, окликалъ повсюду громко, но отвѣта на мой зовъ не послѣдовало. И вотъ я стою одинъ въ степи и думаю, какъ это нехорошо, я возвращусь одинъ въ острогъ безъ конвойнаго. Онъ можетъ подвергнуться большой отвѣтственности за оставленіе арестанта. Я еще поджидалъ и звалъ его, но онъ не являлся, между тѣмъ все болѣе темнѣло и я рѣшился вернуться безъ него, думая, если я вернусь благополучно, то онъ пойдетъ на гауптвахту и тѣмъ и окончится все; но спѣша возвратиться въ казарму, я не нашелъ болѣе дороги и увидѣлъ себя совсѣмъ въ иной мѣстности: рѣки не было, а передо мною стояли горы и лѣсъ. Такое положеніе меня смутило и я стоялъ въ тревогѣ и недоумѣніи.

Таковъ былъ мой сонъ. Разбуженный какимъ-то шумомъ, я увидѣлъ себя лежащимъ на верхнихъ нарахъ.

XLI.

Настала страстная недѣля, весна переходила уже въ лѣто; солнце грѣло сильно. Въ эти дни арестанты уже не ходили на работы, а только партіями водились въ соборную церковь. Въ одинъ изъ первыхъ дней этой недѣли, утромъ послѣ обѣдни, когда всѣ жители острога были уже дома, вдругъ взоры всѣхъ были привлечены необыкновеннымъ явленіемъ.

У входа изъ сѣней въ казарму показался комендантъ и остановился, спрашивая что-то. Онъ былъ безъ всякой свиты, одинъ. Къ

нему на встрѣчу подбѣжалъ бывшій въ казармѣ дежурный унтеръ-офицеръ и на вопросъ коменданта отвѣтилъ и показалъ рукою на срединный проходъ. Я находился въ эту минуту въ задней части казармы, внизу отъ моего верхняго ночлега, и увидѣвъ коменданта идущимъ по направленію прямо къ намъ, удивился тому и не спускалъ съ него глазъ; онъ шелъ медленно, разсматривая внимательно стоявшихъ по сторонамъ и поднимавшихся, при приближеніи его, съ наръ людей и всматриваясь въ каждаго. Приблизившись къ нашему ряду, онъ узналъ меня и, подойдя ко мнѣ, остановился и сказалъ:

— Я хотѣлъ видѣть васъ и лично передать вамъ, что, по извѣстію, полученному мною сегодня о васъ изъ Петербурга, вы будете очень скоро освобождены изъ острога, радуюсь за васъ!

Сказавъ эти слова своимъ тихимъ голосомъ, но довольно слышнымъ для близъ стоящихъ, онъ постоялъ нѣсколько секундъ, смотря на меня, потомъ повернулся и пошелъ обратно. Я остался, по уходѣ его, погруженный въ пріятную думу. Близъ меня стоявшіе арестанты изъявляли мнѣ свою радость по случаю предстоящаго мнѣ избавленія отъ проклятой тюрьмы, и новость эта разлетѣлась по всей казармѣ. Многіе подходили и поздравляли меня. Я почувствовалъ желаніе сообщить сейчасъ же эту новость Кельхину, но не вышелъ еще изъ нашего отдѣленія, какъ меня догнали всѣ турки и, окруживъ меня, всѣ и каждый въ отдѣльности привѣтствовали съ полученнымъ для меня радостнымъ извѣстіемъ: «Берекетъ олсунъ (милость Божія на васъ), Богъ дастъ, Богъ дастъ,—говорили они, — мы всѣ выйдемъ отсюда—никто не останется здѣсь!»

Перейдя въ другое отдѣленіе, я подошелъ къ Кельхину и сообщилъ ему мою новость. Онъ былъ глубоко тронутъ этимъ извѣстіемъ.

— Слава Богу,—говорилъ онъ,—и мнѣ уже не долго остается пережить васъ здѣсь; осенью этого года исполнится отбывка и моего 15-ти-лѣтняго здѣсь заключенія! Я нерѣдко задумывался о васъ, какъ вы, по выходѣ моемъ отсюда, останетесь одни! Трудно привыкать къ неволѣ! Ну, слава Богу! нужно удивляться, что на вашу долю выпало особое счастье!

Это выпавшее на мою долю дѣйствительно особое счастье (какъ я впослѣдствіи узналъ) было дѣломъ моихъ родныхъ искусно проведенное черезъ высокопоставленныхъ лицъ ходатайство объ освобожденіи меня изъ тюрьмы.

Освобожденіе мое, сколько я помню, послѣдовало на 3—4-й день свѣтлаго праздника и произошло слѣдующимъ образомъ. Пришелъ въ роту фельдфебель и сказалъ мнѣ:

— Я получилъ приказаніе выпустить васъ изъ нашего острога. Мнѣ поручено также зайти съ вами въ цейхгаузъ здѣшняго гарнизона и выбрать для васъ, изъ находящагося въ немъ склада, подходящій для васъ солдатскій нарядъ.

Хотя я и ожидалъ съ нетерпѣніемъ исполненія возвѣщеннаго мнѣ комендантомъ, но слова его меня встревожили, я какъ бы испугался сердце забилось: свобода въ солдатскомъ нарядѣ, неизвѣстность послѣдующаго и приказаніе сейчасъ же выходить мнѣ изъ острога, изгнаніе меня навсегда изъ столь заботливо въ немъ устроеннаго мною уютнаго уголка, съ неизвѣстностью куда; все это вдругъ представилось мнѣ и отозвалось въ сердцѣ какимъ-то смутнымъ болѣзненнымъ ощущеніемъ и выразилось словами:

— Вы меня не выгоняйте сейчасъ изъ нашего жилища, къ которому я уже привыкъ; другого у меня нѣтъ въ Херсонѣ! Да мнѣ и такъ уйти нельзя—надо обойти всю казарму, проститься съ людьми!.. Я вѣдь не сейчасъ отправленъ буду по назначенію, такъ что въ эти дни могу еще заходить къ вамъ!?

— Милости просимъ, будемъ рады всѣ,—отвѣчалъ онъ.

Я обошелъ оба отдѣленія, сказавъ всѣмъ, что ухожу изъ острога, но еще приду проститься.

Мы вышли изъ за желѣзной рѣшетчатой двери сѣней и направились къ цейхгаузу, который былъ близь памятнаго мнѣ ордонансгауза. Тамъ началась разборка солдатскихъ вещей. Мнѣ надобно было подобрать на мой ростъ шинель, брюки и шапку, но вещи всѣ были плохія, какъ бы поношенныя, и самъ фельдфебель совѣстился предлагать мнѣ ихъ. Мы разрыли еще другія связки платья (онѣ перевязаны были поперекъ веревками) и наконецъ выбрали болѣе чистый и къ моему росту подходящій костюмъ. Сдѣлавъ это, мы вышли и я спросилъ фельдфебеля, куда мнѣ идти и гдѣ я буду сегодня ночевать?

Онъ отвѣчалъ: «Я приказаніе начальства исполнилъ, остальное не мое дѣло». Мы разошлись.

Оставшись одинъ, я прежде всего побѣжалъ на инженерный дворъ къ Н. Е. Рудыковскому и, войдя къ нему, предсталъ передъ нимъ въ солдатской формѣ. Онъ былъ очень обрадованъ моимъ появленіемъ, позвалъ свою жену и даже нянюшку съ ребенкомъ на рукахъ привѣтствовать меня. Затѣмъ онъ пригласилъ меня сѣсть и закидалъ вопросами.

— Какъ и куда вы будете отправлены и когда? Обо всемъ этомъ надо вамъ освѣдомиться теперь же у коменданта. Надо вамъ собраться въ дорогу. Я тоже пойду къ коменданту и надѣюсь, что онъ одобритъ мое желаніе, чтобы вы эти дни прожили у меня.

Когда я пришелъ къ коменданту въ солдатской формѣ, онъ принялъ меня какъ всегда вѣжливо, но холодно, поздравилъ съ выходомъ, но о томъ, какъ это случилось столь неожиданно для меня и для него, предпочелъ умолчать, хотя онъ получилъ запросъ обо мнѣ отъ своего начальства, составленный такъ, что онъ не могъ не отвѣчать въ желаемомъ смыслѣ. Затѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что я долженъ бы былъ слѣдовать къ мѣсту назначенія по этапу, но въ виду

ходатайства моихъ родныхъ, мнѣ дозволено отправиться на Кавказъ почтою, въ сопровожденіи унтеръ-офицера, по назначенію мѣстнаго начальства, съ условіемъ его обратнаго возвращенія въ Херсонъ на мой счетъ, и что для этого присланы мнѣ деньги 300 рублей, и предложилъ мнѣ взять изъ нихъ часть, для необходимыхъ издержекъ остальныя же будутъ вручены унтеръ-офицеру, который отправится со мною.

Я просилъ выдать мнѣ изъ нихъ на руки 75 руб., чтобы я могъ собраться въ дорогу. Затѣмъ, я пожелалъ написать черезъ него письмо роднымъ, какъ это я дѣлалъ прежде. Онъ предоставилъ мнѣ свой кабинетъ и вышелъ изъ него. Когда я окончилъ и всталъ, онъ вновь вошелъ въ него и прибавилъ къ сказанному, что все мое привезенное съ собою бѣлье и обувь находятся на храненіи у ротнаго командира и предложилъ мнѣ зайти къ нему за этими вещами (а гдѣ всѣ другія мои вещи — объ этомъ не упомянулъ вовсе). Также прибавилъ еще, что всѣ привезенныя мною книги сохраняются въ его канцеляріи, а одна изъ нихъ находится у него на квартирѣ и я сейчасъ ее получу. Онъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вошла въ кабинетъ его дочь—взрослая дѣвушка и принесла мнѣ книгу; это было извѣстное сочиненіе «Géographie de Balbi», большой толстый томъ въ прекрасномъ заграничномъ переплетѣ. Она отдала мнѣ его; я просилъ ее подождать, развернулъ его, просмотрѣлъ и затѣмъ, настроенный весьма добродушно, предложилъ ей сохранить эту книгу у себя на память отъ меня. Она была, повидимому, очень удивлена такою неожиданностью и, поблагодаривъ меня, подала мнѣ руку и ушла *). Объ этомъ подаркѣ моемъ я очень сожалѣлъ впослѣдствіи, такъ какъ я ѣхалъ жить въ страну некультурную, лишенную всякой книжной торговли, да и сомнѣвался въ томъ, что подарокъ мой былъ оцѣненъ получившими его.

Прежде оставленія дома коменданта, мнѣ пришла счастливая мысль упомянуть ему объ оставляемомъ мною въ острогѣ Кельхинѣ. Я просилъ коменданта обратить вниманіе на этого человѣка, который вполнѣ того заслуживаетъ. Я разсказалъ вкратцѣ исторію его жизни и такъ какъ въ этомъ 1851 году, по отбытіи 15-ти-лѣтняго срока, ему предстоитъ выходъ изъ острога, то я прошу его изъ денегъ, присланныхъ мнѣ, сохранить къ выходу его 20 руб. на первую экипировку его и необходимыя надобности. Онъ выслушалъ меня, казалось, со вниманіемъ и обѣщалъ исполнить мое желаніе и для этого позвать къ себѣ Кельхина и объявить ему о моемъ оставленіи ему 20 руб.

Послѣ этого я простился и вышелъ изъ квартиры коменданта на-

---

*) При продажѣ моихъ вещей съ аукціона на книги не нашлось покупателя и потому только онѣ и сохранились.

всегда уже, произнося слова: «Слава Богу! Теперь буду писать письма кому хочу безъ посредства непрошенныхъ чтецовъ!»

Затѣмъ, я направился вновь къ Рудыковскому, который предложилъ мнѣ перемѣститься къ нему и прожить у него въ семействѣ. Приглашеніе это меня очень обрадовало. Я пошелъ затѣмъ къ моему бывшему ротному командиру; его не было дома, но я засталъ его жену. Она имѣла видъ простой женщины, прилично одѣтой, приняла меня очень радушно: «Она много слышала уже обо мнѣ отъ ея мужа, у нея находится все мое бѣлье и хранится въ полномъ порядкѣ и чистотѣ, также и одна пара сапоговъ». Она предлагала мнѣ чаю или покушать что-нибуь, но я счелъ лучшимъ кончить скорѣе всѣ мои сборы и помѣститься уже спокойно у милаго, дорогого мнѣ, единственнаго моего друга въ Херсонѣ Н. Е. Рудыковскаго. Поблагодаривъ ее за сбереженіе моихъ вещей, я просилъ передать мой поклонъ и благодарность противному мнѣ ея мужу. Вещи всѣ я обвилъ полотенцемъ и съ этимъ пакетомъ пришелъ вновь къ Рудыковскому.

Онъ показалъ мнѣ все свое жилище и нашелъ, что мнѣ всего удобнѣе расположиться у него въ кабинетѣ. Тогда, усталый отъ всей этой спѣшной и тревожной возни, я прилегъ у него въ кабинетѣ на диванъ и задремалъ. Это было полное спокойствіе и давно желанный отдыхъ, не отравленный болѣе никакою мыслью о неволѣ.

Проснулся я разбуженный Рудыковскимъ, приглашавшимъ меня обѣдать. Я былъ очень голоденъ и утолилъ мой голодъ хорошею, питательною пищею. Послѣ обѣда я вновь заснулъ, и когда проснулся, былъ уже вечеръ, но солнце еще стояло надъ горизонтомъ. Тогда я нашелъ нужнымъ зайти въ острогъ и сказалъ о томъ Рудыковскому. Онъ съ удивленіемъ спросилъ меня: зачѣмъ? Я разъяснилъ ему, что такъ слѣдуетъ, я это чувствую какъ бы моимъ нравственнымъ долгомъ, меня влечетъ туда, къ товарищамъ моимъ по заключенію, оставшимся въ неволѣ, я хочу ихъ видѣть всѣхъ и каждаго; кромѣ того, между ними есть нѣсколько личностей, которыхъ мнѣ жаль оставить въ острогѣ и съ которыми нельзя не проститься. Выслушавъ меня, онъ одобрилъ мое намѣреніе, и я пошелъ въ острогъ.

По прибытіи туда мнѣ отворена была сейчасъ же рѣшетчатая дверь и я вошелъ въ сѣни, привѣтствуемый многими. Я вошелъ въ наше отдѣленіе и тутъ встрѣченъ былъ турками и былъ посаженъ среди нихъ. Мулла поздравлялъ меня отъ имени всѣхъ (какъ обыкновенно на турецкомъ языкѣ), выражалъ сожалѣніе, что я еще долженъ отбывать солдатскую службу и потому «вашъ выходъ отсюда,—говорилъ онъ, — не есть настоящее освобожденіе, а только перемѣщеніе изъ одной казармы въ другую. Конечно, солдатомъ быть легче, чѣмъ арестантомъ, но это не свободная жизнь! Когда уѣдете изъ этого края, вспомните о насъ, здѣсь оставшихся. Богъ дастъ, настанетъ пора и мы выйдемъ. По уходѣ вашемъ отсюда, мы будемъ всѣ васъ

вспоминать, какъ вы съ перваго дня вашего прибытія привлекли насъ къ себѣ вашимъ привѣтствіемъ насъ на нашемъ родномъ языкѣ, какъ вы здѣсь жили среди насъ и среди всей толпы здѣшнихъ людей, какъ бы равный со всѣми. И арестанты васъ полюбили. Отъ имени всѣхъ насъ, турокъ, я выражаю вамъ наше уваженіе и да благословитъ Богъ спокойствіемъ вашу дальнѣйшую жизнь!»

Такими, приблизительно, словами была сказана, какъ бы вылившаяся прямо изъ сердца, обращенная ко мнѣ рѣчь умнаго муллы. Я съ своей стороны отвѣчалъ имъ тоже не менѣе сердечными словами, прощался съ ними и выражалъ имъ искреннюю благодарность за все это время, прожитое съ ними, подъ тягостью общей неволи, что я ихъ никогда не забуду, и обѣщалъ имъ, если только будетъ какая-либо возможность, прислать имъ просимую ими молитвенную книгу *).

Въ этой казармѣ прощался я съ Морозовымъ, Глущенко, Менщиковымъ, Колюжнымъ, Ефимовымъ, Еремѣевымъ и многими другими, которыхъ фамиліи не вспоминаю.

— Прощайте!—говорилъ я имъ,—прощайте всѣ! Меня гонятъ въ другую казарму изъ здѣшняго моего уголка, изъ нашей среды, къ которой я уже привыкъ. Прощайте! Васъ помнить буду я всегда!..

Я перешелъ въ другое отдѣленіе; туда влекли меня двѣ личности— Кельхинъ и Вороновъ. Я посидѣлъ у нихъ минутъ 10. Съ Кельхинымъ мы условились проститься внѣ казармы на другой день. Затѣмъ я вышелъ, сказавъ, что еще вернусь къ нимъ.

Было уже темно и я съ особымъ чувствомъ радости испытывалъ наслажденіе быть однимъ среди природы, безъ всякихъ спутниковъ, ходившихъ за мною въ теченіе 16-ти мѣсяцевъ моей жизни въ Херсонскомъ острогѣ. Тутъ вспомнился мнѣ, по истинѣ удивительный, мудровѣщательный сонъ: на мнѣ не было арестантской шапки и при мнѣ не было болѣе конвоирующаго меня солдата. Откуда возникъ въ настрадавшемся угнетенномъ мозгу моей безумной головы столь прорицательный сонъ? Не вѣрю снамъ, но и забыть этого не могу!

Я спустился къ Днѣпру—онъ былъ у ногъ моихъ въ полномъ разливѣ. Вечеръ былъ теплый, всходила луна. Въ созерцаніи давноневиданныхъ мною весеннихъ красотъ природы, въ вечерній часъ, стоялъ я погруженный въ сладостную думу и затѣмъ побрелъ впередъ, и вышелъ довольно далеко изъ границъ крѣпости. Подвигаясь медленно, въ забвеніи, я вдругъ вспомнилъ, что я живу теперь въ новомъ жилищѣ—въ гостяхъ у Н. Е. Рудыковскаго и побѣжалъ бѣгомъ туда, гдѣ меня уже давно ждали.

---

*) Я исполнилъ мое обѣщаніе, купилъ въ г. Керчи *Алькоранъ* и, по прибытіи моемъ въ мѣсто назначенія, передалъ его возвращавшемуся въ Херсонъ моему спутнику — унтеръ-офицеру, для врученія муллѣ, котораго онъ лично зналъ въ числѣ конвоированныхъ имъ арестантовъ. Исполнена-ли имъ была моя эта просьба, осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

По возвращеніи я пилъ чай въ милой мнѣ семьѣ и былъ угощаемъ обильною разнообразною пищею съ праздничнаго свѣтловоскреснаго стола и вполнѣ довольный и счастливый легъ въ приготовленную для меня чистѣйшую и мягкую постель и заснулъ сладкимъ сномъ до утра.

На другой день я всталъ, не торопясь, и вновь насладился пріятной бесѣдой за чайнымъ столомъ съ милыми мнѣ хозяевами. Мнѣ было такъ хорошо, уютно, спокойно, что мнѣ хотѣлось продлить это невозмутимо блаженное состояніе, но оно дано было мнѣ судьбою кратковременно и при нежеланіи двигаться куда-нибудь, мысль объ отъѣздѣ на солдатскую службу и объ оставленіи здѣсь, быть можетъ, навсегда, столь недавнихъ еще, привлекшихъ къ себѣ мое сердце людей была для меня тягостна, а надо было приготовляться къ отъѣзду—идти покупать нѣкоторыя вещи для дороги и жизни на новомъ мѣстѣ въ неизвѣстномъ мнѣ положеніи. Между тѣмъ были еще праздники и лавки въ городѣ открывались медленно, что давало мнѣ нѣкоторый поводъ къ замедленію отъѣзда, притомъ же, я долженъ былъ еще проститься, не торопясь, съ покидаемыми мною навсегда товарищами по заключенію. Поговоривъ съ Рудыковскимъ, посовѣтовавшись съ нимъ обо всемъ, я вновь направился къ своимъ острожнымъ друзьямъ и дорогою придумалъ, что я съ ними вмѣстѣ раздѣлю праздникъ моего выхода—буду обѣдать съ ними въ острогѣ и на мой счетъ устрою имъ хоть какой-либо праздничный столъ. Придя въ казарму, я посовѣтовался съ унтеръ-офицеромъ, съ кашеваромъ и съ артельщиками. Это оказалось возможнымъ и я внесъ для этого небольшую плату для обѣда на завтрашній день. Затѣмъ, уходя, я просилъ фельдфебеля, пришедшаго тогда въ казарму, отпустить со мною въ городъ Кельхина—для нужныхъ мнѣ покупокъ. Кельхинъ, уже оканчивающій свой 15-лѣтній срокъ, пользовался полнымъ довѣріемъ ближайшаго начальства и былъ сейчасъ же отпущенъ со мною безъ всякаго конвоя.

Мы вышли вдвоемъ и, выйдя изъ крѣпости по направленію въ городъ, отошли отъ дороги и, найдя въ степи небольшой овражекъ, присѣли на немъ побесѣдовать вдвоемъ наединѣ. Бесѣда эта съ нимъ сохранилась у меня въ памяти въ общихъ чертахъ: я говорилъ, что, уѣзжая отсюда, оставляю его и благодарю его за все время, прожитое съ нимъ въ острогѣ; онъ помогъ мнѣ пережить его. Теперь мы разстаемся и едва ли судьба сведетъ насъ вмѣстѣ, потому простимся какъ бы навсегда! Потомъ я сказалъ ему о моей просьбѣ о немъ коменданта и объ оставленіи ему изъ присланныхъ мнѣ на дорогу денегъ двадцати рублей, которые ему пригодятся при выходѣ его въ этомъ году изъ острога. «Комендантъ обѣщалъ исполнить мое порученіе и хотѣлъ васъ видѣть и лично передать вамъ объ этомъ». Кельхинъ былъ не многорѣчивъ, но очень чувствителенъ сердцемъ и въ нѣсколькихъ задушевныхъ словахъ, со слезами на глазахъ, дро-

жащимъ голосомъ, выразилъ мнѣ свои искреннія чувства. Затѣмъ я подарилъ ему изъ имѣвшихся у меня на рукахъ денегъ пять рублей. Мы обнялись горячо и крѣпко: проживъ годъ и четыре мѣсяца въ одномъ помѣщеніи, подъ гнетомъ общей неволи, было надъ чѣмъ задуматься при предстоящей разлукѣ навсегда.

Мы пошли въ городъ сдѣлать покупки мнѣ на дорогу и я впервые увидѣлъ городъ Херсонъ и въ немъ хорошіе магазины. Не помню всего, что мы купили, но куплена была лѣтняя парусиновая шапка, дешевый лѣтній костюмъ, кожаный кошелекъ для денегъ и какой-то легкій подержанный чемоданъ. Затѣмъ, я проводилъ его въ казарму, имѣя въ виду еще его увидѣть на другой день, и вернулся къ Рудыковскому.

На другой день, къ обѣденному времени, я пришелъ вновь къ моимъ острожнымъ друзьямъ и обѣдалъ съ ними вмѣстѣ. Я обходилъ ихъ всѣхъ по нарамъ—всѣ они были довольны и благодарили меня. Въ бесѣдѣ съ нѣкоторыми я оставался въ средѣ ихъ дольше. Компаніи турокъ я удѣлилъ не малое время и простился съ каждымъ, пожавъ руку. Мехмеда я позвалъ взойти со мною къ мѣсту нашего ночлега. Тамъ изъ моего имущества я взялъ подушку, изъ ящика вынулъ мои записки и карандашъ, остальное все оставилъ ему. Мои взятыя вещи я поручилъ ему мнѣ завтра утромъ поранѣе принести къ Рудыковскому. Еще разъ простившись со всѣми, я вышелъ изъ острога, напутствуемый добрыми пожеланіями.

Окончивъ всѣ дѣла, я провелъ спокойно весь день въ семействѣ Рудыковскаго. Въ этотъ же день явился ко мнѣ унтеръ-офицеръ, назначенный сопутствовать меня на Кавказъ, и отъѣздъ мой назначенъ былъ мною на другой день утромъ.

Вечеромъ поздно до глубокой ночи я бесѣдовалъ съ Рудыковскимъ. Простившись съ нимъ на ночь, я сѣлъ писать—написалъ письмо роднымъ и затѣмъ стихотвореніе, которое и оставилъ Рудыковскому на память отъ меня.

На другой день утромъ, не рано, часовъ въ 11, подъѣхала къ крыльцу перекладная, запряженная парой, почтовая телѣжка съ колокольчикомъ у дышла. Прощаться въ Херсонѣ было не съ кѣмъ и, крѣпко обнявъ Н. Е. Рудыковскаго и простившись съ его семьей, я сѣлъ въ телѣгу; рядомъ со мной помѣстился спутникъ мой, унтеръ-офицеръ. Мы выѣхали скоро на большую дорогу; я былъ въ грустномъ раздумьи отъ всего, что со мною случилось!.. Насъ окружала зеленѣющая степь, весна была въ полномъ разгарѣ и я сидѣлъ молча подъ ея оживающимъ вѣяньемъ...

Дмитрій Ахшарумовъ.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА.

Мы вамъ непонятны, мы витязи моря,
Мы—дѣти таинственной вамъ глубины.
Ни ваше оружье, ни холодъ, ни горе
Убить насъ не могутъ, мы—голосъ волны.

Не знаемъ мы страха: ударъ вашей стали
Изъ нашей груди только искры метнетъ!
Насъ цѣлую вѣчность титаны ковали,
Мы всѣ—закаленные холодомъ водъ.

Безвредны намъ стрѣлы изъ вашего стана
И шумъ вашихъ бурь, и раскатъ вашихъ грозъ!
Мы—гордые дѣти царя Океана.
Суровъ онъ и страшенъ въ коронѣ изъ слезъ.

И сквозь изумрудные, синіе своды,
Въ кипѣніи пѣны, тяжелой стопой,
Выходимъ изъ моря, и пѣнятся воды
И латы горятъ золотой чешуей.

Подъ мертвеннымъ, луннымъ сіяніемъ ночи
Блестятъ ослѣпительно наши мечи,
И кажется вамъ, что ударили въ очи
Желаннаго, жаркаго солнца лучи.

И въ вашихъ лѣсахъ просыпаются птицы.
Торжественной пѣсней встрѣчая восходъ.
Тогда мы уходимъ въ морскія свѣтлицы,
Въ холодное море, подъ яшмовый сводъ.

И снова, съ печальными тѣнями споря,
Луна вашей ночи трепещетъ, горя...
Мы чужды и странны, мы витязи моря,
Мы вольныя дѣти морского царя.

Скиталецъ.

БУНТЪ.

I.

Это было большое, казарменнаго вида, бѣлое и скучное зданіе, плакавшее отекшей отъ сырости штукатуркой. Оно было построено, какъ больница: такіе же ровные и пустые корридоры, такія же большія, но тусклыя, съ непрозрачными нижними стеклами, окна, такія же высокія бѣловатыя двери съ номерками и надписями, и даже пахло здѣсь такъ же: мытымъ чистымъ бѣльемъ и карболкой. А самое непривѣтливое было то, что все здѣсь было такъ черезчуръ чисто, пусто и аккуратно, какъ будто здѣсь жили не живые люди, а статистическія цифры.

Въ этотъ день богатая, хорошей фамиліи, молодая дама въ первый разъ пріѣхала для осмотра пріюта, такъ какъ ее только вчера выбрали вице-предсѣдательницей того общества, которое, на свои и пожертвованныя деньги, устроило этотъ пріютъ „для кающихся". Волоча по блестящему полу длинный шлейфъ и съ любопытствомъ и легкимъ смущеніемъ оглядываясь по сторонамъ, она прошла въ чистую и хорошо обставленную комнату „для членовъ комитета", а за нею, размашисто и свободно переваливаясь и шаркая подошвами, прошелъ секретарь общества, красивый, статный человѣкъ въ золотомъ пенснэ.

— Ну-съ, Лидія Александровна,—съ небрежной шутливостью избалованнаго женщинами мужчины сказалъ секретарь, потирая руки,—начнемъ съ пріема... новыхъ питомицъ нашего высоконравственнаго учрежденія.

— Ну, ну, не смѣяться!—кокетливо погрозила ему Лидія Александровна и на мгновеніе задержала на немъ свои большіе, красивые и слегка подрисованные глаза.

Надзирательница пріюта, желтая и сухая дама, вдова офицера, угодливо улыбнулась и, отворивъ дверь въ корридоръ, громко и отчетливо сказала, точно считая:

— Александра Ководоева.

За дверью послышались неувѣренные и торопливые шаги и

вошла небольшая, полная, съ крутыми плечами и темными глазами женщина.

Лидія Александровна, сомнѣваясь, такъ ли дѣлаетъ, и шумя платьемъ, поднялась ей навстрѣчу.

„Вотъ онѣ какія... эти... женщины!“ подумала она съ интересомъ, и хотя была очень воспитана, прямо, съ брезгливымъ недоумѣніемъ, нѣсколько секундъ разсматривала ее. И ей все казалось, что это не настоящая женщина, а что-то такое искусственное, спеціально для пріюта сдѣланное.

Александра Козодоева испуганно и некрасиво косила глазами и молчала.

Секретарь быстро взглянулъ на нее, но убѣдился, что не знаетъ, и успокоился.

— Вы, кажется, Александра Козодоева?

— Да-съ,—отвѣтила дѣвушка, тяжело и подавленно вздыхая.

Ее давно уже всѣ звали Сашкой и Сашей, и ей было странно отзываться на полное имя и фамилію.

— Вы добровольно желаете вступить въ пріютъ?—оффиціально и небрежно спросилъ секретарь.

— Да-съ,—опять испуганно отвѣтила Саша.

Вблизи близорукій секретарь, щурясь, оглядѣлъ ее, точно цѣпляясь взглядомъ за всѣ круглыя и мягкія части ея тѣла. Саша поймала этотъ ищущій взглядъ и сразу ободрилась, будто натолкнувшись на что-то знакомое и понятное, среди чужого и страшнаго.

— Мы получили уже ея документы, Лидія Александровна... Я распорядился устроить ее на мѣсто Өедоровой,—слегка пришлепывая губами и уступая ей мѣсто, сказалъ секретарь.

Глаза Лидіи Александровны стали испуганными, она почувствовала, что теперь ей слѣдуетъ сказать что-то хорошее, и не знала, что.

— Это очень хорошо.. что вы задумали,—торопливо и путаясь проговорила она,—вамъ будетъ теперь гораздо лучше и... васъ тамъ помѣстятъ... вы идите, я распоряжусь. Корделія Платоновна!

— Не безпокойтесь, Лидія Александровна,—говоркомъ проговорила надзирательница.—Идемте, Козодоева.

Когда дѣвушка уходила, Лидія Александровна въ зеркало увидѣла прищуренные глаза секретаря, и ей вдругъ показалось, что онъ просто и близко сравниваетъ ихъ обѣихъ. Что-то оскорбительное ударило ей въ голову, она страннымъ голосомъ произнесла какую-то французскую фразу и нехорошо засмѣялась.

„Чего она смѣется?“ промелькнуло у Саши въ головѣ.

— А она—ничего!—сказалъ секретарь, когда дверь затворилась.

Лидія Александровна презрительно вздернула головой.

— У васъ нѣтъ вкуса... она груба,—съ безсознательнымъ, но острымъ чувствомъ физической ревности неловко возразила она.

Секретарь, щурясь, посмотрѣлъ на нее.

— Нѣтъ, я не нахожу.. А вкусъ, гм...—многозначительно и самодовольно произнесъ онъ и, инстинктивно дразня женщину, прибавилъ:—она прелестно сложена.

Лидія Александровна почувствовала и поняла, что онъ зналъ много такихъ женщинъ, и, несмотря на то, что такой разговоръ нестерпимо шокировалъ ее, ей пришло въ голову только то, что она гораздо лучше, красивѣе, изящнѣе. И невольно изгибаясь всѣмъ тѣломъ съ лѣниво-сладострастной граціей, Лидія Александровна повернулась къ нему своей стройной мягкой спиной. Съ минуту она, чувствуя на себѣ раздражающій опредѣленный взглядъ мужчины, мучительно старалась вспомнить что-то важное, несомнѣнное, что совершенно исключало всякую возможность сравненія ея съ этой женщиной, но не вспомнила и только презрительно и таинственно улыбнулась, и глаза у нея, темные и большіе, прикрылись и побѣлѣли.

Желтая дама повела Сашу по корридорамъ, гдѣ встрѣчныя женщины, въ скверно сшитыхъ платьяхъ изъ дешевенькой синей матеріи, съ равнодушнымъ любопытствомъ смотрѣли на нихъ, и привела въ большую комнату, заставленную громоздкими шкафами и тяжело пропахшую нафталиномъ.

Двѣ толстыя простыя женщины, возившіяся съ грудами грязнаго, прокисшаго бѣлья, сейчасъ же безсмысленно уставились на Сашу.

— Тутъ мнѣ и жить? — съ робкимъ и довѣрчивымъ любопытствомъ спросила Саша.

Желтая дама притворилась, что не слышитъ.

— Какъ фамилія?—отрывисто и въ упоръ спросила она.

И голосъ у нея былъ такой странный, что Саша невольно подумала:

„Какъ у дохлой рыбы!..“

— Чья?—машинально спросила она.

Глаза желтой дамы стали злыми.

— Ваша, конечно!

— Козодоева, моя фамилія,—тихо отвѣтила Саша, съ недоумѣніемъ припоминая, что желтая дама уже звала ее по фамиліи.

— Вамъ это... переодѣться надо,—отрывисто, мелькомъ взглядывая на ея платье, сказала надзирательница.

Если бы Сашѣ въ эту минуту сказали, что ей надо выпрыгнуть въ окно съ четвертаго этажа, она бы и это сдѣлала, такъ была она сбита съ толку. Когда она рѣшила уйти отъ прежней жизни,

ей казалось, что встрѣтитъ ее что-то свѣтлое, простое, теплое и радостное. А то, что съ нею дѣлали теперь, было такъ сложно, странно, ненужно ей и непонятно, что она совсѣмъ не могла разобраться въ немъ.

„Такъ, значитъ, нужно.. они ужъ знаютъ",—успокаивала она себя.

Саша, торопясь и путаясь въ тесемкахъ, стала раздѣваться, покорно отдавая свои кофточку, юбку, башмаки, чулки.

— Все, все,—махнула рукой дама, когда Саша осталась въ одной рубашкѣ.

Саша торопливо спустила съ круглыхъ полныхъ плечъ рубашку и осталась нагой.

Всѣ три женщины быстро осмотрѣли ее съ ногъ до головы, и вдругъ лицо желтой дамы перекосилось какимъ-то уродливымъ чувствомъ. Она думала, что это было презрѣніе къ тому, что дѣлала Саша своимъ тѣломъ, а это было смутное, инстинктивное чувство зависти безобразнаго, состарѣвшагося, которое никому не было нужно, къ молодому, прекрасному, которое звало къ себѣ всѣхъ.

Саша стояла, согнувъ колѣни внутрь, и тупилась. Было что-то унизительное въ томъ, что она была голая, когда всѣ были одѣты, и въ томъ, что ей было холодно, когда всѣмъ было тепло. Колѣни ея вздрагивали и мелкая, мелкая дрожь пробѣгала по нѣжной бѣло-розовой кожѣ, покрывая ее мелкими пупырышками. Желтая дама нарочно, сама не зная зачѣмъ, медлила, копаясь въ бѣльѣ. Саша старалась не смотрѣть вокругъ и стояла неподвижно, не смѣя прикрыться руками.

„Хоть бы уже скорѣе...—думала она:—ну, чего она тамъ... стыдно... холодно, чай"...

— Пожалуйста, скорѣй,—опять съ тою же ищущей мягкостью и робостью попросила она.

И опять надзирательница съ удовольствіемъ притворилась, что не слышитъ.

Саша тоскливо замолчала, и что-то тяжелое, недоумѣвающее будто поднялась съ пола и наполнило все и отодвинуло все отъ нея.

— Вотъ это ваше платье,—сказала дама и съ какою-то радостью кинула Сашѣ такое же дрянненькое синенькое платье, какое Саша уже видѣла въ корридорѣ.

— А... бѣлье? — съ трудомъ выговорила Саша и вся покраснѣла.

Ей пришло въ голову, что, можетъ быть, здѣсь и бѣлья нельзя.

— А, да... берите, вотъ...

И бѣлье было грубое и дурное, совсѣмъ не такое, какое привыкла носить Саша.

— Скорѣй, вы!—приказала желтая дама.

Саша, опять торопясь и путаясь, одѣлась въ сшитое не по ней платье. Ей было неловко въ немъ и стыдно его, и тогда на одну секунду шевельнулась въ ней мысль:

„И съ какой стати?..“

Но сейчасъ же она вспомнила, что она уже, почему-то, не имѣетъ права желать быть хорошо и красиво одѣтой, и тихо, путаясь въ подолѣ слишкомъ длинной юбки, пошла куда ее повели.

Опять прошли по корридору и вошли въ высокую больничнаго вида комнату.

— Вотъ вамъ кровать, а вотъ тутъ будете свои вещи держать. Вамъ потомъ скажутъ, что полагается дѣлать, и когда обѣдъ, чай и все... тамъ...

Желтая дама ушла.

Саша сѣла на краюшекъ своей кровати, почувствовала сквозь тоненькую матерію синенькой юбки жесткое и колючее сукно одѣяла и стала робко искоса разглядывать комнату.

Тоненькія желѣзныя кровати тоже стояли какъ въ больницѣ, только не было дощечекъ съ надписями, но Сашѣ съ непривычки показалось, что и дощечки есть. Возлѣ каждой кровати стоялъ маленькій шкафчикъ, очевидно служившій и столикомъ, и деревянная, выкрашенная густой зеленой краской табуретка. Въ комнатѣ было еще пять женщинъ, которыя сначала показались Сашѣ будто на одно лицо.

Но потомъ она ихъ разсмотрѣла.

Рядомъ, на сосѣдней кровати, сидѣла толстая рябая женщина и угрюмо поглядывала на Сашу, лѣниво распуская грязноватыя тесемки чепчика.

— Тебя какъ звать-то?—басомъ спросила она, когда встрѣтилась глазами съ Сашей.

— Александрой... Сашей...—отвѣтила Саша, и ее самое поразилъ робкій звукъ собственнаго голоса.

— Такъ... Александра! — помолчавъ, безразлично повторила рябая и почесала свой толстый, вялый животъ.

— Фамилія-то, чай, есть,—вдругъ сердито пробурчала она,— дура!

И повернувшись спиной къ Сашѣ, стала искать блохъ въ рубашкѣ.

Саша удивленно на нее посмотрѣла и промолчала.

Другая, совсѣмъ худенькая и маленькая блондинка, съ круглымъ животомъ и длиннымъ лицомъ, отозвалась:

— Вы ее не слушайте... она у насъ ругательница... По фамиліи у насъ говорятъ.

— Козодоева, моя фамилія,—застѣнчиво и торопливо сказала Саша.

Блондинка съ животомъ сейчасъ же встала и пересѣла на Сашину кровать.

— Вы, милая, изъ комитетскихъ?—спросила она ласково.

— Я...—замялась Саша, не понимая вопроса.

— Да вамъ сколько лѣтъ-то?

— Два... двадцать два,—пробормотала Саша.

— Значитъ, по своей охотѣ?

— Сама,—отвѣчала Саша и застыдилась, потому что совершенно не могла въ эту минуту отдать себѣ отчета, дурно это или хорошо.

— А почему?—съ любопытствомъ спросила блондинка.

— Да... такъ,—съ недоумѣніемъ сказала Саша.

— Да оставь ты ее!—сказала третья женщина, и голосъ у нея былъ такой просто ласковый и мягкій, что Сашу такъ и потянуло къ ней.

Но маленькая красивая женщина только весело кивнула ей головой и отошла.

II.

Ночью, когда потушили огонь и Саша свернулась комочкомъ подъ холоднымъ и негнущимся одѣяломъ, все, что привело ее въ пріютъ, пронеслось передъ нею, какъ въ живой фотографіи, и даже, ярче, гораздо ярче и ближе къ ея сознанію, чѣмъ въ дѣйствительности...

Саша тогда сидѣла у окна, смотрѣла на мокрую улицу, по которой шли мокрые люди, отражаясь въ мокрыхъ камняхъ исковерканными дрожащими пятнами, и ей было скучно и нудно.

Откуда-то, точно изъ темноты, вышла тощая кошка и хвостъ у нея былъ палочкой.

Далеко, за стеклами, гдѣ-то слышался стихающій и подымающійся, какъ волна, гулъ какой-то могучей и невѣдомой жизни, а здѣсь было тихо и пусто, только кошка мяукнула раза два, Богъ знаетъ о чемъ, да по полутемному залу молчаливо и проворно шмыгали ногами худые полотеры.

Саша, какъ-то насторожившись, смотрѣла на заморенныхъ полотеровъ, чутко прислушиваясь къ отдаленному гулу за окномъ, и ей все казалось, что между полотерами и той жизнью есть что-то общее, а она этого никогда не узнаетъ.

Полотеры ушли, и терпкій трудовой запахъ мастики и пота, который они оставили за собой, мало-по-малу улегся. Опять кошка мяукнула о чемъ-то.

Саша боязливо оглянула это пустое мрачное мѣсто, съ хо-

лодной ненужной мебелью и роялемъ, похожимъ на гробъ, и ей стало страшно: показалось ей, что она совсѣмъ маленькая, всѣмъ чужая и одинокая. Люди за окномъ сверху казались точно придавленными къ мостовой, какъ черные, безличные черви, раздавленные по мокрымъ камнямъ.

Саша нагнулась, подняла кошку подъ брюхо и посадила на колѣни.

— ...Ур... м-мурр...—замурлыкала кошка, изгибая спину и мягко просовывая голову Сашѣ подъ подбородокъ.

Она была теплая и мягкая, и вдругъ слезы навернулись у Саши на глазахъ, и она крѣпко прижала кошку обѣими руками.

— ...Урр... м-ммуррр... ур...—мурлыкала кошка, закрывая зеленые глаза и вытягивая спинку.

— Милая...—съ страстнымъ желаніемъ въ одной ласкѣ вылить всю безконечно мучительную потребность близости къ кому-нибудь шепнула Саша. И ей казалось, что она и кошка—одно, что кошка понимаетъ и жалѣетъ ее. Глаза стали у нея мокрые, а въ груди что-то согрѣлось и смягчилось.

— ...Уррр...—проурчала кошка и вдругъ разставила пальцы и выпустила когти, съ судорожнымъ сладострастіемъ впившись въ полное, мягкое колѣно Саши.

— Ухъ!—вздрогнула Саша и машинально сбросила кошку на полъ.

Кошка удивленно посмотрѣла не на Сашу, а прямо передъ собою, точно увидѣла что-то странное. Сѣла, лизнула два раза по груди и, вдругъ поднявъ хвостъ палочкой, торопливо и озабоченно побѣжала изъ зала.

А Сашѣ стало еще тяжелѣе, точно что-то оборвалось внутри ея.

Пробило семь часовъ. Швейцаръ пришелъ и, не обращая на Сашу никакого вниманія, дѣлая свое дѣло, нашарилъ шершавыми пальцами кнопку на стѣнѣ, и сразу вспыхнулъ веселый, холодный свѣтъ. Заблестѣлъ паркетъ, стулья вдругъ отчетливо отразились въ немъ своими тоненькими ножками, рояль выдвинулся изъ темнаго угла.

Одна за другой пришли Любка и толстая рыжая Паша. Любка сѣла у рояля, понурившись, точно разсматривая подолъ своего свѣтло-зеленаго платья, а рыжая Паша стало вяло и безцѣльно смотрѣть въ окно.

Саша повертѣлась передъ зеркаломъ, тяжело вздохнула и что-то запѣла. Голосъ у нея былъ сильный, но непріятный.

— Не визжи,—вяло замѣтила Паша и прижала лицо къ стеклу.

— Чего тамъ увидѣла?—спросила Саша, безъ всякаго любопытства заглядывая черезъ ея толстое плечо.

— Ни-че-го, — сказала Паша, медленно поворачивая свои глупые красивые глаза, за которые ее часто выбирали мужчины,— такъ, смотрю... что тамъ.

Саша тоже прижалась лбомъ къ холодному стеклу, за которымъ теперь, казалось, была холодная и бездонная темпота. Сначала она ничего не видѣла, но потомъ темнота какъ будто раздвинулась и отступила, и Саша увидѣла ту же мокрую и пустую улицу. По ней, уходя тоненькой ниточкой въ даль, тускло и дрожа, горѣли, невѣдомо для кого, фонари. И опять Саша услышала отдаленный могучій гулъ, отъ котораго чуть слышно дрожали стекла.

— Что оно тамъ?—съ глубокой тоской, непонятной ей самой,—спросила Саша.

— Будто какой звѣрь рычитъ... гдѣ...—равнодушно проговорила Паша и отвернулась.

Саша посмотрѣла въ ея прекрасные, глупые глаза и ей захотѣлось сказать что-то о томъ, что она чувствовала сегодня, глядя въ окно. Но это чувство только смутно было понятно ей и глубже было ея словъ. Саша промолчала, а въ душѣ у нея опять появилось чувство неудовлетвореннаго и мучительнаго недоумѣнія.

«И что-й-то со мной подѣлалось сегодня?..»—съ тупымъ страхомъ подумала она и, подойдя къ Пашѣ вплотную, сказала тоскливо и невыразительно:

— Ску-учно мнѣ, скучно, Пашенька...

— Чего?—вяло спросила Паша.

Саша помолчала, опять мучительно придумывая, какъ сказать. Ей ясно представилось, какъ она сидѣла въ пустомъ, какъ могила, залѣ, одна-одинешенька, какою маленькой, никому ненужной, забытой чувствовала она себя, и какъ гдѣ-то далеко отъ нея гудѣла и шумѣла незнакомая большая, свободная жизнь, и опять ничего не могла выразить.

— Жизнь каторжная!—съ внезапной, неожиданной для нея самой, злобой сказала она негромко и сквозь зубы.

Паша помолчала, тупо глядя на нее.

— Нѣтъ... ничего...—лѣниво проговорила она:—вотъ тамъ...— припомнила она, называя другой «домъ»—по-дешевле...—точно, нехорошо... всякій извозчикъ лѣзетъ, грязно, духъ нехорошій... дерутся... А тутъ ничего: мужчинки все благородно, не то чтобы тебѣ... и кормятъ хорошо... Тутъ ничего, жить можно...

Она опять помолчала и вдругъ, немного оживившись, прибавила:

— У насъ въ деревнѣ такой пищи во вѣкъ не увидишь!

— А ты изъ деревни?—спросила Саша съ страннымъ любопытствомъ.

— Я деревенская,—спокойно пояснила Паша,—у насъ иной разъ и объ эту пору уже хлѣбъ кончается... изъ недородныхъ мы... земли тоже мало... Картошкой живутъ, извозомъ мужики занимаются, а то и такъ... Деревня наша страсть бѣдная, мужики, которые, пьяницы... Кабы пошла замужъ, натерпѣлась бы... Сестру старшую, мою то-есть, мужъ веревкой до смерти убилъ... Въ острогъ его взяли потомъ,—совсѣмъ уже лѣниво договорила она и встала.

— Куда ты?—спросила Саша.

— Чаю пить,—отвѣтила Паша, не поворачиваясь.

Саша опять повертѣлась передъ зеркаломъ, выгибая грудь и разсматривая себя черезъ плечо, но уже ей было тяжело оставаться одной въ наполненномъ пустымъ, холоднымъ свѣтомъ залѣ. Она подошла къ роялю, за которымъ попрежнему, понурившись сидѣла Любка.

Когда Саша подошла близко, Любка подняла голову и долго смотрѣла на нее. И большіе печальные глаза были недовѣрчивы и растерянны, какъ у со всѣхъ сторонъ затравленнаго звѣрка.

— Любка,—машинально позвала Саша.

Она облокотилась на рояль полной грудью и смотрѣла, какъ въ его черной полированной поверхности отражались она сама и Любка, съ странными въ густомъ коричневомъ отраженіи темными лицами и плечами.

Любка не отозвалась, а только придавила пальцемъ клавишу рояля. Раздался и растаялъ одинокій и совсѣмъ печальный звукъ.

— А-ахъ!—зѣвнула Саша и стала пальцемъ обводить свое отраженіе. Опять раздался тотъ же упорно печальный плачущій звукъ. Саша вслушалась въ него и съ тоской повела плечами. Любка неувѣренно взяла двѣ-три ноты, точно уронила куда-то двѣ-три хрустальныя тяжелыя капли.

— Оставь,—съ тоской сказала Саша.

Но Любка опять придавила ту же ноту, и на этотъ разъ еще тихо и протяжно загудѣла педаль. Саша съ досадой быстро подняла голову и вдругъ увидѣла, что Любка плачетъ: большіе глаза ея были широко раскрыты и совершенно неподвижны, а по лицу сползали струйки слезъ.

— Во...—удивленно проговорила Саша съ пугливымъ недоумѣніемъ.

Любка молчала, а слезы беззвучно капали и попадали ей на голую грудь.

— Чего ты?—спросила Саша, пугливо глядя на медленно ползущія по напудренной кожѣ слезы, и чувствуя, что ей самой давно хочется заплакать, и почему-то боясь этого.

— Перестань, чего ты?.. Любка, Лю-бочка...—заговорила она и подбородокъ у нея задрожалъ.

— Обидѣлъ тебя кто?.. Да чего... Любка!

Любка тихо пошевелила губами, но Саша не разслышала.

— Что?.. А?..

— За... заразилась я...—повторила Любка громче и повалилась головою на рояль.

Что-то мрачное и грозное пронеслось надъ душой Саши. Хотя заражались, и очень часто, другія товарки Саши, и хотя она знала, что это можетъ случиться и съ нею самой, ея здоровое молодое тѣло, сильное и чистое еще, не принимало мысли объ этомъ, и она скользила по ней, не оставляя въ душѣ мучительныхъ бороздъ. И только теперь, когда она въ первый разъ увидѣла такое страшное отчаяніе, Саша впервые совершенно сознательно поняла, что это дѣйствительно безобразно, ужасно, что изъ-за этого стоитъ такъ заплакать въ голосъ, закричать и начать биться головой, съ безнадежной пустотой и безсильной злобой въ душѣ. И ей даже показалось, что именно изъ-за этого ей было такъ тяжело сегодня цѣлый день, такъ страшно, такъ грустно и обидно. И Саша тоже заплакала, сквозь слезы глядя на затуманившееся въ черной поверхности рояля свое отраженіе.

— Чего вы ревете? — спросила подошедшая дѣвушка и стала смѣяться.—Вотъ дуры, — стоятъ другъ противъ дружки и ревутъ!

— Сама дура!—не съ задоромъ, какъ въ другое бы время, а тихо и грустно возразила Саша, но все-таки перестала плакать и отошла отъ рояля. Въ душѣ у нея было такое чувство, точно кто-то громадный и безпощадный всталъ передъ нею и страшно яркимъ свѣтомъ освѣтилъ что-то безобразное, несправедливое, непоправимо-ужасное, дѣлающееся съ нею и во всемъ вокругъ.

Когда стали приходить мужчины, Саша въ первый разъ увидѣла ясно, что имъ нѣтъ никакого дѣла до нея: между собою они пересматривались что-то говорящими глазами, даже иногда обмѣнивались непонятными Сашѣ словами, о чемъ-то такомъ, чего не было въ ея жизни, а когда поворачивали глаза къ Сашѣ и другимъ, вдругъ становились точно бездушными, жадными, какъ звѣри, безжалостными и непонимающими... А чаще это были такіе тупые или пьяные люди, что они, видимо, и не понимали того, что дѣлали.

— И всегда-то такъ... — съ ужасомъ захолонуло въ груди Саши.

Пришелъ таперъ и сразу заигралъ что-то очень громкое, но вовсе не веселое. Дѣвушки, точно выливаясь изъ темной и гряз-

ной трубы, выходили изъ темнаго коридора. Музыка становилась все громче и нестройнѣе, и отъ ея пpувеличенно наглыхъ звуковъ шумѣло въ головѣ. Стало жарко, душно. Все сильнѣе и сильнѣе пахло распустившимся, потнымъ человѣкомъ, пахло плохими приторными духами, табакомъ, мокрымъ шелкомъ, пылью. Музыка сливалась съ шарканьемъ и топотомъ ногъ, съ крикомъ, съ самыми ненужными гадкими словами, и не было слышно ни мотива, ни словъ, а висѣлъ въ воздухѣ только одинъ отупѣлый, озвѣрѣлый гулъ. Въ ушахъ начинало нудно шумѣть и казалось, что весь этотъ переполненный ополоумѣвшими отъ скверной, нездоровой жизни людьми, табакомъ, пивомъ, извращенными желаніями, скверной музыкой домъ—не домъ, а какая-то огромная больная голова, въ которой мучительно шумитъ и наливается тяжелая, гнилая, венозная кровь, съ тупой болью бьющая въ напряженные, готовые лопнуть, виски.

И Саша противъ воли танцевала, и кричала, и ругалась, и смѣялась.

— Ску-учно,—сказала она старенькому чиновнику, присосавшемуся къ ней.

— Ну, и дура! — съ равнодушной злостью сказалъ чиновникъ.

Тогда Саша стала жадно пить горькое пиво, проливая его на полъ и на себя. Она пила захлебываясь, а когда напилась, ею овладѣло тупое, больное, равнодушное веселье. Опять она пѣла, ругалась, танцевала и забыла, наконецъ, свое чувство и Любку такъ, что когда въ корридорѣ началась страшная суматоха, и кто то пронзительнымъ и тонкимъ голосомъ, съ какимъ-то отчаяннымъ недоумѣніемъ, закричалъ:

— Любка удавилась!

То Саша даже не могла сразу сообразить, какая такая Любка могла удавиться и зачѣмъ?

Но когда таперъ сразу оборвалъ музыку, и нестройно протяжно прогудѣла педаль, Саша вдругъ вспомнила и свой разговоръ съ Любкой, и все, громко ахнула и побѣжала по корридору.

Тамъ уже была полиція, городовые и дворники, запорошенные снѣгомъ, кинувшимся въ глаза Сашѣ, стучавшіе тяжелыми валенками и нанесшіе страннаго въ узкомъ душномъ корридорѣ, бодрящаго, холоднаго, чистаго воздуха. На полу былъ натоптанъ и быстро темнѣлъ и таялъ мягкій, свѣжій, только что выпавшій снѣгъ. И Сашѣ показалось будто вся улица вошла въ корридоръ, со всѣми своими закутанными мокрыми людьми, суетой, шумомъ, холодомъ и грязью. Дворники и городовые равнодушно дѣлали какое-то свое дѣло, непонятное Сашѣ, точно работали спокойную и полезную работу, и только толстый усатый около-

дочный, въ толстой сѣрой, съ торчащими блестящими пуговицами, шинели, въ которую злобно впивались черные ремни шашки, ожесточенно и громко кричалъ и ругался.

Слышно было какъ „экономка“ слезливымъ и хриплымъ басомъ повторяла:

— Развѣ-жъ я тому причиной?.. Какая моя вина?..

Лицо у нея было желтое и совсѣмъ перекошенное отъ недоумѣлой злости и страха.

Саша ткнулась въ отворенную дверь Любкиной комнаты, и хотя ее сейчасъ же съ грубымъ и сквернымъ словомъ равнодушно вытолкнулъ городовой, она все-таки успѣла увидать ноги Любки, торчавшія изъ подъ скомканной и почему-то мокрой простыни. Ноги были босыя, потому что Любка такъ и не одѣлась послѣ пріема гостя; онѣ неподвижно торчали носками врозь, и странно и жалко было видѣть эти бѣло-розовыя, прекрасныя, съ тонкими нѣжными и сильными пальцами, ноги, неподвижными и ненужными, брошенными на затоптанный, точно заплеванный, полъ.

Саша вылетѣла обратно въ корридоръ, больно проѣхалась плечомъ о стѣну, и пошла прочь, машинально потирая рукою шибленное мѣсто.

И въ эту минуту ей стало противно, обидно, страшно и жалко себя, и захотѣлось уйти куда-нибудь, перестать быть собою, такою, какъ есть.

Въ необычное время потушили огни, гости разошлись и все сразу стало пусто и тихо-тихо. Домъ какъ будто притаился въ зловѣщемъ молчаніи. Дѣвушки боялись идти спать и толпились въ кухнѣ, однѣ одѣтыя, другія растрепанныя, измятыя; лица у нихъ всѣхъ были одинаково искривлены въ тревожныя, слезливыя, точно чего-то ожидающія, гримасы. Дверь въ комнату Любки заперли, и возлѣ нея расположился, почему-то въ шубѣ и шапкѣ, дюжій спокойный дворникъ. Дверь эта была такая же, какъ и всѣ въ домѣ, невысокая бѣлая, но именно тѣмъ, что произошло за нею, она какъ будто отдѣлилась отъ всѣхъ дверей и даже отъ всего міра и стала какой то особенной, таинственно-страшной. Дѣвицы то и дѣло бѣгали взглянуть на нее и сейчасъ же со всѣхъ ногъ бѣжали обратно.

Одна дѣвушка, больше другихъ дружившая съ Любкой, сидѣла въ кухнѣ у стола и плакала, и отъ жалости, и оттого, что на нее смотрятъ со страхомъ и любопытствомъ.

Было страшно и непонятно, точно передъ всѣми встало что-то не разрѣшимо ужасное и печальное.

Пришла экономка, сердитая и желтая, какъ лимонъ. Она съ размаху сѣла за столъ и стала дрожащими руками наливать и

пить, какъ всегда, приготовленное для нея пиво. Губы у нея тоже дрожали, а глаза злобно косились на дѣвушекъ. Она помолчала, наслаждаясь тѣмъ, что всѣ притихли, глядя на нее испуганными и покорными глазами, а потомъ проговорила сквозь зубы:

— Тоже.. какъ же... ха!.. Подумаешь!

И въ этихъ словахъ было столько безконечнаго удивленнаго презрѣнія, что даже привыкшимъ къ самой грубой и злой ругани дѣвушкамъ стало не по себѣ, неловко и грустно. И потому особенно стыдно и обидно, что каждая изъ нихъ, ничтожная и загаженная, въ самой глубинѣ души, непонятно для самой себя, какъ-то гордилась поступкомъ Любки.

И всѣ стали потихоньку и не глядя другъ на друга расходиться.

— Сашенька,—шопотомъ позвала Сашу одна изъ дѣвицъ, Полька Кучерявая.

— Чего?

— Сашенька, душенька.. боюсь я одна.. возьми къ себѣ.. будемъ вмѣстѣ спать...

Она заглядывала Сашѣ въ лицо боязливыми умоляющими глазами и собиралась заплакать.

Саша обрадовалась.

— И то пойдемъ.. Все не такъ..

Когда онѣ уже лежали рядомъ на постели, имъ было неловко и странно... Обѣ стыдились своего тѣла и молча старались не дотрогиваться другъ до друга.

Было темно и жутко. Сашѣ, которая лежала съ краю, все казалось, будто что-то черное и холодное съ неодолимой силой ползетъ по полу, медленно, медленно. Въ ушахъ у нея звенѣло мелодично и жалобно, а ей казалось, что гдѣ-то тамъ, далеко въ темномъ, какъ могила, пустомъ, холодномъ залѣ падаютъ куда то и звенятъ хрустальныя и тоскливыя капли рояля. Тамъ сидитъ мертвая и неподвижная, холодная, синяя и страшная Любка, сидитъ за роялемъ и слезы капаютъ на рояль, и мертвые глаза ничего не видятъ передъ собой, но Сашу видятъ оттуда, страшно видятъ, тянутся къ ней. А по полу что-то медленно медленно подползаетъ.

— Спишь?—не выдержала Саша.—А?—позвала она поспѣшно и прерывисто, не поворачивая головы и зная навѣрное, что рядомъ лежитъ Полька, и зная, что это вовсе не Полька... И голосъ ея въ темнотѣ показался ей самой чужимъ и слабымъ.

Полька шевельнулась. Ея невидимые, мягкіе, курчавые волосы легко скользнули по щекѣ Саши, но отозвалась она не сразу...

— Нѣтъ, Сашенька,—тихо и жалобно.

И Сашу неудержимо потянуло на этотъ нѣжный и слабый голосъ. Она быстро повернулась и сразу всѣмъ тѣломъ почувствовала другое мягкое и теплое тѣло, но не увидѣла ничего кромѣ все той же, все облившей, изсиня-черной тьмы. И вдругъ двѣ невидимыя, худенькія и горячія руки скользнули по ея груди и осторожно боязливо нашли и обняли ея шею.

— Са-ашенька,—тихо прошептала Полька,—отчего мы такія несчастныя?..

И въ темнотѣ послышались просящія и покорныя всхлипыванія. Волосы ея щекотали шею Саши, слезы тихо мочили грудь и рубашку, а руки судорожно дрожали и цѣплялись

Саша молчала и не двигалась.

— Лучше бы мы померли, какъ... или лучше, какъ еще маленькія были.. Я, когда еще въ гимназіи училась, такъ больна была... воспаленіемъ легкихъ... и все радовалась, что выздоровѣла... и что волосы виться стали... Лучше-бъ я тогда умерла!..

Саша все молчала, но каждое слово Польки стало отзываться гдѣ-то внутри ея, какъ будто это она сама говорила и плакала.

— Что мы теперь такое?—продолжалъ стонать и жаловаться плачущій въ темнотѣ одинокій голосокъ.—Вонъ Любка повѣсилась, а Зинку въ больницу взяли... хорошенькая,вѣдь, была Зинка... И какъ будто такъ и надо.. такъ мы и остались... никто не придетъ и не уведетъ, чтобы и съ нами... не...

— А... чего захотѣла .. Ха!..—вдругъ злобно, задыхаясь и трясясь вся, пробормотала Саша.

— И насъ свезу-утъ... Никому до насъ дѣла нѣтъ... До всѣхъ дѣло есть, всѣхъ людей берегутъ... тамъ, и все... а мы, какъ проклятыя какія... А за что?

— Извѣстно,—сквозь зубы проговорила Саша и отвернулась, хотя и ничего не было видно.

— Я помню,—шептала въ темнотѣ Полька, точно жалуясь не Сашѣ, а Кому-то другому,—какая я была въ гимназіи... чистенькая.. Иду и всѣ на меня смотрятъ и улыбаются... мама встрѣтитъ: ну,—что, моя до-чка?.. Ничего неизвѣстно...—вдругъ порывисто, горячо и тоскливо перебила она себя:—я и не виновата въ этомъ вовсе!

— А кто виноватъ?—спросила Саша тихо и съ какимъ-то трепетнымъ и жалобнымъ ожиданіемъ.

Полька вдругъ дернулась всѣмъ тѣломъ.

— Кто?.. А развѣ я знаю!.. Ничего я не знаю, ничего не понимаю.. А только я, можетъ, теперь дни и ночи плачу... пла-ачу...

И Полька заплакала тоненькимъ, тихимъ и безконечно безсильнымъ плачемъ. Казалось, будто это не человѣкъ плачетъ, а муха звенитъ.

— Жалко мнѣ, жалко, Сашенька,—опять зашептала она, захлебываясь слезами:—и себя жалко, и тебя, и Любку... всѣхъ...

Она затихла. Долго было совершенно тихо и какъ-то глухо. Потомъ стало слышно, какъ вѣтеръ воетъ въ трубѣ. Такъ, застонетъ тихо, помолчитъ и опять протянетъ долгій тоскливый звукъ: у-у-у... какъ будто у него зубы болятъ.

— Я дѣточекъ люблю,—вдругъ тихо и стыдливо сказала Полька:—мнѣ бы дѣтку своего, я бы... Боже мой, какъ бы я его любила!.. Са-ашенька!.—съ какимъ-то изступленнымъ восторгомъ безнадежнаго отчаянія всхлипнула она.

Сашѣ казалось, что ее насквозь пронизываетъ этотъ изступленный, тонкій какъ иголка, шопотъ, и ей стало невыносимо. Захотѣлось крикнуть, порвать что-то.

— Мы что тутъ?.. Такъ.. падаль одна! Живемъ, пока сгніемъ... А другіе же живутъ... свѣту радуются... Я въ гимназіи все книжки читала... теперь не читаю, забыла... да и что читать!.. А тогда мнѣ казалось, что все это и я переживу... будто у меня въ груди что-то громадное... будто все счастье, какое на землѣ есть, я переживу, все мое будетъ... вся жизнь, и люди всѣ мои, для всѣхъ людей... и... и не могу я этаго выразить... Са-ашенька...

— Какъ быть?—вдругъ спросила Саша сдавленнымъ, глухимъ горловымъ голосомъ.

Полька замолчала такъ неожиданно, что Сашѣ показалось, будто теперь темнота шепчетъ.

— Уйти... бы...—шепнула Полька, и Саша услыхала растерянный и робкій голосъ.

Саша вслушалась въ его придавленный звукъ и вдругъ почувствовала себя большой и сильной, въ сравненіи съ худенькой, слабой Полькой, которая могла только плакать и жаловаться. Она даже какъ будто почувствовала всю могучую красоту своего молодого, сильнаго тѣла, двинула руками и ногами и громко заговорила, точно грозя:

— И уйдемъ... что!

Въ комнатѣ уже стало свѣтлѣть; и когда Саша повернула голову, то увидѣла рядомъ неясныя очертанія бѣлаго и маленькаго тѣла и у самаго лица большіе, чуть-чуть блестящіе въ темнотѣ, испуганные глаза.

Полька молчала.

— Ну?—со злобой страха и неувѣренности почти крикнула Саша.

— Куда?—робко и чуть слышно проговорила Полька.—Куда я теперь ужъ пойду?

Будто что-то, на мгновеніе мелькнувшее передъ Сашей, свѣт-

лое и отрадное померкло и безсильно стало тонуть въ мутной мглѣ! И хватаясь за что-то, почти физически напрягаясь, Саша крикнула въ бѣшенствѣ:

— Тамъ видно будетъ... Хуже не будетъ! Уйти бы только!..

И вскочила обѣими горячими ногами на холодный полъ, ясно, съ леденящимъ ужасомъ чувствуя, что мертвая Любка изъ темной бездонной дыры подъ кроватью сейчасъ схватитъ ее за ноги и потащитъ куда-то въ ужасъ и пустоту. И преодолѣвая слабость въ ногахъ, Саша босикомъ добѣжала до окна, ударила, распахнула его на темный, какъ бездонный колодезь, дворъ и высунулась далеко наружу, повиснувъ надъ сырой и холодной пустотой. Вѣтеръ рванулъ ее и вздулъ рубашку пузыремъ, леденя спину. На волосы сейчасъ же сталъ мягко и осторожно откуда-то сверху падать невидимый мокрый снѣгъ; вверху и внизу было пусто, сѣро и молчаливо, пахло сыростью и холодомъ. У Саши сдавило въ груди, сжало голову, и судорожно схвативъ горшокъ съ цвѣтами, она со всего размаха, напрягая всѣ силы въ страшной неутолимой злобѣ и ненависти, швырнула его въ темную пустоту за окномъ. Что-то только метнулось внизъ, и глухой тяжкій ударъ донесся снизу:

— А-ахъ!....

— Уйду.. же!—сжавъ зубы, такъ что скуламъ стало больно, прошептала Саша.

На кровати тихо и безсильно закопошилась маленькая Полька.

— Сашенька... холодно... затвори окно... Что ты тамъ?.. Я боюсь...

III.

И цѣлый день потомъ Саша была тиха и молчалива и ясно ощущала въ себѣ присутствіе чего-то новаго, что было ей совершенно непонятно, но такъ хорошо, что даже страшно: было похоже на то, какъ если во снѣ почувствуешь способность летать, но еще не летишь, и хочешь и боишься того прекраснаго и новаго, страшнаго именно своей совершенной новизной, ощущенія, которое должно явиться съ первымъ же взмахомъ крыльевъ. И несмотря на этотъ страхъ, Саша уже знала, что это будетъ, что это безповоротное.

Весь „домъ", со всѣмъ, что въ немъ двигалось и было, какъ будто отодвинулся отъ нея куда-то внизъ, сталъ чужимъ, и сначала ей даже любопытно было наблюдать его жизнь, точно у нея открылись новые ясные глаза. Но тутъ-то она и поняла, первый разъ въ жизни совершенно сознательно, какою уродливою, противоестественной глупостью было все то, что здѣсь дѣлалось: былъ ясный и свѣтлый день, а всѣ спали; всѣ ненавидѣли другъ

друга, дрались и бранились самыми скверными словами, а жили вмѣстѣ, вмѣстѣ страдали, вмѣстѣ танцевали; завлекали мужчинъ, выманивали у нихъ деньги, доставляя имъ величайшее удовольствіе,—не для себя и даже не для своихъ хозяевъ, какъ казалось, а такъ, совершенно безцѣльно, потому что никто даже и не спрашивалъ себя о цѣли, и никому не было до того дѣла; отнимали здоровье, распространяли болѣзнь, хотя никому не желали зла; заражались сами и безобразно погибали, а желали веселой и счастливой жизни. И когда Сашѣ пришло это въ голову, весь „домъ" и всѣ люди въ немъ вдругъ, съ потрясающей силой, стали ей противны. Все, и глупыя стулья въ залѣ, и рояль, похожій на гробъ, и желтыя лица, и яркія платья, и блѣдно-сѣрый полусвѣтъ въ узкихъ комнатахъ, съ тусклыми полами, стало возбуждать въ ней почти физическое нудное, тяжелое чувство.

Полька Кучерявая все вертѣлась возлѣ нея и заглядывала въ глаза, съ нѣмымъ и трусливымъ вопросомъ. Саша хмурилась и отворачивалась отъ нея, боясь, чтобы Полька не спросила, а Полька печально боялась спросить. Наконецъ, Саша ушла отъ всѣхъ въ пустой залъ и опять стала смотрѣть въ то же окно.

Теперь былъ ясный вечеръ, и нападавшій за ночь мягкій, чистый и пухлый снѣгъ лежалъ по краямъ дороги ровнымъ бѣлымъ полотенцемъ, а посрединѣ весь былъ взрыхленъ комочками, легко разлетаясь подъ ногами лошадей, рыжѣлъ и таялъ. Извозчичьи санки быстро и легко скользили и, забѣгая на бокъ, оставляли широкіе и такіе гладкіе, что пріятно было смотрѣть, накаты. Было свѣтло и тихо, а потому спокойно и хорошо. На бѣломъ снѣгу все казалось удивительно отчетливымъ и чистымъ, красивымъ, какъ дорогая игрушка. По противоположной панели прошелъ студентъ, маленькій и бѣлокурый мальчикъ; онъ на кого-то весело смотрѣлъ и весело улыбался. И хотя Саша не видѣла, кому и чему онъ улыбается, но все-таки ей стало такъ же весело и легко. И когда она смотрѣла на него, въ душѣ у нея явилось, наконецъ, опредѣленное, необходимое, чтобы не впасть въ отчаяніе и злобу, глубокое и довѣрчивое чувство: она вспомнила „знакомаго" студента и радостно подумала, что онъ ей все устроитъ. И тотчасъ же ей начало казаться, что все уже, самое главное, по крайней мѣрѣ, сдѣлано, и она уже какъ бы отдѣлилась отъ этого дома. Порвалась какая-то тяжелая и дурманная связь, и оттого „домъ" сталъ какъ будто еще темнѣе и пустѣе, а она сама—свѣтлѣе и легче, точно вся душа ея наполнилась этимъ разлитымъ по снѣгу, по улицамъ, по крышамъ, по бѣлому небу и людямъ радостнымъ и чистымъ дневнымъ свѣтомъ.

Когда пришелъ вечеръ, ей надо было сдѣлать надъ собой большое тяжелое усиліе, чтобы, хотя съ отвращеніемъ и тоскливымъ недоумѣніемъ, дѣлать то же, что и всегда.

Тотъ самый студентъ, красавецъ и силачъ, о которомъ она думала, пришелъ въ этотъ же вечеръ, веселый и выпившій. Онъ еще издали увидалъ и узналъ Сашу, и такъ какъ она очень понравилась ему въ прошлый разъ, сейчасъ же подошелъ, спокойно и весело. Но тутъ-то Саша почему-то и заробѣла его; это было потому, что она хотѣла просить его, какъ человѣка, и увидѣла въ немъ человѣка въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ была въ этомъ домѣ и „человѣкъ" казался ей высшимъ и страшнымъ существомъ, какимъ-то судьей души. Весь вечеръ она была такой тихой и смущенной, что онъ даже удивился и сталъ, шутя и смѣясь, звать ее.

И только въ своей комнатѣ Саша, точно кто-то толкнулъ ее, сразу сказала ему, что хочетъ уйти отсюда.

Студентъ сначала удивился, разсмѣялся и, видимо, не повѣрилъ, но когда Саша растерялась и потихоньку заплакала безсильно обиженнымъ плачемъ, онъ сконфузился и вспомнилъ, что по его убѣжденіямъ, ему не удивляться, а вѣрить и радоваться надо. Тогда онъ смутился, какъ мальчикъ, и хорошимъ, даже какъ-то черезчуръ задушевнымъ голосомъ, больше думая, чѣмъ чувствуя, что это хорошо, сказалъ:

— Ну, что-жъ... и молодца... Молодецъ, Сашка!.. Это мы все живо устроимъ!..

И опять удивился и смутился, потому что хотя и имѣлъ въ этомъ самыя лучшія и твердыя убѣжденія, но пришелъ къ Сашѣ совсѣмъ не затѣмъ, и оттого сбился, запутался, почувствовалъ что-то пустое и недоумѣлое.

— Такъ, такъ...—пробормоталъ онъ, густо краснѣя, чувствуя себя глупымъ и неловкимъ и изо всѣхъ силъ глядя въ сторону. Потомъ онъ рѣшительно всталъ и сказалъ хрипло и отрывисто:

— Такъ я того... устрою...—и подошелъ къ Сашѣ.

„Ну... что-жъ... не переродилась же она... сразу..."—старался онъ успокоить себя, обнимая ее...

Но въ самой глубинѣ его сознанія осталось какое-то тяжелое, неудовлетворенное и обидное чувство...

Съ этого момента жизнь Саши, выбитая изъ той глубокой и прямой колеи, по которой шла безъ всякаго усилія съ ея стороны, точно покрылась какимъ-то хаотическимъ туманомъ, среди котораго, какъ ей казалось, безсильно и безтолково вертѣлась она сама, какъ щепка въ водоворотѣ.

Студентъ, котораго она просила о помощи, оказался такимъ хорошимъ человѣкомъ, что ему недостаточно было только поду-

мать или высказать что-нибудь хорошее, а искренно хотѣлось и сдѣлать. У него было обширное и хорошее знакомство, а потому ему очень скоро удалось устроить Сашу въ пріютъ для „раскаявшихся“.

Саша узнала объ этомъ прежде всего изъ его же письма, которое принесъ ей посыльный въ красной шапкѣ. Но письмо сначала прочитала тетенька. Рано утромъ она ворвалась въ комнату Саши и пронзительнымъ злымъ голосомъ стала кричать и браниться. Ей не было никакого убытка, и на мѣсто Саши было очень легко достать десять такихъ же молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, но тетенькѣ казалось, что ей нанесли личную обиду и что Саша неблагодарная тварь.

Она швырнула Сашѣ въ лицо скомканнымъ письмомъ и стала стремительно хватать всѣ вещи Саши, будто боясь, чтобы она не унесла чего съ собою.

— Чего хватаетесь?.. Не кричите...—пробормотала Саша вся красная и растерянная.

Въ корридорѣ уже столпились дѣвушки и смѣялись надъ ней, сами не зная почему. И Сашѣ невольно стало казаться, что и вправду это очень стыдно, то, что она задумала. Одну минуту она даже хотѣла отказаться отъ всего, но вдругъ нахмурилась, съежилась и озлобилась.

— Не унесу... не бойтесь... ваше вамъ и останется...—только пробормотала она.

— Ладно, ладно!—злобно кричала тетенька.—Ладно!.. Знаемъ мы васъ!..

Дѣвицы хихикали.

— У, дура!—кричала потная и красная тетенька.—Подумаешь, тоже... въ честныя захотѣла!.. Да ты видала ли когда, честныя-то какія бываютъ?.. Ахъ, ты! .

Красное бархатное платье, которое Саша только разъ и надѣвала и котораго она такъ давно страстно желала, скомканное полетѣло въ общій узелъ. У Саши навернулись слезы жалости и обиды.

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ!—дрожащими губами проговорила она, дѣлая невольное движеніе въ защиту своихъ платьевъ.

Но тетенька быстро, точно этого и ждала, загородила ей дорогу, ударила по рукѣ, и когда Саша охнула отъ испуга и боли, пришла въ восторгъ злости, ударила Сашу еще два раза по щекѣ и потянула за волосы.

— Вотъ тебѣ!—закричала она уже въ рѣшительномъ изступленіи, такъ что крикъ ея былъ слышенъ на подъѣздѣ и пришелъ швейцаръ, рябой и равнодушно-злой человѣкъ.

— Ишь ты... представленіе!—сказалъ онъ.

Саша вспыхнула вся, хотѣла что-то сказать, но вдругъ отвернулась къ стѣнѣ и безсильно заплакала.

— Скоты вы всѣ неблагодарные!—вдругъ сладострастно разнѣживаясь отъ побоевъ и слезъ, плаксиво прокричала тетенька, потомъ вспомнила Любку, изъ за которой у нея были большія непріятности съ полиціей, и опять осатанѣла:

— Маешься съ вами, одѣваешь, обуваешь, а вы... Ну, узнаешь ты у меня, какъ собаки живутъ!—стиснула она зубы, такъ что въ глазахъ у нея все завертѣлось.

— Я.. т.. тебя.. ппрокл..

Саша замерла, поблѣднѣла и такъ и сѣла на полъ, прикрываясь руками.

— Те... тенька...—успѣла проговорить она.

Толстое и жирное колѣно тетеньки ударило ее въ лицо, такъ что она стукнулась затылкомъ о подоконникъ, и на голову ея и спину градомъ посыпались удары, отъ которыхъ тупо и больно вздрагивало сердце. Саша только закрывала лицо и стонала.

— Вотъ...—запыхавшись и шатаясь, остановилась тетенька. Глаза у нея стали совсѣмъ круглые и дикіе, такъ что даже странно и страшно было видѣть ея лицо на человѣческомъ тѣлѣ. Она еще долго и скверно ругалась, и смотрѣла на Сашу такъ, какъ будто ей было жаль такъ скоро уйти и перестать бить.

— Смотри, придешь опять, я тебѣ это высчитаю!—наконецъ прокричала она и ушла, громко ругаясь и дыша тяжело и возбужденно.

Саша оглушенная и избитая встала, машинально поправила волосы, и задвигалась по своей комнатѣ, испуганно оглядываясь. Дверь она потихоньку затворила и уже тогда сѣла на кровать и стала плакать, закрывшись руками. Но плакала она не столько отъ боли и отъ обиды, сколько отъ того, что передъ ней вдругъ открылась какая-то неопредѣленная страшная пустота, и ей стало такъ страшно, что она едва не побѣжала просить кого-то, чтобы ее не трогали и оставили тутъ навсегда, какъ была.

Потомъ потянулся долгій и томительный вечеръ.

Въ залѣ, по обыкновенію, весело и громко играла музыка, и Саша знала, что тамъ сейчасъ свѣтло и людно. Ей по привычкѣ хотѣлось туда, но она не смѣла выйти и сидѣла одна въ пустой и полутемной комнатѣ, прислушиваясь къ глухо доносившейся сквозь запертыя двери музыкѣ и говору и смѣху проходившихъ по коридору дѣвушекъ съ ихъ выпившими гостями.

Саша цѣлый день ничего не ѣла и ей было нехорошо. Потомъ она помнила только, что въ комнатѣ отъ свѣчи ходили большія молчаливыя тѣни, было холодно и какъ-то глухо; а въ черный четырехъугольникъ окна опять стучалъ невидимый дождь.

Вечеръ ей казался не то что длиннымъ, а какимъ то неподвижнымъ, точно времени вовсе не было.

И никакихъ мыслей и чувствъ не было въ ней, кромѣ чувства безконечнаго, удручающаго все существо, одиночества.

На другой день ей пришлось побывать въ участкѣ, гдѣ тоже было страшно и тоскливо. Большія бѣлыя окна смотрѣли какъ мертвыя, столы были черные, люди грубые и любопытно-злые. И Сашѣ казалось, что эти уже имѣютъ право сдѣлатьнадъ ней все, что угодно.

Надъ ней смѣялись и даже издѣвались. Кто-то сказалъ:

— Кающаяся!..

И слово это выговорилъ со вкусомъ, сочно и зазвонисто. Саша уже не плакала, потому что ея сознаніе охватилъ точно туманъ, въ которомъ она почти уже не понимала, что съ ней дѣлаютъ.

У нея отобрали какую-то подписку, куда-то послали, сначала въ одно, а потомъ въ другое мѣсто, и голодную, усталую, совершенно утратившую человѣческое чувство, доставили въ пріютъ.

IV.

Саша не спала почти всю ночь и все думала.

Ибо передъ ней, маленькой женщиной съ маленькимъ и слабымъ умомъ, всталъ какой-то громадный и нерѣшимый вопросъ.

Было темно и тихо. Свѣтъ отъ уличныхъ фонарей падалъ черезъ окна на потолокъ и неясно ходилъ тамъ, вспыхивалъ и темнѣлъ. Съ улицы слабо, больше по дрожанію пола, доносилось рѣдкое дребезжанье извозчичьихъ дрожекъ по оттаявшей къ ночи мостовой. Была сильная мокрая оттепель и слышно было, какъ за окномъ падали на желѣзный карнизъ крупныя тяжелыя капли. Всѣ спали и на всѣхъ кроватяхъ смутно чернѣлись неопредѣленные темные бугры, прикрытые такими же твердыми, съ деревянными складками, одѣялами.

Саша блестящими глазами изъ-подъ уголка одѣяла оглядывала комнату и чутко прислушивалась ко всякому звуку, и къ паденію грустныхъ капель за окномъ, и къ скрипу дальней кровати, и къ тяжелому долгому дыханію, и къ непрестанному хриплому храпу, откуда-то изъ темноты разносившемуся по комнатѣ.

Сашѣ было странно, что все такъ тихо и спокойно, что не шумятъ, не танцуютъ, не дерутся, не пьютъ, не курятъ и не мучаютъ. И вдругъ какое-то теплое, легкое и радостное чувство охватило ее всю, такъ что Саша даже вздрогнула и порывисто

уткнулась лицомъ въ жидкую подушку, на которой наволочка лежала грубыми складками.

Саша только теперь вдругъ поняла, что прежняя жизнь кончена. Что уже никогда не будутъ ее заставлять ласкать пьяныхъ и противныхъ мужчинъ. Не будутъ бить, ругать, что весь этотъ чадъ ушелъ и не повторится. А впереди, точно восходящее въ тихомъ радостномъ сіяніи солнце, стало свѣтить что-то новое, грядущее, радостное, чистое и счастливое. И уже отъ одного сознанія его Сашѣ показалось, что она сама стала легче, чище, свѣтлѣе. Что-то сладко давнуло Сашу за горло, и горячія тихія слезы сразу наполнили ея глаза и смочили возлѣ щекъ нагрѣвшуюся, пахнущую мыломъ подушку.

„Господи, Господи... дай, чтобы ужъ больше... чтобы стать мнѣ такой... какъ всѣ... дай, Господи, дай"!..—съ напряженнымъ и рвущимся изъ груди чувствомъ непонятнаго ей восторга и умиленія, почти вслухъ, прошептала Саша.

Было что то жалкое и слабое въ этой молитвѣ и странно было, что такъ молилась здоровая, красивая, горѣвшая отъ силы жизни женщина.

Саша хотѣла вспомнить всѣ обиды, Польку, тетеньку, Любку, но мысленно отмахнулась рукой.

„Богъ съ ними!.. Было и прошло... и быльемъ поросло! Теперь ужъ все, все будетъ совсѣмъ по новому... Буду-жъ и я, значитъ, человѣкомъ, какъ всѣ... тогда ужъ никто не крикнетъ... какъ тотъ усатый въ участкѣ. Господи, Господи... Создателю мой!.. До чего-жъ хорошо это я надумала... Будто ужъ и не я вовсе... Знакомые у меня теперь будутъ настоящіе... Сама буду въ гости ходить... работать буду такъ... чтобы ужъ никто-никто и не подумалъ..."

Какъ-то незамѣтно для самой Саши всплылъ передъ нею образъ того студента, который устроилъ ее въ пріютъ.

„Красавецъ мой милый!" — безсознательно, съ безконечной нѣжностью и благоговѣніемъ прошептала Саша, и уже когда прошептала, тогда замѣтила это.

И хотя ей было привычно, ничего не чувствуя, называть всѣхъ, бывавшихъ у нея, мужчинъ ласкательными словами, но теперь ей стало стыдно, что она подумала такъ о немъ. Но такъ хорошо стыдно, что слезы легко опять набѣжали на блестящіе, широко раскрытые навстрѣчу слабому свѣту изъ оконъ, глаза. Саша тихо и радостно улыбнулась себѣ.

„Миленькій, золотой мой", — съ невыразимымъ влекущимъ чувствомъ, прижимаясь къ подушкѣ, стала подбирать всѣ извѣстныя ей нѣжности Саша. И все ей казалось мало, и хотѣлось придумать еще что-то, самое ужъ нѣжное, хорошее и жалкое.

„Спаситель вы мой!“ — почему-то на „вы“ вдругъ придумала Саша, и именно это показалось ей такъ хорошо, нѣжно и жалко, что она заплакала.

„Чего-жъ я плачу?“ — спрашивала она себя, но крупныя и теплыя слезы легко, сладко струились по ея щекамъ и расплывались по подушкѣ.

Твердое одѣяло сползло съ ея разгорѣвшагося тѣла и подушка смялась въ совсѣмъ крошечный комочекъ, на которомъ было твердо и неудобно лежать.

„Какія тутъ постели скверныя“,—машинально подумала Саша, не переставая улыбаться сквозь слезы своимъ другимъ мыслямъ.

И тутъ только Саша въ первый разъ совершенно ясно вспомнила и поняла, почему именно она ушла изъ дома терпимости. Она припомнила, какъ ей было тяжело и грустно еще до смерти Любки, какъ все было ей противно и скучно.

„Что Любка бѣдная, царствіе ей небесное, повѣсилась, только, значитъ, меня на мысль натолкнуло... и Полька Кучерявая тоже... Полечка Кучерявенькая!“ — ласково жалѣючи вспомнила Саша: — „надо и ее оттуда вытащить, она, глупенькая, сама и не додумается какъ... а и додумается, такъ побоится!.. Слабенькая она...“

Вдругъ въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Саша подняла голову, но сразу ничего не увидала, кромѣ изсиня-черн аго мрака. Изъ темныхъ оконъ уже не падалъ на потолокъ свѣтъ, а стекла только чуть-чуть сѣрѣли въ темнотѣ.

„Фонари тушатъ... поздно...“—подумала Саша.

И закрывъ глаза, стала опять вспоминать, почему „это“ вышло, и когда все началось, и почему именно—студенту сказала она объ этомъ. Съ самаго начала ей было противно, грустно и трудно привыкнуть къ такой жизни; и пошла она на это только отъ тяжелой, голодной и вовсе безрадостной жизни. Она всегда считала себя, и дѣйствительно была, очень красивой и больше всего въ мірѣ ей хотѣлось, чтобы въ нее влюбился какой-то невѣроятный красавецъ и чтобы у нея было много прекрасныхъ костюмовъ.

„Иная рожа рожей, а одѣнется, такъ глаза слѣпнутъ... а ты, тутъ, идешь, по грязи подоломъ шлепаешь... на башмакахъ каблуки съѣхали, подолъ задрипанный, кофточка старая мѣшкомъ сидитъ... красавица!.. Такъ мнѣ обидно было... Тогда около ресторана... гусаръ даму высаживалъ, а я заглядѣлась и даму толкнула, а онъ меня какъ толкнетъ!.. Посмотрѣла я на нее: старючая да скверпючая... и такъ мнѣ горько стало... А тутъ тетенька обхаживать начала... я ей съ дуру все про гусара и какъ мнѣ обидно разсказала... а она такъ и зудитъ, такъ и зу-

дитъ, что будутъ и гусары, и все... и что красавица я первая, и что мнѣ работать, гнуться да слѣпнуть,—глупость одна... съ какой радости?.. А я себѣ и думаю: „и въ правду глупость одна... съ какой радости?..“

Потомъ она вспомнила то ужасное, безпросвѣтное, невѣроятное, точно въ кошмарѣ, грязное пятно, которымъ представлялся ей долго послѣ первый день, когда она протрезвилась.

„А вѣдь я тогда тоже удавиться хотѣла!“ — съ холоднымъ ужасомъ вспомнила Саша и сразу широко открыла глаза, точно ее толкнулъ кто. Ей почудилось, что тутъ возлѣ кровати стоитъ неподвижная, мертвая, длинная-длинная Любка.

А все было тихо, слышалось ровное дыханіе спящихъ и стало будто свѣтлѣе. Опять были видны темные бугорки на кроватяхъ и мало-по-малу становилось все сѣро, блѣдно и какъ-то прозрачно. Попрежнему храпѣлъ кто-то, томительно и нудно, а за окномъ капали на подоконникъ одинокія тяжелыя капли.

„Такъ и хотѣла...Помню, напилась здорово... думала, какъ напьюсь, легче будетъ, не такъ страшно... и крючокъ приколотила... А за мной, значитъ, слѣдили... за всѣми въ первое время слѣдятъ... Тетенька меня тутъ и избила... чуть не убила!.. А потомъ и ничего... скучно стало...“

Саша припомнила, не понимая, что потомъ нашла на нее глубокая, тяжелая апатія, а когда прошла, то унесла съ собой всякую нравственную силу и стыдъ, не было уже ни силы, ни желанія бороться. Потомъ было пьянство, развратъ, шумъ и чадъ, и она привыкла къ этой жизни. Но все-таки Саша помнила очень хорошо, что совсѣмъ весело и спокойно ей никогда не было, а все время, что-бы она ни дѣлала, гдѣ-то въ самой глубинѣ души, куда она сама не умѣла заглядывать, оставалось что-то ноющее, тоскливое, что и заставляло ее такъ много пить, курить, задирать другихъ и развратничать.

„А почему ему... почему ему сказала?.. Да потому, что онъ меня и взбредилъ тогда... слова эти сказалъ, милый мой красавчикъ!..“

И опять Саша придумывала нѣжныя слова и припоминала весь тотъ вечеръ, когда этотъ студентъ былъ у нихъ въ первый разъ, пьяный, веселый, и очень ей понравился, смѣялся, пѣлъ, а Сашѣ сказалъ:

— Цѣны тебѣ, Сашка, нѣтъ!.. Ты красавица! Прямо красавица! Кабы ты не была дѣвкой, я бы на тебѣ женился! Ей-Богу, женился бы, потому что ты лучше всѣхъ женщинъ, какихъ я знаю... И зачѣмъ ты, Сашка, въ дѣвки пошла?

Саша смѣялась и вылила на него полстакана пива, но онъ не разсердился, а вдругъ загрустилъ пьяной, слезливой грустью.

— И неужели ты не понимаешь, что ты надъ собой сдѣлала... а? Сашка! — горестно покачивалъ онъ красивой взлохмаченной головой, залитой пивомъ.

И сразу напомнилъ ей этими „жалкими" словами все, что она вынесла. И тутъ все точно поднялось въ ней, давнуло за сердце, рѣзнуло, Саша стала неудержимо плакать, отталкивать студента отъ себя, биться головой. Было это и потому, что она была пьяна, и потому, что она поняла, что сдѣлала надъ собой что-то ужасное и непоправимое, какъ ей тогда казалось.

„Всю ночь тогда проревѣла", — задумчиво и тихо подумала Саша, глядя въ посѣрѣвшіи окна, печально и неподвижно смотрѣвшія въ большую, холодную и скучную комнату.

„Съ того и началось... это самое... затосковала я тогда на смерть!"

V.

Слѣдующій день былъ пріемнымъ днемъ во всѣхъ больницахъ, а потому его сдѣлали пріемнымъ почему-то и въ пріютѣ.

Небо посвѣтлѣло, солнце ярко свѣтило въ окна, такъ что казалось, будто на дворѣ радостная весна, а не гнилая осень. Было такъ много свѣта, что даже на угрюмые мутно-зеленые столы и табуреты было пріятно и легко смотрѣть. Чай пили въ общей комнатѣ, пили чинно и молча, потому что боялись надзирательницы, у которой было много презрѣнія и много испорченной желчи.

Но Сашѣ казалось, что такъ тихо и чинно вовсе не потому, а оттого, что здѣсь, въ этой совершенно иной жизни, такъ и должно быть: свѣтло, тихо и чинно. И все это ужасно нравилось Сашѣ, даже возбуждало въ ней чувство восторженнаго умиленія. Глаза у нея поминутно дѣлались влажными и тихо блестѣли.

„Господи, какъ хорошо-то..."

А когда Саша вспомнила тѣ радостныя и свѣтлыя думы, которыя передумала она въ эту „великую" (именно такъ, какъ называла она всегда ночь подъ свѣтлое Христово Воскресеніе, Саша назвала себѣ первую ночь, проведенную въ пріютѣ), ей стало такъ радостно, что она начала тихо и широко улыбаться навстрѣчу полному золотой пыли солнечному лучу, падавшему черезъ всю комнату блестящей полосой.

Но въ ту же минуту Саша поймала на себѣ пристальный и колючій взглядъ надзирательницы, вдругъ загадочно прищурившейся, и смутилась такъ, что даже испугалась. Густой румянецъ сталъ быстро разбѣгаться по ея молодому и еще совсѣмъ свѣжему лицу.

„Чего обрадовалась?“—съ грустью, откуда-то вынырнувшей незамѣтно для нея самой, подумала Саша, стараясь не глядѣть по сторонамъ. — „Ужъ и забыла... подумаешь!.. Такъ тебѣ и смѣяться... сидѣла бы, коли ужъ Богъ убилъ.“

И какъ будто въ столовой стало темнѣй, скучно и глухо, и золотой столбъ пыли куда-то пропалъ.

— Исправляющіяся!—съ ироніей думала надзирательница, машинально помѣшивая ложечкой жидкій простывшій чай и не спуская съ Саши злого и презрительнаоо взгляда.—Мысли-то ихъ въ комитетъ бы представить!.. У, дурачье!—подумала она о комитетскихъ дамахъ.—Да этихъ потаскухъ хлѣбомъ не корми... Развѣ могутъ онѣ не то что оцѣнить, а хотя бы понять смыслъ этихъ заботъ о нихъ общества?—вдругъ поджавъ губы, мысленно произнесла она гдѣ-то слышанную, очень ей понравившуюся и не совсѣмъ ясно понимаемую фразу.

И потомъ ей почему-то страстно захотѣлось схватить Сашу за волосы и дернуть по полу такъ, чтобы въ пальцахъ клочки волосъ остались.

— Тварь подлая... не спасать тебя, а въ острогѣ сгноить!..

Послѣ чаю всѣ сразу заторопились и, еле сдерживаясь, чтобы не побѣжать, разошлись по комнатамъ, стали шушукаться и хлопотать.

Саша сидѣла возлѣ своей кровати, къ жесткому коричневому цвѣту и мертвымъ прямымъ складкамъ которой она все не могла привыкнуть, и смотрѣла съ удивленіемъ и любопытствомъ, какъ прихорашивались ея товарки. На нихъ оставались тѣ же странныя неуклюжія платья, но всѣ какъ-то подтянулись: таліи стали тоньше, платья опрятнѣе застегнулись. Блондинка съ красивымъ голосомъ взбила чубъ и стала прелесть какой хорошенькой, а женщина съ животомъ украсила свои безцвѣтные жидкіе волосы голубой ленточкой. И эта ленточка наивно и робко, не въ тактъ ея движеніямъ болталась у нея на головѣ.

— Вовсе не хорошо!—мелькнуло въ головѣ у Саши.

Блондинка улыбнулась, поймавъ ея взглядъ на голубую ленточку.

Саша отвѣтила радостной улыбкой.

— Какая вы хорошенькая!—съ искреннимъ восторгомъ сказала она.

— Правда?—короткимъ горловымъ смѣшкомъ возразила блондинка.

— Ей-Богу!—улыбалась Саша.—Только платье бы вамъ другое... и совсѣмъ бы красавицей стали... У меня одно было, красное, и вотъ тутъ...

Саша подняла руку, чтобы показать, но вдругъ вспомнила, разомъ замолчала и, растерянно мигая, потупилась.

„Развѣ можно про это поминать!“ укорила она себя, съ усиліемъ подавляя въ себѣ жалость о красномъ платьѣ и желаніе разсказать о немъ.

Блондинка не поняла Сашу и хотѣла переспросить, но въ это время дверь отворилась, надзирательница на мгновеніе всунула желтую голову въ комнату и отрывисто выкрикнула, точно скрипнула дверью:

— Полынова.. къ вамъ...

Полыновой оказалась женщина съ большимъ животомъ. Должно быть, она, хоть и нацѣпила ленточку, никакъ не ожидала, что къ ней придутъ. Она сильно и болѣзненно вздрогнула и какъ-то вся безтолково засуетилась, хватая руками и обдергивая ленточку и платье. Ея невыразительное длинное лицо поблѣднѣло, а тусклые голубенькіе глазки выразили-таки растерянность и жалкій испугъ.

— Ну?—крикнула надзирательница и голова ея выскользнула.

Полынова, путаясь и торопясь, ушла за нею, все съ тѣмъ же испуганнымъ лицомъ, и Сашѣ показалось, будто она перекрестилась на ходу, быстрымъ и мелкимъ движеніемъ.

— Пришелъ таки, съ выраженіемъ и сочувствія и насмѣшки, сказала блондинка.

Рябая отозвалась равнодушнымъ басомъ:

— Все одинъ чортъ... Не женится онъ... охота ему!.. А она—дура!

Тутъ только Саша замѣтила, что одна эта рябая и не думала прихорашиваться, а неподвижно сидѣла на своей кровати, придавивъ ее какимъ-то странно тяжелымъ тѣломъ.

Опять отворилась дверь и опять скрипнулъ сухой голосъ:

— Иванова.

Блондинка встала и засмѣялась.

— Вы чего радуетесь?—сухо и недовѣрчиво спросила надзирательница.

Ее всегда злило и даже оскорбляло, когда эти женщины, которыхъ она считала неизмѣримо ниже себя и недостойными даже дышать вольно на свѣтѣ, радовались или хоть только оживлялись.

Но блондинка, не отвѣчая и все смѣясь, поправила на себѣ волосы и пошла изъ комнаты.

Потомъ вызвали Сюртукову, ту самую толстую и дурнорожую женщину, которая ночью храпѣла, и Кохъ, блѣдную тощую дѣвушку съ бородавкой на длинной шеѣ. Онѣ ушли, и въ комнатѣ стало совсѣмъ пусто и тихо. Воздухъ былъ чистый, и всякій звукъ раздавался черезчуръ отчетливо и дробно, еще больше усиливая тишину и пустоту.

Рябая неподвижно сидѣла спиной къ Сашѣ, и по ея широкой обтянутой толстой спинѣ нельзя было догадаться, дремлетъ она или смотритъ въ окно.

Саша почему-то стѣснялась двигаться и тоже сидѣла тихо. Было что-то странное и тоскливое въ этой неподвижности и тишинѣ двухъ живыхъ людей, въ этой свѣтлой и чистой комнатѣ. И Саша начала томиться неопредѣленнымъ тяжелымъ чувствомъ.

Она стала припоминать то, что думала ночью, но оно не припоминалось, вставало блѣдно и безсильно. Саша старалась уже насильно заставить себя испытывать то радостное и свѣтлое чувство, которое такъ легко и всесильно охватывало ея душу, притаившуюся въ темнотѣ подъ жесткимъ темнымъ одѣяломъ. Но вокругъ было свѣтло, блѣднымъ ровнымъ свѣтомъ, и пусто молчаливой пустотой, и въ душѣ Саши было такъ же блѣдно и пусто. Саша поправилась на кровати, сложила руки на колѣняхъ, потомъ стала крутить волосокъ, потомъ тихо и осторожно зѣвнула, и ей становилось все тяжелѣй и скучнѣй.

Рябая зашевелилась и не поворачиваясь спросила:

— А къ тебѣ придутъ?

Голосъ ея раздался сипло и глухо.

Саша вздрогнула и поспѣшно отвѣтила:

— Не знаю...

И удивилась:

„Кто ко мнѣ придетъ?"—вдругъ съ тихой жалобной грустью подумала она, и какъ то ярко и мило ей вспомнились Полька Кучерявая, рыжая Паша и другія знакомыя лица. Она вздохнула.

Рябая что-то тихо сказала:

— Чего?—робко переспросила Саша.

— Ко мнѣ то прити некому... я знаю,—повторила рябая съ страннымъ выраженіемъ не то злобы, не то насмѣшки.

Саша широко и жалобно раскрывъ глаза смотрѣла въ ея широкую спину и не знала что сказать.

— У васъ родныхъ нѣтъ.. значитъ?—неувѣренно пробормотала она.

Рябая помолчала.

— Какъ нѣтъ... сколько угодно... Купцы, богатые... родные братья и сестры есть...

— Почему жъ они?..

— Потому...

Рябая оторвала это со злостью и замолчала.

А тутъ дверь опять скрипнула, и когда Саша быстро обернулась, желтая голова смотрѣла прямо на нее. Что-то въ родѣ какой то смутной, совсѣмъ неопредѣленной, но радужно радостной надежды вздрогнуло въ груди Саши.

— Козодоева.. къ вамъ...—проговорила надзирательница.

Саша даже вскочила и сердце у нея забилось. Но ей сейчасъ же представилось, что это ошибка.

— Ко мнѣ?—срывающимся голосомъ переспросила она странно улыбаясь.

Передъ нею промелькнули всѣ знакомыя лица изъ „Бѣлаго лебедя“.

— Да ужъ къ вамъ,—неопредѣленно возразила надзирательница и не ушла, какъ прежде, а ждала въ дверяхъ, пока Саша пройдетъ мимо нея.

Лицо у нея было такое, точно она Сашу увидала въ первый разъ и чему то удивлялась и не довѣряла. А Сашѣ, во все время пока она шла по корридору казалось, что вотъ-вотъ она сейчасъ крикнетъ ей:

— Куда?.. А ты и въ правду думала, что къ тебѣ пришли?.. Брысь на мѣсто.

Но надзирательница шла сзади молча, сильно постукивая задками туфель.

Совсѣмъ ужъ робко и нерѣшительно Саша вошла въ отворенную дверь пріемной и въ первую секунду ничего не могла разобрать, кромѣ того, что въ пріемной три окна, стоятъ черные стулья, блеститъ полъ и въ комнатѣ много людей.

Но сейчасъ же ей кинулся въ глаза студенческій мундиръ и знакомое лицо. Будто ее качнуло куда-то, все смѣшалось въ глазахъ, вздрогнуло и моментально разбѣжалось, оставивъ во всемъ мірѣ одно, слегка красное, чудно-красивое и безконечно милое, улыбающееся лицо надъ твердымъ синимъ воротникомъ.

Студентъ неестественно улыбался и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ей навстрѣчу.

— Здравствуй... те,—сказалъ онъ нерѣшительно.

Саша хотѣла отвѣтить, но задохнулась и только, и то какъ сквозь туманъ, поняла, что онъ протягиваетъ ей руку. Неумѣло и растерянно она подала свою и ей показалось, будто она перележала себѣ руку, такъ неловко и трудно было ей.

— Ну, что-жъ... сядемте...—опять сказалъ студентъ и первый отошелъ въ уголъ и сѣлъ.

Саша поспѣшно сѣла рядомъ съ нимъ, но какъ-то бокомъ. Ей было неудобно, а скоро стало даже больно, но она не замѣчала этого.

Всѣ смотрѣли на нее и на студента съ любопытствомъ и недоумѣніемъ, потому что къ пріюткамъ, бывшимъ проституткамъ, никогда не приходили такіе люди. Одна блондинка Иванова улыбалась и щурила глаза на красиваго студента.

Студентъ, смущенно и изъ всѣхъ силъ стараясь не показать

этого, смотрѣлъ на Сашу и не зналъ съ чего начать, у него даже мелькнула мысль:

„Чего ради я пришелъ?..“

Но сейчасъ же онъ вспомнилъ, что дѣлаетъ благородное, хорошее дѣло и ободрился. Даже привычно-самоувѣренное выраженіе появилось на его лицѣ.

— Ну, вотъ вы и на новомъ пути!..—слишкомъ витіевато началъ онъ, почти безсознательно всѣмъ, и голосомъ, и складомъ фразы, и слегка насмѣшливымъ и снисходительнымъ лицомъ, подчеркивая для всѣхъ, что онъ, собственно, ничего не имѣетъ и не можетъ имѣть общаго съ этой женщиной, а то, что онъ пришелъ сюда, есть лишь капризъ его, безконечно чуждаго всякихъ предразсудковъ и безконечно прекраснаго, „я“. И ему все казалось, что это недостаточно понятно всѣмъ, и хотѣлось доказать это.

Саша въ некрасивомъ странномъ платьѣ, не завитая и не подрисованная, казалась ему незнакомой и гораздо хуже лицомъ и фигурой.

— Да,—сказала Саша такимъ голосомъ, какъ будто у нея во рту была какая-то вязкая тяжелая масса.

— Ну... это очень хорошо,—еще громче и еще снисходительнѣе сказалъ студентъ, разглядывая Сашу, и почувствовалъ, что ему какъ будто жаль, что Саша такъ погрубѣла и подурнѣла.

„А впрочемъ, она и сейчасъ хорошенькая“,—утѣшающе подумалъ онъ, и поймавъ себя на этой мысли съ болью разсердился:—ка-акой, однако, я подлецъ!“

Эта мысль была неискренна, потому что онъ глубже всего на свѣтѣ былъ увѣренъ, что онъ не подлецъ, но все-таки и ея было достаточно, чтобы онъ сталъ проще и добрѣе.

— Если вамъ что-нибудь понадобится, вы скажите,—заторопился онъ,—то-есть напишите... потому что я, можетъ быть... не скоро... или тамъ... я вамъ дамъ адресъ... на всякій случай... вотъ...

Онъ торопливо досталъ очень знакомый Сашѣ кошелекъ и досталъ изъ него карточку.

Саша робко взяла ее и держала въ рукѣ, не зная, куда ее дѣть и что говорить.

— Спасибо...—пробормотала она.

„Дмитрій Николаевичъ Рославлевъ“,—прочла она машинально одними глазами.

И вдругъ, точно кто-то ударилъ ее по головѣ, Саша съ ужасомъ подумала:

„Что-жъ я... вѣдь онъ сейчасъ уйдетъ!"

И торопясь и путаясь, заговорила:

— Я вамъ очень, очень благодарна... потому какъ вы меня... изъ такой жизни...

— Ну, да, да...—заторопился студентъ, весь вспыхивая, но уже отъ хорошаго чувства, пріятнаго и просто-гордаго.—Вы повѣрьте... что я вамъ искренно желалъ добра и... желаю, и всегда готовъ...

„Что собственно готовъ?"—подумалъ онъ и противъ его воли вдругъ такой отвѣтъ пришелъ ему въ голову, юмористическій и циничный, что ему стало стыдно и гадко.

„Нѣтъ, я ужасный подлецъ!"—съ искреннимъ отчаяніемъ, но еле-еле удерживаясь отъ невольной улыбки, подумалъ онъ, и это чувство было такъ мучительно, что онъ, самъ не замѣчая того, всталъ.

Саша тоже встала торопливо и лицо у нея было убито и жалко.

„Уйдетъ, уйдетъ... дура... Господи!"—съ тоской неслось у нея въ головѣ.

Она всѣмъ существомъ своимъ чувствовала, что надо что-то сказать, что-то необычайное, и совершенно не знала, что.

Но въ эту минуту ей казалось, что если она не скажетъ этого и онъ уйдетъ, то тогда ужъ все куда-то исчезнетъ, будетъ что-то пустое и мертвенно-холодное.

— Такъ вы если что-нибудь... тамъ подробный адресъ,— бормоталъ студентъ и протягивалъ руку, какъ-то слишкомъ высоко для Саши.

Саша дотронулась до его руки холодными пальцами и еле перехватила желаніе схватить эту руку обѣими руками и изо всей силы прижаться къ ней.

— До свиданья,—проговорилъ студентъ.

— Прощайте,—отвѣтила Саша и спохватилась:—до свиданья...

И поблѣднѣла.

Студентъ нерѣшительно, оглядываясь на нее, пошелъ изъ комнаты.

Саша пошла за нимъ. Они вышли въ коридоръ и на лѣстницу.

— Такъ вы...—началъ студентъ и замолчалъ, замѣтивъ, что повторяетъ одно и то же.

Вдругъ Саша схватила его руку и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообразить, прижала къ губамъ, опустила немного и опять, крѣпко прижавшись мягкими влажными губами, поцѣловала.

— Что вы!—вспыхнулъ студентъ.

Это было новое, стыдное и пріятное ощущеніе.

— Козодоева! Вы куда?—крикнула сверху надзирательница — Этого нельзя!

Отъ негодованія у нея вышло: „нельса!"

— Я... еще приду... непремѣнно приду!—весь красный и растерянный, почему-то ужасно боясь надзирательницы, торопливо пробормоталъ студентъ, сильно пожимая руку Саши.

Саша молчала и глядѣла на него безсмысленно-блаженными мокрыми глазами.

— Ступайте назадъ!—крикнула надзирательница.

Когда студентъ, свободно дыша, шелъ по улицѣ, у него было какое-то странное чувство, будто онъ сдѣлалъ не то, что было нужно, и въ душѣ у него была чуть чуть тоскливая тревожная пустота; то же самое чувство, которое было у Саши, когда она отошла отъ Любки, плакавшей за роялемъ. Но у него это чувство было мучительнѣе и сознательнѣе, потому что онъ былъ умнымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ.

„Но вѣдь я же поступилъ съ нею хорошо... вообще... и никто,—съ удовольствіемъ подумалъ онъ,—изъ моихъ.. знакомыхъ не сдѣлалъ бы этого!"

И это соображеніе, бывшее искреннимъ и увѣреннымъ, обрадовало и успокоило его.

М. Арцыбашевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЗНАХАРСТВО И ШАРЛАТАНСТВО.

Одинъ господинъ, проходя мимо аптеки, зашелъ въ нее, купилъ двѣ облатки—патентованное средство отъ головной боли и положилъ ихъ въ карманъ. Идя далѣе, онъ купилъ себѣ пуговицу для сорочки и положилъ ее въ тотъ же жилетный карманъ. Почувствовавъ приближающійся приступъ головной боли, онъ опустилъ руку въ карманъ, досталъ одну изъ купленныхъ облатокъ и, закрывъ глаза, проглотилъ ее. Боль головы скоро утихла, и господинъ остался очень доволенъ купленнымъ патентованнымъ средствомъ. Придя домой, онъ пожелалъ приладить пуговицу къ сорочкѣ, полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда двѣ облатки: пуговицы не оказалось. Спрашивается, куда дѣвалась пуговица, и отчего прошелъ приступъ головной боли?..

Изъ писемъ В. Г. Бѣлинскаго къ женѣ мы между прочимъ узнаемъ, что И. С. Тургеневъ придавалъ какое-то мистическое значеніе красной ниткѣ, надѣтой на шею: она будто бы предохраняетъ горло отъ всякихъ простудъ и заболѣваній; онъ обращаетъ вниманіе Бѣлинскаго на это вѣрное средство, а Бѣлинскій въ письмѣ къ женѣ совѣтуетъ надѣть шнурокъ, сплетенный изъ красныхъ нитокъ, на шею дочери ихъ, Ольгѣ, причемъ совѣтуетъ озаботиться, чтобы дѣвочка и не догадывалась, зачѣмъ ей надѣли этотъ шнурокъ,—слѣдовательно, возможное вліяніе самовнушенія исключается имъ, а придается значеніе красной ниткѣ, какъ таковой.

Покойный петербургскій градоначальникъ Грессеръ погибъ отъ «виталина» Гачковскаго, доцентъ Московскаго университета, Г. Доробецъ, получаетъ излѣченіе отъ своего сикоза, повидимому нервнаго происхожденія, противъ котораго будто бы оказались безсильными всѣ авторитетные дерматологи отечественные и заграничные, отъ простой баньщицы-бабки въ Москвѣ, о чемъ и спѣшитъ заявить въ печати, въ поученіе и назиданіе читателямъ. Баронъ Вревскій имѣетъ шумный успѣхъ среди такъ называемыхъ «образованныхъ» классовъ Петербурга и отлично излѣчиваетъ разныя застарѣлыя заболѣванія простой невской водой. Горячимъ сторонникомъ и ученикомъ барона Вревскаго заявилъ себя и одинъ учитель Тобольской гимназіи. Принцъ Уэльскій, нынѣ король Англіи, носитъ на шеѣ ладонку-амулетъ про-

тивъ заболѣваній тифомъ, лихорадкой и проч. Амулетъ этотъ подаренъ ему герцогиней Баденской. Владѣтельные герцоги и князья, бароны и графы горячо поддерживали пастора Kneipp'а и его систему лѣченія, въ которой болѣе нелѣпаго, чѣмъ разумнаго, который, не имѣя никакого понятія ни о медицинѣ, ни объ естественныхъ наукахъ вообще, тѣмъ не менѣе судилъ вкривь и вкось о вопросахъ здоровья, издалъ даже по этому вопросу цѣлое руководство, содержаніе котораго вызываетъ невольную улыбку у человѣка, хоть немного знакомаго съ медициной, и которое, несмотря на это, выдерживаетъ въ короткое время 37 изданій на нѣмецкомъ языкѣ и переводится чуть ли не на всѣ европейскіе языки (имѣется и въ русскомъ переводѣ). Способъ лѣченія Kneipp'а, какъ извѣстно, довольно простъ и однообразенъ: всѣмъ больнымъ, чѣмъ бы они ни страдали, предписывалось обливанье холодной водой спины, груди, бедръ, прогулки босикомъ утромъ по росистой травѣ, днемъ—по горячему песку, вечеромъ—по ручью; при этомъ простая однообразная пища. Несмотря на очевидную неразумность лѣченія по этому однообразному способу разнообразнѣйшихъ человѣческихъ недуговъ, масса больныхъ осаждала пастора.

Voerishofen — мѣстожительство Kneipp'а, сталъ своего рода интернаціональной Меккой для страждущихъ: десятки тысячъ больныхъ всѣхъ классовъ и состояній, всѣхъ племенъ и народовъ стремились къ нему: онъ ужъ былъ не въ состояніи принимать ихъ по одному, а принималъ ихъ группами по 5—10 человѣкъ заразъ. Врачомъ-консультантомъ и помощникомъ Kneipp'а состоялъ нѣкто Zapf, по профессіи—конюхъ. Папа, во вниманіе къ его заслугамъ, наградилъ его чиномъ камергера. Его пріѣздъ въ Берлинъ составлялъ цѣлое событіе для его многочисленныхъ поклонниковъ. Всюду въ большихъ городахъ Германіи открываются лечебницы для леченія по способу Kneipp'а.

Графъ Mathei изобрѣлъ разноцвѣтное электричество, нѣчто не существующее въ природѣ, и подъ названіемъ бѣлаго, желтаго и краснаго электричества продаетъ обыкновенную воду, какъ-то показалъ химическій анализъ. Потребителями этихъ «электричествъ» являются, главнымъ образомъ, представители «образованныхъ» классовъ: помогаютъ они при самыхъ разнообразныхъ заболѣваніяхъ.

Профессоръ, а вѣрнѣй душевно-больной, Jeger, авторъ распознаванія болѣзней по запахамъ человѣческихъ отдѣленій, изобрѣтатель знаменитой и ходкой шерстяной одежды, несмотря на всю нелѣпость своей системы, имѣетъ успѣхъ: его бѣлье вы найдете теперь чуть ли не въ каждой мелочной лавочкѣ. Покупатели—все изъ тѣхъ же «образванныхъ» классовъ, такъ какъ ни рабочій, ни крестьянинъ не станутъ его покупать.

Изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ мы можемъ сдѣлать тотъ пе-

чальный выводъ, что ни высокое положеніе въ обществѣ, ни принадлежность къ обезпеченнымъ и «образованнымъ» классамъ, ни даже талантъ и геній не гарантируютъ еще раціональныхъ понятій въ вопросахъ здоровья, что объ этихъ вопросахъ всѣ судятъ легкомысленно и съ плеча, что мистицизмъ и суевѣріе въ этихъ вопросахъ присущи всѣмъ классамъ населенія, высшимъ и низшимъ, образованнымъ и невѣжественнымъ. Врачъ, живущій въ деревнѣ, каждодневно и ежечасно ведущій не легкую борьбу съ деревенскимъ знахарствомъ, врачъ, всѣ надежды свои въ этой борьбѣ возлагающій на развитіе просвѣщенія въ массѣ, привыкшій думать, что невѣжество народа лучшій союзникъ знахарства, съ удивленіемъ останавливается предъ фактами, въ родѣ вышеприведенныхъ, и съ горечью долженъ признать, что, повидимому, и просвѣщеніе не всегда гарантируетъ людей отъ заблужденій темной массы. Глупо, конечно, что крестьяне въ своемъ паническомъ страхѣ предъ холерой приняли за холеру прохожаго нѣмца-слесаря и среди бѣлаго дня, при участіи сельскихъ властей, убили его изъ ружья. Глупо и жестоко, что крестьяне въ другомъ мѣстѣ нашего обширнаго отечества приняли за холеру проходившую старушку какую-то и также убили ее. Печально и тяжело, что обезумѣвшая чернь, потерявъ голову отъ надвинувшихся на нее почти одновременно голода и холеры, своими руками терзала о убивала борцовъ за ея здоровье и жизнь, разносила холерные бараки, жгла ихъ. Все это такъ. Но масса эта состоитъ изъ людей темныхъ, невѣжественныхъ, изъ людей, которыхъ въ свое время ничему не учили, которымъ ничего не объясняли, и которые, живя бокъ-о-бокъ съ культурой, въ сущности очень далеко отъ нея. Но послѣдователи и поклонники Егеря, Mathei, Kneipp'a, или «тибетскаго врачевателя», нашего г. Бадмаева, безъ сомнѣнія, глубоко возмущавшіеся дикостью черни, въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ «образованному» классу; у нихъ нѣтъ такого оправданія; ихъ учили, а они все такъ же, какъ и ничему не учившаяся масса, склонны къ суевѣрію, такъ же легковѣрны и такъ же не способны критически отнестись къ разнымъ всегда сомнительнымъ заявленіямъ ловкихъ людей, разъ дѣло идетъ о вопросахъ здоровья. Крестьянинъ вѣритъ, что можно заговорить кровь, зубы, отшептать «бышиху» (рожу), что тѣ таинственныя манипуляціи, которыми часто сопровождаютъ деревенскіе знахари свое лѣченіе, заключаютъ въ себѣ что-то мистическое, сверхъестественное и во всякомъ случаѣ цѣлебное. На нашъ взглядъ, всѣ эти вѣрованія смѣшны и нелѣпы и если и могутъ въ рѣдкихъ случаяхъ имѣть значеніе, то лишь своимъ дѣйствіемъ на психику больного и только въ подходящихъ, вполнѣ опредѣленныхъ и опредѣлимыхъ случаяхъ. Крестьянинъ смотритъ на это иначе, и онъ въ своемъ правѣ; онъ теменъ. Но не правда ли, странно, когда такіе способы леченія находятъ вѣрующихъ среди «образованныхъ»

классовъ населенія. Не такъ давно въ Петербургѣ среди высшихъ классовъ населенія пользовался большимъ успѣхомъ одинъ ловкій господинъ, нѣкто Тони, который руками «отмахивалъ» болѣзни. Въ этомъ и состояла вся его система леченія. И хотя онъ бралъ только 30 коп. за «отмахиваніе», онъ все же имѣлъ возможность занимать барскую квартиру и хорошо жить: отъ больныхъ отбою не было. И это не гдѣ-нибудь въ пошехонской глуши, а въ столицѣ, въ центрѣ умственной жизни страны! Въ Индіи при одномъ храмѣ имѣется мѣдная статуя мула; она обладаетъ удивительной цѣлебной силой, и толпы индусовъ всѣхъ слоевъ и со всѣхъ концовъ страны стекаются къ этой статуѣ, ища облегченія своимъ недугамъ. Способъ леченія удивительно простъ: стоитъ потереть у мула часть тѣла, соотвѣтствующую больной части тѣла человѣка, и боль проходитъ. Какъ велика практика этого мула, видно изъ того, что въ мѣдной статуѣ руками страждущихъ и ищущихъ облегченія протираются дырья, и жрецы имѣютъ всегда наготовѣ матеріалы для штопанія этихъ дыръ. Чѣмъ это хуже «отмахиванія» болѣзней г. Тони? Разница лишь въ томъ, что способомъ Тони пользовались «образованные» петербуржцы, а статуей мула—невѣжественные жители далекой отъ культуры Индіи.

Въ Самарскихъ степяхъ въ изобиліи произрастаетъ въ дикомъ состояніи ephedra Vulgaris — знаменитая Кузьмичева трава. Благодаря рекламамъ, газетнымъ заявленіямъ, легковѣрію публики и неудержимому стремленію ея къ разнаго рода панацеямъ, эта давно извѣстная въ медицинѣ трава, давно изученная врачами во всѣхъ ея далеко не важныхъ цѣлебныхъ свойствахъ, давно сданная ими въ архивъ, какъ ненужный балластъ, заняла на время опять видное мѣсто, какъ лѣчебное средство. При всѣхъ газетахъ и журналахъ разсылались въ милліонахъ экземплярахъ безграмотныя зазыванія разныхъ торговцевъ этой травой. Не было города, не было той глухой деревни, гдѣ вы не наткнулись бы на эту траву. На мѣстѣ, въ Бузулукскомъ уѣздѣ, возъ этой ни къ чему не годной травы продавался по 50 к., а потомъ въ виду усиленнаго спроса,—по 3 р., а торговцы этой травой разсылали ее по 3 р. и по 5 р. за фунтъ, причемъ и почтовая пересылка была на счетъ покупателя. Многіе изъ почтенныхъ бузулукскихъ коммерсантовъ нажили себѣ состоянія отъ этой торговли. Кажется, только въ послѣднее время власти вмѣшались, наконецъ, въ эту возмутительную эксплоатацію общественнаго легковѣрія и ограничили торговцевъ этой травы.

Отставной солдатъ, Назаръ Бундаковъ, бывшій госпитальный служитель, занялся леченіемъ. Онъ снималъ катаракты, причемъ больные оставались безъ зрѣнія, разрѣзалъ животы, отчего больные умирали, пускалъ кровь изъ шеи, бровей. За вскрытіе живота былъ судимъ и осужденъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы и церковному покаянію. Послѣ того продолжалъ леченіе, судился еще 2 раза, послѣдній разъ—

за неудачную операцію съ смертельнымъ исходомъ; опять былъ присужденъ къ 3 мѣсяцамъ тюрьмы («Недѣля» 1889 г., VI/18).

Какой-то «персидскій врачъ», Миръ Асановъ, въ Казани проситъ у полиціи разрѣшенія практиковать, получаетъ отказъ, но тѣмъ не менѣе открываетъ пріемъ больныхъ. Былъ привлеченъ къ суду, приговоренъ къ штрафу въ 20 рублей. Уплативъ этотъ ничтожный штрафъ, — продолжалъ лечить, бралъ съ больныхъ большія, чѣмъ прежде, суммы, по 50 — 70 руб. съ больного. Продавалъ по 30 руб. таинственный «дорогой» порошокъ, который при анализѣ оказался обыкновеннымъ крахмаломъ («Волжскій Вѣстникъ» 1890 г., 21 окт.).

Знахарка Титова лечила обыкновенный чирей и умудрилась превратить его въ такую обширную язву, что для заживленія ея потребовалась пересадка кожи. Привлеченная къ суду, она была приговорена земскимъ начальникомъ къ аресту на мѣсяцъ. Но когда дѣло было перенесено въ съѣздъ, то послѣдній, принимая во вниманіе приговоръ схода, въ которомъ дѣятельность Титовой была названа полезной, отмѣнилъ рѣшеніе первой инстанціи и приговорилъ ее къ аресту на одинъ день («Врачъ,» 1891 г. 476).

Гипнотизеръ Фельдманъ, несмотря на разъясненіе медицинскаго департамента, несмотря на прямое запрещеніе закона даже врачамъ гипнотизировать безъ консультаціи и присутствія другихъ врачей, продолжалъ свою дѣятельность то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, продѣлывалъ публичные сеансы гипнотизма, признанные врачами вредными, вызывался телеграммами то къ одному, то къ другому больному, а услужливая общая пресса охотно помѣщала сенсаціонныя извѣстія о чудесныхъ излѣченіяхъ.

Ортопедистъ Кауеръ, получившій разрѣшеніе только на фабрикацію бандажей, заявилъ себя спеціалистомъ по искривленію костей и позвоночника и, несмотря на многократныя оффиціальныя разъясненія медицинскаго департамента, обратившаго вниманіе на его дѣятельность, несмотря даже на прямое ему запрещеніе заниматься леченіемъ, продолжалъ рекламировать себя и лечить и не гдѣ нибудь въ глуши, а въ такихъ центрахъ, какъ Москва, Одесса, Харьковъ.

Нѣкто Іосифъ Берегги, на визитной карточкѣ котораго значится: «домашній врачъ баронессы Бюлеръ», издаетъ въ 1899 году въ Москвѣ книгу: «Электро-гомеопатія, какъ система врачеванія и ея основныя положенія и средства для борьбы съ болѣзнями», составилъ Іосифъ Берегги, ученикъ и послѣдователь графа Cesare Mattei, основателя гомеопатіи. Въ этой удивительно-нелѣпой книгѣ онъ повѣдалъ, между прочимъ, міру, что «малярійныя бациллы попадаютъ посредствомъ дыхательныхъ органовъ въ пищеварительный каналъ (особенно при употребленіи болотной воды)» (стр. 225). Каждый ученикъ начальной школы знаетъ уже, что дыхательные и пищеварительные пути—два особыхъ тракта, и что вода не можетъ попасть чрезъ ды-

хательные пути въ пищеварительные, не знаетъ этого только «домашній врачъ боронессы Бюлеръ», Іосифъ Берегги! Тамъ же онъ учитъ, какъ лечить какую-то болѣзнь «невольную хромоту» крупинками Cancerosо 5, которыя также отлично помогаютъ при «скудоуміи», хотя примѣръ самого г. Берегги не доказываетъ этого. И вотъ этотъ г. Берегги живетъ въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, и какъ сыръ въ маслѣ катается, принимаетъ больныхъ въ 2-хъ концахъ Москвы, имѣетъ паціентовъ среди высшихъ классовъ столицы, какъ онъ самъ о томъ неоднократно заявляетъ.

Не забудемъ и почтенную дѣятельность знаменитаго д-ра Бадмаева, проповѣдника «Тибетской медицины», еще недавно фигурировавшаго на судѣ по дѣлу съ д-ромъ Крайнделемъ. Какъ выяснилось, у этого цѣлителя бываетъ на пріемѣ по 100 и больше больныхъ. Его произведеніе о тибетской медицинѣ «Жу-дши» распространяется въ качествѣ приложенія къ «Вѣстнику иностранной литературы» г. Булгакова, оффиціальнаго редактора «Новаго Времени». Нужноли еще больше доказательствъ популярности этой «медицины» и ея учителя?!.

Персъ Абаза-Бекъ-Ирзабековъ лечитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ «безъ промаха» и доставляетъ въ доказательство кучу письменныхъ благодарностей своихъ паціентовъ («Нижегор. Листокъ» 24 іюня 1900 г.).

Въ Москвѣ крестьянинъ Б. доставленъ въ пріемный покой вслѣдствіе отравленія ртутью, данной ему знахаремъ Волковымъ («Русск. Вѣд.» 1900 г., 2 іюля).

Нѣкая Mary Eddy, прежде гомеопатка, основала новое ученіе «христіанскую науку»; сущность ученія такова: «въ человѣкѣ борятся два начала: смертный духъ (mortal mind) и божественный духъ (divine mind); результатомъ борьбы этихъ 2-хъ началъ является рядъ уклоненій нравственныхъ и физическихъ отъ нормы. Леченіе состоитъ въ твердой вѣрѣ въ дѣйствительность «Божественнаго духа» и въ отрицаніи «смертнаго духа». Чтобы вылечить, напримѣръ, чахотку, нужно «увѣрить больного, что эта болѣзнь не наслѣдственна, что воспаленіе, бугорчатка, распадъ тканей и кровохарканье суть только образы, порожденные «смертнымъ духомъ», и что ихъ нужно выбросить изъ головы; тогда исчезнетъ и вся болѣзнь». При заболѣваніи корью, коклюшемъ, крупомъ и дифтеріей дѣтей, которыхъ нельзя убѣдить, что эти болѣзни суть только образы и порожденія «смертнаго духа», нужно убѣдить въ этомъ родителей, тогда дѣти сейчасъ же выздоровѣютъ. Остроумное ученіе это и вся несложная система леченія пріобрѣло милліоны послѣдователей въ Америкѣ и послѣднее время переходитъ и въ Европу (Sohnes Hopkins Hospital Bulletin 1900 г. іюнь).

Таковы факты, ихъ много было раньше, ихъ много и теперь: чуть не ежедневно вы можете встрѣтить въ печати то или другое сенсаціонное извѣстіе о какомъ нибудь новомъ чудесномъ лечителѣ чело-

вѣческихъ недуговъ. Бѣдные читатели, изъ которыхъ многіе привыкли вѣрить печатному слову, вѣрить потому, что оно напечатано, читаютъ, принимаютъ къ свѣдѣнію и при случаѣ пользуются этими сообщеніями.

Когда существуетъ такая путаница въ понятіяхъ общества о леченіи болѣзней, когда понятія эти присущи всѣмъ классамъ общества, высшимъ и низшимъ, культурнымъ и невѣжественнымъ, тогда такое общество представляетъ собой прекрасную среду, гдѣ хорошо культивируются разные «ловкіе» люди, различные лечители, различные изобрѣтатели и продавцы тайныхъ и патентованныхъ средствъ.

Что такое всякое тайное средство? Это—большей частью невозможная механическая, иногда химическая смѣсь уже давно извѣстныхъ лекарствъ,—смѣсь, составъ которой обладаетъ неизвѣстными ни изобрѣтателю, ни продавцу, но извѣстными лишь покупателю свойствами. Изобрѣтатель, впрочемъ, знаетъ и цѣнитъ въ тайномъ средствѣ одно важное свойство: оно даетъ ему возможность среди бѣлаго дня, и не опасаясь отвѣтственности предъ закономъ, залѣзать въ чужой карманъ и брать рубль за то, что не стоитъ и ломаннаго гроша. И это еще лучшій случай, когда дѣло ограничивается этимъ залѣзаніемъ въ чужой карманъ, когда средство прямо не вредитъ здоровью. Эти ловкіе люди, полагаясь на легкомысліе публики и, какъ показываетъ опытъ, не безъ основанія полагаясь на него, ведутъ часто свое дѣло сразу en grand, затрачивая десятки, сотни тысячъ и даже милліоны на свои объявленія и рекламы, и все это возвращается имъ, конечно сторицей. Въ большинствѣ случаевъ успѣха или неуспѣха того или другого патентованнаго или тайнаго средства дѣло вовсе не въ составѣ этого средства, не въ тѣхъ или другихъ дѣйствительныхъ свойствахъ его, а только въ большей или меньшей практической ловкости изобрѣтателя, въ умѣніи его должнымъ образомъ заморочить публику, такъ или иначе пустить ей пыль въ глаза, то забористымъ названіемъ средства, то мудреными свойствами его, въ умѣніи убѣдить сомнѣвающагося, соблазнить колеблющагося, а главное—заручиться содѣйствіемъ прессы.

Нѣкто Keely въ Америкѣ вздумалъ быстро разбогатѣть, для чего и выбралъ кратчайшій путь: онъ заявилъ, что изобрѣлъ вѣрное средство противъ пьянства. И хотя нужно время для провѣрки дѣйствія всякаго средства противъ пьянства, хотя за недѣлю, мѣсяцъ результатъ леченія не можетъ быть выясненъ, средство это вызвало удивительный энтузіазмъ общей печати, и Keely сразу попалъ въ спасители человѣчества. Когда врачи и врачебная печать старались умѣрить увлеченія, предостерегали отъ поспѣшныхъ выводовъ, указывали на преждевременность ликованія, настаивали на клинической провѣркѣ средства, разъясняли, что нужно много мѣсяцевъ наблюденія, чтобы имѣть право сдѣлать надлежащую оцѣнку средства, когда, слѣдова-

тельно, врачи дѣлали именно то дѣло, которое дѣлать имъ и надлежало въ подобномъ случаѣ,—общая пресса, а за ней и общественное мнѣніе игнорировали всѣ эти компетентныя указанія, сводили по обыкновенію своему все дѣло къ мелкой зависти врачей, къ ихъ желанію во что бы то ни стало дискредитировать неудобнаго конкурента. Результатомъ было то, что Keely подъ шумокъ зарабатывалъ съ легковѣрной публики по 20.000 долларовъ въ недѣлю, что онъ успѣлъ продать свое тайное средство синдикату за 10.000.000 долларовъ, что еще до этой продажи въ штатѣ Колорадо былъ поднятъ вопросъ въ парламентѣ о выкупѣ этого средства государствомъ. Средство это, конечно, скоро потеряло кредитъ. При химическомъ анализѣ оно оказалось слѣдующаго состава: воды—61,31%, сахару—6%, чистаго спирту—27,55% и небольшого количества неорганическихъ солей, главнымъ образомъ солей извести. Такимъ образомъ столь нашумѣвшее средство противъ пьянства содержало значительное количество чистаго спирта и въ сущности никуда не годилось.

Вслѣдъ за Keely въ штатѣ Индіана объявился нѣкто Borton. Увлеченный лаврами Keely, онъ заявилъ, что излечиваетъ пьянство еще вѣрнѣе и быстрѣе, а именно—въ 3 дня. Повѣрили и этому. Больныхъ оказалось и у него много. Способъ его былъ не сложенъ: дѣлались подкожныя впрыскиванія атропиномъ въ такомъ количествѣ, что отпадала охота не только къ спиртнымъ напиткамъ, но и вообще къ пищѣ и питью. Въ это время больному объявляли, что онъ уже здоровъ, и выписывали изъ больницы. Когда дѣйствіе атропина проходило и больной опять начиналъ пить, можно было за новую плату повторить леченіе и, конечно, съ тѣмъ же успѣхомъ.

Знаменитыя въ свое время, а можетъ быть и теперь, Beechom's pills изготовлялись въ количествѣ 9.000.000 въ день; на одни объявленія расходовалось 500.000 долларовъ въ годъ. Пилюли эти состоятъ изъ сабура, мыла и инбиря. Коробка этихъ пилюль продавалась по шиллингу за штуку, хотя заготовительная цѣна 150 коробокъ была меньше полушиллинга. Изобрѣтатель Varner's Safe Cure получилъ за свое мыло 1.500.000 долларовъ наличными и 2.000.000 долларовъ акціями.

Rodom's Microbe Killer, скверная смѣсь мѣднаго купороса, неочищенной соляной кислоты, вина и воды, будто бы убивающая разныхъ зловредныхъ микробовъ въ тѣлѣ человѣка, продавалась по 4 руб. бутылка, хотя изобрѣтателю она стоила только 5 коп.

Аптекарь Vincent изъ Grenobl'я составилъ себѣ милліонное состояніе, комбинируя смѣси уже извѣстныхъ лекарствъ по собственной фантазіи. Профессоръ Folet указываетъ, что реклама собираетъ особенно обильные плоды среди женщинъ, даже среди интеллигентныхъ. Съ одной стороны нежеланіе ихъ обращаться съ своими болѣзнями къ врачамъ, съ другой—чтеніе разныхъ романовъ, въ которыхъ разсказываются разные ужасы про врачей (напримѣръ, «Fecondité» Zola), заставляетъ

ихъ обращаться къ разнымъ тайнымъ средствамъ. Къ нему обратилась одна больная, которая сильно заболѣла, пользуясь сильно рекламированнымъ «тайнымъ» средствомъ—«poudre blanche astringente du Lynx». На коробкѣ этого порошка значится, что онъ производитъ чудеса при различныхъ болѣзняхъ. Анализъ показалъ, что онъ состоитъ только изъ квасцовъ съ небольшимъ количествомъ сахара и мѣла. Бралъ онъ за свою коробку въ 100 разъ больше того, что она стоила, но привлечь его къ суду за обманъ нельзя было, ибо онъ предусмотрительно напечаталъ на той же коробкѣ, гдѣ говорится о чудесахъ новаго средства, и самый составъ его, только названія проставлены по-латыни и не на видномъ мѣстѣ. У того же проф. Folet была больная съ ракомъ груди. Послѣ операціи больная была здорова 2 года, а затѣмъ въ рубцѣ появился опять узелокъ. Онъ вторично былъ удаленъ съ предупрежденіемъ о возможности 3-го возврата и совѣтомъ обратиться тогда тотчасъ же къ врачу. Черезъ 1½ года дѣйствительно показался узелокъ, который могъ быть своевременно вполнѣ удаленъ. Но больная предпочла на этотъ разъ обратиться къ какому-то «ловкому» человѣку, рекламу котораго она прочла въ получаемой ею газетѣ. Тотъ отвѣчалъ ей, что нужно купить приборъ въ 150 фр. и болѣзнь пройдетъ. Но когда послѣ 3-хъ недѣль узелки, несмотря на приборъ, стали больше, она снова обратилась къ нему и получила отвѣтъ, что тотъ приборъ видно недостаточенъ, что нуженъ другой, цѣной въ 250 фр., дѣйствующій также «электродинамически». Выписали и другой, но толку, конечно, никакого не было, и больная снова обратилась къ профессору, но уже вполнѣ истощенная и не подлежащая операціи («Врачъ» 1900 г., 987 стр.).

Химикъ, д-ръ Oppermann, взялъ патентъ на изготовленіе перекиси магнія, названной имъ «Vitafer'омъ» (жизненосной). Рекламированіе было поведено en grand, благодаря средствамъ одного банкира, и дѣло пошло отлично. Изслѣдованіе, однако, показало, что въ этомъ Vitafer'ѣ нѣтъ и слѣдовъ перекиси магнія, а были только сода и жженая магнезія; а если бы подъ именемъ Vitafer'а продавалась дѣйствительно перикись магнія, покупатели врядъ ли выиграли бы что-нибудь отъ этого.

Сила всѣхъ этихъ благодѣтелей человѣчества въ легковѣріи публики, въ поддержкѣ общей прессы, а иногда—и медицинской, менѣе добросовѣстной частью ея. У насъ, къ счастью, это, впрочемъ, явленіе еще рѣдкое, но многіе медицинскіе журналы Европы и особенно Америки существуютъ, благодаря лишь средствамъ, получаемымъ за печатаніе разныхъ рекламъ. Но за послѣднее время реклама проникаетъ уже и къ намъ. И вотъ, сознавая силу прессы, всѣ эти изобрѣтатели и продавцы, всѣ эти ловкіе люди не скупятся на печатаніе рекламъ и объявленій въ газетахъ и журналахъ, расходуютъ на это дѣло огромныя, иногда выражающіяся милліонами, суммы, которыя,

разумѣется, съ лихвой оплачиваются обираемой публикой. Такимъ образомъ всякое новое патентованное или тайное средство—новое нападеніе на карманъ обывателя, новый налогъ на его глупость.

За этими благодѣтелями, обирающими больныхъ при помощи разныхъ всегда сомнительныхъ смѣсей, идутъ другіе, эксплоатирующіе вѣрованія народа. Священникъ Mollinger изъ Питсбурга нажилъ въ короткое время болѣе 2.000.000 долларовъ своимъ леченіемъ вѣрой. Общая пресса восторженно рекламировала его, чѣмъ увеличивала притокъ больныхъ къ нему, пока не убѣдились, что все это лѣченіе—просто ловкое предпріятіе. Но дѣло было сдѣлано, состояніе нажито, а это и требовалось Mollinger'у. Послѣдующія нападки печати врядъ ли интересовали его.

Во Франціи аббаты продавали какую-то «помаду трехъ святителей», помогающую при всякихъ заболѣваніяхъ. Въ той же Франціи во время холеры продавались «наплечники отъ холеры», благословенные папой и мгновенно прекращающіе припадки болѣзни. Новая «христіанская наука» Eddy, чудесныя излеченія въ Lourd'ѣ рака и другихъ неизлечимыхъ болѣзней—все это явленія одного порядка, всѣ они имѣютъ въ виду карманъ обывателя и его легковѣріе, и всѣ, какъ показываетъ опытъ, имѣютъ успѣхъ, неизмѣнный успѣхъ.

Дальше идутъ знахари и шарлатаны болѣе мелкаго калибра, имъ же имя легіонъ и въ нашемъ любезномъ отечествѣ, разные «спеціалисты» по леченію тѣхъ или другихъ недуговъ человѣчества или всѣхъ недуговъ вообще, берущіе также свою лепту съ обывательскаго легковѣрія. Не говоря уже о нравственной сторонѣ дѣла, сколько вреда общественному здоровью приноситъ эта установившаяся система обирательства! Часто упускается дорогое время для разумнаго леченія, часто само тайное средство вредитъ здоровью больного своимъ составомъ!

Любопытенъ отмѣченный нѣмецкой медицинской печатью фактъ, что главными друзьями и покровителями шарлатановъ всегда были люди такъ называемаго «высшаго общества». Напримѣръ, герцогиня Роганъ удостовѣряетъ, что столяръ Kuhne своимъ леченіемъ получаетъ «удивительные результаты». Генералъ свиты Lippe лечитъ воспаленіе спинного мозга у садовника Gössel'я. Княгиня Stolberg Vernigerode лечится съ дочерью у бывшаго книгопродавца, а теперь цѣлителя силами природы Iust'a. Покойная княгиня Bismark была горячей поклонницей электро-гомеопатіи и цвѣтныхъ электричествъ. Австрійскій эрцгерцогъ Joseph явился однимъ изъ главныхъ распространителей системы Kneipp'a. То же и у насъ Бадмаевъ, баронъ Вревскій, Гачковскій, Тони, Берегги имѣютъ своихъ больныхъ среди «лучшихъ» круговъ Москвы и Петербурга.

Въ виду шаткости понятій обывателя о болѣзняхъ и ихъ лѣченіи,

борьба съ «ловкими» людьми и у насъ въ Россіи затруднена. Существующія на этотъ предметъ законоположенія увеличиваютъ эти затрудненія. Изрѣдка возникающія у насъ дѣла противъ знахарей кончаются сравнительно слабымъ наказаніемъ, арестомъ на день, на мѣсяцъ, и это при наличности серьезнаго вреда здоровью больного, а иногда кончаются и оправданіемъ, что еще хуже, такъ какъ въ такомъ случаѣ судъ является даровой и сильной рекламой для ловкаго человѣка. Интересно при этомъ, какъ то было въ дѣлѣ о неправильномъ лѣченіи знахаркой Титовой, что судъ въ своихъ приговорахъ принимаетъ во вниманіе постановленія схода о полезной дѣятельности того или другого знахаря, какъ будто сходъ компетентенъ въ такихъ вопросахъ, какъ будто онъ можетъ разумно обосновать свое постановленіе! Если судъ постановкой слабыхъ или оправдательныхъ приговоровъ по такимъ дѣламъ хочетъ этимъ сказать, что предоставляетъ благоразумію обывателя заботиться о своемъ здоровьѣ и о своемъ карманѣ, то разсчеты его ошибочны: обыватель, какъ то показываютъ факты, не можетъ защитить себя самъ отъ разныхъ «ловкихъ» людей. А «ловкіе» люди, памятуя, что на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ, и послѣ такихъ приговоровъ будутъ продолжать свою дѣятельность, такъ какъ назначаемыми имъ слабыми наказаніями нельзя отбить у нихъ охоты заниматься столь легкимъ и столь выгоднымъ дѣломъ.

Нашъ медицинскій департаментъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи мало средствъ для борьбы съ знахарствомъ и шарлатанствомъ. По нашимъ законамъ, разъ тайное и патентованное средство не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья или сильно-дѣйствующихъ средствъ, департаментъ *обязанъ* разрѣшить его къ продажѣ. Мало кому изъ публики извѣстно то невозможное положеніе, въ которое департаментъ поставленъ этимъ закономъ, а ловкіе люди пользуются этимъ незнаніемъ обывателя, всюду печатая на своихъ изобрѣтеніяхъ на видномъ мѣстѣ: «съ разрѣшенія медицинскаго департамента». Публика, читая эти «разрѣшенія», увѣрена, что средство должно быть въ самомъ дѣлѣ хорошее, если медицинскій департаментъ, въ которомъ имѣются люди вполнѣ компетентные, разрѣшилъ его къ продажѣ: не станетъ вѣдь онъ содѣйствовать обману обывателя. Такъ думаетъ наивная публика и охотно покупаетъ разныя невозможныя смѣси, «разрѣшенныя медицинскимъ департаментомъ», въ чаяніи всякихъ благъ отъ этихъ смѣсей. Такимъ образомъ, благодаря этому закону, подъ флагомъ такого почтеннаго учрежденія, какъ медицинскій департаментъ, ловкіе люди обдѣлываютъ свои некрасивыя дѣлишки, а онъ не въ состояніи помѣшать этому.

Лучшее средство противъ разбираемаго зла, это — просвѣщеніе, захватывающее глубоко и широко народныя массы, просвѣщеніе

истинное, естественно-научное, пріучающее человѣка правильно мыслить, находить нужныя посылки, дѣлать изъ нихъ нужные выводы, пріучающее отличать пшеницу отъ плевелъ, научающее спасительному скептицизму.

Но это длинный и дорогой путь. Его осуществленіе — идеалъ болѣе или менѣе далекаго будущаго, до тѣхъ поръ законъ долженъ стать на стражѣ обывательскихъ интересовъ и долженъ помѣшать разнымъ дѣльцамъ обирать довѣрчивыхъ людей, наносить имъ матеріальный вредъ, а часто—и вредъ ихъ здоровью. Нужны законы, обезпечивающіе болѣе строгія карательныя мѣры за вредъ, причиненный ближнему, за умышленный обманъ. Обыватель, не привыкшій къ мышленію, не знакомый съ основами естественныхъ наукъ и медицины, нуждается въ защитѣ отъ худшаго изъ обмановъ—обмана больного человѣка. Законъ и долженъ оградить, защитить его.

1-го іюня 1900 г. гамбургскій сенатъ постановилъ:

§ 1. Запрещаются объявленія лицъ, не имѣющихъ права врачебной практики, не занимающихся врачеваніемъ, если эти объявленія таковы, что могутъ ввести читателя въ заблужденіе относительно подготовки, способности или успѣховъ объявляющаго или если въ нихъ содержатся ложныя обѣщанія.

§ 2. Запрещаются объявленія о предметахъ, средствахъ, приспособленіяхъ и способахъ, предназначаемыхъ для предотвращенія, уменьшенія или излѣченія болѣзней людей, или животныхъ: a) если этимъ предметамъ, средствамъ, приспособленіямъ или способамъ приписывается особое, превышающее ихъ дѣйствительное значеніе, дѣйствіе, или, если общество вводится данными объявленіями въ заблужденіе; b) если сказанные предметы, средства, приспособленія или способы по самому своему свойству могутъ причинить вредъ здоровью. Объявленія о тайныхъ средствахъ или способахъ лѣченія безусловно запрещаются, все равно, подходятъ ли они подъ первое (a) или подъ второе (b) изъ только что указанныхъ условій.

§ 3. ...виновные наказуются или денежнымъ штрафомъ въ 150 марокъ или заключеніемъ въ тюрьму на соотвѣтственный срокъ («Allgemeine Medicinische Central-Zeitung», 14-го іюня, 1900 г.).

Эти постановленія гамбургскаго сената, какъ первый шагъ въ этомъ направленіи, имѣютъ свое значеніе, хотя трудно запугать 150 марками людей, у которыхъ хотятъ отнять ими сотни тысячъ и милліоны марокъ.

Въ понятіяхъ публики о болѣзняхъ, ихъ причинахъ и лѣченіи существуетъ большой сумбуръ. Вслѣдствіе этого она спѣшитъ обнаружить свое легковѣріе при каждомъ удобномъ случаѣ, при первомъ появленіи на сцену того или другого дѣльца. Можно было ожидать,

что печать, эта руководительница общественнаго мнѣнія, а часто—и просвѣтительница большой публики, возьметъ на себя разъяснять публикѣ ея заблужденія, предостерегать отъ шарлатановъ, разоблачать ихъ. Къ сожалѣнію, только лучшая и далеко не многочисленная пресса дѣлаетъ это и, вмѣсто рекламированія того или другого средства, того или другого благодѣтеля человѣчества, знакомитъ своихъ читателей въ популярномъ изложеніи съ основами медицины, гигіены и естественныхъ наукъ вообще. Но другая и болѣе многочисленная часть общей прессы является лучшей союзницей разныхъ дѣльцовъ и ловкихъ людей и своими постоянными болѣе или менѣе сенсаціонными сообщеніями оказываетъ незамѣнимыя услуги знахарству. Она такъ же, какъ и публика, судитъ вкривь и вкось о разныхъ медицинскихъ вопросахъ, не ознакомившись съ ними основательно, такъ же какъ и она, падка на сенсаціонныя извѣстія, на разныя панацеи отъ всѣхъ недуговъ. Предостерегающій голосъ врачей и врачебной печати эта часть прессы склонна объяснять по своему, завистью врачей, ихъ страхами конкуренціи, ихъ боязнью за свои матеріальные интересы. Этимъ непониманіемъ своей роли въ подобныхъ вопросахъ общая пресса оказала медвѣжью услугу и тысячамъ больныхъ, и самому Роберту Koch'у, открывшему туберкулинъ.

Общая пресса первая оповѣстила объ этомъ міру, первая съ большою готовностью спѣшила помѣщать сообщенія о поразительныхъ результатахъ леченія и сдержанное отношеніе медицинской печати къ этому открытію, не мудрствуя лукаво, объясняла завистью ученыхъ къ славѣ Koch'a.

Баронъ Вревскій, Бадмаевъ, Гачковскій, Kneipp, Ieger своими громкими, хотя и эфемерными успѣхами одинаково обязаны какъ усердно рекламировавшей ихъ общей печати, такъ и своей собственной ловкости. А критическій голосъ врачебной печати оставался гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, такъ какъ его объясняли все той же, будто бы весьма понятной, завистью.

Нѣкоторыя газеты идутъ въ этомъ направленіи еще далѣе и берутъ сами на себя роль знахарей. Дешевая, а потому и очень распространенная въ средѣ небогатаго люда газета «Свѣтъ» помѣщала, а можетъ быть еще и теперь помѣщаетъ у себя различные врачебные совѣты своимъ читателямъ. Такъ какъ совѣты эти никоимъ образомъ не могутъ быть полезны, даже если бы они были разумны, потому что они посылаются въ пространство, между тѣмъ какъ медицина требуетъ строгой индивидуализаціи, такъ какъ они часто смѣшны, а иногда и не безопасны, остаешься въ недоумѣніи, къ чему печатаются эти совѣты? Для пользы ли читателей, или для пользы конторы газеты?

Одна изъ читательницъ «Свѣта», страдая хроническимъ катарромъ средняго уха, по рецепту газеты подъ рубрикой «отъ боли въ ухѣ»,

пустила себѣ въ ухо сокъ Saxifragae Sormentosae; въ результатѣ — острая боль, прободеніе барабанной перепонки, острое гнойное воспаленіе средняго уха и, наконецъ, глухота. Далѣе идетъ «средство отъ головной боли»: смѣсь равныхъ частей виннаго спирта и купороснаго масла — «всякая боль пройдетъ въ 5 минутъ», увѣряетъ газета. Средство это нелѣпое и ничего, кромѣ ожога, дать не можетъ, а причинъ для головной боли очень много, и средства находятся въ зависимости отъ причины. Въ тревожное холерное время «Свѣтъ» энергично рекомендовалъ извѣстную баклановскую настойку, какъ вѣрное средство противъ холеры. Этимъ, между прочимъ, ставились въ неудобное положеніе врачи, которые не находили нужнымъ прописывать эту настойку своимъ паціентамъ, читателямъ «Свѣта». Тотъ же «Свѣтъ» серьезно рекомендовалъ противъ холеры цвѣтныя электричества графа Mattei.

Рядомъ съ глазной клиникой въ Петербургѣ купецъ Тупицынъ открылъ глазную лечебницу, гдѣ безплатно лечилъ глазныя заболѣванія какой-то водой; желающимъ предоставлялось опускать свои добровольныя лепты въ кружку одного благоворительнаго общества. Больныхъ было много, до 100 въ день (и это рядомъ съ глазной клиникой!), доходы общества были хороши. Когда же, по распоряженію властей, лечебница была закрыта, благотворительное общество поднесло адресъ Тупицыну, а «Сынъ Отечества» помѣстилъ сочувственную лечебницѣ статью, въ которой сокрушался, что такому хорошему учрежденію не позволили существовать. Здѣсь все характерно: и лечебница безъ врача, помѣщающаяся рядомъ съ глазной клиникой и имѣющая до 100 больныхъ въ день, и благотворительное общество, которое считаетъ возможнымъ пользоваться добытыми такимъ путемъ средствами и подноситъ г. Тупицыну адресъ, а, пожалуй, всего лучше здѣсь — это «Сынъ Отечества», оплакивающій закрытіе этого учрежденія.

«Гражданинъ» беретъ подъ свое покровительство дѣятельность барона Вревскаго и охотно помѣщаетъ его письма и заявленія.

«Новости» помѣщаютъ у себя письмо самарскаго ветеринара Фельзера, страдавшаго ракомъ желудка. Въ письмѣ этомъ онъ благодаритъ редактора «Новостей» за сообщеніе о гипнотизерѣ Р. и указываетъ, что, побывавъ у него, онъ получилъ облегченіе отъ мучившей его болѣзни, противъ которой врачи были безсильны. Напечатавъ это письмо, «Новости» потомъ нигдѣ не упомянули, что г. Фельзеръ чрезъ двѣ недѣли послѣ сеанса у гипнотизера Р. умеръ, и что полученное имъ кратковременное облегченіе зависѣло отъ распада раковой опухоли. Такимъ образомъ у читателей «Новостей» должно остаться впечатлѣніе, что редакторъ «Новостей» дѣйствительно заслуживаетъ благодарности за сообщеніе столь полезныхъ свѣдѣній.

Изъ приведенныхъ здѣсь немногихъ фактовъ видно, что общая

пресса въ данномъ вопросѣ не оказывается на подобающей высотѣ. Въ погонѣ за подписчиками она потакаетъ дурнымъ вкусамъ толпы, пользуется ея легковѣріемъ и страстью къ панацеямъ и этимъ ставитъ себя въ ряду съ «ловкими» дѣльцами, которые пользуются тѣмъ же самымъ легковѣріемъ массы и на этомъ строятъ все свое благополучіе. Медицинская пресса безсильна бороться съ заблужденіями толпы: ея читатели—врачи, тѣсный, опредѣленный кругъ, и безъ того знающій цѣну всѣмъ этимъ пріемамъ и подходамъ къ обывательскому карману. Ея голосъ не можетъ быть услышанъ такъ называемой «большой публикой».

Печатаніе рекламъ въ текстѣ газеты и особенно въ объявленіяхъ, разсылка при газетѣ разныхъ объявленій, явно покушающихся на здоровье и карманъ обывателя, считается у насъ заурядным и вполнѣ дозволеннымъ явленіемъ. Вѣроятно, это объясняется все тѣмъ же незнаніемъ того вреда, какое наноситъ читающей публикѣ это печатаніе объявленій о разныхъ тайныхъ и патентованныхъ средствахъ. На одномъ изъ съѣздовъ американскихъ врачей въ Reading'ѣ д-ръ Sales-Cohen въ прекрасной рѣчи, сказанной имъ по этому поводу, между прочимъ настаивалъ, что необходимо обойти всѣ редакціи газетъ и журналовъ и разъяснить ихъ редакторамъ весь вредъ отъ печатанія рекламъ о тайныхъ и патентованныхъ средствахъ. «Всѣ эти мѣсива,—говорилъ онъ, — заставляютъ попадающихся на удочку злополучныхъ больныхъ терять попусту не только деньги, но и драгоцѣнное время, и часто являются прямой причиной смерти. Много дѣтей успокаиваются до смерти различными тайными успокоительными сиропами; многіе пьяницы идутъ въ могилу, благодаря патентованнымъ замѣстителямъ Whiskey; многіе морфинисты гибнутъ отъ патентованныхъ замѣстителей морфія, болѣе опасныхъ, чѣмъ самъ морфій. Если бы я былъ редакторомъ газеты или журнала и вздумалъ напечатать подобную рекламу, то всякій долларъ, полученный изъ этого источника, былъ бы для меня деньгами крови и казался бы заклейменнымъ изображеніемъ черепа съ крестомъ изъ костей».

Странно, что редакторамъ нашихъ газетъ и журналовъ не приходитъ въ голову прочитать тѣ объявленія, которые печатаются въ ихъ газетахъ и журналахъ или разсылаются при нихъ. Вѣдь во многихъ изъ этихъ объявленій беззастѣнчивость любителя легкой наживы и обманъ такъ и бьютъ въ глаза! Таковы, напримѣръ, были разсылавшіяся при многихъ газетахъ и журналахъ въ милліонахъ экземпляровъ безграмотныя объявленія торговцевъ Кузьмичевой травой, таково, напримѣръ, еще недавно разсылавшееся при оффиціальномъ изданіи «Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» (20 мая 1900 г.) объявленіе о поясѣ доктора Зандена. Объявленіе начинается такъ: «единственный путь къ возстановленію здоровья достигается посред-

ствомъ электрогальваническаго пояса д-ра Зандена. Этимъ поясомъ излечивается большая часть болѣзней безъ всякой медицины. Нѣтъ больного, которому не слѣдовало бы обратиться къ важнѣйшему современному электрическому леченію. Единственное леченіе, при помощи котораго болѣзни дѣйствительно излечиваются, это—такъ называемое естественное леченіе или «электрическое». Основывается оно на неопровержимыхъ физическихъ законахъ и составляетъ самую простую и вѣрную методу. Тысячи больныхъ выздоравливали въ кратчайшее время благодаря испытанному, разумному «электрическому» леченію. Необходимо воспользоваться этой естественной силой премудрой природы. Этотъ важнѣйшій для жизни человѣчества элементъ (электричество) содержится въ моей новѣйшей усовершенствованной батареѣ, при помощи которой возможно положительное самолеченіе. Патентовано въ Германіи за № 86614. Патентовано и въ Австро-Венгріи. Цѣна за поясъ 8 рублей.». «Благодѣтельно для человѣчества! Электро-магнетически-гальваническіе вольтовый крестъ и вольтовые часы. Патентъ Германской Имперіи за № 88503 и патентъ Австро-Венгріи. Этотъ крестъ и часы признаны какъ самое лучшее средство для возстановленія силъ человѣческихъ органовъ и для леченія всѣхъ болѣзней безъ всякихъ лекарствъ, не исключая и болѣзни мускуловъ, нервовъ, артерій и венъ. Тысячи людей свидѣтельствуютъ подкрѣпляющее и возстанавливающее вліяніе этихъ двухъ предметовъ, представляющихъ величайшій успѣхъ XIX-го столѣтія, какъ настоящій талисманъ противъ всѣхъ болѣзней. Мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки (больные и здоровые) должны постоянно носить этотъ драгоцѣнный крестъ и часы, благодаря которымъ достигается долголѣтіе и моложавость»... и такъ далѣе въ томъ же родѣ еще много. Внизу: «печатать разрѣшилъ читинскій полицеймейстеръ Сафьяниковъ». Изъ слога, тона и смысла этого объявленія, кажется, ясно, что это даже и совсѣмъ немудреное покушеніе на карманъ, а подчасъ и здоровье простодушнаго обывателя, что это беззастѣнчивая попытка къ обману, а между тѣмъ оффиціальное изданіе находитъ возможнымъ разсылать его.

На международномъ съѣздѣ врачебной печати въ Парижѣ былъ также поднятъ вопросъ о рекламахъ, и изъ возникшихъ по этому вопросу преній выяснилось, что многіе редакторы врачебныхъ изданій видятъ въ печатаніи рекламъ законную прибыль журнала и не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Печально, конечно, что могутъ быть такіе редакторы-коммерсанты, для которыхъ прибыль, барышъ—все, а прочее все—тлѣнъ. Тотъ же вопросъ о рекламѣ и особенно о рекламированіи разныхъ новыхъ средствъ, тысячами выбрасываемыхъ на рынокъ химическими фабриками, разбирался и въ Ахенѣ на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, причемъ принятъ во вни-

маніе рядъ постановленій, ограждающихъ и публику, и врачей отъ изобрѣтательности разныхъ коммерсантовъ.

Уже одинъ тотъ фактъ, что вопросъ этотъ неоднократно поднимался разновременно на разныхъ съѣздахъ врачей, указываетъ, что зло дѣйствительно велико, что оно растетъ и настоятельно требуетъ борьбы съ нимъ. А борьба такъ трудна, легковѣрія въ массахъ такъ много, а положительныхъ знаній такъ мало!

Въ Парижѣ недавно судился одинъ знахарь, который на судѣ представилъ свидѣтельство о своемъ званіи врача и объяснилъ, что онъ имѣетъ въ Парижѣ 2 квартиры: на одной—принимаетъ больныхъ въ качествѣ врача и больныхъ не имѣетъ, на другой — принимаетъ больныхъ въ званіи знахаря, и этотъ-то второй пріемъ и даетъ ему средства къ жизни.

Когда извѣстный поэтъ Беранже заболѣлъ глазами, онъ обратился къ знаменитому тогда окулисту. Наступило улучшеніе, но такъ какъ поэтъ не выдержалъ предписаннаго ему режима, глаза его вскорѣ стали еще хуже болѣть. Тогда Беранже обратился къ знахарю. спеціалисту по глазнымъ болѣзнямъ. Объ этомъ узналъ не менѣе извѣстный врачъ Труссо. Встрѣтивъ однажды Беранже, онъ попросилъ его, въ видѣ гонорара за безвозмездное 8-лѣтнее пользованіе, написать ему стихотвореніе, все равно, на какую угодно Беранже тему, только, чтобы припѣвъ былъ его, Труссо. Когда Беранже спросилъ, какой припѣвъ желаетъ онъ помѣстить, Труссо отвѣтилъ: «я желалъ бы, чтобъ каждое четверостишіе оканчивалось слѣдующимъ припѣвомъ: «Боже! какъ глупы умные люди!»

А. Хохловкинъ.

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля).

ЧАСТЬ 2-я.

*(Продолженіе *).*

III.

Полярная весна.—Оживленіе лагуны и тундры.—Нерпы.—Перваятрава.—Тщетные поиски каменнаго угля. — Распредѣленіе дежурствъ. — На льду лагуны.—Мышь-леммингъ.—Ручьи и рѣчки. — Паразитникъ.—Троицынъ день.—Большая прогулка. — Гуси.—Байджярахи.— Снѣжныя совы.—Веселая тундра.—Гнѣзда и яйца. — Обогащеніе коллекціи. — Пальба съ судна.—Вода!—Экскурсія къ полуострову Огрина.—Громъ.—Возвращеніе лейтенанта Колчака. — Отъѣздъ командира. — Образованіе полыньи. — Пироксилинъ.—Приготовленія къ навигаціи.—Выходъ изъ лагуны.

Тундра ожила. Вѣяніе весны сказалось и на лагунѣ. 24-го мая видѣли гусей, 25-го—утокъ. Нерпы начали вылѣзать черезъ продышанныя ими во льду отверстія, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и погрѣться въ весеннихъ лучахъ полярнаго солнца. Всего въ 400 саженяхъ отъ судна боцманъ замѣтилъ въ бинокль вылѣзшаго въ подобную продушину тюленя. Онъ подползъ къ нему шаговъ на 100. Нерпа наслаждалась жизнью, нѣжась на солнцѣ, пока роковой выстрѣлъ не положилъ предѣла ея безмятежному существованію. Животное оказалось самцомъ. При 142,5 ctm. длины оно вѣсило 78,5 кило (болѣе $4^1/_2$ пуд.). Толстый слой жира залегалъ подъ его толстой шкурой, которую я пріобщилъ къ коллекціямъ экспедиціи. Поморъ Евтихѣевъ приготовилъ скелетъ нерпы.

Изъ любознательности мы заказали бифштексъ изъ нерпы. Гадость порядочная. Получается что-то въ родѣ сапоговъ въ смятку: запахъ ворвани, смѣшанный еще чортъ знаетъ съ чѣмъ. Читая Нансена, я иначе представлялъ себѣ блюдо изъ тюленя. Быть можетъ, какъ спартанскую похлебку могли ѣсть только родившіеся спартанцами, такъ и тюленей могутъ смаковать только родившіеся полярными путешественниками или эскимосами. Впрочемъ, о вкусахъ не спорятъ, а при нуждѣ не то станешь ѣсть.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

Яснѣе и яснѣе обозначались чернѣвшіе понемногу берега лагуны. Таяніе пошло энергичнѣй. Однако, на тундрѣ оставалось еще сколько угодно снѣга: всему не растаять подъ холодными лучами холоднаго солнца. Снѣгъ сталъ такимъ рыхлымъ и порознымъ, что того и гляди провалишься по поясъ, а внизу — вода. На почернѣвшей тундрѣ стали иногда попадаться пучки блѣдно-зеленой растительности.

Температура стала значительно подниматься надъ точкой замерзанія. 25-го мая она достигала на солнцѣ $+11{,}2^{0}$ C (черный шарикъ), максимальный термометръ въ будкѣ показывалъ больше 4-хъ, а на поверхности снѣга температура достигала 5^{0} слишкомъ—выше 0.

Этотъ день, положимъ, выдавался въ ряду другихъ: такая была теплая и ясная погода. Я пошелъ прогуляться на лыжахъ, которыя оставилъ около одного изъ астрономическихъ знаковъ, и пустился въ тундру—за могилу д-ра Вальтера. Пошатавшись по тундрѣ, я вернулся къ знаку, послѣ нѣкотораго колебанія спустился на лыжахъ съ горы и возвратился на судно, неся съ собою пучокъ блѣдно-зеленой травы, какъ залогъ наступающей весны.

Къ концу мая прогулки по льду становились непріятными и даже до метеорологической станціи трудно было дойти, не промочивъ ногъ. На лыжахъ было хуже ходить, чѣмъ безъ нихъ, а канадскія, очень удобныя въ подобныхъ обстоятельствахъ,—почему-то пришлись мнѣ не по вкусу. Трещины, бывшія ранѣе пустыми или набитыми снѣгомъ, стали наполняться водой. Снѣгъ, подтаивая и просачиваясь внизъ, образовывалъ ледянистую кашу, и тамъ, гдѣ его скопилось значительное количество, эта каша декорировалась сверху на видъ какъ будто и твердымъ, а на самомъ дѣлѣ предательскимъ слоемъ снѣга.

Пѣніе пуночекъ и рѣзкіе крики чаекъ стали раздаваться иногда совсѣмъ вблизи судна. Изрѣдка пара утокъ пролетала невдалекѣ, нерпа вылѣзала на ледъ.

На суднѣ начались заблаговременно приготовленія — къ навигаціи, съ одной стороны, и къ обезпеченію себѣ отступленія въ случаѣ аваріи — съ другой. Судно могло раздавить льдомъ, ледъ же могъ выпереть его на берегъ, оно могло вернуться послѣ неудачнаго плаванія въ гавань съ израсходованнымъ запасомъ угля (см. инструкцію начальника экспедиціи),—и вотъ на одинъ изъ этихъ случаевъ и устраивался въ поварнѣ на косѣ складъ провіанта.

Ѣздили мы съ Ф. А. Матисеномъ, матросомъ Желѣзниковымъ и однимъ изъ промышленниковъ, служившимъ въ партіи К. А. Воллосовича, къ мѣсту, гдѣ былъ найденъ послѣднимъ каменный уголь. Глубокій снѣгъ не позволилъ намъ, однако, заняться раскопкой, а якутъ не могъ опредѣлить съ точностью мѣстонахожденіе угля. Отправивъ его съ Желѣзниковымъ на собакахъ на судно, мы вернулись пѣшкомъ черезъ тундру.

Оставшись вдвоемъ съ командиромъ въ каютъ-компаніи, мы де-

журили черезъ день и вели самый регулярный образъ жизни. Каждый изъ насъ оставался черезъ день на суднѣ, исполняя обязанности дежурнаго, отпускалъ на охоту и принималъ возвратившихся охотниковъ. Отказа въ отпускѣ пока не могло быть, но контроль былъ необходимъ, чтобы кто не затерялся на тундрѣ.

Около судна появились въ одинъ изъ теплыхъ дней двадцатыхъ чиселъ мая мыши-лемминги. Эти интересные звѣрки, немного побольше полевой мыши, типичны для полярной области. Лемминги иногда массами переселяются. Замѣчено, что ихъ кочевки періодичны и происходятъ черезъ каждые три года. Это храбрый и злой народъ. Если вы, идя по тундрѣ, наткнетесь на лемминга, бѣгущаго извилистой тропинкой къ своей норкѣ или пустившагося на промыселъ, онъ присядетъ, ощерится и зашипитъ на васъ. Но онъ слишкомъ малъ, чтобы оборониться отъ песца или собаки, которые ѣдятъ леммминговъ живьемъ.

Мы поймали пару леммминговъ, въ числѣ другихъ бѣгавшихъ по льду вокругъ судна къ большому удовольствію охотившихся за ними псовъ. Я посадилъ ихъ въ клѣтку. Мыши охотно ѣли, на глазахъ у людей, кусочки тюленьяго жира, которые имъ давали, но мнѣ не удалось ихъ приручить. Одинъ изъ леммминговъ палъ жертвой единоборства, а его счастливый соперникъ, какъ бы боясь законнаго возмездія, поспѣшилъ улизнуть, найдя маленькую лазейку въ своей прочной клѣткѣ.

29-го мая еще сравнительно хорошо было ѣздить на собакахъ по льду лагуны. Мы ѣздили къ юго-востоку отъ судна. Въ этомъ направленіи судно наиболѣе удалено отъ берега. Двѣ нерпы очень уютно расположились около края отверстія во льду. Но тщетно я къ нимъ подкрадывался. Не успѣлъ я и прицѣлиться, какъ чуткія животныя, взмахнувъ въ воздухѣ своими ластами, исчезли подо льдомъ. На тундрѣ я застрѣлилъ пуночку и кулика. Это была моя первая—довольно жалкая—добыча. Гдѣ хлюпая по водѣ, гдѣ проваливаясь въ снѣгъ, гдѣ шагая по гладкому льду, я медленно приближался къ «Зарѣ». Мой спутникъ догналъ меня на собакахъ, и я сѣлъ въ нарту.

Къ первымъ числамъ іюня весна уже сдѣлала большіе успѣхи. 3-го іюня я ѣздилъ на тундру съ двумя матросами. Лужъ на льду становилось больше и больше. Трудно было выбирать дорогу. Около берега ручьи, журча, пробивали себѣ путь по льду. Тяжело было ѣхать по тундрѣ, въ значительной степени освободившейся отъ снѣга, поэтому мы вдвоемъ слѣзли у Сѣвернаго мыса, чтобы идти пѣшкомъ, тогда какъ третій долженъ былъ обогнуть мысъ, чтобы выбраться на тундру по болѣе пологой части берега. На первыхъ порахъ намъ представилась трудная задача подняться на почти отвѣсный берегъ. Возлѣ былъ тотъ уютный оврагъ, о которомъ я говорилъ выше. Раньше по нему можно было довольно легко подняться на тундру. Но

теперь здѣсь шумѣлъ настоящій потокъ. Изливаясь на ледяную поверхность моря, онъ разбивался на болѣе или менѣе мелкіе ручьи и ручейки, протачивавшіе ледъ. Мой спутникъ полѣзъ вверхъ прямо по камнямъ, но долженъ былъ вернуться съ половины подъема и выбирать болѣе доступное мѣсто. Я былъ счастливѣе. Выбравъ часть скалы, граничившую со снѣгомъ и покрытую толстымъ слоемъ наносной глины, я выкарабкался наверхъ, хотя чуть не съѣхалъ внизъ, когда мой трудъ уже приблизился къ концу: ноги мои соскользнули и я какъ-то ухитрился удержаться на локтяхъ. Высота берега въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 12 метровъ.

Характеръ тундры къ сѣверу и востоку отъ стоянки «Зари» иной, чѣмъ къ западу. На западѣ тундра однообразнѣе и бѣднѣе жизнью. Зато мы приняли не мало мытарствъ, переправляясь черезъ многочисленныя балки, ложбины и маленькія рѣчки. Я былъ въ финскихъ башмакахъ и, провалившись нѣсколько разъ сквозь мокрый снѣгъ, шагая по надувшимся ручьямъ выше колѣнъ въ ледяной водѣ, промокъ основательно. Черезъ тундру, промачивая, провѣтривая и просушивая на ходу ноги, мы прошли на косу, а тамъ—по льду, на судно, предоставивъ нашему компаньону возвращаться на собакахъ.

Наши охотничьи подвиги во время этой прогулки были довольно мизерны. Да и дичи-то немного встрѣчалось. Попадались чайки-паразитники (stercorarius parasiticus), попалось нѣсколько туркановъ и куликовъ. Первый мой выстрѣлъ въ паразитника былъ удаченъ. Чайка запрыгала, обагряя тундру своей кровью. Она еще была жива и пыталась кусаться... Мой спутникъ воздерживался отъ стрѣльбы, но зараженный моимъ примѣромъ, тоже выпустилъ нѣсколько патроновъ,

Я нашелъ, что хорошо ходить на охоту вдвоемъ, когда дичи мало, а то за разговоромъ зѣваешь.

А какъ пріятно бывало послѣ хорошей прогулки надѣть все сухое и, развалившись въ удобномъ креслѣ возлѣ обѣденнаго стола, предаться на время съ папиросой и сигарой въ зубахъ сладкому ничегонедѣланію.

Въ день св. Троицы у насъ состоялась утромъ молитва съ чтеніемъ Евангелія, а вечеромъ—тоже въ помѣщеніи команды—пѣніе, гармоника и графофонъ. Боцманъ—самъ житель Волги—лихо сыгралъ на гармоникѣ «саратовскую». Пѣніе сначало не клеилось, а потомъ разошлись. Не особенно гармонировалъ основной мотивъ хорошей русской пѣсни «Что затуманилась зоренька ясная...» со звучавшимъ немного по-кабацки припѣвомъ: «Тамъ за лѣсомъ, тамъ за лѣсомъ разбойнички сидятъ...» Носовъ и Пузыревъ лихо откалывали трепака подъ разудалую «гармошку».

Въ каютъ-компаніи Ф. А. Матисенъ сыгралъ послѣднее дѣйствіе изъ «Карменъ». Я былъ его единственнымъ слушателемъ.

Столбикъ термометра держался опять немного выше нуля, опу-

скаясь къ ночи иногда болѣе, чѣмъ на два градуса ниже точки замерзанія.

Въ ночь съ 4-го на 5-е іюня я совершилъ въ обществѣ Шервинскаго и боцмана свою самую большую прогулку по тундрѣ. Выступили мы уже въ девятомъ часу вечера, когда вернулся съ охоты командиръ. Пошли, миновавъ косу, къ сѣверо-востоку. Тундра почти совсѣмъ почернѣла, но растительность пока замѣтна только при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи. Овраги еще часто полны снѣгомъ, подъ которымъ скрывается вода. Кочковатая поверхность тундры напоминала высохшее болото. На болѣе низкихъ мѣстахъ, гдѣ оттаяло и имѣлся достаточный запасъ влаги, почва топкая, но уже на 40 ctm. въ глубину начинается вѣчная мерзлота.

Хороша была одна, попавшаяся намъ на пути, рѣчка или ручей, который несъ къ морю свои недавно образовавшіяся отъ тающаго снѣга и продолжавшія еще образовываться воды. Высоко надъ нами слышался крикъ гусей. Четыре гуся держали путь, очевидно, къ рѣчкѣ. Увидѣвъ насъ, они повернули назадъ, и снова къ намъ возвратились, что повторяли до трехъ разъ. Я выстрѣлилъ—и промахнулся.

Быстро, какъ по мановенію волшебства, нѣсколько разъ спускался туманъ и такъ же быстро разсѣевался. Далеко на пригоркѣ обрисовалось небольшое стадо оленей. Сквозь туманъ я едва разсмотрѣлъ ихъ въ бинокль. Было такъ далеко, что не стоило стрѣлять, а позиція для подкрадыванія у насъ была очень невыгодная. Олени загалопировали и скрылись въ туманѣ.

Послѣ долгаго скитанія по тундрѣ, перейдя рѣчку Чукочью, на которой видѣли гусей, мы попали въ довольно красивую и дикую мѣстность. Два-три оврага, да нѣсколько большихъ байджараховъ, да виднѣвшееся въ отдаленіи море составляли пейзажъ. Байджарахи—это болѣе или менѣе крупные курганы, состоящіе изъ торфа, пожалуй, достаточно сухого, чтобы служить топливомъ. Между байджарахами безшумно летали снѣжныя совы (nyctea nivea), мѣрно и красиво взмахивая крыльями. На верхушкахъ байджараховъ онѣ гнѣздятся. Совы были настолько осторожны, что ни одному изъ насъ не удалось подойти на разстояніе выстрѣла. Любопытно было наблюдать, какъ пара чаекъ-паразитниковъ, ростомъ значительно меньше крупной снѣжной совы, испускали воинственные крики, нападая на сову, а та только крыломъ отмахивалась отъ нихъ, какъ отъ назойливыхъ мухъ.

Разныхъ видовъ кулички пересвистывались или гонялись маленькими стайками за паразитникомъ, который ударомъ клюва могъ бы раздробить черепъ любому изъ нихъ. «Куликъ! Ку-у-ликъ!» свистали кулички. «Тра-та-та-та!» раздался грубый, какъ собачій лай, крикъ куропатки. Пѣли свои свадебныя пѣсни пуночки. Крошечный и скромный, но хорошенькій, съ малиновымъ ожерельицемъ пѣтушокъ своимъ пѣніемъ

будто старался напомнить намъ степного жаворонка. Время отъ времени чайки, красиво разсѣкая воздухъ крѣпкими крыльями, оглашали тундру рѣзкими криками. Нѣтъ-нѣтъ, да и покажутся турканы,—то влюбленной парочкой, то скромная дама въ сопровожденіи нѣсколькихъ нарядныхъ, по случаю сезона любви, кавалеровъ. Кулички и прочая мелкая братія, какъ водится, преобладали.

Отъ байджяраховъ мы повернули домой. Опять пришлось гдѣ шлепать по водѣ, гдѣ брести по снѣгу. Приходилось разуваться и выливать воду изъ сапогъ. Попалась стайка туркановъ въ 5 штукъ. Одинъ изъ нихъ увеличилъ собой нашу добычу.

Идти на судно по льду было-бы значительно ближе, но, благодаря многочисленнымъ лужамъ, это путешествіе намъ не улыбалось и мы предпочли идти берегомъ до косы. На льду было воды по меньшей мѣрѣ по щиколодку.

Мы пробыли въ отлучкѣ болѣе полусутокъ и сдѣлали за это время до 40 верстъ: для прогулки недурно. Нашими жертвами пали за это время: дюжина куликовъ, куропатка, пара чаекъ и турканъ.

Послѣ пятичасового сна я все еще чувствовалъ утомленіе. Мышцы побаливали. За препаровкой птицъ и чтеніемъ я скоро «отошелъ».

Ледъ въ лагунѣ настолько сталъ портиться, многочисленныя прѣсноводныя лужи, образовавшіяся отъ таянія снѣга, настолько испещрили его поверхность и наполнили трещины, что идти на метеорологическую косу приходилось постоянными зигзагами. Вода въ лужахъ солоновата отъ примѣси кристаллизовавшейся на поверхности льда соли и для питья не хороша. Пришлось все-таки сдѣлать запасъ этой воды въ цистерны (опрѣснителя на «Зарѣ» не было: онъ — излишняя роскошь въ полярномъ плаваніи), но, употребляя ее для приготовленія пищи, мы предпочитали для питья доставлять воду съ косы.

И коса обнажилась отъ зимняго наряда. Ручьи и ручейки медленно, но неукоснительно дѣлали свою работу, содѣйствуя таянію снѣга, образуя мѣстами порядочныя лужи. Масса гальки, цѣлыя залежи плавнику, котораго хватило бы для постройки цѣлой помѣщичьей усадьбы, выступили изъ-подъ снѣга. Обнажилась и ровная болотистая почва, въ которую переходила коса у подножія тундры. Но коса, какъ и тундра къ западу отъ судна, пока была бѣдна жизнью. Изрѣдка попадались кулики, изрѣдка залетали чайки или пуночки.

Орнитологическая коллекція наша обогатилась двумя гнѣздами съ 5-ю и 6-ю яйцами въ каждомъ. Гнѣзда принадлежали маленькимъ птичкамъ съ малиновой грудкой и ожерельемъ, которыхъ мы называли пѣтушками. Птички эти дѣлаютъ себѣ гнѣзда изъ сухой травы и перьевъ, такъ искусно располагая ихъ между кочками тундры, что ихъ съ трудомъ можно различить, какъ и самихъ птичекъ, цвѣтомъ подходящихъ къ тундрѣ.

Явленія предохранительной окраски вообще очень рельефно высту-

паютъ въ полярныхъ странахъ. Бѣлая куропатка, сливаясь по цвѣту—зимой со снѣгомъ, среди котораго она живетъ, мѣняя опереніе, и лѣтомъ едва замѣтна на тундрѣ. То же надо сказать и о гостяхъ съ далекаго юга—куликахъ.

Пѣтушковъ, по ихъ малой величинѣ, я затруднялся препарировать, а клалъ въ спиртъ, тѣмъ болѣе, что по части препаровочныхъ ножей я былъ довольно скудно обставленъ; часть взялъ съ собою на Новую Сибирь А. А. Бялыницкій-Бируля, а оставшіеся у меня сильно затупились и поржавѣли.

Числа около 7-го іюня къ моей коллекціи прибавилась, наконецъ, давно ожидаемая снѣжная сова. Это одна изъ самыхъ крупныхъ здѣшнихъ птицъ; благодаря пышному оперенію, она кажется еще крупнѣй и коренастѣй. Самка нѣсколько крупнѣе самца. Птица совершенно бѣлаго цвѣта—съ темно-коричневыми крапинками на крыльяхъ у самки. Крупные, какъ у доброй кошки, глаза, мохнатыя лапы, большіе, острые и цѣпкіе когти. Полярная сова не вьетъ себѣ гнѣзда, а кладетъ яйца въ простомъ углубленіи на верхушкѣ байджяраха (см. выше). Яйца и цвѣтомъ, и величиной совершенно сходны съ куриными, хотя, можетъ быть, будутъ немного тяжелѣй; форма ихъ остается постоянной, не варьируетъ такъ, какъ у куръ.

И въ этомъ, и въ прошломъ году тщетно старались подстрѣлить чуткую сову, хотя всѣ видѣли совъ: своей осторожностью она дѣлала тщетными всѣ покушенія на ея особу. Поэтому Толстовъ, не только застрѣлившій сову, но и добывшій полную кладку—въ 10 штукъ—совиныхъ яицъ, вполнѣ заслужилъ назначенную за сову премію въ видѣ банки варенья.

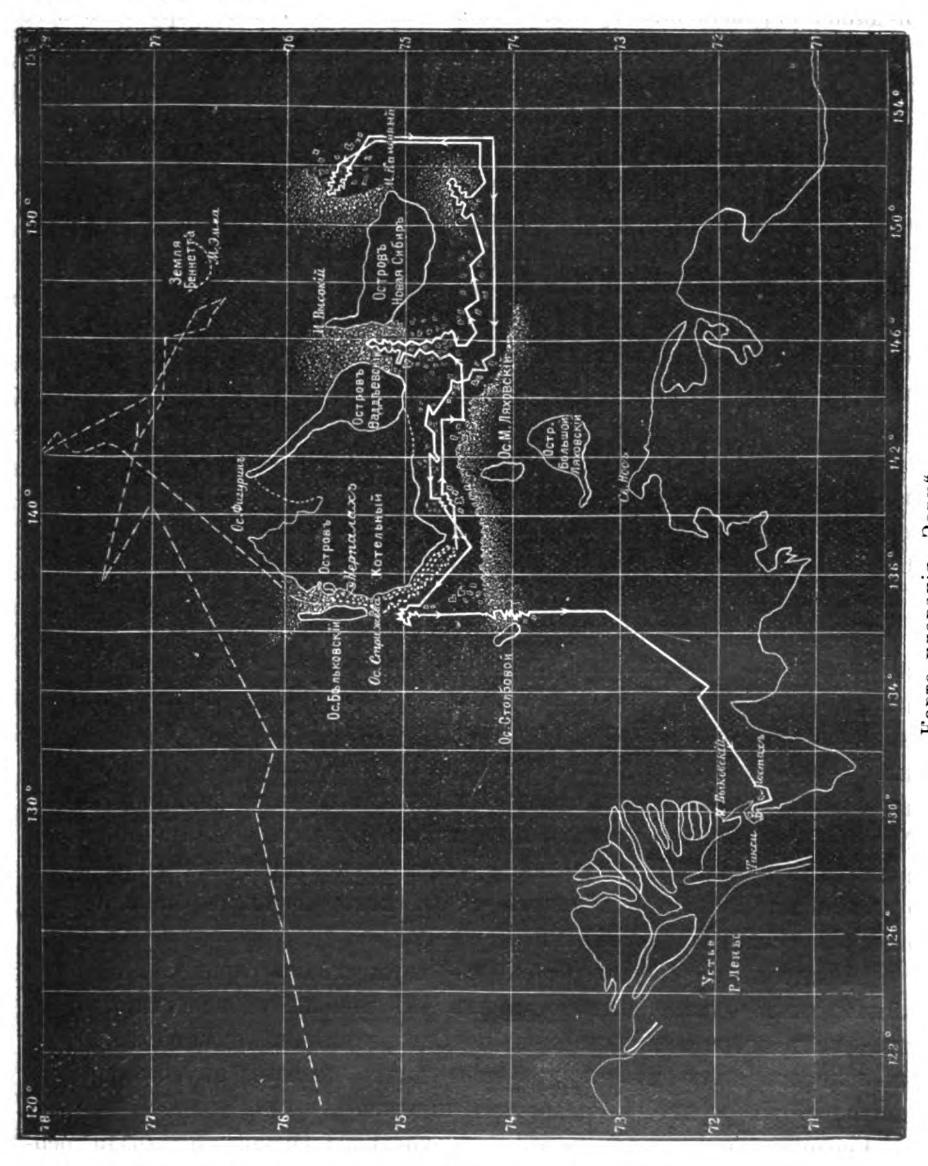
Яйца оказались уже насиженными, такъ что выпускать содержимое было довольно трудно.

7-го іюня стояла совсѣмъ осенняя погода. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, метровъ до 15-ти въ секунду, весь день свистѣлъ въ снастяхъ. Небо заволокло тучами. Къ вечеру былъ маленькій дождь,—первый за эту весну. Майны, вѣроятно, подъ вліяніемъ вѣтра, стали быстро увеличиваться, разливаясь по поверхности льда обширными наледями, образуя цѣлыя озера волнующейся голубовато-зеленоватой воды.

Часовъ въ 5 пополудни кто-то увидѣлъ пару оленей, пробѣгавшихъ по льду лагуны. Нѣкоторые изъ экипажа судна въ это время занимались стрѣльбой въ цѣль. Упражненія были оставлены и матросы открыли огонь по оленямъ. Посыпался градъ пуль изъ трехъ берданокъ, и одинъ олень палъ. Пуля настигла его шагахъ въ 700 отъ судна.

Къ ночи вода разливалась больше и больше. Всю ночь, не ослабѣвая, гудѣлъ вѣтеръ. Вернувшійся раннимъ утромъ съ охоты командиръ долженъ былъ оставить собакъ на льду у косы и переѣхать къ судну на шлюпкѣ. Онъ только-что заснулъ, когда я всталъ для ме-

теорологическихъ наблюденій. Передо мной на тарелкѣ лежали рядомъ съ нѣсколькими совиными небольшія, величиной съ голубиное, мраморно-пестрыя яйца.

Карта плаванія „Зари“.
Въ навигацію 1901 г.
Въ навигацію 1902 г.

Еще наканунѣ вечеромъ я, сдѣлавъ двойное количество зигзаговъ, благополучно добрался до косы, но оттуда мнѣ пришлось возвращаться—мѣстами по колѣна въ водѣ. А теперь я уже долженъ былъ ѣхать для наблюденій на байдаркѣ. Подгоняемая вѣтромъ, байдарка неслась, какъ стрѣла, но обратно, не смотря на небольшое разстояніе, отдѣлявшее меня отъ судна, пришлось порядочно поработать про-

*

тивъ вѣтра. Около косы, гдѣ возлѣ трещины образовалась было большая лужа, теперь, наоборотъ, вся вода ушла подъ ледъ.

Пріятно было видѣть послѣ обширнаго снѣжно-ледяного поля, такъ недавно окружавшаго судно, большое количество воды кругомъ него, воды, дававшей иллюзію открытаго моря. Но сильный и холодный вѣтеръ дѣлалъ не очень пріятнымъ пребываніе на палубѣ. И этой водѣ суждено было черезъ нѣсколько дней уйти въ трещины.

Барометръ падалъ.

Вскорѣ я сдѣлалъ пятидневную экскурсію къ полуострову Огрина (часть Котельнаго острова, верстахъ въ 20—25 отъ мѣста зимовки).

Баронъ Толль, наткнувшись вскорѣ послѣ отъѣзда на островъ Беннетта на заинтересовавшихъ его ископаемыхъ и не имѣя времени собрать ихъ, передалъ мнѣ черезъ провожавшаго его Толстова порученіе поколлектировать тамъ. Такимъ образомъ мотивъ экскурсіи былъ геологическій.

Мнѣ удалось собраться только 11-го іюня, да раньше и не стоило ѣздить, потому что изъ-за снѣга нельзя было работать. Къ этому времени было много наледей; потому передъ поѣздкой у насъ была сконструирована высокая нарта. Моими спутниками были Толстовъ и Ѳома, которому слѣдовало отдохнуть отъ кулинаріи и провѣтриться. Замѣстителемъ его на суднѣ оставался Носовъ.

Отправивъ Ѳому на нартѣ вдоль берега къ цѣли нашей поѣздки, я пошелъ съ Толстовымъ пѣшкомъ по тундрѣ. Попадалось много птицы, но оба мы безбожно пуделяли, хотя мой спутникъ довольно хорошій стрѣлокъ. Мѣсто, куда мы прибыли, отличалось отъ ближайшихъ окрестностей судна своими высокими скалами, на которыхъ гнѣздились чайки двухъ очень сходныхъ видовъ и кайры (Cephus Mandti). По прибытіи туда, мы разбили палатку, развели возлѣ нея костеръ и предались кейфу послѣ утомительной прогулки. Первый почувствовалъ себя отдохнувшимъ Ѳома, который ѣхалъ на собакахъ; онъ отпросился на развѣдки.

Порядочно пробродивъ, Ѳома съ торжествомъ принесъ совиныя яйца; этимъ, однако, онъ доставилъ мнѣ меньше удовольствія, чѣмъ причинилъ огорченія, изжаривъ, по недоразумѣнію, вмѣстѣ съ куликами хорошенькую пуночку, очень удачно застрѣленную: дробинка попала ей въ сердце, не испортивъ шкурки.

Геологическія занятія наши у полуострова Огрина не были особенно плодотворными. Собрать coралловъ изъ-за дождя не удалось, пришлось ограничиться обрывомъ, выбитыми изъ котораго камнями съ палеонтологическими остатками мы нагрузили нарту. Смѣривъ углы паденія и протяженія, я зачертилъ своей неопытной рукой геологическій профиль обрыва.

По части орнитологіи дѣло шло веселѣй. Толстовъ оказался искуснымъ акробатомъ. Вдвоемъ съ Ѳомой мы спускали его со скалъ

на веревкѣ, и онъ обобралъ нѣсколько чаечьихъ гнѣздъ. Эти виды чаекъ вьютъ гнѣзда или у края берега, или на выступающихъ въ море утесахъ. Обычная кладка—2 или 3 яйца. Яйца обоихъ видовъ—красиваго мраморнаго цвѣта—отличались другъ отъ друга только величиной; въ формѣ и окраскѣ различіе между двумя видами было не больше, чѣмъ въ предѣлахъ одного и того же вида.

Какъ вытекало изъ всего поведенія кайръ, онѣ также должны были имѣть гнѣзда по сосѣдству: онѣ такъ упорно держались около скалъ, что ихъ никакъ нельзя было отогнать,—только подстрѣленныя, кайры комомъ падали на ледъ. Однако, тщетно Толстовъ болтался на веревкѣ между небомъ и землей: гнѣздъ не находилось; быть можетъ, они были хорошо замаскированы каменными обломками.

Ѳома вызвался осмотрѣть скалы снизу и сошелъ на ледъ вблизи палатки, гдѣ берегъ былъ пологій. Пройдя нѣкоторое разстояніе вдоль берега и не видя ничего поучительнаго для себя, онъ попросилъ насъ втащить его на верхъ. Спустили ему веревку и втащили почти на отвѣсный берегъ. Весь выпачканный въ грязи, съ испуганнымъ видомъ, нашъ бравый поваръ представлялъ изъ себя довольно комичную фигуру; онъ пресерьезно увѣрялъ насъ, что только шляпа спасла его голову отъ серьезныхъ поврежденій камнями, которые сыпались изъ-подъ его ногъ.

Погода стояла сѣверная. Дождь, холодъ...

Толстовъ принесъ съ прогулки по тундрѣ гагъ (туркановъ), вкусное мясо которыхъ Ѳома приготовилъ намъ къ обѣду. Мелкіе рачки и рыбешка, которыми были наполнены желудки кайръ, отзывались на вкусѣ ихъ мяса, придавая ему непріятный привкусъ, что дѣлало ихъ менѣе желанной добычей.

Часу въ 3-мъ ночи 13-го іюня мы слышали громъ, это составляетъ рѣдкость въ этихъ широтахъ, гдѣ содержаніе электричества въ воздухѣ ничтожно.

На обратномъ пути собаки, вынужденныя перепрыгивать черезъ трещины, неоднократно при неудачномъ прыжкѣ падали въ воду и должны были выкарабкиваться на ледъ, иной разъ попадая подъ нарту. Большую часть пути я шелъ берегомъ съ Ѳомой.

Проѣхавъ всего верстъ десять, мы остановились ночевать на далеко выдававшейся въ заливъ косѣ, возлѣ озера, на которомъ видѣли гусей, утокъ (harelda glacialis) и гагъ. Надъ косой порхали пуночки и носились, какъ вѣтеръ, пары двѣ морскихъ ласточекъ (sterna macrura). Здѣсь же—на каменистой косѣ—послѣднія клали свои яйца. Но пока еще было рано: только недѣли черезъ двѣ неутомимый Толстовъ, очень преданный наукѣ, принесъ мнѣ яйцо морской ласточки.

На тундру, куда я пошелъ ночью съ Толстовымъ, мы увидали четырехъ пасшихся оленей. Сдѣлавъ большой кругъ, мы подошли къ нимъ на довольно близкое разстояніе, выпустили по нѣскольку патро-

новъ, но подстрѣлили только одного. Это былъ, повидимому, вожакъ, потому что остальные, отбѣжавъ на почтенное разстояніе, стали часто останавливаться и проявляли неувѣренность въ выборѣ пути. Наша жертва, тяжело раненная пулей думъ-думъ, была еще жива и смотрѣла на насъ невыразимо-скорбными и кроткими глазами. Ножъ моментально прекратилъ мученія животнаго.

Застрѣливъ еще снѣжную сову и отдохнувъ въ своей бѣлоснѣжной палаткѣ, мы возвращались на судно. Вблизи отъ судна, въ недавно образовавшихся трещинахъ льда, мы замѣтили двухъ или трехъ нерпъ. По одной изъ нихъ, вылѣзшей на ледъ погрѣться на солнцѣ, я стрѣлялъ. Послѣ выстрѣла звѣрь остался неподвижнымъ, какъ убитый наповалъ. Но когда я уже былъ въ шагахъ въ десяти отъ него и собирался снять съ него шкуру въ качествѣ трофея, онъ, безпомощно мотая головой и дѣлая безпорядочныя движенія заднимъ ластомъ, сползъ къ трещинѣ и нырнулъ въ воду, оставивъ по себѣ лужицу крови на снѣгу.

На суднѣ я засталъ возвратившагося изъ продолжительной экскурсіи А. В. Колчака. Кромѣ своихъ спеціальныхъ задачъ, онъ пополнилъ и нашу орнитологическую коллекцію.

Черезъ три дня по моемъ возвращеніи командиръ отправился въ экскурсію къ острову Бѣльковскому на собакахъ, взявъ съ собой на всякій случай и байдарку. Его сопровождалъ матросъ Безбородовъ. Лейтенантъ Матисенъ пробылъ въ экскурсіи девять дней и возвратился съ рядомъ фотографій острова Бѣльковскаго и маленькаго островка Стрыжова, съ яйцами чаекъ и новаго для нашей коллекціи кулика.

Въ отсутствіе командира произошли большія перемѣны вокругъ судна. Между судномъ и косой образовалась порядочная полынья, такъ что для метеорологическихъ наблюденій приходилось снова ѣздить на байдаркахъ. Хотя, какъ житель Волги, я съ дѣтства привыкъ къ лодкѣ, все-таки не безъ нѣкоторой робости садился я на первыхъ порахъ въ утлую одномѣстную байдарку. Достаточно одного неосторожнаго движенія, когда въ нее садишься или изъ нея вылѣзаешь, достаточно потерять равновѣсіе, неловко балансируя въ ней,— и байдарка перевернется. Попалъ я во время одной изъ поѣздокъ на косу въ водоворотъ, еле выгребся изъ него и присталъ къ большой льдинѣ. Уцѣпившись обѣими руками за край льдины, я вылѣзъ изъ байдарки и перетащивъ ее на другую сторону этой льдины, уже оттуда переѣхалъ на судно.

Мой прежній спутникъ тунгусъ Алексѣй очень хотѣлъ прокатиться на байдаркѣ, но, какъ человѣкъ до мозга костей сухопутный, долго не могъ рѣшиться.

Нашъ образъ жизни, когда мы остались въ каютъ-компаніи вдвоемъ съ А. В. Колчакомъ, не былъ слишкомъ регулярнымъ. На прогулку онъ не очень любилъ ходить, я ходилъ уже не такъ аккуратно;

иногда мы долго засиживались вечеромъ, клубы дыма наполняли иной разъ каютъ-компанію, и дыма не очень ароматнаго: табакъ мы курили третій сортъ, запасъ котораго былъ неистощимъ, а папиросную бумагу употребляли, какую могли найти.

Полынья, простиравшаяся по направленію къ Нерпичьей губѣ, между знаками, поставленными на обѣихъ косахъ и обозначавшими входъ въ лагуну, быстро увеличивалась. Море стало замѣтно болѣе оживленнымъ съ расширеніемъ трещинъ и превращеніемъ ихъ въ полыньи. Чаще появлялись нерпы, больше и больше чаекъ летало около судна, а нерѣдко стаи утокъ опускались на полынью, гдѣ и становились добычею охотниковъ. Пролетали гуси, гаги, гагары (colymbus septentrionalis).

Полынья находилась въ районѣ самой быстрины приливо отливного теченія. Надо было освобождать «Зарю» отъ сковывающаго ее льда, все еще достигавшаго толщины $1^{1/2}$ метровъ.—иначе ее могло выпереть на берегъ или раздавить льдомъ, движенія котораго можно было ожидать каждую минуту. Въ виду этого лейтенантъ Колчакъ сталъ закладывать пироксилиновыя мины, чтобы раздробить ледъ. Это ему въ значительной степени удалось.

Возвратившійся къ 27-му іюня командиръ распорядился продолжать начатыя Колчакомъ работы и разводить пары. Пошли въ ходъ кайлы, пешни, ледяная пила, пироксилинъ. Взрывы пироксилиномъ производились такъ. Во льду прокалывалось отверстіе, черезъ которое вводились подъ ледъ, съ помощью длинной палки, сухая и мокрая шашки пироксилина. Затѣмъ замыкали электрическій токъ, дѣйствіе котораго по электрическимъ проводомъ передавалось пироксилину. Происходилъ взрывъ. Слышался сильный глухой звукъ. Судно вздрагивало, а вспучившійся ледъ давалъ трещины, расширявшіяся при слѣдующихъ минахъ, все болѣе и болѣе дробившихъ ледъ.

Отпускъ матросовъ съ судна прекратился.

Работа увѣнчалась успѣхомъ, и рано утромъ 1-го іюля «Заря», воспрянувъ отъ продолжительной зимней спячки, мѣрно вздрагивая, вышла въ наружную полынью.

Начался новый періодъ судовой жизни.

IV.

Полынья. — Приливы и отливы. — Птицы. — Мои питомцы. — Сношенія съ берегомъ. — Озера. — Гагары. — Могила д-ра Вальтера. — Экскурсія на байдаркѣ: забереги; стаи птицъ; рѣка Чукочья; ленные гуси; песцы.—Перемѣна якорныхъ стоянокъ. — Ледяной блинъ.—Образованіе торосовъ. — Байдарка и шлюпки. — Состязаніе.—Безуспѣшная неводьба.—Метеорологія.—Начало дрейфа. —Розовая чайка. — Закатъ солнца.—Бѣлухи. — „Журналъ каютъ - компаніи". — Ледяныя поля. — Трудное плаваніе. — Опять въ лагунѣ!

Новая стоянка судна представляла слѣдующую картину. Саженяхъ въ 150 отъ «Зари»—косы и между ними входъ въ лагуну Нерпалахъ,

обозначенный входными знаками въ видѣ толстыхъ шестовъ съ цвѣтными жестянками. Ближайшая къ нимъ постройка — баня. Немного дальше на косѣ — остальныя постройки. Вблизи бани — поставленная инородцами ураса, въ которой они пока проживали. Этими инородцами были Семенъ и Гаврило. Ихъ надежды на промыселъ, которымъ они думали заняться по доставкѣ почты на судно, не оправдались, хотя они были снабжены отъ экспедиціи провіантомъ, надолго обезпечившимъ ихъ существованіе; одинъ изъ нихъ заболѣлъ, и возвращавшійся съ экскурсіи лейтенантъ Колчакъ привезъ ихъ на судно. Подъ присмотромъ Семена и Гаврилы находились на косѣ всѣ экспедиціонныя собаки: съ образованіемъ полыньи туда были перевезены и тѣ, которыя проживали на льду возлѣ судна.

Вдававшаяся въ лагуну и выходившая далеко за ея предѣлы полынья увеличивалась. Вѣтромъ и теченіями отрывало болѣе или менѣе значительные куски льда, которые то вносило приливомъ въ лагуну, то выносило изъ нея отливомъ.

На разстояніи верстъ 5—6 отъ судна къ сѣверу и югу виднѣлись мысы, обозначавшіе входъ въ Нерпичью губу. На западъ разстилалось море, нѣсколько загороженное находившимся верстахъ въ 25 отъ насъ Бѣльковскимъ островомъ.

Высота прилива незначительная, всего какой-нибудь футъ, но сила теченія порядочная.

Съ образованіемъ полыньи вокругъ судна началось небывалое оживленіе. Трехъ или четырехъ видовъ чайки носились надъ полыньей съ громкими криками, время отъ времени съ размаху опускаясь въ воду и поднимаясь съ добычей. Словно застывая въ воздухѣ съ распростертыми крыльями, и снова стрѣлой проносясь вблизи судна, онѣ придавали колоритъ пейзажу. Съ кряканьемъ опускались стаи утокъ. Гуси, гаги, гагары пролетали мимо. На тундрѣ кончалась кладка яицъ. Многія птицы уже вывели дѣтенышей. Еще 23-го іюня я присоединилъ къ коллекціи очень цѣнную для орнитолога находку,—трехъ пуховыхъ птенцовъ tringae canutus,—куличка, мѣсто гнѣздованія котораго мало извѣстно и яйца, тоже имѣющіяся въ нашей коллекціи, составляютъ рѣдкость. Гаги плавали съ птенцами въ озерахъ и въ полыньѣ.

Одновременно съ птенцами canutus Стрыжовъ принесъ мнѣ 9 живыхъ совятъ и совиное яйцо съ начавшимъ уже вылупляться птенцомъ. Яйца этой совы были найдены еще 11-го іюня, но оставались въ гнѣздѣ, такъ какъ въ коллекціи ихъ было достаточно и мнѣ было интересно заполучить птенцовъ. Уже тогда двое старшихъ вылупились изъ яицъ. Теперь передо мной была цѣлая серія совятъ различнаго возраста: почти голые, маленькіе, съ непомѣрно большой головой и большіе—пушистые, круглые, какъ шары, съ огромными глазами. Они пронзительно пищали, широко разѣвая рты. Я оставилъ двухъ старшихъ на воспитаніе, остальные пошли въ спиртовую коллекцію. Въ

ихъ желудкахъ были свалявшіеся въ шаръ полупереваренные остатки мышей. Запасливая сова, сидя на гнѣздѣ, обкладываетъ себя мышами, которыми и кормитъ своихъ дѣтенышей.

Оставленные мною на воспитаніе совята не обнаруживали разборчивости въ пищѣ и проявляли чрезвычайную жадность. Давали ли имъ мышей, или кусочки тюленьяго сала и мяса, или убитой для ихъ прокормленія чайки, они все поглощали съ одинаковымъ аппетитомъ и въ огромныхъ количествахъ. Интересно, что сами они долго не могли расправляться съ провизіей, а ѣли только изъ рукъ уже отрѣзанные для нихъ куски. Я имъ устроилъ въ корзинѣ нѣчто вродѣ гнѣзда и сначала держалъ ихъ на мостикѣ, а потомъ въ сѣняхъ лабораторіи, которую они наполнили вонью.

Кромѣ совятъ, у меня были и другіе питомцы. Алексѣй принесъ какъ-то съ тундры пару прехорошенькихъ песцовъ. Съ мягкой голубовато-сѣрой шестью, злыми и умненькими глазками, смышлеными мордочками, они скоро стали общими любимцами. Для нихъ была сдѣлана клѣтка съ проволочной рѣшеткой. Сначала бѣдные звѣрки отказывались отъ пищи, которая потеряла для нихъ вкусъ съ лишеніемъ свободы. Но уже на другой день голодъ взялъ свое и, не рѣшаясь еще ѣсть въ присутствіи людей, дававшихъ имъ пищу, они истребляли ее, какъ только оставались наединѣ. Ручными они не сдѣлались. Но недѣли черезъ двѣ все же на столько освоились съ неволей, что очень мило хлебали молоко, грызли сахаръ или жевали мясо, не особенно стѣсняясь присутствіемъ зрителей, и нерѣдко братъ вступалъ въ драку съ сестрой. Послѣдняя не была задорной, а, наоборотъ, имѣла сравнительно кроткій характеръ. Носовъ, который былъ большимъ любителемъ животныхъ, даже пріучилъ ее брать пищу изъ рукъ. Маленькіе песцы очень забавно лаяли, но постепенно ихъ голосъ грубѣлъ, приближаясь къ хриплому — скорѣе вою, чѣмъ лаю взрослаго песца. Во многомъ они напоминали щенковъ, когда играли или огрызались при приближеніи человѣка.

Находившееся, при господствовавшемъ западномъ вѣтрѣ, подъ постоянною угрозою движенія льда, судно стояло подъ парами. У офицеровъ установились суточныя дежурства. Сношенія съ берегомъ постоянно поддерживались съ помощью вельботовъ, шлюпокъ и байдарокъ. Съ берега привозились на вельботѣ дрова, нарубленныя командированными съ этою цѣлью матросами: пары поддерживались дровами, чтобы сдѣлать экономію на углѣ. Съ берега привозилась прѣсная вода для чая: этимъ завѣдывалъ Стрыжовъ, самъ не переносившій даже ничтожнаго содержанія соли въ чаѣ; наконецъ, цистерна была наполнена водой, привезенной въ шлюпкѣ съ косы. Съ берега пріѣзжали промышленники за провизіей для себя и для собакъ, которыхъ кормили норвежской вяленой рыбой, предварительно размачивая ее.

Прогулки стали рѣже. А все же иногда сядешь въ байдарку—одинъ или вдвоемъ, и поѣдешь на которую-нибудь изъ двухъ косъ. На метеорологической косѣ былъ рядъ небольшихъ озеръ, раздѣленныхъ узенькими перешейками. Перетащить байдарку въ одно изъ озеръ не составляло большого труда. Вблизи озеръ, съ наступленіемъ лѣта, покрывшаго зеленымъ ковромъ травы пустынную тундру, появилось болѣе пернатыхъ гостей, чѣмъ мы ожидали, судя по началу. Перекликались кулики, высоко парили разбойники, садились на озеро гаги и гагары; послѣднія своимъ громкимъ крикомъ издали давали о себѣ знать, но почти не подпускали къ себѣ на разстояніе выстрѣла. Онѣ гнѣздились на небольшомъ островкѣ и на берегахъ озеръ, кладя яйца въ траву очень близко отъ воды. Полная кладка—два яйца. Неслись гагары позже другихъ птицъ и, когда одно яйцо брали, птица сносила другое что мы продѣлывали нѣсколько разъ. Яйца гагаръ, какъ и чаечьи, и гагачьи, очень вкусны. Мы видѣли почти исключительно Colymb. septentrion. Крупная Colymbus Adamsii попадалась всего раза два.

Вблизи озера, на тундрѣ, неподалеку отъ крутаго берега находится могила д-ра Вальтера. Когда тундра оттаяла, матросы водрузили надъ ней желѣзный крестъ и ограду, приготовленные ими зимой, кажется, по плану Шервинскаго, ремесленника съ художественнымъ чутьемъ. Скромная могила покойнаго доктора съ ея незатѣйливой цѣпочной оградой, съ простымъ, но изящнымъ и прочнымъ крестомъ, съ зеленымъ вѣнкомъ изъ жести, казалась и привлекательнѣе, и красивѣе, чѣмъ многія богатыя могилы на городскихъ кладбищахъ. На крестѣ. въ центрѣ висящаго на немъ вѣнка, значится: «D-r Hermann Walter...» слѣдуютъ даты рожденія и смерти доктора. На могильной плитѣ надпись: «Незабвенному доктору благодарная команда «Зари».

На противулежащей косѣ только одно, довольно большое, но совсѣмъ мало оживленное озеро. Зато на низкой тундрѣ, прилегающей къ нему, мы нашли одну за другой двѣ кладки яицъ (по двѣ штуки) чайки-разбойника.

Отъ 6-го до 11-го іюля я находился съ Толстовымъ въ экскурсіи на байдаркахъ къ устью рѣки Чукочьей, или Чукотской. Мы взяли двѣ двухмѣстныхъ байдарки, уложили въ нихъ палатку, немного провизіи, захватили ружья и тронулись въ путь. Нашею цѣлью было главнымъ образомъ пополненіе орнитологической коллекціи и постановка знака на мысу у устья рѣки Чукотской,—пункта, астрономически опредѣленнаго Ф. А. Матисеномъ.

Верстъ шесть мы ѣхали, почти не вылѣзая изъ байдарокъ. Узкіе забереги рѣдко прерывались льдомъ, образовавшимъ иногда узкія перемычки, за которыми начинался новый заберегъ. Въ такомъ случаѣ намъ иногда удавалось проскакивать на байдаркахъ черезъ перемычки, а если это было свыше нашихъ силъ, мы перетаскивали не очень

тяжело нагруженныя байдарки въ слѣдующій заберегъ. Иногда мы ѣхали по наледямъ. Вдали, надъ полыньей, пролетѣла огромная стая туркановъ-самцовъ, по увѣренію Толстова, штукъ въ 300. Они предоставили самкамъ растить молодое поколѣніе, чтобы когда крылья у него окрѣпнутъ, соединиться и оставить полярный край.

Береговая линія, которой намъ приходилось придерживаться въ нашемъ плаваніи, оказалась очень извилистой. Утесы и стѣной возвышающійся высокій берегъ чередовались тамъ, гдѣ оврагъ или рѣчка, спускаясь къ морю, прорѣзывали тундру съ покрытыми галькой и плавникомъ косами.

Далѣе ледъ вплотную подходитъ къ берегу, мало гдѣ оставляя мѣсто для забереговъ. Намъ все чаще приходилось высаживаться и тащить байдарки по льду. Протащившись — отчасти по льду, отчасти по узкимъ заберегамъ и мелкимъ наледямъ—еще версты четыре, мы сдѣлали ненадолго привалъ, для чего въѣхали въ узкій проходъ между двумя большими и высокими] льдинами, плотно спаянными съ берегомъ. Въ ущельѣ, гдѣ мы развели костеръ, еще лежало много снѣгу, подъ которымъ сочилась сбѣгавшая въ море вода.

Стали попадаться въ большомъ количествѣ чайки и кайры. Проѣхавъ небольшой заберегъ, лавируя подчасъ среди плававшихъ въ немъ ледяныхъ глыбъ и осколковъ, мы доѣхали до мѣста, гдѣ торосистый ледъ вплотную подходилъ къ берегу. Осмотрѣвшись, мы увидѣли огромную полынью, которая начиналась у мыса, находившагося въ 3-хъ верстахъ отъ р. Чукотской и вдавалась далеко въ море. Пришлось тащить байдарки версты три по льду, кое-гдѣ шлепая по водѣ и рискуя оступившись попасть ногой въ трещину. Какимъ наслажденіемъ было, не смотря на усталость, плыть по открытой водѣ, не напрягая мускуловъ, чтобы перескочить черезъ ледяную перемычку или съ разгона пролетѣть въ узенькій корридорчикъ, образованный льдинами. Стайки красноногихъ кайръ летали и плавали, качаясь въ легкой зыби отъ небольшого вѣтра. Нѣсколькихъ мы застрѣлили.

По сравнительно широкому заберегу мы пріѣхали къ устью р. Чукотской, противъ котораго также была полынья. Въ 4-мъ часу утра 7-го іюля, послѣ одиннадцати - часового пути, мы разбили палатку у устья рѣки Чукотской. 30 верстъ отдѣляли насъ отъ «Зари». Направленіе теченія рѣки Чукотской, въ ея устьѣ, юго-западное. При впаденіи въ море и немного выше рѣчка достигаетъ въ ширину, пожалуй болѣе 60-ти саженъ. Берега вверхъ по теченію рѣки высокіе, скалистые, а около устья, по обоимъ берегамъ ея — косы, покрытыя галькой и плавникомъ.

Недалеко отъ устья рѣчки утесы выступаютъ въ море. На этихъ утесахъ обосновали свои лѣтнія резиденціи многочисленныя чайки и пуночки, немного далѣе, кажется и кайры.

Тундра, одѣтая зеленой травой съ немногочисленными и очень

скромными цвѣтами, простиралась передъ нами, круто спускаясь къ рѣчкѣ. Немного блѣдноватыя незабудки всего вершка на два поднимались надъ землей своими тонкими стебельками; скромно желтѣли цвѣты полярнаго мака... полярная ива протянула свой чахлый стебель, не болѣе двухъ-трехъ вершковъ поднимающійся кверху. Но и эта скудная зелень ласкала взоръ, утомленный мертвыми, хоть иногда и величавыми картинами льдовъ.

Огромныя стаи самцовъ-туркановъ пролетали одна за другой чуть-ли не каждые полчаса, придерживаясь преимущественно сѣвернаго направленія. Появились стайки ледяныхъ утокъ (harelda glacialis). Мы застрѣлили по нѣскольку штукъ тѣхъ и другихъ. Стрѣляли съ байдарокъ. У утокъ очень крѣпкія перья и подстрѣленныя, онѣ артистически ныряютъ.

Вблизи рѣчки мы видѣли слѣды оленей, спускавшихся къ водопою; издали наблюдали пару оленей, переплывавшихъ черезъ рѣку. Толстовъ отправился на охоту.

Въ его отсутствіе я нашелъ на небольшомъ каменистомъ обрывѣ, вышиною всего сажени въ 2, на высотѣ $1^1/_2$ с. гнѣздо пуночки съ оперившимся уже птенцомъ и двумя яйцами. Гнѣздо находилось въ углубленіи межъ камней, которое понадобилось расширить, чтобы войти туда рукой. Бѣдная мать летала надъ разоренномъ гнѣздомъ, пока и сама не сдѣлалась достояніемъ науки.

Когда я утомленный непривычно долгой греблей и скитаніемъ по окрестной тундрѣ, крѣпко разоспался, до моихъ сонныхъ ушей долетѣлъ дикій крикъ. Сначала въ просонкахъ я приписалъ его сновидѣнію. Но крикъ былъ слишкомъ явственнымъ и становился все настойчивѣй.

«Док - торъ! док - торъ»! Выглянувъ изъ палатки и увидѣвъ благополучно возвращающагося на байдаркѣ Толстова, я, зная его сангвиническій темпераментъ, махнулъ ему рукой въ знакъ привѣтствія и опять юркнулъ подъ одѣяло. Однако тотъ не унимался. «Гуси!» долетѣло до моего уха. «Несите ружье»! Передъ байдаркой, ожесточенно подгоняемой моимъ компаньономъ, кидаясь въ разныя стороны и опять сбиваясь въ кучу, плыло десятка два черныхъ гусей. Получалось странное впечатлѣніе, будто кто гонитъ домашнихъ гусей на бойню, до того безпомощными казались птицы. Вооружившись ружьемъ, я сѣлъ въ байдарку, передалъ нѣсколько патроновъ Толстову и черезъ нѣкоторое время 16 ленныхъ гусей, частью застрѣленныхъ, частью оглушенныхъ на смерть веслами лежали на днѣ нашихъ байдарокъ. Питаясь гагами и утками, гусей мы сберегли до судна, гдѣ они внесли очень желательное разнообразіе въ обѣденное меню.

Ленные гуси, лишенные на время линянія способности летать, ныряютъ сравнительно плохо, такъ что этимъ они мало затруднили охоту. А одинъ гусь, которому я на байдаркѣ отрѣзалъ отступленіе къ серединѣ рѣки, находясь между байдаркой и берегомъ, пробовалъ

нырнуть, обезумѣвъ отъ страха, даже на глубинѣ двухъ четвертей. Надо замѣтить, что гуси зато очень быстро бѣгаютъ, а потому мнѣ надо было спѣшить съ ударомъ, чтобы не упустить такую полезную для экипажа добычу.

По словамъ Толстова, гусей было штукъ сто, но онъ израсходовалъ патроны, а пока гналъ ихъ внизъ по рѣкѣ, значительная часть ихъ успѣла вылѣзть на берегъ и разбрестись по тундрѣ.

Мы провели у устья рѣки Чукотской около 3$^1/_2$ сутокъ. Закончивъ свое пребываніе здѣсь постановкой 4-хъ саженнаго знака на наиболѣе выдающемся мѣстѣ мыса у рѣки, мы собрались въ обратный путь. Картина льда измѣнилась. Отчасти существовавшіе забереги расширились и образовались новые, а ледъ отодвинулся къ морю, отчасти, наоборотъ ледъ подошелъ къ берегу. Все таки, въ общемъ, открытой воды было больше, чѣмъ прежде. Вѣтеръ дулъ противный, значительно затруднявшій плаваніе.

Кромѣ неодушевленныхъ предметовъ, камней, птичьихъ труповъ, яицъ, у насъ были съ собой два чайченка, взятыхъ Толстовымъ на воспитаніе. Ихъ вскорѣ постигло несчастье. Вылѣзая на ледъ, Толстовъ неосторожнымъ движеніемъ ноги опрокинулъ свою байдарку и птенцы, вмѣстѣ съ ведромъ, въ которомъ они помѣщались, пошли на дно. Было не глубоко, и Толстовъ, при помощи весла, извлекъ ведро съ чайчатами. Когда мы пристали къ берегу и, разведя костеръ, пробовали отогрѣть и привести въ чувство птенцовъ, одинъ оправился, а другой такъ и погибъ.

Почти одновременно съ чайчатами чуть-чуть не принялъ ледяной ванны и я. Моя байдарка стала на мель. Видя на глубинѣ полуаршина грязноватый ледъ, я былъ въ полной увѣренности, что онъ лежитъ на днѣ, тѣмъ болѣе, что и берегъ-то былъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ. А такъ какъ на ногахъ у меня были высокіе сапоги архангельскихъ поморовъ, то я безъ всякаго колебанія вылѣзъ изъ байдарки, чтобы протащить ее черезъ мель. Не успѣлъ я сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ быстро сталъ погружаться въ ледяную воду. Сѣсть въ байдарку было затруднительно, скорѣе всего я бы опрокинулся, а ледъ у меня подъ ногами продолжалъ ломаться. Не выпуская изъ руки конца, привязаннаго къ байдаркѣ, я ухватился за припаянную къ берегу льдину, на которую и выползъ, мокрый по поясъ и съ полными водой сапогами.

Мы остановились вблизи внушительной береговой кручи. Короткая и неглубокая балка спускалась къ морю. Успѣвшій уже обревизовать берегъ Толстовъ видѣлъ нѣсколько штукъ маленькихъ песятъ, которыхъ мы долго пытались изловить. Толстый слой полуобледенѣвшаго снѣга покрывалъ часть балки, прочно соединяясь съ однимъ изъ ея береговъ. Размываемый снизу сбѣгавшей съ тундры водой, онъ образовалъ обширную, но не болѣе четверти вышиной пещеру со снѣжно-

ледяной крышей. Тамъ нашли себѣ прибѣжище молодые песцы и храбро огрызались на насъ, чувствуя свою безопасность. А чадолюбивая мать, отбѣжавъ нѣсколько въ сторону, подвывала своимъ хриплымъ голосомъ, не то стараясь напугать, не то разжалобить странныхъ двуногихъ пришельцевъ. Несмотря на выстрѣлы, песчиха снова и снова возвращалась на свой обсерваціонный пунктъ, откуда ей было видно убѣжище дѣтей.

Безплодно провозившись около песцовъ, потративъ на это часа три и прибавивъ порядочной плюсъ къ своей усталости, мы поплыли дальше. Не доѣзжая верстъ пяти до судна, остановились у одной изъ построенныхъ спутниками К. А. Воллосовича поваренъ. Она была почти совсѣмъ разрушена. Остатки поварни, сломанная нарта... все такъ отзывалось заброшенностью и неуютностью... Въ долинѣ высохшаго ручья мы нашли нѣсколько отдѣльныхъ костей мамонта. На тундрѣ изъ-подъ моихъ ногъ вылетѣлъ выводокъ куропатокъ, громко хлопая крыльями.

Когда мы обогнули ближайшій къ «Зарѣ» мысъ, мы увидѣли, что она перемѣнила мѣсто стоянки. Насъ заждались...

Отъ огромнаго, въ десятки квадратныхъ верстъ, ледяного поля отрывало большіе и малые куски. Наносимыя на якорную цѣпь теченіемъ или вѣтромъ, ледяныя глыбы развертывались и неслись дальше, и снова возвращались назадъ, постепенно уменьшаясь въ объемѣ отъ таянія и размыванія. Болѣе обширныя и массивныя льдины заставляли травить якорную цѣпь. Раза три командиръ принужденъ былъ мѣнять стоянку, чтобы спасти якорь и избѣгнуть слишкомъ крупныхъ для судна льдинъ.

Внутри лагуны, съ увеличеніемъ забереговъ, образовался огромный ледяной блинъ, понемногу уменьшавшійся въ объемѣ.

Отчасти во время экскурсіи, а главнымъ образомъ вскорѣ по возвращеніи на судно, я имѣлъ случай наблюдать образованіе торосовъ. Огромныя глыбы льда, подгоняемыя приливомъ или вѣтромъ, выпирало на берегъ, глыба нагромождалась на глыбу съ сильнѣйшимъ шумомъ и трескомъ. Летѣли ледяные осколки, образовывались террасы, монументы и иныя скопленія льда. То же происходило, въ меньшихъ пока размѣрахъ, и на нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ.

Я ѣздилъ на берегъ съ командиромъ, а потомъ одинъ фотографировать торосы, причемъ, чтобы дать понятіе о настоящихъ размѣрахъ тороса, мы ставили рядомъ какой-нибудь предметъ, напримѣръ, ружье или позировали сами.

Наши промышленники настолько освоились съ обманчивой стихіей, что сначала страшное для нихъ плаваніе на байдаркахъ скоро перестало ихъ пугать. Всѣхъ скорѣе привыкъ къ байдаркамъ Семенъ, вообще болѣе интеллигентный и понятливый изъ нашихъ инородцевъ. Когда какъ-то устроили гонку на байдаркахъ, то изъ троихъ «яку-

товъ» Семенъ получилъ первый призъ. Хотя онъ и выглядѣлъ слабосильнѣе своихъ товарищей, но оказался лучшимъ гребцомъ. Состязались и матросы, раздѣлившись на группы.

Пробовали мы извлечь пользу для науки и для кухни изъ имѣвшагося на суднѣ, въ числѣ прочихъ рыболовныхъ снастей, невода. Организація неводьбы была поручена Евтихѣеву, какъ архангельскому помору и опытному рыболову. Поѣхали на вельботѣ въ лагуну. Забросили неводъ разъ... другой, третій, и ничего, кромѣ очень мелкой рыбешки, маленькихъ рачковъ и морскихъ тараканов не вытащили.

18-го іюля ледъ сильно напиралъ на берегъ. Полынья значительно сузилась, и судно сѣло кормой на мель. Закипѣла работа. Перекладывали каменный уголь, перераспредѣляя его, чтобы уменьшить нагрузку кормы. Наконецъ, удалось освободить корму и перемѣнить мѣсто.

Вотъ, что говоритъ въ своемъ отчетѣ оставшійся за начальника экспедиціи командиръ «Зари».

«20-го іюля сильнымъ вѣтромъ ледъ отнесло въ море и очистило отъ него всю Нерпичью губу отъ мыса до мыса. Я воспользовался этимъ и перемѣнилъ мѣсто, такъ какъ «Заря» стояла всего въ разстояніи $1^1/_2$ кабельтова отъ W косы. Ночью задулъ SW и ледъ снова пошелъ къ берегу губы. Подъ словомъ ледъ я подразумѣваю все громадное еще невзломанное поле, покрывающее проливъ между островомъ Бѣльковскимъ и Котельнымъ шириною въ 15 миль. Вслѣдствіе образованія широкихъ забереговъ съ обѣихъ сторонъ, оно получило движеніе по вѣтру отъ берега одного острова къ другому, причемъ въ моментъ напиранія на берегъ края его, обламываясь, нагромождали у мысовъ торосы и давали съ каждымъ разомъ все большее и большее движеніе всей массѣ. На этотъ разъ нельзя было отступать передъ закраиной льда вглубь бухты. Мы вошли сколько могли въ разбитый ледъ, чтобы имѣть его въ видѣ буфера между судномъ и берегомъ въ случаѣ давленія всей массы. Вскорѣ губу затерло льдомъ и проходъ въ лагуну тоже. Главное поле уперлось во входные мысы и остановилось. Безпрестанно приходилось мѣнять мѣсто, то становясь на нѣсколько часовъ на якорь, то упираясь въ льдину, когда ледъ приходилъ въ движеніе во время отлива или прилива.

«21-го іюля въ огневомъ ящикѣ котла была замѣчена течь, для исправленія которой необходимо было прекратить пары, а между тѣмъ мы нуждались въ нихъ каждую минуту. Вся губа была совершенно забита льдомъ, а «Заря» затерта. Ледъ имѣлъ, тѣмъ не менѣе, движеніе, нажимая судно то къ одному, то къ другому берегу. Приходилось выбираться въ небольшихъ проходахъ между льдинами дальше отъ мелкаго мѣста. При такомъ положеніи судна мы должны были стоять вахту, чередуясь каждые 4 часа».

Приведенная выписка прекрасно характеризуетъ положеніе судна

передъ открытіемъ навигаціи. Офицерамъ тяжело было нести вдвоемъ вахты, которыя смѣнили дежурства, лишь только положеніе осложнилось, тѣмъ болѣе, что на нихъ лежали и другія обязанности. Надо было дѣлать астрономическія наблюденія, вести вахтенный журналъ, понемногу укладываться; лейтенантъ Колчакъ занимался гидрологіей и нѣкоторое время морской фауной.

По метеорологіи, съ сосредоточеніемъ ея на суднѣ, начались четырехчасовыя наблюденія; сила вѣтра измѣрялась теперь анемометромъ. Дневную половину наблюденій я взялъ на себя, а ночныя производилъ вахтенный офицеръ.

24-го іюля вѣтеръ погналъ ледъ къ сѣверо западу. «Зарѣ» удалось, маневрируя среди льда, отчасти форсируя его, стать на якорь въ Нерпичьей губѣ.

Съ 26-го іюля затертое льдомъ судно стало дрейфовать на юго-востокъ, временами освобождаясь ото льда, чтобы снова стать на ледяной якорь и снова поставить себя въ зависимость отъ движенія льда, продолжая вмѣстѣ съ нимъ невольное путешествіе. Западные и сѣверо-западные вѣтры нагнали массу льда.

Около этого времени былъ застрѣленъ первый экземпляръ розовой чайки (Rhodostethia rosea) въ первомъ опереніи. Довольно изящная, небольшая птица, не имѣющая ни одного розоваго пера: этого оттѣнка перья—на брюшной части туловища—появляются лишь у взрослыхъ особей. Мною было составлено подробное описаніе ея примѣтъ и обстоятельствъ, предшествовавшихъ, сопровождавшихъ и послѣдовавшихъ за ея смертью. Убитая чайка была сфотографирована и заключена въ шведскую банку со спиртомъ. Въ память сего приснопамятнаго событія безыменный до сихъ поръ мысъ, знаменитый тѣмъ, что вблизи него была убита рѣдкая птица, получилъ названіе Розоваго. Вскорѣ наша коллекція обогатилась и вторымъ экземпляромъ розовой чайки.

31-го іюля былъ первый закатъ солнца. Кончился полярный день. Заходящее солнце было скрыто отъ насъ облаками.

1-го августа, когда мы всѣ трое сидѣли въ каютъ-компаніи, вахтенный открылъ люкъ и закричалъ: «ваше благородіе, звѣрь какой-то! огромный!» Первая мысль у всѣхъ насъ была о медвѣдѣ. Мы выскочили на палубу, вооруженные винтовками и въ первый моментъ ничего не замѣтили. Но вотъ надъ водою изогнутая дугой появилась огромная бѣлая спина... за ней другая, третья... Это были бѣлухи. Ихъ оказалось штукъ восемь. Плавно поднимаясь надъ водой и снова погружаясь въ воду, громко фыркая и пуская водяные фонтаны, онѣ скоро очутились вдали отъ насъ, по другую сторону судна. А мы все стояли и смотрѣли.

Судно продолжало дрейфовать со среднею скоростью одного узла въ часъ. Къ вечеру 2-го августа мы были уже южнѣе Медвѣжьяго мыса (см. 1-ю ч.). Въ отдаленіи показались Ляховскіе острова (М. Ляховскій).

Нѣтъ ничего скучнѣе этого вынужденнаго плаванія, особенно для моряковъ. Пассивное положеніе, ничѣмъ не осмысленное. Общее настроеніе отражалось и на мнѣ—профанѣ. Ледъ то заключалъ «Зарю» въ свои мощныя объятія, то раздвигался, образуя полынью вокругъ судна. Угрожаемое движущимся льдомъ судно спѣшило стать подъ защиту ледяного поля. Была у насъ и ночная тревога въ ожиданіи ice-pressure (давленія льда), но, по счастью, сомкнувшійся - было вокругъ судна ледъ сталъ мирно расходиться.

Чтобы хоть сколько-нибудь сократить скучные дни ожиданія перемѣны вѣтра, упорно дувшаго съ западныхъ румбовъ, то заходя къ сѣверу, то какъ бы дѣлая тщетную попытку зайти къ югу, мы стали вести «Журналъ каютъ - компаніи», преимущественно юмористическаго содержанія. Заносились туда и статьи обличительнаго характера, какъ, напр., «Турецкія звѣрства членовъ русской полярной экспедиціи» по поводу экспериментовъ in corpore vili надъ совятами; находили мѣсто и стихи съ описаніемъ полярныхъ невзгодъ; иронизировалось надъ нашими не всегда удачными гастрономическими притязаніями въ связи съ автократическими претензіями повара; была и солидная статья о плаваніи.

Когда судно становилось въ безопасную позицію, мы всѣ трое сходились ненадолго въ каютъ-компаніи и начинались разговоры. Разговоры часто вращались около полярныхъ сюжетовъ.

Избалованные вкусными обѣдами изъ оленины, мы безъ особеннаго восторга принялись за консервы и даже отвратительная нерпа была не такъ противна, внося разнообразіе въ наше меню. Ѳома дѣлалъ изъ нерпичьяго мяса котлеты и boeuf à la Stroganoff. Обезжиренное и подвѣргнутое въ теченіе сутокъ вымачиванію въ уксусѣ нерпичье мясо, не теряя своего чернаго цвѣта, въ значительной степени утрачиваетъ амбре смазныхъ сапоговъ. Нашъ поваръ въ приготовленіи жаркого изъ нерпы превосходилъ самого себя. Острыя приправы много содѣйствовали ослабленію непріятнаго вкуса мяса. Изъ пеммикана и норвежскихъ сельдей у насъ приготовлялся недурной форшмакъ.

Наконецъ, 3-го августа мы перешли отъ выжиданія къ активному плаванію. Былъ взятъ курсъ къ Нерпалаху.

Сначала пришлось пробивать себѣ путь черезъ ледъ, причемъ довольно серьезное препятствіе представило старое, многолѣтнее ледяное поле. Вѣтеръ былъ противный. Стали на ледяной якорь и, маневрируя съ помощью переднихъ и заднихъ ходовъ, повернули судно и обошли зловредное поле.

Встрѣчаясь съ однолѣтнимъ льдомъ, хотя бы въ видѣ полей довольно солидныхъ размѣровъ, судно почти не испытывало толчка. А ледъ крошился и кололся. Наоборотъ, сталкиваясь со старыми, многолѣтними полями, судно испытывало сильное сотрясеніе, а на льду только грязное пятно отъ форштевня указывало на мѣсто, куда стукнулось судно.

Послѣ энергичнаго маневрированія во льду, мы вышли въ открытое море. Ледъ попадался рѣдко, тѣмъ не менѣе, благодаря противному сѣверо-западному вѣтру, мы шли со скоростью всего двухъ узловъ въ часъ.

На востокъ отъ насъ простиралась береговая линія съ волнистымъ абрисомъ Урасалахскихъ горъ, а вокругъ—море, море... Виднѣвшіяся, далеко на горизонтѣ льдины, при блескѣ украдкой выглянувшаго изъ-за облаковъ солнца казались кристаллически прозрачными, а порою, сверкнувъ на солнцѣ, напоминали маковки отдаленныхъ церквей. Зеленоватая окраска моря, освѣщеннаго солнцемъ, причудливые узоры облаковъ, огромные тороса, изрѣдка показывавшіеся въ отдаленіи, довершали картину. Солнце, не любившее баловать насъ, скрылось—и картина пріобрѣла суровый, даже мрачный колоритъ.

Когда стихъ неблагопріятный для насъ вѣтеръ, судно пошло по четыре узла въ часъ. Верстъ 80 прошли мы открытымъ моремъ при рѣдкомъ льдѣ. Утромъ 4-го августа ледъ сталъ гуще и массивнѣе, такъ что вриходилось въ буквальномъ смыслѣ продираться изъ полыньи въ полынью, но все-таки часамъ къ 12-ти мы были уже въ виду Розоваго мыса.

Температура, въ самые жаркіе дни лѣта не достигавшая и +15° С на солнечномъ припекѣ, во второй половинѣ іюля, видимо, пошла на пониженіе. Повышаясь maximum до +6° С., къ вечеру она опускалась ниже 0°. Первые дни августа мы были лишены удовольствія видѣть ртутный столбикъ хотя бы максимальнаго термометра выше 0° Вода въ лужахъ на льдинахъ стала замерзать и даже морская вода въ мѣстахъ, закрытыхъ отъ вѣтра, покрывалась ледяной корой. Температура воды на поверхности моря опускалась ниже—1° С. Около того было и на днѣ. Въ ночь съ 3-го на 4-е августа шелъ снѣгъ. Туманы бывали часты.

Около четырехъ часовъ дня 4-го августа, пройдя между довольно рѣдкимъ льдомъ, мы были въ почти свободной ото льда Нерпичьей губѣ, откуда вошли въ лагуну. Тамъ плавало всего нѣсколько льдинъ; изъ нихъ—двѣ-три глыбы стараго льда, зашедшія съ моря.

Промышленники, возлѣ моряковъ научившіеся обхожденію, выкинули на банѣ флагъ, импровизированный изъ какой-то ветоши, и съ радостными восклицаніями стояли на берегу. Съ лаемъ и визгомъ бросились псы къ концу косы.

Судно плавно прошло сквозь узкій проходъ и стало на якорь въ лагунѣ.

В. Н. Катинъ-Ярцевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОПРАВКА. На страницѣ 103 (2-я книжка „М. Б.") 13-я строка сверху напечатано: „*предлагалъ*". Слѣдуетъ читать „*предполагалъ*".

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Фрапанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Продолженіе* *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

— Кто этотъ человѣкъ, который только что отъ васъ ушелъ?

Бернштейнъ сидѣлъ на корточкахъ передъ своею печкой, изъ которой онъ только что вычистилъ золу, и держалъ печную рѣшетку почернѣвшими отъ угля пальцами. Онъ взглянулъ на спрашивавшую удивленными глазами, полуоткрывъ ротъ и поднявъ брови.

Іозефина стояла въ дверяхъ, широко разставивъ руки и придерживаясь одною рукой за раму двери, а другой за ручку. Сквозной вѣтеръ слегка развѣвалъ ея темно-каштановые, волнистые волосы и шелестилъ бумагами на письменномъ столѣ Бернштейна.

Сидящій на корточкахъ Бернштейнъ, поджалъ подъ себя свои длинныя ноги и съежился. Ему было холодно въ его черной русской рубашкѣ изъ легкой шерстяной матеріи.

— Э, проворчалъ онъ угрюмо—для этого, что ли вы нарочно пришли сюда? Это странно.

— Почему странно?

Іозефина стояла блѣдная и неподвижнымъ, напряженнымъ взоромъ смотрѣла на своего коллегу и жильца, сидящаго на полу, у ея ногъ. Она машинально повторила свою фразу.

— Впервые слышу я отъ васъ подобный вопросъ!—сказалъ Бернштейнъ, взглянувъ на нее своими добродушными глазами.

На лицѣ Іозефины мелькнуло легкое замѣшательство.

— Развѣ я не могу васъ спрашивать?—проговорила она слегка смущеннымъ тономъ.

— Нѣтъ,—проворчалъ Бернштейнъ, съ ожесточеніемъ размѣшивая уголья.—Но я въ первый разъ вижу въ васъ такое любопытство...

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

*

— У меня нѣтъ времени; я должна сейчасъ уйти,—сказала Іозефина, нервно постукивая ногой.

— Э, закройте-ка дверь, холодно!

— Сейчасъ. Но я должна идти. И такъ?..

Бернштейнъ снова пытливо посмотрѣлъ на нее. Онъ былъ непріятно пораженъ. Онъ чихнулъ и сказалъ:

— Эге! мнѣ это не нравится. Во-первыхъ: вы спрашиваете, точно это русская дѣвица: кто онъ, да какъ его зовутъ, какая у него семья? Эхъ!..

— Хорошо, сегодня, я вижу, съ вами нельзя разговаривать.— Іозефина наполовину приперла дверь.—Что съ вами?

— Холодно! вскричалъ Бернштейнъ съ притворнымъ раздраженіемъ.—Эхъ!

— Солнце свѣтитъ,—возразила Іозефина и взглянула на окно. Широкій желтоватый лучъ солнца проникалъ черезъ стекло и вырисовывалъ большіе, свѣтлые квадраты на паркетномъ полу.

— Солнце свѣтитъ!

Голосъ Іозефины звучалъ взволнованно. Она смотрѣла въ окно напряженнымъ взглядомъ.

— Отчего вы сегодня такая... такая чистосердечная? У васъ такой видъ, такой...

— Какой же?—спросила Іозефина разсѣянно.

— Я не знаю! — Бернштейнъ изо всей силы хлопнулъ дверцами печки, затѣмъ вытянулъ свои длинныя руки, вскочилъ и, стряхивая золу со своихъ коричневыхъ поношенныхъ панталонъ, сказалъ:

— Да сжальтесь же вы надо мной! Войдите въ комнату!

Онъ освободилъ изъ ея рукъ двери и заперъ ихъ, заставивъ ее войти въ комнату.

— Или вы уже хотите бѣжать?—спросилъ онъ съ нѣсколько лукавымъ видомъ.

— Да. Прощайте, мнѣ некогда!—проговорила Іозефина, все такъ же разсѣянно.

— Нѣтъ, побудьте одну минуту.

Бернштейнъ пододвинулъ ей соломенное кресло, въ которомъ обыкновенно сидѣлъ самъ. Это кресло онъ самъ украсилъ покрышкой изъ пестраго русскаго ситца.

Іозефина присѣла.

— Скажите, чего вы отъ меня хотите?—спросилъ Бернштейнъ, расхаживая по комнатѣ и похлопывая руками, точно кучеръ.

— Мнѣ до этого нѣтъ абсолютно никакого дѣла,—сказала Іозефина, и взявъ какую то брошюрку, начала хлопать ею по столу.

— Вотъ видите, вы какая! воскликнулъ Бернштейнъ, останавливаясь передъ нею и поднимая указательный палецъ лѣвой руки.

— Какая же?

— Я не знаю...

Бернштейнъ снова заходилъ по комнатѣ, потомъ вдругъ на его лицѣ появилась плутовская усмѣшка, которая придала ему необыкновенно моложавый видъ, и онъ проговорилъ!

— Непремѣнно надо ему разсказать.

— Кому? Почему?

Іозефина встала.

— Да, да, ему разсказать! Мой товарищъ очень обрадуется,—поддразнивалъ Бернштейнъ, смѣясь.

— Ахъ! совершенно невозможно разговаривать съ вами,—проговорила съ досадой Іозефина.—Онъ... русскій?

— Русскій? А то какъ же? Мои товарищи, надѣюсь, всѣ русскіе. Вы уже бѣжите? Нѣтъ, посидите еще!

— Развѣ русскіе такіе черные?

— Онъ достаточно черенъ, но вѣдь у насъ въ Россіи много народностей. Мы поемъ, какъ и вы въ вашемъ Гейдельбергѣ: «Мое отечество должно быть большимъ».

Іозефина дружески размѣялась:

— Ахъ Бернштейнъ, никакъ-то вы не выучитесь говорить по-нѣмецки! Выговоръ вашъ ужасенъ.

— Эхъ, нѣмецкій языкъ! Я его давно знаю, но никогда не выучусь говорить на немъ. Онъ невѣроятный. Я всегда буду такъ произносить.

Іозефина разсѣянно посмотрѣла на брошюрку, которую держала въ рукахъ, и спросила:

— Былъ ли онъ съ вами въ Гейдельбергѣ?

Бернштейнъ уставился на нее.

— Что это значитъ? Въ первый разъ я вижу, что вы такъ-таки заинтересованы. Нѣтъ, это надо тотчасъ же разсказать ему! Вотъ-то онъ обрадуется!—повторилъ онъ дразнящимъ тономъ.

— Вы этого не сдѣлаете!—Іозефира серьезно посмотрѣла на его смѣющееся лицо.

Бернштейнъ былъ въ восторгѣ; онъ даже присѣлъ отъ смѣха.

— Нѣтъ! Зачѣмъ это онъ вамъ понадобился? Что онъ васъ такъ интересуетъ? Это любопытно? Долженъ я ему сказать?

Но Іозефина приняла серьезный видъ; на ея взволнованномъ лицѣ появилось почти угрожающее выраженіе.

— Еслибъ я не знала васъ такъ хорошо, то могла бы подумать, что вы меня также нисколько не знаете!..—сказала она строго и печально и бросила брошюрку, которую держала въ рукахъ, на столъ.

Бернштейнъ перестать смѣяться. Онъ смутился и опять сталъ возиться съ печкой, потомъ вдругъ сказалъ какимъ-то страннымъ точно сдавленнымъ голосомъ:

— Да, и онъ меня также спрашивалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскрикнула Іозефина и краска смущенія залила ея лицо, отъ чего оно сразу помолодѣло. Бернштейнъ также сильно покраснѣлъ и, быстро отвернувшись, сказалъ:

— Вѣдь вы, кажется, ему отворили дверь.

Іозефина стояла съ опущенною головой и съ прежнимъ смущеннымъ видомъ. Губы у нея были полуоткрыты, словно ее мучила жажда.

— Что же онъ такое могъ спрашивать?

— Приходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: «Кто была эта высокая женщина? Была ли это «она»?—отвѣчалъ Бернштейнъ:

Іозефина сжала тетрадь, которую держала въ рукахъ, и, пробормотавъ дрожащими губами: «Я возьму это съ собой», вышла изъ комнаты.

Было воскресенье. Іозефина вернулась изъ клиники утомленная и измученная. Она пришла изъ такого мѣста, гдѣ не бываетъ праздниковъ. Ея платье пропахло іодоформомъ, а руки она, какъ всегда, вымыла растворомъ сулемы. Она дышала тяжело послѣ пребыванія въ больничномъ воздухѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а передъ глазами ея стояли ужасныя картины, на которыя она тамъ насмотрѣлась. Въ особенности одна картина преслѣдовала ее: обожженный человѣкъ, не могущій закрыть рта, ужасный!..

Но еще тяжелѣе былъ для нея ударъ, когда она не нашла на привычномъ мѣстѣ маленькую дочь ткача. Дѣвочка уже начала поправляться и щечки у нея стали круглѣе, но хорошія времена пришли для нея къ концу! Родители ея не могли, а община не захотѣла дольше платить. И вотъ ее выписали изъ клиники для того, чтобы она «поправлялась дома»! Іозефина понимала, однако, что дома она не можетъ поправиться; она умретъ за отсутствіемъ ухода, а также и оттого, что и ей придется работать. Притомъ же она можетъ заразить своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ. И тогда ихъ по очереди будутъ отвозить въ клинику, гдѣ ихъ будутъ держать нѣкоторое время и лечить, а потомъ отправятъ домой... умирать!

Какъ всегда, послѣ особенно тяжелыхъ впечатлѣній, Іозефина не въ состояніи была идти тотчасъ же къ своимъ дѣтямъ. Сегодня она чувствовала особенную потребность въ тишинѣ, въ свѣжемъ воздухѣ, въ одиночествѣ, и потому она пошла по улицамъ, которыя шли въ гору. «Только вздохнуть пошире грудью!» думала она, борясь противъ вѣтра, который рвалъ ея платье и мѣшалъ ей идти. На встрѣчу ей попадались семьи, возвращающіяся съ прогулки, и веселыя ребятишки бѣжали впереди.

«Ужъ не вѣтеръ ли такъ на меня дѣйствуетъ?» Іозефина разсѣянно оглянулась. Ближайшія горы были рѣзко очерчены и казались изсиня-черными, но снѣжныхъ вершинъ не было видно. Разорванныя

облака клубились и быстро неслись по сѣрому небу. Темныя деревья дрожали, точно охваченныя какимъ то внутреннимъ волненіемъ, даже тогда, когда затихалъ вѣтеръ.

Было тепло и земля была теплая. На желтоватыхъ лужайкахъ лежали и дымились, приготовленныя для удобренія, кучки навоза; въ воздухѣ пахло весной, распѣвали птички, чирикали воробьи.

Никогда одиночество такъ не тяготило Іозефину. Ея жизнь казалась ей, какимъ-то тяжелымъ, ужаснымъ сномъ. Ахъ еслибъ проснуться и почувствовать себя снова свободной! Она глубоко и часто дышала, вдыхая сырой, но живительный воздухъ горъ.

Іозефина остановилась у маленькой церкви, лишенной всякихъ украшеній, съ черною крышей и узкими окошками. Къ церкви приближалась сельская свадебная процессія въ двухъ экипажахъ. Но ни гости, ни невѣста не отличались ни молодостью, ни весельемъ. Всѣ были одѣты въ темныя платья; невѣста въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ съ вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ въ волосахъ, шла твердыми шагами, и держалась прямо, ни на кого не обращая вниманія. Женихъ, въ высокомъ цилиндрѣ, красный отъ смущенія, разговаривалъ черезъ плечо съ пожилою женщиной, которая засовывала ему въ карманъ сюртука большой бѣлый платокъ.

Іозефина разсѣянно смотрѣла, какъ эти люди, не спѣша, входили на маленькое рѣзное крыльцо, поддерживаемое двумя столбами и по очереди открывали церковныя двери, украшенныя мѣдными гвоздями, исчезая затѣмъ въ полумракѣ маленькой церкви.

«И я здѣсь вѣнчалась», вспомнила Іозефина. Она любила эту маленькую, бѣлую церковь и ея мѣстоположеніе, высоко надъ городомъ, какъ будто на выступающемъ утесѣ. Ей нравилась также неправильной формы площадка наверху, ограниченная тремя сельскими домиками, съ колодцомъ по серединѣ и открытымъ видомъ на круто спускающіяся съ трехъ сторонъ деревенскія улицы, съ массою садовъ, виноградниками, плодовыми деревьями и поросшими плющемъ стѣнами.

Но сегодня Іозефинѣ представлялось все въ мрачномъ свѣтѣ и даже прекрасное голубовато-зеленое озеро, разстилавшееся передъ нею, выглядывало какъ-то угрюмо.

Золотая стрѣлка на небесно-голубомъ циферблатѣ маленькихъ башенныхъ часовъ показывала пять часовъ. «Пора вернуться. Дѣти ждутъ меня. И Лаура Анаиза тоже. И притомъ у меня еще такъ много дѣла» подумала Іозефина. Однако она не пошла назадъ, а продолжала медленно идти впередъ, поднимаясь въ гору. Вѣтеръ какъ будто усилился и со свистомъ и ревомъ крутилъ и разметывалъ сухіе листья и съ особенною яростью дулъ изъ за угла домовъ. Красные и желтые листья кустарниковъ съ шумомъ падали на землю и гонимыя вѣтромъ, подпрыгивали на дорожкѣ, точно лягушки.

— Ну, тутъ надо крѣпко держаться на ногахъ, чтобы не сдуло вѣтромъ—замѣтилъ, добродушно улыбаясь какой то старичокъ въ мѣховой шапкѣ, проходящій мимо Іозефины и пустилъ ей вслѣдъ струю табачнаго дыма изъ своей трубочки.

«Еще немного», думала она, забираясь все выше. Она ощущала уже благодѣтельное дѣйствіе быстраго движенія и борьбы съ вѣтромъ, которая оживляла ее.

«Еще немного! Только до опушки лѣса!» Кое-гдѣ разбросанные домики казались Іозефинѣ такими привѣтливыми, веселыми. Въ одномъ, низенькомъ, одинокомъ домикѣ было открыто окно и въ немъ виднѣлась кудрявая головка дѣвушки, смѣявшейся и что то говорившей, стоявшему подъ окномъ человѣку, въ зеленомъ фартукѣ и коричневой вязанной фуфайкѣ, съ ручною пилою въ рукѣ. Дѣвушка предлагала ему кусокъ пирога за прекрасную длинную стружку, которую онъ привѣсилъ спереди къ своей курткѣ, но онъ не хотѣлъ отдавать ее, а поддразнивая, поглаживалъ своими почернѣвшими пальцами, стараясь въ то же время изловчиться и выбить изъ рукъ дѣвушки кусокъ пирога. Іозефина не могла удержаться отъ улыбки, когда наконецъ раздалось побѣдоносное восклицаніе и кусокъ пирога очутился внизу, въ колючемъ кустарникѣ.

«До опушки лѣса»! Іозефина прибавила шагу и вскорѣ дома и люди остались позади. Ни одного гуляющаго не было видно на узкой, крутой тропинкѣ, идущей между лугами. Съ вѣтвей широко разросшагося дерева, на отлогости горы, капали блестящія водяныя капли на траву внизу, покрытую инеемъ, который еще не успѣлъ растаять въ тѣни. Пѣніе птицъ разносилось вѣтромъ точно звонъ стеклянныхъ колокольчиковъ.

«Будетъ снова весна», подумала Іозефина и нагнулась, чтобы сорвать первый цвѣточекъ, распустившійся въ полѣ.

«Я еще сильна и снова будетъ весна!» Она посмотрѣла на солнце, которое, словно громадный красный цвѣтокъ, повисло на горизонтѣ. Долину застилалъ какой-то лиловато-красный туманъ, и городъ какъ будто задыхался въ наполнявшемъ его дымѣ, но зато горы вдругъ очистились отъ облаковъ и ледники засверкали и окрасились нѣжнымъ золотисто-розовымъ свѣтомъ. Озеро, внизу, у ногъ Іозефины, также отливало золотомъ, а разорванныя облака мчались по небу и сіяли мѣстами всѣми цвѣтами радуги, словно яркія перья какой-нибудь гигантской птицы.

— Ужъ не это ли райская птица? — Спросила ее однажды Рѣсли, когда онѣ вмѣстѣ смотрѣли на такой же великолѣпный закатъ. И теперь Іозефина улыбнулась, а въ глазахъ у нея появились желтые и зеленые круги! Блескъ солнца ослѣплялъ ее, и она испытывала нѣчто въ родѣ легкаго головокруженія.

Вдругъ на тропинкѣ, залитой сверкающими лучами солнечнаго за-

ката, показался высокій, стройный человѣкъ. Какая-то особенная гордая манера держаться отличала его отъ тѣхъ людей, съ которыми Іозефинѣ приходилось встрѣчаться до сихъ поръ, и поэтому она издали узнала его: это былъ товарищъ Бернштейна. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ и шелъ, высоко поднявъ голову, навстрѣчу Іозефинѣ. Въ его большихъ темныхъ глазахъ появилось привѣтливое выраженіе и казалось, что изъ глубины его очей посыпались, словно дождь изъ сверкающихъ звѣздъ, всевозможныя добрыя пожеланія на встрѣтившуюся ему на дорогѣ женщину. Онъ широко размахнулъ шляпой въ знакъ привѣтствія и посторонился совсѣмъ на край крутой тропинки, чтобъ Іозефина могла пройти мимо, не задѣвая его, такъ какъ тропинка была слишкомъ узка для двоихъ.

Не останавливаясь, не замедляя шага, они прошли, поклонившись другъ другу. Іозефина видѣла его одно мгновеніе около себя, его рѣзко очерченный профиль, съ курчавою остроконечною бородкой, точно у камеи; затѣмъ онъ прошелъ мимо и скрылся, а она пошла дальше, къ темному, безмолвному лѣсу. Она двигалась какъ-то безсознательно и все видѣла передъ собою странную, темную голову, столь знакомую ей по стариннымъ картинамъ и рисункамъ. Этотъ чужой человѣкъ казался ей близкимъ не потому только, что его черты были ей знакомы по этимъ картинамъ! Ей казалось, что она знаетъ мысли, которыя скрываются за его высокимъ, бѣлымъ лбомъ. Еще молоденькою дѣвушкой она мечтала о такомъ чудномъ свѣтломъ выраженіи доброты, которое разливалось по его серьезному лицу. Значитъ, такой человѣкъ жилъ на свѣтѣ? Значитъ эта скорбная земля все-таки богата?

Іозефина внезапно повернула назадъ и пошла къ городу, красные круги и зеленые пятна танцовали по изжелто-сѣрой травѣ, по золотисто-коричневому кустарнику и на фіолетовомъ вечернемъ небѣ, на которомъ солнца уже не было видно.

Такъ богата эта юдоль печали?

Всю дорогу у Іозефины горѣли щеки, и она чувствовала, какъ будто она затѣмъ только и пошла сюда, чтобы найти того, кого она не знала.

Когда Іозефина подходила къ дому, то увидѣла на площадкѣ, передъ лѣстницей, группу мальчугановъ. Они дрались, сжатые кулаки мелькали въ воздухѣ; двое мальчугановъ уже лежали на землѣ, но сцѣпившись продолжали тузить другъ друга.

— Что это такое?—вскричала Іозефина.—Встань сейчасъ же, Германнли, отпусти его, говорю тебѣ.

Она схватила мальчика за плечи и заставила его подняться. Мрачно и сердито поглядѣлъ онъ на мать. Изъ носа у него сочилась кровь, глаза были опухши, а праздничное платье все выпачкано грязью. Проводя грязными руками по своимъ взъерошеннымъ рѣдкимъ волосамъ, Германнли далеко не имѣлъ вида побѣдителя, хотя его противникъ, краснощекій, плотный мальчуганъ и находился подъ нимъ на землѣ.

— Хорошо ты выглядишь! Изъ-за чего ты полѣзъ въ драку,— спросила его Іозефина, сравнивая, противъ воли, его блѣдное не по лѣтамъ серьезное личико, со свѣжимъ дѣтскимъ лицомъ его товарища.

Германнли оттолкнулъ руку матери и сказалъ:—Ну, ну, мама у насъ было собраніе по случаю праздника, и вотъ мы рѣшили...

— Вовсе нѣтъ, не мы. Нашъ учитель придумалъ это,—перебилъ его стоящій рядомъ мальчикъ.

— Да, онъ придумалъ, чтобы мы, вмѣсто того чтобы жечь праздничные костры, эти деньги отдали бы бѣдной женщинѣ,—продолжалъ Германнли увѣреннымъ тономъ.

— Да, да, вмѣсто того чтобы тратить ихъ на дрова для увеселительныхъ костровъ,—прибавилъ совсѣмъ маленькій мальчуганъ.

— Бѣдной женщинѣ, у которой больше нѣтъ мужа,—крикнулъ кто-то изъ стоящихъ въ заднихъ рядахъ и громко разсмѣлся, за нимъ разсмѣялся и другой.

Германнли стремительно повернулся, чтобы ударить того, кто смѣялся и попалъ матери въ грудь. Она обняла его обѣими руками и крѣпко прижимала къ себѣ.

— Это Эбштейнъ! Это онъ сдѣлалъ такое дурацкое предложеніе,— кричалъ мальчикъ стараясь вырваться изъ рукъ матери. Его отвисшая нижняя губа тряслась отъ злобы, а глаза наполнились слезами безсильной ярости.

Мальчики вдругъ разбѣжались; нѣкоторыя изъ нихъ остановились у отдаленныхъ деревьевъ, другіе же быстро убѣжали, не оглядываясь.

— Эбштейнъ дуракъ и мерзавецъ!—кричалъ визгливымъ голосомъ Германнли и ни за что не хотѣлъ идти въ домъ.

Іозефина почувствовала, какъ прежняя тяжесть навалилась ей на сердце. «Они обо мнѣ говорили, подумала она.—Уличные дѣти смѣются надъ моимъ несчастьемъ!»

Руки ея безсильно повисли, а издали до нея доносилось насмѣшливое, полузаглушенное восклицаніе: «Бѣдной женщинѣ, у которой нѣтъ больше мужа!»

Германнли вырвался изъ ея рукъ и перескочилъ черезъ изгородь, за которою, какъ онъ думалъ, скрывался насмѣшникъ.

«Вотъ моя жизнь!» думала несчастная женщина.

Собраніе дѣтей разстроилось, такъ какъ мальчики всѣ разбѣжались. Германъ вернулся. Онъ громко плакалъ, не будучи въ силахъ сдерживаться. Своего противника онъ не нашелъ за заборомъ и теперь пронесся, не обращая вниманія на мать, мимо нея, прямо къ дверямъ дома. Видъ его блѣднаго, разстроеннаго личика мучительно напомнилъ ей другое лицо, которое она видѣла также мокрымъ отъ слезъ и искаженнымъ отъ ярости. Она съ трудомъ овладѣла собой и сказала сыну:

— Не стоитъ такъ выходить изъ себя. Пойдемъ.

Но мальчикъ оттолкнулъ ее и почти зарычалъ:

— Гдѣ папа? Скажи! Они разсказываютъ такія вещи! Я хочу къ папѣ. Я побѣгу искать его, вотъ ты увидишь. Онъ сказалъ... знаешь, что сказалъ Эбштейнъ? Что мы должны тебѣ отдать деньги, потому что ты—бѣдная женщина и у тебя также нѣтъ мужа!

Его тусклые, сѣрые глаза блеснули коварно и злобно, и что то безконечно жалкое, несчастное чувствовалось во всемъ существѣ этого маленькаго, некрасиваго мальчика, надъ которымъ уже тяготѣла злая судьба.

Мать молча обняла его тощую фигуру и насильно увлекла его за собою въ комнату. Тамъ она остановилась, держа плачущаго мальчика въ своихъ объятіяхъ.

— Твоя мать—бѣдная женщина, мой мальчуганъ,—прошептала она, вздыхая и нагибаясь къ его волосамъ.—Они правы... Бѣдная женщина!

Но замѣтивъ, что мальчикъ начинаетъ сильнѣе плакать, она сдержалась и прибавила:

— Но не такъ бѣдна, это ты знаешь. Не безпокойся же...

Германъ поднялъ голову и спросилъ:

— Папа умеръ?..

— Нѣтъ.

— Вернется онъ когда-нибудь домой?

— Да.

— Гдѣ же, папа?

— Ты знаешь вѣдь, Германнли,

— Это неправда!—вскричалъ мальчикъ.—Мои товарищи говорятъ, что онъ вовсе не въ Африкѣ. Онъ въ другомъ мѣстѣ.

Іозефина крѣпко прижала его плачущее личико къ своей груди. Она дрожала отъ волненія и страха. Но вѣдь такъ и должно было быть! Эта страшная минута должна была наступить рано или поздно. Развѣ она не ожидала этого?

«Но если онъ узнаетъ правду, то онъ не въ состояніи будетъ здѣсь оставаться. Вѣдь этого ни одинъ ребенокъ не въ состояніи вынести!» Она чувствовала это и у нея захватывало дыханіе отъ ужаса.

— Я думаю, что я лучше знаю, нежели твои товарищи. Положись на меня,—сказала она.

— Поклянись мнѣ, мама!—прошепталъ мальчуганъ, пряча голову въ складкахъ платья матери.

— Да, да, я клянусь.

Германнли внезапно выпрямился. Его лицо исказилось.

— Мама, мама—теперь ты поклялась!—вскричалъ онъ. Въ его тонѣ слышались угрозы, сомнѣніе и обвиненіе.

Іозефина попробовала обратить это въ шутку:

— Зачѣмъ же сейчасъ клясться? Довольно сказать: да, да или нѣтъ, нѣтъ. Развѣ же ты незнаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мама!—страстно воскликнулъ мальчикъ.— Ничего не поможетъ! Ты поклялась!—Германъ началъ прыгать по комнатѣ и потомъ бросился къ дверямъ:—я! скажу Эбштейну, скажу! закричалъ онъ и убѣжалъ.

Іозефина осталась сидѣть въ шляпѣ и пальто, безсильно опустивъ руки и не зная, что дѣлать. Ей казалось, что какая-то сѣть опутываетъ ее и не даетъ ей вздохнуть свободно. Будущее представлялось ей такимъ мрачнымъ. «Дѣти! дѣти!..»

Вдругъ за дверями раздался звонкій голосокъ Рёсли. Дѣвочка вбѣжала въ комнату и начала прыгать вокругъ матери, совершенно не замѣчая ея печали.

— Мама! мама! Что я тебѣ скажу!—кричала она.—Моя дорогая, милая мамочка! Какую я узнала прекрасную тайну! Тамъ въ погребѣ... Ты должна пойти со мною туда. Это между картофелью и угольями. О, я открыла это, но это тайна, и ты никому на свѣтѣ не должна разсказывать этого. Слышишь, мама?

— Я устала,—сказала Іозефина и облокотилась на спинку стула.— Я такъ далеко ходила, моя дорогая дѣвочка, и ужасно устала. Въ другой разъ...

Но необузданная дѣвочка вскарабкалась на колѣни къ матери и сняла съ нея шляпу. Она начала гладить ее по щекамъ.

— О нѣтъ, мама, сейчасъ, пойдемъ сейчасъ! Эта тайна такъ прекрасна! Ты увидишь. Но ты должна поклясться, что не скажешь ни одному человѣку. Поклянись же, поклянись, мама! Надо вотъ такъ сложить два пальца, какъ говоритъ Лаура-Анаиза...

Рёсли встала на цыпочки передъ матерью и начала быстро кружиться. Ея каштановые кудри разлетались во всѣ стороны. Стащивъ передникъ съ одного плеча, она завертѣла его свободный конецъ вокругъ себя:

— Мы такъ всегда дѣлаемъ во время гимнастики, мама! Пойдемъ пойдемъ сейчасъ... Я всегда занимаюсь гимнастикой вмѣстѣ съ сестрами Ганшельнъ. Я могу ихъ поднять вотъ такъ, высоко!

Дѣвочка влѣзла на стулъ, съ котораго встала Іозефина и, выпрямивъ ручонки вверхъ, съ крикомъ радости, вскочила къ матери на спину.

— Тайна, тайна, моя тайна! Она—бѣлая! Она—прекрасная!—распѣвала Рёсли, прыгая со ступеньки на ступеньку лѣстницы и мотая во всѣ стороны своею кудрявою головкой. Затѣмъ она вдругъ вернулась и принесла коробочку спичекъ.—Тайна находится въ темнотѣ, мама, потому-то она и тайна!—прибавила дѣвочка, широко раскрывъ свои глазенки и уставившись на мать.—Ты одна только, мамочка, должна видѣть ее!

Своенравнымъ движеніемъ своихъ маленькихъ ручекъ дѣвочка повернула ключъ въ висячемъ замкѣ и зажгла спичку, довольная и

счастливая, что мать находится возлѣ нея, близко, близко! И что она можетъ показать ей что-то особенное, удивительное такое!..

— Сюда, сюда, смотри сюда! — кричала дѣвочка, съ торжествомъ освѣщая мерцающимъ голубоватымъ огонькомъ спички уголъ около груды картофеля пустившаго бѣлые, длинные ростки, которые словно ощупью искали свѣта и земли.—Цвѣтокъ! Чудная тайна! Смотри!

Мать прижала дѣвочку къ себѣ. Ея серьезное лицо потеряло прежнее мучительное выраженіе.

— Да, Рёсли! Да, моя дорогая крошка,—шептала она.

Странное волненіе овладѣло Іозефиной, когда въ полутьмѣ грязнаго погреба она увидѣла нѣжный бѣлый цвѣтокъ гіацинта, луковица котораго, очевидно, была случайно заброшена въ погребъ и здѣсь, въ темнотѣ и сырости, пустила ростки и дала цвѣтъ. Дѣвочка жгла спички и при ихъ невѣрномъ, быстро угасающемъ свѣтѣ мать и дочь нагнулись надъ благоухающимъ цвѣткомъ, этимъ чуднымъ проявленіемъ жизни.

— Бѣлый, мамочка, совершенно бѣлый!—шептала малютка торжественно.—Видишь ты теперь? Неправда ли, это прекрасная тайна?

Прелестный бѣлый цвѣтокъ держался такъ твердо и прямо на множествѣ бѣлыхъ голыхъ корней; точно онъ стоялъ на собственныхъ ногахъ и какъ будто его появленіе въ этомъ темномъ углу погреба не представляло ничего особеннаго. Корни, луковица, лепестки все это было воскового бѣлаго цвѣта, но растеніе не имѣло болѣзненнаго вида и не было искривлено. Прелестно изогнутые листочки съ тонкими прожилками, бѣлые прозрачные колокольчики, такіе нѣжные, чистые, что можно было сквозь нихъ разсмотрѣть внутренность цвѣтка, все это поражало своимъ изяществомъ и красотой и казалось скорѣе продуктомъ фантазіи, нежели дѣйствительностью, какимъ-то сказочнымъ цвѣткомъ, идеальною мечтой...

Мать и дочь стояли, крѣпко обнявшись. Въ душѣ Іозефины звучала какая-то странная, невѣдомая ей до сихъ поръ, новая чудная мелодія. Этотъ незнакомецъ, котораго она встрѣтила, этотъ цвѣтокъ и дитя—не существовало ли между ними какой нибудь таинственной связи? Не было ли между этими явленіями страннаго, изумительнаго и необъяснимаго сходства?

Неужели бѣдная земля такъ богата? Откуда взялся этотъ новый лучъ свѣта, дающій счастье! Чудо изъ чудесъ!

— Мое дитя! шептала она, прижимая Рёсли.—Моя радость! Мой новый цвѣточекъ!.. Что совершается предо мною? Была я слѣпа до сихъ поръ.

Ребенокъ чувствовалъ нѣжность матери. Какъ будто теплая волна охватила ее и понесла, и она дрожала отъ восторга.

— Что то скажутъ бабочки, когда онѣ увидятъ этотъ цвѣтокъ, мама? вдругъ сказала дѣвочка.

Іозефина вздрогнула:

— Ни одна бабочка не прилетитъ сюда, дитя,—отвѣчала она.

— А пчелы? Что скажутъ пчелы?

— Теперь зима, Росли. Всѣ пчелки спятъ.

— Ну, а солнце, мама?

— Солнце, дитя? Нѣтъ, солнце не можетъ увидѣть этотъ цвѣтокъ.

— О, какъ жаль, мама, какъ жаль! Отчего цвѣтокъ не долженъ видѣть солнца?

— Если солнце его коснется, то цвѣтокъ умретъ и засохнетъ.

— Умретъ и засохнетъ? Нѣтъ!—вскричала Рёсли, держа ручонки надъ цвѣткомъ словно охраняя его.—Нѣтъ! Я устрою для него домикъ изъ своихъ рукъ. Нѣтъ, онъ не долженъ умереть, не долженъ, мама!

Голосъ ребенка былъ полонъ печали. Мать—она казалась такою молодою въ эту минуту!—ласково провела рукой по головкѣ ребенка и сказала мечтательно:

— Луна будетъ освѣщать его, и онъ будетъ блестѣть лучше всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Будетъ сверкать нервною красотой и нигдѣ, въ лѣсу, въ полѣ, въ саду, не найдется ему подобнаго!

Дѣвочка, внѣ себя отъ восторга, цѣловала платье матери.

— Да! да! шептала она, точно въ опьяненіи—Разскажи еще, мама, еще, еще...

— Среди мрака и забвенія въ грязной, печальной и лишенной свѣта ямѣ расцвѣлъ этотъ цвѣтокъ и его красота—это не есть красота этого міра: этотъ цвѣтокъ нѣжнѣе, тоньше, воздушнѣе всѣхъ другихъ цвѣтовъ, растущихъ на солнцѣ, и безукоризненно чистый возвышается онъ среди этой грязи и сіяетъ тѣмъ ярче и благоухаетъ тѣмъ сильнѣе...

Іозефина говорила все тѣмъ же мечтательнымъ тономъ, и дѣвочка слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Мама, развѣ сказка кончилась? Ты знаешь такія чудныя сказки, мама! Но... развѣ это не грустно... этотъ цвѣтокъ!..

Въ голосѣ ребенка слышалось точно рыданіе.

— Можетъ быть и грустно—замѣтила задумчиво Іозефина.

— И цвѣтокъ останется тутъ одинъ?

— Мы будемъ приходить сюда каждый день.

— Бѣдный цвѣточекъ! Не правда ли, мама?

— Бѣдный цвѣточекъ!

— Одинокій, мама.

— Одинокій.

Іозефина всегда вращалась въ мужскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ сложившейся судьбы или собственной склонности, но она какъ-то скорѣе сближалась съ мужчинами, нежели съ женщинами.

Она рано потеряла мать, и сестры ея рано удалились изъ дома. Добрый, умный отецъ, старавшійся развить всѣ ея природныя способности, трудолюбивый братъ, учившійся вмѣстѣ съ нею, замѣнили ей сестеръ и мать. Когда ея братъ въ молодыхъ годахъ погибъ на Явѣ, во время ученой поѣздки, то она сдружилась съ однимъ изъ его самыхъ близкихъ товарищей, взгляды котораго она вполнѣ раздѣляла. Черезъ этого-то товарища она и познакомилась съ Георгомъ Гейеромъ, единственнымъ человѣкомъ, который увлекъ ее не своими рѣчами или интересами, а возбудилъ въ ней элементарное чувство страсти, причемъ она совершенно не могла отдать себѣ отчета, за что она любитъ его. Оба, одинаково страстные темпераменты, они были охвачены однимъ и тѣмъ же пламенемъ. Но у мужчины пламя быстро погасло и только осталась скрытая ненасытная чувственность, погубившая его жизнь и жизнь его жены и дѣтей. Ея любовь питалась воспоминаніями и надеждой, а также гнѣвнымъ и мучительнымъ чувствомъ состраданія къ отверженному. Въ постигшемъ ея несчастьѣ, она чувствовала себя передъ нимъ болѣе сильной; она была защитницей и поддержкой для него. Давно уже она перестала требовать отъ него чего нибудь для себя лично и не ждала ничего. Вообще, ни отъ него, ни отъ какого либо другого мужчины, кромѣ своего отца, она бы ничего не приняла. «Давать, всегда только давать! Свою работу, свои мысли, свою душу, свою кровь! Хорошо, что у меня есть что отдавать другимъ! Какъ пріятно грудью давать отпоръ бурѣ»,—думала она и улыбаясь припоминала свое дѣтство и тотъ восторгъ, который она испытала, однажды, когда принесла тяжелый пакетъ своему отцу, находившемуся за городомъ, на опытной станціи. Это были книги, получки которыхъ онъ ожидалъ давно. Въ тотъ день также дулъ сильный вѣтеръ, противъ котораго она боролась съ трудомъ, прижимая къ груди тяжелый пакетъ и карабкаясь по крутой, недавно проложенной тропинкѣ. Вѣтеръ сорвалъ съ нея шляпу и далеко занесъ ее, а она должна была гнаться за шляпой съ тяжелымъ пакетомъ въ рукахъ. Какъ билось ея сердце отъ радостной мысли, что дорога такая крутая и пакетъ такой тяжелый, а она побѣждаетъ всѣ эти затрудненія. «Грудью противъ вѣтра!» Совсѣмъ маленькой дѣвочкой она уже стремилась къ этому. Когда же она наконецъ добралась до цѣли своего путешествія, то отецъ посмѣялся надъ нею и сказалъ: «Хорошо, хорошо! А теперь отнеси-ка эти книги назадъ. Здѣсь, среди грядъ, не до чтенія!» Все такъ же бодро и весело, она подхватила свой тяжелый пакетъ и въ припрыжку спустилась съ горы.

Тогда отецъ былъ для нея единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Потомъ она стала поклоняться великимъ писателямъ и художникамъ, которыхъ она никогда не видала и которые давно умерли. Ну, а потомъ... потомъ явился Георгъ!

Но послѣ двухъ-трехъ лѣтъ брачнаго сожительства, она пришла

къ убѣжденію, что ни среди женщинъ, ни среди мужчинъ нѣтъ такихъ, которымъ бы стоило поклоняться. Она лишилась вѣры въ людей, лишилась надежды на будущее. Ничего не осталось у нея, кромѣ прежняго инстинктивнаго стремленія къ дѣятельности, кромѣ желанія быть чѣмъ-нибудь и дарить другихъ. Это стремленіе наполняло ея жизнь до того дня, когда изъ-за тумана къ ней протянулась чья-то темная, сильная рука и лучъ солнца пронизалъ окутывающій ее мракъ...

Часто Іозефина съ непріятнымъ смущеніемъ сознавалась себѣ, что въ обществѣ женщинъ и дѣвушекъ она чувствовала себя какъ бы потерянной и постоянно боялась возбудить насмѣшки, между тѣмъ какъ съ мужчинами она могла разговаривать совершенно свободно, не испытывая ни малѣйшаго смущенія и встрѣчала у нихъ дружескую предупредительность и сочувствіе. Ей было стыдно, что съ женщинами она не знала о чемъ говорить, и что женщины не любили ее, а мужчины искали ея общества. Ей было стыдно, что она не могла обходиться безъ мужского общества и что ей казались неинтересными и неважными разныя мелкія домашнія дѣла, относящіяся къ туалету, къ хозяйству и т. п.

— Что это за дѣвочка!—насмѣхались надъ нею ея подруги, когда она еще ходила въ школу.

— Что это за женщина! — жаловались на нее сестры и знакомыя.

— Конечно, это хорошо, когда женщина умна, но самое главное для женщины все-таки сердце и характеръ!—говорили про нея женщины. И когда Іозефина вышла замужъ, то онѣ стали жалѣть ея мужа, какъ человѣка, который былъ обманутъ, покупая корову.

— Бѣдный человѣкъ! — соболѣзновали онѣ. — Неизвѣстно, сумѣетъ ли она даже приготовить ему хоть какое-нибудь вкусное кушанье на обѣдъ!

А когда надъ семьею стряслось несчастье, и бѣднягу отправили въ тюрьму, то женщины покачивали головой и говорили: «Вотъ что значитъ имѣть такую жену! Навѣрное, никогда она не приготовила ему ни одного любимаго кушанья. Да! да! Тамъ, гдѣ женщина плохая хозяйка, тамъ легко наступаетъ бѣда и съ мужемъ бываетъ несчастье. Его надо жалѣть!

Нѣтъ, эти женщины не могли ее понять, и Іозефина съ раздраженіемъ отдалилась отъ нихъ. Глубокій огонь, который горѣлъ въ ея душѣ, ея самостоятельность, все это было сродни мужчинамъ, но отталкивало отъ нея женщинъ. И все шире становилась пропасть, раздѣляющая Іозефину отъ другихъ женщинъ, все недоброжелательнѣе относились онѣ къ ней.

— Она даже не хочетъ развестись съ нимъ! —говорили про нее женщины, качая головами. — Почему она не хочетъ разводиться? Тутъ

что-нибудь да скрывается. Она вздумала учиться, имѣя троихъ дѣтей! Ничего подобнаго никто не дѣлаетъ. Она уже сгубила мужа. Какія-то выйдутъ у нея дѣти?

Затѣмъ начинали вспоминать, что говорила Іозефина о «дѣтскомъ вопросѣ», когда была молоденькою дѣвушкой.

«Жалѣть о томъ, что не имѣешь дѣтей! Какъ это странно. Можно ли жалѣть о томъ, чего не знаешь? Развѣ я сама не ребенокъ? И почему я не должна думать обо всемъ огромномъ мірѣ, полномъ такихъ чудесъ, а только о своемъ будущемъ ребенкѣ? Почему ребенокъ, превратившись въ дѣвушку, не долженъ объ этомъ думать и т. д.». Вотъ какъ разсуждала она. Вѣдь это глупо! Дѣйствительно глупо! Да и опасно для молоденькой дѣвушки. У нея всегда были собственныя мнѣнія. Но къ чему, скажите на милость, молоденькой дѣвушкѣ имѣть собственныя мнѣнія? Вотъ я дожила до сѣдыхъ волосъ, а никогда у меня ихъ не было!

Такъ говорили про нее и старыя, и молодыя дѣвушки и женщины. А Іозефина никакъ не могла понять, какъ это можетъ дѣвушка выходить замужъ только для того, чтобы имѣть дѣтей. Она не вѣрила этому и смѣялась надъ такими увѣреніями.

— Какъ это такъ?—говорила она.—Можно выйти замужъ за какого угодно мужчину, только бы стать женою и матерью? Да вѣдь это отвратительно! Развѣ мужчина только средство, орудіе? Гнусно такъ выходить замужъ. Я лучше останусь всю жизнь одинокой и постараюсь быть чѣмъ нибудь. Да и такъ, развѣ я сама по себѣ ничто? Развѣ я только цвѣтокъ, который долженъ завянуть? Или растеніе? Неужели въ настоящемъ я ничего не значу, а только въ будущемъ? Ну, вы должны быть очень умны, когда такъ далеко загадываете! Я же постоянно толкусь на одномъ мѣстѣ; я еще очень глупа! Глупа и не развита, еще мнѣ надо многому поучиться. Вѣдь если я сама по себѣ ничто, то къ чему міру нужны «копіи съ меня»?.

Она сказала «копіи съ меня», но каждая чувствовала, что она хотѣла сказать: «И съ тебя, и съ тебя, и со всѣхъ васъ!» Непріятные были у нея глаза, слишкомъ чистосердечные, пытливые, серьезные и неудобные. Никто не могъ въ ея присутствіи развлекаться беззастѣнчивою болтовней; она порождала неловкость, смущеніе, и всѣ скоро расходились, говоря про себя и вздыхая: «Ахъ, что за дѣвушка! Что за дѣвушка!».

Съ тѣхъ поръ какъ Іозефина поступила въ университетъ, она почти не видѣла никого изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Довольно небольшого порыва вѣтра, чтобъ разогнать лѣтнихъ мухъ, а вѣдь надъ ея домомъ пронеслась цѣлая буря!

Однажды, когда Іозефина, вмѣстѣ съ Бернштейномъ и Цвики, возвращалась изъ коллегіи, навстрѣчу имъ попалась какая то дама, стройная и изящная, въ элегантномъ, отдѣланномъ мѣхомъ, костюмѣ. Она

держала длинный лорнетъ передъ глазами, но приблизившись къ идущей навстрѣчу группѣ, вдругъ остановилась въ замѣшательствѣ, сильно покраснѣла и быстро перешла черезъ улицу на другую сторону, Іозефина шла, наклонивъ голову, но тутъ подняла ее со свойственнымъ ей энергичнымъ движеніемъ:

— Пойдемъ, Цвики,—сказала она громко;—мы преграждаемъ дорогу.

— Развѣ это была не. . . .?—спросилъ студентъ, смотря взволнованнымъ взглядомъ вслѣдъ дамѣ, которая быстро направлялась въ противоположную сторону.

— Да... я ее видѣла.

— Она даже не кланяется!

— Я привыкла... Мы ее, повидимому, испугали.

— Гадость!—воскликнулъ молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ, съ напружившимися на лбу жилами отъ прилива гнѣва.

Бернштейнъ, который шелъ впереди, обернулся и съ лукавою улыбкой спросилъ:

— Кажется, это была ваша сестрица?».

— Даже не кланяется!—повторилъ гнѣвно товарищъ.

Бернштейнъ сдвинулъ свою круглую шляпу на затылокъ и пожалъ плечами:—На что вамъ она?—сказалъ онъ.—Что вамъ отъ нея нужно? Подумайте, что она даже не понимаетъ этого? Вѣдь ваша сестрица— настоящая «Hausfrau».

— Гадость!—вскричалъ Цвики.

— Купеческая жена! Вообще, что понимаетъ купеческая жена,—продолжалъ Бернштейнъ спокойнымъ тономъ.—Вѣдь это было очень непріятно вашей сестрицѣ, очень непріятно. Не надо сердиться, а надо постараться понять. Эй это было непріятно.

— И мнѣ также!—воскликнулъ упрямо швейцарецъ.

Бернштейнъ сбросилъ ногою апельсинную корку съ тротуара.

— Нѣтъ! Это интересно! сказалъ онъ. — Неужели вы обидѣлись? Эхъ, что вамъ до нея за дѣло? Самая обыкновенная дама, не умная, совсѣмъ изъ другого круга, другихъ воззрѣній. Зачѣмъ вамъ нужна такая дама?

Черезъ два дня послѣ этой встрѣчи Адель и Марія снова появились въ домѣ своей сестры. Это было также вечеромъ, но домъ не былъ такъ печаленъ и пустъ, какъ во время ихъ послѣдняго визита. Всѣ окна были освѣщены, а въ узкомъ корридорѣ раздавались голоса разговаривающихъ людей.

Іозефина вышла къ сестрамъ возбужденная, съ высоко поднятою головой и блестящими глазами. Сестры съ любопытствомъ заглянули въ полуоткрытую дверь за нею и различили трехъ или четырехъ мужчинъ, очень горячо о чемъ-то разговаривавшихъ.

— Ахъ, у тебя гости,—сказала Адель церемоннымъ тономъ. — Мы отнимаемъ тебя у твоихъ гостей.

— Войдите, если хотите. Это мои коллеги.

Іозефина окинула взглядомъ обѣихъ сестеръ, стоявшихъ передъ нею; онѣ отступили съ преувеличеннымъ испугомъ.

— Чтобы мы пошли туда, гдѣ все чужіе мужчины! Нѣтъ на это не всякій способенъ!—воскликнула Мари, стараясь придать своему добродушному личику строгое выраженіе.—Намъ нужно поговорить съ тобою наединѣ.

Іозефина пріотворила дверь въ другую комнату и сказала:

— Фрейлейнъ Елена, могу я провести своихъ гостей въ вашу комнату? Вы позволяете!

— Гостей? Дамъ? Невозможно, у меня такой страшный безпорядокъ. Все разбросано!—послышался оттуда чей-то сильный голосъ.

— Бернштейнъ, могу я провести въ вашу комнату?

— Никоимъ образомъ!

Раздался громкій смѣхъ.

Цвики вышелъ къ Іозефинѣ, неловко поклонился посѣтительницамъ коротким кивкомъ головы и сказалъ, густо покраснѣвъ:

— Можно у меня, фрау Іози, но дамы, я думаю, поймутъ, что мы работаемъ.

Выговоривъ это, Цвики, не поклонясь, вышелъ и вернулся въ комнату, гдѣ сидѣли его коллеги.

— Простите,—сказала Іозефина, смѣясь.—У насъ всегда такъ, но у Цвики все же бываетъ больше порядка. Войдите, прошу.

— Не лучше ли будетъ, если мы пойдемъ въ твою спальню,—замѣтила Адель, но Мари прервала ее:

— Оставь Адель. Тамъ вѣрно не натоплено, а я все еще кашляю. Вѣдь мы пришли только затѣмъ...

— Вотъ каморка Цвики. Я сейчасъ принесу лампу. Садитесь пока,—проговорила Іозефина и вышла.

Сестры остались въ темнотѣ.

— Адель, начни ты,—шепнула Мари.

— Ты хотѣла сюда идти, Марія, я уже съ самаго начала говорила тебѣ, что это совершенно безполезно,—возразила Адель.

— Неужели у нея даже нѣтъ прислуги? Вотъ такъ хозяйство!

— Вѣдь это богема, милая Марія.

— Но она такъ хорошо выглядитъ!

— Да, и я тоже нахожу. Даже тогда, на улицѣ, я это замѣтила. Она выглядѣла такой моложавой!

— Принимать насъ въ какой-то студенческой канурѣ! Это просто невѣроятно!

Адель попыталась разглядѣть что-нибудь въ комнатѣ, въ которую свѣтъ проникалъ черезъ стеклянную дверь. Кажется, тутъ прежде была пріемная,—сказала она.—Красивый парень, не правда ли?

— Кто? Ты говоришь о Цвики? Да, онъ красивъ, веселый, но... онъ едва поклонился намъ.

Іозефина внесла лампу. Марія тотчасъ же придала своему лицу другое выраженіе, кроткое и печальное.

— Вотъ, мы снова увидѣлись! — проговорила она.

— Ну, какъ вамъ живется? Что у васъ?—спросила Іозефина и, слегка откинувшись назадъ на спинку кресла и приподнявъ голову, приготовилась слушать сестеръ. Глаза ея безцѣльно блуждали по потолку и она часто ловила себя на томъ, что даже не слыхала словъ сестеръ. Эти три сестры, совершенно чуждыя другъ другу, съ натянутой и холодной улыбкой взглядывали по временамъ другъ на друга. Онѣ говорили Іозефинѣ, что имъ живется хорошо; дѣла идутъ превосходно. Со Смирной завязались новыя торговыя сношенія. Подумай, Іози, Леонъ вернулся оттуда чрезвычайно довольный, и его всѣ такъ уважаютъ, такъ уважаютъ! Только вотъ я, уже три мѣсяца, не могу отдѣлаться отъ нервнаго кашля. Это только щекотаніе въ горлѣ, но оно дѣлаетъ меня такой несчастной, право! И весь домъ страдаетъ отъ этого... въ такомъ нервномъ состояніи не всегда можешь владѣть собою, а вѣдь трудно уберечься отъ непріятностей! То слуги, которые становятся все требовательнѣе и требовательнѣе, то дѣти... и, наконецъ, въ послѣднее время...

Марія повернулась къ Адели, словно ища у нея помощи. Адель, впрочемъ, нѣсколько разъ готова была вмѣшаться и теперь вдругъ встала и пересѣла на маленькую софу.

— Прости, Іозефина,—сказала она,—но эти стулья такъ тверды. Я вовсе не желаю потолстѣть и никогда не завидовала толстымъ людямъ, но все же на такихъ твердыхъ стульяхъ нельзя долго высидѣть...

— Вы хотите мнѣ что-нибудь сказать? — спросила Іозефина, подкладывая Адели за спину старую шерстяную подушку, чтобы ей удобнѣе было сидѣть.

Наступило неловкое молчаніе.

Адель протянула свою правую руку, безукоризненно обтянутую перчаткой и словно выточенную изъ дерева, и прикоснулась къ рукѣ Іозефины.

— Распространяются слухи,—вымолвила она торжественнымъ тономъ.

Іозефина слегка сморщила брови и сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла сбросить прикоснувшуюся къ ней деревянную руку.

— Слухи дошли даже до Базеля,—подкрѣпила Марія и послѣ минутной паузы прибавила съ удареніемъ:—такъ нельзя, такъ нельзя!

Адель поддакнула ей:

— Да, Іозефина, такъ нельзя. Ты должна принять это во вниманіе. Тетка Людмила изъ Базеля здѣсь.

Іозефина громко и гнѣвно разсмѣялась:

— И этой старой совой вы думаете меня напугать? Такъ она еще жива! Что-жъ, она такъ же напивается, какъ прежде? И также постоянно молится, когда не предается своему пороку или не проклинаетъ кого-нибудь? У-у! тетка Людмила!

Марія въ ужасѣ сжала руки и проговорила:

— Адель... скажи ты...

Іозефина схватила ее за мантилью:

— Прости, Міа,—сказала она.—Я и забыла, что ты наслѣдница этой тетки... Боже, я такъ обрадовалась, когда васъ увидѣла, но вы все такія же!

Голосъ ея былъ полонъ горечи, когда она произносила эти слова.

Адель встала:

— Ступай къ своему мужскому обществу; оно интереснѣе,—замѣтила она.

— О, безъ сомнѣнія!—воскликнула Іозефина рѣзко, но тотчасъ же овладѣла собою и прибавила:—пойдемъ туда. Посмотрите на моихъ товарищей, послушайте, что мы говоримъ. Мы задумали организовать союзъ воздержанія для молодежи. Цвики—президентъ...

— Этотъ красивый парень называется Цвики?—прервала ее Адель.

Іозефина взглянула на нее; Адель смутилась и начала смотрѣть въ сторону.

— Ты стала другомъ мужчинъ, Іози,—колко замѣтила Марія.

Іозефина посмотрѣла въ упоръ на нее, потомъ на Адель и сказала:

— Положимъ, это такъ. А вы?

По лицу Адели точно пробѣжала судорога и губы искривились непріятной усмѣшкой:

— Я это видѣла прошлый разъ,—сказала она.

— Что ты видѣла, Адель?

— Тебя, вообще, можно встрѣтить только съ мужчинами.

— Ты компрометируешь себя и насъ вмѣстѣ,—пропищала Марія.

— Чѣмъ?

Отвѣта не послѣдовало. Іозефина стиснула зубы.

— О, вы!.. вы!..—начала она, но затѣмъ снова усиліемъ воли овладѣла собою и прибавила болѣе спокойнымъ тономъ.—Дѣти, не будьте такими недобрыми. Я встрѣчаю васъ, вы мнѣ не кланяетесь. Вы приходите ко мнѣ и оскорбляете меня. Ну, развѣ вы не пустыя бабенки!..

Она обхватила руками сестеръ, но затѣмъ вдругъ отпустила ихъ, такъ что онѣ даже зашатались, точно деревья подъ напоромъ налетѣвшаго вихря. Отъ волненія онѣ засопѣли носомъ, а Марія закашлялась такъ, какъ будто готова была задохнуться. Іозефинѣ было ее жалко, хотѣлось успокоить ее, освѣжить ея разгоряченное лицо, принести ей горячаго чаю, но она ничего этого не сдѣлала. Ея руки безсильно повисли, въ головѣ была пустота, а ноги отяжелѣли и ею овла-

дѣло чувство страшной усталости; поэтому она оставила Марію нашить, а сама стояла отвернувшись. Тогда Адель подошла къ ней совсѣмъ близко и сказала ѣдко, съ явнымъ намѣреніемъ задѣть и вызвать мучительное воспоминаніе:

— Какъ кажется, у тебя есть причины предпочитать намъ мужчинъ?

Но Іозефина отразила ударъ.

— Они лучше относятся ко мнѣ, чѣмъ вы,—сказала она съ удареніемъ на каждомъ словѣ.—Они сострадательнѣе васъ и человѣчнѣе. Они не говорятъ мнѣ о той грязи, которую выливаютъ на меня уличные подонки! Кто эта тетка Людмила? Нѣтъ такой грязи и пошлости, которую она не могла бы выдумать. Пьяная ханжа, я ее хорошо знаю! Да, Марія, это такъ. Душа у нея такая же отвратительная, какъ и ея наружность, съ ея стеклянными, налитыми кровью глазами и подлымъ языкомъ. Войдите и сравните мое общество! Ахъ вы! Да еслибъ у нея не было денегъ, то ты бы съ ужасомъ отвернулась отъ нея, моя кроткая Марія. Стыдись! Стыдись!..

Гнѣвъ овладѣлъ оскорбленною женщиною и она сдѣлала такое рѣзкое движеніе рукою, какъ будто хотѣла далеко оттолкнуть отъ себя тетку Людмилу со всѣми ея клеветами.

Дверь внезапно отворилась, хотя никто не слыхалъ шаговъ вошедшаго. Высокій, черный, съ гордой осанкой, съ лучезарнымъ лицомъ, предсталъ передъ разсерженными сестрами товарищъ Бернштейна.

— Хованессіанъ,—сказалъ онъ свое имя Іозефинѣ, низко склонивъ передъ нею голову. Затѣмъ нерѣшительно, робко и съ невольною радостною улыбкою онъ взглянулъ на нее и проговорилъ:

— Мнѣ сказали... Гдѣ же собраніе?

— Здѣсь!—отвѣчалъ ему чей-то нѣжный, смущенный и радостный женскій голосъ, голосъ Іозефины.

Неужели это она говорила такимъ тономъ? Они посмотрѣли другъ на друга и въ ихъ взглядѣ выразилась радость.

«Это ты, незнакомка, такъ ласково говоришь со мной?» казалось спрашивалъ его взглядъ.

«Я радуюсь, радуюсь!» отвѣчала она взглядомъ.

«Это правда? Мой приходъ пріятенъ?»

«Пріятенъ! Да!»

«Ты ждала меня? Могу я помочь тебѣ въ чемъ-нибудь?»

«Было такъ темно и вотъ ты пришелъ...»

— Здѣсь!—повторила еще разъ громко Іозефина и вся поглощенная мыслями о немъ прошла черезъ комнату, которая внезапно озарилась для нея свѣтомъ, и направилась туда, гдѣ происходило собраніе. Гость послѣдовалъ за нею.

Когда Іозефина, улыбаясь, веселая, вернулась въ комнату Цвики,

къ сестрамъ, то уже не нашла ихъ тамъ. На столѣ лежала визитная карточка Адели, на которой было нацарапано: «Прощай, мы больше не придемъ!»

Іозефина разсѣянно прочла ее, затѣмъ разорвала на мелкіе кусочки и бросила въ корзинку для бумагъ. Улыбка не сходила съ ея устъ; она взяла лампу и вышла изъ комнаты, точно идя навстрѣчу своему счастью.

Маленькое общество находилось въ очень возбужденномъ состояніи. У Цвики покраснѣли уши и онъ заглядывалъ въ разныя книги, изъ которыхъ торчали закладки. Онъ просилъ Елену Бегасъ взять на себя предсѣдательство, такъ какъ ему хотѣлось самому говорить, а вовсе не руководить собраніемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо чтобы предсѣдательствовалъ швейцарецъ! Вѣдь дѣло идетъ о швейцарской молодежи!—послышались голоса.

— Зачѣмъ вамъ президентъ? Вѣдь вы не въ парламентѣ!—замѣтилъ Хованессіанъ.

Всѣ на него оглянулись.

— Эхъ!—возразилъ Бернштейнъ. — Онъ все еще не освоился съ нашими порядками. Тутъ всегда выбирается президентъ. Какъ въ парламентѣ.

— Такъ пусть это будетъ женщина!

— Почему?

— Каждый можетъ тогда ждать сочувствія.

Германъ вытянулъ свою тонкую шею и крикнулъ:

— Нѣтъ, не надо женщины!

Хованессіанъ, сидѣвшій возлѣ мальчика, разсмѣялся.

— А ты что понимаешь, мальчуганъ? — сказалъ онъ. — Чего ты пищишь?

— Не надо женщины!—ворчливо повторилъ Германъ и съежился.

— Въ Швейцаріи женщина свободна; ты этого не знаешь развѣ?—спросилъ его Хованессіанъ.

Мальчикъ подозрительно и робко взглянулъ на незнакомца, большіе добрые глаза котораго улыбались ему, и сказалъ:

— Нѣтъ.

— Жаль! Ты долженъ учиться.

Германъ какъ-то съежился и вдругъ, соскочивъ съ своего мѣста, проскользнулъ между стульями и очутился около Бернштейна, возлѣ котораго остался стоять.

Рѣшено было, что Цвики будетъ дано право говорить, сколько ему будетъ угодно, хотя онъ и выбранъ предсѣдателемъ.

Германъ громко крикнулъ «браво!» и началъ апплодировать какъ

въ театрѣ, а затѣмъ, съ побѣдоноснымъ видомъ, вернулся на свое прежнее мѣсто.

— Полѣзай сюда!—сказалъ ему Хованессіанъ, указывая на свой карманъ. Германъ покраснѣлъ и искоса поглядѣлъ на Хованессіана. Карманъ у него имѣлъ въ самомъ дѣлѣ внушительные размѣры... Герману стало какъ-то неловко и онъ опять слѣзъ и тихонько ушелъ. Въ уголку, подъ письменнымъ столомъ, Рѣсли устроила кукольную комнату и чѣмъ-то была очень усердно занята. Къ ней-то и поспѣшилъ Германъ, чтобы пошептаться и подѣлиться съ нею своими мыслями. Братъ и сестра усѣлись рядомъ и уставились глазами на незнакомца, который говорилъ такія удивительныя вещи и обращался съ ними такъ, какъ будто бы онъ ихъ зналъ давно. Иногда, въ промежуткѣ между рѣчами, онъ повертывалъ къ нимъ голову, подмигивалъ имъ и, не говоря ни слова, засовывалъ свой указательный палецъ въ боковой карманъ, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: «залѣзайте-ка сюда!»

— Пропаганда абсолютной трезвости среди школьной молодежи— вотъ что должно быть нашею главною задачей и цѣлью нашего союза!— воскликнулъ Цвики, взъерошивая рукой свои курчавые волосы такъ что въ концѣ концовъ они поднялись у него точно пѣтушій гребень. Онъ началъ развивать свои планы: надо основывать изданія, популяризировать научныя брошюры и все это безплатно раздавать ученикамъ.

— И ученицамъ!—посовѣтовала Іозефина.

— Полагаю, что не мѣшало бы раздавать ихъ и учителямъ,—замѣтилъ Бернштейнъ съ хитрымъ видомъ.

— Учителямъ—да, но дѣвочкамъ не надо! Съ чего мы такъ расхрабрились? Это лишнее!—вмѣшалась Елена Бегасъ.

— Мнѣ кажется, всегда надо быть храбрымъ, — замѣтилъ Хованессіанъ нѣсколько вызывающимъ тономъ.

Фрейленъ Елена горячо возразила:

— Чтобы намъ это запретили? Вѣдь если мы будемъ обращаться съ ученицами, какъ со взрослыми дѣвушками, то намъ придется имѣть дѣло съ ихъ родителями!

— Развѣ такія маленькія дѣвочки пьютъ вино?—спросилъ Хованессіанъ съ большимъ изумленіемъ.

— А что? Вы думаете, что здѣшнія дѣвочки — ангельскія созданія?—воскликнула Елена.

— Да,—сказалъ онъ,—я это думаю. Я всегда думалъ, что за границей существуютъ такіе ангелы, удивительные...

Всѣ разсмѣялись и самъ Хованессіанъ хохоталъ отъ души. Рѣсли изъ-подъ стола не спускала съ него глазъ, точно заколдованная.

— Не потому ли вы и отправились за границу?—насмѣшливо спросила его Елена.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ чистосердечно.—Я пріѣхалъ, чтобы учиться.

Бернштейнъ вытянулъ губы:

— Ну, дальше, дальше!—проговорилъ онъ.

Но Елена Бегасъ не могла сдержать своего веселья.

— Ну-ка, скажите, нашли ли вы у насъ много ангеловъ?—обратилась она къ Хованессіану.

— Нѣтъ, еще нѣтъ.

— Т.-е. какъ же? Не нашли ни одного?

— До сегодняшняго дня—ни одного.

— А сегодня одного встрѣтили?

Онъ дружески посматривалъ на насмѣшливую дѣвушку, словно она была маленькимъ ребенкомъ, пристававшимъ къ нему съ глупыми вопросами, и отвѣтилъ:

— Развѣ я долженъ вамъ это сказать?

— Къ дѣлу!—закричалъ Цвики.—Итакъ, мы привлекаемъ въ свой союзъ учениць.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вмѣшалась Елена.—Будьте осторожны! Иначе все пойдетъ вкривь и вкось.

— Да почему? Вѣдь мы не въ Германіи!

Цвики сталъ говорить свою рѣчь. Прежде всего онъ сталъ распространяться о физіологической сторонѣ вопроса и особенно обращалъ вниманіе слушателей на свои опыты, доказывающіе, что тончайшія нервныя окончанія въ мозговой корѣ парализуются подъ вліяніемъ употребленія алкоголя и никогда уже потомъ оправиться не могутъ. Присутствующій на засѣданіи ученикъ усердно за нимъ записывалъ, какъ будто бы находился въ коллегіи.

Послѣ Цвики говорила Елена Бегасъ. Она описала бѣдствія семействъ пьяницъ и подтвердила свои слова рядомъ цифръ. Ученикъ едва поспѣвалъ записывать. Это былъ юноша, съ блѣднымъ лицомъ, большимъ носомъ и едва пробивающеюся бородкою. Отъ большого усердія онъ даже высунулъ кончикъ языка, которымъ и проводилъ по своимъ толстымъ краснымъ губамъ, точно вторя движеніямъ руки. Дѣти, сидѣвшія подъ столомъ, сначала непроизвольно, а потомъ и нарочно стали ему подражать. Хованессіанъ снова подмигнулъ имъ и пригласилъ ихъ жестами залѣзть въ его карманъ. Когда фрейлейнъ Бегасъ кончила свой докладъ, то заговорилъ Хованессіанъ.

— Воодушевите юношество,—сказалъ онъ.—Дайте ему цѣль, идею, за которую стоило бы бороться. Вдохновите юношей, мнѣ кажется это самое главное.

Хованессіанъ всталъ и стоя продолжалъ свою рѣчь. Онъ говорилъ нѣсколько кудреватымъ нѣмецкимъ языкомъ, но всѣ эти странныя выраженія казались вполнѣ естественными въ его устахъ, а глаза его при этомъ горѣли отвагой.

— Воодушевленіе!—воскликнулъ онъ.—Вѣдь каждый возрастъ способенъ чѣмъ-нибудь воодушевляться! Когда мы были дѣтьми, мы строили кораблики изъ бумаги и спускали ихъ на воду въ лужѣ. Но эта лужа была для насъ моремъ. А легкій лѣтній вѣтерокъ, надувавшій бумажные паруса, представлялся намъ ураганомъ. И нашъ корабль, увлекаемый вѣтромъ, шелъ подъ всѣми парусами навстрѣчу далекимъ невѣдомымъ странамъ. Корабликъ нашъ везъ богатый грузъ: наши мысли—дѣтскія мысли; наши мечты и желанія—дѣтскія мечты и желанія! Но какъ дороги намъ были эти мечты! Какъ они были увлекательны!

Блѣдный ученикъ съ большимъ носомъ сидѣлъ выпрямившись на своемъ стулѣ. Теперь ему нечего было записывать. Озабоченное, дѣловое выраженіе лица у него совсѣмъ исчезло и замѣнилось воодушевленіемъ, какъ будто онъ прислушивался къ какой-то отдаленной музыкѣ. Хованессіанъ продолжалъ:

— Физіологія и статистика—все это очень хорошо, но молодость больше нуждается въ воодушевленіи; оно больше подходитъ къ ней, нежели физіологическія данныя и статистическія цифры. Маленькіе бумажные кораблики уже не плаваютъ больше. Мы поняли, что имъ никогда не достигнуть отдаленнаго берега. Но наши мечты, наши мысли должны же куда-нибудь направляться. Куда же? Намъ нужно солнце, нужна яркая, свѣтлая цѣль, нуженъ идеалъ, который бы всегда блестѣлъ вдали передъ нами и привлекалъ къ себѣ наши взоры, наши помыслы, всю нашу жизнь! Мы всегда такъ поступали и продолжаемъ поступать въ Россіи. Русская молодежь живетъ идеями... Вы хотите трудиться для того, чтобы распространить идеи трезвости среди молодежи. Это очень хорошо. Но не ограничивайтесь только физіологіей, медициной, статистикой. Покажите, что и тутъ заключается идея, идея самосовершенствованія. Вдохновите юношей идеей прогрессивнаго развитія. Кто воздерживается отъ употребленія алкоголя, тотъ, слѣдовательно, свободенъ отъ вредной привычки. Быть свободнымъ отъ такихъ привычекъ—это значитъ вообще быть свободнымъ. Привычки—это цѣпи. Освобожденіе отъ нихъ—вотъ въ чемъ заключается развитіе. Новое поколѣніе должно быть свободнѣе стараго. Покажите вы юношеству, какъ можно трудиться надъ самимъ собою, чтобы сдѣлать себя свободнымъ! Дайте юношеству вдохновеніе, которое бы увлекло его и научило, въ чемъ заключается цѣль и значеніе всей нашей человѣческой жизни!

Хованессіанъ поднялъ голову, и взоры его, искавшіе блѣднаго ученика, вперились въ глаза этого юноши, который густо покраснѣлъ и отвѣтилъ Хованессіану мечтательнымъ взглядомъ.

— Предсѣдателемъ вашего союза, если вы непремѣнно должны его имѣть,—у насъ въ Россіи нѣтъ предсѣдателя,—долженъ быть вы-

бранъ изъ вашей же среды. Вы должны сами это устроить, между собой,—сказалъ Хованессіанъ и прибавилъ съ ласковою улыбкой, глядя на ученика: — Мнѣ кажется, вы были бы хорошимъ предсѣдателемъ въ вашемъ обществѣ.

Ученикъ вскочилъ. Онъ былъ красенъ отъ сильнаго волненія и смущенія:

— Могу я придти къ вамъ?—спросилъ онъ, запинаясь.

Хованессіанъ тотчасъ же подошелъ къ юношѣ и заговорилъ съ нимъ. Юноша смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ слѣпой преданности и довѣрія, которое въ глазахъ Іозефины дѣлало его почти красивымъ. «Онъ умѣетъ пробуждать хорошее въ человѣкѣ», подумала она и ее охватило чувство страстнаго восхищенія этимъ чужеземцемъ. Лицо ея горѣло и она даже отвернулась, такъ какъ боялась, что выраженіе ея лица выдастъ ея чувство.

— Я думаю, что буду по временамъ посѣщать ваше общество, ради разныхъ медицинскихъ, статистическихъ и иныхъ сообщеній,— сказалъ Хованессіанъ.—Но, самое главное, вы должны сами, между собою устроить. Какъ вы думаете?

Пренія, однако, продолжались. Фрейлейнъ Бегасъ была несогласна:

— Врядъ ли что-нибудь выйдетъ, когда всѣ будутъ стоять на одинаковомъ уровнѣ, когда никто ничего не знаетъ! Кто же будетъ руководителемъ?

— Видно, что вы монархистка! — пошутилъ Бернштейнъ. — Вамъ всегда нуженъ руководитель, президентъ, король... Эхъ!

Елена Бегасъ погрозила ему пальцемъ:

— Ну а вы? Нѣтъ, что ли, у васъ монарха? Не будьте такъ отважны!

— Вы и сами не очень-то отважны, кажется.

— Не школу, а группу для самообразованія должны вы устроить,— настаивалъ Хованессіанъ. —Руководство вы найдете въ литературѣ. Знакомьтесь вмѣстѣ съ лучшими идеями лучшихъ мыслителей. Не надо ни президентовъ, ни учителей!

— Это анархизмъ!—воскликнула Елена Бегасъ, наполовину шутя, наполовину серьезно.

Хованессіанъ поднялся, какъ будто его кто-нибудь позвалъ. Его большіе, черные глаза блестѣли воодушевленіемъ. Онъ повернулся въ сторону Елены Бегасъ, поджидая, что она дальше скажетъ. Но она больше ничего не сказала. Очевидно это было просто вскользь брошенное слово. Тогда Хованессіанъ весело кивнулъ головой, берясь за свою шляпу, и сказалъ:

— Да, это должна быть свободная кооперація.

— Могу я идти вмѣстѣ съ вами? — спросилъ поспѣшно ученикъ.

Хованессіанъ слегка обнялъ его узкія плечи и они вмѣстѣ вышли Іозефина обоимъ подала руку.

Она слѣдила за каждымъ движеніемъ незнакомца, забывая обо всемъ и не спуская съ него глазъ. При этомъ она держала на рукахъ сонную и заплаканную Рееи, прибѣжавшую къ матери.

Гости, одинъ за другимъ, стали прощаться и уходить, Іозефина почти не замѣчала этого. Она стояла неподвижно и тихонько гладила мягкіе кудрявые волосы ребенка, изъ-подъ которыхъ выглядывало его покраснѣвшее, маленькое ушко. Но мысли ея были не здѣсь; онѣ устремились вслѣдъ за тѣмъ, къ кому она почувствовала загадочное, непреодолимое влеченіе съ первой же минуты, какъ его увидѣла.

Всю ночь завывалъ вѣтеръ въ каминѣ, гремѣли на крышѣ черепицы, а изъ сада доносился вой кошекъ и шумъ дождевыхъ капель, ударяющихъ въ оконныя стекла.

Іозефина проснулась послѣ короткаго, слишкомъ глубокаго сна и не могла понять, гдѣ она находится. Члены у нея окоченѣли и какъ будто были крѣпко связаны. Ей казалось, что она лежитъ въ расщелинѣ глетчера; отъ этого такъ темно кругомъ. Кричать? Но это было невозможно, губы у нея уже замерзли. Да еслибъ она и могла кричать, то это было бы напрасно; самыя звукъ замерзаетъ здѣсь, его не слышно и онъ не можетъ выйти изъ этой ледяной дыры.

Ахъ, если бы она могла поднять руку, хоть одинъ палецъ! Все превратилось въ ледъ, все! Скоро и сердце замерзнетъ. Холодъ пробирается по всѣмъ ея кровеносным жиламъ вверхъ, къ сердцу. О! платье ея разорвалось при паденіи. Она лежитъ обнаженная и безпомощная! Она погибаетъ, погибаетъ!

Холодъ поднимается все выше, выше... Сердце сейчасъ остановится! Но нѣтъ... это не смерть, это!..

Іозефина вдругъ почувствовала теплые лучи на своей обнаженной груди. Это солнце взошло; оно согрѣваетъ ее. Ко мнѣ! Сюда, солнце, въ мою могилу!

И въ то время, какъ отъ ея ногъ вверхъ распространяется оцѣпенѣніе, холодъ, связывающій ея члены и убивающій ее, солнце своими лучами согрѣваетъ ея грудь и зоветъ ее къ жизни.

«О солнце! солнце! Оно, вѣдь, будетъ свѣтить и тогда, когда я умру», думаетъ она, но чувство неизъясняемаго блаженства охватываетъ ее все сильнѣе, оно почти равняется мукѣ.

Замерзнуть и сгорѣть!

Возьми меня! Возьми меня, солнце!

Ей кажется, будто ея обнаженная кожа надъ областью сердца отдѣляется, подъ вліяніемъ солнца, отъ ея окаменѣлаго тѣла и растворяется въ пламени, а мясо и кости превращаются въ ледъ.

«Ты будешь свѣтить, когда я умру, будешь свѣтить... А это моя душа, это она летитъ къ солнцу, туда, въ этотъ огромный, красный...

Вдругъ словно горячая волна пронизала ее. Что же это такое было?

«Теперь я совсѣмъ проснулась и все прошло!—подумала съ облегченіемъ Іозефина.—Я лежала на спинѣ, вотъ отчего это случилось. Задержка кровообращенія!..»

Она попыталась встать, хотя голова у нея немного кружилась, и поискала холодною рукою стаканъ. Бѣлесоватый и дрожащій лунный свѣтъ освѣщалъ комнату и кровать, на которой спала Лаура-Анаиза, крѣпко обнявшись съ Рёсли. Лаура Анаиза лежала съ открытымъ ртомъ, со спутанными на лбу черными волосами и выглядѣла при лунномъ освѣщеніи поблекшей и худой, а нѣжное личико Рёсли показалось матери мертвенно-блѣднымъ.

Іозефина вдругъ сразу проснулась. Что если она заболѣетъ? И вмѣсто того, чтобы приготовить для себя растворъ бромистаго кали и принять его, какъ она намѣревалась сначала, Іозефина съ тревогою нагнулась надъ спящимъ ребенкомъ и прислушалась къ его дыханію. Когда она убѣдилась, что Рёсли и Лаура Анаиза спятъ спокойно, то ей вдругъ стало грустно и ею овладѣло чувство одиночества, почти граничащее со страхомъ. Босая, съ широко раскрытыми глазами, стояла она, не сознавая этого, и боязливо смотрѣла въ окно, по стеклу котораго стекали капли дождя, словно слезы. Въ саду неясно обрисовывались въ лунномъ освѣщеніи стволы плодовыхъ деревьевъ и жалобно, точно дѣти, кричали кошки.

Никогда еще неиспытанное ею желаніе опереться на сильныя плечи, прильнуть къ нимъ овладѣло Іозефиной, какъ-то безсознательно. Она вытянула правую руку и глубоко вздохнула, потомъ вдругъ заломила обѣ руки надъ головой, и изъ глазъ ея хлынули горячія, мучительныя слезы. Въ груди, въ горлѣ, въ глазахъ она чувствовала сильную боль. Мало-по-малу, совладавъ съ собою, она задернула занавѣски окна—мертвенное освѣщеніе личика Рёсли доводило ее до отчаянія—и ощупью пробралась къ своей кровати.

«Что со мною? Что со мною?—подумала она и тотчасъ же отвѣтила:—«Жизнь моя надломлена...» Но тотчасъ же ей показалось, что чей-то нѣжный голосъ прошепталъ ей на ухо: «Подумай, что онъ существуетъ на свѣтѣ!»

Она затрепетала подъ вліяніемъ этой мысли, точно подъ впечатлѣніемъ горячей ласки и снова прислушалась къ голосу, нашептывавшему ей: «Да, да, онъ живетъ, этотъ человѣкъ, онъ дѣйствительно существуетъ. Это не произведеніе фантазіи поэта, не дѣтская сказка, а дѣйствительность!»

Но Іозефина не могла дольше выдержать этихъ мыслей. Гнѣвное чувство вдругъ овладѣло ею.

«Это все обманъ! ложь!—сказала она себѣ.—Это слабость, которая

должна пройти. Онъ человѣкъ, такой же, какъ другіе. Я научена опытомъ, слишкомъ научена! Я слишкомъ хорошо знаю, что свѣтъ не таковъ и что такихъ людей не бываетъ. Нѣтъ, нѣтъ, свѣтъ не можетъ быть таковъ, и мы должны принимать его такимъ, каковъ онъ есть».

Она зажгла свѣчку и проглотила ложку успокоительнаго лекарства, которое сама себѣ приготовила. Но дѣйствіе его было очень медленное и она долго лежала, ожидая, что желанный сонъ, наконецъ, наступитъ, а въ это время сладкій голосъ не переставалъ ей нашептывать: «Да, онъ существуетъ! Онъ живетъ! Эта не дѣтская мечта, не сонъ, не грезы молодой дѣвушки, а дѣйствительность».

«Ложь! ложь! Мы всѣ мечтаемъ, грезимъ, а когда проснемся, то осмѣиваемъ свои собственныя мечты или... плачемъ надъ ними!

Она хотѣла подняться, снова зажечь свѣчу, одѣться и сѣсть за работу, чтобы отогнать отъ себя назойливыя мысли. Но какая-то невидимая сила удерживала ее. Словно чья-то тяжелая рука пригнула ея голову къ подушкѣ и громче и настойчивѣе заговорилъ голосъ ея души:

«И все-таки мы не перестаемъ искать всю свою жизнь! И все-таки мы не перестаемъ искать, пока дышемъ!.. Нѣтъ! я ничего не искала! Я ни о чемъ не мечтала! Я не вѣрю ни во что хорошее! Я не вѣрю ни во что великое! Все это призракъ, слабость!..»

И снова лучъ солнца освѣтилъ и согрѣлъ ея грудь. Ощущеніе невыразимаго блаженства, спокойствія овладѣло ею. Ей казалось, что ее защищаетъ и окружаетъ какая-то мощная сила, которая и служитъ ей опорой, поддержкой... «Радуйся! Радуйся!» нашептывалъ ей чей-то голосъ. Она почувствовала, что проваливается куда-то...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пѣсни зимы невеселыя,
Чары—угрюмо-тяжелыя...
Скучно, мой другъ!

Больше-бъ хоть снѣга пушистаго,
Больше бы блеска лучистаго
Было вокругъ!

Пусть расцвѣтилась бы красками,
Яркими бѣлыми сказками
Эта тюрьма;

Пусть бы хоть скуку разсѣяла,
Пусть бы скорѣе повѣяла
Мощью зима!

Л. М. Василевскій.

---

* * *

Мутнѣютъ огни фонарей
За снѣжною пляской,
А вѣтеръ все крѣпче, бодрѣй
И кровь мою гонитъ быстрѣй
Морозною лаской

* * *

Снѣжинки въ лицо мнѣ снуютъ,
Цѣлуя прохладно,
Онѣ всѣ пути заметутъ
И скроютъ отъ глазъ твой пріютъ
Ревниво и жадно.

* * *

Мнѣ вѣтеръ идти не даетъ
Сквозь снѣжную пляску...
Вдали отъ знакомыхъ воротъ
Стою я и вьюга поетъ
Мнѣ зимнюю сказку.

Allegro

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Продолженіе* *)

Глава VIII.

Баскина переночевала у Ѳени, но рано утромъ вышла изъ дому и отправилась искать работы. Въ Ноксвилѣ было четыре фабрики и основывалась еще пятая. Почти вездѣ вмѣстѣ съ мужчинами работали и женщины, и она разсчитывала, что на ея долю выпадетъ какой-либо заработокъ.

Было еще очень рано, часы на башнѣ пробили три четверти, рабочій день долженъ былъ начаться черезъ пятнадцать минутъ. Изъ каждыхъ воротъ выходили группы рабочихъ и поспѣшно направлялись по дорогѣ. Наблюдая эти группы людей разнаго возраста, Баскина вдругъ забыла, что она въ Америкѣ и почувствовала, что она опять въ Ямкѣ, бѣдномъ предмѣстьѣ Бытоміра. Это были тѣ же самыя лица и фигуры, старики съ длинными бородами въ картузахъ и длиннополыхъ сюртукахъ, дѣвушки съ платочками на шеѣ и особеннымъ робкимъ и вмѣстѣ напряженнымъ выраженіемъ большихъ карихъ глазъ, которое испоконъ вѣку свойственно еврейскому народу.

Новою была только торопливость съ которою эти люди бѣжали на работу. Въ Ямкѣ все шло тише, торопиться было некуда, да и работа съ утра до вечера приносила гроши и не стоила торопливости. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, люди зарабатывали хоть не столько, сколько въ Нью-Іоркѣ, но все-таки 7—10 долларовъ въ недѣлю.

Даже улица напоминала Ямку. Она была широка и съ боковъ заросла травой. А по срединѣ въ наѣзженной колеѣ дороги лежалъ толстый слой мягкой свѣтлосѣрой пыли. Улица была обставлена деревянными домами, одноэтажными и двухъэтажными. Комитетъ построилъ большую часть этихъ домовъ и продавалъ ихъ

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль 1904 г.

рабочимъ съ разсрочкой платежа. Разсчетъ состоялъ не столько въ томъ, чтобы дать населенію дешевыя жилища, сколько въ томъ, чтобы привязать его къ Ноксвилю, ибо пришельцы изъ Европы сохранили вкусъ къ передвиженію съ мѣста на мѣсто и отличались непостояннымъ характеромъ. Въ послѣдніе годы фабриканты и даже торговцы стали слѣдовать примѣру комитета и постройка домовъ превратилась въ спекуляцію, которая грозила окончиться крахомъ.

Дома тоже напоминали русскую постройку. У дверей были такія же крылечки, и даже на окнахъ такія же зеленыя рѣшетчатыя ставни, какъ и въ любомъ русскомъ провинціальномъ городѣ. Другіе признаки, однако, говорили, что это городъ недавно созданный и до сихъ поръ наполовину искусственный, который только что начинаетъ пускать корни и укрѣпляться на своей почвѣ.

Дворовые участки не были огорожены. Мѣста, назначенныя подъ огородъ, заросли бурьяномъ. Нигдѣ не было даже палисадниковъ или цвѣточныхъ клумбъ. Жители, набравшіеся сюда изъ бѣлорусскихъ и польскихъ мѣстечекъ, и на родинѣ не обращали вниманія на разведеніе зелени. Она росла себѣ сама подъ покровительствомъ Бога, весны и природы. Здѣсь они стали работать на фабрикахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и во многихъ семьяхъ некому было сварить обѣда, не то что думать о разведеніи цвѣтовъ.

Зато прямо отъ черты города начинался первобытный кустарникъ, какого не было около Бытоміра, гдѣ ближайшіе лѣса были давно сведены.

Фабрики вытянулись одна за другой въ концѣ главной улицы городка. Ихъ было четыре и онѣ помѣщались въ большихъ кирпичныхъ зданіяхъ съ отдѣльными пристройками и оградой. Въ самомъ концѣ стоялъ заводъ, принадлежавшій благотворительному комитету и производившій двигательную силу, необходимую для фабрикъ. Комитетъ строилъ зданіе, окружалъ его оградой и снабжалъ необходимой двигательной силой. Все это доставалось предпринимателю безплатно, подъ условіемъ вложить въ предпріятіе извѣстный капиталъ и занимать на фабрикѣ въ теченіе года опредѣленный минимумъ рабочихъ.

Въ этихъ условіяхъ не было ничего необыкновеннаго. Желѣзнодорожныя компаніи, желающія раздуть какой-нибудь захолустный городокъ, и даже муниципальныя власти часто покупаютъ капиталистовъ на сходныхъ условіяхъ.

Ноксвиль былъ окруженъ остатками такихъ городковъ, которые нѣкогда пробовали заводить фабрики и заводы и своевременно прогорѣли, пущенные въ трубу наемными спекуляторами. Въ пяти миляхъ на югъ по желѣзной дорогѣ лежала Мицпа, гдѣ

въ настоящее время не было ни одного жителя и дома были въ развалинахъ; на западѣ были Гальбертонъ и Гебронъ, и на сѣверѣ Рига. Несмотря на свою юность, околотокъ, благодаря этимъ развалинамъ, получилъ историческій, даже археологическій характеръ. Одно время Ноксвилю грозила такая же участь, но благотворительный капиталъ былъ достаточно великъ и теперь русско-еврейскій городокъ окончательно пустилъ корни.

Вначалѣ, не смотря на выгодность условій, комитету трудно было находить подходящихъ капиталистовъ. Особенно не нравилось предпринимателямъ обязательство имѣть на фабрикѣ минимумъ рабочихъ, что придавало предпріятіямъ невольную устойчивость и лишало ихъ возможности внезапныхъ превращеній, какія въ такомъ ходу среди американскихъ спекуляторовъ.

На главной фабрикѣ городка въ теченіе десяти лѣтъ перемѣнились четыре предпринимателя. Капиталисты по временамъ прямо капризничали, какъ дѣти, и угрожали правленію уходомъ по каждому поводу. Особенно нервно они относились къ малѣйшей попыткѣ рабочихъ проявить самостоятельность, и въ Ноксвилѣ до сихъ поръ не было ни одного юніона, такъ что это русско-еврейское мѣстечко составляло своего рода островъ въ странѣ, покрытой густою сѣтью всевозможныхъ организацій. Впрочемъ, въ послѣдніе годы фабрики стали приносить такой хорошій доходъ, что нервничанье для капиталистовъ стало невыгодно и двое фабрикантовъ, дѣла которыхъ шли особенно хорошо, съ нетерпѣніемъ ожидали условнаго пятнадцатилѣтняго срока, когда фабрика должна была перейти въ ихъ полную собственность и всякая связь между ними и комитетомъ должна была прекратиться.

Фабрика издѣлій, вязаныхъ изъ шерсти, стояла впереди. Баскина нерѣшительно поднялась на каменное крыльцо и вошла въ полуоткрытую, высокую, двустворчатую дверь, обитую листовымъ желѣзомъ, какъ въ крѣпости, или тюрьмѣ. Ей представилось новое, совершенно незнакомое ей зрѣлище.

Фабрика была устроена въ три этажа, но высокіе вязальные станки проходили сквозь полы обоихъ верхнихъ этажей и достигали до потолка. Они были очень сложные, со множествомъ колесъ, крючковъ и желѣзныхъ пластинокъ, которыя поминутно мелькали въ воздухѣ, подхватывая, перекручивая и переплетая толстыя нити красной, желтой и синей шерсти. При станкахъ работали преимущественно молодыя дѣвушки; работа ихъ носила вспомогательный характеръ. Онѣ связывали нити, слѣдили, чтобы хлопья шерсти не заскакивали подъ зубья станка, вынимали и поворачивали недодѣланные и совершенно готовые фабрикаты. Въ лѣвомъ углу фабрики группа пожилыхъ евреевъ съ пейсами и длинными бородами сортировала цвѣтную шерсть. Они до та-

кой степени были облѣплены красными и синими пушинками, что ихъ бороды, волосы и одежда имѣли разноцвѣтную внѣшность, какъ будто они вырядились для масляничнаго маскарада.

Станки въ этомъ углу вязали том-о-шантеры, особыя пуховыя шапочки, которыя въ Америкѣ въ большомъ ходу. Они были очень сложны и работали какимъ-то никому неизвѣстнымъ способомъ, который составлялъ собственность фабрики и держался ею въ большомъ секретѣ, ибо изъ за него шапки Ноксвильской фабрики считались самыми лучшими на американскомъ рынкѣ.

Пройдя нѣсколько шаговъ впередъ, Баскина снова остановилась. Очень молодой человѣкъ съ благообразнымъ лицомъ, и безъ сюртука по американской привычкѣ, вышелъ къ ней на встрѣчу и остановился въ выжидательной позѣ.

— Я пришла просить работы! — сказала Баскина жалобнымъ голосомъ. Скрежетъ и шумъ станковъ и дѣловое молчанье этого человѣка смущали ее и она готова была убѣжать изъ непривычной обстановки.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Я не говру по русску! — сказалъ онъ очень плохимъ языкомъ.

— Dad! (Батюшка!)—крикнулъ онъ по-англійски на всю фабрику.—Здѣсь соотечественница для васъ!

Молодой человѣкъ былъ сынъ хозяина фабрики, его привезли въ Америку пятилѣтнимъ ребенкомъ; онъ получилъ образованіе въ технической школѣ и въ настоящее время былъ форманомъ, т.-е. въ сущности управлялъ фабрикой. Роднымъ языкомъ его былъ англійскій, и онъ не признавалъ и не зналъ на свѣтѣ никакой другой страны, кромѣ Америки.

Изъ противоположнаго угла фабрики вышелъ человѣкъ въ сѣрой фуфайкѣ и съ курчавыми ярко-рыжими волосами, торчавшими во всѣ стороны, какъ пылающіе лучи.

Это былъ Коганъ, хозяинъ фабрики. Онъ былъ человѣкъ не особенно крупнаго роста или тѣлосложенія, но онъ выпячивалъ грудь и расширялъ плечи съ такимъ необыкновеннымъ видомъ, что когда онъ подошелъ ближе, Баскиной показалось, что онъ закрылъ собой всю фабрику и что даже его жесткіе волосы протянулись по сторонамъ, достигли до потолка и смѣшались съ красною шерстью, которую расчесывали и перевивали станки.

Коганъ былъ не только хозяиномъ, но и изобрѣтателемъ вязальнаго станка, составлявшаго ось, на которой держалась фабрика. Онъ былъ родомъ изъ Балты и въ молодости торговалъ гусинымъ жиромъ и печенкой. Во время одного изъ базарныхъ погромовъ толпа разбила его прилавокъ и съѣла весь жиръ и печенку. Коганъ продалъ принадлежавшіе ему полдома, унаслѣ-

дованнаго еще отъ дѣда, и уѣхалъ за океанъ. Въ Нью-Іоркѣ онъ попалъ на вязальную фабрику и мало-по-малу до такой степени изучилъ свое ремесло, что сталъ измѣнять и совершенствовать станки. Первое изъ своихъ изобрѣтеній онъ продалъ своему хозяину за тысячу долларовъ и при помощи этихъ денегъ немедленно составилъ маленькое товарищество, которое выбрало его своимъ директоромъ. Вкладчиковъ было десять, всѣ они были чистокровные американцы и вложили по десяти тысячъ долларовъ. Коганъ вложилъ только что пріобрѣтенную тысячу и свое другое изобрѣтеніе, вышеупомянутый станокъ для вязанья шапокъ. Дѣло пошло очень хорошо и фабрика до сихъ поръ не успѣвала удовлетворять всѣ заказы. Коганъ получалъ половину чистой прибыли и теперь былъ самымъ богатымъ человѣкомъ въ Ноксвилѣ. Не мѣшаетъ замѣтить, что еврейскій изобрѣтатель былъ совершенно безграмотенъ и только въ послѣдніе годы научился немного разбирать латинскія буквы. Несмотря на это, онъ имѣлъ довольно подробное представленіе о механикѣ и взаимномъ соотношеніи ея различныхъ элементовъ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній былъ для него сынъ. Старикъ, обладавшій прекрасною памятью, настойчиво разспрашивалъ сына обо всемъ, что относилось къ машинной части, и навсегда усваивалъ каждое новое сообщеніе.

— Что же вамъ нужно?—спросилъ онъ, подходя къ Баскиной почти вплотную.

— Я хочу просить работы,—сказала Баскина.—Хоть на два доллара въ недѣлю!—прибавила она упавшимъ голосомъ.

Этотъ человѣкъ внезапно выросъ въ ея глазахъ еще больше, и она казалась себѣ сравнительно съ нимъ совсѣмъ маленькой, хотя на дѣлѣ разница въ ихъ ростѣ была не болѣе полувершка.

— *А скондъ вы?*—спросилъ Коганъ, поднимая руку и какъ бы намѣреваясь положить ее дѣвушкѣ на плечо.

— Я изъ Бытоміра—сказала дѣвушка.

— А я изъ Балты,—сказалъ Коганъ.—Мы, значитъ, *землякесъ!*.. А что же таки вамъ надо?—опять прибавилъ онъ.

— Работу,—повторила Баскина.—Самую дешевую!

— Мнѣ дешевую не надо!—сказалъ Коганъ съ извѣстною гордостью.—Спросите въ городкѣ: я держу полтораста рабочихъ и плачу лучше всѣхъ!

Коганъ дѣйствительно платилъ лучше всѣхъ въ Ноксвилѣ и при еженедѣльномъ разсчетѣ никогда не дѣлалъ прижимокъ, какія въ обычаѣ между «выжимателями пота». Въ общественныхъ дѣлахъ Ноксвиля, въ распряхъ изъ за синагоги, кантора и т. п., Коганъ всегда предводительствовалъ оппозиціонной партіей и старался раскрывать мелкія плутни общественныхъ заправилъ, но

аргументы его отличались своеобразностью. На собраніяхъ онъ сыпалъ ругательствами направо и налѣво и двѣ недѣли назадъ даже собственноручно спустилъ съ лѣстницы одного изъ кандидатовъ въ старосты изъ синагоги за то, что тотъ принесъ ему въ видѣ взятки ладонку съ іерусалимской землей, которую всѣ благочестивые евреи особенно цѣнятъ на случай погребенія.

Спустивъ гостя съ лѣстницы, Коганъ бросилъ ему вслѣдъ ладонку, которая разорвалась и засыпала соблазнителя святой землей еще до похоронъ.

— Какую же я тебѣ далъ бы работу?—сказалъ Коганъ добродушно.—Вотъ, если бы было мѣсто, стала бы передъ станкомъ, смотрѣла, что люди дѣлаютъ. Научилась бы, какъ дѣлать, я тебѣ положилъ бы пять долларовъ въ недѣлю!..

— Ой, спасибо!—искренно сказала Баскина. Она не ожидала сразу получить такое сравнительно высокое жалованье.

— А можетъ, это мало?—спросилъ снова Коганъ хвастливымъ и вмѣстѣ ворчливомъ тономъ.—Пойди, поищи, не дастъ ли кто-нибудь больше!

— Не надо больше!—возразила дѣвушка. — Когда я могу стать у станка?

— Нѣтъ, ты иди, иди!—настойчиво приказывалъ Коганъ,—обходи ихъ всѣхъ, можетъ, лучше найдешь... Иди,—закончилъ онъ, указывая рукой на дверь.

Онъ какъ будто готовъ былъ выгнать ее вонъ изъ фабрики.

— Можетъ, ты сюда и не придешь потомъ!—прибавилъ онъ ей вслѣдъ тѣмъ же хвастливымъ и задорнымъ голосомъ.

Баскиной оставалось только повиноваться. Она вышла изъ фабрики и опять пошла по улицѣ, тщетно стараясь разрѣшить вопросъ, обѣщалъ ли Коганъ или нѣтъ дать ей работу.

«Можетъ, въ Америкѣ обычай такой!» — подумала она, и вспомнила свои грошовые уроки въ Ямкѣ, изъ за которыхъ ей тоже приходилось выносить не мало укоровъ и обидъ. Она невольно подумала, что человѣку, который ходитъ по незнакомымъ людямъ и проситъ работы, приходится и въ Америкѣ глотать грязь не хуже, чѣмъ въ Европѣ. Потомъ она вспомнила полуобѣщаніе Когана насчетъ пяти долларовъ въ недѣлю и ей стало легче.

«Съ перваго разу чуть не нашла мѣста!»—утѣшала она себя.

Въ Ямкѣ иногда по цѣлымъ недѣлямъ она обивала пороги и не могла найти ничего.

За вязальной фабрикой стояла мануфактура готоваго платья Блюменталя и сыновей, составлявшая главный питательный центръ Ноксвиля. Изготовленіе готоваго платья во всѣхъ видахъ является главнымъ занятіемъ русскихъ евреевъ въ большихъ городахъ

Америки. Блюменталь былъ милліонеръ и вѣтви его мануфактуры существовали въ пяти большихъ городахъ. Такимъ образомъ его предпріятіе въ сущности являлось клочкомъ нью-іоркскаго Дантана.

Блюменталь постоянно жилъ въ Нью-Іоркѣ и имѣлъ въ Ноксвилѣ управляющаго, очень дешеваго и ловкаго въ обращеніи съ рабочими книжками при субботнихъ разсчетахъ. Самъ фабрикантъ считалъ себя аристократомъ, Онъ былъ личный пріятель членовъ правленія и увѣрялъ ихъ, что только потому не вступаетъ въ комитетъ, что фабрика его и безъ того является главнымъ благотворительнымъ дѣломъ Ноксвиля.

Члены комитета вѣрили и относились къ мануфактурѣ очень нѣжно. Блюменталь получалъ въ Ноксвилѣ самыя крупныя льготы и въ концѣ концовъ обезпечилъ себя монополіей, взявъ съ комитета обязательство, что они не разрѣшатъ ни одному сходному предпріятію основаться въ Ноксвилѣ. Простой народъ, однако, не раздѣлялъ комитетскихъ взглядовъ и въ послѣдніе годы, когда въ Ноксвилѣ основались другія фабрики, самые искусные рабочіе одинъ за другимъ ушли изъ мануфактуры. Блюменталь грызъ ногти съ досады и жаловался, что комитетъ въ сущности нарушилъ договоръ. Особенно Коганъ былъ бѣльмомъ на глазу у богатаго фабриканта. На одномъ изъ парадныхъ обѣдовъ, которые комитетъ время отъ времени устраивалъ въ Ноксвилѣ, аристократическій фабрикантъ прямо обозвалъ своего простонароднаго соперника мужикомъ. Когана не пригласили на обѣдъ, но онъ узналъ о словахъ Блюменталя не позже, какъ черезъ часъ, и такъ обозлился, что два часа подстерегалъ его на платформѣ желѣзной дороги, намѣреваясь завязать рукопашный бой. Однако, и Блюменталя предупредили во-время и онъ уѣхалъ по другой параллельной дорогѣ, которая тоже имѣла станцію въ Ноксвилѣ и шла по тому же самому направленію.

Блюменталь до сихъ поръ имѣлъ около четырехсотъ рабочихъ. Его рабочій составъ пополнялся «гринерами», зелеными новичками, которыхъ комитетскіе агенты подбирали среди самыхъ бѣдныхъ эмигрантовъ въ Нью-Іоркѣ и пересылали въ Ноксвиль. Выборъ былъ большой, ибо въ Нью-Іоркъ ежегодно пріѣзжали 30—40 тысячъ русскихъ евреевъ. Агенты преимущественно выбирали многосемейныхъ, такъ что Блюменталь, имѣвшій работу для стариковъ и для дѣтей, сразу получалъ нѣсколько работниковъ. Каждому онъ платилъ два или три доллара въ недѣлю, но семья все-таки имѣла возможность кормиться.

Входъ въ мануфактуру былъ со двора, и когда Баскина открыла деревянную калитку, до ея слуха изъ фабрики достигло громкое жужжанье, какъ изъ пчелинаго улья. Большой корпусъ былъ наполненъ людьми и движеніемъ. У одной стѣны стоялъ

длинный рядъ швейныхъ машинъ, больше полутораста. Женщины, сидѣвшія за ними, прилежно вращали ногами колесо и проворно передвигали разрозненныя части платья, и сами машины скрипѣли и скрежетали какимъ-то особеннымъ чисто женскимъ звукомъ. На противоположной сторонѣ у большого стола нѣсколько мальчиковъ нашивали пуговицы на дѣтскихъ штанишкахъ при помощи особенныхъ швейныхъ машинокъ, очень проворныхъ и подпрыгивавшихъ на столѣ, какъ маленькія живыя твари. Нѣсколько другихъ мальчиковъ разбирали груду готоваго дѣтскаго платья и раскладывали его по сортамъ. Иные изъ нихъ были совсѣмъ крошечные, и съ трудомъ доставали вещи со стола.

Въ Америкѣ запрещенъ малолѣтній трудъ, но форманъ Блюменталя, Абрамовичъ, заставилъ родителей принести присягу, что дѣти ихъ перешли предѣльный тринадцатилѣтній возрастъ. Во всѣхъ углахъ фабрики старые евреи съ почтенными лицами и патріархальными бородами разглаживали утюгомъ только-что оконченные сюртуки и жилеты. Работа шла съ лихорадочной поспѣшностью, какъ во всѣхъ американскихъ мастерскихъ. Гладильщики поминутно привскакивали наноскахъ, сжимая обѣими руками утюгъ и стараясь, чтобы онъ покрѣпче притиснулъ измятыя складки сукна. Ничто такъ не выражало напряженности труда, какъ эти короткія и ритмическія движенія.

Многіе глухо кашляли, ибо гладить сырое сукно—нездоровая работа, и теплые пары, поднимающіеся изъ подъ раскаленнаго утюга, производятъ у гладильщиковъ разнообразныя грудныя болѣзни. Всѣ лица были блѣдны и потны, узкія плечи рабочихъ выступали острыми углами изъ подъ полураскрытыхъ рубахъ, и, глядя на этотъ торопливый трудъ, Баскина внезапно вспомнила о древнемъ Египтѣ, гдѣ, быть можетъ, такіе же узкогрудые и блѣднолицые старики и дѣти подскакивали на одномъ мѣстѣ, выминая глину для египетскихъ казенныхъ построекъ, подъ надзоромъ сердитыхъ надсмотрщиковъ. Рабочій домъ еврейскаго фабриканта выглядѣлъ ничѣмъ не лучше египетскаго плѣна. Форманъ Абрамовичъ замѣнялъ египетскаго надсмотрщика. Это былъ высокій человѣкъ, сухой и жилистый, съ длинными руками и большими черными усами подъ крючковатымъ носомъ. Онъ торопливо шагалъ въ узкомъ проходѣ между машинами и столами и зоркимъ взглядомъ слѣдилъ за ходомъ работы, подгоняя отсталыхъ. У него не было традиціонной египетской плети, но его безцеремонная рѣчь раздавалась поминутно, какъ хлопанье бича.

— Зачѣмъ криво пригладилъ, дуракъ?—спросилъ онъ одного изъ гладильщиковъ, приподнимая на ходу дешевый жилетъ, гдѣ верхняя кромка кармана изогнулась въ дугу подъ дѣйствіемъ горячаго утюга.

Гладильщикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего начальника. Ему было, вѣроятно, подъ шестьдесятъ. Въ его длинной кудрявой бородѣ оставалось мало черныхъ нитей, и голова его, не смотря на жару, была покрыта порыжѣлой ермолкой, которая, однако, не могла скрыть огромной лысины, сіявшей изъ подъ нея на лбу и на затылкѣ.

— А какъ иначе гладить?—простодушно спросилъ онъ, опять подпрыгивая на мѣстѣ и обрушиваясь со своимъ утюгомъ на пару штановъ, принадлежавшихъ къ тому же жилету.

Онъ зналъ, что штуку платья нужно туго растянуть на доскѣ, покрыть сыроватымъ полотенцемъ и потомъ водить по ней взадъ и впередъ раскаленнымъ утюгомъ. Если что-нибудь выходило криво, это была не его вина.

— Побилъ бы я тебѣ морду, бестія!—съ ненавистью сказалъ Абрамовичъ, показывая старику кулакъ.

— А вамъ что нужно?—внезапно обратился онъ къ Баскиной, которая, постепенно подвигаясь впередъ, вышла на середину фабрики.

— Работу! — кротко отвѣтила Баскина, внутренно опасаясь, что этотъ свирѣпый человѣкъ тотчасъ и ее назоветъ дурой, и пообѣщаетъ надавать ей пощечинъ.

Абрамовичъ, дѣйствительно, сдѣлалъ шагъ впередъ и Баскина чуть не вскрикнула, но форманъ поймалъ ее за кисть правой руки, поднесъ къ глазамъ и бѣгло осмотрѣлъ концы ея пальцевъ.

— Не рабочая рука,—отрывисто сказалъ онъ.—Намъ это не годится!.. Ну, что вы стоите?—грубо прибавилъ онъ,—уходите отсюда!

Баскина почти выбѣжала на дворъ, она боялась, чтобы свирѣпый слуга капитала не вздумалъ ее преслѣдовать.

«Опять выгнали! — подумала она обезкураженно. — А теперь куда?»

Слѣдующая фабрика была меньше обѣихъ предыдущихъ.

Подходя къ двери, Баскина услышала визгъ напилковъ, стукъ тяжелыхъ молотовъ и лязгъ полосового желѣза.

«Здѣсь работа не для женщинъ! — подумала она. — А все равно! зайду и сюда».

Эта фабрика тоже была устроена въ три этажа, соединявшіеся внутренней лѣстницей. Наверху лѣстницы раздавался русскій говоръ съ участіемъ двухъ голосовъ. Онъ былъ такъ громокъ, что отрывки его долетали внизъ, выдѣляясь изъ общаго грохота и гама

— Я эксплуататоръ, да? — визгливо заявлялъ тонкій голосъ, очевидно принадлежавшій хозяину фабрики. — Я пью рабочую кровь,—не правда ли, инженеръ?

— Правда,—сказалъ другой голосъ серьезно и съ такой интонаціей, какъ будто это былъ самый желанный отвѣтъ.

— Вы такъ думаете?—приставалъ визгливый голосъ.—Погодите, я вамъ сейчасъ покажу дѣло съ другой стороны.

Теперь голоса были явственнѣе, ибо говорившіе спускались по лѣстницѣ и были теперь на высотѣ второго этажа.

— Вы воюете съ трёстами, не такъ ли?—продолжалъ тонкій голосъ уже другимъ тономъ.

— Я воюю со всѣми!—спокойно сказалъ другой голосъ.

— А я тоже воюю съ трёстами, на свой ладъ!—продолжалъ тонкій голосъ.

— Какъ крыса съ кошками!—сказалъ другой голосъ.

— Нѣтъ, вы не слышали, какъ я ихъ на семнадцать тысячъ накрылъ?—сказалъ тонкій голосъ съ оттѣнкомъ хвастовства.—На это ершъ въ морѣ, чтобы щука не дремала!—переиначилъ онъ пословицу.—А задремлешь, штрафъ!

— Говорятъ, только на пятнадцать тысячъ!—возразилъ другой голосъ.

— А въ этомъ году опять на семнадцать накрою!—сказалъ тонкій голосъ.

Небольшая фигура инженера Воробейчика показалась на площадкѣ. Баскина тотчасъ же узнала его лицо, печальное и злое, съ большимъ лбомъ и морщиной между бровей. Впрочемъ, маленькій инженеръ держался здѣсь гораздо свободнѣе, чѣмъ за обѣдомъ. Время отъ времени онъ угощалъ своего спутника ѣдкимъ сарказмомъ, но они здѣсь были болѣе умѣстны, чѣмъ съ интеллигентными товарищами на праздникѣ. Быть можетъ, Воробейчикъ самъ сознавалъ это различіе и это дѣлало его развязнѣе и увѣреннѣе въ рѣчахъ.

Рядомъ съ изобрѣтателемъ шелъ человѣкъ высокій, костлявый, съ свѣтлыми волосами, которые рѣзко отдѣлялись отъ грязной кожи лица, испачканнаго масломъ и сажей. Баскина обратила вниманіе на его большія руки, покрытыя истрескавшимися мозолями, въ поры которыхъ въѣлась рабочая грязь и желѣзные опилки. Онѣ были похожи на миніатюрный рельефъ какихъ-нибудь рудныхъ горъ, дававшихъ матеріалъ для рабочей дѣятельности ихъ владѣльца.

Бальцеръ былъ хорошимъ слесаремъ и механкомъ еще въ Россіи, понималъ и литейное дѣло. Онъ имѣлъ небольшую мастерскую на Подолѣ въ Кіевѣ. Онъ привезъ въ Америку нѣсколько тысячъ рублей и сразу занялся странными спекуляціями, которыя постепенно стали приносить хорошій доходъ. Въ его фабричномъ корпусѣ было, въ сущности говоря, пять отдѣльныхъ фабрикъ. Одна выдѣлывала маленькія желѣзныя помпы, другая—нарѣзные винты, третья—мѣдныя шестерни и такъ далѣе. Онъ держалъ самыхъ лучшихъ рабочихъ и платилъ имъ хорошія

деньги, но каждое изъ его предпріятій занимало только 10—15 человѣкъ. Работалъ онъ не для сбыта, а для того, чтобы получить отступное. Не смотря на довольно плохое знаніе англійскаго языка, онъ внимательно слѣдилъ за образованіемъ трёстовъ и какъ только «объединеніе промышленности» совершалось въ одной изъ подходящихъ отраслей, тотчасъ же принимался за дѣло. Планъ его дѣйствій былъ самый несложный. Онъ ставилъ небольшую, но довольно дорогую машину, приставлялъ къ ней нѣсколько искусныхъ рабочихъ и принимался представлять независимое производство. Вырабатывалъ онъ мало, но его фабрикаты были отличнаго качества. При помощи комивояжеровъ, которыхъ американскій уличный жаргонъ очень удачно называетъ странствующими барабанщиками, онъ быстро заводилъ связи, необходимыя для сбыта, и дѣло его начинало безостановочно возрастать. Трёстъ попадалъ въ положеніе льва, обезпокоеннаго комаромъ, и черезъ годъ или черезъ два выкладывалъ нѣсколько тысячъ долларовъ, чтобы избавиться отъ надоѣдливаго соперника. Съ фабрикой помпъ Бальцеру пришлось ждать цѣлыхъ четыре года, но онъ непоколебимо вѣрилъ въ успѣхъ своей методы и въ концѣ концовъ оказался правъ.

Зато послѣ того, когда уполномоченный трёста, купивъ у Бальцера обязательство закрыть навсегда производство, разобралъ машины и отослалъ ихъ въ Филадельфію, русско-еврейскій предприниматель окончательно удивилъ американцевъ. Онъ отправился въ Филадельфію слѣдомъ, нанялъ компаніона изъ бѣдныхъ слесарей, потомъ купилъ новыя машины и черезъ четыре мѣсяца опять открылъ ту же фабрику, но на чужое имя. Трёстъ попробовалъ судиться, но дѣло было обстроено чисто и ему же пришлось заплатить судебныя издержки. Послѣ этого Бальцеръ еще три года мирно фабриковалъ свои помпы къ великому удовольствію заказчиковъ, но нѣсколько мѣсяцевъ назадъ трёстъ опять заговорилъ о выкупѣ.

Другія предпріятія Бальцера тоже были разсчитаны на выкупные платежи. Ноксвиль былъ для него самымъ подходящимъ мѣстомъ, ибо комитетъ построилъ для него кирпичный корпусъ и давалъ даровую двигательную силу. Такимъ образомъ, онъ получилъ возможность устраивать свои Чичиковскія операціи съ самыми скромным издержками.

— А вы кого ищете, мадмазель? — обратился Бальцеръ къ Баскиной.

— Я ищу работу! — сконфуженно повторила Баскина свою вѣчную фразу. Она теперь ясно видѣла, что у этихъ станковъ, рѣжущихъ желѣзо, нѣтъ мѣста для женскихъ рукъ.

— Приходите вечеромъ! — сказалъ Бальцеръ совсѣмъ особен-

нымъ, дерзкимъ, на половину вопросительнымъ, на половину заигрывающимъ тономъ.

— Дуракъ! — отрывисто сказалъ Воробейчикъ. — Вы вѣрно коробочную фабрику ищете?—обратился онъ къ Баскиной.—Пойдемте, я покажу, она съ другого крыльца!

— Животное!—прибавилъ онъ, опять обращаясь къ Бальцеру.

— А когда плавить будемъ?—остановилъ его Бальцеръ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— А мнѣ какое дѣло?—окрысился инженеръ.—Вечеромъ, если хотите!—прибавилъ онъ, уходя.

Бальцера соединилъ съ изобрѣтателемъ научно-промышленный интересъ. Маленькій инженеръ съ полгода тому назадъ совершенно неожиданно получилъ отъ компаніи, эксплуатировавшей его тормазъ, еще тысячу долларовъ, сверхъ ежегодной ренты. Щедрость эта была результатомъ дѣятельности Журавскаго, который въ одинъ прекрасный день, послѣ случайной встрѣчи съ инженеромъ въ дешевомъ ресторанѣ, взялъ и написалъ компаніи письмо, какъ довѣренный Воробейчика. Въ письмѣ этомъ онъ угрожалъ процессомъ, если компанія не вступитъ въ переговоры. Въ результатѣ этихъ переговоровъ Воробейчикъ получилъ тысячу долларовъ, а Журавскій пятьсотъ. Такимъ образомъ, адвокатъ однимъ камнемъ убилъ двухъ зайцевъ.

Маленькій инженеръ, получивъ деньги, даже не сказалъ спасибо адвокату. Напротивъ того, онъ обвинялъ его въ стачкѣ со своими врагами и очень скоро сталъ считать его главой своихъ преслѣдователей. Но для денегъ онъ сразу нашелъ примѣненіе.

Въ послѣдній годъ, работая надъ проектомъ броненосца, онъ пришелъ къ вопросу о новомъ составѣ для брони и постепенно сталъ заниматься изслѣдованіями металлическихъ сплавовъ и различныхъ способовъ приготовленія стали. Сначала онъ пробовалъ по своему обыкновенію рѣшать свои проблемы въ умѣ, но химія отличалась отъ механики и обойтись безъ опытовъ въ этомъ случаѣ было совершенно невозможно. Получивъ деньги, Воробейчикъ задумалъ устроить небольшую мастерскую и осуществить нѣкоторыя изъ своихъ соображеній относительно сплава металловъ.

Какимъ образомъ Бальцеръ пронюхалъ о новыхъ планахъ Воробейчика совершенно невозможно сказать, но три мѣсяца тому назадъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Нью-Іоркъ, онъ зашелъ къ нему и съ своей обычной безцеремонностью предложилъ ему устроить мастерскую у себя въ Ноксвилѣ.

— А вамъ какой интересъ?—спросилъ Воробейчикъ и выругался нехорошимъ словомъ.

— Вы выдумаете, а я продамъ!—откровенно сказалъ Бальцеръ.

Воробейчику понравилась безцеремонность желѣзнаго авантюриста.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, я знаю, съ кѣмъ я имѣю дѣло!

Теперь онъ пріѣхалъ въ Ноксвиль столько же для праздника, сколько для того, чтобы осмотрѣть мастерскую Бальцера. Онъ нашелъ своего будущаго партнера, занятаго самостоятельными опытами надъ тѣми же самими вопросами.

Бальцеръ дѣйствительно много понималъ въ различныхъ отрасляхъ желѣзнаго дѣла. Онъ постоянно возился съ разными мелкими усовершенствованіями и имѣлъ даже два или три патента, которые не безъ успѣха примѣнялъ въ своихъ мастерскихъ. Въ послѣдній годъ онъ тоже перешелъ къ сплавамъ металловъ, но у него не хватало теоретическихъ знаній и научнаго воображенія, и помощь Воробейчика являлась для него очень кстати. Въ техническихъ вопросахъ онъ былъ гораздо опытнѣе Воробейчика и могъ принести ему существенную пользу своимъ практическимъ знаніемъ. Въ общемъ, они могли составить прекрасную компанію для научно-прикладныхъ работъ, съ большой надеждой на успѣхъ. Въ концѣ концовъ, разумѣется, слѣдовало ожидать, что всѣ денежныя выгоды останутся на сторонѣ Бальцера, какъ онъ и похвастался при первой встрѣчѣ съ инженеромъ.

Коробочная фабрика помѣщалась въ томъ же зданіи. Комитетъ выстроилъ такіе большіе корпуса, что Бальцеръ со всѣми своими затѣями не могъ занять всего помѣщенія. Лѣвая половина осталась пуста, и когда затѣялось новое маленькое предпріятіе, комитетъ отвелъ ему свободное мѣсто. Бальцеръ не только не протестовалъ, но на свой счетъ воздвигнулъ внутреннюю стѣну, отдѣлившую новую фабрику отъ его сложныхъ предпріятій. Это было черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія выкупныхъ платежей отъ трёста.

Коробочная фабрика въ сущности была совсѣмъ маленькой мастерской. У двухъ большихъ столовъ сидѣли десятка три молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ и рѣзали, прилаживали и склеивали узкія полоски картона. На столѣ лежали листы картона, цвѣтная бумага и этикетки для обклейки и стояли мисочки съ клейстеромъ. Подъ столомъ лежали цѣлыя груды обрѣзковъ.

Коробочная фабрика была основана Блацкимъ, однимъ изъ румынскихъ эмигрантовъ, который пріѣхалъ въ Ноксвиль съ огромной семьей, состоявшей изъ одиннадцати дочерей. Нѣкоторыя изъ нихъ были такъ малы и тощи, что даже Абрамовичъ отказался принять ихъ въ свой рабочій домъ.

Жалованья старика не хватало, чтобы прокормить всю эту ораву. Онъ сталъ искать для своихъ дочерей домашней работы

и получилъ отъ Абрамовича заказъ коробокъ для укладки платья. Черезъ полгода онъ пришелъ къ убѣжденію, что клеить коробки легче и выгоднѣе, чѣмъ подпрыгивать съ утюгомъ у гладильной доски, и основалъ свое дѣло. Это было три года тому назадъ, и теперь дѣло его значительно расширилось. Ноксвильскихъ заказовъ отъ Когана и Блюменталя уже не хватало, и Блацкій главную часть работы исполнялъ для папиросныхъ фабрикъ въ Филадельфіи. Впрочемъ, одиннадцать собственныхъ дочерей до сихъ поръ составляли главный рабочій контингентъ. Со стороны Блацкій принималъ охотнѣе всего дѣвочекъ, которымъ не было мѣста ни въ какой другой фабрикѣ Ноксвиля. Его рабочій день былъ дольше всѣхъ, а заработная плата ниже, какъ и полагается полукустарному предпріятію.

На порогѣ мастерской Воробейчикъ вдругъ остановился и какъ будто задумался. Дѣвушка, шедшая сзади, тоже остановилась, подождала немного и потомъ съ недоумѣніемъ посмотрѣла на инженера. Она не имѣла никакого понятія о его странностяхъ и недоумѣвала, почему онъ стоитъ на самомъ порогѣ.

— Двѣ части хрома,—заговорилъ, наконецъ, инженеръ,—и двѣ съ половиной части никкеля. Сила сопротивленія равна двумъ и двумъ пятымъ! А вы зачѣмъ здѣсь?—обратился онъ вдругъ къ молодой дѣвушкѣ.—Васъ вѣрно подослали?

— Я сама пришла!—сказала дѣвушка, не понимая вопроса. Она думала, что онъ спрашиваетъ, кто послалъ ее на фабрику Бальцера.

— Нѣтъ, я знаю!—сказалъ Воробейчикъ.—Она подослала васъ, мадамъ Копянъ

Онъ произнесъ съ невыразимой ненавистью имя своего соперника, которое стало именемъ его бывшей невѣсты.

— Вы думаете, что я помѣшанный,—продолжалъ онъ,—а я совсѣмъ здоровый. Развѣ вы сами сумасшедшая!—прибавилъ онъ, повысивъ голосъ.

Дѣвушка отступила назадъ, съ ужасомъ глядя на его измѣнившееся лицо.

— Пойдемте!—Воробейчикъ измѣнилъ свой тонъ къ лучшему также внезапно.—Я только пошутилъ!

Блацкій, высокій еврей съ рыжей бородой и въ рваномъ люстриновомъ пиджакѣ, поднялся изъ-за стола и вышелъ на встрѣчу инженеру и его спутницѣ.

— Дайте работу этой дѣвушкѣ, слышите!—сказалъ Воробейчикъ безъ обиняковъ.—Она только что пріѣхала изъ Россіи!..

— Для васъ, инженеръ,—сказалъ Блацкій съ заискивающей улыбкой,—я найду!

— А почемъ?—спросилъ инженеръ.

— Для перваго раза полтора доллара,—сказалъ Блацкій съ невиннымъ видомъ.

— Въ недѣлю или въ день?—спросилъ инженеръ насмѣшливо.

— Вы все шутите!—возразилъ Блацкій почти подобострастно.

— Скверно!—сказалъ инженеръ злымъ тономъ.

— Послушайте,—обратился онъ къ дѣвушкѣ:—вы непремѣнно хотите наняться къ этому живодеру?

Онъ говорилъ спокойно, но такимъ тономъ, какъ будто Блацкаго не было въ комнатѣ.

— А къ кому же еще?—сказала Баскина уныло. Она выпила утромъ стаканъ молока и теперь чувствовала усталость и голодъ.

— Знаете что?—началъ инженеръ:—я васъ пошлю къ Ахіезеру на новую фабрику. Она должна скоро открыться. Я вамъ дамъ записку къ агенту; имъ, должно быть, нужны рабочія руки. Это на другомъ концѣ улицы—пойдемте, я вамъ покажу!..

Онъ, очевидно, хотѣлъ загладить любезностью недавній припадокъ своей подозрительности.

Онъ вывелъ Баскину изъ мастерской и показалъ ей дорогу. Ей пришлось идти назадъ мимо всѣхъ Ноксвильскихъ фабрикъ. Теперь на улицѣ почти никого не было видно. Рабочіе ульи поглотили свое населеніе и должны были выпустить его только около полудня для торопливаго завтрака. На встрѣчу Баскиной попалась повозка мелочнаго лавочника, нагруженная какими-то бочками и ящиками. Нѣсколько ребятишекъ копались въ канавѣ. Традиціонная еврейская коза медленно прошлась по улицѣ, остановилась у той же канавы и принялась щипать траву. Баскина снова почувствовала себя въ обстановкѣ Ямки изъ подъ Бытоміра.

Вновь открывавшаяся фабрика должна была заняться приготовленіемъ рубашекъ. Новый корпусъ для нея былъ совсѣмъ отстроенъ, но работы еще не начинались. Фабрика была затѣяна на широкую ногу и поставила двѣсти швейныхъ машинъ. Она должна была занять триста рабочихъ и сразу сравняться съ Блюменталемъ. Двѣ партіи рабочихъ уже были привезены изъ Нью-Іорка и новый контингентъ усердно подбирался среди неудачниковъ еврейскаго квартала. Въ Ноксвилѣ для нихъ не было квартиръ. Агентъ, устраивавшій фабрику, занялъ нѣсколько пустыхъ домовъ, принадлежащихъ комитету, и превратилъ ихъ въ временныя казармы, ибо американскіе обычаи не одобряютъ постройки бараковъ около населеннаго города.

Помѣщенія въ домахъ было мало. Они были такъ переполнены народомъ, что многіе предпочли размѣститься на крылечкахъ и даже на землѣ возлѣ домовъ,—благо на дворѣ было такъ тепло и свѣтло. Двери были широко открыты и Баскина увидѣла груды котомокъ, сваленныя на полу и имѣвшія всѣ характерныя черты

еврейскихъ бебеховъ. Тутъ были пухлыя перины съ широкими пятнами на наволочкахъ, какая-то рухлядь, замотанная простынями и опутанная обрывками веревокъ. Веревки перекрещивались по всѣмъ направленіямъ и были повсюду связаны между собой такъ называемымъ еврейскимъ узломъ, который замѣчателенъ тѣмъ, что, въ случаѣ нужды, его нельзя развязать даже зубами, зато въ критическія минуты онъ распускается самопроизвольно, выпуская потроха своихъ связокъ во всѣ стороны.

Большая часть этихъ рабочихъ были зеленые эмигранты, какъ Баскина. Многіе изъ нихъ были очень грязны. На крыльцѣ перваго дома какая-то костлявая старуха въ черномъ парикѣ прилежно искала вшей въ головѣ своей сосѣдки, склонившей къ ней на колѣни руно рыжихъ, нечесаныхъ и всклокоченныхъ волосъ.

Агентъ стоялъ тутъ же передъ крыльцомъ.

— Хорошо, мы васъ возьмемъ!—сказалъ онъ, прочитавъ записку инженера.—Что вы умѣете? Хотите шить на машинѣ?

— Я шила на машинѣ въ Россіи!..—сказала Баскина и даже сердце у нея замерло. Агентъ имѣлъ сосредоточенно дѣловой видъ и, несмотря на свою неопытность, она поняла, что инженеръ послалъ ее въ настоящее мѣсто и что здѣсь найдется для нея работа.

— Если хотите, мы васъ поставимъ къ машинѣ! — сказалъ агентъ.—А жалованья сколько? Хотите семь долларовъ?

— Хорошо!—поспѣшно сказала Баскина. Въ послѣднемъ мѣстѣ ей предлагали полтора доллара и даже хвастливый Коганъ посулилъ только пять долларовъ въ недѣлю.

— Есть у васъ квартира?—торопливо спрашивалъ агентъ.—У насъ нѣтъ мѣста,—предупредилъ онъ и тотчасъ же прибавилъ:—Если хотите, можете ночевать!

Баскина посмотрѣла на женскую группу на крыльцѣ и поспѣшила отказаться отъ предлагаемаго ночлега.

— Есть ли у васъ деньги?—продолжалъ агентъ.—Я могу вамъ дать за одну недѣлю впередъ.

Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько смятыхъ зеленыхъ бумажекъ.

— Напишите росписку! — прибавилъ онъ, подавая дѣвушкѣ клочокъ бумаги и неистощимое перо съ золотымъ остріемъ.

Въ эти три дня онъ роздалъ по задаткамъ больше тысячи долларовъ, ибо безъ задатка никто не поѣхалъ бы изъ столицы въ маленькій провинціальный Ноксвиль. И теперь, разумѣется, ему и въ голову не приходило лишить молодую дѣвушку слѣдуемаго ей аванса.

Черезъ пять минутъ Баскина опять шла по улицѣ, направляясь на Ѳенину ферму. Семь долларовъ лежали въ глубинѣ ея потер-

таго кошелька. Она чувствовала себя другимъ человѣкомъ и ей очень хотѣлось ѣсть. Было около полудня. Она хотѣла было поискать закусочную лавку, но потомъ пожалѣла денегъ. Кромѣ того, ей хотѣлось, какъ можно скорѣе, разсказать кому-нибудь о своей удачѣ, въ особенности Катеринѣ.

Дорога на ферму шла обходомъ. Баскина посмотрѣла кругомъ себя и рѣшила, что если идти напрямикъ по тропинкѣ, уводившей съ дороги влѣво, то можно выиграть почти полпути.

Она слегка подобрала юбки, перескочила черезъ канаву и весело пошла по тропинкѣ, прорѣзавшей узкую линію домовъ и углубившейся въ кустарникъ.

Ей не одинъ разъ случалось собирать грибы и ягоды въ дубровахъ Полѣсья и она привыкла оріентироваться и находить дорогу въ лѣсу.

Однако, Ноксвильскій кустарникъ оказался болѣе затруднителенъ для пѣшехода, чѣмъ южнорусская дуброва. Дорожка, повидимому, была протоптана коровами и черезъ сотню шаговъ стала загибаться вправо и влѣво. Пройдя нѣсколько поворотовъ, Баскина свернула въ сторону и пошла прямикомъ. Ей приходилось подвигаться впередъ довольно медленно, ибо кусты были очень гибки и постоянно задѣвали ее за платье слѣва и справа. Иногда ей приходилось сгибаться до земли и пробираться впередъ почти на четверенькахъ, пролѣзать сквозь узкіе проходы между вѣтвей, раздвигать упругіе стволы, отскакивавшіе назадъ, и хлеставшіе ее въ лицо своими длинными побѣгами. Впрочемъ, и здѣсь были слѣды дорожки и по нѣкоторымъ признакамъ Баскина пришла къ убѣжденію, что Ноксвильскіе ребятишки пробираются сквозь эту чащу на поиски ягодъ. Дѣйствительно, черезъ минуту она вышла на небольшую круглую полянку, которая вся заросла низкорослыми кустиками, унизанными сплошь мелкими красными ягодами. Баскина сорвала на ходу пару ягодъ и нашла, что онѣ пріятнаго кислосладкаго вкуса. Онѣ были похожи на бруснику, но отличались отъ нея формой и расположеніемъ на стебелькахъ. Это были *cranberrise,* особая порода ягодъ, принадлежавшая Новому Свѣту.

За ягодникомъ дорожка совсѣмъ окончилась. Баскина обошла кругомъ полянки, но прохода нигдѣ не было видно, и кусты смыкались совсѣмъ непроницаемой стѣной. Она, однако, нисколько не смутилась, но даже разсмѣялась и вдругъ, усѣвшись на землѣ посреди полянки, принялась усердно собирать ягоды и отправлять ихъ въ ротъ.

Послѣ долгаго морского путешествія ей было пріятно попасть въ глубину лѣса въ этотъ прекрасный лѣтній полдень. Кругомъ пахло сладкимъ запахомъ незнакомыхъ американскихъ цвѣтовъ,

какая-то маленькая птичка, сѣрая съ голубою грудью, попрыгивала по вѣтвямъ. Заблудиться Баскина не боялась, ибо она хорошо помнила направленіе, по которому пришла и ясно представляла себѣ, гдѣ лежитъ Ѳенина ферма. Солнце пригрѣло ее, она ощупала въ карманѣ кошелекъ, потомъ откинулась на толстый пукъ стволовъ лозы, которые выходили изъ земли всѣ вмѣстѣ, какъ балясины въ спинкѣ стула, и вдругъ задремала сладкимъ и счастливымъ сномъ утомленной и безпечной юности.

Шорохъ чьихъ-то шаговъ, раздавшійся въ ближнихъ кустахъ съ лѣвой стороны, разбудилъ Баскину.

«Медвѣдь,—подумала она съ просонья,—или бродяга!»

Но тотчасъ же припомнила, что агентъ фабрики далъ ей семь долларовъ, и совершенно ободрилась.

Безсознательный ходъ ея размышленій былъ таковъ: въ странѣ, гдѣ такъ много работы, не можетъ быть ни медвѣдей, ни бродягъ.

Черезъ минуту вѣтви раздвинулись и на поляну вышелъ Вихницкій.

Увидѣвъ женское платье, онъ удивленно остановился, но когда онъ разглядѣлъ Баскину, его удивленіе еще усилилось.

— Что вы здѣсь дѣлаете? — невольно спросилъ онъ. Онъ никакъ не ожидалъ найти эту дѣвушку въ лѣсу, спящею подъ кустомъ.

Баскина поднялась на ноги и оправляла на себѣ платье.

— Я нашла мѣсто! — объявила она наивно торжествующимъ тономъ.

— Какое мѣсто? дорогу?—спросилъ Вихницкій, не понимая.

Онъ думалъ, что она заблудилась и ищетъ дорогу въ лѣсу.

— Нѣтъ, мѣсто, работу!—радостно разсмѣялась Баскина.—Славная страна Америка,—прибавила она съ воодушевленіемъ,—у меня никого нѣтъ, ни семьи, ни сестры, а я въ первый день нашла работу.

— На фабрикѣ, небось?—спросилъ Вихницкій.—Горбъ у васъ выростетъ отъ этой работы!

Баскина въ свою очередь посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Я задатокъ получила!—похвасталась она,—семь долларовъ!

— Увидите!—продолжалъ Вихницкій прежнимъ тономъ.—Они вамъ не подарятъ ни гроша!

— Мнѣ не нужно подарковъ!—гордо сказала дѣвушка.—Въ Бытомірѣ цѣлый мѣсяцъ бѣгаешь по урокамъ, а здѣсь въ одну недѣлю столько же денегъ.

Наступила пауза.

— А какъ вы сюда попали?—повторилъ Вихницкій свой прежній вопросъ.

— Я шла къ Катѣ на ферму, — сказала дѣвушка, — да присѣла отдохнуть!

— Я знаю, гдѣ ферма!—поспѣшно прибавила она, чтобы уничтожить подозрѣніе, что она могла заблудиться въ лѣсу.—Ферма тамъ!—Она указала рукой направленіе.

Вихницкій немного смутился. Онъ тоже прекрасно зналъ направленіе, по которому лежала ферма Катиной сестры.

— Здѣсь есть колесная дорога, — сказалъ онъ, — и совсѣмъ близко. Только надо пролѣзть сквозь эти кусты!—и онъ указалъ на самое густое мѣсто чащи.

Онъ вынулъ изъ кармана крѣпкій складной ножъ, раскрылъ его и принялся обрубать вѣтви, стараясь прочистить проходъ для молодой дѣвушки.

Черезъ двѣ сотни шаговъ кусты внезапно оборвались и дѣвушка, и ея спутникъ вышли на проселочную дорогу, гдѣ среди густой травы пробѣгали прямыя, плотно накатанныя колеи.

Дорога была настолько широка, что Вихницкій, шедшій впереди, дождался своей спутницы и они пошли рядомъ.

— Неужели вы прямо изъ Россіи?—спросилъ онъ, какъ будто про себя.

— А то откуда?—разсмѣялась дѣвушка.

Усталость ея прошла, она снова вспомнила, что въ карманѣ у нея цѣлый капиталъ, и что черезъ нѣсколько дней она начнетъ зарабатывать деньги, и ей вдругъ захотѣлось запѣть, или начать прыгать на этой лѣсной дорожкѣ.

— А что такое Россія?—спросилъ Вихницкій тѣмъ же тономъ.

— А вы развѣ не знаете?—удивилась дѣвушка.

— Я не знаю... Меня маленькимъ увезли!—сказалъ Вихницкій.

— Россія!—начала Баскина и неожиданно засмѣялась.—Россія—большая-большая страна!

Она внезапно почувствовала, что впечатлѣніе многочисленныхъ обидъ и мытарствъ, вынесенныхъ ею въ Ямкѣ, сгладилось на такомъ большомъ разстояніи и въ душѣ ея всплыло цѣльное и яркое представленіе объ огромномъ русскомъ мірѣ, оставленномъ сзади, загадочномъ, безпокойномъ и составляющемъ цѣлую стихію.

— А зачѣмъ люди уѣзжаютъ оттуда?—спросилъ Вихницкій наивнымъ тономъ.—Меня вотъ увезли, а вы сами уѣхали?.. Что же, тамъ мѣста нѣтъ?..

— Мѣста много, а мѣстъ нѣтъ!—отвѣтила Баскина каламбуромъ, невольно напрашивавшимся на языкъ.—Ѣсть тамъ нечего!

— Господи, какъ я ѣсть хочу!—неожиданно прибавила она, и снова разсмѣялась.

Вихницкій опустилъ руку въ карманъ и вынулъ узкую коробку сухихъ бисквитовъ, которые американскіе студенты и молодые писцы часто употребляютъ на завтракъ.

— А больше ничего нѣтъ! — прибавилъ онъ извиняющимся тономъ.

— О, спасибо и на этомъ!—сказала дѣвушка, раскрывая коробку. — Въ Россіи бѣдно! — прибавила она, перекусывая бисквитъ.—Здѣсь счастья больше!

— Какое это счастье,—сказалъ Вихницкій,—на фабрикѣ работать?..

— А вотъ три года поработаю,—сказала дѣвушка,—накоплю денегъ!

— А потомъ что?—спросилъ Вихницкій.

— Учиться буду!—сказала дѣвушка.—Сдамъ экзаменъ на городскую учительницу!

— А что потомъ?—повторилъ Вихницкій со странною настойчивостью.

— А потомъ жить буду! — сказала дѣвушка. — Какой вы, право!—засмѣялась она.—Развѣ можно знать, что будетъ потомъ?..

Вихницкій немного помолчалъ.

— Скучно жить для себя!—возразилъ онъ.—Человѣкъ долженъ себѣ поставить цѣль, что-нибудь большое, вѣчное, такое, чтобы думать не о себѣ, а только о немъ, чтобъ знать, что ты умрешь, а оно останется, и выростетъ и достанетъ до неба!

Глаза его разгорѣлись и голосъ сталъ громче. Баскина опять посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Сквозь его чудное произношеніе съ обиліемъ глухихъ нерусскихъ гласныхъ неожиданно пробилось что-то удивительно знакомое, то самое, что носилось на улицахъ даже въ захолустномъ Бытомірѣ и давало силы жить всему поколѣнію въ мученическихъ условіяхъ большихъ и малыхъ Ямокъ.

— Америка тоже большая страна!—сказала она уже нерѣшительнымъ тономъ. Ей почему-то показалось, что въ этой богатой странѣ, гдѣ за работу на фабрикѣ съ перваго разу даютъ по семи долларовъ въ недѣлю, пылкія и возвышенныя рѣчи не совсѣмъ у мѣста.

— Большая, что ей сдѣлается! — отвѣтилъ Вихницкій.—Хотите, я вамъ скажу, въ чемъ разница. Эта страна существуетъ для насъ, а не мы для нея. Она, конечно, идетъ себѣ, куда ей надо, а мы работаемъ и зарабатываемъ деньги, пьемъ, ѣдимъ, ходимъ въ театръ, кладемъ деньги въ банкъ. Вотъ и все.

— Вы учитель?—сказала дѣвушка.—Учите людей, что по вашему правда!

— А что я имъ скажу?—сказалъ Вихницкій съ нѣкоторой горечью.—Вонъ раввинъ Готхейль каждый день говоритъ имъ: если будешь жить скромно, не пить пива, класть центъ къ центу,

то накопишь денегъ, откроешь маленькое дѣло, и станешь изъ работника хозяиномъ!..

— А что, это правда?—спросила дѣвушка.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣтилъ Вихницкій. — Конечно, если накопишь денегъ и заведешь собственное дѣло, то станешь хозяиномъ!

— Это очень хорошо!—сказала дѣвушка наивно.

Вихницкій разсмѣялся.

— Всѣ вѣдь не могутъ быть хозяевами,—возразилъ онъ.

— Отчего?—спросила дѣвушка.—Если бы простые люди не пили вина и копили деньги на черный день, имъ жилось бы гораздо лучше, чѣмъ теперь,—сентенціозно прибавила она.

Это была уличная мудрость Ямки. Баскина всосала ее съ молокомъ матери и ея готовыя и ясно отчеканенныя формулы жили въ ея умѣ, бокъ-о-бокъ съ смутными порывами младшаго поколѣнія, съ которыми она была знакома изъ третьихъ рукъ.

— А мнѣ какое дѣло? — сказалъ Вихницкій. — Я не собираюсь лавку открыть! Если такъ жить, то лучше уйти на край свѣта, въ настоящую дикость.

— А что тамъ дѣлать? спросила дѣвушка.

— Лѣсъ рубить! — сказалъ Вихницкій. — Съ дикими звѣрями воевать. Не то золото копать. Тамъ, по крайней мѣрѣ, просторъ, не то, что въ здѣшнихъ городахъ.

Они дошли до узкой полосы виноградника, принадлежавшей къ усадьбѣ Брудныхъ.

— Зайдете? — спросила Баскина, поворачивая на узкую дорожку, которая вела къ Ѳениной двери.

— Мнѣ нужно въ школу!—сказалъ Вихницкій и въ голосѣ его прозвучало сожалѣніе.

Баскина уловила ноту сожалѣнія и ей стало тепло на душѣ.

— Кланяйтесь Катеринѣ Ивановнѣ!—сказалъ Вихницкій.—Скажите, я загляну вечеромъ, если удастся!

Баскина попрощалась и пошла по дорожкѣ. Въ ея радостное настроеніе вошелъ новый элементъ. Она думала, что такого человѣка, какъ Вихницкій, она еще никогда не встрѣчала на своемъ вѣку. Онъ говорилъ по-русски и на русскія темы, но даже акцентъ его рѣчи звучалъ совсѣмъ иначе. Одежда его была иначе сшита и отличалась щеголеватою опрятностью, которая въ Россіи рѣдко бываетъ свойственна увлекающимся молодымъ людямъ. Потомъ она вспомнила, какъ заблестѣли его глаза, когда онъ заговорилъ о высокихъ цѣляхъ человѣчества. Даже студентъ Охоровичъ, который считался въ Бытомірѣ первымъ умницей изо всего выпуска, не могъ бы сказать красивѣе и лучше. Потомъ она при-

помнила обѣщаніе Вихницкаго зайти вѣчеромъ. Ей невольно пришло въ голову, что въ Америкѣ все дѣлается гораздо скорѣе, чѣмъ въ Европѣ, и что люди находятъ друзей такъ же быстро, какъ и работу, и торопятся вить новыя гнѣзда, взамѣнъ старыхъ, полуразрушенныхъ и оставленныхъ за океаномъ.

Глава IX.

Вихницкій неторопливо пошелъ по дорогѣ, направляясь въ академію. Баскина нѣсколько ошиблась насчетъ его истинныхъ чувствъ. Онъ дѣйствительно сожалѣлъ о томъ, что ему не удалось зайти на ферму, но это сожалѣніе относилось исключительно къ Катѣ. По дорогѣ на ферму ему нѣсколько разъ хотѣлось свести разговоръ на общую поѣздку обѣихъ дѣвушекъ черезъ океанъ и выспросить у Баскиной какія-нибудь подробности о Катѣ, но странное смущеніе удерживало вопросъ, который готовъ былъ сорваться съ его устъ. Онъ боялся показаться смѣшнымъ этой быстроглазой горожанкѣ, которая такъ проворно нашла себѣ мѣсто и обѣщала быстро акклиматизироваться среди американской обстановки.

Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что при первомъ удобномъ случаѣ непремѣнно отправится на ферму, и обѣщалъ себѣ завязать съ Катей такой же значительный и интересный разговоръ, какъ и съ отставной учительницей изъ Ямки. Онъ вспомнилъ лицо Кати, спокойное и увѣренное выраженіе ея глазъ, грацію и цѣлесообразность ея движеній и подумалъ, что она, быть можетъ, проще, но гораздо крѣпче, естественнѣе и надежнѣе горожанки.

Вихницкій выросъ на межѣ двухъ различныхъ житейскихъ опытовъ, и какъ многіе изъ его сверстниковъ не принадлежалъ хорошенько ни Старому, ни Новому Свѣту.

У него не было настоящаго отечества. Онъ писалъ и говорилъ на трехъ языкахъ, но ни одинъ изъ этихъ языковъ не былъ ему роднымъ и не давалъ полнаго выраженія его душевной природѣ. Его англійскій, русскій и нѣмецкій словарь были одинаково безцвѣтны и лишены простонародныхъ мѣткихъ словъ, подслушанныхъ отъ дворника и прислуги или подхваченныхъ на улицѣ, которыя составляютъ соль рѣчи и придаютъ ей цвѣтъ и запахъ. Воспоминанія первыхъ десяти лѣтъ его жизни совершенно сгладились и поблѣднѣли, онъ не помнилъ сказокъ, когда-то слышанныхъ отъ няни, потерялъ пѣсенки и прибаутки, которыя пятнадцать лѣтъ тому назадъ съ такой охотой перенималъ отъ сверстниковъ, забылъ обстановку родного города, и даже слабо помнилъ

каменистый морской берегъ, куда когда-то ходилъ съ мальчишками выдирать бычковъ и удить вертлявую верхоплавку.

Въ американской школѣ на этомъ берегу моря онъ, правда, былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, но школьные товарищи были ему чужіе и онъ все время оставался въ ихъ средѣ такимъ же невнимательнымъ, тоскующимъ иностранцемъ. Онъ не могъ понять ихъ увлеченія атлетизмомъ, которое превратилось въ настоящій культъ, и недоумѣвалъ, въ силу какихъ мотивовъ самые рьяные изъ мучениковъ спорта подвергаютъ себя діэтѣ и надоѣдливой тренировкѣ, для того, чтобы въ концѣ заработать проворствомъ своихъ ногъ два лишнихъ очка въ состязательномъ подсчетѣ, и почему вся Америка приходитъ въ такое неописуемое волненіе, когда газеты возвѣщаютъ въ спеціальныхъ выпускахъ и на экранахъ электрическихъ рекламъ, что *Jale* обогналъ *Harvard* *) на двѣ съ половиной пяди. Какъ всегда бываетъ съ молчаливыми, замкнутыми въ себѣ дѣтьми, Вихницкій рано началъ увлекаться чтеніемъ. Товарищи его, слишкомъ занятые борьбой и мячомъ, никогда не шли дальше того, что задано, и даже лучшіе ограничивались вытверживаніемъ школьныхъ уроковъ, нисколько не думая о томъ, чтобы портить глаза надъ печатными строками въ неуказанное время. Но Вихницкій, чуждаясь сверстниковъ, рано научился отыскивать себѣ общество среди героевъ воображаемыхъ исторій, почерпнутыхъ изъ книгъ. Чтеніе его было обильно и безпорядочно. Онъ началъ съ англійскихъ книгъ, которыя доставать было легче, прочиталъ наивныя повѣсти Купера, которыя рисуютъ романическую жизнь раннихъ переселенцевъ, столь отличную отъ современной американской прозы, романы Смоллета, полные странныхъ и неожиданныхъ приключеній, «Робинзона Крузо» и «Путешествіе Гулливера». Въ зимнюю полночь фантастическіе разсказы Поэ заставляли его волосы подниматься дыбомъ и онъ боязливо оглядывался, ежеминутно ожидая, что дверь откроется и на порогѣ появится живой мертвецъ съ вырванными зубами, или призракъ Красной Смерти.

Волчій братъ Моугли изъ «Книги Джунглей» Киплинга заставлялъ его мечтать о далекой и загадочной Индіи, гдѣ природа такъ чудовищно роскошна, гдѣ дикія животныя мудрѣе людей и старая кобра стережетъ сокровища индѣйскихъ царей, погребенныя сотни лѣтъ тому назадъ въ подземныхъ хранилищахъ.

Всѣ эти разсказы были такъ увлекательны и исполнены неожиданностей и такъ непохожи на скучную жизнь большого города, гдѣ на каждомъ углу стоитъ городовой и гдѣ всѣ неожи-

*) Два соперничающихъ университета.

данности жизни исчерпываются пожаромъ, уличной дракой или смертью неосторожнаго ребенка подъ колесами электрической конки.

Уголовные романы, такъ называемые «сыщицкія исторіи», которые ежегодно являются сотнями на книжныхъ рынкахъ Англіи и Америки, какъ нездоровые грибы, и продаются по грошовымъ цѣнамъ на каждомъ перекресткѣ, нравились ему гораздо меньше. Въ нихъ описывалась худшая часть городской жизни; мальчика отталкивали грубыя описанія преступленій и жестокой дуэли полицейскихъ съ ворами и убійцами, и кромѣ того, онъ имѣлъ передъ глазами реальную улицу и, несмотря на свою юность, онъ инстинктивно понималъ, что сочинители выдумываютъ и что ихъ герои притворяются и играютъ въ приключенія, точь-въ-точь, какъ компанія уличныхъ мальчишекъ, которые вздумаютъ разыграть битву индійцевъ съ бѣлыми охотниками или возстаніе ирландскаго героя Роберта Эммета противъ англійскаго ига.

Другая большая половина романовъ и повѣстей, которая пишется по преимуществу на дамскій вкусъ, или для такъ называемаго «семейнаго чтенія», нравились ему еще меньше. Они изобиловали добродѣтельными молодыми людьми, которые часто начинали свою жизнь среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но въ концѣ концовъ неизмѣнно торжествовали надъ обстоятельствами и людьми. Ихъ герои слишкомъ напоминали благонравнаго мальчика изъ дѣтской книги для чтенія, который составлялъ предметъ ежедневнаго урока и былъ ненавистенъ каждому школьнику, хуже чѣмъ что бы то ни было, существующее въ мірѣ.

Когда Вихницкій сталъ старше, онъ сталъ доставать русскія книги. Домашніе его продолжали говорить по-русски. Отецъ его сорокъ лѣтъ тому назадъ окончилъ городскую школу въ Ольвіополѣ на Черномъ морѣ. Онъ былъ торговцемъ въ Россіи, въ Америкѣ ему пришлось идти на фабрику. Въ концѣ концовъ онъ опять выбился вверхъ и завелъ собственную мастерскую, но Америка не дала ему нажить капиталовъ и онъ оставался горячимъ патріотомъ старой родины. Онъ такъ сильно превозносилъ Россію сравнительно съ Америкой, что мальчикъ невольно заинтересовался и по уже образовавшейся привычкѣ сталъ искать русскихъ книгъ, чтобы узнать, какъ живутъ русскіе люди. Коекакія книги остались отъ его старшаго брата, который пятнадцать лѣтъ назадъ былъ студентомъ Петровской земледѣльческой академіи, а теперь былъ строительнымъ инженеромъ далеко на западѣ, въ Оклагомѣ. Другія нашлись у знакомыхъ отца, у мужа сестры и бывшихъ товарищей брата, которые остались въ Нью-

Іоркѣ. Мальчику сначала трудно было читать русскія книги, ибо онъ отвыкъ разбирать эти странныя буквы, гдѣ латинское *pun* надо было выговаривать рипъ, но черезъ нѣсколько дней, знаніе, пріобрѣтенное въ дѣтствѣ изъ «Азбуки Копейки» и «Родного Слова», быстро возстановилось и русскія книги открыли передъ подроставшимъ мальчикомъ совсѣмъ новый міръ. Это была другая жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ другая художественная школа. Авторы описывали свою среду точно и трезво, безъ преувеличенія и безъ фантастическихъ приключеній. Молодой читатель почувствовалъ ихъ серьезность и уловилъ искреннее стремленіе изобразить жизнь именно такой, какою она кажется въ дѣйствительности, и сразу повѣрилъ имъ и пошелъ за ними безъ оглядки туда, куда они вели его развивающуюся душу и мысль. Настроеніе ихъ было совершенно отлично отъ настроенія американскихъ писателей. Они были проникнуты сознаніемъ, что жизнь есть великая и мрачная трагедія, которая начинается рожденіемъ и оканчивается смертью, и никогда не стремились искусственно привязывать къ ея случайнымъ перемѣнамъ пошлый и благополучный конецъ. Жизнь мелкихъ людей выходила у нихъ тяжелой, подавленной игомъ труда, голодомъ и невѣжествомъ, какова она есть въ дѣйствительности, и какою молодой Вихницкій могъ видѣть ее на каждомъ перекресткѣ Нижняго города, хотя и въ измѣненныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ же общимъ характеромъ. Интеллигентные люди всегда были недовольны, возмущались окружающей обстановкой и цѣлымъ міромъ, стремились приняться за его передѣлку и неожиданно приходили къ одной изъ тѣхъ простыхъ, но трагическихъ развязокъ, какія судьба ежедневно изобрѣтаетъ для людей тысячами и десятками тысячъ. И мальчикъ чувствовалъ, что писатель возмущается вмѣстѣ съ своими героями и что сердце писателя, быть можетъ, болитъ еще больше, чѣмъ у самаго наивнаго и непосредственнаго изъ его читателей.

И въ это время мальчикъ чувствовалъ себя ровесникомъ мудрымъ, сильнымъ и талантливымъ людямъ, писавшимъ эти книги, ибо они были такъ же молоды и имѣли въ своей груди кристально-чистое и наивное сердце, какое бываетъ только у избранниковъ жизни, помѣченныхъ даромъ прозорливости и обреченныхъ на вѣчное страданіе.

Въ разрозненныхъ нумерахъ журналовъ мальчику попалось нѣсколько критическихъ статей. Онѣ помогли ему понять многое такое, что раньше онъ только чувствовалъ инстинктомъ. Вся эта литература и поколѣнія, создавшія ее, не только стремились вѣрно рисовать свой міръ со всѣмъ его убожествомъ, угнетеніемъ и нищетой, но ревностно и искренно искали путей къ его испра-

вленію и старались проповѣдывать ихъ въ окружающей средѣ. Это была какъ бы цѣлая религія, вѣчное исповѣданіе братства, свободы и любви, въ формѣ привлекательной и доступной, заимствовавшее свои образы изъ дѣйствительной жизни и, въ свою очередь, создававшее образы и заставлявшее ихъ воплощаться въ жизнь.

Мальчикъ готовъ былъ воспринять это ученіе со всѣмъ жаромъ молодости, склонной къ энтузіазму и самопожертвованію и вѣрующей въ возможность передѣлать міръ по самому великодушному рецепту.

Американская жизнь шла совсѣмъ инымъ темпомъ, въ одно и то же время болѣе быстрымъ и болѣе медленнымъ. Она распалась на множество ручьевъ, которые вовлекли въ себя десятки милліоновъ населенія. Она была враждебна всякому всеобщему рецепту и отвлеченному ученію и, создавая себѣ сотню частныхъ дѣлъ, рѣшала ихъ самымъ прозаическимъ образомъ. Тамъ, гдѣ происходила борьба, каждый боролся за свой собственный интересъ и вступалъ въ союзъ съ другими, для того, чтобы обезпечить себѣ частичную уступку отъ противоположной стороны. Здѣсь было мало мѣста для самоотверженія и энтузіазма, для того русскаго настроенія, которое постоянно готово замѣнить количественную силу напряженіемъ минутнаго усилія и сократить время, необходимое для осуществленія своихъ идеаловъ, отвагой своихъ замысловъ и самоотреченіемъ личной жизни.

Мальчикъ созрѣлъ и возмужалъ, получилъ хорошее мѣсто въ Ноксвильской академіи, но въ то же самое время въ его душѣ медленно зрѣло сознаніе, что онъ непригоденъ для окружающей его жизни.

Вихницкій никогда не пробовалъ открывать свою душу американскимъ знакомымъ. Онъ зналъ, что даже наиболѣе свободомыслящимъ и безпристрастнымъ изъ нихъ его настроеніе покажется преувеличеннымъ, непривычнымъ, ненужнымъ и даже опаснымъ для Америки. Всѣ они были настроены чинно и спокойно, и считали, что лучшій способъ служить родной странѣ, это прежде всего поудобнѣе устроить свою личную жизнь.

Даже тѣ изъ нихъ, которые выдвинулись, какъ предводители въ общественной борьбѣ, въ сущности мало отличались отъ толпы. Ихъ призваніе являлось для нихъ будничнымъ дѣломъ, занимавшимъ ежедневно столько-то часовъ и дававшимъ средства къ жизни. Время ихъ отдыха было строго отмежевано отъ дѣла и удовольствія ихъ носили тотъ же стадный и неразборчивый характеръ. Ихъ чтеніемъ служили «желтыя» газеты, тѣ же уголовные романы и хроника общественныхъ и частныхъ сканда-

ловъ. Сверстники Вихницкаго, изъ младшаго поколѣнія русскихъ переселенцевъ, большей частью поклонялись американскому строю жизни и тоже не хотѣли понять его недовольство, даже Коссъ только посмѣивался и явно уклонялся отъ теоретическихъ споровъ. Онъ былъ практикъ и посвящалъ всѣ свои усилія на изученіе своей спеціальности. Усвоивъ практическую сторону ремесла, въ послѣднее время онъ внезапно началъ ревностно заниматься техническими книгами, разсчитывая сдѣлаться инженеромъ. Онъ полушутя утверждалъ, что въ скоромъ времени намѣренъ составить акціонерную компанію и построить собственный механическій заводъ.

Иногда Вихницкому казалось, что окружающіе люди принадлежатъ къ другой породѣ, или что всѣ они сошли съ ума. Въ другое время онъ готовъ былъ признать сумасшедшимъ самого себя. Онъ жилъ своими мечтами и переживалъ ихъ, какъ дѣйствительность, а окружающая жизнь казалась ему мечтой, грубой и нескладной, какъ кошмаръ послѣ слишкомъ сытнаго ужина. Онъ чувствовалъ себя, какъ «гадкій утенокъ» среди большихъ и сытыхъ гусей, и продолжалъ читать свои книги и замыкаться въ свою скорлупу..

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ирландія отъ возстанія 1798 года до аграрной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

X.

Лордъ Эдуардъ Фицджеральдъ, вмѣстѣ съ Эмметомъ и О'Конноромъ замѣнившій Вольфа Тона во время его отсутствія изъ Ирландіи и очень скоро послѣ вступленія своего въ активную революціонную дѣятельность предназначенный «объединенными ирландцами» на постъ главнокомандующаго въ ожидаемомъ возстаніи, родился въ 1763 году. Онъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ аристократическихъ семей Великобританіи, его отецъ и старшій братъ носили титулъ герцоговъ Лейнстерскихъ. Лордъ Эдуардъ воспитывался во Франціи, гдѣ и оставался до 1779 года. Шестнадцати лѣтъ онъ вернулся въ Англію и, согласно традиціямъ своего круга, поступилъ на военную службу. Вскорѣ его отправили въ Америку, гдѣ кипѣла борьба между англичанами и возставшими колонистами. Совершенно изъ ряду вонъ выходящая храбрость юноши обратила на него вниманіе товарищей и главнокомандующаго и дала ему весьма высокое (для его лѣтъ) положеніе въ арміи. Впрочемъ, вмѣстѣ съ войною окончилась и его военная карьера. Вернувшись въ Ирландію, онъ вскорѣ сдѣлался членомъ дублинскаго парламента (нижней палаты, по выбору отъ мѣстечка Эти). Потянулись скучные годы, прямо убивавшіе молодого человѣка, полнаго силъ и энергіи, которая еще никуда не была опредѣленно направлена, но рѣшительно не могла идти на выслушиваніе парламентской болтовни. Что дублинскій парламентъ фактически совсѣмъ безсиленъ и является маріонеткой Вильяма Питта (хотя Питту все-таки не нравилось существованіе этого учрежденія), лордъ Фицджеральдъ ни мало не сомнѣвался, какъ и всѣ умные политики той эпохи, а такъ какъ онъ былъ человѣкомъ не словъ, но дѣйствій, натурой активною по преимуществу, то ему иногда становилось прямо не въ моготу сидѣть все съ одними и тѣми же людьми и слушать одно и

*) См. „Міръ Божій“ № 2, 1904 г.

то же. Онъ даже выражалъ мысль, что, если бы не горячо любимая мать, то онъ уѣхалъ бы вонъ изъ Ирландіи и принялъ бы участіе въ русско-турецкой войнѣ, все равно на сторонѣ-ли турокъ, или русскихъ. Свѣтская жизнь его интересовала очень мало, ничего онъ по душѣ себѣ не находилъ. Но исторія не дала ему стать «лишнимъ человѣкомъ». Со второй половины 1780-хъ годовъ началось усиленіе броженія въ Ирландіи; лордъ Фицджеральдъ присмотрѣлся къ этому явленію, и нашелъ, что не противъ турокъ и не противъ русскихъ призванъ онъ сражаться. Но эта мысль созрѣла въ немъ далеко не сразу. Онъ много путешествовалъ въ концѣ 1780-хъ годовъ по континенту и по Америкѣ. Его безконечно прельщали сѣверо-американскіе политическіе порядки,—это, впрочемъ, было характерною и распространенною чертою европейской молодежи наканунѣ французской революціи. Вильямъ Питтъ уже что-то учуялъ не совсѣмъ благонадежное въ молодомъ человѣкѣ, когда тотъ вернулся изъ путешествія, и, несмотря на знатную и сильную родню, рѣшилъ ходу ему не давать. Демократическія тенденціи лорда Фицджеральда все усиливались. Его потянуло въ Парижъ, гдѣ разыгрывалась революція, приковывая къ себѣ все больше и больше тревожное и радостное, злобное и восторженное вниманіе всѣхъ политическихъ лагерей европейскаго общества. Въ 1792 году онъ женился на удивительной тогдашней красавицѣ, которую звали Памелой и считали дочерью г-жи Жанлисъ и герцога Орлеанскаго. Памела была женщиной замѣчательною. Это поколѣніе, подобно почти всякому революціонному поколѣнію, выдвинуло типъ женщины-революціонерки, не только старавшейся дѣлать свою работу наравнѣ съ мужчинами, но и умѣвшей весьма часто поддержать въ нужный моментъ бодрость духа товарищей. Мы ошиблись бы, причисливъ лэди Фицджеральдъ безъ оговорокъ къ этому типу. Она была гораздо менѣе полезна и гораздо болѣе сложна. Это былъ тонкій умъ, изъ тѣхъ, повидимому, умовъ, которые нуждаются очень часто въ знаніяхъ, но никогда не въ средствахъ и способностяхъ къ осмысленію познаваемаго. Она охотно и легко предавалась тѣмъ или инымъ идейнымъ интересамъ; эстетическое начало было въ ней сильно, а прирожденные эстетики иногда ненавидятъ гнетъ съ примѣсью какой-то гадливости, т.-е. ненавистью, которая если не сильнѣе, то прочнѣе всякой иной. Вотъ почему, быть можетъ, она такъ скоро увлеклась планами и идеями своего мужа.

Лордъ Эдуардъ Фицджеральдъ, окончательно превратившійся въ ирландскаго революціонера въ 1792—1796 гг., съ 1796 года, сталъ весьма видной величиной среди «объединенныхъ ирландцевъ», и объявилъ себя безусловнымъ сторонникомъ французскаго нашествія. Французскія связи его жены далеко не всегда были ему полезны. Революціонное правительство косо посматривало на лэди Памелу, въ жилахъ которой текла королевская кровь; самому лорду Фицджеральду многими

приписывалось желаніе стать королемъ независимой Ирландіи. На дѣлѣ ни мужъ, ни жена ничѣмъ не обнаружили ни аристократическихъ тенденцій, ни честолюбивыхъ наклонностей. Вокругъ лорда Фицджеральда послѣ первыхъ же его дѣйствій по организаціи военныхъ силъ «общества объединенныхъ ирландцевъ» стали смотрѣть, какъ на революціонную величину перваго ранга. Военная опытность помогала,—природныя способности еще больше. Онъ также фанатично предался дѣлу ирландской революціи, какъ и Вольфъ Тонъ, но у него было больше чисто юношескаго огня и меньше дипломатической сдержанности. Онъ былъ и лицомъ, и душою необыкновенно молодъ. И не только за организаторскія способности его любили и цѣнили: его въ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ весь народъ, онъ сталъ, по выраженію одного своего біографа, народнымъ *идоломъ*, а для этого нужно нѣчто большее чѣмъ только взвѣшиваемыя умомъ заслуги, или, во всякомъ случаѣ, нужно нѣчто сверхъ заслугъ. Его личность влекла къ себѣ, и всѣ воспоминанія о немъ близко его знавшихъ, сбиваются на диѳирамбъ. Со своимъ живымъ, впечатлительнымъ, увлекающимся характеромъ, неглубокимъ, но быстро схватывающимъ умомъ, онъ былъ болѣе національнымъ, нежели, напримѣръ, Вольфъ Тонъ, и народная душа это уловила. Главный исполнительный комитетъ, къ общему восторгу, назначилъ его генералиссимусомъ инсургентовъ въ будущемъ возстаніи, и уже къ веснѣ 1798 г. лордъ Фицджеральдъ не то, что улучшилъ, а создалъ военную организацію, до сихъ поръ существовавшую больше на бумагѣ, если понимать подъ организаціей нѣчто планомѣрное, связывавшее отдѣльные, готовые къ бою, кружки. И онъ, и жена его вносятъ какую-то поэтическую ноту въ мрачныя страницы ирландской исторіи конца XVIII-го вѣка, но лэди Фицджеральдъ все-таки была чужой, случайной участницей событій, а ея мужъ ставилъ на карту свою жизнь и ни о чемъ, кромѣ успѣха возстанія, не думалъ.

И мужъ, и жена страстно любили Францію и французовъ и съ надеждою ждали помощи. Въ 1796 году всецѣло торжествовала мысль Вольфа Тона—не начинать ничего, пока не высадятся французы. Отсутствіе Вольфа Тона изъ Ирландіи не пропадало для страны даромъ.

XI.

Прибывъ въ Филадельфію Вольфъ Тонъ почти тотчасъ же вступилъ въ непосредственныя сношенія съ Адэ, представителемъ Франціи въ Филадельфіи. Онъ подалъ Адэ докладную записку о состояніи Ирландіи и о существенныхъ интересахъ, которые могли бы быть извлечены французскимъ правительствомъ изъ высадки въ Ирландіи. Онъ утверждалъ, что ирландцы всѣхъ вѣроисповѣданій уже объединены ненавистью противъ англичанъ, и что «руки ихъ протянуты къ Франціи, прося о помощи».

Этотъ мемуаръ былъ во французскомъ переводѣ представленъ французской директоріи и до поры, до времени былъ положенъ подъ сукно. У директоріи на рукахъ находилась такая масса дѣлъ огромной важности, что проекты Вольфа Тона никакъ не могли сразу же занять вниманіе директоровъ. Но ирландцы скоро о себѣ напомнили. Весною 1796 года лордъ Фицджеральдъ, въ виду переполненія Парижа шпіонами Вильяма Питта, отправился не въ столицу Франціи къ ея центральному правительству, а въ Гамбургъ, гдѣ и имѣлъ рядъ свиданій съ французскимъ посланникомъ Рейнаромъ. Повторяя увѣренія Вольфа Тона о полной подготовленности Ирландіи къ возстанію въ случаѣ своевременной помощи со стороны французовъ, Фицджеральдъ добавлялъ, что можно разсчитывать на десять тысячъ уже готовыхъ и вооруженныхъ людей и на 150 тысячъ вооружающихся и такихъ, на участіе которыхъ въ возстаніи можно вполнѣ разсчитывать. При этомъ добавлялось, что совершенно произвольные, часто вполнѣ безсмысленные аресты, которые позволяетъ себѣ дѣлать англійское правительство, обозлили до послѣдней степени самыхъ мирныхъ людей всѣхъ классовъ общества, и что французская армія будетъ встрѣчена всѣми, какъ избавительница. Директорія съ тѣмъ большимъ вниманіемъ отнеслась къ сообщенію своего гамбургскаго представителя, что въ Парижъ прибылъ въ эту же весну 1796 г. (вѣрнѣе еще зимою, въ февралѣ) Вольфъ Тонъ, покинувшій Америку, чтобы имѣть возможность лично бесѣдовать съ французскими правителями. Фанатикъ очутился лицомъ къ лицу съ дипломатами, неискренними, холодными, осторожными и разсчетливыми. И онъ быстро понялъ, какъ и что ему нужно говорить имъ, ибо сила чувства, постоянно и исключительно управлявшаго всѣми его дѣйствіями, не мѣшала ему зрѣло обсуждать каждое слово. Зная, что имъ и безъ его убѣжденій извѣстна весьма хорошо польза для Франціи прямого нападенія на Англію въ ея же собственныхъ европейскихъ владѣніяхъ, онъ только старался изо всѣхъ силъ убѣдить французскихъ генераловъ, мнѣніе которыхъ для директоріи имѣло рѣшающее значеніе, что исполненіе этого проекта не представитъ никакихъ особыхъ затрудненій. Ему удалось убѣдить ихъ, что въ англійскомъ флотѣ есть много ирландцевъ, которые въ критическую минуту могутъ оставить англійскій флагъ; что силы англичанъ разбросаны (и не могутъ не быть разбросаны) по враждебной имъ странѣ, гдѣ сообщенія чрезвычайно плохи; что вполнѣ мыслимо нападеніе даже на берега самой Англіи, не только Ирландіи.

Французскаго языка Вольфъ Тонъ не зналъ и ни единаго знакомаго въ Парижѣ не имѣлъ и однако успѣлъ быстро добраться до самого Карно, до Гоша, до людей серьезно поставленныхъ въ оффиціальномъ мірѣ. Онъ понравился, въ концѣ концовъ, всѣмъ, съ кѣмъ онъ въ Парижѣ встрѣчался, и ему дали военный чинъ во французской арміи. Онъ убѣждалъ французскихъ генераловъ, что необходимо ввезти

въ Ирландію возможно больше оружія и всякихъ военныхъ припасовъ для вооруженія «объединенныхъ ирландцевъ» и всѣхъ инсургентовъ вообще. По его мнѣнію, для успѣха предпріятія необходимо было высадить двадцать тысячъ человѣкъ, а минимальная цифра дессанта должна была бы быть, по его словамъ, пять тысячъ. По его подсчету въ Ирландіи жило 4½ милліона человѣкъ, а изъ нихъ только 450 тысячъ англиканскаго исповѣданія (по его статистикѣ 3.150.000 ирландцевъ-католиковъ и 900.000 ирландцевъпротестантовъ-диссентеровъ, т.-е. главнымъ образомъ пресвитеріанъ; статистика эта впрочемъ точностью отнюдь не отличалась, хотя въ общихъ чертахъ давала приблизительное представленіе о положеніи вещей). Тотчасъ послѣ высадки, говорилъ Тонъ, возгорится и удастся общее возстаніе, а затѣмъ земли и собственность англичанъ всѣ будутъ конфискованы, французы гарантируютъ Ирландіи ея независимость, и въ странѣ соберется конвентъ представителей ирландской націи. Затѣмъ Ирландія будетъ провозглашена независимою республикою.

Карно и Гошъ весьма благосклонно отнеслись къ плану Вольфа Тона, но директоріи все же хотѣлось, чтобы въ Ирландіи вспыхнуло возстаніе еще до появленія французскихъ войскъ. Однако и Тонъ, и (независимо отъ него) лордъ Фицджеральдъ со своимъ товарищемъ О'Конноромъ—всѣ отвергли самымъ рѣшительнымъ образомъ предложеніе директоріи. Впрочемъ, въ Парижѣ на этомъ не особенно настаивали. Время было горячее, только что была завоевана сѣверная Италія, предъ французами бѣжали одна за другою старыя европейскія арміи, и очень многое стало казаться и легкимъ, и возможнымъ. Гошъ взялъ на себя начальство надъ десантнымъ отрядомъ и самый отрядъ (около 15 тысячъ чел.) былъ достаточно великъ, но Вольфа Тона приводилъ въ отчаяніе французскій флотъ. Онъ видѣлъ, что могучая на континентѣ нація—на морѣ будетъ непремѣнно побита англичанами, и единственною его надеждою было избѣгнуть какъ-нибудь встрѣчи съ англійскимъ флотомъ. Солдаты были посажены на сорокъ три судна различныхъ наименованій и размѣровъ и 15-го декабря 1796 года отплыли изъ Бреста на сѣверо-западъ. Вольфъ Тонъ былъ съ ними.

Несчастья начались почти тотчасъ по отплытіи. Одинъ корабль затонулъ, другіе отбились отъ экспедиціи и никакъ не могли найти дорогу. Что было хуже всего, это то обстоятельство, что уже черезъ два дня послѣ отплытія отъ экспедиціи отнесло корабль, на которомъ находился главнокомандующій генералъ Гошъ. Силясь нагнать своихъ, корабль встрѣтился съ англійскимъ фрегатомъ, который преслѣдовалъ его нѣсколько часовъ подрядъ.

Затѣмъ жестокій штормъ унесъ его еще дальше, и въ концѣ концовъ Гошъ вернулся во Францію, ничего не зная объ участи своей экспедиціи. «Морскія дѣла, вижу я, не изъ сильныхъ нашихъ сторонъ», съ грустною ироніею пишетъ Вольфъ Тонъ въ своемъ дневникѣ. Все

же остатки этого разбросаннаго флота (около 7 тысячъ чел. солдатъ на пятнадцати судахъ) вошли въ заливъ Бэнтри 22-го декабря, спустя недѣлю послѣ отплытія. На берегахъ все было тихо и спокойно.

Англійскія власти сначало страшно встревожились, но вскорѣ начали собирать серьезныя силы раньше, нежели Груши (замѣнившій отсутствовавшаго Гоша) рѣшилъ, что ему дѣлать. Наконецъ, онъ рѣшился все-таки высадиться, несмотря на поистинѣ отчаянныя обстоятельства, на уменьшеніе почти втрое десантнаго отряда еще до встрѣчи съ врагомъ. Но несчастье продолжало преслѣдовать экспедицію. Флотъ стоялъ въ заливѣ, и нужно было подойти совсѣмъ къ берегу, чтобы начать высадку. Поднялся страшный ураганъ, и свирѣпствовалъ день, ночь и слѣдующій день. Высаживаться при ураганѣ не было ни малѣйшей возможности, а послѣ него—не усматривалось никакого смысла, ибо англичане за это время успѣли сосредоточить значительныя силы на сушѣ, да и флотъ ихъ могъ налетѣть съ моря на французскіе корабли и потопить ихъ. Было рѣшено уйти назадъ какъ можно скорѣе, и 1-го—2-го января 1797 года, черезъ 17—18 дней послѣ отплытія экспедиція по частямъ начала прибывать въ брестскую гавань; въ теченіе первыхъ недѣль января вернулись и тѣ, которыхъ отнесло въ сторону еще при первыхъ шагахъ экспедиціи въ открытомъ морѣ. Предпріятіе кончилось безъ единаго выстрѣла.

Англійскіе историки любятъ сравнивать декабрьскія морскія бури 1796 года съ тѣмъ ураганомъ, который избавилъ Англію въ 1588 году отъ непобѣдимой армады. Но, конечно, подобное сравненіе довольно натянуто: опасность на этотъ разъ была для Англіи несравненно меньше. Тѣмъ не менѣе, слѣпой случай избавилъ англичанъ отъ весьма серьезнаго осложненія ирландскихъ дѣлъ, и они рѣшили во что бы то ни стало потушить безпорядки раньше, нежели французы снова явятся. А что подобное можетъ случиться, что Вольфъ Тонъ, несмотря на крахъ вызванной имъ съ огромными усиліями экспедиціи, снова, съ прежней неукротимой энергіей, хлопочетъ предъ французскимъ правительствомъ о повтореніи предпріятія, объ этомъ въ теченіе всего 1797 г. шпіоны Вильяма Питта, находившіеся въ Парижѣ, не переставали доносить по начальству. Еще въ 1796 году администрація, при полнѣйшемъ одобреніи и соучастіи дублинскаго парламента, провела «Актъ объ инсуррекціи», согласно которому смертная казнь грозила всѣмъ, произнесшимъ «беззаконныя присяги», т.-е., другими словами, всѣмъ объединеннымъ ирландцамъ. Обыски у католиковъ, приводившіе къ открытію огнестрѣльнаго или холоднаго оружія, кончались самыми варварскими репрессіями; оранжисты уже оффиціально провозглашались опорой трона и вѣрными сынами отечества. Революціонеры видѣли, что правительство изо всѣхъ силъ хочетъ вызвать ихъ на бой немедленно, пока они не готовы. Лордъ Фицджеральдъ и его товарищи всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами сдерживали своихъ сорат-

никовъ, чтобы не разрушить общей программы дѣйствій, чтобы подождать, чѣмъ кончатся новыя усилія и старанія Вольфа Тона въ Парижѣ. Но сдерживать ирландцевъ становилось все труднѣе и труднѣе.

Въ сущности возстаніе было во многихъ мѣстностяхъ въ ходу уже въ 1796 году, и репрессіи тоже достигли такой степени и такихъ размѣровъ, что, казалось, въ ближайшемъ будущемъ могли въ худшемъ случаѣ остаться лишь въ прежнемъ видѣ, но никакъ не усилиться, ибо усилиться было невозможно. Но въ 1797 году, послѣ первой попытки французской высадки, обнаружилось, что въ этой области прогрессъ всегда возможенъ. Вотъ что говорилъ 22-го ноября 1797 г. въ британской палатѣ лордовъ одинъ изъ очень немногихъ тамъ, болѣе или менѣе безпристрастныхъ людей: «Милорды! Я видѣлъ въ Ирландіи самую нелѣпую и самую отвратительную тиранію, подъ какою когда-либо стонала нація. Нѣтъ въ Ирландіи, милорды, ни одного человѣка, котораго нельзя было бы выхватить изъ его дома въ любой часъ дня и ночи, подвергнуть строжайшему заточенію, лишить всякаго сообщенія съ людьми, ведущими его дѣла; съ которымъ нельзя было бы обращаться самымъ жестокимъ и оскорбительнымъ образомъ, причемъ онъ вовсе не зналъ бы даже, въ какомъ преступленіи онъ обвиняется и изъ какого источника вышло донесеніе противъ него. Ваши сіятельства до сихъ поръ чувствовали отвращеніе къ инквизиціи. Но въ чемъ же это страшное установленіе отличается отъ системы проводимой въ Ирландіи? Правда, люди не растягивались на пытальной рамѣ въ Ирландіи, потому что подъ руками не оказалось этого страшнаго снаряда. Но я знаю примѣры, когда люди въ Ирландіи ставились на острые столбики, пока не лишались чувствъ; когда они приходили въ сознаніе, ихъ снова ставили, пока они вторично не лишались чувствъ; когда они вторично приходили въ сознаніе, ихъ въ третій разъ ставили на столбики, пока они въ третій разъ не падали въ обморокъ; и все это, чтобы исторгнуть отъ пытаемыхъ страдальцевъ признаніе либо въ ихъ собственной виновности, либо въ виновности ихъ ближнихъ. Но я могу пойти еще дальше: людей подвергали полуповѣшенію (полузадушенію) и потомъ возвращали къ жизни, чтобы, страхомъ повторенія этого наказанія, заставить ихъ признаться въ преступленіяхъ, въ которыхъ ихъ обвиняли». Все это было чистѣйшею правдою, и ораторъ далеко не перечислилъ того, что вытворялось либо властями, либо отрядами оранжистовъ, когда имъ удавалось поймать лицъ, могущихъ, по ихъ мнѣнію, знать важныя тайны инсургентовъ. Впрочемъ, пытки и квалифицированныя казни постигали и рядовыхъ участниковъ возстанія. Инсургенты тоже въ 1797 году намѣчали тѣхъ лицъ изъ чиновниковъ, офицеровъ и частныхъ лицъ — оранжистовъ, которые казались имъ вреднѣе другихъ, и убивали ихъ. Эти убійства иногда происходили изъ засады, иногда же отрядъ инсургентовъ являлся въ помѣстье и требовалъ выдачи искомаго лица подъ угрозою

истребленія всѣхъ остальныхъ, и если выдача не происходила тотчасъ же, — нападавшіе приводили въ исполненіе свою угрозу. Борьба свирѣпѣла. Еще не вся Ирландія была ею охвачена, но уже англійскія военныя власти чувствовали себя въ весьма затруднительномъ состояніи, ибо имъ приходилось слишкомъ широко разбрасывать имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи силы. Съ 1796 года необыкновенно участились убійства сыщиковъ, а также свидѣтелей, дававшихъ показанія въ политическихъ процессахъ въ пользу обвиненія, судей, извѣстныхъ своею суровостью, администраторовъ, проявлявшихъ наибольшую активность. Террористическая тенденція проявлялась все чаще и рѣшительнѣе, но «объединенные ирландцы» оставались къ ней непричастны; подобно всякой организаціи, ведущей широкую революціонную пропаганду съ конечной цѣлью всеобщаго національнаго возстанія, они опасались вводить терроръ въ свою программу уже потому, что это de facto измѣнило бы всѣ методы ихъ дѣйствій. Дѣйствовало еще и то, что главные члены общества считали террористическую борьбу не выдерживающею критики съ точки зрѣнія нравственности. Но были среди этой ассоціаціи и другіе голоса (особенно между самыми низшими въ іерархическомъ смыслѣ кружками). Они утверждали, что при образѣ дѣйствій, какого стало придерживаться англійское правительство, имъ не остается ничего другаго, какъ отвѣчать на систематическія насилія — систематическими насиліями, на убійства отдѣльныхъ лицъ — убійствами отдѣльныхъ лицъ, на висѣлицу — ножомъ. Въ февралѣ 1797 года произошли аресты чуть ли не во всѣхъ главныхъ городахъ Ирландіи, — и затѣмъ полицейскіе ночные набѣги уже не прекращались.

Была разгромлена и прекратилась вскорѣ послѣ этого газета Самуэля Нильсона «Сѣверная Звѣзда» и завелось нѣсколько новыхъ, регулярно и нерегулярно выходившихъ органовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (напр., «Press») приняли явно террористическую окраску. Съ конца 1796 г. и начала 1797 г. управленіе всѣми дѣлами организаціи «объединенныхъ ирландцевъ» перешло въ руки Томаса-Эддиса Эммета, юриста, извѣстнаго своими обширными познаніями, ораторскимъ талантомъ и, что въ данномъ случаѣ было гораздо существеннѣе, организаторскими способностями; кромѣ него, большое значеніе въ обществѣ получили Артуръ О'Конноръ, Тилингъ, Макъ-Невинъ. Гражданская организація общества съ этихъ поръ (съ зимы 1796—1797 гг.) тѣсно сплетается съ новой, теперь впервые выработанной, чисто-военной, основанной на превращеніи годныхъ къ военной службѣ членовъ общества (конечно, по ихъ желанію) въ солдатъ съ выборными офицерами во главѣ и съ исполнительнымъ верховнымъ комитетомъ въ качествѣ главнаго штаба.

Въ началѣ 1798 года всѣхъ членовъ общества «объединенныхъ ирландцевъ» было около пятисотъ тысячъ, а изъ нихъ готовыхъ къ начатію военныхъ дѣйствій насчитывалось лордомъ Фицджеральдомъ

279.896 чел. И замѣчательное дѣло: террористическая тенденція, несмотря на рѣзко-отрицательное къ ней отношеніе такихъ вождей, какъ Томасъ Эмметъ и его товарищи, самымъ явственнымъ образомъ все шире и неудержимѣе просачивалась въ организацію, и цѣлая масса маленькихъ низшихъ комитетовъ, рѣшительно во всемъ послушная главнымъ предводителямъ, только въ этомъ за ними не слѣдовала. Но время наступило столь горячее, что какъ-то совсѣмъ это обстоятельство не вызвало раскола въ обществѣ. Сегодня происходило сраженіе съ войсками, завтра засѣкали плѣнныхъ инсургентовъ, послѣзавтра офицера, распорядившагося насчетъ экзекуціи, находили съ проломленной головой, а тамъ шли опять сраженія, новыя казни и новыя убійства. Съ лѣта 1797 г. появился (конечно, тайно печатаемый и распространяемый) спеціально-террористическій органъ «Union Star» въ Дублинѣ. Томасъ Эмметъ рѣзко отвернулся отъ этого изданія, но ожесточеніе противъ Англіи такъ быстро наростало, что даже изъ главныхъ вождей, хранившихъ до сихъ поръ нерушимо программу цѣлей и дѣйствій своей партіи, нѣкоторые, повидимому, стали относиться къ террору уже гораздо сочувственнѣе. По крайней мѣрѣ, шпіонъ Макъ-Нелли (о которомъ у насъ уже была рѣчь) увѣдомилъ къ концу 1897 г. вице-короля лорда Кэмдена, что О'Коннорь, Фицджеральдъ и Макъ-Невинъ защищаютъ систему отдѣльныхъ убійствъ, а остальные настроены умѣренно. Систематически истреблялись, какъ уже было сказано, шпіоны и свидѣтели, показывавшіе на судѣ противъ подсудимыхъ. Въ Уэстмисѣ лѣтомъ 1797 г. на одного изъ такихъ свидѣтелей, Макъ-Мэнэса *), напало нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ; онъ бросился бѣжать и пробѣжалъ преслѣдуемый по пятамъ полмили, причемъ въ него не переставали стрѣлять. Уже раненый онъ вбѣжалъ въ ближайшую хижину, гдѣ началась отчаянная схватка, во время которой раненому Макъ-Мэнэсу удалось выбѣжать изъ хижины. Онъ подхватилъ мимо шедшую дѣвушку, думая этимъ защититься отъ выстрѣловъ, но нападавшіе прострѣлили руку дѣвушки, убили, наконецъ, Макъ-Мэнэса и растерзали трупъ на мелкіе кусочки. Англичане отвѣчали на такія нападенія сожиганіемъ домовъ, гдѣ приблизительно, по ихъ разсчету, могли укрыться убійцы, а иногда цѣлыхъ деревень, откуда они могли получить помощь. Широчайшимъ образомъ практиковалось съ 1797 г. засѣканіе до смерти, причемъ ни власти, ни исполнители не подвергались никакой отвѣтственности за то, что «исправительное» наказаніе, предпринятое ими, превращалось (будто бы случайно) въ квалифицированную смертную казнь. Идея подобнаго случайнаго превращенія была впослѣдствіи перенесена въ Россію Аракчеевымъ и Клейнмихелемъ (см., напр., Н. С. Лѣскова «Захудалый родъ», разсказъ о гробахъ, заготовленныхъ еще до экзеку-

*) Lecky, VII, 343—344.

ціи), но для европейскихъ владѣній Англіи подобныя дѣйствія даже въ концѣ XVIII-го вѣка уже становились рѣдкостью. Особенною свирѣпостью отличались солдаты нетуземнаго происхожденія, привезенные спеціально для усмиренія изъ Англіи. Солдатскіе постои кончались весьма часто въ первые же дни расквартированія убійствами хозяевъ, изнасилованіемъ ихъ женъ и дочерей, разграбленіемъ имущества, а иногда съ цѣлью скрыть всѣ эти злодѣйства—поджогами домовъ (хотя, впрочемъ, военное начальство являло собою въ этомъ смыслѣ образецъ кротости и снисходительности). Англійскія власти метались, не зная, съ чего имъ начать, какъ предупредить взрывъ всеобщаго возстанія, подготовляемаго въ странѣ, ибо онѣ этого взрыва боялись гораздо болѣе еще, нежели на самомъ дѣлѣ съ ихъ точки зрѣнія было бы нужно. Вильямъ Питтъ относился къ дѣлу болѣе хладнокровно, нежели вице-король, но и онъ не могъ быть спокоенъ, въ виду несомнѣнныхъ стремленій Вольфа Тона вызвать вторичную французскую завоевательную экспедицію.

Серьезная уже въ 1796 г. и усилившаяся въ 1797 г. революціонная борьба, формированіе инсургентскихъ отрядовъ, убійства террористическаго характера, все это разсматривалось «объединенными ирландцами» только какъ прелюдія къ всеобщему возстанію, и это ихъ воззрѣніе черезъ Макъ-Нелли и другихъ сыщиковъ было извѣстно вице-королю. Французы обѣщали прислать подмогу весною 1798 г. и эта весна сдѣлалась въ глазахъ обѣихъ борющихся сторонъ тѣмъ грознымъ, критическимъ поворотомъ, которому предстояло окончательно рѣшить судьбу возстанія. Вице-король понималъ, что въ такое время арестовать главныхъ вождей «объединенныхъ ирландцевъ» является дѣломъ первой необходимости. Но Макъ-Нелли помочь тутъ не могъ сколько-нибудь серьезно, онъ называлъ нѣкоторыя имена, но бездоказательно, вслѣдствіе конспиративныхъ мѣръ, принятыхъ для охраны исполнительнаго комитета и провинціальныхъ директорій. Помогъ другой, Томасъ Рейнольдсъ, котораго можно по справедливости назвать однимъ изъ самыхъ страшныхъ доносчиковъ, какіе только когда-либо занимались этою спеціальностью. Онъ былъ братомъ жены Вольфа Тона и находился въ числѣ близкихъ людей къ вождямъ возстанія вообще и къ лорду Фицджеральду въ частности. Хотя и были слухи, что онъ не чистъ на руку, но въ общемъ, къ нему въ организаціи относились наилучшимъ образомъ и даже выбрали въ члены одного изъ важнѣйшихъ комитетовъ второго порядка (лейнстерской провинціальной директоріи). Онъ-то и явился съ предложеніемъ своихъ услугъ вице-королю. Онъ заявлялъ, что ему показали списокъ 80-ти лицъ, которыя прежде всего будутъ умерщвлены возставшими, и вотъ онъ изъ сожалѣнія къ намѣченнымъ жертвамъ рѣшилъ предать своихъ товарищей и разстроить ихъ планъ. А также онъ проситъ ассигновать ему 500 фунтовъ стерлинговъ, въ видѣ подъемныхъ

денегъ, на выѣздъ изъ Ирландіи, ибо если онъ тутъ останется, то его, разумѣется, убьютъ. Кромѣ того, онъ желаетъ, чтобы о его доносительствѣ не говорилось; чтобы его не преслѣдовали за прежніе грѣхи и чтобы, кромѣ того, его не заставляли быть и дальше доносчикомъ на «объединенныхъ ирландцевъ». Услуги были приняты съ восторгомъ. Правда, у маіора Сирра, завѣдывавшаго политическимъ сыскомъ, былъ подъ рукою такъ называемый «баталіонъ свидѣтелей», для показаній на судѣ (подъ присягою) всего того, въ истинности чего убѣдитъ ихъ предварительно непосредственное ихъ начальство; были и спеціально-приспособленные дѣятели для рекогносцировокъ и развѣдокъ. Но тутъ являлся въ одномъ лицѣ и будущій важный свидѣтель на судѣ, и непосредственно нужный предатель, безъ котораго никакъ нельзя было найти мѣста, гдѣ укрылись заговорщики. 12-го марта 1798 года у Оливера Бонда, въ Дублинѣ, собралось (считая съ хозяиномъ) 15 человѣкъ, принадлежавшихъ къ числу серьезнѣйшихъ руководителей «объединенныхъ ирландцевъ»; между ними засѣдалъ и Томасъ Рейнольдсъ. Полиція нагрянула, когда всѣ уже были въ сборѣ, и арестовала присутствовавшихъ. Спустя четыре мѣсяца, нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе показаній Рейнольдса, были повѣшены (Макъ-Кэнъ, Вильямъ Борнъ), другіе подверглись болѣе или менѣе продолжительному заключенію. До самаго процесса, когда свидѣтельскія показанія Рейнольдса уже окончательно выяснили, кто именно погубилъ собравшихся у Бонда, полиція еще могла широко пользоваться услугами этого человѣка. Дѣло въ томъ, что хотя подозрѣнія сразу пали на продолжавшаго пользоваться свободою Рейнольдса, но онъ успѣлъ отчасти ихъ разсѣять. Вскорѣ послѣ ареста 14-ти поздно ночью Рейнольдсъ наткнулся на Самуэля Нильсона, редактора закрытой «Сѣверной Звѣзды» и друга Вольфа Тона (см. о немъ VII гл. этихъ очерковъ). Нильсонъ потребовалъ отъ Рейнольдса, чтобы тотъ шелъ за нимъ. Улица была совершенно пуста, а Нильсонъ отличался гигантскимъ тѣлосложеніемъ и былъ вооруженъ. Рейнольдсъ пошелъ за нимъ. Когда они зашли въ совершенно глухой закоулокъ, Нильсонъ приставилъ пистолетъ къ груди Рейнольдса и сказалъ: «Что долженъ я сдѣлать негодяю, который вкрался бы въ мое довѣріе съ цѣлью предать меня?» На это Рейнольдсъ холодно, твердо и вполнѣ спокойно отвѣтилъ: «Вы должны были бы прострѣлить ему сердце». Тогда пораженный Нильсонъ смутился, опустилъ оружіе и ушелъ прочь. Вотъ эта-то исторія на бѣду «объединенныхъ ирландцевъ» и поселила въ ихъ умахъ сомнѣніе въ виновности Рейнольдса, и онъ могъ еще нѣкоторое время дѣйствовать, спасенный самообладаніемъ отъ вѣрной гибели.

На другой день послѣ ареста у Бонда, 13-го марта 1798 г., продолжались дѣятельнѣйшимъ образомъ новые и новые обыски и аресты, и масса лицъ, по указаніямъ Рейнольда, была арестована и въ

этотъ, и въ слѣдующіе дни. Но главный, лордъ Фицджеральдъ, не отыскивался. Лордъ Фицджеральдъ продолжалъ неутомимо работать надъ окончаніемъ военныхъ приготовленій. Какъ военный организаторъ, онъ былъ незамѣнимъ. У него не было такихъ огромныхъ дарованій государственнаго человѣка, какія были у Вольфа Тона; онъ не могъ изъ общественнаго настроенія создать политическую мысль, изъ политической мысли — политическую организацію, изъ ничего создать правильно поставленную пропаганду, отъ пропаганды толкнуть общество въ революцію. Но производить непрерывные тайные наборы будущихъ революціонныхъ солдатъ, доставать деньги, покупать и распредѣлять оружіе, вдохновлять всѣхъ и вся вокругъ себя своею твердою увѣренностью въ побѣдѣ — все это взялъ на свои молодыя плечи лордъ Фицджеральдъ. Послѣ Вольфа Тона—онъ можетъ назваться по всей справедливости главнымъ подготовителемъ возстанія. Отношеніе къ нему «объединенныхъ ирландцевъ», въ особенности же тѣхъ, которые готовились принять непосредственное военное участіе въ затѣваемомъ предпріятіи, напоминаетъ отношеніе солдатъ Густава-Адольфа къ своему вождю. Всего нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствовалъ лордъ Фицджеральдъ на революціонномъ поприщѣ, но «объединенные ирландцы» могли быть спокойны относительно чисто-военной стороны предпріятія: все, что при данныхъ обстоятельствахъ можно было сдѣлать, было сдѣлано. Но нужно было озаботиться и о не-военныхъ дѣлахъ. Послѣ ареста у Бонда, послѣдовали столь же важные аресты—Томаса Эммета и другихъ руководителей предпріятія. Необходима была немедленно замѣна, ибо исполнительный комитетъ опустѣлъ.

XIII.

Братьямъ Джону и Генри Чирсамъ выпало на долю замѣнить арестованныхъ членовъ организаціи. Джонъ Чирсъ взялъ на себя руководящую роль въ осиротѣвшемъ обществѣ, и взялъ въ такое время, когда уже планы «объединенныхъ ирландцевъ» были совсѣмъ разрушены и вмѣсто возстанія, которое своевременно должно было начаться, въ странѣ некстати и съ огромной тратой драгоцѣнныхъ силъ вспыхивали то тамъ, то сямъ, отдѣльныя мелкія стычки. Аресты и казни нескончаемой вереницей слѣдовали другъ за другой. При отсутствіи въ обществѣ «объединенныхъ ирландцевъ» революціоннаго террора, какъ системы борьбы, необыкновенно характернымъ является для новаго главы организаціи то письмо, которое онъ написалъ къ лорду Клеру, одному изъ столповъ судебно-административнаго механизма, служившаго Вильяму Питту для усмиренія Ирландіи. Джонъ Чирсъ отдалъ это письмо для напечатанія въ газетѣ «Press»; оно было уже напечатано, когда, несомнѣнно по доносу одного изъ многочисленныхъ шпіоновъ (быть можетъ, Макъ-Нелли), газета попала въ руки прави-

тельства и этотъ именно уже готовый къ выходу послѣдній (шестьдесятъ восьмой) нумеръ ея цѣликомъ былъ захваченъ полиціей. Оно слишкомъ длинно, чтобы привести его здѣсь цѣликомъ. Удовольствуемся нѣсколькими выдержками. «Милордъ,—писалъ, между прочимъ, Джонъ Чирсъ:—система истязанія и усмиренія, которая за послѣднее время обездолила эту страну общимъ голосомъ приписывается плодотворному генію вашего сіятельства; и ужъ, конечно, она во всѣхъ случаяхъ получала вашу помощь и поддержку». Характеризуя затѣмъ первоначальный фазисъ развитія движенія, строго легальнаго и конституціоннаго, Джонъ Чирсъ переходитъ къ времени, когда «объединенные ирландцы» стали подвергаться преслѣдованію. Почему? «Потому что они были опасны. Допустимъ. Милордъ, въ самомъ дѣлѣ они были опасны: но не для ирландскаго народа. Они были опасны, милордъ, для испорченности администраціи; они были опасны для конституціонныхъ злоупотребленій; они были опасны для власти, для притѣсненій, для казнокрадства министровъ его величества; и поэтому-то министры его величества рѣшили уничтожить ихъ (общество). Но установившіяся убѣжденія разума нельзя было сокрушить преслѣдованіями деспотическаго парламента, за которымъ стояла безсмысленная свирѣпость обманутой солдатчины *). Когда имъ было запрещено собираться публично, ихъ обиды заставили ихъ соединяться частнымъ образомъ; и такъ-то, милордъ, вы и другіе hirelings м-ра Питта были первыми основателями того учрежденія, которое, подъ (тѣмъ же) именемъ «объединенныхъ ирландцевъ», растоптало подъ ногами законъ и гуманность. Это вы сами милордъ, впервые организовали систему, которая съ тѣхъ поръ смѣялась надъ всѣмъ вашимъ искусствомъ въ розыскѣ и раскапываніяхъ. Это вы, милордъ, истинный виновникъ всѣхъ преступленій и эксцессовъ, которые съ тѣхъ поръ были совершены; если бы только души мертвыхъ могли смущать этотъ свѣтъ,—тысячи привидѣній умерщвленныхъ людей осаждали бы подушку вашего сіятельства и шептали бы проклятья надъ вашей головой, но вѣдь проклятья никогда не убиваютъ, и поэтому вы ихъ презираете».

Почести и деньги—вотъ, по словамъ Джона Чирса, единственная награда лорда Клера за всѣ его темныя и страшныя дѣла. «И даже, милордъ, эти вознагражденія, боюсь я, вовсе не столь вѣчны, какъ вы можете вообразить; и небо въ доказательство своей справедливости, кажется, рѣшило сдѣлать васъ орудіемъ вашей собственной погибели. Милордъ, древніе держались суевѣрнаго мнѣнія, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ люди какою-то тайною властью неодолимо влекутся къ своему уничтоженію; или, употребляя слово, непосредственно происшедшее отъ этого суевѣрія, что они обречены. Таково, милордъ, повидимому, ваше положеніе въ настоящее время; кажется, вы закры-

*) The thoughtless ferocity of a deluded soldiery.

ваете глаза на состояніе этой страны, вы не способны извлечь какую-нибудь пользу изъ примѣра иной страны. Рука фатума чудится надъ вами, а вы еще такъ нелѣпо увѣрены и такъ безумно веселы, какъ насѣкомое, которое кружится вокругъ факела, или какъ птица, которая не можетъ противустоять очарованію глазъ змѣи, вытянувшейся, чтобы поглотить ее. Я знаю, милордъ, вы гордитесь воображаемою безопасностью своего положенія. Но не хвастайте болѣе этимъ обстоятельствомъ, не обманывайтесь дольше: я говорю вамъ, что вы въ опасности».

Письмо Чирса, изъ котораго выше приведены только небольшія выдержки прямо грозило лорду Клеру убійствомъ. Полиція знала уже въ мартѣ и апрѣлѣ (1798 г.) и о мѣстопребываніи, и о дѣятельности Чирсовъ, но ихъ временно не трогали, неустанно слѣдя за ними и пользуясь ими, какъ удочкою для уловленія и выслѣживанія новыхъ, еще пока неизвѣстныхъ заговорщиковъ.

На 23 мая было назначено, наконецъ, всеобщее возстаніе; генералиссимусомъ всѣхъ имѣющихъ возстать былъ давно уже назначенъ Фицджеральдъ,—и онъ, и братья Чирсы, и Самуэль Нильсонъ заканчивали приготовленія къ этому окончательному взрыву.

Совершенно случайно правительство въ точности узнало о близости кризиса. Капитанъ Армстронгъ, одинъ изъ исконныхъ столповъ ирландскаго шпіонства, съ давнихъ поръ изучавшій страну съ нужной ему точки зрѣнія, успѣлъ вкрасться въ довѣріе къ братьямъ Чирсамъ и аккуратно послѣ каждаго свиданія съ Чирсами отправлялся на свиданіе къ кому-либо изъ начальствующихъ лицъ съ обстоятельными докладами. Чирсы и передали ему, что они и лордъ Фицджеральдъ рѣшили не ждать французовъ, а начать возстаніе немедленно, чтобы Вольфъ Тонъ явился съ французскимъ десантамъ, уже когда нужно будетъ нанести англичанамъ рѣшительный ударъ. Первоначальное твердое намѣреніе безъ французовъ не начинать было измѣнено, во-первыхъ, вслѣдствіе слишкомъ долгихъ приготовленій, переговоровъ и сборовъ французской директоріи къ вторичной экспедиціи, а во-вторыхъ изъ боязни, что на мелкія, уже не сдерживаемыя, спорадическія вспышки на разныхъ концахъ острова непроизводительно растратятся накопленныя революціонныя силы. Это серьезнѣйшее открытіе заставило тотчасъ же принять самыя быстрыя мѣры, ибо опасались, что лордъ Фицджеральдъ, если только допустить его стать во главѣ общаго возстанія, сразу придастъ всему дѣлу характеръ народной войны: своими распоряженіями по инсуррекціонной арміи, самою своею личностью онъ объединялъ подчинившіеся ему революціонные отряды. Итакъ, на очереди дня былъ арестъ лорда Фицджеральда, и Рейнольдсъ со своими товарищами по спеціальности прослѣдили его.

Послѣ арестовъ въ мартѣ 1798 г. Фицджеральдъ скрывался въ разныхъ мѣстахъ подъ разными фамиліями. Ему приходилось необык-

новенно много работать надъ разрѣшеніемъ тысячъ крупныхъ и мелкихъ вопросовъ и затрудненій, всегда обступающихъ главнокомандующаго въ подготовительный періодъ войны. Тучи шпіоновъ рѣяли вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагалось его присутствіе; Рейнольдсъ даже являлся съ визитами къ леди Фицджеральдъ и долго по душѣ съ нею бесѣдовалъ. Ночью 18-го мая 1798 года *) лордъ Фицджеральдъ пришелъ къ одному изъ сообщниковъ, Николаю Морфи. За голову Фицджеральда уже оффиціально была назначена награда въ тысячу фунтовъ стерлинговъ, и приходилось быть насторожѣ. Лордъ былъ нездоровъ, жаловался на холодъ. На другой день разнеслись слухи, что были ночью въ городѣ обыски съ цѣлью найти вождя заговора. Пришелъ Самуэль Нильсонъ съ предупрежденіемъ быть особенно осторожными. Прибѣжала затѣмъ женщина съ узломъ изъ дома Мура, гдѣ въ это время происходилъ обыскъ: ей удалось унести приготовленную военную форму, уже явно указывавшую на участіе обыскиваемыхъ въ готовящемся возстаніи. Морфи спряталъ узелъ. Часовъ въ семь вечера лордъ Фицджеральдъ лежалъ на постели въ своей комнатѣ, когда Морфи позвалъ его пить чай. Едва успѣлъ онъ выйти отъ своего гостя, какъ наткнулся на полицейскаго майора Свэна и солдата, стоявшихъ предъ комнатой Фицджеральда. Морфи спросилъ, что имъ угодно. Свэнъ, не отвѣчая, бросился прямо въ комнату. Лордъ Фицджеральдъ въ одинъ мигъ, «какъ тигръ» (по словамъ Морфи), вскочилъ съ постели и, выхвативъ кинжалъ, ударилъ полицейскаго. Тотъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ своего противника, но не попалъ, послѣ чего бросился изъ дома, приказавъ мимоходомъ солдатамъ, пришедшимъ въ квартиру, арестовать Морфи. Тогда въ комнату Фицджеральда ворвался другой изъ полицейскихъ офицеровъ — Райэнъ и началась рукопашная свалка. Фицджеральдъ изо всѣхъ силъ билъ кинжаломъ Райэна, а пока съ лѣстницы прибывали все новыя подкрѣпленія—солдаты и полицейскіе. Майоръ Сирръ, пользуясь тѣмъ, что арестуемый былъ всецѣло поглощенъ борьбою, выстрѣлилъ въ него и тяжко ранилъ; серьезную рану получилъ и Райэнъ отъ руки Фицджеральда. Тогда на Фицджеральда, быстро ослабѣвавшаго отъ раны, набросились солдаты, — но борьба, къ удивленію ихъ, все еще продолжалась. Наконецъ, сопротивленіе одинокаго и израненнаго человѣка окончилось. Плѣнникъ былъ тотчасъ же отвезенъ въ тюрьму и предоставленъ докторамъ. Онъ мучился долго, пятнадцать дней. Напрасно жена и родственники во всѣ эти дни умоляли о свиданіи съ умирающимъ, имъ было это дозволено лишь къ часамъ агоніи. 2-го іюня онъ впалъ въ безпамятство. «Супайте, ступайте! Проклятые, ступайте!», кричалъ онъ въ бреду такъ громко,

---

*) О дальнѣйшемъ см. показаніе Морфи (Madden, loc. c., vol. I, 225).

что было слышно за стѣною, на улицѣ. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня лордъ Фицджеральдъ скончался, не приходя въ сознаніе.

XIV.

Почти тотчасъ за арестомъ Фицджеральда по указаніямъ Армстронга были арестованы братья Чирсы, причемъ у нихъ были при обыскѣ найдены бумаги самаго компрометтирующаго свойства,—между прочимъ цифровыя данныя о восьми тысячахъ съ небольшимъ (8.100) чел., которые должны были возстать въ назначенный срокъ въ окрестностяхъ Дублина.

Спустя полтора мѣсяца послѣ ареста ихъ судили (4 іюля 1898 г.). Показанія Армстронга довершили гибель подсудимыхъ; оба они были приговорены къ повѣшенію. Мольбы родныхъ о свиданіи не привели ни къ чему, и братья были казнены чрезъ нѣсколько дней послѣ процесса. Возстаніе осталось безъ предводителей, ибо пока еще не осужденные руководители общества «объединенныхъ ирландцевъ» сидѣли почти всѣ въ тюрьмахъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Но возстаніе лѣтомъ 1798 года все же вспыхнуло. Оно выразилось не въ ряду обдуманныхъ, планомѣрныхъ массовыхъ дѣйствій, а въ учащеніи и усиліи тѣхъ отдѣльныхъ кровавыхъ вспышекъ, внезапныхъ сожженій лендлордскихъ домовъ, нападеній на войска, т.-е. тѣхъ явленій, которыхъ было не мало уже и въ 1796—97 гг. Но теперь, въ 1798 году все это пошло несравненно интенсивнѣе, и мятежъ охватилъ даже тѣ мѣстности, которыхъ онъ пока не затронулъ. Вѣшанія, засѣканія и пытки шли нескончаемой вереницей такъ же, какъ самыя свирѣпыя неистовства инсургентовъ надъ своими плѣнниками, что являлось прямымъ отвѣтомъ на соотвѣтственные поступки лорда Клера и ему подобныхъ. Настала осень этого страшнаго 1798 года, мятежъ разгорался,—и вновь пронеслась по разоренному, истоптанному кавалеріей, сожженному и облитому кровью острову радостная вѣсть,—что Вольфъ Тонъ снова ведетъ на помощь французовъ.

Давно уже Вольфъ Тонъ, до котораго въ точности доходили всѣ вѣсти объ ужасахъ, творящихся въ Ирландіи, о трудности для лорда Фицджеральда, Томаса Эммета и другихъ вождей сдерживать, во имя стратегическихъ и дипломатическихъ цѣлей, взрывъ общаго возстанія, долженъ былъ долгіе мѣсяцы въ 1797—1798 гг. бороться въ Парижѣ съ трудностями, съ медлительностью французской директоріи, съ равнодушіемъ чужого народа и чужой арміи. На бѣду еще умеръ (15-го сентября 1797 г.) Гошъ, всегда дружественно относившійся къ Вольфу Тону, жалѣвшій Ирландію, искренно хотѣвшій видѣть ее независимой республикою. Теперь главнокомандующимъ въ будущей экспедиціи долженъ былъ стать генералъ Наполеонъ Бонапартъ, съ которымъ (въ концѣ 1797 г.) Вольфъ Тонъ и вступилъ въ сношенія. Но Бона-

партъ абсолютно ни о чемъ не думалъ, кромѣ того, что безпорядки въ Ирландіи весьма полезны въ смыслѣ отвлеченія англійскихъ силъ. Предпринимать туда экспедицію ему, повидимому, вовсе не такъ хотѣлось, какъ Гошу, и къ судьбѣ несчастнаго острова онъ былъ вполнѣ равнодушенъ. Онъ даже прямо спросилъ директорію, чего же ей еще добиваться въ Ирландіи, кромѣ того, чтобы ирландское броженіе отвлекало англійскія силы?

Наступила весна 1798 года, и Бонапартъ со своей арміей отправился—но не въ Ирландію, а въ Египетъ. Его звѣзда уже ярко сіяла на европейскомъ горизонтѣ въ эти времена, и хоть бы потому, что его послали въ Египетъ, а не въ Ирландію, Вольфъ Тонъ могъ убѣдиться, что ирландскіе проекты для директоріи и для Бонапарта суть нѣчто совсѣмъ случайное и не особенно нужное *). Но онъ не уступалъ судьбѣ, лишившей его главной поддержки—Гоша. Изъ Эльстера, Уиклоу, Уэксфорда, изъ самыхъ отдаленныхъ и разбросанныхъ частей ирландскаго острова приходили вѣсти о вспыхнувшемъ возстаніи, и хотя общихъ и признанныхъ руководителей оно уже не имѣло,—но ясно было, что до конца лѣта 1798 года—оно, во всякомъ случаѣ, продержится. Слѣдовательно, французская экспедиція могла разсчитывать на весьма благопріятную для начала дѣйствій почву. Нѣкоторыя мѣста (въ родѣ Уэксфорда) извѣстное время всецѣло были въ рукахъ инсургентовъ, и тамъ безпощадно истреблялись цѣлыми сотнями всѣ приверженцы англичанъ и сами англичане, не успѣвшіе убѣжать. Солдаты послѣ взятія такихъ мѣстъ сначала подвергали всѣхъ бунтовщиковъ, не убитыхъ при штурмѣ, самымъ страшнымъ пыткамъ, а потомъ убивали или въ искалѣченномъ видѣ отправляли въ ближайшія тюрьмы. Пожары либо инстругентскихъ, либо англійскихъ домовъ не прекращались. Духовенство католическое въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей (въ родѣ Морфи) становилось коегдѣ во главѣ инсургентскихъ отрядовъ и сражалось съ самою отчаянною храбростью. Французская директорія подъ вліяніемъ слуховъ о бурной силѣ вспыхнувшаго возстанія и убѣжденій Вольфа Тона, наконецъ, рѣшилась, но уже когда возстаніе утихало. Въ началѣ августа (того же 1798 г.) французскій флотъ отплылъ изъ Э и послѣ долгаго плаванія, всячески уклоняясь отъ встрѣчи съ англійскими судами, которыми кишѣло морѣ, остановился у города Киллалы, въ Киллальской бухтѣ (22-го августа). Братъ Вольфа Тона—Мэтью Тонъ, Тилингъ и Селливанъ были представителями «объединенныхъ ирландцевъ» въ этомъ десантномъ отрядѣ. Высадка совершилась благополучно, но уже очень скоро начальникъ экспедиціи Эмберъ нашелъ

---

*) Впослѣдствіе уже на о. св. Елены Наполеонъ призналъ такое свое отношеніе къ проекту высадки въ Ирландіи—грубою ошибкою.

что предпріятіе гораздо труднѣе, нежели онъ думалъ. Дѣло въ томъ, что именно въ этой мѣстности возстаніе даже весною и лѣтомъ было слабѣе, нежели въ иныхъ мѣстахъ, теперь же, къ осени вовсе замерло. Далѣе директорія дала Эмберу очень мало солдатъ,—онъ высадился всего съ одною тысячью человѣкъ. Наконецъ, англійскій отрядъ здѣсь былъ силою въ 4 тысячи человѣкъ. Эмберъ направился къ Кэстльбэру. Въ моментъ встрѣчи французовъ (у высотъ Кэстльбэра) оказалось всего 700 человѣкъ. Здѣсь 27-го августа между этою горсточкою французовъ и превосходившимъ ихъ почти втрое отрядомъ англичанъ произошла битва,—съ совершенно неожиданнымъ результатомъ: англичане не выдержали бѣшеной аттаки французовъ и ударились въ паническое бѣгство, бросая по пути оружіе, оставляя врагу весь обозъ, перегоняя и давя другъ друга. Несмотря на блестящую побѣду, все-таки идти впередъ со своими маленькими силами Эмберъ не торопился. Англичане поспѣшно стягивали войска, и, послѣ нѣсколькихъ новыхъ стычекъ, французы были окружены у Балликамука (8-го сентября) и послѣ упорнаго сопротивленія сдались.

Страшная рѣзня сопровождала сдачу: англичане убили около пятисотъ ирландцевъ, которые находились во французскихъ рядахъ. Мэтью Тонъ и Тилингъ, захваченные тамъ же, были преданы военно-полевому суду. Оба они послѣ краткой формальности судоговоренія были повѣшены. Селливану удалось выдать себя за француза и онъ спасся при размѣнѣ плѣнныхъ, когда Эмберъ съ товарищами былъ возвращенъ во Францію.

Для Вольфа Тона неудача экспедиціи и казнь брата могли представляться страшнымъ горемъ, но директорія отнеслась къ плѣненію Эмбера и его отряда вполнѣ спокойно: въ ея планы входило только тревожить Англію диверсіями, и истратить для этой цѣли по маленькимъ порціямъ и въ разные сроки нѣсколько тысячъ человѣкъ не могло въ Парижѣ казаться слишкомъ большою расточительностью. Вотъ почему тотчасъ же послѣ неудачи Эмбера рѣшено было отправить новую экспедицію въ Ирландію. Командиромъ десантнаго транспорта былъ назначенъ адмиралъ Бомпаръ; девять судовъ съ 3000 чел. составляли его отрядъ. Вольфъ Тонъ во французскомъ мундирѣ находился въ числѣ офицеровъ отряда. Уже подходили къ Лау-Суили (12-го октября), когда вдругъ англійскіе линейные корабли появились на горизонтѣ и быстро приблизились. Ихъ было четыре, а у Бомпара всего одинъ, ибо остальные восемь были сравнительно мелкими судами. Кромѣ того въ англійской эскадрѣ оказалось еще четыре (тоже болѣе мелкихъ) корабля. Предъ самой битвой адмиралъ убѣждалъ Вольфа Тона, въ виду явнаго превосходства непріятельскихъ силъ, пересѣсть на маленькую шхуну и спасаться, пока будетъ происходить битва, ибо ему, Тону, грозитъ большая опасность, чѣмъ остальнымъ въ случаѣ сдачи. Тонъ хорошо понималъ, что для него плѣнъ и висѣ-

лица— однозначущи, но онъ отказался наотрѣзъ отъ всякихъ попытокъ спасенія.

Началась упорная и жестокая морская битва, и англичане одержали рѣшительную побѣду.

Корабль, на которомъ находился Вольфъ Тонъ, втеченіе шести часовъ выдерживалъ нападеніе четырехъ непріятельскихъ судовъ. Тонъ принималъ самое живое участіе въ этой отчаянной морской битвѣ, а когда, наконецъ, англичане завладѣли уже тонувшимъ кораблемъ и всѣ находившіеся на немъ были объявлены военноплѣнными, то Вольфъ Тонъ, одѣтый во французскій мундиръ, былъ сочтенъ за одного изъ французскихъ офицеровъ. Плѣнниковъ привезли въ Литтеркенни, и тамъ всѣ офицеры были приглашены на завтракъ къ одному изъ представителей военной власти лорду Кэвену *). За этимъ завтракомъ былъ, между прочимъ, одинъ старый товарищъ Вольфа Тона по университету. Онъ то и выдалъ Вольфа Тона, котораго зналъ въ лицо. Мнимаго французскаго офицера тотчасъ же связали и отправили подъ сильнымъ конвоемъ въ дублинскую тюрьму. Тотчасъ же послѣ ареста Вольфъ Тонъ написалъ письмо лорду Кэвену, гдѣ рѣшительно заявлялъ, что онъ форменнымъ образомъ зачисленъ въ списки французской арміи, а потому подобное обращеніе съ военноплѣннымъ вполнѣ непристойно. Лордъ Кэвенъ отвѣтилъ, что не признаетъ этого и считаетъ Вольфа Тона бунтовщикомъ и измѣнникомъ. 10-го ноября, начался военный судъ. Когда ввели арестанта и спросили его, признаетъ ли онъ себя виновнымъ во взводимыхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, онъ отвѣтилъ, что онъ не ищетъ для себя никакихъ прикрытій, а также не намѣренъ причинять суду какія либо затрудненія,—и поэтому съ полной готовностью признаетъ правильными всѣ обвиненія. Затѣмъ, послѣ колебаній и сомнѣній, судъ разрѣшилъ подсудимому прочесть приготовленный имъ мемуаръ. Вотъ что, между прочимъ прочелъ Вольфъ Тонъ: «Что я сдѣлалъ,—было сдѣлано исключительно изъ принципа и полнѣйшей увѣренности въ правотѣ. Я не желаю пощады и, надѣюсь, я не составляю объекта чувства жалости. Я предвосхищаю послѣдствіе моего плѣненія и я приготовленъ къ этому событію. Любимою цѣлью моей жизни была независимость моей страны, и для этой цѣли я принесъ всякую жертву. Природа насадила въ моемъ сердцѣ, при моей честной и бѣдной жизни, любовь къ свободѣ, а воспитаніе укрѣпило ее. Ни соблазнъ ни страхъ не могутъ ее оттуда изгнать, а относительно меня не щадили ни соблазновъ, ни запугиваній. Чтобы дать неоцѣнимые благословенные дары свободы землѣ, гдѣ я родился, я презрѣлъ трудности, узы и смерть. Для этого я сталъ изгнанникомъ, подвергся

*) Modden, op. c., 3 Series, vol. I, стр. 141

нищетѣ, оставилъ лоно семьи, жену, дѣтей, все, что дѣлало жизнь желательною.

«Послѣ честнаго боя, въ которомъ я старался соревновать храбростью съ моими рыцарскими товарищами, я былъ принужденъ сдаться и въ оковахъ меня волокли по странѣ, не столько къ моему позору, сколько къ позору того лица, кѣмъ былъ отданъ подобный неблагородный и безчеловѣчный приказъ. Все, что я когда-либо писалъ и говорилъ о судьбѣ Ирландіи, я здѣсь повторяю. Связь съ Англіей я всегда разсматривалъ, какъ проклятіе для благополучія и счастья Ирландіи, и дѣлалъ все, что было въ моей власти, чтобы связь эту разрушить и возвести три милліона моихъ земляковъ въ санъ гражданъ».

— Мистеръ Тонъ,—прервалъ его тутъ предсѣдатель,—невозможно намъ это слушать.

Послѣ небольшихъ препирательствъ подсудимый продолжалъ:

«Обсудивши средства моей страны и убѣдившись, что они слишкомъ слабы, чтобы съ ними безъ посторонней помощи достигнуть независимости,—я искалъ этой помощи во Франціи и безъ всякой интриги, но только основываясь на честности и откровенности моихъ принциповъ и на любви къ свободѣ, которая всегда меня отличала, французская республика меня приняла, и на дѣйствительной солдатской службѣ я пріобрѣлъ то, что было для меня безцѣнно и съ чѣмъ я разстанусь только тогда, когда разстанусь съ жизнью,—дружбу нѣкоторыхъ лучшихъ людей Франціи и привязанность и уваженіе моихъ храбрыхъ товарищей по оружію. Ослабить силу или измѣнить сущность принциповъ, во имя которыхъ я дѣйствовалъ, не можетъ приговоръ какого бы то ни было суда; и правда этихъ принциповъ переживетъ эфемерные предразсудки, которые нынѣ царятъ. Этой правдѣ я оставляю защиту своей доброй славы, и, я надѣюсь, для потомства такая защита будетъ поучительна. Теперь исполнилось болѣе четырехъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ преслѣдованіе выгнало меня изъ этой страны и едва ли мнѣ нужно говорить, что лично меня нельзя впутать ни во что, случившееся во время моего отсутствія. Въ своихъ усиліяхъ добиться свободы моей страны я всегда прибѣгалъ къ открытой и мужественной войнѣ. Были совершены съ обѣихъ сторонъ ужасы, о которыхъ я жалѣю; и если благородный духъ, пробужденію котораго въ ирландскихъ сердцахъ я способствовалъ, выродился въ систему убійствъ,—то я полагаю, что всѣ кто сколько-нибудь зналъ меня съ дѣтства до нынѣшняго часа, готовы будутъ допустить, что никто на свѣтѣ не могъ бы болѣе сердечно пожалѣть о тираніи обстоятельствъ или политикѣ, способной такъ извратить естественныя наклонности моихъ земляковъ. Мнѣ еще немного осталось сказать. Успѣхъ—*все* въ этой жизни и безъ его покровительства добродѣтель становится порочною—въ эфемерной оцѣнкѣ тѣхъ, которые связываютъ со счастьемъ—всякія достоинства.

«Въ славной расѣ патріотовъ я шелъ по слѣду, проложенному Ва-

шингтономъ въ Америкѣ и Костюшкою въ Польшѣ; подобно послѣднему — мнѣ не удалось освободить родину, и въ противуположность тому и другому, я проигралъ жизнь. Я исполнилъ свой долгъ и я сомнѣваюсь, что судъ исполнитъ свой: я только могу добавить, что человѣкъ, который думалъ и дѣйствовалъ, какъ я,—защищенъ отъ страха смерти».

Съ полнымъ спокойствіемъ велъ онъ себя въ теченіе всего процесса и только заявилъ желаніе, чтобы его не повѣсили, а разстрѣляли. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, послѣ чего отвезенъ въ тюрьму. Ночью съ 10-го на 11-е декабря онъ написалъ письмо директоріи французской республики съ просьбою помочь его женѣ и тремъ дѣтямъ, которыхъ онъ оставляетъ въ безпомощномъ состояніи. Другое было къ женѣ. «Дорогая любовь моя, наконецъ, насталъ часъ, когда мы должны разстаться. Слова не могутъ передать тѣхъ чувствъ, которыя я питаю къ тебѣ и нашимъ дѣтямъ, а потому я не буду пытаться это дѣлать. Сожалѣніе все равно какое—было бы ниже твоего и моего мужества...

«Я не могу окончить этого письма. Передай любовь мою—Мэри (его сестрѣ), и прежде всего помни, что ты одна осталась у нашихъ дорогихъ дѣтей, и что лучшее доказательство своей любви ко мнѣ ты дашь, сохраняя себя для ихъ воспитанія. Да благословитъ васъ всемогущій Богъ. Твой навсегда Т. Вольфъ Тонъ».

На другой день онъ написалъ женѣ еще записку въ которой пишетъ: «духъ мой такъ же спокоенъ, какъ во всякій иной періодъ моей жизни».

Въ воскренье ночью 11 ноября 1798 года онъ ударилъ себя спрятаннымъ заранѣе ножомъ въ шею. Мученія отъ раны были ужасны и длились болѣе семи дней. Къ нему никого изъ родныхъ не пустили, а только наполнили камеру полицейскими и тюремными чинами. Уже совсѣмъ замученный болью Вольфъ Тонъ сказалъ врачу (намекая на слова англійскихъ властей о дѣлѣ французскаго нашествія): «Они говорятъ, что я *все* знаю; но вы видите, докторъ, что все же есть вещи, которыхъ я не знаю: я нахожу, что я плохой анатомъ». Онъ острилъ о неудачно себѣ нанесенной ранѣ. Когда врачъ сказалъ ему, чтобы онъ лежалъ тихо и не говорилъ, ибо иначе сейчасъ наступитъ смерть,— онъ отвѣтилъ: «Я едва могу найти слова, чтобы благодарить васъ, сэръ: это самая желанная новость, какую только вы могли бы мнѣ принести. Изъ за чего бы я могъ желать жить теперь»? Откинувшись послѣ этихъ словъ на подушку, Вольфъ Тонъ скончался.

Евг. Тарле.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

NEGO.

Густава Даниловскаго.

Переводъ съ польскаго **М. Тальписъ.**

Надъ Иновроцлавомъ царила лунная августовская ночь, одна изъ тѣхъ ясныхъ, но полныхъ печали и меланхоліи ночей, когда собаки не хотятъ спать и оглашаютъ воздухъ протяжнымъ воемъ. То же дѣлали бы, вѣроятно, и люди; но дѣло въ томъ, что собака, чувствуя потребность повыть, выходитъ на дворъ и, поднявъ морду къ лунѣ, заливается во все горло, не интересуясь тѣмъ, какое мнѣніе составитъ о ней сосѣдъ. Человѣкъ же въ данномъ случаѣ осторожнѣе: онъ и сквозь слезы украдкой взглянетъ, производятъ ли онѣ выгодное впечатлѣніе, къ лицу ли онѣ ему?

А такъ какъ главную массу городского населенія составляютъ люди, менѣе же многочисленныя городскія собаки умѣютъ поддерживать свое достоинство лучше косматыхъ деревенскихъ своихъ собратій, то ничто не нарушало тишины этой ночи, которая, засыпанная миріадами звѣздъ, о чемъ-то глубоко задумалась.

Изъ ряда темныхъ уличныхъ домовъ особенно выдѣлялся одинъ, какъ своими малыми размѣрами, такъ и свѣтомъ въ трехъ окнахъ.

За эти три окна, маленькую кухонку и комнату, раздѣленную деревянной перегородкой на двѣ части, пани Марія платила пятнадцать рублей въ мѣсяцъ—почти третью часть всего заработка, получаемаго за «брянчаніе на фортепіано», какъ говаривала съ сердцемъ ея тетушка.

Источникомъ этой тетушкиной злобы была излишняя доброжелательность, ни за что не прощавшая племянницѣ сдѣланной послѣдней величайшей, по ея, тетушки, мнѣнію, глупости: тринадцать лѣтъ тому назадъ она, молоденькая, талантливая Марыня, отказалась, вопреки ея совѣтамъ, выйти замужъ за совсѣмъ еще бодраго обладателя каменнаго домика и лавки, котораго пылкая любовь къ ней заставила, при всемъ его отвращеніи къ какимъ бы то ни было расходамъ, раскошелиться на покупку новой мебели и на оклейку всѣхъ комнатъ обоями для пріема суженой.

Но суженая была суждена не ему; она ни съ того, ни съ сего от-

дала свою миніатюрную ручку новоиспеченному юристу, голому, какъ соколъ (онъ, о ужасъ! вѣнчался въ тужуркѣ). Правда, а немъ отзывались, какъ о человѣкѣ очень способномъ, успѣвшемъ уже издать книгу, что сулило ему прекрасную будущность.

Но тетушка твердила, что все это еще вилами по водѣ писано. И ея пророчество сбылось.

По прошествіи трехъ лѣтъ Янъ Скальскій показалъ себя, внезапно заболѣвъ и скончавшись. Радужныя мечты пошли прахомъ; вмѣстѣ со способностями, вѣнкомъ и деревяннымъ гробомъ были онѣ похоронены на кладбищѣ, а при пани Маріи остались маленькій Ясь и нужда.

Но это еще не все. Когда, полгода спустя, тетушка явилась къ ней съ щекотливымъ порученіемъ отъ ея прежняго обожателя передать, что онъ даже и теперь не прочь... хотя, конечно, снова мебели не закажетъ, вѣдь прежняя еще совсѣмъ новая, пани Марія не дала тетушкѣ договорить, рѣшительно и съ видимымъ раздраженіемъ попросивъ оставить ее въ покоѣ. Ей ничего не надо; у нея имѣются уроки музыки, дающіе возможность существовать ей и ребенку; ея единственная мечта—поставить крестъ, хотя бы деревянный, на могилѣ мужа... Тутъ послѣдовали слезы.

Это уже было слишкомъ; негодующая тетушка, раздраженная этой неблагодарностью, прервала всякія сношенія съ упрямой племянницей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, во время панихиды, онѣ встрѣтились на кладбищѣ. Тутъ бы, вѣроятно, и состоялось примиреніе, если бы не оплошность со стороны пани Маріи, которая не примѣтила своей благосклонной опекунши, подошедшей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она вытирала свои большіе, полные слезъ глаза и шептала что-то Ясю, указывая ему на покрытую дерномъ и цвѣтами могилу съ простымъ, печальнымъ крестомъ.

— Глупа она и всегда ужъ такой останется,—рѣшила въ сотый разъ тетушка, направляясь къ другимъ могиламъ.

Вообще, не только данный фактъ, но и много другихъ свидѣтельствовали о наивности и своенравіи пани Маріи. Жизнь ея, напримѣръ, была въ сущности очень тяжелая: съ утра до вечера бѣготня по лѣстницамъ и брянчаніе... и такъ въ холодъ, въ слякоть... А между тѣмъ пани Марія была почти всегда весела, и смѣхъ ея, когда она по вечерамъ шутила съ Ясемъ, нисколько не уступалъ въ искренности смѣху сына.

Послѣднее, однако, не означало, что она не испытывала приступовъ отчаянія и скорби; она только была въ извѣстномъ смыслѣ эгоисткой, пряча печаль и слезы для себя, людямъ же отдавая доброту и смѣхъ.

Это осуждала въ ней ужъ не только тетушка, но и всѣ остальные родственники и близкіе знакомые, которые по смерти мужа при-

нялись осаждать ее своими посѣщеніями, рѣшивъ, что вѣдь имѣютъ же они право поглядѣть на ея слезы. Когда же вдова ихъ принимала ласково, правда, съ печальнымъ лицомъ, но всегда сухими глазами, и когда они притомъ убѣдились, что она плачетъ украдкой, они были возмущены этой неискренностью и мало-по-малу отстранились отъ нея. Одно только достоинство нѣкоторые все же признавали за ней — практичность.

При своихъ ничтожныхъ средствахъ пани Марія имѣла маленькую обстановку, которая изъ года въ годъ увеличивалась какимъ-нибудь новымъ пріобрѣтеніемъ. Съ теченіемъ времени ей удалось даже купить піанино. Сама она недурно одѣвалась, а ужъ Ясь такъ рѣшительно ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка.

— Откуда у нея берутся деньги на все это?—предложенъ былъ какъ-то разъ вопросъ на одномъ изъ обычныхъ семейныхъ чаепитій у тетушки.

Но отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Поднялись оживленные толки и споры, въ пылу которыхъ присутствовавшая тамъ старая ханжа, скромно опустивъ глаза, замѣтила:

— Здѣсь что-то кроется...

Тутъ представительная аптекарша намекнула, что, не будь у нея такого отвращенія къ сплетнямъ, она многое могла бы поразсказать, причемъ сладко обратилась къ своей дочери:

— Пойди, Зося, посмотри альбомъ.

Какъ только Зося вышла, за ней, согнувшись, проскользнулъ студентъ, далеко не платоническій обожатель ея массивныхъ формъ. Съ точки зрѣнія охраненія дѣвичьей скромности удаленіе Зоси, собственно говоря, было лишнее, такъ какъ пошлые намеки аптекарши при всей своей многозначительности все же казались слишкомъ шаткими. А потому рѣшено изслѣдовать дѣло пообстоятельнѣе.

Такимъ образомъ надъ пани Маріей установилось нѣчто въ родѣ тайнаго надзора. Послѣдній оказался не безплоднымъ. Правда, не нашли того, что искали, и Зосѣ уже не было надобности разглядывать альбомъ, когда рѣчь шла о пани Маріи; зато собрано много свѣдѣній о мельчайшихъ подробностяхъ ея тихой жизни, а именно: Яся подготовила къ гимназіи сама мать, которая и сейчасъ ему помогаетъ; съ этой цѣлью она взялась даже за латынь, причемъ дѣлаетъ это не только по разсчету, но находитъ большое наслажденіе въ возможности помогать своему сыну и работать вмѣстѣ съ нимъ. Да и вообще вся ея система воспитанія въ высшей степени странная: она считаетъ, напримѣръ, своей обязанностью давать отчетъ молокососу всякій разъ, когда онъ того потребуетъ, даже въ случаѣ, еслибъ бранила его... если только можно назвать бранью слова въ родѣ слѣдующихъ: «ты дурно поступилъ, сынъ мой», или «поступокъ этотъ огорчилъ бы твоего отца, дорогое дитя».

Благодаря худобѣ пани Марія казалась моложе своихъ лѣтъ, и не разъ, когда она возвращалась вечеромъ со своихъ уроковъ, раскраснѣвшись отъ быстрой ходьбы, люди оглядывались за ней, шепча: «Какая красивая барышня!», хотя въ сущности ее врядъ ли можно было назвать красивой: она была только очаровательна. Если бы это лицо отлить изъ гипса, то полученная маска была бы скорѣе некрасивой, такъ какъ красота пани Маріи состояла во всякомъ случаѣ не въ ея мелкихъ, неправильныхъ чертахъ. Послѣднія служили скорѣй тонкой канвой, на которой чувства вышивали прекрасные узоры,—зеркаломъ души, которая такъ и свѣтилась сквозь ея матовую кожу, точно лучъ свѣта сквозь туманъ. Живая игра ея лица не давала возможности опредѣлить сразу даже тѣ постоянные признаки, которые выдѣляли бы это лицо среди другихъ, запечатлѣли бы его навсегда въ памяти. По всей вѣроятности то были пышные бѣлокурые волосы, золотисто-пепельные на вискахъ, большіе, глубокіе бархатные глаза и тотъ тонкій отпечатокъ меланхоліи и усталости, никогда не сходившій съ ея лица, который не могъ исчезнуть даже при самой искренней улыбкѣ ея розовыхъ губъ. По временамъ, какъ, напримѣръ, въ эту августовскую ночь, выраженіе это выступаетъ такъ сильно, что при взглядѣ на ея голову, облокотившуюся на миніатюрныя ручки, такъ и просится на языкъ опредѣленіе: «могильный цвѣтокъ».

Но еще удивительнѣе то, что нѣчто похожее замѣчается и въ дѣтскомъ личикѣ Яся, который, раскачиваясь на стулѣ, повторяетъ съ закрытыми глазами: alauda—жаворонокъ, ancilla—рабыня, aquila—орелъ, ars—искусство... хотя въ общемъ онъ ничѣмъ не напоминаетъ мать, зато походитъ какъ двѣ капли воды на писанный карандашомъ портретъ, висящій надъ письменнымъ столомъ.

Существуютъ люди, утверждающіе, что человѣкъ дѣлаетъ все, что хочетъ, а между тѣмъ, не начни нѣкогда гуси гоготать такъ не вовремя и не спаси они Рима, Ясь, быть можетъ, не зубрилъ бы, несмотря на поздній часъ, рѣчей Цезаря, а пани Марію не мучилъ бы вопросъ: выдержитъ ли ея сынъ завтра экзаменъ? Подобныя размышленія, вѣроятно, и ей приходили на умъ, хотя въ душѣ были печаль и тревога, а мысли въ безпорядкѣ безцѣльно кружились, точно стадо молодыхъ бобровъ, когда стрѣла охотника разсѣетъ ихъ на серединѣ озера.

Такъ какъ при мысли о завтрашнемъ днѣ появлялись неувѣренность и страхъ за судьбу сына, то душа пани Маріи обращалась къ прошлому и тонула въ воспоминаніяхъ. Передъ ней мелькала короткая жизнь вдвоемъ, бѣдная, тихая, но такая хорошая, полная счастья, полная широкихъ идей, которыя мужъ передъ ней развивалъ, а она жадно впитывала въ себя, понимая ихъ не столько умомъ, сколько любовью и чуткостью своей богатой души.

Вслѣдъ затѣмъ поднималась безутѣшная скорбь о томъ, что все

минуло безвозвратно. Сильный припадокъ жгучей тоски смѣнился подъ конецъ какимъ-то гнетомъ, чувствомъ слабости и одиночества. Когда же произнесенное громче обыкновеннаго слово учащагося Яся выводило ее изъ оцѣпенѣнія, сердце у нея опять сжималось при видѣ этого хилаго мальчика, который не спитъ еще, мучаясь надъ длиннымъ рядомъ трудныхъ словъ; одновременно съ этимъ въ груди начиналась борьба разума съ чувствомъ, порождавшая въ ней безумное желаніе отправить сына спать, ненавистную же грамматику, лишающую ихъ спокойствія и сна, выбросить за окно... Пани Маріи ужъ не впервые вести съ собой такую борьбу; а борьба эта поистинѣ трудная, такъ какъ, съ одной стороны, въ этой матери много здраваго разсудка, а съ другой—безграничная любовь къ единственному сыну. Любитъ она его за искренній смѣхъ, за боль, которую испытывала при его рожденіи, за радости и огорченія, которыя онъ ей причиняетъ, словомъ—за все, а главнымъ образомъ, вѣроятно, за то, что онъ ея сынъ.

На этотъ разъ борьба кончается тѣмъ, что пани Марія подходитъ къ Ясю и, отнимая у него книгу, говоритъ:

— Ну, будетъ съ тебя, мой мальчикъ; иди спать, чтобы встать завтра съ свѣжей головой.

— Сію минуту, мама,—отвѣчаетъ мальчикъ.—Я пересмотрю переводъ, а ты найди пока то слово... знаешь, какое...

Съ этими словами онъ начинаетъ искать тетрадь, а пани Марія вынимаетъ толстую книгу и роется въ ней своими тонкими пальцами. Наконецъ, слово найдено, и мальчикъ, послѣ короткаго спора о выборѣ соотвѣтствующаго изъ многочисленныхъ значеній, молча начинаетъ поспѣшно раздѣваться, но, стягивая носки, вдругъ обращается къ матери съ шаловливымъ вопросомъ:

— А ты уже знаешь тѣ предлоги въ стихахъ?

Предлоги — слабая сторона пани Маріи, и Ясь любитъ компрометтировать такимъ образомъ знакомство своей матери съ классическимъ міромъ.

Пани Марія добродушно улыбается и начинаетъ:

— Ante, apud, ad, adversus, circum, circa, citra, cis, contra, infra...— Тутъ происходитъ запинка.

— Extra, мамочка! — подхватываетъ обрадованный мальчикъ. — Конечно, это такъ легко забыть: вѣдь точно такъ же называется игра въ мячъ!

Тутъ Ясь, сдѣлавъ изъ носка клубокъ, начинаетъ посвящать мать во всѣ таинства этой чудной игры.

Въ другой разъ подобный разговоръ въ области школьной жизни вызвалъ бы смѣхъ и горячіе споры съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ пани Марія живо интересовалась всякими проявленіями ученической жизни; знала ихъ жаргонъ и всѣ техническія выраженія и даже пріобрѣла въ широкомъ кругу мальчугановъ извѣстность своимъ арти-

стическимъ шитьемъ такъ называемыхъ «самодѣльныхъ мячиковъ». Сегодня, однако, присутствіе экзаменаціоннаго призрака лишало мальчика и, тѣмъ болѣе, мать обычной оживленности.

Ясь вскорѣ умолкъ и, обнявъ въ послѣдній разъ мать, скользнулъ подъ одѣяло, а пани Марія, потушивъ лампу и глубоко вздохнувъ, перешла за перегородку въ свою комнату, легла, не раздѣваясь, на кушетку и въ такомъ положеніи до поздней ночи размышляла о всевозможныхъ предметахъ.

На слѣдующее утро Ясь, съ книгами подъмышкой и наполненными съѣстнымъ карманами, мчался быстрѣе обыкновеннаго въ гимназію. На углу, недалеко отъ послѣдней къ нему присоединились два товарища по несчастью: Стась Крицкій и Антекъ Сикора. Антекъ, обладающій неоцѣнимымъ искусствомъ отгадывать поставленный баллъ по движенію руки учителя, тутъ же показалъ имъ свѣже-изготовленный шарикъ изъ старой калоши, незамѣнимый при игрѣ въ лапту. При этомъ онъ высказалъ не лишенный проницательности взглядъ, что лучше ужъ сразу срѣзаться, нежели имѣть переэкзаменовку, отравляющую всѣ каникулы.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, сразу получишь головомойку, а потомъ оставятъ въ покоѣ; съ проклятой же переэкзаменовкой просто бѣда: тутъ ужъ не только родители, но и каждая изъ сестеръ и тетокъ поминутно жужжатъ надъ ухомъ: «учись, учись!» или «шали, шали! а вотъ срѣжешься зато, какъ баранъ!»

— Какъ знать, не сбудется ли того и гляди, это пророчество?—флегматично вставляетъ Стась, баловень богатыхъ родителей, хотя въ сущности онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе товарища, но совсѣмъ по другой причинѣ: отъ природы онъ врагъ всякихъ неопредѣленныхъ положеній.

Одинъ Ясь молчитъ, онъ второгодникъ, и для него переэкзаменовка ставится гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть въ гимназіи? Правда, онъ не вполнѣ ясно представляетъ себѣ, чтобы онъ пересталъ фигурировать въ спискѣ дѣйствительныхъ членовъ третьяго класса, тѣмъ не менѣе жаждетъ выдержать экзаменъ во что бы то ни стало. Вотъ почему по мѣрѣ приближенія къ зданію гимназіи имъ овладѣваютъ необычайное безпокойство, нетерпѣніе и страхъ. Страстное желаніе его является слѣдствіемъ не одной только сыновней любви и боязни причинить матери огорченіе и слезы: громадную роль здѣсь играетъ также и врожденное, унаслѣдованное отъ отца упорство въ преодолѣваніи преградъ, упорство, возбужденное ребяческой увѣренностью въ томъ, что его успѣхъ будетъ источникомъ неудовольствія для латинскаго учителя, который поставилъ ему двойку за экзаменаціонное extemporale, и въ лицѣ котораго онъ видитъ своего преслѣдователя.

Ясь ненавидитъ Орла (такъ прозвали учителя латыни) всѣми си-

лами своей дѣтской, чрезмѣрно впечатлительной души. Это онъ оставилъ его на второй годъ въ классѣ, несмотря на хорошіе баллы по всѣмъ остальнымъ предметамъ. А въ теченіе всего слѣдующаго года Ясь при самомъ усиленномъ трудѣ и благодаря помощи матери еле-еле отстаивалъ у него тройки, хотя по грамматикѣ отвѣчалъ на всѣ вопросы, а исключенія зналъ, какъ «Отче нашъ». Орелъ же срѣзалъ его на экзаменѣ и назначилъ ему переэкзаменовку, а вѣдь могъ бы и такъ пропустить.

— Онъ меня не любитъ, мама—жаловался Ясь матери послѣ каждой тройки, и при этомъ въ дѣтской груди мальчика поднималось глухое бѣшенство, а губы сжимались упрямо.

— Онъ тебя не любитъ, — не разъ повторяли ему и товарищи.

Оттого-то на лѣстницѣ Антекъ громко вздыхаетъ:

— Ахъ, если бы только не было Орла!

Но Ясь мысленно проситъ Бога, чтобы онъ былъ. Вѣдь онъ чувствуетъ, что знаетъ курсъ хорошо, и надѣется, что внушитъ ему къ себѣ уваженіе, что подавитъ его своей ученостью, что сегодняшній день будетъ днемъ его возмездія.

На лѣстницѣ и въ корридорахъ зданія въ этотъ день необыкновенно людно: они биткомъ набиты не только мальчуганами, но и взрослыми мужчинами и женщинами. Это родители приводятъ новопосвященныхъ рыцарей. Старшіе ученики съ нѣкоторымъ принебреженіемъ поглядываютъ на своихъ необмундированныхъ товарищей — точно старая гвардія на новобранцевъ.

Внутри зданія не замѣтно никакихъ перемѣнъ: тѣ же сѣрыя стѣны съ темнымъ бордюромъ внизу, тѣ же часы, а при нихъ старый сторожъ стоитъ въ той же позѣ, въ какой оставили его въ началѣ лѣта. Только полы стали бѣлѣе да лица мальчугановъ потемнѣли отъ загара. Антекъ съ грознымъ видомъ, въ сопровожденіи толпы новичковъ усердно работаетъ локтями, пробивая товарищамъ дорогу въ классъ. Въ классѣ происходитъ встрѣча съ остальными учениками низшихъ и высшихъ классовъ, у которыхъ тоже въ этотъ день переэкзаменовки. Сегодня, однако, здѣсь нѣтъ обычнаго шума. Надъ залой носится призракъ экзамена, а большой, покрытый зеленымъ сукномъ столъ смотритъ зловѣще и окончательно портитъ расположеніе духа; послѣднее же не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Одинъ Антекъ не теряетъ бодрости. Онъ затрагиваетъ вопросъ о происхожденіи сукна, которое, по его мнѣнію, ведетъ свое начало отъ юбки директорши; но его острота встрѣчаетъ лишь нѣсколько слабыхъ улыбокъ: въ корридорѣ уже послышались хорошо знакомые тяжелые шаги. Мальчуганы бросаются къ скамейкамъ и усаживаются, подобно стаѣ испуганныхъ куропатокъ, завидѣвшихъ ястреба. Дверь отворяется, и является въ засаленномъ фракѣ филологъ—Орелъ.

Прозвища мальчугановъ бываютъ удивительно мѣтки. Этотъ Орелъ,

однако же, имъ рѣшительно не удался. Ибо въ человѣкѣ этомъ не было не только ничего орлинаго, но и вообще ничего, напоминающаго птицу, съ которой у насъ связано понятіе о легкости. Онъ, напротивъ того, производилъ впечатлѣніе грубо отесаннаго въ видѣ человѣческой фигуры пня, обернутаго въ широкіе куски сукна. Своими длинными руками съ большими, какъ сковороды, ладонями, своими поразительно толстыми колѣнями онъ сильно смахивалъ на идущаго на двухъ лапахъ медвѣдя; а неуклюжія движенія и болтающееся на немъ платье придавали ему видъ гипопотама или вообще любого изъ толстокожихъ; одни только маленькіе, бѣгающіе глазки вовсе не гармонировали со всей этой отяжелѣвшей фигурой, которая какъ и широкое, плоское лицо, служила вѣрнымъ отраженіе его души, лишенной всякаго полета, всякой глубины, зато обладающей рѣдкой способностью совмѣщать въ себѣ рѣшительно все: восхищаться греческой республикой, хвалить трибуновъ и въ то же время уважать олигарховъ; считаться дома демократомъ и либераломъ, а въ ученикахъ заглушать всякую самодѣятельность.

Мальчуганы его не терпятъ, такъ какъ, не говоря уже о строгости, онъ является для нихъ несноснымъ типомъ учителя-отца, который на этомъ основаніи считаетъ позволительнымъ и даже необходимымъ заглядывать въ ранцы и души своихъ питомцевъ.

Орелъ платитъ имъ той же монетой: онъ отъ души не любитъ мальчугановъ, хотя, вѣроятно, тоже, какъ и они, не сумѣлъ бы объяснить это чувство. Ученики его прямо возмущаютъ; возмущаютъ его своими одухотворенными, нервными лицами, проявленіями своей живости, своими манишками, воротничками... словомъ всѣмъ. Поэтому-то Орелъ, вѣроятно, не переноситъ и Яся, какъ наиболѣе типичнаго представителя всего класса. Бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица, тонкія голубыя жилки на вискахъ, неопредѣленная, мечтательная задумчивость во всѣхъ чертахъ, большіе какъ бы усталые глаза, изысканный костюмъ, свѣтлые локоны словомъ все, что дѣлаетъ изъ этого мальчика живой рисунокъ Гроттгера, это-то именно и не нравится толстокожей натурѣ учителя, возбуждая въ немъ какую-то стихійную непріязнь.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что обѣ стороны отлично знаютъ о своихъ антипатіяхъ. Ничего, значитъ, нѣтъ удивительнаго, если даже вполнѣ заслуженная двойка вызываетъ въ ученикахъ чувство обиды, съ другой же стороны, при самомъ обыкновенномъ случаѣ и въ самомъ простомъ, наивномъ вопросѣ или отвѣтѣ подозрительный учитель видитъ проявленіе злобы или протеста. Отсюда тихая, но непрерывная борьба между классомъ и учителемъ. На его сторонѣ власть, проявляющаяся въ видѣ двоекъ и карцера; защита же дѣтей—презрительныя гримасы, насмѣшливыя улыбки, тихій шопотъ, выразительные взгляды и тысячи тому подобныхъ мелкихъ способовъ проявленія своего презрѣнія и ненависти, которыхъ не уничтожишь ни однимъ параграфомъ

школьныхъ законовъ, такъ какъ они неуловимы, но зато тѣмъ болѣе чувствительны. Сегодняшнее настроеніе учителя трудно назвать хорошимъ. Онъ принужденъ снова явиться передъ классомъ, отъ котораго успѣлъ отвыкнуть за долгія каникулы, и который ему, слѣдовательно, еще противнѣе. Мрачный садится онъ молча на каѳедру и отдаетъ краткое приказаніе:

— Молитва!

Тонкій голосокъ начинаетъ быстро выговаривать слова молитвы. Антекъ же, между тѣмъ, шепчетъ Ясю:

— Злится, бестія!

Едва прозвучало «аминь», какъ раздается вторичная команда:

— На середину!

Первымъ выходитъ Стась Крицкій; онъ на видъ довольно спокоенъ, и только легкое дрожаніе книги въ его рукѣ обнаруживаетъ скрытое волненіе.

-- Одиннадцать!

— Undecim!—отвѣчаетъ, какъ эхо, ученикъ.

— Дальше!

— Duodecim, tredecim, quatuordecim!..—считаетъ, точно заведенная машина, Стась.

— Переводить двадцать шестой параграфъ!

Переводъ Стася сильно хромаетъ. Собственно говоря, ему понятно значеніе каждой фразы; онъ только не умѣетъ подыскать соотвѣтствующихъ словъ для выраженія своихъ мыслей.

Положеніе вскорѣ начинаетъ выясняться. Plusquamperfectum отъ «sto» окончательно губитъ Стася. Раздается роковое слово Орла:

— Довольно!

Ученикъ медленно идетъ на мѣсто; учитель беретъ перо, за движеніемъ котораго зорко слѣдитъ Антекъ.

Черезъ мгновеніе онъ показываетъ Стасю два запачканныхъ чернилами пальца.

— Неужели?—шепчетъ упавшимъ голосомъ Стась.

— Безъ сомнѣнія!—отвѣчаетъ съ большимъ убѣжденіемъ Антекъ: двойка какъ пить дать!

Начало экзамена производитъ удручающее впечатлѣніе; встревоженные ученики переглядываются между собой, и середина класса, не смотря на двукратную команду, остается пустой.

— Ну, кто же теперь?!—спрашиваетъ въ третій разъ раздраженный филологъ.

Тутъ выступаетъ Антекъ. Онъ въ высшей степени слабо подготовленъ, однако же идетъ смѣло и увѣренно. Это его обычная система, выработанная не столько философствованіемъ, сколько долголѣтней практикой. И дѣйствительно, догадливый мальчикъ хорошо знаетъ, что

дѣлаетъ, ибо изъ десяти учителей девять послѣ двойки охотнѣе ставятъ тройки.

Есть даже много такихъ, которые, выводя баллъ, руководствуются, главнымъ образомъ, извѣстной симметріей въ сплетеніи цифръ на бумагѣ. Кромѣ того, выходъ Антека въ такой критическій моментъ заставляетъ предполагать въ немъ рѣдкую самоувѣренность, основанную на близкомъ знакомствѣ съ предметомъ. Вся его дальнѣйшая тактика равнымъ образомъ отличается послѣдовательностью и рѣдкимъ остроуміемъ. Читаетъ онъ скоро и громко, чуть не кричитъ. Отвѣчаетъ за то медленно, внимательно заглядывая Орлу въ глаза, готовый при малѣйшемъ выраженіи въ нихъ неудовольствія поправиться, оттого-то онъ и повторяетъ поминутно: «то-есть не такъ, я ошибся», улыбаясь при этомъ съ такимъ видомъ, точно самъ удивляется своей разсѣянности.

При такомъ маневрѣ отвѣтъ затягивается, и учителю кажется, что онъ задалъ массу вопросовъ, тогда какъ въ сущности ихъ было очень немного. Кромѣ того, Антекъ своей манерой держаться, безпрерывнымъ сморканіемъ, просьбами повторить вопросъ, крикомъ положительно мучитъ Орла, хотя и его самого въ свою очередь прошибаетъ потъ.

Результатомъ всей этой тактики является невѣроятный сумбуръ въ головѣ учителя, вслѣдствіе чего послѣдній не въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ степени знанія ученика; чувствуя, себя, однако, усталымъ, онъ отсылаетъ его на мѣсто и выводитъ тройку.

Опытный же Антекъ безукоризненно доводитъ комедію до конца и напослѣдокъ еще корчитъ самую неудовлетворенную гримасу, точно онъ надѣялся на лучшій баллъ, хотя внутренно весь дрожитъ отъ радости. И только усѣвшись на мѣсто, онъ, обезсиленный борьбою, но гордый своей побѣдой, шепчетъ сосѣдямъ:

— Что, ловко вывернулся?!

Экзаменъ продолжается, и въ то время, когда одни отвѣчаютъ, остальные ведутъ себя различно. Нѣкоторые лихорадочно перелистываютъ книги и тетради, повторяя грамматику и слова; иные безпокойно ерзаютъ на мѣстѣ, точно ихъ колютъ булавками; третьи, наконецъ, смотрятъ неподвижно въ пространство, какъ сонные. На всѣхъ лицахъ замѣтно страшное напряженіе нервовъ.

Ясь принадлежитъ къ разряду неспокойныхъ и нерѣшительныхъ. Сколько разъ уже онъ намѣревался выйти, но напрасно. Наконецъ, онъ дѣлаетъ надъ собой геройское усиліе и становится передъ каѳедрой. На мгновеніе лицо его блѣднѣетъ, какъ полотно, а въ глазахъ появляется то характерное выраженіе ужаса, какое случается наблюдать у людей, неожиданно попавшихъ въ холодную ванну. Ученикамъ хорошо знакомъ этотъ моментъ, когда всѣ мысли вдругъ куда-

то улетаютъ, и кажется, что рѣшительно ничего не знаешь и не помнишь.

Ясь, однако, мгновенно приходитъ въ себя и начинаетъ отвѣчать. Голосъ его, сперва тихій и сдавленный, вскорѣ становится звучнѣе, а цвѣтъ лица пріобрѣтаетъ болѣе живыя краски.

Отвѣчаетъ онъ въ общемъ хорошо. Миновавъ благополучно supina и gerundia, не сбившись и въ futurum отъ глагола «eo», доходитъ онъ, наконецъ, до перевода. Тутъ первое предложеніе начинается со слова nego. Ясь задумывается, лихорадочно перебирая въ памяти слова... Увы! Тщетно. Будь на его мѣстѣ Антекъ, тотъ приписалъ бы ужъ десять значеній этому слову, и вывернулся бы кое-какъ. Да и Ясь, вѣроятно, хотѣлъ бы сдѣлать то же, но, воспитанный въ искренной атмосферѣ своей семьи, онъ положительно не умѣетъ ни схитрить, ни искусно солгать; онъ съ минуту молчитъ, наконецъ, на упорное повтореніе Орла: «Ну, какъ же?!» отвѣчаетъ:

— Не знаю!

Въ тонѣ этого отвѣта пробивается легкое раздраженіе, вызванное общимъ возбужденнымъ состояніемъ мальчика. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ представляется дѣло учителю: въ этомъ «не знаю» чудится ему нѣкоторое пренебреженіе со стороны Яся. Онъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе на стулѣ; по маленькимъ глазкамъ пробѣгаетъ желтоватый блескъ; однако, онъ тотчасъ же овладѣваетъ собой и, стараясь быть спокойнымъ, спрашиваетъ:

— Какая же это часть рѣчи?!

Ясь могъ бы вполнѣ справедливо сослаться на то, что, не зная значенія слова, на подобный вопросъ трудно отвѣтить; но, признаться, онъ не съумѣлъ до этого додуматься. Вмѣсто этого, въ дѣтскомъ мозгу происходитъ приблизительно слѣдующая трудная и довольно сложная комбинація: ego значитъ «я»; должно быть, и nego нѣчто въ этомъ родѣ, какъ будто «не я». Вотъ онъ и относитъ этотъ глаголъ къ мѣстоименіямъ, нисколько не подозрѣвая, что тѣмъ самымъ заставилъ Цицерона и Ливія застонать въ глубинѣ своихъ саркофаговъ.

— Ага, ну склоняй!—издѣвается учитель.

Ясь послѣдователенъ, а потому съ преспокойнымъ видомъ начинаетъ:

— Nego, nei, nihi, ne, ne!

Тутъ ужъ мало впечатлительный, но все же классическій духъ филолога возгорается священнымъ негодованіемъ.

— А теперь довольно!--цѣдитъ онъ сквозь зубы.

Ясь ретируется на мѣсто, а Орелъ, схвативъ перо, дѣлаетъ имъ быстрое и короткое движеніе.

— Сколько?—спрашиваетъ Ясь у Антека.

Послѣдній, однако, сбитъ съ толку. По его мнѣнію, товарищъ отвѣчалъ очень хорошо; трудно, значитъ, предположить, чтобы ему поставили колъ; но что же другое, въ такомъ случаѣ, могъ онъ получить?

— Четверку развѣ!—шепчетъ онъ.

Нерѣшительный отвѣтъ Антека, странное поведеніе учителя,—все возбуждаетъ неувѣренность и опасеніе въ маленькомъ сердечкѣ Яся. Такъ какъ, однако, гимназическіе баллы до поры до времени облечены въ глубокую таинственность (почему—это опять-таки тайна педагогики), то Ясь принужденъ до конца экзамена оставаться въ высшей степени раздраженномъ состояніи ожиданія.

Къ четыремъ часамъ экзаменъ кончается; мальчуганы выходятъ, учитель же остается въ классѣ переписать начисто баллы и вывести окончательное рѣшеніе.

Въ коридорахъ пусто и тихо; небольшая кучка ожидающихъ мальчиковъ не въ состояніи оживить сѣрыя стѣны: слишкомъ ужъ они измучены. Лихорадочное состояніе возбужденія прошло; голодъ и утомленіе даютъ себя чувствовать. Одни вынимаютъ изъ кармана завтракъ; другіе ѣсть еще не въ состояніи и садятся на ранцы, чтобы такимъ образомъ отдохнуть. Всѣ испытываютъ легкую боль въ вискахъ и колотье въ глазахъ.

Вдругъ заглядывающій въ классъ черезъ замочную скважину Антекъ восклицаетъ:

— Идетъ!

Вся команда вскакиваетъ на ноги и тѣснится къ дверямъ. Выходитъ Орелъ.

— Баллы! Баллы!—кричатъ хоромъ мальчуганы.

Орелъ достаетъ листъ и среди гробовой тишины читаетъ поочередно фамиліи, называя при каждой соотвѣтственный баллъ.

Ясь записанъ послѣднимъ. По мѣрѣ чтенія одни лица проясняются улыбкой, по другимъ пробѣгаетъ облако печали.

— Сикора три, Скальскій единица,—кончаетъ учитель.

Послѣдній баллъ производитъ необыкновенное впечатлѣніе; среди учениковъ происходитъ движеніе, потомъ опять воцаряется тишина, и вдругъ раздается крикъ, въ которомъ звучатъ жалоба, отчаяніе и протестъ:

— За что?

Стонъ этотъ вырывается изъ блѣдныхъ устъ Яся.

Уши учителя, чрезвычайно воспріимчивыя къ протесту, различаютъ въ крикѣ мальчика исключительно этотъ тонъ. Лицо Орла становится поразительно хищнымъ; въ его глазахъ вспыхиваетъ желтоватый огонекъ, а съ тонкихъ губъ слетаютъ хриплыя слова:

— Ты еще спрашиваешь за что? Какъ ты смѣешь!.. Я тебѣ!..

Тутъ онъ впивается своими острыми глазами въ блѣдное лицо Яся.

Наступаетъ минута такой тишины, что слышно ускоренное дыханіе маленькихъ грудей, напряженные удары пульса въ вискахъ и тяжелое сопѣніе Орла, взглядъ котораго встрѣчаетъ горящіе глаза не только Яся, но и остальныхъ мальчугановъ, до глубины души возмущенныхъ этимъ балломъ.

Проходитъ нѣсколько мгновеній въ этой борьбѣ взглядовъ. Учитель, наконецъ, опускаетъ глаза и цѣдитъ сквозь зубы полныя злобы и яда слова:

— Правда! ты второгодникъ: значитъ, ты уже не ученикъ...

Съ этими словами онъ отворачивается и медленно удаляется, стуча каблуками.

— Скотина!—несется вслѣдъ за нимъ сдержанный шопотъ. Затѣмъ вся группа молча собирается уходить.

Первымъ спускается съ лѣстницы, хватаясь за перила, Ясь. Товарищи провожаютъ его взорами, полными сочувствія и уваженія, точно солдаты собрата, получившаго въ ожесточенномъ бою смертельную рану.

Ясь и впрямь производитъ впечатлѣніе раненаго: идетъ онъ, шатаясь, блѣдный, какъ трупъ, а въ груди ощущаетъ оловянную, не дѣтскую тяжесть разнородныхъ чувствъ, надъ которыми царитъ жгучее чувство обиды, тѣмъ болѣе живое и сильное, что зародилось оно въ свѣжей душѣ ребенка, котораго жизнь не успѣла еще пріучить ни къ тому, чтобы терпѣть обиду, ни къ тому, чтобы обижать другихъ.

Пани Марія, вернувшись со своихъ уроковъ, уже съ часъ нетерпѣливо ожидаетъ сына, подбѣгая поминутно то къ одному окну, то къ другому. Изъ маленькой кухни доносится вмѣстѣ съ паромъ и запахомъ кушаній ворчаніе старой Яновой:

— Ахъ! этотъ барчукъ всегда опаздываетъ! Все простынетъ, а жаркое высохнетъ, какъ подошва!

— Дѣйствительно! Что же это его еще нѣтъ?—шепчетъ пани Марія и, чтобы убить время, принимается подбирать на фортепіано какую-то трудную мелодію.

Но черезъ мгновеніе она бросаетъ это занятіе, подбѣгаетъ къ окну и внимательно смотритъ на улицу въ надеждѣ замѣтить синюю шапку—увы! тщетно. Со вздохомъ возвращается она назадъ и то перелистываетъ старинный альбомъ, то приводитъ въ порядокъ бездѣлушки на письменномъ столѣ.

Между тѣмъ раздается тихій звонокъ. Пани Марія срывается съ мѣста съ радостнымъ крикомъ «Ясь!» и, открывая дверь, быстро спрашиваетъ:

— Ну, что же у тебя, мой мальчикъ?

Блѣдное лицо Яся, плотно сжатыя губы, синіе круги подъ глазами слишкомъ краснорѣчиво говорятъ за него.

Пани Марія блѣднѣетъ не менѣе сына, отступаетъ на нѣсколько шаговъ въ глубь комнаты, на мигъ остается неподвижной, словно окаменѣлая статуя, затѣмъ хватается дрожащими руками за виски и съ глухимъ стономъ: «Боже! Боже!» падаетъ на стулъ.

Ясь стоитъ въ углу и поглядываетъ исподлобья на мать съ жесткимъ лицомъ и сухими глазами. Между тѣмъ входитъ Янова съ

приборами и дымящейся миской супа. Замѣтивъ эту сцену, она молча оставляетъ все на столѣ и выходитъ, ворча:

— Пришелъ! опять *провалился*!

— Сколько же ты получилъ?—спрашиваетъ, наконецъ, пани Марія упавшимъ голосомъ, въ которомъ дрожатъ подавленныя слезы.

— Колъ,—сухо отвѣчаетъ Ясь.

— За что? побойся ты Бога!—взываетъ пани Марія тономъ упрека и сожалѣнія.

— Спроси у нихъ!—звучитъ рѣзкій отвѣтъ.

Пани Марія, какъ ужаленная, вскакиваетъ вдругъ со стула съ зажмуренными отъ ужаса глазами, долго всматривается въ лицо сына и, наконецъ, подавленная и обезсиленная, шепчетъ:

— Что это, Ясь! Какъ ты говоришь со мной?

Ясь опускаетъ глаза и молчитъ.

Тѣмъ временемъ мать начинаетъ быстро шагать по комнатѣ съ лицомъ безпомощнаго ребенка, ломая свои маленькія руки. Жалость къ сыну смѣнилась глубокимъ горемъ, почти отчаяніемъ. Пани Марія теперь догадывается, что Яся обидѣли, и видитъ, что сынъ, въ свою очередь, обижаетъ ее. Пани Марія, однако, мать; благодаря этому ея горечь и глубокая тоска обращаются не противъ Яся, а противъ источника, изъ котораго, по ея мнѣнію, все это исходитъ. Боль ея вскорѣ переходитъ въ чувство, граничащее съ бѣшенствомъ.

— Пойду, пойду!—нервно шепчетъ пани Марія, надѣвая шляпу.— Скажу имъ, скажу все! все!—прибавляетъ она уже громко, поспѣшно выбѣгая изъ комнаты.

Уже довольно поздно: вѣроятно, около шести часовъ. Солнце закатилось за городскія стѣны. На улицахъ вмѣстѣ съ холодомъ усиливаются шумъ и движеніе. Разношерстная толпа хлынула на городъ и плыветъ по улицамъ въ разныя стороны, подобно шумнымъ притокамъ горнаго ручья. Громкій говоръ и смѣхъ сливаются съ криками мелочныхъ торговцевъ, съ гнусавыми воплями нищихъ: «Хоть грошикъ, сострадательный баринъ!», съ сильными звонками электрическихъ трамваевъ. Надъ всѣмъ этимъ царитъ грохотъ и шумъ катящихся экипажей.

Шумъ этотъ отнюдь не безсмысленъ. Сегодня, напримѣръ, онъ производитъ впечатлѣніе насмѣшливаго хохота великана. Чему смѣются эти избитыя копытами мостовыя? Не тому ли, что пани Марія, такая маленькая и миніатюрная, такъ быстро бѣжитъ къ сѣрому зданію, фундаментъ котораго значительно выше ея, ручка у дверей такъ толста, что ей ни за что не охватить ее одной рукой, а замочная скважина втрое больше громадной слезы, катящейся по ея щекѣ.

Увы! Пани Марія не слышитъ этого насмѣшливаго хохота. Минуя улицу за улицей, попадаетъ она, наконецъ, на лѣстницу, запыхавшись, какъ усталая птичка.

— Что вамъ, барыня, угодно?—задерживаетъ ее старый сторожъ

— Учитель латыни здѣсь?—спрашиваетъ пани Марія, ловя запекшимися устами воздухъ.

— Который?

— Орелъ.

— А какъ же, всѣ здѣсь, сейчасъ только пошли на засѣданіе. Вотъ, барыня, пожалуйте сюда.

Пани Марія идетъ за сторожемъ и вскорѣ достигаетъ большого, мрачнаго корридора.

— Ого! уже началось, вы должны, барыня, обождать,—тянетъ сторожъ, заглядывая черезъ стеклянную дверь во внутрь залы, откуда долетаютъ сдержанные голоса и льется слабый потокъ свѣта.

Спустя нѣкоторое время сторожъ садится на табуретъ у стѣны, а пани Марія принимается шагать вдоль дверей взадъ и впередъ, подобно энутомимому маятнику.

— Не отдохнете ли?—говоритъ послѣ длинной паузы сторожъ, придвигая ей стулъ.

Пани Марія принимаетъ эту услугу съ благодарностью. Она, очевидно, страшно устала: ноги у нея просто подкашиваются; вдобавокъ все то, что она намѣревалась сказать, что представлялось ей дома такъ ясно, теперь куда-то безслѣдно исчезло, такъ что она съ трудомъ собирается съ мыслями, чтобы составить самый простой вопросъ. Чувствуя, однако, что надо же что-либо предпринять въ защиту сына, она терпѣливо ждетъ.

Изъ залы отъ времени до времени долетаютъ то отрывокъ фразы, то смѣхъ; разъ даже поднимается такой сильный шумъ, что пани Марія срывается съ мѣста, а сторожъ выпрямляется, считая совѣтъ уже оконченнымъ.

Тревога, однако, оказывается ложной. Залъ опять затихаетъ до такой степени, что слышатся явственно тиканье висящихъ надъ дверями часовъ и отдаленное бренчаніе фортепіано.

Засѣданіе тянется страшно долго. Пани Маріи между тѣмъ вспоминается, что ей незнакома даже наружность Орла. Она обращается съ соотвѣтственнымъ вопросомъ къ сторожу.

— Я вамъ подмигну, отвѣчаетъ тотъ.—Эге! да кажется, уже идутъ,—прибавляетъ онъ, приближаясь къ дверямъ.

И дѣйствительно, слышенъ шумъ отодвигаемыхъ стульевъ, затѣмъ шаги, дверь отворяется, и мрачный корридоръ проясняется волной свѣта и сіяніемъ нѣсколькихъ лысинъ. Лысые господа, одѣваясь, довольно равнодушно приглядываются къ пани Маріи, которая точно приросши къ стѣнѣ, стоитъ съ пылающимъ лицомъ, въ сильномъ смущеніи, выразительно поглядывая на сторожа. Наконецъ, послѣдній многозначительно подмигиваетъ. Показывается Орелъ, а за нимъ какой-то безцвѣтный господинъ небольшого роста, въ пенснэ, съ мягкимъ, благороднымъ профилемъ и усталыми сѣрыми глазами.

Пани Марія заграждаетъ обоимъ дорогу.

— Сударь!—обращается она къ Орлу.

Сѣрый господинъ отступаетъ на нѣсколько шаговъ и, облокотясь о косякъ двери, слушаетъ.

— Сударь, неувѣренно шепчетъ пани Марія, силясь вспомнить съ трудомъ приготовленную фразу,—мой сынъ...

— Что сынъ?! кто? фамилія?..—нетерпѣливо спрашиваетъ Орелъ.

— Скальскій,—шепчетъ пани Марія.

— А, этотъ! Ну что же? Вы должны намъ быть благодарны за то, что позволяемъ ему добровольно выступить изъ гимназіи! Неучъ и вдобавокъ дерзкій. Вы же сами въ этомъ виноваты,—вспыхиваетъ Орелъ,—дурно его воспитываете, какъ, впрочемъ, всѣ вы!..

Сѣрый господинъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе, какъ бы желая что-то сказать; въ сѣрыхъ глазахъ его вспыхиваетъ молнія, но она быстро гаснетъ. Человѣкъ этотъ лишь улыбается какъ-то странно-печально и остается въ прежней позѣ.

— Но, сударь!.. онъ учился...—заикается пани Марія.

— Пусть хоть совсѣмъ не учится, лишь бы зналъ. Видно, неспособный!.. Учился... ху! ху! ху! Nego склоняетъ, какъ ego... Весь совѣтъ надъ этимъ смѣялся. Подобную ерунду можетъ выпалить идіотъ...—гремитъ далѣе Орелъ.—Впрочемъ, у меня нѣтъ времени!—добавляетъ онъ, собираясь уходить.

Съ послѣднимъ эпитетомъ, произнесеннымъ по адресу Яся, пани Марія вздрогнула всѣмъ тѣломъ, силясь что-то сказать... но что именно—неизвѣстно, такъ какъ голосъ замеръ у нея въ груди. Она съ минуту постояла, затѣмъ отвернулась и тихо ушла съ острой болью въ груди и необычайной путаницей въ головѣ.

— Это неправда! неправда!—тихо шепчетъ пани Марія, стараясь такимъ образомъ отогнать такъ и впивающееся въ ея мозгъ выраженіе, которое она не въ состояніи понять. Ея Ясь и идіотъ?! Да это невозможно! Неспособный? Этому даже повѣрить нельзя не только потому, что Ясь ея сынъ, но и потому, что ему предстоитъ еще выполнить одно назначеніе, о которомъ пани Марія не разъ мечтала въ тихіе вечера... И вотъ теперь, когда она идетъ, такая измученная и убитая, ей вспоминается та горькая минута, когда мужъ, надрываясь отъ кашля, тихо прошепталъ, указывая исхудалой рукой на лежащую на письменномъ столѣ рукопись:

— Не только васъ мнѣ жалко, но и этого недоконченнаго сочиненія.

А пани Марія тогда, едва сдерживая слезы, сверхчеловѣческимъ усиліемъ вызвала на уста притворную улыбку, сказавъ почти весело:

— Ты самъ его докончишь. А если не сможешь, Ясь тебя выручитъ!—добавила она съ глубокой вѣрой.

И вотъ сегодня велятъ ей вѣрить, что это никогда не сбудется... Весь совѣтъ смѣялся... А если справедливо?

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторяетъ пани Марія, хватаясь за фонарный столбъ.

— Что съ вами?—отзывается вдругъ голосъ.

Пани Марія, съ ужасомъ взглянувъ впередъ, замѣчаетъ стоящаго передъ ней сѣраго господина.

— Ничего, ничего,—отвѣчаетъ она съ трудомъ, силясь идти дальше.

— Развѣ вы меня не узнаете?—тянетъ обладатель пенснэ.—Я—Концкій, иначе говоря, скучный старый математикъ, имѣвшій честь учить и мужа вашего, и сына.

Тутъ пани Марія вспоминаетъ, что гдѣ-то уже видѣла это лицо, но гдѣ—не помнитъ.

— Ничего удивительнаго, дѣла давно минувшихъ дней,—продолжаетъ господинъ.—Измѣнился не только я, но и свѣтъ... О чемъ вы плачете, прибавляетъ онъ мягко.—Слышалъ я, что сказалъ вамъ этотъ оселъ. Стоитъ огорчаться?! Ужъ скорѣе я имѣлъ бы право плакать, теряя способнаго ученика... Жаль мнѣ его: понималъ ариѳметику. Повѣрьте, мнѣ отъ души его жалко; онъ мальчикъ мыслящій, этотъ вашъ Ясь, пошелъ, видно, въ отца. Онъ единственный спросилъ у меня: какимъ образомъ дробь девять въ періодѣ можетъ равняться единицѣ? А впрочемъ, правда, вы, пожалуй, этого не понимаете, напрасно только навожу на васъ скуку, ужъ это мое обыкновеніе!

— Да нѣтъ же!—живо протестуетъ пани Марія.

И въ самомъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ, хвалящій и защищающій передъ ней Яся, кажется ей ангеломъ небеснымъ, а его тихія слова льются какъ бальзамъ, въ ея измученное сердце.

— Да, да, тянетъ далѣе математикъ,—ни одинъ изъ старшихъ надъ этимъ не задумался. Поставилъ я ему за этотъ вопросъ пятерку: единственный способъ доказать ему мою благодарность... Жаль мнѣ его! Еслибъ не то, что меня здѣсь не любятъ, и вишу я на волоскѣ, я бы, пожалуй, на сегодняшнемъ совѣтѣ попробовалъ его защищать. Хотя впрочемъ... какъ знать, не лучше ли, что онъ распрощался съ гимназіей...

— Какъ такъ?—спрашиваетъ пани Марія съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— Видите ли,—отвѣчаетъ господинъ, поправляя пенснэ:—въ нынѣшнихъ гимназіяхъ... вообще повсюду господствуетъ одна общая мѣра, выше которой не безопасно высунуть голову. Вещь весьма понятная. Торгашескій умъ и трудолюбіе цѣнятся въ лавкѣ и на фабрикѣ, слѣдовательно, цѣнятся въ мірѣ, который превращается въ гигантскій рынокъ и чудовищную фабрику. Ничего, значитъ, удивительнаго, если школа признаетъ только эти двѣ ничтожныя способности, другія же презираетъ... Теперь уже наука не развивается, ибо нѣтъ жрецовъ, а въ старинныхъ святыняхъ расположились дѣльцы мысли и трудолюбивая моль...

— О, да, прибавляетъ онъ, спустя мгновеніе, какъ бы про себя,—и я нѣкогда думалъ о четвертомъ измѣреніи, а нынѣ и трехъ не въ состояніи хорошо понять... Мнѣ налѣво, а вамъ?—прерываетъ онъ вдругъ.

— Мнѣ тоже,—отвѣчаетъ пани Марія.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ вмѣстѣ,—продолжаетъ онъ, странно улыбаясь.—Впрочемъ, я думаю, что не четвертое измѣреніе васъ интересуетъ, а расходы. Вотъ мы это сейчасъ и вычислимъ. Платя хорошему репетитору двадцать рублей въ мѣсяцъ (цѣна высокая!) за часъ ежедневныхъ занятій, чего вполнѣ достаточно, такъ какъ мальчуганъ, ручаюсь вамъ, за этотъ часъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ въ классѣ за пять, вы потратите, допустимъ, на его ученіе лишнихъ сто пятьдесять рублей въ годъ; считаю слишкомъ много, но пусть такъ! Помноживъ эту сумму на шесть, получимъ девятьсотъ рублей: разница порядочная! Но за эти деньги одинъ изъ представителей нашей молодежи получитъ возможность содержать себя, а вашъ Ясь не будетъ принужденъ ежедневно въ теченіе пяти часовъ дышать затхлымъ воздухомъ класса, отравлять себѣ жизнь двойками, обманывать учителей, хитрить, лгать, портить себѣ легкія, сердце и мозгъ. Какъ будто не слишкомъ дорого. Обратите при этомъ вниманіе на то, что черезъ какіе-нибудь три года Ясь сможетъ учиться самъ, пользуясь только указаніями доброжелательныхъ людей, которыхъ онъ въ концѣ концовъ найдетъ повсюду. Такимъ образомъ онъ еще въ барышѣ, такъ какъ привыкнетъ къ самостоятельному умственному труду, а разница въ расходѣ уменьшится на половину. Дальше. Изъ оставшихся четырехсотъ пятидесяти рублей вычтите издержки, идущія на обмундировку, безчисленное множество совершенно лишнихъ книгъ и доктора, который, навѣрно, будетъ рѣже къ вамъ заглядывать,—получится maximum триста. Если же и въ тѣхъ ощущается недостатокъ, отпустите прислугу, а Ясь, который будетъ тратить на ученіе вдвое меньше времени, можетъ смѣло чистить обувь и одежду себѣ, и матери, подметать комнаты, ставить самоваръ и присматривать за обѣдомъ. При такомъ соединеніи физическаго труда съ умственнымъ онъ, безъ сомнѣнія, ничего не потеряетъ, мало того, станетъ практичнымъ и научится стряпать — вещи, далеко не достойныя презрѣнія, — а значительная разница понизится до нуля. Такимъ образомъ, у мальчика будетъ возможность подготовиться къ экзамену зрѣлости и миновать одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ этаповъ. Да, эта бумага нужна наравнѣ съ другой бумагой, называемой дипломомъ. Хотя, какъ знать, стоитъ ли игра свѣчей? Конечно, легко можетъ статься, что у Яся безъ диплома доходы будутъ болѣе тощи; зато онъ, развитой, неисковерканный— счастливецъ!—будетъ жить полною жизнью и не дастъ заглохнуть основнымъ чертамъ своей души. Яся же раздавленнаго, запуганнаго, приготовленнаго по извѣстному рецепту, жизнь будетъ грызть и пожирать... Это, впрочемъ, слишкомъ сильно сказано. Жизнь не такъ

жестока: она сотретъ его, но только постепенно, какъ стираютъ другъ друга два мельничныхъ жернова.

— Такъ вы совѣтуете не посылать его въ школу? — вставила пани Марія.

— Я ничего не совѣтую, — прервалъ господинъ: — я только вычисляю; предупреждаю при этомъ, что я не педагогъ, хотя, можетъ, и надлежало бы мнѣ имъ быть. У меня, однако, никогда не было поползновенія на это, и, кажется, въ этомъ отношеніи я правъ. Ибо можетъ ли идти рѣчь о какомъ бы то ни было воспитаніи съ нашей стороны, если у меня нѣтъ никакой поруки въ томъ, что мои убѣжденія, моя воспитательная система, которой я буду придерживаться до конца дней своихъ, не будутъ разрушены, а можетъ и оплеваны тѣмъ, который послѣ пятиминутной перемѣны займетъ мое мѣсто на каѳедрѣ? А хотя бы даже господствовало полное единомысліе въ кругу насъ, учителей, усиліе это и тогда было бы тщетнымъ: вѣдь классъ составляется изъ всевозможныхъ типовъ и разнообразнѣйшихъ душевныхъ организацій; система же и правила были бы для всѣхъ одни и тѣ же, одинаково для всѣхъ обязательны. Итакъ, я не играю въ воспитатели и не читаю нотацій, которыя, кстати сказать, мальчуганы за спиной высмѣиваютъ; стараюсь только быть хорошимъ учителемъ, ибо тутъ я имѣю право и нѣкоторую возможность объяснить одинъ и тотъ же предметъ различными способами, приноравливаясь къ умственному складу каждаго изъ моихъ учениковъ. Воспитывать мы не въ состояніи; самое большее, что можемъ — это испортить. Воспитываетъ семья, или, скорѣе, вы, матери, а кромѣ васъ — еще товарищи.., Вы идете прямо?

— Да,—сочиняетъ пани Марія.

— Значитъ, намъ опять вмѣстѣ идти. Товарищи — это чрезвычайно важный элементъ въ воспитаніи, особенно для мальчиковъ постарше; къ счастью, сильное ихъ вліяніе дѣйствуетъ почти всегда положительнымъ образомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ безъ очковъ, а теперь второй десятокъ чрезъ очки смотрю я на жизнь, и никогда еще не случалось мнѣ встрѣчаться съ фактомъ, чтобъ заправилой класса былъ мальчикъ испорченный и подлый. Вещь опять-таки понятная, коль скоро даже въ мірѣ взрослыхъ зло невольно покоряется тому, что благородно и возвышенно, мерзкое чувствуетъ себя обязаннымъ держать отвѣтъ передъ прекраснымъ, а эгоизмъ не рѣшается выступать открыто, кроясь подъ всевозможными масками. Тѣмъ болѣе то же должно происходить въ дѣтскомъ мірку, который по природѣ благороднѣе насъ.

Тутъ математикъ печально покачалъ головой и, повторивъ еще разъ: «Да! благороднѣе», умолкъ.

Такъ прошли они нѣсколько шаговъ, пока, наконецъ, на перекресткѣ сѣрый господинъ, остановившись, не спросилъ:

— Ну, вамъ теперь куда?

— Налѣво,—возразила пани Марія.

— А мнѣ направо. Итакъ, пока прощайте. Осмѣлюсь вамъ дать одинъ единственный совѣтъ: не ограждайте своего сына отъ другихъ дѣтей; пусть бѣгаетъ съ ними, играетъ въ мячъ, пусть рветъ платье, разбиваетъ себѣ носъ: чѣмъ больше шишекъ наживетъ онъ, тѣмъ лучше. А если придетъ охота, пусть малышъ забѣжитъ ко мнѣ. Живу я здѣсь, въ пятомъ номерѣ. Поболтаемъ о дробяхъ.

Съ этими словами онъ неловко поклонился, а пани Марія, сердечно пожавъ ему обѣ руки, полная надежды, хотя и не совсѣмъ спокойная, быстро направилась къ своей квартирѣ.

На порогѣ мрачно встрѣтила ее Янова.

— Что это вы сдѣлали мальчику?—сказала она съ упрекомъ.—Ничего бѣдняжка не ѣлъ, сидитъ себѣ въ уголку, какъ барсукъ. И совсѣмъ-то у васъ нѣтъ жалости къ мальчишкѣ!

Въ глазахъ пани Маріи опять блеснули слезы; вбѣжавъ въ комнату, вытащила она Яся изъ угла и принялась осыпать его градомъ поцѣлуевъ, причемъ мальчикъ началъ дрожать, какъ листъ, и вдругъ разразился громкими рыданіями.

— Ну, тише, тише!—шептала пани Марія, прижимая его свѣтлую головку къ своей груди.—Не плачь! Не плачь!—повторяла она, всхлипывая вмѣстѣ съ сыномъ.

И неизвѣстно, какъ долго плакали бы оба, если бы не вмѣшательство практичной Яновой, которая, вытирая фартукомъ свои честные глаза, объявила рѣшительно:

— Я подогрѣю жаркое, а вы будете ѣсть, да!

Мысль эта встрѣтила общее одобреніе. Сынъ и мать порядкомъ проголодались; поэтому порція жаркого, глотаемаго съ остатками слезъ, стала быстро уменьшаться, къ великой радости Яновой, дорожившей добрымъ именемъ хорошей кухарки.

Во время ѣды пани Марія вкратцѣ разсказала Ясю о результатѣ своего путешествія.

— Да, да, мой Ясь!—кончила она.—Съ недѣлю отдохнешь, а затѣмъ у тебя будетъ учитель... У меня же прибавится еще часъ игры, —мысленно шепнула она.

Ясь, съ широко открытыми глазами, съ удивленіемъ прислушивался къ словамъ матери. На лицѣ его сіяла радость, смѣшанная съ любопытствомъ.

— Ну, а теперь спать; это намъ обоимъ необходимо,—прибавила пани Марія, цѣлуя нѣсколько разъ сына.

Ясь началъ раздѣваться; но едва скользнувъ подъ одѣяло, онъ вдругъ нахмурился:

— За что же онъ мнѣ поставилъ колъ?

*

— Ахъ, правда! — возразила пани Марія. — Онъ что-то говорилъ объ этомъ, погоди, я вспомню... Кажется, nego.

— Да, nego, nego, мамочка,—подхватилъ Ясь, сорвавшись въ одной рубахѣ съ кровати и, схвативъ словарь, началъ лихорадочно его перелистывать.

— Nego, negavi, negatum, negare—глаголъ,—произнесъ онъ съ разстановкой, съ сконфуженнымъ лицомъ,—значитъ: противорѣчу, опровергаю, говорю, что нѣтъ, протестую.

— Ну, ужъ это слово, кажется, будетъ памятно намъ обоимъ!—прервала пани Марія, направляясь въ свою комнату.

— О, да, мамочка!—съ силой проговорилъ Ясь и, ложась въ постель, упорно шепталъ: nego, negavi, negatum, negare.

Между тѣмъ городъ мало-по-малу успокаивался; на небо надвигалась ночь, ведущая за собой милліоны звѣздъ, тишину и сонъ. Огромный мѣсяцъ выглянулъ изъ-за крышъ высокихъ домовъ и бросилъ узкій снопъ печальнаго свѣта въ окна тихой квартирки.

— Мама, ты уже спишь?.. Я не могу...—прошепталъ вполголоса Ясь.

Пани Марія тоже не спала... Оба находились въ томъ странномъ состояніи изнуренія и вмѣстѣ съ тѣмъ разстройства, вызваннаго наплывомъ впечатлѣній, когда глаза просто слипаются, а заснуть нѣтъ возможности, такъ какъ отрывки мыслей и тысячи безпорядочныхъ образовъ назойливо лѣзутъ въ голову; все это переплетается, скучивается, опять разсѣивается, какъ стаи спугнутыхъ голубей.

— Нѣтъ, не сплю,—вздохнула пани Марія и рѣшила прибѣгнуть къ средству, которымъ успокаивала обыкновенно свою тревогу и не разъ усыпляла раскапризничавшагося Яся.

Она встала съ кровати, всунула свои миніатюрныя босыя ножки въ войлочныя туфли, накинула свѣтлый капотъ и, утопая въ каскадѣ непокорныхъ волосъ, приблизилась къ клавіатурѣ піанино.

Полились тихіе, сдавленные звуки... Что именно играла пани Марія, опредѣлить трудно: это было какое-то potpourri изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ мелодій, соединенныхъ переходами собственной импровизаціи, чрезвычайно выразительными и печальными. Игра ея не отличилась технической бѣглостью, зато трогала бездной чувства. Это была какая-то тихая пѣснь, исторгнутая изъ глубины души, въ которой слышались и безпомощный плачъ заблудившагося въ лѣсу ребенка, и тревожное щебетаніе птицъ, разбуженныхъ въ темную ночь заревомъ пожара, и тоска гнилыхъ крестовъ на распутьи, печально стоящихъ во время зимней метелицы. Минутами казалось, что дрожащіе звуки исходятъ не изъ клавишей, а прямо изъ маленькихъ пальчиковъ, изъ затуманившихся глазъ пани Маріи, стекаютъ съ ея свѣтлыхъ волосъ, скатываются со звѣздъ, заглядывающихъ въ окно.

А луна поднимается все выше и выше, все болѣе яркимъ свѣтомъ наполняетъ она тѣсную квартирку. Небо заискрилось миріадами брил-

ліантовъ, млечный путь растянулъ свои широкія серебряныя покрывала...

Ночь становилась свѣтлой, но вмѣстѣ съ тѣмъ дивно-печальной, а ея грусти вторили полные аккорды шопеновскаго ноктюрна...

Вотъ мелодія уже такъ слилась съ ночью, что трудно отличить, гдѣ играетъ пани Марія и гдѣ—ночь; рыдаютъ ли то струны, или звѣзды плачутъ?

И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда большой голубой метеоръ оторвался отъ небеснаго свода и, безшумно пронесшись, погасъ надъ землей, простоналъ послѣдній звукъ...

Пани Марія медленно встала, прошла, точно во снѣ, комнату и, приблизившись къ кровати сына, опустилась возлѣ нея на колѣни, такъ что длинные ея волосы смѣшались со снопомъ лежащихъ на полу золотыхъ лучей мѣсяца.

Ясь спокойно спалъ, лежа навзничь; одну руку подложилъ онъ подъ голову, другая безсильно свѣсилась съ подушки. Полуоткрытыя губы и тѣнь отъ длинныхъ рѣсницъ подъ глазами клали на его лицо отпечатокъ грусти и усталости. Вдругъ маленькая складочка прорѣзала матовый лобъ, на губахъ появилось обычное выраженіе упрямства—и Ясь, громко отчеканивая каждое слово, проговорилъ сквозь сонъ:

— Nego, negavi, negatum, negare—опровергаю, протестую...

Пани Марія вздрогнула, какъ бы охваченная невыразимымъ испугомъ, затѣмъ съ полными слезъ глазами склонилась надъ изголовьемъ сына и закрыла ему уста горячимъ поцѣлуемъ, въ которомъ растаялъ суровый видъ мальчика, а лицо приняло прежнее выраженіе спокойствія и меланхоліи...

И долго еще пани Марія пристально всматривалась въ дорогіе глаза, въ которыхъ видѣла минувшее прошлое, съ такой задумчивостью во взорѣ, что, казалось, хотѣла отгадать по нимъ будущее.

Въ рамкѣ этой ночи оба составляли такую прекрасную, печальную полную гармоніи группу, что всѣ звѣзды, до которыхъ сейчасъ только успѣли долетѣть звуки сыгранной мелодіи, спрашивали другъ у друга: не являются ли они заколдованнымъ воплощеніемъ послѣднихъ аккордовъ только что прозвучавшаго ноктюрна?

ОБЪ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМѢ.

(*Окончаніе* *).

III.

Изъ зоологической эволюціи—въ мышцахъ, въ органахъ чувствъ, въ мозгу, въ своихъ координированныхъ движеніяхъ, въ инстинктахъ и желаніяхъ человѣкъ принесъ съ собою на міровую арену ясное чувственное противопоставленіе своего «я» всей окружающей его средѣ.

Человѣку осталось только *сознать* это противопоставленіе и продолжать въ сознаніи давно уже производившуюся его предками безсознательно работу расчлененія «не-я» на ряды индивидуальностей.

Также изъ зоологической эволюціи принесено человѣкомъ смутное представленіе о пространствѣ и еще болѣе смутное предчувствіе идеи о времени. Пространство создалось, когда впервые появился организмъ, владѣвшій опредѣленной формой и активно двигавшійся: логика заставляетъ меня признать наличность въ такомъ организмѣ нѣкотораго ощущенія пространства, — онъ смутно ощущаетъ свой объемъ, свою форму, какъ нѣчто болѣе постоянное, и противопоставляетъ ихъ окружающему измѣнчивому и текучему.

Смутное представленіе о времени имѣетъ уже животное, которое помнитъ: у такого животнаго есть уже не только настоящее, но и прошлое; будущее только еще намѣчается въ тѣхъ инстинктахъ, которые заставляютъ, напр., бѣлку дѣлать запасы орѣховъ на зиму; но все же это одни, такъ сказать, предчувствія и, какъ мы уже указывали, время, особенно будущее, является созданіемъ, главнымъ образомъ, человѣка, который можетъ дѣлать объектомъ наблюденія и чужія индивидуальности и свою собственную.

Наблюдая самого себя, человѣкъ увидѣлъ, что не только измѣняются, въ той или другой степени, созданные имъ ряды индивидуальностей, но мѣняется и онъ самъ: онъ то бодрствуетъ, то спитъ, то въ гнѣвѣ сжимаетъ кулаки и бросается на врага, то ласкаетъ женщину, то пляшетъ и радуется, то плачетъ и чувствуетъ себя подавленнымъ. Но такъ сильно было чувство индивидуальности въ первобытномъ чело-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 2, февраль, 1904 г.

вѣкѣ, такъ рѣзко противопоставлялъ онъ себя всему окружающему, что и эти перемѣны, происходящія въ немъ, онъ могъ осмыслить только какъ нѣчто привносимое въ него извнѣ другими индивидуальностями: онъ спитъ, потому что богъ сна послалъ ему сонъ, онъ гнѣвенъ, онъ бросается на врага, такъ какъ богъ мести, богъ войны вселились въ него, онъ любитъ, такъ какъ амуръ пронзилъ его стрѣлой.

Тожество «я» была первая *законность*, которую установило сознаніе, но это тожество или, вѣрнѣе, тожество своей индивидуальности уже раньше было прочувствовано зоологически. Мы знаемъ теперь, что законность эта требуетъ многихъ поправокъ, что измѣненія, которыя я наблюдаю, происходятъ *во мнѣ самомъ*, что тожество это нужно понимать не какъ неизмѣняемость «я», а какъ неизмѣнное противопоставленіе текучаго и въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣняющагося «я» внѣшнему міру, разложенному человѣкомъ на ряды другихъ индивидуальностей, тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ измѣняющихся.

Изученіе этой измѣнчивости, текучести—и нашего сознанія и вообще всей нашей индивидуальности—дало поводъ нѣкоторымъ новѣйшимъ философамъ утверждать, что и самое «я» есть такая же фикція, иллюзія, какъ и внѣшній міръ—«не я», что *существуетъ* только «комплексъ ощущеній», или точнѣе «переживаній». Въ этомъ утвержденіи философы-«реалисты» пошли даже дальше чистыхъ метафизиковъ, которые отрицаютъ, въ большинствѣ случаевъ, только существованіе внѣшняго міра, но цѣпляются за сознаніе, какъ единственную неоспоримую сущность.

Здѣсь мнѣ опять приходится возвращаться уже къ сказанному и повторять, что самое слово «существую» человѣкъ примѣнилъ прежде всего къ своему «я», къ своей собственой индивидуальности, а также и другимъ индивидуальностямъ-объектамъ, по мѣрѣ того, какъ выдѣлялъ ихъ изъ «не-я».

Сознающее «я» создало идею о «комплексѣ ощущеній», и замѣщать этимъ комплексомъ все цѣлостное «я», это—дѣлать ту же ошибку, которую мы отмѣчали уже у теологовъ и метафизиковъ, когда они пытаются убить тѣло и подставить вмѣсто цѣлокупной красочной индивидуальности сухое, безцвѣтное сознаніе.

Попытка тщетная и безплодная. Человѣкъ чувствуетъ въ себѣ самоцѣнную нераздѣльную индивидуальность, когда любитъ, когда мститъ, когда творчески работаетъ, когда созидаетъ будущее. Въ каждомъ человѣкѣ не только комплексъ ощущеній, но и творческое начало, оно является блестящимъ выразителемъ индивидуальности, какъ цѣлокупнаго и самоцѣннаго центра.

«Я» разложило себя на ряды ощущеній и переживаній, но утверждать на основаніи этого объ исчезновеніи, о фиктивности «я» все равно, что говорить объ исчезновеніи воды, такъ какъ вода состоитъ изъ водорода и кислорода, или о фиктивности человѣческаго организма,

о фиктивности клѣтки, такъ какъ организмъ состоитъ изъ клѣтокъ, а клѣтка изъ ядра, протоплазмы и въ концѣ концовъ изъ разнообразныхъ химическихъ соединеній. Дѣйствительно, частица воды можетъ быть разложена на двѣ частицы водорода и одну частицу кислорода, но все же и частица воды существуетъ, какъ самоцѣнная индивидуальность; такой же индивидуальностью является и клѣтка, и человѣкъ.

Активности человѣческой индивидуальности, ея созиданія будущаго не принимаютъ во вниманіе философы, замѣщающіе «я» комплескомъ ощущеній.

Я думаю, что знаменитый физіологъ Петенкоферъ, покончившій съ съ собой самоубійствомъ на 80-мъ году жизни изъ-за того, что началъ замѣчать въ себѣ ослабленіе умственной энергіи, прекрасно чувствовалъ и сознавалъ, что онъ не только «комплексъ ощущеній»; онъ уважалъ въ себѣ свое прошлое и страшился унизительнаго будущаго...

Я знаю, что я былъ ребенкомъ, юношей, знаю, что буду старикомъ, если доживу до старости,—но и ребенкомъ и юношей я чувствовалъ противопоставленіе своей индивидуальности всему остальному, совершенно особое противопоставленіе, только мнѣ свойственное и отличающее меня отъ другихъ индивидуальностей; отдѣльныя черты этого противопоставленія мѣнялись, но въ цѣломъ оно было всегда мое, особенное, рѣзко мною отличимое отъ другихъ; я знаю, я убѣжденъ, что и въ старости, хотя многіе элементы привзойдутъ въ мою индивидуальность, многіе выпадутъ, но все же она сохранитъ свой основной тонъ, свое спеціальное, неповторимое противопоставленіе окружающему міру, какъ сохраняетъ весь мой организмъ свою особенную архитектуру, несмотря на то, что кровь и клѣтки, его составляющія, мѣняются нѣсколько разъ въ теченіе жизни. Я ношу въ себѣ свое прошедшее и творю свое будущее. Я убѣжденъ, что наука, литература, искусство не только теперь, но всегда будутъ мнѣ дороги, что въ нихъ для меня будутъ особенно интересны нѣкоторыя области; я убѣжденъ, что почти все, что я ненавижу теперь, я буду ненавидѣть и послѣ, я убѣжденъ, что не только теперь жажду разрушенія Карѳагена, но и буду жаждать, пока онъ не падетъ. Еще точнѣе, еще опредѣленнѣе я знаю, чего я не буду дѣлать: ничто не заставитъ меня служить въ жандармахъ или въ цензорахъ, несмотря на безспорный интересъ этой службы, или заниматься доносами, писать въ «Новомъ Времени», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Гражданинѣ», изучать латинскую грамматику и генеалогію голштинскаго дома; я знаю, что я не буду выть шовинистическихъ пѣсенъ и писать такъ называемыхъ «патріотическихъ» статей, не буду «націоналистомъ», антисемитомъ, но не буду и марксистомъ. Все это я хорошо чувствую и знаю только *одинъ я*, пока не сообщу другимъ, но другіе мнѣ могутъ и не повѣрить.

Опять-таки повторяю, философы, сотворившіе себѣ кумиръ въ видѣ безличнаго «комплекса сгущеній» вычеркиваютъ изъ человѣка зоологическую индивидуальность, его самочувствіе, его активность и его будущее.

Но и самая защита этими философами истинности своихъ положеній, ихъ полемическій задоръ, ихъ стремленіе найти учениковъ и адептовъ компрометируютъ ихъ безстрастнаго кумира и выдаютъ спрятавшихся сзади жрецовъ, подчасъ полныхъ жизни и желаній: слишкомъ ужъ много индивидуальнаго въ ихъ защитѣ всемогущаго «комплекса ощущеній».

Безспорно, индивидуальность измѣнчива, но измѣнчива въ извѣстныхъ предѣлахъ, характерныхъ для данной индивидуальности. Безспорно, сознаніе также измѣнчиво, но тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Мы уже говорили, что первая наиболѣе общая и наиболѣе грубая законность, которую установило сознаніе, было тожество даннаго сознанія; мы стремились показать, что эта законность покоится на болѣе основномъ, созданномъ нами въ нашей зоологической эволюціи—самочувствіи *индивидуальности,* какъ цѣломъ, противопоставляемомъ окружающему міру. Законъ тожества моего сознанія, моей индивидуальности, а также и тожества всякой другой индивидуальности, благодаря наблюденію и самонаблюденію, открывшему нѣкоторую измѣнчивость въ этомъ тожествѣ, долженъ былъ постепенно измѣняться рядами все болѣе и болѣе детальныхъ поправокъ. Эти поправки и есть то, что мы зовемъ *законами.* Законы—это поправки, которыя внесло сознаніе въ процесъ разсчлененія «не-я» на ряды индивидуальностей, когда движеніе и время, созидавшіяся чувствованіями, отлились въ болѣе отчетливыя для насъ формы понятій.

Человѣкъ рождается, растетъ, мужаетъ, старится и умираетъ—вотъ была одна изъ первыхъ поправокъ на текучесть, на движеніе, на время. Относительно недавно мы смогли примѣнить подобную же поправку, подобную же законность, ко всѣ организмамъ и создали біологію, съ ея законами оплодотворенія, развитія, роста и смерти.

Здѣсь намъ нужно сдѣлать оговорку относительно геометріи. Большинство геометрическихъ аксіомъ создалъ не человѣкъ, а его предки—животныя въ своей эволюціи: они неизмѣримое число разъ—въ бѣгствѣ, въ преслѣдованіи, просто въ перемѣщеніи—пробѣгали пространства, отдѣляющія одинъ организмъ отъ другого организма или вообще отъ другого объекта; тотъ индивидъ, который совершалъ эту работу наиболѣе экономнымъ образомъ, при равенствѣ прочихъ условій, выживалъ долѣе другихъ. Такъ, напр., могла вырабатываться привычка двигаться прямолинейно, могло какъ бы прочувствоваться безсознательное положеніе, что наиболѣе выгодно, наименьшей работы требуетъ, скорѣе всего достигаетъ результата—прямолинейное движеніе; человѣческое

сознаніе только закрѣпило, оформило этотъ результатъ многомилліонныхъ индивидуальныхъ усилій—въ видѣ извѣстной аксіомы Эвклида: «Кратчайшее разстояніе между двумя точками есть прямая линія».

Вся геометрія есть только дальнѣйшая логическая обработка аксіомъ. Большинство же геометрическихъ аксіомъ—это законности, завѣщанныя нами наши предками — животными, это законности, такъ сказать, зоологическія.

Остальныя же законности являющіяся поправками къ закону тожества индивидуальности, могли создаться, какъ мы уже указывали, только тогда, когда появилось сознаніе, когда человѣкъ какъ бы раскололся на объектъ и субъектъ, когда онъ получилъ и развилъ въ себѣ способность наблюдать самого себя, наблюдать измѣненія своей индивидуальности *во времени*. Время уже заключено въ самонаблюденіи, слѣдовательно и въ сознаніи: время—это цементъ, которымъ сознаніе склеиваетъ разложенную имъ свою собственную индивидуальность; благодаря этому цементу, комплексъ переживаній все же остается личностью, индивидуальностью. Законности—это тѣ нити, протянутыя во времени, которыми сознаніе соединяетъ отдѣльныя переживанія какъ бы для того, чтобы сохранить единство сознанія и цѣльность индивидуальности; благодаря этимъ нитямъ, этимъ законностямъ, переживанія становятся закономѣрнымъ комплексомъ, не разрушающимъ того заколдованнаго круга, который я называю индивидуальностью.

Таковы и законы логики, и законы «природы»—они стремятся построить намъ такую послѣдовательность нашихъ переживаній, которую наше сознаніе могло бы охватить въ наиболѣе общей, наиболѣе экономной формулѣ; законы—это квинтэссенція прошлаго, необходимая намъ для построенія будущаго, это—міровой опытъ, который мы должны обогатить своею дѣятельностью, проявленіемъ своей индивидуальности.

Мы хотѣли намѣтить только наши основныя мысли о законахъ, и не намѣрены разбирать здѣсь того процесса, какимъ человѣчество построяло эти законы и создавало науку.

Но на одной характерной чертѣ этого процесса мы должны остановиться. Наука могла только тогда выйти изъ туманныхъ дебрей схоластики и теологіи, когда она обратилась къ *общечеловѣческому* опыту, и только такимъ образомъ она выработала основы *достовѣрности* знанія.

Но что же такое общечеловѣческій опытъ, какъ не признаніе законнымъ не только своего опыта, но и опыта всякой другой человѣческой личности? Наука въ корню своемъ есть явленіе *соціальное*, она стала возможной, когда человѣкъ призналъ другого человѣка равноцѣнной себѣ индивидуальностью, когда онъ сталъ исправлять нѣкоторыя индивидуальныя уклоненія своего личнаго опыта опытомъ другихъ людей. И чѣмъ больше число индивидуальностей участвуетъ въ построеніи человѣческаго опыта, тѣмъ достовѣрнѣе становится знаніе.

Поэтому наука должна быть интернаціональной, поэтому она должна быть доступна возможно бо̀льшему числу людей. Требованія справедливости совпадають здѣсь съ требованіями наибольшей достовѣрности и полноты знанія.

Философы могутъ называть иллюзіями что имъ угодно—существованіе внѣшняго міра, наличность сознанія, самое «я», для естествоиспытателя же иллюзія есть уклоненіе отъ общечеловѣческаго опыта, нѣчто слишкомъ индивидуальное, ненужное другимъ, пока безполезное. Собственно говоря, большая нелѣпость говорить объ аристократизмѣ науки—она въ основѣ своей демократична, хотя многіе представители ея и любятъ титулъ Geheimrath'а и мечтаютъ о звѣздахъ.

Ряды индивидуальностей человѣческое сознаніе связало нитями пространства и времени, какъ бы подвижными, то сближающимися, то растягивающимися, въ извѣстныхъ предѣлахъ, шарнирами; такъ создалась «природа». Понятно, поэтому, что въ природѣ все или, вѣрнѣе, почти все, связано; измѣненіе какой-либо части должно отражаться на всѣхъ другихъ частяхъ; понятна отсюда такъ называемая «гармонія природы».

Наблюдая самого себя, человѣкъ и себѣ нашелъ мѣсто въ созданной имъ природѣ, и сначала это мѣсто было самымъ важнымъ, центральнымъ, но дальнѣйшій опытъ разрушилъ закономѣрность такого представленія о природѣ и постепенно сознаніе стало отводить человѣку болѣе скромную роль въ мірозданіи. Химическій анализъ, микроскопъ показали, что самъ человѣкъ составленъ изъ клѣтокъ, изъ химическихъ частицъ, изъ тѣхъ же индивидуальностей, которыя онъ наблюдалъ и внѣ себя. Закономѣрныя нити — шарниры, связывающіе индивидуальности, протянулись не только внѣ человѣка, но и внутри его, внутри и другихъ организмовъ; стало устанавливаться единство строенія живыхъ существъ и процессъ раскрѣпощенія индивидуальностей привелъ къ идеѣ о болѣе тѣсной ихъ связи, къ идеѣ объ единствѣ ихъ происхожденія — къ теоріямъ *атомной* и къ *эволюціонной*.

Эти идеи единства мірозданія были высказаны и даже развиты раньше, чѣмъ наука приняла ихъ, какъ наиболѣе экономную формулу для выраженія общечеловѣческаго опыта. Вспомнимъ хотя бы знаменитую поэму римскаго поэта Лукреція, жившаго въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. «Не сами атомы,—говоритъ Лукрецій,—стали каждый на свое мѣсто, не сами они опредѣлили, какое движеніе имѣетъ каждый приметъ; но, такъ какъ многіе изъ нихъ въ многократныхъ странствіяхъ черезъ вселенную, получая толчки, носились цѣлую вѣчность, то они прошли черезъ всевозможные виды движенія и сопоставленія и, наконецъ, пришли къ такимъ положеніямъ, изъ которыхъ состоитъ все нынѣшнее твореніе, и послѣ того какъ оно держалось многіе и долгіе годы, оно производитъ, попавши разъ въ надлежащее движеніе, то, что потоки питаютъ обильными волнами жадное море, и что земля, согрѣ-

тая лучомъ солнца, порождаетъ новыя произведенія, и родъ живущихъ растеній «процвѣтаетъ, и подвижные огни эѳира не угасаютъ» *).

Это была только схема, только предчувствіе поэта, которое черезъ 19 вѣковъ выросло въ разработанную атомно-эволюціонную систему.

Но и теперь въ этой системѣ много еще произвольнаго, слишкомъ индивидуальнаго, далеко не общепризнаннаго. Мы, съ своей стороны, хотимъ предложить читателямъ эскизъ міровой эволюціи, какъ эволюціи индивидуальности, но предупреждаемъ, что въ этомъ эскизѣ также много будетъ личнаго, еретическаго, требующаго съ одной стороны дальнѣйшей, болѣе детальной обработки, съ другой—крещенія огнемъ полемики и критики.

Но... des chôques des opinions jallit la vérité.

IV.

Прежде всего мы развернемъ передъ читателемъ ту картину эволюціи химическихъ элементовъ, которую еще въ 1887 г. широкими штрихами набросалъ знаменитый англійскій химикъ Круксъ. Въ то время гипотезы Крукса по этому вопросу считались фантазіями, такъ какъ опирались они только на нѣкоторыя изслѣдованія самого автора. Теперь времена измѣнились и разнообразнѣйшія «истеченія», радіоактивныя вещества и наконецъ развитіе электронной теоріи—заставляютъ разсматривать эту фантазію, какъ удивительное предвидѣніе.

«Перенесемся,—говоритъ Круксъ,—съ помощью нашего воображенія къ началу временъ,—къ той порѣ, что была раньше геологическихъ вѣковъ, раньше даже, чѣмъ самое солнце сплотилось изъ первобытнаго протила **). Мы должны сдѣлать двѣ безусловно раціональныхъ предположенія. Во-первыхъ, необходимо допустить предварительное существованіе нѣкоторой формы энергіи, обладающей періодическими фазами ослабленія и усиленія, покоя и движенія; во-вторыхъ, внутренній процессъ—нѣчто въ родѣ охлажденія,медленно совершающагося въ протилѣ.

«Первоначально родившійся элементъ по своей простотѣ ближе всего стоялъ бы къ протилу. Въ настоящее время водородъ изъ всѣхъ извѣстныхъ элементовъ имѣетъ самое простое строеніе и самый низкій атомный вѣсъ. Нѣкоторое время водородъ былъ единственной формой матеріи (въ томъ смыслѣ, какъ мы ее знаемъ теперь). Между образованіемъ водорода и слѣдующаго за нимъ ближайшаго элемента протекло значительное время, къ концу котораго элементъ, ближайшій къ водороду по своей простотѣ, началъ медленно приближаться къ моменту своего зарожденія. Въ теченіе этого періода тотъ процессъ развитія,

*) Цитирую по Фр. Ланге: „Исторія матеріализма". Перев. Страхова, стр. 93.

**) „Протиломъ" Круксъ называетъ то, что существовало прежде нашихъ элементовъ, слѣдовательно, прежде матеріи, какова она есть теперь.

которому вскорѣ предстояло породить новый элементъ (такъ мы можемъ допустить), опредѣлилъ и его атомный вѣсъ, и его сходство, и его химическое положеніе.

«Въ этомъ генезисѣ элементовъ, чѣмъ дольше былъ промежутокъ времени, употребленный на ту часть процесса охлажденія, въ теченіе которой протилъ сплачивался въ атомы, тѣмъ рѣзче опредѣлились проистекавшіе элементы, тогда какъ чѣмъ быстрѣе и неправильнѣе протекалъ процессъ охлажденія, тѣмъ болѣе конечные продукты приближаются другъ къ другу и почти съ незамѣтными оттѣнками переходятъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, мы можемъ представить себѣ, что тотъ порядокъ событій, который далъ намъ такія группы, какъ платина, осмій и иридій, палладій, рутеній и радій, желѣзо, никкель и кобальтъ, разрѣшился бы рожденіемъ одного только элемента въ каждой изъ трехъ группъ, если бы весь процессъ шелъ значительно медленнѣе. И наоборотъ, при еще болѣе быстромъ охлажденіи появились бы элементы еще болѣе похожіе другъ на друга, чѣмъ никкель и кобальтъ; такимъ путемъ могли произойти столь близкіе между собой элементы церіевой, итріевой и подобныхъ группъ. Въ минералахъ изъ класса самарскита и гадолинита мы можемъ видѣть какъ бы космическую кладовую, гдѣ въ концѣ концовъ, накоплялись элементы въ состояніи задержаннаго развитія,—это оторванныя, недостающія звенья неорганическаго дарвинизма.

«Каждый рѣзко опредѣленный элементъ можно сравнить съ устойчивой террасой, на которую ведутъ уступы изъ неустойчивыхъ тѣлъ. При первомъ сростаніи первобытнаго вещества произошли самые малые атомы, потомъ они соединились между собой и образовали болѣе крупныя группы; бездна между одной стадіей и другой постепенно застилалась, и стойкій элементъ, приноровленный къ этой стадіи, такъ сказать, поглощалъ нестойкія ступеньки той лѣстницы, которая вела къ его образованію. Подлежитъ еще сомнѣнію, абсолютно ли одинаковы массы конечныхъ атомовъ даже у одного и того же химическаго элемента. По всей вѣроятности, наши атомные вѣса представляютъ собой лишь нѣкоторыя среднія величины, около которыхъ варьируютъ въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ истинные вѣса атомовъ. Поэтому, когда мы говоримъ, напримѣръ, что атомный вѣсъ кальція — 40, то очень можетъ быть, что большинство атомовъ кальція дѣйствительно имѣютъ атомный вѣсъ 40, но нѣкоторые—только 39,9 или даже 40,1 другіе, менѣе многочисленные—39,8 или 40,2 и такъ далѣе. Въ такомъ случаѣ свойства какого-нибудь элемента представляли бы собой среднія свойства массы атомовъ, которые не равны другъ другу, но и очень мало отличаются другъ отъ друга. Не въ этомъ ли заключается истинное значеніе «изношенныхъ частицъ» Ньютона»? *).

*) Вильямъ Круксъ. „О происхожденіи химическихъ элементовъ“. Рѣчь, чи-

Теперь, за послѣдніе два-три года мы проникли вглубь этого «первобытнаго нѣчто» — круксовскаго «протила», мы уже разложили его на «электроны», частицы въ милліоны разъ болѣе мелкія, чѣмъ атомы, индивидуальности настолько упрощенныя, что они уже не могутъ быть выражены въ раздѣльныхъ понятіяхъ—«матерія и движеніе», а должны оцѣниваться болѣе общимъ символомъ, близкимъ къ тому, что мы обозначаемъ нынѣ энергіей.

Но что такое энергія, какъ неспособность производить работу, способность проявляться, быть «я», активно противопоставлять себя окружающему міру, не «я». Такимъ образомъ въ электронѣ процессъ упрощенія индивидуальности приближается къ своему предѣлу; дальнѣйшее упрощеніе приводитъ уже къ числу, когда индивидуальность лишается уже активности, становится просто единице и противопоставляется міру, какъ ряду чиселъ, такихъ же идеально неподвижныхъ и идеально обезцвѣченныхъ индивидуальностей.

Процессъ эволюціи протила, давшій въ результатѣ химическіе элементы, мы, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ сможемъ разсматривать, какъ процессъ различнаго комбинированія электроновъ.

Для насъ интересно отмѣтить въ «фантазіи» Крукса два момента: во-первыхъ, неуклонное пониженіе температуры, сопровождавшее эту эволюцію химическихъ элементовъ, и затѣмъ указываемое имъ образованіе массы промежуточныхъ нестойкихъ элементовъ, которые какъ бы «поглощались» единичными, стойкими, дошедшими до насъ. Эти два момента, по нашему мнѣнію, характерны для всей міровой эволюціи—вплоть до появленія человѣческаго сознанія.

Кромѣ того, мы отмѣтимъ еще третій моментъ, въ статьѣ Крукса выраженный весьма неясно: эволюція идетъ не непрерывной линіей, а цѣлымъ рядомъ толчковъ, изъ которыхъ большинство очень слабые, и только нѣкоторые являются началомъ новаго періода, новаго стойкаго элемента. Какъ мы покажемъ ниже, и этотъ третій моментъ является характернымъ для всего эволюціоннаго процесса.

Кромѣ того, мы хотѣли бы подчеркнуть здѣсь, что, такъ сказать, *групповымъ скачкомъ* явилось уже самое образованіе атома, съ его сложными свойствами, выражающимися въ символахъ «матерія и движеніе», изъ электроновъ, для выраженія свойствъ которыхъ достаточно болѣе общаго—энергетическаго символа...

Продолжимъ же дальше процессъ, намѣченный Круксомъ только для элементовъ...

Образовались химическіе элементы, но процессъ мірового охлажденія продолжался, температура падала и начинали появляться, путемъ

танная въ лондонскомъ „Королевскомъ Институтѣ" 18-го февраля 1887 г. Переводъ А. В. Генерозова. Москва. 1902. Стр. 36—38.

сближенія атомовъ другъ съ другомъ, болѣе сложныя комбинаціи—химическія молекулы.

Здѣсь тоже образовывалась масса нестойкихъ молекулъ и сравнительно очень немного стойкихъ, дошедшихъ до насъ; процессъ тоже шелъ скачками и также групповымъ скачкомъ надо считать самое образованіе изъ атомовъ химической молекулы. Дѣйствительно, какъ «объяснить», какъ понять, что при соединеніи атома водорода съ атомомъ хлора получается хлористый водородъ, свойства котораго совершенно отличаются отъ свойствъ и водорода, и хлора. «Почему» изъ соединенія одного атома кислорода съ двумя атомами водорода получается вода, а при соединеніи одного атома кислорода съ однимъ атомомъ водорода — перекись водорода — вещества по свойствамъ своимъ совершенно отличныя и другъ отъ друга, и отъ водорода и кислорода.

Къ этому вопросу мы еще вернемся, а теперь только снова подчеркиваемъ характерные для процесса эволюціи, каковымъ онъ намъ представляется, *скачки.*

При дальнѣйшемъ пониженіи температуры изъ молекулъ образовывались милліоны еще болѣе сложныхъ молекулъ; громадная масса ихъ оказывалась нестойкими при данныхъ условіяхъ температуры и давленія и они сейчасъ же снова распадались; наконецъ, появлялась стойкая молекула и закрѣпляла за собой мѣсто на міровой аренѣ—такъ образовались многіе сложные силикаты и органическія соединенія, наприм., бѣлки. Но, вѣроятно, нѣкоторыя нестойкія формы этого типа успѣвали соединиться съ другими имъ близкими и здѣсь получалась возможность для образованія опять-таки милліоновъ новыхъ, еще болѣе сложныхъ и еще болѣе эфемерныхъ соединеній, которыя «отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть».

Этотъ послѣдній процессъ на землѣ шелъ, вѣроятно, въ первобытныхъ теплыхъ моряхъ, когда температура ихъ уже доходила до 40—80° градусовъ Цельзія, шелъ, главнымъ образомъ, на днѣ ихъ, такъ какъ большинство этихъ соединеній имѣютъ большій удѣльный вѣсъ, чѣмъ вода, шелъ, можетъ быть, въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ, причемъ послѣдовательно образовывались все болѣе и болѣе нестойкія соединенія, такъ что между моментомъ образованія такого соединенія, моментомъ его разложенія и моментомъ появленія новаго, очень ему близкаго, проходили все болѣе и болѣе короткіе промежутки; наконецъ, когда эти промежутки стали мгновеніями, цѣлый рядъ такихъ идеально нестойкихъ соединеній какъ бы сливался въ одно вещество, въ которомъ процессы разложенія и новообразованія были почти неотдѣлимы, *вещество—устойчивое въ силу своей неустойчивости.*

Изъ этого вещества, или, лучше сказать, изъ такихъ веществъ, (такой процессъ въ разныхъ частяхъ земного шара шелъ, конечно, не совершенно тожественно),—съ такимъ подвижнымъ равновѣсіемъ, являющимся зачаткомъ приспособленія къ окружающей средѣ, полу-

чились, путемъ какъ бы «выживанія» наиболѣе приспособленныхъ, различныя первобытныя протоплазмы,—прадѣды тѣхъ протоплазмъ, которыя мы нынѣ зовемъ субстратомъ жизни и основнымъ свойствомъ которыхъ считаемъ *раздражимость*.

Итакъ, въ различныхъ пунктахъ земного шара на днѣ теплыхъ морей, подъ громадными давленіями въ нѣсколько сотъ и даже до 1000 атмосферъ, должны были образоваться безформенныя массы очень близкихъ другъ другу по составу, но все же не совершенно тожественныхъ, веществъ, одаренныхъ раздражимостью.

Что такое раздражимость? Это свойство организованнаго вещества измѣнять въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего объема свой составъ, не элементарный, конечно, а структурный, подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій—иначе говоря, свойство индивидуальности отмѣчать въ себѣ самомалѣйшія измѣненія, происходящія въ окружающей средѣ, въ «не я», не теряя при этомъ своей индивидуальности.

Постоянная смѣна такихъ измѣненій, смѣна разложенія и синтеза, происходящая въ протоплазмѣ, должна производить непрерывное измѣненіе объема ея, сжатіе и расширеніе и, какъ слѣдствіе этого, *движеніе цѣлаго — передвиженія*. Такимъ образомъ и движеніе протоплазмы можно вывести изъ основного ея свойства—быстрой смѣны явленій распада и соединенія. Но какъ объяснить способность протоплазмы претворять попадающія въ нее извнѣ нѣкоторыя вещества въ вещество, подобное ей самой,—способность, называемую *асимиляціей* и свойственную всѣмъ организмамъ?

Да той же постоянной смѣной разложенія и синтеза, постояннымъ потокомъ образующихся и распадающихся необыкновенно сложныхъ химическихъ соединеній. Разъ въ такую среду попадаетъ извнѣ вещество, подобное одному изъ этихъ соединеній, то и оно вовлекается въ данный процессъ, ассимилируется;—вслѣдствіе такого присоединенія кусокъ протоплазмы долженъ увеличиваться въ объемѣ, расти. Труднѣе объяснить ассимиляцію, производимую, напр., земными растеніями изъ очень простыхъ веществъ, хотя бы образованіе крахмала изъ углекислоты, но намъ кажется, что это процессы уже позднѣйшіе, появившіяся послѣ и вслѣдствіе дифференціаціи данной первичной протоплазмы; во всякомъ случаѣ и они объяснимы, если допустить, что при нѣкоторыхъ внѣшнихъ условіяхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ даннаго организма можетъ происходить разложеніе протоплазмы вплоть до простыхъ химическихъ соединеній (углекислота) и затѣмъ немедленное обратное ихъ соединеніе; тогда и простыя вещества, находящіеся внѣ даннаго организма, могутъ вовлекаться въ этотъ процессъ и ассимилироваться.

Такимъ образомъ основныя свойства организованнаго вещества—раздражимость, движенія и ассимиляція могутъ быть выведены изъ одного начала—изъ эволюціи первичной индивидуальности, эволюціи,

являющейся соединеніемъ болѣе простыхъ индивидуальностей въ сложный комплексъ—новую болѣе сложную индивидуальность.

Но безформенная протоплазма еще не организмъ. Какъ появилась *форма?* Мы, конечно, не можемъ теперь намѣтить даже главныхъ моментовъ этого процесса. Ограничимся только слѣдующими общими соображеніями.

Если первичныя протоплазмы образовались на днѣ первобытныхъ теплыхъ морей подъ громадными давленіями, то можно представить себѣ слѣдующій процессъ. Различныя вліянія, главнымъ образомъ, вѣроятно, вулканическія выдѣленія различныхъ горячихъ газовъ, которыя въ ту отдаленную эпоху жизни земли должны были происходить гораздо чаще, чѣмъ нынѣ, — эти вліянія приводили къ разложенію нѣкоторыхъ участковъ даннаго куска протоплазмы; поэтому въ оставшуюся живою часть ея проникали изъ разложившейся пузырьки газовъ и дѣлали протоплазму болѣе легкой, болѣе пѣнистой. Это образованіе газовъ могло происходить, можетъ быть, и въ силу способности нѣкоторыхъ протоплазмъ и въ нормальномъ для нихъ состояніи доводить процессъ собственнаго разложенія до появленія относительно простыхъ газообразныхъ веществъ.

Вслѣдствіе пониженія удѣльнаго вѣса такой кусокъ протоплазмы поднимался выше, въ болѣе высокіе слои морской воды и здѣсь подвергался дѣйствію уже болѣе слабыхъ давленій, чѣмъ на днѣ моря; пониженіе давленія должно было вызывать разбуханіе протоплазмы; онà неизбѣжно должна была стремиться къ наиболѣе устойчивой шаровой формѣ и также неизбѣжно въ нѣкоторыхъ наиболѣе слабыхъ мѣстахъ ея поверхности должны были происходить выпячиванія въ видѣ различныхъ выступовъ и отростковъ. Такимъ образомъ появилась шарообразная форма, снабженная разнообразными лучами. Вслѣдствіе измѣненія давленія, процессы распаденія и синтеза въ такой формѣ не шли уже тѣмъ самымъ темпомъ, какъ въ протоплазмѣ, изъ которой она произошла, но чтò еще важнѣе, эти процессы не могли быть одновременными во всѣхъ частяхъ даннаго шарообразнаго протоорганизма. Слѣдствіемъ этой неодновременности явилась слабая *дифференціація* первичной протоплазмы и первичные *органы*; въ свою очередь, эта дифференціація вызвала появленіе и нѣкоторыхъ отличій въ характерѣ раздражимости, движенія и ассимиляціи въ различныхъ частяхъ такого протоорганизма.

Изъ безчисленнаго числа появившихся такимъ образомъ формъ первичныхъ организмовъ могли удержаться и безпрерывно возникать только тѣ, которые соотвѣтствовали внѣшнимъ условіямъ, т.-е. температурѣ и давленію данной зоны моря.

Въ свою очередь эти прото-организмы какимъ-нибудь путемъ, подобнымъ только-что описанному, попадали въ еще болѣе высокіе слои

моря, въ новыя условія температуры и давленія и дифференціація должна была идти все дальше и дальше.

Мы нарисовали только одинъ изъ *возможныхъ* процессовъ дифференціаціи первичной протоплазмы и образованія организма. Конечно, эти процессы были разнообразны и многочисленны. Но одно можно утверждать: если первичныя протоплазмы появились при наличности громаднаго давленія на днѣ моря, то, разъ такая протоплазма, въ силу какихъ-либо вліяній, попадала въ среду съ меньшимъ давленіемъ, намѣченные нами выше процессы, или имъ аналогичные, *должны* были происходить: *дифференціація протоплазмы и появленіе организма есть отвѣтъ протоплазмы на измѣненіе давленія.*

Всѣмъ извѣстно, что уменьшеніе атмосфернаго давленія (напр. при поднятіяхъ на воздушныхъ шарахъ, при восхожденіи на высокія горы) дѣйствуетъ на организмъ гораздо губительнѣе, чѣмъ несравненно болѣе значительныя увеличенія давленія. Прямые опыты многихъ ученыхъ, въ томъ числѣ недавніе дерптскихъ профессоровъ Таммана и Хлопина, показали, что даже давленія въ двѣ и три тысячи атмосферъ лишь въ слабой степени уменьшаютъ жизнеспособность нисшихъ организмовъ. Эти факты легко объяснимы, если предположить, какъ то сдѣлали мы, что первичныя протоплазмы образовались на днѣ моря при громадныхъ давленіяхъ.

Появленіе раздражимости и въ то же время формы, проще говоря, появленіе организма, положило начало созиданію пространства: здѣсь корни нашихъ пространственныхъ идей и здѣсь первое смутное противопоставленіе «я» окружающему его «не я». Конечно, выраженіе «смутное противопоставленіе» слишкомъ антропоморфно, чтобы выразить это соотношеніе, но человѣкъ можетъ говорить только словами и мыслить индивидуальностями.

Какъ же изъ раздражимости развилось ощущеніе, а шаровидный проторганизмъ, пассивно вбирающій въ себя различныя вещества, превратился, напримѣръ, въ инфузорію, преслѣдующую свою добычу? Здѣсь снова скачокъ эволюціи...

Въ разныхъ пунктахъ земли должны были появиться различныя, не вполнѣ тожественныя первичныя протоплазмы и изъ нихъ развиться не вполнѣ тожественные, хотя и близкіе другъ другу, первичные организмы. Кромѣ того, нельзя думать, чтобы всѣ эти протоплазмы появились одновременно, процессъ ихъ образованія шелъ, вѣроятно, въ теченіе многихъ тысячелѣтій и въ каждый данный моментъ существовали протоплазмы болѣе старыя и болѣе молодыя.

Чѣмъ могли отличаться эти протоплазмы другъ отъ друга? Различною степенью раздражимости. А чѣмъ же обусловливалось это различіе? Тѣмъ или инымъ числомъ (всегда громаднымъ) входившихъ въ составъ данной протоплазмы идеально неустойчивыхъ необыкновенно сложныхъ химическихъ соединеній.

При этомъ, съ большой долей вѣроятности, можно предположить, что наиболѣе молодыя протоплазмы, т.-е. появившіяся позже, обладали и наибольшею степенью раздражимости, такъ какъ на образованіе ихъ ушло больше времени, а слѣдовательно и въ составъ ихъ могло войти большее число нестойкихъ соединеній.

Впрочемъ, это деталь; главное же то, что протоплазмъ было много и онѣ отличались другъ отъ друга степенью раздражимости.

Исходя изъ этого я думаю, что нельзя говорить о единомъ корнѣ организованнаго міра. Эти корни нужно считать милліонами и они, хотя и были близки другъ къ другу, но не были тожественны и отличались другъ отъ друга не только различною степенью раздражимости, но и разновременнымъ появленіемъ своимъ на міровую арену.

Организмы развивались не изъ одного ствола, а изъ многихъ, вѣроятно, даже очень многихъ, и этимъ только можно объяснить тѣ глубокія различія въ строеніи организмовъ различныхъ семействъ и классовъ, которые, даже такіе послѣдовательные представители дарвинизма, какъ Уоллесъ, колеблются объяснить происхожденіемъ отъ одного общаго предка путемъ естественнаго подбора индивидуальныхъ варіацій.

«Но когда мы углубимся далѣе въ прошлое,—говоритъ Уоллесъ,—и вздумаемъ объяснять происхожденіе отдѣльныхъ *семействъ, порядковъ и классовъ* животныхъ при помощи того же самаго процесса, свидѣтельства становятся менѣе ясными и менѣе рѣшительными. Мы встрѣчаемъ группы, обладающія такими органами, которыхъ даже зачатковъ не находимъ въ другихъ группахъ; встрѣчаемъ классы, коренным образомъ отличающіеся по своему строенію отъ другихъ классовъ, и, наконецъ, мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ того, что измѣненія этого рода совершаются и въ настоящее время, между тѣмъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что измѣненія, болѣе легкія, производящія новые *виды* и новые *роды*, дѣйствительно совершаются и нынѣ» *).

Но все же Уоллесъ думаетъ, что «многочисленныя промежуточныя звенья, открываемыя какъ среди живущихъ, такъ и исчезнувшихъ животныхъ, и особенно удивительное сходство, замѣчаемое въ эмбріологическомъ развитіи самыхъ разнообразныхъ живыхъ (?) типовъ заставляютъ придти къ заключенію, что животное и растительное царства, въ ихъ цѣломъ, обладаютъ удивительнымъ разнообразіемъ существующихъ формъ, благодаря непрерывному процессу видоизмѣненія потомства, происходящаго отъ немногихъ первоначальныхъ типовъ» **).

---

*) „Научныя и соціальныя изслѣдованія Альфреда Уоллеса". Т. I. Переводъ съ англійскаго Л. Лакіера. Изд. Ф. Павленкова. 1903 стр. 272.

**) Ibid., стр. 272.

Намъ же кажется, что ни сходство эмбріональнаго развитія, ни промежуточные типы, представляемые палеонтологіей, ничуть не требуютъ признанія *немногихъ* первоначальныхъ типовъ, а могутъ быть объяснены тою или другою степенью близости ихъ первоначальныхъ протоплазмъ. По нашему мнѣнію, даже появленіе различныхъ семействъ, а, весьма вѣроятно, и родовъ, можетъ быть объяснено только различіемъ ихъ протоплазмъ.

Какъ, напримѣръ, изъ ганоидныхъ рыбъ могли развиться путемъ закрѣпленія естественнымъ подборомъ индивидуальныхъ различій— костистыя рыбы? Или, почему эти гиганты - ганоидныя рыбы юрскихъ морей должны были въ борьбѣ за существованіе уступить мѣсто костистымъ, которыя впервые появляются, вѣроятно, въ видѣ маленькой рыбешки (Leptolepis) всего въ нѣсколько дюймовъ длиной.

Или почему ничтожное сумчатое} (Microlestes), впервые появившееся въ тріасовый періодъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи вытѣснило, якобы въ борьбѣ за существованіе, гигантскихъ пресмыкающихся—цанклодона, белодона и др.

Обычный отвѣтъ дарвинистовъ—измѣненіе внѣшнихъ условій, измѣненіе конфигураціи материковъ и морей, измѣненіе климата создало новыя внѣшнія условія, новую среду, къ которой одни типы не могли приспособиться и потому исчезли, а другіе чувствовали себя прекрасно и начали размножаться и эволюціонировать.

Но вѣдь измѣненіе внѣшнихъ условій идетъ медленно, постепенно и незамѣтно. И если признать вмѣстѣ съ дарвинистами неограниченную пластичность организма, то нужно признать и неограниченную способность его приспособляться. Почему же такое приспособленіе должно свестись въ концѣ концовъ къ полному исчезновенію типа?

Почему могучіе лабиринтодонты исчезаютъ къ концу тріасоваго періода, а ничтожный Microlestes начинаетъ развиваться, эволюціонировать и становится прародителемъ всего класса млекопитающихъ?

Нѣтъ, этого борьбой за существованіе, измѣненіемъ условій среды и естественнымъ подборомъ не объяснишь.

Если же принять разнородность первичныхъ протоплазмъ, то объясненіе можетъ быть дано.

Лабиринтодонты исчезли потому, что достигли предѣла своего архитектурнаго типа, предѣла своего роста, обусловленнаго степенью раздражимости ихъ протоплазмы; а сумчатое могло развиваться и эволюціонировать, такъ какъ степень раздражимости его протоплазмы была далеко не исчерпана и, вѣроятно, самая степень эта была выше, чѣмъ у лабиринтодонтовъ. Не карликъ Leptolepis вытѣснилъ ганоидныхъ, а они сами стали размножаться слабѣе и вымирать быстрѣе, но, какъ извѣстно, все же не вымерли и до сихъ поръ.

Интересно подчеркнуть, что новый типъ появляется на міровую арену часто, а, можетъ быть, и всегда, въ видѣ представителей крайне

незначительной величины, а типы вымирающіе представлены болѣе или менѣе крупными индивидуумами. Ужъ одно это показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ параллельными, независимыми другъ отъ друга процессами.

Дюймовая костистая рыбешка—Leptolepis—развилась, конечно, не изъ ганоидныхъ рыбъ, а изъ какого-нибудь болѣе древняго, можетъ быть, сборнаго типа еще болѣе ничтожной величины, чѣмъ она сама; она продѣлала свой эволюціонный циклъ, навѣрное, болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ ганоидныя, и появилась на землѣ какъ бы въ видѣ модели, прообраза, но зато сохранила потенціальную энергію, которая позволила ей эволюціонировать болѣе высоко, чѣмъ ганоидныя.

Я не могу, конечно, дать картины развитія нашей костистой рыбешки изъ протоплазмы, но почти увѣренъ, что въ этой эволюціи многіе промежуточные типы, получившіе въ исторіи земли, при эволюціи другихъ протоплазмъ, въ опредѣленный моментъ свое полное осуществленіе, являлись здѣсь, въ этой эволюціи, давшей въ результатѣ дюймовую Leptolepis, въ зачаточномъ, какъ бы въ зародышевомъ, карликовомъ состояніи и въ сравнительно незначительномъ числѣ индивидовъ; эти карлики погибали быстро и безслѣдно, почти тотчасъ же вслѣдъ за своимъ образованіемъ. Этимъ, по моему мнѣнію, гораздо легче и проще объясняются поразительные пробѣлы въ эволюціонной цѣпи организмовъ, чѣмъ одною неполнотою и несовершенствомъ нашихъ палеонтологическихъ изслѣдованій

Такимъ образомъ, типы, появившіеся на землѣ позже другихъ, могли достигнуть болѣе высокаго развитія (которое есть въ концѣ концовъ болѣе дифференцированная раздражимость)—во-первыхъ, благодаря тому, что они образовались, вѣроятно, изъ болѣе молодыхъ протоплазмъ, владѣющихъ болѣе высокою степенью раздражимости, а во-вторыхъ, потому, что переживали процессъ развитія ускореннымъ темпомъ, не тратя своей энергіи на воспроизведеніе крупныхъ индивидуумовъ.

Дарвинъ былъ очень осторожный человѣкъ и его основное сочиненіе озаглавлено «Происхожденіе *видовъ*»; послѣдователи его были болѣе смѣлы и распространили принципы борьбы за существованіе и естественнаго подбора на всю органическую эволюцію. По нашему мнѣнію, намъ нужно вернуться къ первоисточнику и примѣнять эти принципы только къ происхожденію видовъ, да и то съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о томъ, передаются ли по наслѣдству признаки, пріобрѣтенные индивидуумомъ путемъ упражненія, нужно признать безспорнымъ фактомъ, что нѣкоторые признаки,—наслѣдственны. Такіе признаки мы зовемъ видовыми. Такимъ образомъ выраженія: видовые признаки и признаки наслѣдственные по нашему мнѣнію только тавтологія.

Дарвинисты утверждаютъ, что видовые признаки образуются изъ индивидуальныхъ отклоненій путемъ естественнаго отбора. Но здѣсь возникалъ слѣдующій вопросъ. Для того, чтобы такое индивидуальное отклоненіе усиливалось благодаря естественному отбору, необходимо, чтобы оно было полезно организму, слѣдовательно, необходимо, чтобы оно достигало болѣе или менѣе значительной величины. Дарвинисты, особенно не признающіе наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ признаковъ, утверждаютъ, что такія значительныя индивидуальныя уклоненія весьма распространены въ природѣ; ихъ противники, наоборотъ, доказываютъ, что обычныя индивидуальныя отклоненія столь незначительны, что ни о какой полезности ихъ говорить нельзя, слѣдовательно, они и не подлежатъ естественному отбору. Намъ кажется, — истина на сторонѣ противниковъ дарвинизма и обычными индивидуальными отклоненіями нельзя объяснить происхожденіе новыхъ видовъ. Точнѣе было бы сказать:—всѣ уклоненія отъ типа, конечно, могутъ быть только индивидуальными, но индивидуальныя уклоненія такой величины, такого значенія, которыя могли бы, благодаря естественному отбору, закрѣпиться и дать начало новому виду, происходятъ далеко не всегда и не есть обычное явленіе.

Въ настоящее время замѣчательныя работы де-Фриза позволяютъ и въ эволюціи видовъ установить *скачковый* характеръ.

Эти работы основаны не на умозрѣніи, а на долголѣтнихъ наблюденіяхъ и опытахъ надъ растеніями .Де-Фризъ указываетъ, что нужно отличать отъ индивидуальныхъ уклоненій—*варіацій*, такъ называемыя *мутаціи*. Въ варіаціяхъ новыхъ признаковъ не образуется, измѣненія касаются только усиленія или ослабленія какого-нибудь уже имѣющагося признака; варіаціи, слѣдовательно, не могутъ дать новаго вида; послѣдніе создаются только путемъ мутацій, путемъ неожиданныхъ, внезапныхъ измѣненій, о законахъ которыхъ мы пока ничего не знаемъ. Извѣстно только, что мутаціи происходятъ рѣдко, скачками и придаютъ виду новую форму или же образуютъ изъ одной разновидности другую, совершенно отличную отъ первой. При этомъ иногда образуется только одинъ новый признакъ, напримѣръ, появляются цвѣтки, исчезаютъ шипы, разные отростки и пр., иногда же мутація охватываетъ всѣ признаки. Мутаціи, по мнѣнію де-Фриза, совершаются во всѣхъ направленіяхъ, безъ какого-либо руководящаго принципа. Борьба за существованіе выбираетъ изъ мутацій наиболѣе устойчивыя; но иногда новая форма можетъ утвердиться и безъ борьбы за существованіе, если, во-первыхъ, она настолько сильна и плодовита, чтобы размножаться, и, во-вторыхъ, если она образуется много разъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Такимъ образомъ, по мнѣнію де-Фриза, виды, по крайней мѣрѣ, растительнаго царства могутъ долго оставаться безъ измѣненій и только при наступленіи какихъ-то неизвѣстныхъ условій начинаетъ проявляться му-

таціонная измѣнчивость и образуются новыя формы. Де-Фризу удалось найти нѣкоторые виды растеній въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи и наблюдать появленіе новыхъ формъ, которыя онъ путемъ искусственнаго подбора закрѣпилъ въ новые виды.

IV.

Мы уже указывали на общее условіе эволюціи—пониженіе температуры окружащей среды. Слѣдствіемъ этого является, что болѣе сложныя индивидуальности образуются при болѣе низкихъ температурахъ, чѣмъ болѣе простыя; каждая индивидуальность имѣетъ свой *верхній* температурный предѣлъ, выше котораго она не можетъ существовать. Когда эволюція доходитъ до протоплазмы, до появленія раздражимости, процессъ становится сложнѣе: предѣлъ существованія уже не односторонній, а *двусторонній* — данный организмъ можетъ существовать только въ опредѣленныхъ и кверху и книзу температурныхъ предѣлахъ.

Затѣмъ, путемъ эволюціоннаго приспособленія высшіе организмы вырабатываютъ такіе регуляторы, которые поддерживаютъ внутреннюю температуру тѣла почти постоянной (теплокровныя животныя), независимой, пока живъ организмъ, отъ внѣшнихъ условій. Эти внутренніе температурные предѣлы очень незначительны,—такъ, если болѣзненные процессы понизятъ температуру человѣка до 34°—35° или повысятъ ее до 42°—44° Ц., то человѣкъ теряетъ сознаніе, и если процессъ продолжается болѣе или менѣе продолжительное время, то больной умираетъ. Конечно, въ данномъ случаѣ измѣненіе температуры является скорѣе показателемъ, чѣмъ причиной разрушенія индивидуальности.

Уже самый процессъ эволюціи, выработавшій у высшихъ животныхъ такую внутреннюю температуру съ такой незначительной амплитудой, показываетъ, что и здѣсь, въ мірѣ организмовъ, наиболѣе сложныя индивидуальности — наиболѣе высоко организованныя существа требуютъ болѣе узкихъ температурныхъ предѣловъ окружающей среды, чѣмъ низшіе организмы, не владѣющіе такими регуляторами.

Хотя въ данномъ случаѣ вопросъ осложняется и запутывается сложностью и различіемъ аппаратовъ приспособленія, которые каждый видъ вырабатывалъ по своему, въ иныхъ внѣшнихъ, а слѣдовательно, и температурныхъ условіяхъ, но мнѣ кажется, что все же можно отмѣтить общую тенденцію: для усложненія индивидуальности, для эволюціи необходимы—во-первыхъ пониженіе температуры, а затѣмъ все бóльшая и бóльшая однородность температурныхъ вліяній.

Но что такое температура?

Физика довольно неопредѣленно отвѣчаетъ—температура есть степень нагрѣтости, молекулярная физика дополняетъ: та или иная высота

температуры обусловливается быстротою колебанія частицъ, составляющихъ данное тѣло: чѣмъ быстрѣе это колебаніе, тѣмъ выше температура.

Такимъ образомъ температура является какъ бы прообразомъ воздѣйствія окружающей среды на индивидуальность, самой грубой, первичной формой этого воздѣйствія. Чѣмъ выше температура этой среды, чѣмъ сильнѣе, чаще бьютъ ея частицы зарождающуюся индувидуальность, тѣмъ эта послѣдняя проще, примитивнѣе: элементы образовались при необыкновенно высокихъ температурахъ, химическія частицы уже при менѣе высокихъ, первичная протоплазма могла появиться вѣроятно, только при 50⁰—80⁰ Ц., протоорганизмъ при еще болѣе низкихъ и, наконецъ, теплокровныя животныя, носятъ, если можно такъ выразиться, свою температуру (35⁰—50⁰) съ собою — они уже почти эмансипированы отъ гнетущаго вліянія неорганической среды.

Въ спеціально органической эволюціи мы наблюдаемъ *) такую же постепенную эмансипацію отъ давленія: эволюція организмовъ идетъ параллельно съ пониженіемъ внѣшняго давленія.

Одновременно съ этимъ процессомъ эмансипаціи отъ грубаго воздѣйствія среды на индивидуальность, эта послѣдняя становится все индивидуальнѣе, красочнѣе, богаче свойствами, но ясно само собой—становится и болѣе чувствительной къ измѣненіямъ, совершающимся въ окружающей средѣ. Наиболѣе красочная индивидуальность—организмъ могъ появиться только тогда, когда воздѣйствіе окружающей среды стало болѣе кроткимъ, болѣе уравновѣшеннымъ, но зато и чувствительность этой индивидуальности—организма къ измѣненіямъ, совершающимся вокругъ его, соотвѣтственно увеличилась—появилась раздражимость.

Въ дальнѣйшей—уже органической эволюціи—мы еще яснѣе наблюдаемъ ту же законность: чѣмъ выше, сложнѣе появляется организмъ, тѣмъ онъ становится самостоятельнѣе отъ воздѣйствій внѣшней среды, но въ то же время чувствительнѣе къ этимъ воздѣйствіямъ. Вѣнцомъ этого процесса нужно считать появленіе человѣка съ его сознаніемъ, покоряющаго природу, но въ то же время и познающаго ее болѣе всѣхъ другихъ, индивидуальностей: *возрастаніе самостоятельности отъ воздѣйствій внѣшняго міра и чувствительности къ этимъ воздѣйствіямъ идутъ рука объ руку съ эволюціею индивидуальности.*

Въ соціальной своей исторіи человѣкъ инстинктивно стремится къ осуществленію этого же идеала міровой эволюціи...

Какъ мы уже говорили, мы считаемъ эволюцію организмовъ, ихъ дифференціацію, появленіе органовъ, развитіе специфическихъ раздражимостей—отвѣтомъ первичной протоплазмы на уменьшеніе давленія.

---

*) Если принять нашу гипотезу о появленіи первичной протоплазмы на днѣ моря.

Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ, какъ шла далѣе дифференцировка и эволюція организмовъ, этому вопросу посвящены многія сотни томовъ, заключающихъ въ себѣ работы по сравнительной анатоміи. эмбріологіи и палеонтологіи.

Но, можетъ быть, намъ поставятъ слѣдующій общій вопросъ. Почему появляется индивидуальное отклоненіе и почему изрѣдка появляется видовое—эволюція дѣлаетъ скачокъ? На это мы отвѣтимъ, что подобнаго вопроса ставить нельзя. Индивидуальности «существуютъ», потому что мы мыслимъ индивидуальностями, мы не можемъ себѣ представить внѣшняго міра иначе, какъ разбитымъ на ряды индивидуальностей. Понятіе объ индивидуальныхъ отклоненіяхъ могло появиться только тогда, когдо появилась абстракція: «видъ», имя нарицательное, «типъ» и пр., т.-е. когда процессъ упрощенія индивидульностей зашелъ ужъ очень далеко и сталъ сознательнымъ.

Всѣ измѣненія индивидуальности происходятъ въ предѣлахъ, очерченныхъ опредѣленнымъ для нея радіусомъ, и являются отвѣтомъ на вліянія внѣшняго міра. Можно, пожалуй, задать вопросъ, почему эти измѣненія иногда выскакиваютъ, такъ сказать, за предѣлы данной индивидуальности—появляется новый видъ—Oenotheria gigas де Фриза, геній, уродъ, кретинъ?

Можетъ быть, нѣкоторые удовлетворятся слѣдующимъ отвѣтомъ: раздражимость данной индивидуальности была выше, или своеобразнѣе, чѣмъ средней, типовой и потому она отвѣтила на раздраженія внѣшняго міра иначе, уклонилась отъ средняго типа. Тотъ, кто удовлетворится такимъ отвѣтомъ, удовлетворится и всякой другой тавтологіей.

Единственнымъ отвѣтомъ и здѣсь можетъ быть только слѣдующее. Однѣ индивидуальности отличаются другъ отъ друга только индивидуальными отклоненіями, другія видовыми, но иногда отъ индивидуальности одного вида происходитъ индивидуальность, столь рѣзко отъ нея отличающаяся, что мы принуждены отнести ее къ другому виду. *Почему* появилась эта новая индивидуальность? Но отчего же я не спрашиваю, почему отъ индивидуальности одного вида происходитъ обыкновенно индивидуальность того же вида? Почему это яснѣе, чѣмъ появленіе новой индивидуальности? Я говорю, что двѣ частицы водорода и одна частица кислорода образуютъ частицу воды—новую индивидуальность. Не спрашиваю же я въ данномъ случаѣ, почему онѣ образуютъ частицу именно воды, а не другого вещества. Вѣдь такой вопросъ былъ бы нелѣпъ. Не стану я и всѣхъ свойствъ воды объяснять изъ свойствъ кислорода и водорода: я знаю, что у нея появились новыя свойства—на то она и новая индивидуальность. Здѣсь скачокъ эволюціи. Также и новый органическій видъ образуется изъ другого путемъ появленія такого отклоненія или, вѣрнѣе, цѣлаго ряда такихъ отклоненій, которыя въсилахъ удержаться при данныхъ условіяхъ внѣшней среды, т.-е. могутъ появляться неоднократно и передаваться

по наслѣдству. Здѣсь тоже скачокъ эволюціи. Эти эволюціонные скачки— суть скачки нашего мышленія индивидуальностями, но вспомнимъ здѣсь, что и самое наше мышленіе образовалось на почвѣ чувственнаго противопоставленія «я» внѣшнему міру, уже смутно разложенному на неясные и немногочисленные зачатки индивидуальностей.

Мы можемъ только связывать нитями пространства и времени созданныя нами индивидуальности, но вывести всѣ свойства высшихъ индивидуальностей изъ свойствъ низшихъ мы не можемъ, пока мы мыслимъ индивидуальностями. Поэтому во всякой эволюціонной теоріи, являющейся всегда подобной попыткой, неизбѣжно будутъ констатированы *скачки.*

Какія же индивидуальныя или видовыя отклоненія создали человѣка? Что дало ему господство въ природѣ?

Внѣ сомнѣнія слѣдующее: прямая походка, конечности, способныя къ разнообразнѣйшимъ движеніямъ и подвижная голова; отсюда, вѣроятно, какъ слѣдствіе — свободная грудь и глотка, давшія возможность развиться рѣчи, глаза, овладѣвшіе широкимъ горизонтомъ, и все болѣе и болѣе увеличивающійся и дифференцирующійся мозгъ. Но какъ могли появиться эти качества?

Мы знаемъ, что и теперь нѣкоторыя, близкія къ намъ породы обезьянъ пользуются камнями и палками, какъ орудіями защиты и нападенія; можно предположить, что и наши доисторическіе или, лучше сказать, зоологическіе предки тоже не брезговали этимъ оружіемъ. У нѣкоторыхъ индивидовъ этихъ, неизвѣстныхъ намъ, нашихъ предковъ могли появиться въ строеніи мозга, рукъ, въ посадкѣ головъ индивидуальныя или видовыя, какъ хотите, однимъ словомъ, устойчивыя, наслѣдственныя отклоненія. Такіе индивиды выживали бы въ борьбѣ за существованіе дольше другихъ и давали бы болѣе многочисленное потомство. Послѣдовательнымъ повтореніемъ такихъ наслѣдственныхъ, скачковыхъ уклоненій изъ нашего зоологическаго предка могло образоваться существо съ прямой походкой, свободной грудью и глоткой и съ довольно большимъ мозгомъ. Дальнѣйшія скачковыя уклоненія могли уже касаться только мозга и дифференціаціи его и органовъ рѣчи. Появился *homo sapiens.*

Здѣсь мы хотимъ обратить вниманіе читателя на слѣдующее.

Въ этой эволюціи нашего зоологическаго предка, вѣроятно, появлялись различныя уклоненія въ строеніи и развитіи различныхъ органовъ, но могли удержаться только тѣ, которыя соотвѣтствовали условіямъ внѣшней среды, т.-е. борьбѣ за существованіе при помощи орудій—палки и камня,—только такія уклоненія закрѣплялись, благодаря болѣе многочисленному потомству, и затѣмъ, въ свою очередь, создавали чисто механическія, внѣшнія условія (болѣе свободная грудь, глотка, глаза) для раздраженія мозга и возможности появленія новыхъ

уклоненій, касающихся уже, главнымъ образомъ, увеличенія въ объемѣ и дифференціаціи этого наиболѣе важнаго нашего органа.

Доисторическій періодъ зоологической выработки вида homo sapiens шелъ, конечно, многія тысячелѣтія, и въ исторію и даже миѳъ человѣкъ вошелъ уже установившимся видомъ или, точнѣе, нѣсколькими близкими другъ другу, но не тожественными расами. Я лично склоняюсь къ тому мнѣнію, что общій корень этихъ расъ, можетъ быть, нужно искать на очень низкихъ ступеняхъ эволюціонной лѣстницы.

Какъ бы тамъ ни было, уже на зарѣ исторіи кончается зоологическая эволюція человѣка и начинается соціальная.

Зоологическая эволюція создала человѣка наиболѣе дифференцированнымъ, наиболѣе чувствительнымъ къ воспріятіямъ внѣшняго міра животнымъ; соціальная продолжала ту же работу, но далеко не такъ прямолинейно. Мы уже останавливались на нѣкоторыхъ психологическихъ моментахъ этой эволюціи. Характернымъ отличіемъ ея отъ зоологической является то, что послѣдняя закрѣпляла свой опытъ въ самомъ организмѣ, въ его измѣненіяхъ, соціальная же эволюція сохраняла общечеловѣческій опытъ благодаря рѣчи, сначала въ видѣ устной, а затѣмъ письменной. Достовѣрность знанія доисторическаго человѣка была зоологическая—въ его мышцахъ и инстинктахъ, достовѣрность современнаго человѣка въ наукѣ. Поэтому инстинктъ можно назвать безсознательной наукой.

Человѣкъ и въ соціальной жизни стремится и безсознательно и сознательно къ идеалу, завѣщанному ему міровой эволюціей: къ наибольшей самостоятельности, къ наибольшему проявленію своей индивидуальности и въ то же время къ наибольшей чувствительности къ внѣшнему міру, но соціальная эволюція затуманиваетъ и коверкаетъ этотъ идеалъ: она создала рабство и пирамиды, крѣпостное право и Аракчеева, постоянное войско и Наполеона, мѣщанскую буржуазію и ея мораль, американскихъ милліардеровъ и чудовищный развратъ, пролетаріевъ и вырожденіе.

Когда вожакъ въ стадѣ обезьянъ избиваетъ своихъ соперниковъ, то на это можно смотрѣть, какъ на благопріятный факторъ эволюціи, такъ какъ болѣе сильный и умный самецъ создаетъ болѣе сильное потомство, напряженность жизни увеличивается и основной факторъ эволюціи, отмѣченной нами выше, не нарушается. Также ничего ужаснаго не видимъ мы въ той жестокой борьбѣ за существованіе, которую велъ первобытный человѣкъ со своимъ братомъ за женщину, за господство, наконецъ прямо изъ-за каприза; это была борьба, увеличивавшая напряженность жизни для даннаго индивида и улучшавшая породу, такъ какъ побѣдителемъ выходилъ въ большинствѣ случаевъ наиболѣе сильный, наиболѣе талантливый,—наилучшій.

Несправедливость начинается съ тѣхъ поръ, какъ соціальная эволюція создала неравныя условія для борцовъ, когда выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы не болѣе сильный, болѣе умный, болѣе красивый, а тотъ, кому бабушка ворожитъ, кто совмѣстилъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ несправедливости соціальной эволюціи, кто получилъ хорошее наслѣдство не въ крови и мозгу, а въ банковыхъ билетахъ и земляхъ. Соціальная эволюція сдѣлала многое: она создала науку и матеріальную культуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ она создала и несправедливость, которой не знала эволюція зоологическая и которая можетъ разрушить всю цивилизацію. Я лично, впрочемъ, не смотрю на соціальный вопросъ такъ ужъ пессимистически.

Причинами, вызывавшими пессимистическія настроенія, была всегда идея о безконечности, шедшая въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, которая указывала на конечность всего существующаго: на смертность человѣка, конечное существованіе человѣческаго рода, самой земли, нашей планетной, нашей звѣздной системы. Самая идея о безконечности появилась, какъ отрицаніе смерти, она была изобрѣтена жрецами для спасенія нашихъ праотцевъ отъ того зоологическаго ужаса, который ихъ объялъ, когда они поняли, что они смертны.

Но представленіе о смерти создано сознаніемъ, и въ концѣ концовъ трагизмъ человѣческаго существованія заключается не въ смерти, а въ появленіи сознанія, въ раздвоеніи былого зоологическаго единства на «я» дѣйствующее и «я» наблюдающее. Съ развитіемъ науки гашишная идея о безконечности оттѣснялась все въ новыя, болѣе далекія, менѣе намъ извѣстныя области—безконечность міровъ, безконечность эволюціи человѣческаго рода и т. д.

Но, по нашему мнѣнію, и здѣсь мысль о безконечности есть только testimonium paupetatis нашего знанія и нашего мужества. Доказательства безконечности міровъ совершенно тѣже, что и доказательства безсмертія души: они созданы для успокоенія нашей пытливости и нашего страха. Тѣ же, которые говорятъ о безконечности эволюціи человѣческаго рода, или, вѣрнѣе о безконечности прогресса, забываютъ объ одной маленькой вещи—о предѣлѣ раздражимости нашей протоплазмы. Протоплазма вида humo sapiens, вѣроятно, самая богатая въ этомъ отношеніи, всеже имѣетъ предѣлы въ томъ количествѣ неустойчивыхъ химическихъ соединеній, изъ которыхъ она состоитъ. И мнѣ кажется, что мы уже приближаемся къ этому предѣлу съ тѣхъ поръ, какъ наше сознаніе вполнѣ окрѣпло, и человѣкъ раскололся на объектъ и субъектъ.

Показателемъ близости этого предѣла является самая трагедія человѣческаго сознанія. Зоологическая эволюція человѣческаго рода закончилась не только потому, что соціальная эволюція закрѣпляетъ человѣческій типъ, архитектуру его организма, но и потому, что мы уже достигаемъ, если не достигли, предѣла раздражимости нашей протоплазмы. Дальнѣйшая наша эволюція будетъ эволюціей

только соціальной и будетъ состоять въ дальнѣйшемъ расчлененіи внѣшняго міра на новые ряды индивидуальностей, въ дальнѣйшей выработкѣ достовѣрности и, съ другой стороны, въ созиданіи новыхъ индивидуальностей, въ созиданіи матеріальной культуры и въ творчествѣ.

Кому этого мало, тотъ можетъ поставить болѣе далекую цѣль, близкую къ безконечности.

Напримѣръ, Ничше, отчаявшись въ человѣкѣ, высшей цѣлью сознательнаго человѣческаго существованія считаетъ созданіе «сверхъ человѣка».

«*Я пришелъ проповѣдывать вамъ сверхчеловѣка*, — говоритъ Заратустра къ собравшейся вокругъ него толпѣ.—Человѣкъ есть нѣчто такое, что должно быть превзойдено. Что вы сдѣлали, чтобы превзойти его?

«Всѣ существа, какія были доселѣ, давали рожденіе чему-нибудь болѣе, чѣмъ они, высокому; и вы хотите явиться отливомъ этого великаго прилива и, пожалуй предпочтете вернуться къ состоянію звѣря, лишь бы не превзойти человѣка?

«Что такое для человѣка обезьяна? Посмѣшище или стыдъ и боль. И тѣмъ же самымъ долженъ стать для сверхчеловѣка—человѣкъ: посмѣшищемъ или стыдомъ и болью...

«Внимайте, я проповѣдую вамъ сверхчеловѣка!

«Сверхчеловѣкъ это—смыслъ земли. Пусть же и воля ваша скажетъ: да будетъ сверхчеловѣкъ смысломъ земли!»...

Созданіе сверхчеловѣка, конечно, было бы новымъ, великимъ религіознымъ утѣшеніемъ для человѣчества.

Сотворить нѣчто большее самого себя—такая мысль можетъ удовлетворить даже сатанинскую гордость, это посильнѣе идеи о безконечности.

Но здѣсь приходятъ въ голову слѣдующія соображенія.

Если зологическая эволюція есть увеличеніе раздражимости протоплазмы, то сверхчеловѣкъ долженъ обладать протоплазмой, способной къ большей раздражимости, чѣмъ наша протоплазма. Откуда же она возьмется?

По всѣмъ, вѣроятіямъ наша протоплазма наиболѣе совершенная въ этомъ отношеніи. Конечно, возможно предположить, что имѣются уже организмы съ еще болѣе богатой протоплазмой, но они находятся, такъ сказать въ эмбріональномъ состояніи—изъ нихъ-то и разовьется «сверхчеловѣкъ» Ничше.

Можетъ быть (гипотезы въ нашихъ рукахъ), карлики центральной Африки являются не остатками первобытнаго человѣка, не наиболѣе древними расами, а наоборотъ, наиболѣе молодыми, съ протоплазмой, болѣе богатой возможностями развитія, чѣмъ наша.

Возможно, но дѣло въ томъ, что человѣкъ достигъ, благодаря соціальной эволюціи, такой силы матеріальной культуры, что не допу-

стить развитія своего соперника и уничтожитъ его, даже не подозрѣвая того, что уничтожаетъ нѣчто высшее, чѣмъ онъ самъ. Не всѣ будутъ столь безкорыстны и самотверженны по отношенію къ нарождающемуся «сверхчеловѣку», какъ его творецъ. Но лица, предполагающія, что не все наше знаніе покоится на ощущеніяхъ и на процессѣ расчлененія внѣшняго міра на ряды индивидуальностей, могутъ указать на разсказы, хотя и не вполнѣ достовѣрные, о геніальныхъ дѣтяхъ, къ 3, 4 годамъ достигавшихъ развитія взрослаго человѣка и затѣмъ безвременно умиравшихъ, могутъ указать на явленія транса, въ которыхъ знаніе приходитъ медіумамъ какими-то невѣдомыми нами путями и которыя, какъ ни какъ, удостовѣряются нѣкоторыми учеными, даже враждебными спиритизму и «духовную» жизнь сводящими къ матеріальнымъ процессамъ *).

Но всѣ эти явленія такъ противорѣчатъ построенной человѣчествомъ достовѣрности, а въ то же время такъ густо обросли сознательнымъ и безсознательнымъ шарлатанствомъ и простымъ мошенничествомъ, что мы можемъ только ими интересоваться, но принимать въ соображеніе при обсужденіи какого-либо вопроса и не хотимъ, и не имѣемъ права. Въ концѣ концовъ «сверхчеловѣкъ» Ничше остается, по крайней мѣрѣ въ нашихъ глазахъ, не оправдавшимъ своего права на существованіе.

Перейдемъ же снова къ соціальной эволюціи.

Мнѣ кажется, что какъ человѣчество справилось съ рабствомъ, съ крѣпостнымъ правомъ, такъ справится и съ менѣе грубой несправедливостью — неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатства.

Вѣдь, собственно говоря, вся исторія человѣчества, помимо созиданія научной достовѣрности и матеріальной культуры, есть непрестанная борьба за индивидуальность и постепенное раскрѣпощеніе послѣдней: сначала отстаивали право быть человѣкомъ, а не вьючнымъ скотомъ, который можно убить или продать,—и достигли этого, затѣмъ боролись за право свободы мыслить и говорить — и достигли этого, но не вездѣ; теперь борятся за право быть сытымъ. Я не вижу основаній, почему эта борьба должна быть болѣе ожесточенной и болѣе безнадежной, чѣмъ первая и вторая. Вѣдь въ концѣ концовъ должны же понять, что

*) Напр., Джемсъ въ своей „Психологіи“ (Уильямъ Джемсъ. „Психологія“. Перев. И. И. Лапшина. Изд. 4-ое. 1902, стр. 167), говоритъ слѣдующее: "Я не имѣю никакой теоріи, которую могъ бы дать для объясненія многихъ фактовъ, видѣнныхъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ однимъ медіумомъ въ состояніи транса, что „духъ“ можетъ быть совершенно непохожимъ на нормальную личность испытуемаго. Могу указать на одинъ случай, гдѣ „духомъ“ былъ нѣкій французскій докторъ, который, какъ я убѣдился, зналъ всевозможныя обстоятельства жизни, а также живыхъ и умершихъ, родныхъ и знакомыхъ безчисленнаго множества участниковъ сеансовъ, которыхъ женщина-медіумъ никогда не встрѣчала прежде и не знала по имени".

человѣчество выродится, если и здѣсь не будетъ одержана побѣда— и въ жизненной борьбѣ будутъ одерживать верхъ физическіе и нравственные уроды.

Я не могу себѣ представить людей въ видѣ стада барановъ, пасущихся мирно на тучномъ лугу, я убѣжденъ, что всегда будетъ борьба и конкуренція, какъ всегда останутся человѣческія индивидуальности, но борьба должна быть честная, при равныхъ условіяхъ и однимъ и тѣмъ же оружіемъ. А это настанетъ только тогда, когда каждому человѣку будутъ даны одинаковыя возможности учиться, работать и жить.

Соціальная эволюція сдѣлала свое дѣло — она намѣтила пути для построенія достовѣрности, построивъ науку, она создала матеріальную культуру, дающую возможность, но только возможность, при относительно малой затратѣ силъ удовлетворять свои зоологическія нужды, но при исполненіи этихъ задачъ соціальная жизнь порабощала въ человѣкѣ индивидуальность и разбила людей на большія стада со стадными и «добродѣтелями» и «пороками», со стадной нравственностью.

Создавъ научную достовѣрность путемъ урѣзанія индивидуальныхъ уклоненій—иллюзій, путемъ нахожденія средняго ариѳметическаго, люди, или, точнѣе, нѣкоторые изъ нихъ—философы—думаютъ, что и мораль, т.-е. законы поведенія могутъ построяться такимъ же путемъ; они забываютъ при этомъ, что наука есть закрѣпленіе въ наиболѣе общихъ, экономическихъ формулахъ общечеловѣческаго опыта, закрѣпленіе уже прожитого, прошедшаго, здѣсь методъ нахожденія средняго ариѳметическаго и выработка типовой человѣческой индивидуальности является вполнѣ естественнымъ и надежнымъ методомъ,—но мое поведеніе, моя активность, мое творчество есть не только научный фактъ, въ немъ не только отражено все прошлое, въ немъ созидается будущее и въ этомъ отношеніи поведеніе постольку и цѣнно, поскольку индивидуально. Это инстинктивно всегда чувствовалось человѣчествомъ: оно всегда цѣнило и почитало выше всѣхъ другихъ своихъ героевъ и геніевъ, какъ наиболѣе индивидуальныя личности. И цѣнило не изъ корыстныхъ разсчетовъ, не изъ эвдемонистическихъ соображеній: часто герои-геніи не дѣлали человѣческую жизнь счастливѣе, а наоборотъ, даже углубляли страданія, увеличивали сомнѣнія, но они вносили въ жизнь новые элементы, дѣлали ее красочнѣе и напряженнѣе, и только за это мы имъ благодарны.

Часто эта оцѣнка приходила поздно, и памятники воздвигались уже мертвымъ, но виной тому опять-таки та же стадность, то же порабощеніе прошлымъ, нормой.

«Законы» поведенія заключены въ уголовномъ и гражданскомъ кодексѣ и охраняются государствомъ; они даютъ норму того типоваго поведенія, которое въ прошломъ складывало данное государство.

«Законы» морали заключены въ ученіяхъ основателей различныхъ

религій, различныхъ философскихъ системъ; эти законы обусловлены идеалами даннаго пророка или философа; но идеалы этихъ пророковъ и философовъ были часто совершенно противоположны.

Для меня, какъ автономной личности, законы кодекса постольку обязательны, поскольку я боюсь околодочнаго надзирателя, законы морали—постольку, поскольку я раздѣляю идеалы пророковъ и философовъ.

Мое поведеніе безспорно обусловливается отчасти и этими законами, какъ обусловливается и моимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, и вообще моимъ сознаніемъ, но далеко не ими одними; все это бросается на чашки вѣсовъ, на которыхъ мое «я», моя индивидуальность, на 3/4 безсознательно, взвѣшиваетъ свои желанія и хотѣнія.

Если бы «законы» поведенія были бы въ дѣйствительности законами обязательными, то жизнь человѣчества остановилась бы на одномъ мѣстѣ, мы перестали бы творить будущее,—и все, чѣмъ красна еще наша жизнь, — активность, борьба исчезли бы.

Мое поведеніе обусловливается всей моей индивидуальностью и единственный законодатель морали—моя автономная личность.

Мораль можетъ быть только личной; исторія превосходно иллюстрируетъ это положеніе: что ни пророкъ, что ни философъ—то своя особая мораль. Собственно говоря, самое построеніе системъ морали есть рѣзкое и довольно грубое проявленіе индивидуализма: стремленіе индивидуальности поработить чужую волю, навязать свои нормы чужому поведенію.

Конечно, рабство и крѣпостное право были еще болѣе грубымъ порабощеніемъ чужой личности, но въ силу самой этой первобытной грубости, пожалуй, не столь опаснымъ: люди легче съ ними раздѣлались; мораль же до сихъ поръ еще гнететъ, и подъ вліяніемъ ея развивается и заражаетъ человѣчество сверху до низу самая гнусная и опасная болѣзнь—лицемѣріе.

Люди изъ общества исповѣдуютъ мораль того или иного толка, а объявленныя преступными страсти и желанія принимаютъ чудовищныя формы и размѣры, лицемѣріе не прикрываетъ порока и «грѣха», а только придаетъ ему еще болѣе ѣдкій и пикантный привкусъ. Вѣдь какъ пріятно, должно быть, было англійскимъ лордамъ повалить Парнелля за несоблюденіе имъ установленнаго кодекса морали и въ то же время безнаказано участвовать въ такихъ оргіяхъ разврата и жестокости, которымъ позавидовалъ бы Неронъ и Мессалина. Какъ пріятно, должно быть, проповѣдывать любовь къ людямъ, къ меньшому брату, прощеніе обидъ, непротивленіе злу, отдавать на словахъ послѣднюю рубашку ближнему — и въ то же время обрабатывать человѣческое мясо при помощи пушекъ Максима, играть на биржѣ и тотализаторѣ, скупать башкирскія и татарскія земли, насаждать въ деревнѣ твердую власть и вырабатывать въ мужикахъ болѣе ясное представленіе о соб-

ственности при воздѣйствіи нагаекъ и пуль вооруженныхъ съ ногъ до головы черкесовъ.

Какъ пріятно, должно быть, говорить со слезами о мирѣ и готовиться къ войнѣ...

Мораль породила лицемѣріе, и еслибъ это былъ ея единственный грѣхъ, то и его было бы достаточно, чтобы выбросить ее за бортъ. Но у нея есть и другіе грѣхи.

Лицемѣры не страдаютъ отъ морали, они только становятся неуязвимѣе и съ ними труднѣе бороться, надо тратить время на неинтересное занятіе—срывать маски и показывать людямъ лица, искаженныя злобой и трусостью, покрытыя язвами скрытыхъ пороковъ. Лицемѣры—все равно пропащіе для будущаго люди, если бы даже они открыто проявляли себя: ихъ индивидуальныя уклоненія не въ сторону будущаго, а въ сторону еще болѣе далекаго прошлаго, чѣмъ сама европейская мораль. Лицемѣры это—трусливые насильники, убійцы и сластолюбцы.

И если мы нападаемъ на мораль, какъ на узду, задерживающую созидателей будущаго, то этимъ вовсе не даемъ благословенія на убійства и насилія.

Безспорно, будущее созидается проявленіемъ индивидуальности. Но въ то же время многія проявленія индивидуума есть выраженіе столь далекаго прошлаго, такого зоологическаго атавизма, что всякая мораль, даже какого-нибудь первобытнаго народа,—все же шагъ впередъ сравнительно съ такими индививуальными проявленіями настоящаго.

И здѣсь мы сильно расходимся съ Ничше: «бѣлокурый звѣрь» для насъ не идеалъ будущаго, даже хотя бы и переходнаго. Далекое будущее отъ насъ скрыто, но къ ближайшему, къ тому, которое мы созидаемъ, мы можемъ протянуть нити изъ прошлаго.

Мы вывели уже общую тенденцію міровой эволюціи: *индивидуальность стремится, съ одной стороны, къ наибольшей самостоятельности, съ другой—къ наибольшой чувствительности по отношенію къ внѣшнему міру, къ наибольшему пониманію другихъ индивидуальностей.* Въ первой части этой формулы наша активность, наша гордость и борьба, во второй—наше знаніе и наша справедливость. Нашъ идеалъ—посильное для нашего времени осуществленіе этой формулы, наша мораль—борьба за это осуществленіе.

Все, что увеличиваетъ самостоятельность индивидуальности и увеличиваетъ ея чувствительность къ другимъ индивидуальностямъ мы зовемъ добромъ,—все, что ослабляетъ, задерживаетъ развитіе этихъ качествъ—зломъ. И мнѣ кажется, что съ этой общей формулой эволюціи мы можемъ разобраться во всѣхъ вопросахъ, которые предлагаетъ современному человѣку дѣйствительность—и въ бурской кампаніи, и въ японской войнѣ, и въ возмутительномъ дѣлѣ князя Гагарина.

и въ университетскомъ вопросѣ, и въ марксистской теоріи, и въ шовинизмѣ, и въ радіоактивности, и въ электронахъ.

Мораль, вытекающая изъ этой формулы — не эвдемонистическая мораль; человѣкъ, принявшій ее, не будетъ руководиться соображеніями объ удовольствіяхъ и страданіяхъ, не будетъ мучиться, какъ Мечниковъ, той мыслью, что онъ не проживетъ до 150 лѣтъ, а умретъ завтра. Цѣль индивидуальнаго существованія не тащить свое бренное тѣло по жизненному пути возможно дольше и скучнѣе, а проявлять свою индивидуальность возможно полнѣе, бороться за свое «добро» возможно напряженнѣе, а придетъ смерть—умереть возможно мужественнѣе.

В. Агафоновъ.

КАРДУЧЧИ.

ВОЛЪ.

Сонетъ.

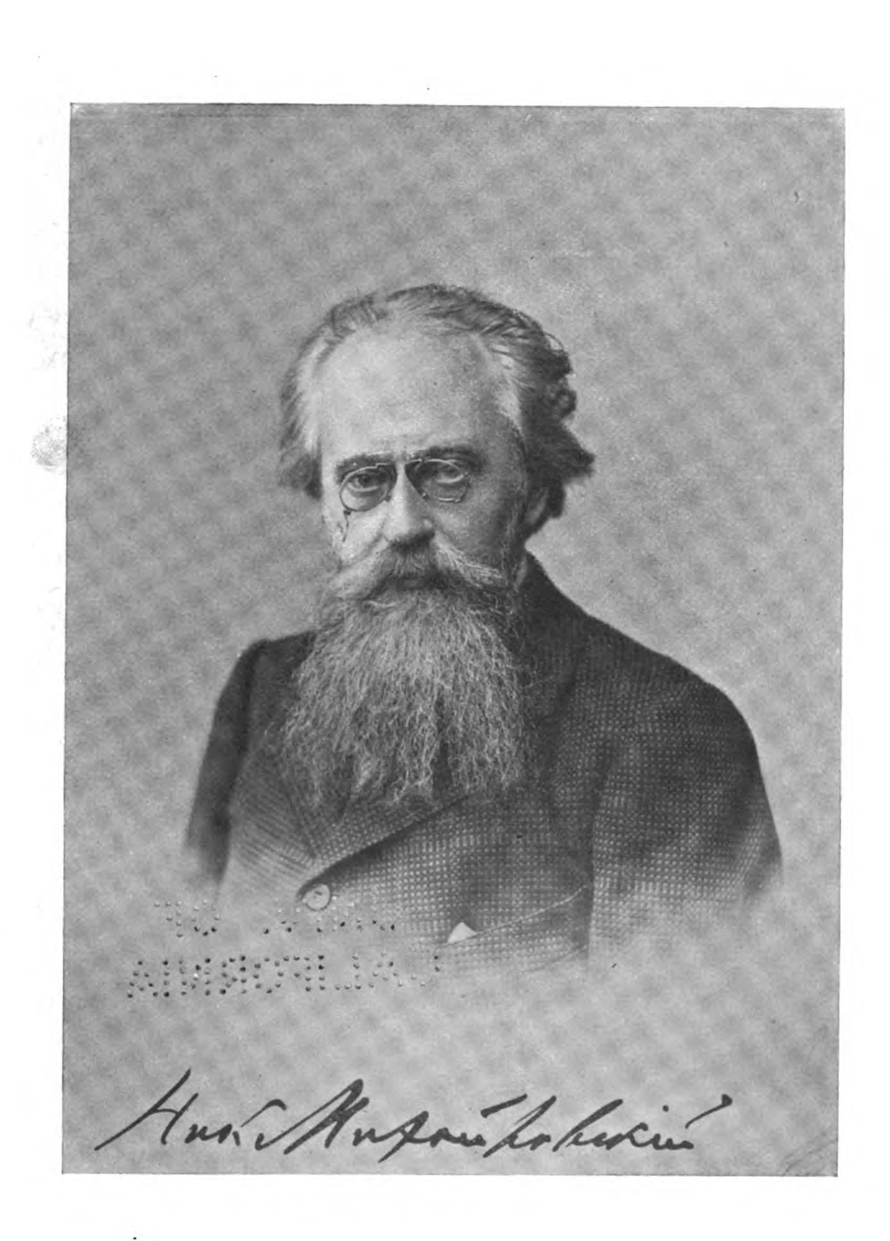
Люблю и чту тебя о, волъ благочестивый,
Даруешь сердцу ты величье и покой,
Взираешь ли на лугъ и бархатныя нивы,
Торжественно-ль стоишь, какъ памятникъ живой;

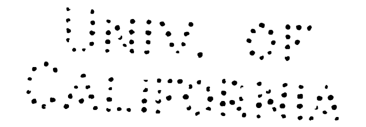
Иль, тихо подъ ярмомъ склонясь, неприхотливый,—
Сподрученъ пахаря работѣ вѣковой.
Тебя онъ колетъ, бьетъ, но кроткій, терпѣливый,
Повелъ глазами ты и никнешь головой,

И изъ ноздри твоей, широкой, черной, влажной,
Дыханіе, дымясь, выходитъ, и звучитъ
Мычаніе, какъ гимнъ веселый и протяжный;

И въ строгой кротости очей твоихъ блеститъ,
Свѣтло отражена, божественна, пустынна
Святымъ безмолвіемъ объятая равнина.

А. Ѳедоровъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Два типа современности въ романѣ г. Боборыкина „Братья": дѣятель и „эготистъ".—Новое и старое въ программѣ перваго и въ чертахъ второго.—Разслоеніе семьи въ другомъ романѣ того же автора „Разладъ".—„Петръ и Алексѣй" г. Мережковскаго.—Сходство этого романа по построенію съ „Воскресшими богами".—Общій интересъ романа.—Памяти Николая Константиновича Михайловскаго.

Давно уже признано и читателями, и критикой, что романы-хроники нашего неутомимаго бытописателя г. Боборыкина даютъ всегда если и не яркое, то живое и правдивое отраженіе волнующихъ общество въ данный моментъ теченій. Стоитъ вспомнить лучшія изъ этихъ хроникъ, каковы «На ущербѣ», «Китай-городъ», «Василій Теркинъ», «Тяга», и предъ нами развертываются цѣлыя полосы общественной жизни, умѣло схваченныя авторомъ въ рамки интересной картины, умно скомпанованной и вѣрно освѣщенной. Если сами выводимыя лица недостаточно жизненны, не такъ художественно выписаны, чтобы стать типами, тѣмъ не менѣе въ нихъ мы видимъ налицо типичныя черты каждаго изъ взятыхъ авторомъ явленій, а живой діалогъ, въ которомъ авторъ проявляетъ всегда высокое мастерство, кажется словно списаннымъ съ дѣйствительности. Эта чуткость г. Боборыкина, составляющая самую драгоцѣнную черту въ его талантѣ, проявляется и въ двухъ новыхъ его произведеніяхъ: «Братья» и «Разладъ», печатающихся въ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы» и «Русской Мысли».

Въ хаотическомъ состояніи современной дѣйствительности почтенный авторъ намѣчаетъ два рѣзко опредѣленныхъ теченія, которыя и олицетворяетъ въ двухъ братьяхъ. Иванъ Бабичевъ—земецъ, получившій всероссійскую извѣстность своимъ отстаиваніемъ земскаго принципа, какъ «хорового начала», которое по его мысли должно объединять все, что стремится къ улучшенію всѣхъ сторонъ русской жизни. Начало это достаточно широко, чтобы объединить самые разнообразные элементы,—и земцевъ, и дворянъ-помѣщиковъ, искренно готовыхъ преслѣдовать не только узко-сословные интересы, и крупныхъ представителей капитала, для которыхъ необходимо болѣе широкое поле, чѣмъ одна фабрика, исключительно опирающаяся на покровительство, и, наконецъ, ту интеллигенцію, которая еще хранитъ «живого Бога» въ душѣ. Бабичевъ самъ по себѣ это здоровая энергичная натура, для которой трудъ и борьба составляютъ необходимую атмосферу жизни, а земская дѣятельность, гдѣ

больше условій для такой захватывающей всесторонней работы, естественно влечетъ его съ особой силой. Здѣсь его «хоровое начало» имѣетъ непосредственное примѣненіе, является не теоретическимъ принципомъ, а житейскимъ началомъ, яснымъ и понятнымъ для окружающихъ. «Послужить міру», быть за него «челобитчикомъ» въ этой земской сферѣ не пустыя слова, а самая реальная дѣйствительность какъ для самого Бабичева, такъ и для остальныхъ работниковъ, для которыхъ «безъ мірской солидарности немыслимо общественное возрожденіе». Бабичевъ ясно видитъ, что безъ борьбы во имя этого начала теперь не обойтись, и ни мало не смущается. Своему пріятелю Руженцову, изъ интеллигентовъ, нѣкогда пострадавшему и теперь недовѣрчиво настроенному, онъ вѣрно указываетъ на эту борьбу и способы ея веденія.

«— Въ извѣстной группѣ есть оттѣнки взглядовъ, отвѣчающихъ различію лагерей,—говоритъ онъ Руженцову, и на замѣчаніе послѣдняго—признаетъ ли онъ существованіе партій въ западно-европейскомъ смыслѣ, продолжаетъ:— Партіи! Я ихъ не отвергаю. И у насъ складываются двѣ главныхъ партіи, какъ я ихъ разумѣю. Одна смотритъ впередъ, другая назадъ. Онѣ рѣзко очерчены, отрицать это нелѣпо, и смѣшно повторять прибаутку о томъ, что у насъ, видите ли, нѣтъ партій.

«— А твое хоровое начало?

«— Оно должно объединять людей съ однимъ главнымъ credo. Но въ предѣлахъ одной партіи, положимъ, той, что глядитъ впередъ—есть десятокъ оттѣнковъ. И вотъ тутъ-то оно и спасительно, то начало, надъ которымъ ты такъ жестоко прохаживаешься. Вотъ передъ нами X или У. Иксъ — дворянинъ съ извѣстными традиціями, но честный и благожелательный, способный нести хорошую земскую службу. Неужели я буду его раздражать, тыкать ему въ глаза: «ты дворянинъ, а я демократъ, ты—аглицкихъ идей, а—я французскихъ». Я его привлеку къ общему дѣлу: вотъ мой долгъ и моя душевная отрада. Полажу и съ Игрекомъ. Онъ купецъ, нынѣшній коммерсантъ, съ образованіемъ...

«— Какъ мой Хаевъ?

«— Именно, какъ твой Хаевъ! Лучше примѣра ты не могъ привести. Я знаю, что ихъ степенства считаютъ себя теперь царями положенія, что охранительныя пошлины раздули ихъ мошну, но назадъ ходу уже нѣтъ. У него нѣсколько тысячъ душъ рабочихъ въ моемъ уѣздѣ. Онъ крупнѣйшій землевладѣлецъ, у него образцовый хуторъ; онъ пожертвовалъ капиталъ на ремесленное училище».

Руженцовъ не безъ основанія, однако, сомнѣвается, можно-ли слить воедино столь разнообразные элементы, интересы которыхъ по существу противоположны. У Бабичева нѣтъ достаточно вѣскаго аргумента доказать возможность совмѣстной работы ихъ всѣхъ на почвѣ одного «хорового начала», и въ этомъ слабость его позиціи. Въ сущности Бабичевъ, при всей видимой трезвости своихъ взглядовъ, чистѣйшій идеалистъ, для котораго вопросы сложной земской жизни не представляются ясными иначе, какъ съ точки зрѣнія его идеала, скрытаго глубоко въ душѣ, но тѣмъ болѣе дорогого. Это

дѣлаетъ его, можетъ быть, еще болѣе симпатичнымъ, но зато и болѣе одинокимъ. Его пріятель, князь Мироновъ, мѣстный предводитель дворянства, «честный и благожелательный дворянинъ», оказывается далѣе мало надежнымъ, когда его поманили «постомъ администратора», и не надо особой прозорливости, чтобы продвидѣть, куда пойдетъ и Хаевъ, который, по словамъ Руженцова, «выжимаетъ сокъ изъ своихъ ткачей и присучальщиковъ, и не уступитъ имъ копейки мѣдной на кускѣ миткаля, и чуть что — военную команду».

Но самъ Бабичевъ не уступитъ, хотя и видитъ, что его «хоровое начало» трещитъ по швамъ при столкновеніи съ посторонней земству силой, и добровольно съ своего поста не уйдетъ, сколько бы его ни соблазняли всякими приманками въ видѣ того или иного «поста». Идея власти мало его удовлетворяетъ, для него важнѣе вопросъ, для чего эта власть, такъ какъ онъ прежде всего работаетъ для другихъ, для «человѣчества», какъ съ насмѣшкой выражается о немъ его братъ Петръ,—типъ совершенно иного рода.

Этотъ желаетъ быть «на высотѣ», гдѣ бы ему ничто не мѣшало жить для себя и — только. Онъ музыкантъ, композиторъ, преисполненъ собой и своимъ величіемъ и все остальное для него лишь «навозъ жизни», какъ выражаются герои Горькаго. Онъ, правда, не «сверхчеловѣкъ»,—хотя главнымъ образомъ, потому, что это «уже до смѣшного старомодно»,—онъ считаетъ себя «просто человѣкомъ», который не желаетъ по доброй волѣ «барахтаться тамъ, гдѣ и безъ меня найдутся охотники справлять свою службу». «Человѣчеству я могу желать прежде всего освобожденія отъ всѣхъ его умственныхъ и всяческихъ другихъ путъ. Но толпу я все-таки не выношу, и отдѣльные люди, чѣмъ больше я ихъ вижу, не вызываютъ во мнѣ особой такой эмоціи», изливается онъ передъ братомъ Иваномъ. Какъ видимъ, разновидность все того же еще болѣе старомоднаго типа «эготиста», по-просту здороваго животнаго, желающаго прожить жизнь какъ можно пріятнѣе для себя и безъ всякихъ усилій для своей высокой особы. Рядились эти шуты гороховые во всѣ времена въ наимоднѣйшіе костюмы, начиная съ «incroyabl'ей» временъ директоріи и до современныхъ намъ ничшеанцевъ и презирателей толпы. Онъ удивляется брату, который позволяетъ себя эксплуатировать на пользу толпы, безкорыстно служа «хоровому началу», вмѣсто того, чтобы пользоваться своими выдающимися общественными талантами—ораторскимъ и организаціоннымъ—лично для себя. Еще ради власти, т.-е. чтобы заполучить видный бюрократическій постъ, онъ, Петръ, готовъ допустить общественную дѣятельность, но для толпы—такая низменность! Почтенный авторъ вѣрно подмѣтилъ эту черточку нашихъ доморощенныхъ эготистовъ, ничшеанцевъ и всякихъ «истовъ» на высотѣ обретающихся — ихъ стремленіе въ ряды бюрократіи, гдѣ нынѣ всѣмъ имъ особый водъ и прикормъ. Свою страстишку къ ничегонедѣланію при хорошемъ окладѣ они прикрываютъ высокимъ яко бы пареніемъ надъ толпой, причемъ обязательно либо пишутъ стихи, которыхъ никто не читаетъ, либо сочиняютъ музыку, которую никто не слушаетъ, либо посвящаютъ себя вообще служенію искусству, главнымъ образомъ—балету. Но смыслъ жизни

для нихъ, конечно, составляетъ женщина, которую они «изучаютъ» съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, какъ и герой повѣсти г. Боборыкина.

Типъ не новый, однимъ словомъ, ново въ немъ лишь одно — его особое обнаглѣніе, если можно такъ выразиться, его циническая откровенность, съ которою онъ выступаетъ теперь всюду—и въ обществѣ, и въ литературѣ, и въ наукѣ. Для полноты его обрисовки авторъ выводитъ еще двухъ такой же породы героевъ—приватъ-доцентъ Корнева и публициста изъ адвокатовъ Торопова. Оба они ужъ совсѣмъ на распашку, нагіе, что называется, и даже гордятся не мало такой откровенностью. «Мы,—рекомендуются они,—только любители жизни, и никакого ни доктринерства, ни мандаринства не признаемъ.

«Корневъ кивнулъ головой въ сторону Руженцова и потише прибавилъ:

«—Носимъ, Викторъ Павловичъ, особую кличку: *филозои*!

«—Какъ? Я по-гречески давно забылъ, да и въ студенты-то поступилъ съ тройкой.

«—Мудрость небольшая!—пояснилъ въ тонъ пріятелю Тороповъ.—*Фили*—люблю, *зое*—жизнь. Ergo—жизнелюбы.

«—По нынѣшнимъ временамъ—довольно трудная спеціальность!—замѣтилъ, поводя плечами, Руженцовъ.

«— Очень ужъ намъ обоимъ опротивѣло всеобщее нытье... гнилой, пустяковый пессимизмъ...

«—А чѣмъ же подбадривать себя?—остановилъ Руженцовъ.—Такимъ же пустяковымъ натаскиваньемъ себя на сверхчеловѣковъ или на идеализацію молодцовъ съ Хитрова рынка?

«— Ни того, ни другого!—вмѣшался Корневъ.—Брать жизнь, какъ она есть, ловить моментъ, ничего не бояться и ничего не ждать, ни отъ кого и ни отъ чего. А главное—никакихъ прописей.

«— Штука не новая, друзья мои! Это варіантъ на измышленія все того же нѣмца, кончившаго безуміемъ.

«— Нѣтъ-съ!—громко вскрикнулъ Тороповъ.—Мы съ Николаемъ все это сдали въ архивъ. Мы только *филозои*. Никакой проповѣдью не зашибаемся. Не хотимъ коверкать свою жизнь изъ-за разныхъ глупыхъ прописей и добродѣтельныхъ общихъ мѣстъ и сентенцій. Вотъ и все!

«—Филозои, филозои!—выговорилъ раздѣльно Руженцовъ.—Были когда-то «филареты» въ виленскомъ университетѣ. Мицкевичъ принадлежалъ къ этому сорту.

«—Ха-ха! — раздался смѣхъ Торопова. — Мы въ праведники не лѣземъ... Мы—грѣшники и думаемъ, что всѣ такъ называемыя добродѣтели—при ближайшемъ анализѣ—окажутся минусами... отрицательными величинами. Это—любимая формула Корнева».

Такова эта типичная парочка представителей современнаго нигилизма, выставляющихъ на знамени старинное «carpe diem!» И гдѣ только не встрѣтишь теперь этихъ ловителей момента! На каѳедрѣ они вертятся, какъ флюгера, готовые проповѣдывать все, что угодно, если это выгодно и пріятно. Они заполоняютъ любезныя ихъ сердцу «Денницы», съ тѣмъ, конечно, чтобы превра-

тить ихъ въ тьму кромѣшную. Въ печати это—«аристократы духа», проповѣдующіе, что для публициста убѣжденіе—лишній багажъ. Своей юркостью, безшабашной удалью и готовностью на все они производятъ шумъ и кажутся въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то новымъ и значительнымъ. А въ сущности именно они-то и представляютъ ту мертвую тину, которую волны жизни выкидываютъ на берегъ со дна. Это—тоже общественный отбросъ, какъ и столь ненавистные имъ босяки г. Горькаго, съ тою лишь разницей, что отбросъ босяцкій часто заключаетъ въ себѣ и бывшихъ людей, и настоящихъ героевъ, павшихъ лишь временно. Тогда какъ они, филозои,—сгнившій отбросъ, не годный даже на удобреніе. Теперь они, быть можетъ, замѣтнѣе, потому что попали въ счастливую для нихъ мутную струю, гдѣ чувствуютъ себя, какъ рыба въ водѣ. Но это временное торжество—простой симптомъ приближающейся бури, которая смететъ эту гниль и тину однимъ взмахомъ. Ибо не можетъ жить долго такой филозой, разъ закипитъ живая жизнь и потребуетъ къ отвѣту. Нельзя выворачивать душу на изнанку до безконечности. Продѣлать это можно и разъ, и два, но въ концѣ концовъ эта операція до того истрепываетъ душу, что ее не примутъ въ закладъ ни въ какомъ ломбардѣ... даже нововременскомъ.

Мы не коснулись еще одного любопытнаго персонажа въ повѣсти, играющаго въ ней роль стариннаго резонера. Это—нѣкто Руженцевъ, который сначала въ университетѣ игралъ роль «башки», потомъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ «подневольнаго пребыванія» въ сѣверныхъ губерніяхъ является опытнымъ и талантливымъ химикомъ на фабрикѣ его степенства Хаева. Жизнь прошла надъ нимъ не даромъ. Его не только сильно помяло, но въ душѣ получился особый отпечатокъ горечи и недовѣрія ко всему, что онъ встрѣчаетъ теперь. Онъ отличный аналитикъ, превосходно умѣетъ разлагать окружающія явленія на ихъ составныя части, видитъ изнанку и подоплеку и своихъ патроновъ, въ родѣ Хаева, и увлекающагося земца Бабичева, и такихъ пустыхъ филозоевъ, какъ Корневъ и Тороповъ. Но его несчастье это—полная не способность къ синтезу, безъ чего вся жизнь представляется разсыпанной храминой, въ которой дѣйствительно концовъ не соберешь. И потому онъ чувствуетъ себя всюду чужимъ. Филозои кажутся ему въ чемъ-то родственными ему: «они,—думаетъ онъ въ душѣ,—начинаютъ съ того, чѣмъ онъ кончаетъ». Но едва ли это такъ, и намъ невольно хочется заступиться за него.

Руженцевъ не то, чѣмъ онъ кажется автору, который, очевидно, мало знакомъ съ тѣмъ міромъ, представителемъ котораго для насъ является этотъ интеллигентный работникъ. Теперь принято ругать интеллигенцію за ея дряблость, негодность къ выдержанной и долгой борьбѣ, за ея пессимизмъ, скептицизмъ и проч. Пора бы это и оставить. И прежде это было несправедливо, когда ее пытались, въ той или иной формѣ, противопоставлять то «народу», то рабочему, то, наконецъ, босяку. Всегда эти противопоставленія казались намъ невѣрными, скрывали въ себѣ какую-то фальшь, обидную не столько для интеллигенціи, сколько для тѣхъ, кому она противопоставлялась. Выходило такъ, что стоитъ народу, рабочему или босяцкому герою пріобщиться къ

интеллигенціи—и онъ станетъ столь же никуда не годенъ, какъ и злополучная интеллигенція. Одни это прямо заявляли, другіе присочиняли, что въ этомъ случаѣ народится какая-то своя, совсѣмъ особая интеллигенція. Намъ казалось (и кажется теперь еще болѣе, чѣмъ прежде), что это совершенно не такъ. Интеллигенція всегда и всюду одна и та же, изъ какихъ бы рядовъ она ни выходила. Вездѣ ея главнымъ отличіемъ является борьба за человѣка, за лучшія условія жизни, за лучшее будущее съ неприглядными сторонами настоящаго. Эту борьбу интеллигенція вела и ведетъ на всѣхъ поприщахъ и тѣмъ орудіемъ, какое только и надлежитъ ей—не грубой силой, а умомъ и знаніемъ. Она просвѣщаетъ и учитъ думать. Такъ боролась она съ крѣпостнымъ правомъ, лучше сказать съ крѣпостнымъ безправіемъ, проводя въ сознаніе то, что для массы было больше смутнымъ чувствомъ, пока оно не возобладало надъ всѣми. Такъ борется она и теперь съ новыми и новыми врагами всюду, куда можетъ достигнуть, въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ враждебнаго лагеря. И такой Руженцевъ ничего общаго не имѣетъ и не можетъ имѣть съ «филозоями» и прочей нечистью современности, хотя бы потому, что тамъ, гдѣ они тѣшатъ свои инстинкты, онъ страдаетъ и ропщетъ, и его ропотъ есть уже дѣло. Недаромъ одно уже его присутсутствіе вноситъ смущеніе и заставляетъ защищаться, хотя бы онъ и не нападалъ. Онъ усталъ и проникся недовѣріемъ къ себѣ, это правда. Но онъ не преклонился ни предъ однимъ изъ идоловъ, противъ которыхъ боролся, не призналъ ни одного изъ нихъ «абсолютомъ», его же не прейдеши, и не отказался ни отъ одного изъ своихъ требованій. Руженцовъ злится на свое видимое безсиліе, въ которомъ по существу таится больше силы, чѣмъ въ видимомъ торжествѣ враговъ. Отсюда его скептическое настроеніе, съ которымъ онъ относится къ упованіямъ Бабичева на «хоровое начало», его какъ бы безразличіе къ филозоямъ, которыхъ онъ не можетъ не презирать, и равнодушіе къ патрону Хаеву, котораго онъ превосходно понимаетъ. Но все это въ немъ лишь временно, пока онъ не стряхнулъ съ себя понятной и простительной слабости. Вѣдь путь, имъ пройденный, великъ и тяжелъ, а впереди—все таже борьба...

На этомъ пунктѣ мы и оставимъ Руженцова и остальныхъ персонажей повѣсти, которая, какъ и большинство такихъ же произведеній г. Боборыкина, не имѣетъ завязки и потому не нуждается въ развязкѣ. Въ ней намѣчены типичные представители современности, но не объединены дѣйствіемъ, котораго нѣтъ, да въ немъ и не чувствуется потребности. Можетъ быть, въ дальнѣйшемъ авторъ выведетъ еще два-три лица, интересныхъ для современности, но это не мѣняетъ существа повѣсти. Г. Боборыкинъ очень типичный беллетристъ-фотографъ, умѣющій схватить моментальный снимокъ и запечатлѣть на немъ двѣ-три яркихъ черты даннаго лица или явленія. Эта его особенность еще рѣзче выступаетъ въ другомъ произведеніи его «Разладъ», въ которомъ онъ далъ удачный снимокъ разлагающейся дворянской семьи. Отецъ—это типичный образчикъ помѣщика-дворянина, который подъ видомъ отстаиванія какой-то «дворянской» идеи просто добивается тепленькаго мѣстечка для про-

корма себя и двухъ своихъ жадныхъ и никуда негодныхъ птенцовъ, сына—студента изъ бѣлоподкладничковъ жуировъ, и изломанной разными «модернизмами» дѣвицы, изсохшей отъ вѣчной раздражающей скуки. Разладъ въ эту вполнѣ спѣвшуюся семейку вноситъ старшій сынъ, типъ въ родѣ Руженцова. Онъ не кончилъ университета вслѣдствіе обычной исторіи, кончившейся ссылкой. Въ повѣсти онъ является больнымъ и разочарованнымь, потерявшимъ не только вѣру въ прежніе идеалы, но вообще вкусъ къ жизни. Въ противоположность отцу онъ, благодаря завѣщанію матери, богатъ, но не желаетъ лично пользоваться своимъ состояніемъ, хотя и не знаетъ, на что его употребить. Отцу, аппетиты котораго ему слишкомъ хорошо извѣстны, онъ рѣзко отказываетъ въ поддержкѣ «дворянскаго» трена жизни, самъ же рѣшительно не знаетъ, что дѣлать съ этимъ имуществомъ. Обѣ стороны очерчены достаточно и любопытны, какъ характерные представители двухъ непримиримыхъ лагерей. Какъ и въ «Братьяхъ», характернѣе и ярче выписаны отецъ и его младшія дѣти. Видно, что такихъ авторъ знаетъ и изучилъ достаточно, но старшій сынъ мало выясненъ авторомъ, для котораго такіе типы составляютъ загадку. Мы уже отмѣтили, что онъ не понимаетъ Руженцова, и тоже надо сказать и о другомъ представителѣ борющейся интеллигенціи. И того, и другого онъ изображаетъ разочарованнымъ, усталымъ, ушедшимъ съ поля битвы и даже какъ-бы насмѣшливо относящимся къ своему прошлому. Можетъ быть, еще недавно это и было характерно для настроенія нѣкоторой части интеллигенціи, но для настоящаго момента это совсѣмъ не такъ. Если теперь нѣтъ особаго подъема въ нашихъ теоретическихъ спорахъ, какой мы пережили въ періодъ боевого марксизма, зато несомнѣненъ другой—жизненный подъемъ, когда и рѣчи не можетъ быть объ усталости, разочарованности и т. п. И интеллигенція переживаетъ со всѣми одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ нашей исторіи, въ которомъ беретъ свою часть дѣла, не заботясь о теоретическихъ разногласіяхъ, слишкомъ не существенныхъ по сравненію съ тѣми практическими задачами, которыя жизнь выдвигаетъ теперь на каждомъ шагу и каждый день. Да и странно было бы, если бы въ такое живое и богатое событіями время лучшая часть народа, его умственная и нравственная сила, олицетворяемая въ его интеллигенціи, занималась бы собой, своими очарованіями или разочарованіями. Не до того теперь. Время словъ прошло. Настало время дѣла.

Отъ нашей современности, въ которой мы переживаемъ великій трагическій моментъ, переходъ къ историческому роману г. Мережковскаго «Петръ и Алексѣй» вовсе не такъ рѣзокъ, такъ какъ взятая авторомъ эпоха тоже полна трагизма. Столкновеніе Петра и Алексѣя тоже было конечной борьбой двухъ началъ стараго и новаго, борьбой настолько острой, что недаромъ Петръ въ глазахъ приверженцевъ старины былъ несомнѣннымъ «антихристомъ», явившимся въ міръ, чтобы уничтожить древлее благочестіе и сдѣлать міръ добычею сатаны. Какъ и въ наши дни, примиреніе между этими двумя началами было невозможно, и одинъ изъ противниковъ долженъ былъ погибнуть. И, конечно, погибло старое начало: Россія, направляемая могучей рукой вели-

чайшаго изъ своихъ сыновъ, уже не могла повернуть назадъ, съ дороги западно-европейской культуры на путь азіатчины, дикости и всѣхъ прочихъ благъ, объединяемыхъ нынѣ подъ моднымъ именемъ «самобытности». Былъ одинъ моментъ,—какъ укоряетъ насъ кн. Ухтомскій,—когда Россія могла сойти съ этого пути. Именно, въ книгѣ, недавно выпущенной подъ заглавіемъ «Изъ области ламаизма», кн. Ухтомскій увѣряетъ, что въ серединѣ семнадцатаго вѣка, «будь въ Сибири хоть одинъ дѣятель, одаренный выдающимися политическими способностями, быть можетъ, въ Пекинѣ правилъ бы не возвысившійся позже манчжурскій, но русскій императорскій домъ. Стоило намъ хоть сколько-нибудь вникнуть въ положеніе разрозненной Монголіи, завязать черезъ ламъ сношенія съ Тибетомъ, искавшимъ опоры извнѣ для окончанія распри, стоило, наконецъ опередить укорененіе пришлой сѣверной династіи въ непріязненномъ ей Китаѣ,—и весь Востокъ имѣлъ бы теперь другой видъ, Россія была бы неоспорима богатѣйшей и могущественнѣйшей державой въ мірѣ» (стр. 4). Вотъ какъ въ тѣ времена дѣла просто дѣлались: «стоило»—и конецъ—и на богдыханскомъ престолѣ возсѣдалъ бы тотъ самый Петръ, который ѣздилъ учиться на проклятый Западъ и привезъ оттуда между прочимъ и «Петербургскую Венеру», какъ объ этомъ повѣствуетъ г. Мережковскій въ первой части своего романа. Вотъ какихъ великихъ благъ лишились мы, благодаря коварству судьбы, которая послала намъ кн. Ухтомскаго теперь, а не два столѣтія тому назадъ...

Но упущеннаго не воротишь, какъ не могли вернуть старину ни раскольники, ни Алексѣй, котораго очень ярко изображаетъ г. Мережковскій въ первыхъ главахъ романа. Сидитъ онъ послѣ попойки, грязный, немытый, заспанный, въ столь же грязной горницѣ, гдѣ «по стѣнамъ, съ ободранными, замаранными шпалерами изъ темно-зеленой травчатой клеенки, и по закоптѣлому потолку, и по тусклымъ стекламъ оконъ, не выставленныхъ, несмотря на жаркій конецъ іюня—всюду густыми черными роями жужжали, кишѣли и ползали мухи». И къ этому жалкому, несчастному, слабому человѣку прибѣгаютъ, какъ къ единственному защитнику, люди древляго благочестія. «Смилуйся, батюшка! Послушай насъ, бѣдныхъ, вопіющихъ послѣднихъ рабовъ твоихъ! Порадѣй за вѣру христіанскую, воздвигни и досмотри, даруй церкви миръ и единомысліе. Ей, государь царевичъ, дитятко красное, церковное, солнышко ты наше, надежда россійская! Тобой хочетъ весь міръ просвѣтиться, о тебѣ люди божіи расточенные радуются! Если не ты по Господѣ Богѣ, кто намъ поможетъ? Пропали, пропали мы всѣ безъ тебя, родимый. Смилуйся»! А эта «надежда несокрушимая» въ полусонномъ состояніи едва отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ вокругъ. «Мухи все жужжатъ, жужжатъ; и маятникъ тикаетъ; и чижикъ уныло пищитъ; и гаммы доносятся сверху, и крики дѣтей со двора; и острый, красный лучъ солнца тупѣетъ, темнѣетъ; и разноцвѣтныя фигурки движутся; французскіе комедіанты играютъ въ чехарду съ березинскою бабой; японскій попъ подмигиваетъ птицѣ Малкофеѣ. И все путается, и глаза слипаются. И если-бы не эта огромная липкая черная муха, которая уже не въ рюмкѣ, а въ головѣ его жужжитъ и щекочетъ, то все было бы

хорошо, спокойно, и ничего бы не было, кромѣ тихой, темной, красной мглы». Такъ смутно и неопредѣленно въ этой душѣ, въ которой старое и новое спуталось въ дикомъ хаосѣ, подавленное страхомъ передъ непонятнымъ, могучимъ и ужаснымъ отцомъ и стыдомъ передъ единомышленниками. Что можетъ онъ, слабый и вялый, предпринять, кому помочь, кого спасти? «Оставшись одинъ, царевичъ медленно заломилъ руки, такъ что всѣ суставы пальцевъ хрустнули, потянулся и зѣвнулъ. Стыдъ, страхъ, скорбь, жажда раскаянія, жажда великаго дѣйствія—все разрѣшилось этой медленною, неудержимою до боли, до судорги въ челюстяхъ, болѣе страшною, чѣмъ всякій вопль и рыданіе, безнадежною зѣвотою».

Въ этомъ живомъ образѣ вся старая Русь, которую встряхнулъ Петръ, и уже съ первой главы читателю ясно, что ни о какой борьбѣ не можетъ быть рѣчи, что приговоръ судьбы уже произнесенъ и все это обречено на смерть, навсегда и безповоротно. Какъ развернется конецъ трагедіи въ романѣ, увидимъ, но пока уже ясно намѣчены главные дѣятели—царевичъ, Петръ, Докукинъ и рядъ другихъ участниковъ мрачной драмы, которая разыгрывается между отцомъ и сыномъ, между новымъ и старымъ, между Россіей, полнымъ ходомъ идущей на Западъ, и древней стариной, пытающейся поворотить все на старый ладъ.

По построенію романъ очень похожъ вначалѣ на «Воскресшихъ боговъ» и здѣсь, какъ и тамъ, «бѣлая дьяволица», именуемая теперь «Петербургской Венерой», открываетъ дѣйствіе романа, вызывая смущеніе въ однихъ и восторгъ и даже поклоненіе въ другихъ. Является опять, какъ въ «Воскресшихъ богахъ» ученикъ Леонардо, юноша Тихонъ, колеблющійся и смущенный всѣмъ, что происходитъ вокругъ. Новое міровоззрѣніе, почерпнутое имъ у нѣмцевъ и въ школѣ, влечетъ его къ себѣ, но не менѣе сильно привлекаетъ его и старина, унаслѣдованная имъ отъ отца, казненнаго во время усмиренія стрѣлецкихъ бунтовъ. Можно указать и еще рядъ аналогій между обоими романами, хотя содержаніе ихъ и кажется столь различно.

Въ новомъ произведеніи г. Мережковскаго, какъ и въ «Воскресшихъ богахъ», есть одинъ недостатокъ, сильно вредящій его художественной сторонѣ: слишкомъ много исторіи. Авторъ почти дословно воспроизводитъ записки того времени, въ описаніи, напр., пиршествъ Петра по случаю постановки статуи Венеры. Читая безконечныя мелочи фейерверка, кажется, словно читаешь записки Бухгольца. Намъ кажется, что такая мелочность описаній только портитъ колоритъ историчности, которая заключается не въ подробностяхъ обстановки того или иного дѣйствія или мѣста, а въ психикѣ дѣйствующихъ лицъ. Приведенная выше превосходная характеристика царевича Алексѣя достаточно убѣдительно говоритъ, что г. Мережковскій вполнѣ владѣетъ художественной способностью проникать въ душу историческихъ дѣятелей, въ духъ момента, и увлекаясь подробностями, онъ только затемняетъ общую картину. Этимъ недостаткомъ страдали и «Воскресшіе боги», но то время меньше знакомо читателю,—русскому, конечно,—тогда какъ эпоха Петра слишкомъ хорошо намъ знакома и не зачѣмъ загромождать вниманіе читателя лишними мело-

чами, мѣшающими ему слѣдить за главными моментами дѣйствія. Интересъ романа сразу оживляется, какъ только авторъ оставляетъ мелочи историческаго описанія и даетъ характеристики дѣйствующихъ лицъ и столкновенія характеровъ, изъ историка превращается въ художника-психолога. Историческій романъ именно и долженъ быть, съ одной стороны—картиной нравовъ данной эпохи, а съ другой—психологическимъ въ широкомъ значеніи. Иначе получится только историческій маскарадъ, въ которомъ наши современники разыгрываютъ современную пьесу, но въ историческихъ костюмахъ.

Романъ пока еще только вначалѣ, по которому судить о немъ вообще невозможно. Въ двухъ первыхъ частяхъ есть отдѣльныя сцены и характеристики прекрасныя, но упомянутое обиліе мелочей загромождаетъ романъ и замедляетъ дѣйствіе. Въ особенности это замѣтно въ описаніи пира, а также въ исторіи Тихона и его колебаній. Но въ общемъ романъ читается съ интересомъ.

Смерть Николая Константиновича Михайловскаго — самое крупное и самое тяжкое событіе въ литературѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой неожиданной и великой утраты мысль замираетъ, и не можешь опомниться отъ неожиданности, что вдругъ не стало человѣка, который въ теченіе сорока почти лѣтъ стоялъ во главѣ нашей журналистики, какъ признанный вождь и руководитель въ важнѣйшихъ вопросахъ общественности и критики. Не вѣрится, что навсегда смолкъ голосъ, къ которому мы привыкли прислушиваться всякій разъ, когда въ литературѣ возникало новое явленіе, появлялось новое теченіе или выступалъ новый талантъ. Что скажетъ Михайловскій?—таковъ былъ обычный вопросъ читателя, съ которымъ онъ привыкъ обращаться подчасъ даже назойливо къ этому писателю, требуя отъ него разрѣшенія чуть не всякаго вопроса. И въ самой этой требовательности и настойчивости чувствовалось глубокое довѣріе къ мыслителю, сказывалась вѣра въ человѣка, въ его искренность и непоколебимость, какъ общественнаго борца.

И вдругъ его не стало, такъ неожиданно, такъ не во-время... Онъ умеръ смертью прекрасною для самого себя, завидной для другихъ, — какъ истый боецъ, до конца на славномъ посту, съ перомъ въ рукахъ, не ослабѣвшій и не утомленный борьбою, защищая память двухъ своихъ соратниковъ по литературѣ, нанося гибельные удары притивникамъ и съ новой силой подчеркивая дорогіе завѣты лучшихъ борцовъ за правду и справедливость.

«Своею смертью умираетъ совершившій свой путь, умираетъ побѣдоносно, окруженный тѣми, кто надѣются и кто даютъ священный обѣтъ», говоритъ Заратустра.

Да, завидная, славная смерть, но тѣмъ болѣе ощущаемъ значеніе утраты мы, остающіеся, на которыхъ палъ этотъ нежданный, непредвидѣнный и неотвратимый ударъ.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,

—этимъ стихомъ стараго поэта г. Якубовичъ вѣрно выразилъ то чувство, которое подавляло всѣхъ у свѣжей могилы. Именно *вождя* потеряли мы, и мѣсто это осталось пустымъ, безъ достойнаго замѣстителя, котораго долго-долго придется ждать русскому обществу.

Ибо рѣдко такое сочетаніе силъ, какое такъ счастливо олицетворялъ въ себѣ покойный. Философъ русской жизни, публицистъ несравненной силы пера, неутомимый журналистъ, глубокій и разносторонній ученый, борецъ за правду и справедливость, непоколебимый общественный дѣятель, не знавшій сдѣлокъ съ честью и совѣстью,—это ли не рѣдчайшій типъ писателя, дѣятеля и человѣка? И при томъ—удивительный работникъ, черта какъ-то не вяжущася съ представленіемъ о русскомъ человѣкѣ. Начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, когда онъ вошелъ вплотную въ обновленныя Некрасовымъ «Отечественныя Записки», и до послѣдней минуты онъ жилъ съ перомъ въ рукахъ, поражая своей рабочей силой и выносливостью. Свершенной имъ работы хватило бы на добрый десятокъ первоклассныхъ талантовъ въ области журналистики. И каждый моментъ этой долгой работы отмѣченъ печатью таланта, печатью рѣзкой, почти колющей индивидуальности, не поддающейся сравненію, до того въ ней было все свое—отъ несравненной формы и всегда оригинальной мысли и до того неуловимаго «нѣчто», что присуще только великому художественному таланту. Этимъ только и объясняется его огромное вліяніе. Къ Михайловскому нельзя было относиться безразлично: его можно было любить или не любить, но нельзя было не чувствовать. Онъ вносилъ съ собой страсть мысли и страсть писательскаго темперамента, возбуждавшія вокругъ цѣлую бурю чувствъ. И по поводу каждаго затронутаго имъ вопроса закипала борьба, въ которой не всегда Михайловскій соблюдалъ справедливость къ противникамъ, но зато была жизнь, яркая сверкающая и здоровая. Что-то боевое чувствовалось даже во внѣшности его—въ этомъ гордомъ наклонѣ его высокаго крутого лба и всей головы, въ прямой постановкѣ, словно неудержимо стремящейся вверхъ и къ движенію, всей фигуры и во вдумчиво устремлянныхъ впередъ упрямыхъ глазахъ. Боецъ и мыслитель—таково было первое впечатлѣніе отъ его красивой, стройной и какой-то строгой фигуры, внушавшей невольное почтеніе. Быть съ нимъ небрежнымъ, что называется «за панибрата», врядъ ли кому приходило въ голову. Чувствовалось, что предъ тобой сила, и, какъ всякая сила, требующая осторожнаго и внимательнаго обращенія. Чувствовалось въ то же время и благородство этой силы, заставлявшее подтягиваться въ его присутствіи и слѣдить за собой. Такое же облагораживающее вліяніе оказывалъ онъ и въ журналистикѣ, гдѣ его авторитетное слово сплошь и рядомъ являлось приговоромъ, что заставляло многихъ и многихъ быть и осторожнѣе, и сдержаннѣе. Недаромъ такъ страстно ненавидѣли его разные «аристократы духа», еще такъ недавно чуть не съ пѣною у рта накидывавшіеся на него за мѣткое и убійственное слово, которымъ онъ пригвоздилъ къ позорному столбу навѣки одного изъ ихъ лагеря. Ненависть этой породы «перевертней» и продажныхъ душъ—одинъ изъ самыхъ яркихъ цвѣ-

товъ въ вѣнкѣ Михайловскаго. И мы боимся, но думаемъ, что это такъ: скоро почувствуется въ литературѣ отсутствіе этого авторитетнаго голоса, который всѣ привыкли уважать и многіе бояться...

Выяснить значеніе Михайловскаго для русской жизни и литературы крайне трудно, благодаря широтѣ захвата его мысли и таланта. Въ сущности его сорокалѣтняя работа заключаетъ въ себѣ исторію развитія русской общественности и русской мысли за это время. Онъ коснулся всего, откликнулся на все, далъ отвѣтъ на каждый вопросъ, поставленный жизнью. Съ нимъ много спорили, во многомъ не соглашались, но вліянія этой кипучей умственной и нравственной сила никогда не отрицали. Самый до извѣстной степени хаотическій характеръ этой работы лучше всего говорить, что предъ нами истинное отраженіе умственной работы цѣлыхъ поколѣній, которыя черпали полными пригоршнями изъ его неоскудѣвающей сокровищницы. Онъ не систематическій ученый, не строгій мыслитель, не публицистъ въ обычномъ значеніи, онъ—все вмѣстѣ. Это цѣльная живая личность, жившая всѣми силами ума и души, и только въ одномъ неизмѣнно вѣрная съ начала и до конца: въ стремленіи къ тому идеалу жизни, который сложился у него въ эпоху шестидесятыхъ годовъ и когорый онъ самъ такъ прекрасно и образно охарактеризовалъ, какъ осуществленіе въ жизни правды-истины и правды-справедливости.

«Всякій разъ,—говоритъ онъ въ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій,—какъ мнѣ приходитъ въ голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда, въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ писаній. Правда - истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, въ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Ва всякомъ случаѣ выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять правду-справедливость, правду субъективную,—такова задача моей жизни. Нелегкая эта задача. Слишкомъ часто мудрымъ зміямъ не хватаетъ голубиной чистоты, а чистымъ голубямъ — зміиной мудрости. Слишкомъ часто люди, полагая спасти нравственный или общественный идеалъ, отворачиваются отъ непріятной истины, и, наоборотъ, другіе люди, люди объективнаго знанія, слишкомъ часто наровятъ поднять голый фактъ на степень незыблемаго принципа. Вопросы о свободѣ воли и необходимости,

о предѣлахъ нашего знанія, органическая теорія общества, приложенія теоріи Дарвина къ общественнымъ вопросамъ, вопросъ объ интересахъ и мнѣніяхъ народа, вопросы философіи, исторіи, этики, эстетики, экономики, политики, литературы въ разное время занимали меня исключительно съ точки зрѣнія великой двуединой правды. Я выдержалъ безчисленные полемическіе турниры, откликался на самые разнообразные запросы дня, опять-таки ради водворенія все той же правды, которая, какъ солнце, должна отражаться и въ безбрежномъ океанѣ оживленной мысли, и въ малѣйшихъ капляхъ крови, пота и слезъ, проливаемыхъ сію минуту».

Это неуклонное стремленіе въ одну сторону выработало въ Михайловскомъ борца за высшіе общественные интересы. Высокое развитіе общественности въ связи съ философскимъ обоснованіемъ его взглядовъ въ этой области создало изъ Михайловскаго самаго крупнаго публициста, боровшагося за свободу мысли, совѣсти и слова, за личность человѣка. По его словамъ, онъ былъ такъ счастливъ, что сразу, въ дни молодости, нашелъ основы своего міросозерцанія и донесъ ихъ неизмѣнными до могилы. Въ одномъ ему отказала судьба—увидѣть ихъ осуществленіе въ жизни, когда онъ могъ бы сказать съ полнымъ правомъ про себя: «нынѣ отпущаеши»... Съ той высоты, на которой онъ стоялъ по проникновенной мысли, по умудряющему опыту и знанію людей, онъ видѣлъ вблизи обѣтованную землю, но, какъ Моисею, ему не дано было войти въ нее...

Его не стало. Но духъ его живетъ и будетъ жить, пока существуетъ русская литература, на страницахъ которой имя Михайловскаго выписано нетлѣнными знаками вслѣдъ за именами Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго. Ихъ завѣты онъ впиталъ въ себя, свято соблюдалъ ихъ всю жизнь и передалъ послѣдующимъ поколѣніямъ, всю жизнь примѣромъ своимъ поучая, какъ надо жить и... умирать. Ибо, какъ говоритъ Заратустра:

«Въ смерти вашей долженъ еще горѣть духъ вашъ и добродѣтель ваша, какъ вечерняя заря горитъ на землѣ: или смерть ваша плохо удалась вамъ.

«Такъ хочу умереть я самъ, чтобы вы, друзья, ради меня еще больше любили землю; и въ землю хочу опять обратиться я, чтобы найти отдыхъ у той, что родила меня».

Мало людей, которые посмѣли бы сказать про себя, что въ смерти ихъ горятъ духъ и добродѣтели ихъ, и къ ихъ числу безспорно принадлежитъ Михайловскій. Онъ-то ужъ заработалъ свой отдыхъ у той, что родила его...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Кончина Н. К. Михайловскаго. Русская литература и русское общество понесли тяжелую утрату: въ ночь съ 27-го по 28-е января скоропостижно скончался писатель и редакторъ «Русскаго Богатства» Николай Константиновичъ Михайловскій. Покойный уже давно страдалъ хроническимъ заболѣваніемъ сердца, по временамъ причинявшимъ ему тяжкія мученія. Послѣдній мѣсяцъ онъ былъ въ особенно удрученномъ настроеніи, хотя въ самые послѣдніе дни своей жизни онъ какъ будто повеселѣлъ и былъ даже особенно разговорчивъ. 27-го января вечеромъ Николай Константиновичъ отправился на засѣданіе комитета литературнаго фонда, которое происходило на квартирѣ П. И. Вейнберга. Въ первомъ часу ночи онъ пріѣхалъ домой. Изъ домашнихъ никого не было дома. Прислуга разсказывала, что покойный отправился къ себѣ въ спальную и отпустилъ ее. Въ третьемъ часу возвратился домой племянникъ покойнаго. Трудно себѣ представить, каковъ былъ его ужасъ, когда онъ засталъ Николая Константиновича лежавшимъ поперекъ кровати безъ признаковъ жизни. Немедленно были приняты мѣры къ приведенію его въ чувство. Послали за врачомъ, которому оставалось только констатировать фактъ смерти. 30-го января послѣ краткой литіи тѣло покойнаго писателя было перенесено въ Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ въ $10^1/_2$ часовъ началась заупокойная обѣдня. Громадная толпа явившихся отдать послѣдній долгъ почившему писателю наполнила весь соборъ, площадь и прилегающія къ площади улицы. По окончаніи обряда отпѣванія гробъ былъ вынесенъ на рукахъ писателями и друзьями покойнаго и грандіозная процессія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ двинулась по Басковой улицѣ, гдѣ передъ редакціей «Русскаго Богатства» была отслужена литія. Затѣмъ печальное шествіе направилось по Надеждинской, черезъ Невскій, по Николаевской улицѣ и, наконецъ, по Обводному каналу по направленію къ Волкову кладбищу, этому «пантеону» русскихъ писателей. За гробомъ двинулись три колесницы, сплошь покрытыя вѣнками, число которыхъ было болѣе 70. Изъ нихъ обращалъ на себя вниманіе вѣнокъ съ надписью: «Н. К. Михайловскому—осиротѣлая редакція «Русскаго Богатства»; затѣмъ были еще слѣдующіе вѣнки: «Отъ рабочихъ и служащихъ типографіи, печатающей «Русское Богатство»; «Отъ семьи Глѣба Успенскаго»; «Непоколебимому борцу за правду и справедливость» отъ редакціи журнала «Міръ Божій»;

«Борцу за общественное самосознаніе во имя свѣтлаго будущаго—отъ интеллигентнаго пролетаріата»; «Неутомимому, честному защитнику народнаго права—отъ общества горныхъ инженеровъ»; «Литератору-борцу отъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ»; «Поборнику правды, неутомимому борцу за лучшее будущее изъ Ярославля»; «Поборнику высокихъ идеаловъ»—отъ редакціи «Юриста»; «Великому истолкователю русской дѣйствительности и идейному борцу отъ служащихъ московской губернской земской управы»; «Отъ друзей»; «Отъ присяжныхъ повѣренныхъ»; «Доблестному вождю русской интеллигенціи»—отъ редакціи газеты «Право»; «Честному борцу»—отъ редакціи журнала «Правда»; «Отъ учащихъ и учениковъ воскресныхъ школъ рабочихъ шлиссельбургскаго тракта»; отъ редакцій: «Русск. Вѣдомостей», «Знанія», «Биржев. Вѣдомостей», «Экономической газеты», «Вѣстника Воспитанія», «Образованія», «Хозяина», «Вѣстника Права», «Русской Мысли» и др.; отъ группы студентовъ электротехн. института; «Отъ студентовъ горнаго института»; «Неутомимому борцу»—отъ студентовъ лѣсного института; «Отъ слушательницъ медицинскаго института»; «Отъ профессоровъ горнаго института»; «Отъ группы петербургскихъ гимназистовъ»; «Отъ петербургскаго педагогическаго общества»; «Отъ студентовъ-технологовъ»; «Отъ студентовъ военно-медицинской академіи»; «Отъ студентовъ-армянъ»; «Отъ сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ въ Петербургѣ»; «Отъ почитателей»; «Отъ группы пріѣзжихъ врачей»; «Отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ»; «Отъ студентовъ-путейцевъ»; «Отъ читателей» и мн. др. Во все время, пока процессія двигалась по направленію къ кладбищу, хоръ учащейся молодежи пѣлъ «Вѣчную память» и «Святый Боже». Гробъ всю дорогу несли на рукахъ друзья, писатели и учащаяся молодежь и онъ высоко колыхался надъ толпой, которая сплошной массой окружала несущихъ останки покойнаго писателя. Такихъ похоронъ Петербургъ не видѣлъ давно. Это были въ полномъ смыслѣ слова гражданскія похороны; вся толпа точно была охвачена однимъ настроеніемъ, однимъ чувствомъ. Всѣ сознавали, что хоронятъ одного изъ послѣднихъ могиканъ шестидесятыхъ годовъ, одного «изъ той стаи славныхъ», и что эта потеря невозвратима. Смерть вырвала на этотъ разъ крупную жертву и торжественная обстановка похоронъ могла хоть немного заглушить горечь этой тяжелой утраты. Мы хоронили писателя-гражданина, и на этотъ разъ русское общество можетъ быть удовлетворено: оно съ честью проводило прахъ писателя къ мѣсту его послѣдняго успокоенія.

Надъ свѣжей могилой было сказано нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ отмѣтимъ рѣчь В. И. Семевскаго, говорившаго отъ имени редакціи «Русское Богатство». «Осиротѣло не только «Русское Богатство»,—сказалъ В. И.,—осиротѣло и все русское общество; осиротѣла и русская учащаяся молодежь, защитникомъ которой отъ обобщающихъ нареканій со стороны реакціоннонастроенной части русскаго общества былъ всегда покойный Н. К. Этой защитѣ посвящена между прочимъ и посмертная его статья»... Указавъ затѣмъ, что въ этой же статьѣ покойный писатель вспомнаетъ тѣ великія имена, которыя были учителями русской общественности, В. И. напомнилъ присутствующимъ,

что Н. К. Михайловскій оставилъ намъ одинъ завѣтъ, который надо помнить русскому обществу. Молодой поэтъ К. А. Горбуновъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе:

„Прощай, учитель нашъ! Прощай, борецъ,
Поднявшій высоко свое надъ нами знамя,
Во храмѣ Истины, какъ честный жрецъ,
Всю жизнь свою поддерживавшій пламя;
Прощай, прощай, народа вѣрный другъ!
Ты умеръ, но живетъ твое святое дѣло!
Твоихъ учениковъ растетъ могучій кругъ,
Впередъ они глядятъ, какъ ты училъ ихъ, смѣло!
Впередъ они идутъ,—туда, гдѣ лучъ зари
Блисталъ тебѣ наградой и привѣтомъ
И озарялъ отраднымъ, дивнымъ свѣтомъ
Свободы, равенства и братства алтари!
Впередъ они идутъ! Когда-жъ въ пути ихъ день
Затмится тучами печали иль сомнѣнья,
Тогда, спѣша, съ улыбкой вдохновенья,
Къ нимъ подойдетъ твоя, учитель, тѣнь,—
И глянетъ имъ въ глаза, и жизни жаркой кровью
По жиламъ ихъ огонь священный пробѣжитъ,
Сердца исполнятся могучею любовью
И дружный кличъ „Впередъ“ отважно прозвучитъ!...

Поэтъ П. Я. (Мельшинъ) прочелъ нѣсколько строфъ изъ извѣстнаго стихотворенія «На погребеніе англійскаго генерала сира Джона Мура» (въ переводѣ Козлова), которое, какъ нельзя больше, подошло къ настроенію толпы, окружавшей живой стѣною могилу.

Вотъ эти строфы:

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнемъ
Мы въ нѣдра земли опустили...

* * *

Быть можетъ, на утро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

* * *

Прости-же товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой!..

Говорило еще нѣсколько человѣкъ, послѣ чего какъ гробъ былъ опущенъ въ могилу и зарытъ, толпа, пропѣвъ нѣсколько разъ «Вѣчную память», стала медленно расходиться, унося съ собой на память зеленыя вѣтви ели. Шелъ снѣгъ и его пушистыя бѣлыя хлопья медленно покрывали невысокій холмъ свѣжей могилы...

Вѣчная тебѣ память, писатель-гражданинъ, всю свою жизнь посвятившій рыцарскому служенію честному печатному слову!

Что читаетъ сельское населеніе. Въ «Статистическомъ ежегодникѣ» на 1903 г., изданномъ статистическимъ бюро полтавскаго губернскаго земства, помѣщены результаты произведеннаго въ 1903 году изслѣдованія о томъ, что читаетъ сельское населеніе Полтавщины.

Всѣхъ книгъ у крестьянъ, казаковъ и мѣщанъ было переписано 20.000 томовъ съ періодическими изданіями (годовой экземпляръ за одинъ томъ) въ 667-ми селеніяхъ. Всѣ 20.000 томовъ составили 13.074 отдѣльныхъ названія. Составъ ихъ оказался такой: религіозно-нравственныя—42,8%, белетристика—27,7%, періодическихъ изданій—8,2%, смѣсь—8,1%, гражданская исторія и біографіи—4,5%, сельское хозяйство и промыслы—3,5%, учебный—1,9%, медицина и гигіена—0,9%, естествовѣдѣніе—0,7%, юридическія и обществовѣдѣніе—0,7%, географія и путешествія—0,6%, прочія научно-популярныя—0,4%. Произведенія извѣстныхъ писателей составляли 8% всѣхъ книгъ. По степени распространенности они шли въ такомъ порядкѣ: Гоголь, Пушкинъ, Толстой Л., Жуковскій, Лермонтовъ, Крыловъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Кольцовъ. Изслѣдованіе, отмѣчаетъ сравнительно незначительное распространеніе лубочной литературы, объясняя это тѣмъ обстоятельствомъ, что въ коробѣ книгоноши имѣется не мало малорусскихъ изданій, лишенныхъ вообще лубочнаго характера и охотно покупаемыхъ населеніемъ. Кромѣ того повышеніе вкуса подъ вліяніемъ школъ и особенно библіотекъ-читаленъ констатируется многими корресподентами, а также сопоставленіемъ данныхъ о составѣ книгъ въ селахъ, имѣющихъ библіотеки, съ селами, лишенными ихъ. Изъ періодическихъ изданій наиболѣе распространенными оказались: «Сельскій Вѣстникъ», «Хуторянинъ», «Родина», «Биржевыя Вѣдомости», «Русское Чтеніе», и «Журналъ Для Всѣхъ». По способу пріобрѣтенія книги распредѣлялись такъ: куплены въ городахъ 18%, въ селахъ губерніи—32,1%, внѣ губерніи—10,7%, подарено—26,4%, куплены въ монастыряхъ и церквахъ 4,7% остальныя—въ прочихъ мѣстахъ. Изъ купленныхъ въ городѣ книгъ 28,% куплено въ земскихъ книжныхъ складахъ (ихъ 13 въ губерніи). Всѣхъ фирмъ издательскихъ, снабжающихъ губернію книгами, — 273. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Сытинъ — 20%, Губановъ—15%, Девріенъ—4%, Коновалова, Марксъ, харьковское общество грамотности, земства—по 3% и т. д. По объему наиболѣе распространены книги свыше десяти печатныхъ листовъ—25% (періодическія изданія и религіозныя исключены), затѣмъ двухлистовка — 18%, въ три листа — 15%. Въ среднемъ по губерніи читатель не считаетъ дорогой цѣну за книгу въ 50 коп. Сравненіе состава книгъ по Орловской, Владимірской и Полтавской губерніямъ сильно говоритъ въ пользу послѣдней; особенно это замѣтно относительно книгъ по сельскому хозяйству (ихъ въ двухъ великорусскихъ губерніяхъ всего 0,3% противъ 3,5% въ Полтавщинѣ). Объясненіе лежитъ въ развитіи дѣятельности десяти сельскохозяйственныхъ обществъ и въ наличности книгъ по сельскому хозяйству, написанныхъ по-малорусски (Чикаленко, Ганько и пр.) и приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ. Вообще же книжная тор-

говля въ Полтавщинѣ оказывается далеко не такъ сильно монополизирована лубочнымъ разносчикомъ, какъ напр., во Владимирской губ.

При весьма низкомъ у насъ уровнѣ народнаго благосостоянія пріобрѣтеніе дорогихъ книгъ, конечно, не по силамъ деревенскому поселенію. Громадное значеніе могли бы имѣть поэтому народныя библіотеки—читальни, но тѣ условія, при какихъ эти библіотеки существуютъ въ Россіи, въ значительной степени парализуютъ ихъ пользу. Какъ извѣстно, дѣятельность безплатныхъ народныхъ библіотекъ сильно ограничена: сюда попадаютъ не тѣ книги, которыя допущены общей цензурой, а только избранныя особымъ комитетомъ, состоящимъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ минувшемъ 1903 году былъ выпущенъ дополнительный къ каталогу 1900 года списокъ разрѣшенныхъ изданій. Въ «С.-Петерб. Вѣд.» находимъ интересный разборъ помѣщенныхъ въ этомъ спискѣ книгъ, сдѣланный г. В. Раппомъ (членомъ южнорусскаго книжнаго издательства подъ фирмою Ефимова и Раппъ).

Въ этомъ дополнительномъ спискѣ поименовано 2.135 изданій, разрѣшенныхъ въ теченіе 4 лѣтъ.

По точному подсчету, г. Раппъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно содержанія этихъ 2.135 изданій:

1) 260 книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Эти книги по точному смыслу существующихъ узаконеній не нуждаются въ разрѣшеніи комитета, такъ какъ онѣ одобрены духовной цензурой и тѣмъ самымъ допускаются къ свободному обращенію въ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Для чего же понадобилось помѣщать ихъ въ каталогъ?

2) 605 названій, уже давно разрѣшенныхъ комитетомъ и помѣщенныхъ въ основный каталогъ министерства народнаго просвѣщенія изданія 1900 г.

3) 34 названія атласовъ, картинъ, альбомовъ и таблицъ.

4) 99 учебниковъ, по которымъ, конечно, можно и должно учиться, но которые врядъ ли могутъ быть признаны безъ натяжки книгами для чтенія.

5) 95 названій книгъ узко-спеціальнаго характера, какъ-то: пѣніе, музыка, учебныя игры, педагогика и пр.

6) 186 книгъ, предназначенныхъ исключительно для солдатъ и трактующихъ о воинской чести, военной дисциплинѣ, обязанностяхъ часового, деньщика и о преимуществахъ военной службы передъ всѣми остальными занятіями. Врядъ ли эти книги могутъ имѣть интересъ, въ качествѣ общаго чтенія, а вѣдь процентъ ихъ—не малый!

7) 41 книга духовно-нравственнаго содержанія, только по недосмотру попавшія въ другіе отдѣлы.

Суммируя эти цифры, получимъ 1.320 названій; остается, значитъ, только 815.

Большая половина изъ этихъ 815 названій предназначается для маленькихъ и не можетъ имѣть интереса для взрослаго читателя. Принимая даже число дѣтскихъ книгъ равнымъ половинѣ всѣхъ 815, получимъ 407 названій общаго характера.

Однако отсюда приходится выбросить 27 книгъ по ветеринаріи, 91—по сельскому хозяйству и 45 по медицинѣ, итого—163; остается, стало быть, 244 названія. Выброшенныя 163 названія носятъ спеціальный характеръ и являются далеко не доступными для читателя, не получившаго нѣкоторой подготовки.

Но и получившіяся 244 названія нуждаются въ нѣкоторой фильтровкѣ. Дѣло въ томъ, что въ ихъ число входятъ изданія чисто лубочныя или полулубочныя, какъ-то изданія Клюкина, Ефимова, Сытина, Панафидина, Ступина, Губинскаго и другихъ представителей Сухаревки и Никольскаго рынка, почему-то пользующіяся завидной привилегіей всегда быть разрѣшаемыми и одобряемыми для народныхъ библіотекъ.

Что же получается въ результатѣ?—спрашиваетъ изслѣдователь.

Получается тотъ выводъ,—грустно констатируетъ онъ,—что ученый комитетъ, разсматривая книги по исторіи, географіи, этнографіи, путешествія, біографіи, по исторіи литературы, искусства, критическія сочиненія, сочиненія по химіи, физикѣ, ботаникѣ, минералогіи, зоологіи (вплоть до иппологіи), по ремесламъ, общественнымъ вопросамъ, по юриспруденціи теоретической и практической, законы и справочныя изданія, колоссальную массу беллетристики оригинальной и переводной журналы, и газеты—нашелъ пригодными только 100 — приличныхъ названій, да и то еще не вполнѣ удовлетворяющихъ строгой критикѣ человѣка, желающаго дать народу дѣйствительно хорошую или полезную книгу.

Единственный выходъ изъ этого положенія, созданнаго сизифовымъ трудомъ бюрократическаго учрежденія, — заканчиваетъ свой подсчетъ изслѣдователь, — это допустить въ народныя библіотеки всѣ книги, разрѣшенныя въ Россіи общей цензурой. Только тогда можно будетъ ждать серьезныхъ результатовъ отъ внѣшкольнаго просвѣщенія народа.

Въ родныхъ палестинахъ. Въ «С.-Петерб. Вѣдом.» помѣщена любопытная корреспонденція изъ слободы Покровской, характеризующая нравы этого, недавно пострадавшаго отъ пожара, селенія. Жители слободы переживаютъ чрезвычайно тревожные дни. Грабежи, разбои, буйства, убійства, нападенія съ дубинами, револьверами, кинжалами и проч. безобразія творятся каждую ночь. Отъ безобразниковъ никто не гарантированъ — ни обыватели, ни врачи, ни священники и проч. Врачи отказываются посѣщать больныхъ въ ночное время, священники не ѣздятъ съ требами, такъ какъ было нѣсколько случаевъ нападенія на врачей и священниковъ; причемъ, не говоря уже о грабежахъ, нападавшіе позволяли себѣ такія издѣвательства: одного священника заставляли плясать подъ гармонику, угрожая въ противномъ случаѣ убить изъ револьвера; у другого отняли узелъ съ богослужебными принадлежностями и стрѣляли изъ револьвера. Покушались на убійство врачей, ѣдущихъ къ больнымъ. Полиція безсильна бороться съ этимъ зломъ.

Зачастую дѣлали нападенія на полицію, стрѣляя изъ револьверовъ, набрасываясь съ ножами и кинжалами и обращая полицію въ бѣгство.

Общественная арестантская ежедневно переполнена безобразниками, которые по составленіи протокола выпускаются на волю и снова творятъ безобразія. Полиція не успѣваетъ составлять протоколы. Волостной судъ и городской судья въ слободѣ не поспѣваютъ разбирать «дѣла», которыя залеживаются по полгоду. Въ настоящемъ году общество слободы Покровской порѣшило учредить другой составъ волостного суда. Слѣдственная власть завалена уголовными дознаніями и проч. Жители слободы вооружились револьверами и еще засвѣтло закрываютъ наглухо окна и запираютъ наглухо ворота и двери домовъ и хатъ.

«По ночамъ и даже вечерамъ никто изъ слобожанъ не рѣшается выйти на улицу.

«Больницы (общественная и земская) наполнены ранеными, изувѣченными и проч. лицами, не говоря уже объ ежедневныхъ посѣтителяхъ, являющихся въ больницы на перевязку съ болѣе легкими ранами и порѣзами. Все это—жертвы слободского безобразія.

«Недавно покровское общество на сельскомъ сходѣ приговоромъ отказалось отъ 14-ти общественниковъ. Все это лица порочнаго поведенія, неоднократно замѣчавшіяся въ убійствахъ, грабежахъ, стрѣльбѣ, и проч., и проч. Изъ числа 14-ти человѣкъ, приговоренныхъ къ высылкѣ въ Сибирь, только 7 отправлены въ тюрьму, а изъ остальныхъ 7 человѣкъ—нѣкоторые несовершеннолѣтніе, а другіе скрываются отъ полиціи.

«Безобразію не предвидится конца.

«Мѣстная администрація возбуждаетъ передъ самарскимъ губернаторомъ ходатайство о мѣропріятіяхъ по упорядоченію и охранѣ слободы отъ безобразій.

«Такое же ходатайство возбуждаютъ передъ начальникомъ губерніи нѣсколько сотъ человѣкъ слободскихъ обывателей, имущественная и личная безопасность которыхъ больше всего страдаетъ отъ безобразниковъ. Это—торговцы разнаго рода товарами, вынужденные закрывать свои магазины и лавки съ наступленіемъ вечера изъ боязни быть ограбленными, что не разъ уже и повторялось.

«Дерзкіе кражи и грабежи происходятъ и на желѣзнодорожномъ вокзалѣ слободы Покровской. Товарные поѣзда каждую ночь сопровождаетъ нѣсколько человѣкъ урядниковъ, жандармовъ и полиціи. При этомъ рѣдкая ночь обходится безъ того, чтобы между грабителями и полиціей не происходила перестрѣлка. Поѣзда идутъ очень медленно и грабители со всѣхъ сторонъ атакуютъ товарные вагоны, стрѣляя въ охраняющую вагоны полицію, помѣщающуюся на площадкахъ вагоновъ. Бывали неоднократно случаи, что грабители ограбляли товарные вагоны, несмотря на охрану.

«Въ среднихъ числахъ января рабочіе и служащіе желѣзной дороги въ слободѣ Покровской подали самарскому губернатору телеграмму, въ которой убѣдительнѣйше просятъ начальника губерніи принять репрессивныя мѣры къ охранѣ слободы Покровской».

Дѣло о нападеніи на кн. Л. Н. Гагарина. 28-го января въ московской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, началось разсмотрѣніе дѣла по обвиненію 26 крестьянъ д. Волосовки, Михайлов-

скаго уѣзда, Рязанской губ., въ нападеніи скопомъ на имѣніе княгини Н. М. Гагариной и въ нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій княгинѣ, ея мужу, князю Л. Н. Гагарину, и кн. С. Б. Щербатову. Въ «Русскомъ Словѣ» помѣщенъ подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ, которое представилось на судѣ въ слѣдующемъ видѣ.

На судъ явились всѣ 26 обвиняемыхъ. Согласно обвинительному акту въ Михайловскомъ уѣздѣ, Рязанской губ., расположено имѣніе княгини Натальи Михайловны Гагариной, называемое «Коровино». Имѣніе это прилегаетъ къ владѣніямъ крестьянъ д. Волосовки. Часть помѣщичьей земли, въ количествѣ 53 десятинъ, ближайшихъ къ д. Волосовкѣ, болѣе 10 лѣтъ отдавалась въ арендное пользованіе крестьянамъ этой деревни.

Вслѣдствіе того, что крестьяне д. Волосовки не имѣютъ собственнаго выгона и ихъ надѣльная земля съ двухъ сторонъ окружена владѣніями «Коровина», ихъ скотъ часто заходилъ на эти владѣнія и совершалъ потравы, которыя не встрѣчали строгаго преслѣдованія со стороны прежнихъ владѣльцевъ этого имѣнія.

Когда, въ 1895 г., Наталья Михайловна Обрѣзкова, которой «Коровино» досталось по наслѣдству, вышла замужъ за князя Леонида Николаевича Гагарина, послѣдній переѣхалъ въ имѣніе и началъ самъ завѣдывать въ немъ хозяйствомъ.

Князь Л. Н. Гагаринъ сталъ строже относиться къ крестьянамъ, штрафуя ихъ за потравы и возбуждая уголовныя преслѣдованія за кражи и лѣсныя порубки.

Для охраны владѣній жены онъ нанялъ въ 1898 г. на должности объѣздчиковъ трехъ выписанныхъ съ Кавказа черкесовъ, которые ревностно исполняли свои обязанности сторожей, но возбудили противъ себя общее неудовольствіе со стороны крестьянъ тѣмъ, что, при встрѣчѣ съ ними, наносили имъ всегда побои нагайками, не дозволяя проходить черезъ землю князя иначе, какъ по большой дорогѣ.

На дѣйствія черкесовъ крестьяне обращались съ жалобами къ кн. Гагарину, но тотъ, довольный службою черкесовъ, оставлялъ эти жалобы безъ вниманія.

На этой почвѣ и возникло враждебное отношеніе крестьянъ къ князю. Эти отношенія обострились благодаря тому, что кн. Гагаринъ не соглашался на просьбу крестьянъ объ увеличеніи количества сдаваемой имъ земли, а весной 1903 года объявилъ черезъ сельскаго старосту Ефимкина сельскому сходу д. Волосовки, что, если крестьяне не прекратятъ кражи пеньковъ изъ его лѣса, онъ совсѣмъ лишитъ ихъ аренды.

Слѣдующій случай послужилъ ближайшимъ поводомъ къ преданію крестьянъ суду.

Вечеромъ 1-го іюля 1903 года крестьянинъ д. Волосовки Михаилъ Карновъ, косившій рожь на примыкающей къ рощѣ княгини Гагариной десятинѣ, скосилъ съ окружавшей рощу канавы охапку травы.

Замѣтивъ это, одинъ изъ черкесовъ, Даурбековъ, потребовалъ, чтобы Кар-

новъ отправился въ контору экономіи, а въ виду отказа послѣдняго, сталъ бить его по спинѣ нагайкой. На помощь къ Карнову подоспѣлъ сынъ его, Андрей, и оба нанесли косами черкесу нѣсколько глубокихъ ранъ, а тотъ, обороняясь, три раза ударилъ кинжаломъ Михаила Карнова. Старикъ-крестьянинъ упалъ мертвымъ подъ этими ударами. Андрей Карновъ бросился въ деревню и разсказалъ о случившемся, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Егоромъ Волковымъ, сталъ убѣждать односельчанъ отправиться къ князю съ жалобой, причемъ Волковъ грозилъ отказавшимся идти въ «Коровино», что имъ «худо будетъ».

Въ это время въ деревнѣ находился сельскій староста Ефимкинъ, который, въ свою очередь, сталъ убѣждать крестьянъ идти жаловаться князю, а когда почти все населеніе д. Волосовки, вооружившись кольями, вилами, топорами и камнями, двинулось съ криками: «Идемъ жаловаться князю», «идемъ бить черкесовъ», староста самъ послѣдовалъ за этой толпой. Когда толпа нахлынула на княжескую усадьбу, крестьяне стали бросать въ домъ княгини камнями и перебили почти всѣ окна.

Приблизившись къ дому черкесовъ, крестьяне окружили его, и стоявшіе во главѣ толпы Волковъ и Вдовинъ стали кричать: «Бей, зажигай!»

Въ это время къ толпѣ прибѣжалъ съ ружьемъ въ рукахъ крестьянинъ Семеновъ, который закричалъ: «Чего же вы стоите?» Почти тотчасъ же послѣ этого домъ черкесовъ загорѣлся со стороны деревяннаго двора и былъ вскорѣ уничтоженъ огнемъ.

Староста Ефимкинъ былъ тутъ же въ толпѣ, но никакихъ мѣръ къ тушенію пожара и прекращенію безпорядковъ не принималъ. При выходѣ крестьянъ изъ второй усадьбы навстрѣчу имъ показался запряженный парою лошадей экипажъ Гагариныхъ, въ которомъ ѣхали съ мѣста убійства, совершеннаго черкесомъ, князь и княгиня Гагарины и князь С. Б. Щербатовъ.

Завидѣвъ ихъ толпа, съ криками: «Они, они! Ѣдетъ, ѣдетъ!» кинулась къ нимъ и стала бросать въ ѣхавшихъ камнями, палками и другими предметами.

Одинъ изъ первыхъ ударовъ попалъ въ лицо князю Гагарину, и онъ, потерявъ сознаніе, выпустилъ изъ рукъ вожжи, но княгиня схватила ихъ и повернула въ сторону на мгновеніе остановившихся лошадей, которыя рванули и понесли, благодаря чему Гагаринымъ и Щербатову удалось скрыться.

Гагарины подъѣхали къ дому мѣстнаго священника, гдѣ и нашли себѣ пріютъ.

У кн. Гагарина обнаружены были на тѣлѣ кровоподтеки, три колотыхъ раны и переломъ ключицы. У княгини—кровоподтеки и ушибленная рана надъ правымъ глазомъ. У кн. Щербатова—кровоподтеки на лицѣ и тѣлѣ.

Всѣ эти поврежденія были отнесены врачами, производившими судебно-медицинское освидѣтельствованіе потерпѣвшихъ, къ разряду легкихъ.

Передъ судебной палатой прошелъ длинный рядъ свидѣтелей, вызванный обвиненіемъ, гражданскимъ истцомъ и защитой.

Судебное слѣдствіе дало очень скудный матеріалъ для выясненія участія въ преступленіи каждаго изъ обвиняемыхъ, но оно съ достаточной яркостью освѣтило тѣ причины и поводы, которые вызвали событіе 1 іюля.

На первомъ планѣ можно поставить безчинства черкесовъ, находившихся въ имѣніи кн. Гагарина.

Передъ судомъ также прошелъ длинный рядъ свидѣтелей, повѣствовавшихъ о жестокостяхъ черкесовъ.

Всѣхъ черкесовъ было три, но ихъ знала вся округа. Вооруженные съ ногъ до головы нагайками, ружьями, револьверами и кинжалами, эти объѣздчики-азіаты держали въ страхѣ всѣ округу.

Передъ судомъ прошли крестьяне не только деревни Волосовки, къ которой принадлежатъ подсудимые, но и другихъ сосѣднихъ деревень, Павелкова, Финяева и др. И всѣ эти люди въ одинъ голосъ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ разсказывали о жестокостяхъ черкесовъ. Черкесы «пороли, стегали народъ безо всякой причины, стрѣляли въ деревнѣ изъ ружей, запарывали крестьянскую скотину».

Свидѣтели приводятъ отдѣльные случаи. Одному старику-крестьянину черкесъ плетью перешибъ руку, у другого запоролъ телку, у третьяго «постегалъ хозяйку», у четвертаго «ни за что отстегалъ мальчика» и т. д., и т. д.

Черкесы не давали никому прохода. Дорога въ церковь пролегала черезъ княжескую усадьбу. И на этой дорогѣ происходили постоянныя столкновенія, такъ что крестьяне стали рѣже въ церковь ходить и даже ходатайствовали о томъ, чтобы ихъ перечислили въ другой приходъ. При встрѣчѣ съ ними крестьяне снимали шапки и величали черкеса «бариномъ» и «высокородіемъ».

Черкесы не оставляли въ покоѣ и женщинъ, и одна крестьянка сама на судѣ разсказала, что была изнасилована черкесами. Дѣло это было передано судебному слѣдователю.

Урядникъ, исправникъ и земскій начальникъ до извѣстной степени подтверждаютъ слова крестьянъ, говоря, что до нихъ доходили свѣдѣнія о безчинствахъ черкесовъ.

По словамъ этихъ свидѣтелей, деревня Волосовка была не хуже другихъ деревень; особой бѣдности не замѣчалось, крестьяне исправно платили повинности и никакой особой преступности не проявляли.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ данныя, обнаруженныя судебнымъ слѣдствіемъ.

Засѣданіе 31 января было цѣликомъ посвящено преніямъ сторонъ.

1 февраля палата объявила приговоръ.

Палата признала наличность признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 264 ст. ул. о нак., и на основаніи этой статьи приговорила 22 подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ каждаго и 2 подсудимыхъ къ 2 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія безъ лишенія правъ.

Одинъ подсудимый оправданъ. Бывшій староста Ефимкинъ за бездѣйствіе власти приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности.

Кромѣ того, палата постановила ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ наказанія первой группѣ подсудимыхъ 2-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ безъ лишенія правъ и 2 подсудимыхъ—мѣсячнымъ

арестомъ. По отношенію къ осужденному Андрею Карнову (сыну убитаго крестьянина) палата постановила ходатайствовать о полномъ помилованіи.

Возстановленіе правъ защиты. 17-го февраля въ уголовномъ касаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената подъ председательствомъ Н. С. Таганцева слушалось дѣло по касасаціонной жалобѣ защитниковъ кр. Семенова—пом. прис. пов. Петрова и прис. пов. Елисѣева на приговоръ с.-петербургскаго окружного суда.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый кр. Семеновъ признанъ виновнымъ и заслуживающимъ снисхожденія въ томъ, что по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію и работѣ онъ тайно похитилъ изъ запертой квартиры имущество на сумму менѣе 300 р. Приговоромъ суда онъ присужденъ къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ безъ лишенія правъ. Семеновъ въ преступленіи своемъ сознался и защитникъ его пом. прис. пов. Петровъ даже отказался отъ допроса свидѣтелей, а въ рѣчи своей указалъ присяжнымъ засѣдателямъ на право ихъ оправдывать подсудимаго даже при наличности сознанія. Здѣсь онъ былъ остановленъ предсѣдательствующимъ Камышанскимъ, заявившимъ, что онъ вводитъ гг. присяжныхъ въ заблужденіе своимъ разъясненіемъ, такъ какъ разъ сознаніе есть и оно не опровергается данными дѣла и не возбуждаются сомнѣнія, что преступленіе совершено именно подсудимымъ и притомъ нѣтъ ни одного изъ законныхъ признаковъ невмѣненія, то присяжные засѣдатели не имѣютъ права оправдывать. Несмотря на это разъясненіе, защитникъ закончилъ свою рѣчь такими словами: «а я все-таки прошу васъ оправдать», за что былъ лишенъ права слова. А когда пытался и послѣ того давать объясненія, то былъ удаленъ изъ зала засѣданія. Мѣсто его по приглашенію предсѣдательствующаго занялъ пр. пов. Елисѣевъ, который просилъ также объ оправданіи подсудимаго. Въ своемъ резюме предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ, что оправданіе при наличности сознанія и отсутствіи законныхъ признаковъ о невмѣненіи было бы съ ихъ стороны беззаконіемъ; ихъ же дѣятельность должна быть также подзаконна, какъ и дѣятельность всякаго судьи. Вотъ этотъ образъ дѣйствій предсѣдательствующаго и сущность его резюме и выдвинулъ въ касаціонной жалобѣ вопросъ о правахъ защиты съ одной стороны и о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать при наличности сознанія съ другой, причемъ касаторы ссылкою на законъ и касаціонную практику доказывали существованіе права у защитника просить объ оправданіи въ такихъ случаяхъ, а также существованіе безконтрольнаго права у присяжныхъ засѣдателей оправдывать.

Для разрѣшенія этихъ двухъ вопросовъ дѣло и было передано на разсмотрѣніе департамента. Послѣ доклада дѣла сенаторомъ В. К. Случевскимъ слово было предоставлено пр. пов. Елисѣеву, который разработалъ вопросъ о правахъ защиты. Затѣмъ вопросъ о правѣ присяжныхъ засѣдателей оправдывать при наличности сознанія былъ подробно разобранъ пр. пов. Карабчевскимъ. Онъ сослался и на мотивы государственнаго совѣта при разсмотрѣніи судебныхъ уставовъ, и на богатую сенатскую практику, и ни въ одномъ изъ этихъ

источниковъ не находилъ того запрещенія требовать у присяжныхъ засѣдателей объ оправданіи сознавшагося преступника, о которомъ говорилъ г. предсѣдательствующій. Прис. пов. Карабчевскій доказывалъ, что нашъ законъ никогда не смотрѣлъ на присяжныхъ засѣдателей, какъ исключительно на судей факта; что имъ предоставлено право разрѣшать вопросъ о виновности и разрѣшать дѣла по совѣсти. Затѣмъ онъ указалъ на полное единодушіе въ этомъ отношеніи всей русской адвокатуры, высказавшейся противъ такого ограниченія правъ защиты и присяжныхъ, и выразилъ сомнѣніе, чтобы отнимаемое у присяжныхъ право могло бы компенсироваться правомъ, установленнымъ послѣднимъ циркуляромъ министра юстиціи, ходатайствовать передъ монаршею властью о помилованіи, ибо вопросъ о невмѣненіи можетъ быть правильно разрѣшенъ только судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу.

Оберъ-прокуроръ Щегловитовъ въ заключеніи своемъ высказался за то, что защита должна быть совершенно свободна въ своемъ словѣ и что она имѣетъ право просить объ оправданіи и при наличности сознанія и при отсутствіи законныхъ признаковъ невмѣненія, тѣмъ болѣе, что этихъ признаковъ совершенно недостаточно. Что же касается предѣловъ полномочій присяжныхъ засѣдателей, то въ отношеніи фактической стороны они полные хозяева дѣла и руководствуются только своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Въ отношеніи же правовыхъ понятій, подлежащихъ ихъ обсужденію, они подчиняются тѣмъ же правиламъ, что и коронные судьи, т.-е. они подзаконны. По всѣмъ этимъ основаніямъ онъ находилъ, что образъ дѣйствія предсѣдательствовавшаго Камышанскаго и преподанныя имъ разъясненія гг. присяжнымъ — совершенно неправильны, и что приговоръ суда и вердиктъ суда подлежатъ кассаціи за нарушеніемъ 611, 612, 745, 746, 801—804 ст. Уст. у. с.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: приговоръ спб. окружного суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей отмѣнить за нарушеніемъ вышеуказанныхъ статей и дѣло передать въ тотъ же судъ въ новомъ составѣ присутствія.

Вакуфный вопросъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, по словамъ «Крымскаго Вѣстника», вновь подняло вопросъ о судьбѣ вакуфныхъ имуществъ. Въ циркулярномъ предложеніи министерства внутреннихъ дѣлъ на имя таврическаго губернатора вакуфный вопросъ передается на разрѣшеніе коммиссіи по татарскому вопросу, которой и придется высказаться по вопросу, не является ли своевременнымъ произвести секуляризацію вакуфовъ, передавъ завѣдываніе этими имуществами въ управленіе государственныхъ имуществъ, по примѣру переданныхъ недавно имуществъ армяно-грегоріанской церкви.

Въ циркулярѣ министерства имѣется ссылка на предположенія, существовавшія по этому поводу въ 1892 г. Тогда проектировалось принять вакуфныя имущества въ завѣдываніе казны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе духовенства и школъ на счетъ суммъ государственнаго казначейства или произвести выкупъ вакуфныхъ имуществъ по капитализаціи существующихъ съ нихъ доходовъ. Пользуясь данными изъ книги Лашкова «Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія», «Крымск. Вѣстникъ» опредѣляетъ самое понятіе

«вакуфъ». Вакуфъ—актъ, которымъ собственникъ изъ вида благостыни и во имя Всевышняго отчуждаетъ и посвящаетъ навѣки въ пользу извѣстнаго учрежденія принадлежащее ему имущество. Разъ установленный вакуфъ становится неотчуждаемымъ и безусловнымъ. Пророкъ сказалъ Омару: «Располагайте этою землею съ благотворительною цѣлью такимъ образомъ, чтобы она не могла быть ни продана, ни подарена, ни обращена въ наслѣдство». Несмотря на такое категорическое запрещеніе, вакуфная коммиссія нерѣдко продаетъ съ торговъ вакуфныя земли. Практика вакуфной коммиссіи основана, по словамъ газеты, на томъ, что наше законодательство о вакуфахъ не вполнѣ согласовано съ ученіемъ о немъ шаріата. Въ то время, когда, согласно шаріату, вакуфное имущество иммобилизируется, т.-е. является неотчуждаемымъ и изъятымъ изъ гражданскаго оборота, по ст. 1.203 и прил. къ ней 1—4, имущество это, хотя и признается неотчуждаемымъ и признается собственностью мусульманскаго духовенства (по ученію шаріата, духовенству принадлежитъ лишь право распоряжаться вакуфными имуществами), но со значительною и важною по послѣдствіямъ своимъ оговоркой: ненужные вакуфы могутъ быть проданы.

Въ Крестецкомъ уѣздѣ. Невеселыя вѣсти идутъ изъ разныхъ концовъ Россіи о положеніи продовольственнаго дѣла и особенно изъ Новгородской губерніи. Такъ, по даннымъ текущей сельскохозяйственной статистики, урожай хлѣбовъ по Крестецкому уѣздѣ оказался, какъ пишутъ «Русскія Вѣдомости», значительно ниже средняго.

Для главныхъ хлѣбовъ урожай этотъ опредѣлился: ржи—въ самъ=2,5, овса—въ самъ=2,5, картофеля—въ самъ=5,2. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и сборъ хлѣбовъ по сравненію съ предшествующими годами оказался далеко не удовлетворяющимъ годовую потребность населенія въ продовольствіи. Въ пополненіе дефицита уѣздный съѣздъ еще передъ началомъ сѣва озимыхъ уже выдалъ 109.293 п. ржи въ ссуду крестьянамъ. Новгородское губернское присутствіе, признавая, что «во всѣхъ уѣздахъ губерніи урожай ржи оказался плохимъ» и что вслѣдствіе этого «возможно ожидать, что отдѣльныя мѣстности губерніи будутъ поставлены въ затруднительное въ продовольственномъ отношеніи положеніе», предложило уѣзднымъ съѣздамъ выяснить общее положеніе населенія по продовольствію. При этомъ губернское присутствіе преподаетъ указаніе, что въ предстоящемъ выясненіи положенія признано безусловно необходимымъ совершенно отказаться отъ опросовъ самаго населенія и «вообще отъ всякихъ такихъ мѣропріятій, которыя могли бы поселить въ немъ ожиданія новой помощи»... Въ виду названнаго запроса уѣздный съѣздъ предложилъ членамъ съѣзда представить свои соображенія по данному предмету. Со стороны земской управы представлена уѣздному съѣзду докладная записка, въ которой на основаніи данныхъ текущей сельскохозяйственной статистики губернскаго земства обстоятельно обрисовано положеніе населенія въ продовольственномъ отношеніи. По этой запискѣ приводится, что годовая потребность крестьянскаго населенія уѣзда въ продовольствіи составляетъ 1.142.625 пуд.,

между тѣмъ на покрытіе этой потребности населеніе имѣетъ: 245.571 п. отъ урожая, 509.685 п. отъ заработковъ и 109.293 п. выданныхъ ссудъ, а всего 864.549 п. Другими словами, населенію не достаетъ на продовольствіе приблизительно 295.099 п. Въ заключеніе своей записки земская управа говоритъ: «Въ виду всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы признаемъ необходимость продовольственной помощи населенія Крестецкаго уѣзда во избѣжаніе не только значительнаго обѣдненія населенія, но и весьма вѣроятныхъ послѣдствій предстоящаго недоѣданія, какъ, напримѣръ, массоваго заболѣванія цынгой, имѣвшаго мѣсто на подобной же почвѣ въ сосѣднемъ Старорусскомъ уѣздѣ въ зиму 1902—1903 года». Уѣздный съѣздъ вынужденъ признать всѣ выгоды докладной записки дѣйствительными, причемъ высказался за продовольственную помощь населенію въ формѣ общественныхъ работъ, для чего постановилъ: «Просить земскую управу доставить весь имѣющійся на этотъ предметъ у нея матеріалъ»... Въ настоящее время земскою управою проектъ общественныхъ работъ уже представленъ, причемъ управа видитъ возможность общественныхъ работъ только по проведенію проселочныхъ дорогъ.

Положеніе кустарей въ Муромскомъ уѣздѣ. Въ сѣверо-восточномъ уголкѣ Муромскаго уѣзда, Влад. губ., пріютилось до десятка деревень, сплошь занятыхъ кустарнымъ производствомъ деревянныхъ сундуковъ. О положеніи этихъ кустарей далеко не утѣшительныя свѣдѣнія приводятъ «Русскія Вѣдомости».

До 700 крестьянъ находятъ себѣ въ этомъ промыслѣ главное пропитаніе. Старинная привычка къ этому занятію, отсутствіе всякихъ другихъ промысловъ, чрезвычайно незначительный земельный надѣлъ (у 47% дворовъ всего по 2—5-ти десятинъ, у 40%—свыше 5-ти дес., а у остальныхъ даже меньше 2-хъ дес. на дворъ) сдѣлали то, что здѣшній крестьянинъ все свое упованіе возлагаетъ на сундучный промыселъ: своего хлѣба не хватаетъ и на 1/3 года, цѣлыхъ 60% сундучниковъ отрываются для полевыхъ работъ всего не больше мѣсяца, а 10% не отрываются совсѣмъ и работаютъ круглый годъ. Ужасный процентъ безлошадныхъ дворовъ—55,7%—дополняетъ картину полнаго упадка земельнаго хозяйства въ этомъ уголкѣ. Существованіе промысла вполнѣ надежно, такъ какъ до сихъ поръ примѣненіе машинъ къ этому производству не дало никакого успѣха; сбытъ сундуковъ годъ-отъ-года все увеличивается, такъ что судьба этихъ кустарей, казалось бы, должна быть вполнѣ обезпечена. Но въ позапрошломъ году сундучникамъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ: всѣ мѣстные скупщики сговорились на нижегородской ярмаркѣ и сразу понизили расцѣнку почти вдвое: вмѣсто прежняго годового заработка въ 180—200 р., второй годъ сундучникъ не зарабатываетъ и 90—100 р. Этотъ ударъ былъ такъ неожиданъ, что кустари не имѣли даже возможности подготовиться къ нему: «Годъ-отъ-года народъ все злѣе сталъ», говорятъ они. Ни бросить промыселъ, ни заняться чѣмъ-нибудь другимъ сразу нѣтъ никакой возможности. Кустари начинаютъ проживать то, что накопили раньше. До 1/4 всѣхъ рабочихъ имѣли въ нынѣшнемъ году въ разсчетныхъ книжкахъ «переборъ», т.-е.

остались должны хозяевамъ по нѣскольку десятковъ рублей. У одного, напримѣръ, этотъ долгъ возросъ до 150 р. Хозяинъ въ обезпеченіе взялъ себѣ страховой полисъ на избу должника. Отъ прежняго обезпеченнаго житья остаются теперь одни воспоминанія. А прежде жили хорошо, такъ какъ зарабатывали достаточно: «ѣли и мясо, и пшеничный хлѣбъ». Теперь уже и чай перестаютъ пить нѣкоторые; кустари жалуются на недостатокъ во всемъ: «Когда который и выпьетъ съ горя,—того не хватаетъ, другого не хватаетъ!» Единственнымъ выходомъ изъ этого печальнаго положенія, по мнѣнію кустарей, является образованіе артелей. Уже годъ тому назадъ одна такая артель и стала организовываться. Самымъ большимъ препятствіемъ для артельнаго дѣла въ этомъ производствѣ является необходимость въ большомъ капиталѣ для закупки лѣса. Естественно, что крестьяне обратились за деньгами къ земству. Въ нынѣшнемъ году собралась другая артель, тоже человѣкъ въ 70, и также обратилась къ губернскому земству за ссудой капитала: первая артель — въ 25 тыс. руб., вторая — въ 30 тыс. Есть всѣ данныя за то, что дѣла артели пошли бы болѣе или менѣе хорошо. Это предугадываютъ и сами хозяева-скупщики, такъ какъ съ первыхъ же шаговъ подготовительныхъ дѣйствій къ образованію артели они стали ставить этому дѣлу всевозможныя препятствія. Такъ, къ главному организатору артели явился однажды сотскій отъ волостнаго старшины и сталъ его запугивать: «Что ты бунтуешь народъ?» Когда прошлогоднее губернское земское собраніе переправило ходатайство о деньгахъ вновь образующейся артели для отзыва въ уѣздное собраніе, то этотъ отзывъ былъ составленъ въ управѣ «спеціалистомъ по сундучному производству», однимъ изъ гласныхъ, хозяиномъ-скупщикомъ сундучнаго дѣла, который выразился, что «артель не сможетъ продолжать дѣла». Однимъ словомъ, хозяева-скупщики дѣлали все возможное, чтобы помѣшать артели соединиться. Они даже стали отказывать въ работѣ тѣмъ кустарямъ, что̀ подписались подъ артельнымъ договоромъ: «прижимали артельщиковъ, — ступай, куда хочешь». Одинъ, напр., артельщикъ дошелъ въ нуждѣ до того, что «въ ногахъ валялся у хозяина-скупщика, потомъ пошелъ къ старшинѣ и у него въ ногахъ валялся: «ни ѣсть не даютъ, ни свѣту». Другихъ хозяева притѣсняли въ разсчетахъ: «ни денегъ не даютъ, ни муки не даютъ». Любопытно, что всѣ сильные деревенскаго міра всячески старались очернить артельное начинаніе предъ пріѣхавшими для изслѣдованія лицами изъ губернскаго земства. Многіе изъ подписавшихъ артельный договоръ боялись даже идти на опросъ, чтобы потомъ хозяева не зачли имъ этого въ вину. Губернское земское собраніе истекшей сессіи отказало въ ссудѣ и той, и другой артели на томъ основаніи, что нѣтъ достаточныхъ гарантій въ исправной уплатѣ со стороны артельщиковъ столь большой ссуды. Такимъ образомъ, сундучники оставлены попрежнему на произволъ судьбы, и трудно сказать, что̀ станется съ несчастными кустарями, отданными въ руки сплотившихся хозяевъ-кулаковъ.

Отхожіе промыслы въ Ярославской губерніи. На-дняхъ появилась въ «Вѣстникѣ Ярославскаго Земства» работа г. Воробьева объ отхо-

жихъ промыслахъ въ Ярославской губерніи, которая представляетъ большой интересъ для выясненія вопроса о роли этихъ промысловъ въ жизни русской деревни.

Ярославская губернія уже издавна высылала во всѣ концы Россіи крестьянъ-промышленниковъ; еще 100 лѣтъ тому назадъ въ губерніи ежегодно выдавалось до 65.000 паспортовъ, что составляетъ 9% всего живущаго въ ней населенія. Въ 1901 г. число выданныхъ паспортовъ достигло 201.000 и въ 1902 г.—202.000; по отношенію ко всему населенію уходящіе на заработки составляютъ такимъ образомъ уже 20—21%.

За пятилѣтіе 1897—1902 гг. ростъ отхода значительно опередилъ ростъ населенія. Изученіе отхода по отдѣльнымъ категоріямъ показываетъ, что мужской отходъ возросъ слабо, а въ 1899 г. даже рѣзко понизился вслѣдствіе введенія въ Петербургѣ винной монополіи. Женскій отходъ, наоборотъ, увеличился за шестилѣтіе на 18,8%; правда, около 1/3 отлучающихся по паспортамъ женщинъ не преслѣдуютъ промышленныхъ цѣлей (отправляющіяся на побывку къ мужьямъ, на богомолье), тѣмъ не менѣе возрастаніе женскаго отхода свидѣтельствуетъ о томъ, что современныя условія деревенской жизни заставляютъ женщинъ уходить въ города. Но еще сильнѣе возросъ семейный отходъ: въ 1897 г. было выдано 9.389 семейныхъ паспортовъ, а въ 1901 г. ихъ уже было—17.308, въ 1902 г.—15.014; семейный же отходъ «въ большинствѣ случаевъ свидѣтельствуетъ о полной оторванности промышленниковъ отъ земледѣлія». Чтобы выяснить степень распространенія отхожихъ промысловъ въ Ярославской губерніи, достаточно сказать, что на 100 дворовъ приходится 110 паспортовъ (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—до 140), другими словами, въ настоящее время въ губерніи нѣтъ ни одного крестьянскаго двора, который не бралъ бы паспорта на отлучку кого-либо изъ своихъ членовъ. Общее число отлучившихся по паспортамъ въ 1901 г. составляетъ 235.735 человѣкъ, въ томъ числѣ мужчинъ—172.864 и женщинъ—62.871. Чтобы выйти въ люди, ярославецъ-отхожій промышленникъ съ дѣтства проходитъ тяжелую школу въ «мальчикахъ» и «ученикахъ». Въ 1901 г. ушло на заработки свыше 6.700 дѣтей обоего пола до 14-ти лѣтъ. Наиболѣе распространенъ какъ среди мужчинъ, такъ и женщинъ, конечно, отходъ людей въ возрастѣ 21—30-ти лѣтъ. При этомъ наблюдается очень интересный фактъ: въ женскомъ отхожемъ населеніи старшія возрастныя группы представлены значительно сильнѣе, чѣмъ въ мужскомъ. Объясняется это, главнымъ образомъ, значительнымъ преобладаніемъ въ старческомъ возрастѣ вдовъ, которыя по существующимъ мірскимъ распорядкамъ обыкновенно со смертью мужей лишаются ихъ надѣловъ и потому вынуждаются покинуть деревню. Еще интереснѣе результаты сопоставленія возраста уходящихъ съ соотвѣтствующими возрастными группами всего населенія. Оказывается, что въ возрастѣ 18—20 лѣтъ почти 3/4 (73%) мужского населенія деревни отсутствуетъ. Неудивительно поэтому, что отхожіе промышленники вступаютъ въ бракъ значительно позже остающагося въ деревнѣ населенія. Мы не станемъ подробно останавливаться на распредѣленіи отхожихъ промышленниковъ по отдѣльнымъ занятіямъ. Достаточно сказать,

что ярославцы представлены чуть ли не во всѣхъ отрасляхъ. Наибольшее ихъ число занято въ обрабатывающей промышленности (30%) и въ торговлѣ (26,2); вмѣстѣ съ трактирщиками число торговцевъ возрастаетъ до 31,9%. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ излюбленный ярославцами торговый промыселъ привлекаетъ къ себѣ свыше половины всѣхъ уходящихъ изъ деревни; однихъ трактирщиковъ даетъ губернія свыше 16.000 человѣкъ. Разумѣется, точно учесть распредѣленіе отхожихъ промышленниковъ по занятіямъ крайне трудно, потому что наиболѣе интеллигентные слои крестьянства, получивъ среднее или высшее образованіе, выходили изъ крестьянскаго сословія и потому въ подсчетъ не попадаютъ. По соціально-экономическому положенію отхожіе промышленники-мужчины распредѣляются слѣдующимъ образомъ: хозяевъ-предпринимателей—4,5, одиночекъ—2,5 и рабочихъ по найму—93,0. Такимъ образомъ только немногимъ—4 или 5 на 100—удается пробиться въ ряды хозяевъ, огромное же большинство остается въ наемныхъ рабочихъ. Разумѣется, и здѣсь наиболѣе преуспѣвшіе хозяева, завоевавъ прочное положеніе среди городской буржуазіи, приписываются къ городскимъ сословіямъ и такимъ образомъ ускользаютъ отъ подсчета. Р. Воробьевъ перечисляетъ рядъ громкихъ купеческихъ фирмъ, выросшихъ изъ отхожихъ промышленниковъ-крестьянъ Ярославской губерніи. Но если огромное большинство отхоже-промышленниковъ и остается въ группѣ наемныхъ рабочихъ, то тѣмъ не менѣе значеніе отхода для крестьянскаго населенія огромное. Изъ произведеннаго разспроса выяснилось, что хотя отхожіе промышленники выбираютъ краткосрочные (до одного года) паспорты, но въ дѣйствительноети отходъ сопровождается большимъ постоянствомъ, средняя продолжительность отхода по разнымъ промысламъ составляетъ у мужчинъ отъ 10-ти до 13-ти лѣтъ. Вполнѣ естественно, что параллельно съ этой устойчивостью занятій оторванность отхожихъ промышленниковъ отъ земледѣльческаго хозяйства должна была достигнуть очень сильной степени: и дѣйствительно, совсѣмъ не возвращаются на сельскія работы среди мужчинъ 75,3%, и женщинъ—73,9%, возвращаются на всѣ работы 12,6 и 17,2%, на часть работъ—12,1 и 8,9%. Степень этой оторванности, какъ оказывается, находится въ нѣкоторой зависимости отъ возраста отхожаго промышленника,—въ началѣ своей карьеры онъ менѣе связанъ съ деревней, чѣмъ въ позднѣйшіе годы, но даже въ наиболѣе цвѣтущемъ возрастѣ (20—40 лѣтъ) около $^3/_4$ отхожихъ промышленниковъ не возвращаются на сельскія работы. Вообще говоря, больше половины мужскихъ рабочихъ силъ деревни вовсе не прилагаются къ земледѣльческому хозяйству, въ нѣкоторыхъ же уѣздахъ до $^3/_4$ взрослаго мужского населенія отрываются отъ него. Не трудно понять, что отходъ долженъ крайне неблагопріятно отзываться на мѣстномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ,—лучшія силы уходятъ, и вся отвѣтственная работа падаетъ на женщину. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ уѣздахъ съ наиболѣе развитымъ отходомъ, какъ въ Угличскомъ и Рыбинскомъ, наблюдается значительное сокращеніе запашки, масса запущенныхъ полосъ, поросшихъ даже лѣсомъ. Земледѣльческое хозяйство ведется здѣсь почти исключительно продовольственное. Но, отрывая значительныя силы отъ деревни, отходъ въ то же

время служитъ главнымъ подспорьемъ крестьянскому хозяйству: «Безъ тѣхъ средствъ, которыя даетъ отходъ крестьянину, хозяйство послѣдняго постепенно бы разрушалось».

«Какое огромное экономическое значеніе имѣютъ отхожіе промыслы для крестьянства Ярославской губерніи,—говорятъ «Рус. Вѣдомости», показываютъ слѣдующія данныя. По подворной переписи Мышкинскаго у. мѣсячный заработокъ промышленника опредѣлился въ $15,_5$ руб., а средняя продолжительность работы въ году—въ 10 мѣсяцевъ. Слѣдовательно, годовой заработокъ его составляетъ 155 руб.; если допустить, что только половина этого заработка попадаетъ въ деревню, то и тогда окажется, что 160.000 промышленниковъ-мужчинъ приносятъ и присылаютъ въ деревню не менѣе 12—13-ти милл. рублей; въ дѣйствительности,—полагаетъ г. Воробьевъ, въ деревню попадаетъ до $^2/_3$ заработка, т. е. до 16-ти милл. руб. Между тѣмъ, судя по оцѣночнымъ работамъ, чистая доходность крестьянскихъ земель не превышаетъ 4-хъ руб. на среднюю десятину безъ различія угодій, и такъ какъ площадь крестьянскаго землевладѣнія, надѣльнаго и купчаго, равняется приблизительно 2-мъ милл. десятинъ, то весь чистый земельный доходъ ярославскаго крестьянства составитъ 8 милл. руб. Другими словами, отхожіе промыслы даютъ крестьянству въ $1^1/_2$—2 раза больше, чѣмъ вся его земля. Косвеннымъ подтвержденемъ роли промысловъ для хозяйства служитъ фактъ, что къ началу 1903 г. ярославскіе крестьяне имѣли 628 тыс. дес. купчей земли. Но отходъ оказываетъ огромное вліяніе и на культурное развитіе населенія. Съ одной стороны, необходимость вооружить себя для городской конкуренціи, съ другой — сама жизнь въ городскихъ центрахъ привели къ тому, что населеніе, занятое отхожими промыслами, несравненно грамотнѣе остального населенія деревни,—въ полтора и даже въ два раза. Среди ярославцевъ, живущихъ въ Петербургѣ и Москвѣ, по многимъ профессіямъ грамотные составляютъ отъ 85-ти до 98%. Въ виду такихъ данныхъ, «едва ли можетъ подлежать сомнѣнію огромное вліяніе отхожихъ промысловъ на культурный и экономическій уровень сельскаго населенія». Конечно, въ Ярославской губерніи роль этихъ промысловъ такъ велика потому, что размѣры отхода очень значительны. Но не надо думать, чтобы Ярославская губернія составляла единственное въ Россіи исключеніе. По даннымъ середины 90-хъ годовъ, губерніи Рязанская, Калужская и Тверская отличались еще болѣе развитымъ отходомъ, чѣмъ Ярославская».

За мѣсяцъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ и управляющіе министерствами юстиціи и народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, на основаніи примѣчанія къ статьѣ 148 устава о цензурѣ и печати, св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 3-го февраля опредѣлили: прекратить вовсе изданіе выходящаго въ свѣтъ въ городѣ Тифлисѣ журнала на грузинскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Квали», съ приложеніемъ «Джеджили».

— На основаніи статьи 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ 3-го февраля опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Вѣстникъ Юга» на шесть мѣсяцевъ.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 7-го февр. опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Уралецъ» на три мѣсяца.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: 8-го февр. вновь допустить розничную продажу нумеровъ «Петербургской Газеты», воспрещенную распоряженіемъ отъ 28-го января текущаго года.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 14-го февр. опредѣлилъ: пріостановить изданіе журнала «Юго-Западная Недѣля» на восемь мѣсяцевъ.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 года, министръ внутреннихъ дѣлъ 14-го февр. опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Енисей» на три мѣсяца.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ, ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему миру, Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ Правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими Имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего, извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіею.

Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, Японское Правительство отдало приказъ своимъ миноносцамъ внезапно аттаковать Нашу эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артура.

По полученіи о семъ донесенія Намѣстника Нашего на Дальнемъ Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи.

Объявляя о таковомъ рѣшеніи Нашемъ, Мы съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ въ двадцать седьмый день Января въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Б. Н. Чичеринъ (некрологъ). Скончавшійся 3-го февраля Борисъ Николаевичъ Чичеринъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, происходящему отъ выѣхавшаго изъ Италіи въ свитѣ Софіи Палеологъ, въ 1472 г., Аѳанасія Чичерни, принявшаго затѣмъ фамилію Чичерина. Б. Н. родился въ 1828 г., получилъ хорошее домашнее образованіе, окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1848 г. Съ 1861 по 1868 г. занималъ каѳедру государственнаго права въ московскомъ университетѣ (до 1866 г. былъ исправляющимъ должность экстраординарнаго, а съ этого года ординарнымъ профессоромъ), но въ 1868 году вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи въ Кирсановскомъ у. Тамбовской губ., занимаясь научными трудами и въ то же время принимая дѣятельное участіе въ работахъ тамбовскаго земства въ качествѣ гласнаго. Въ самомъ концѣ 1881 г. Б. Н. былъ избранъ московскимъ городскимъ головою, но уже въ 1883 г. по независящимъ отъ него обстоятельствамъ долженъ былъ оставить эту должность и съ тѣхъ поръ отдался исключительно научной и литературной дѣятельности. Первые ученые труды Б. Н., сразу создавшіе ему извѣстность, относились къ области исторіи русскаго права: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.» (1856 г.), «Опыты по исторіи русскаго права» (1858). Въ этихъ раннихъ трудахъ уже сказались многія особенности Б. Н., глубокая эрудиція и стремленіе къ синтезу, къ широкимъ обобщеніямъ. Почти одновременно съ тѣмъ Б. Н. началъ писать и по другимъ вопросамъ и напечаталъ рядъ очерковъ по государственному праву и публицистическихъ статей. Эти статьи и очерки вошли въ сборники: «Очерки Англіи и Франціи» (1858) и «Нѣсколько современныхъ вопросовъ» (1862 г.). Затѣмъ наступилъ самый плодотворный періодъ дѣятельности. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ имъ издана капитальная книга «О народномъ представительствѣ» (1-е изд. 1866 г., 2-е изд. 1899 г.), до сихъ поръ сохранившая большое научное значеніе, а въ 1868 г. сталъ выходить въ свѣтъ капитальный трудъ Б. Н. «Исторія политическихъ ученій». Этотъ трудъ вышелъ въ 5-ти томахъ и по обстоятельности и точности, съ какою переданы ученія различныхъ мыслителей, начиная съ философовъ древней Греціи и кончая публицистами XIX в., представляетъ выдающееся явленіе въ

литературѣ. Изъ позднѣйшихъ трудовъ Б. Н. отмѣтимъ болѣе крупные. Результатомъ преподавательской дѣятельности Б. Н. явился обширный «Курсъ государственной науки», изданный въ трехъ томахъ много лѣтъ спустя по оставленіи имъ каѳедры, въ 1894—1900 гг., «Наука и религія» (1879 г.), «Русскій дилетантизмъ и общинное землевладѣніе» (1878 г.; написано въ сотрудничествѣ съ В. И. Герье), «Мистицизмъ въ наукѣ» (1880 г.; критика взглядовъ Вл. С. Соловьева), «Собственность и государство» (1882—1883 гг.), «Философія права» (1901 г.), «Наука и религія», «Основанія логики и метафизики» (1894 г.), «Вопросы политики» (1903 г.), «Положительная философія и единство науки» и т. д. Одинъ этотъ неполный перечень произведеній Б. Н. показываетъ, насколько продуктивна была его ученая дѣятельность и какъ широкъ былъ кругъ его умственныхъ интересовъ. Но количествомъ изданныхъ трудовъ отнюдь нельзя измѣрять значенія научной дѣятельности Б. Н. Каждый его трудъ представляетъ крупный вкладъ въ науку. Важнаго значенія этихъ трудовъ не отрицали даже принципіальные противники покойнаго. Въ 1900 году докторъ государственнаго права Б. Н. Чичеринъ былъ избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета.

Къ этой краткой характеристикѣ трудовой жизни покойнаго позволимъ себѣ добавить нравственную характеристику, прекрасно очерчивающую цѣльную личность Чичерина, принадлежащую А. Ѳ. Кони. Вотъ что говоритъ онъ въ своей статьѣ въ журн. «Право»:

«Не признавая обычной у насъ и странной поговорки «*господинъ своего слова*, онъ былъ всегда и во всемъ рабомъ своего слова, простирая этотъ взглядъ и на свои убѣжденія, плодъ безкорыстной думы и долгаго наблюденія. Поэтому въ современномъ обществѣ, гдѣ подчасъ громко и развязно проповѣдуется полезность измѣны убѣжденіямъ «примѣнительно къ обстоятельствамъ» и забвеніе коренного различія между непоколебимостью *убѣжденій* и создаваемою житейскимъ опытомъ измѣнчивостью *мнѣнія* объ условіяхъ наилучшаго и цѣлесообразнаго проведенія убѣжденія въ жизнь,—Чичеринъ непріятно поражалъ многихъ своею прямолинейностью и неуступчивостью. Благородный слуга своихъ убѣжденій, онъ не поступался ими ни въ какомъ случаѣ, не допуская ни колебаній, ни «приспособленій». Достаточно указать на уходъ его изъ «Русскаго Вѣстника» въ разгарѣ славы и вліянія этого журнала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ или на оставленіе имъ въ 1868 г., съ болью отъ незажившей до смерти раны, дорогого ему университета, во имя вопроса, касавшагося достоинства профессорской коллегіи... Эта неуступчивость не мѣшала ему, однако, уважать тѣхъ противниковъ, въ возраженіяхъ которыхъ ему слышалась искренность и отсутствіе своекорыстныхъ цѣлей; она дѣлала споръ съ нимъ всегда серьезнымъ, поучительнымъ и полнымъ интереса, а внутренній жаръ, проникавшій его блестящую, богатую содержаніемъ рѣчь, вмѣстѣ съ лучистымъ взглядомъ его прекрасныхъ, добрыхъ глазъ, заставлялъ выносить изъ бесѣды съ нимъ духовное наслажденіе».

Профессоръ Ѳ. Ѳ. Петрушевскій (некрологъ). 17-го февраля, въ 12 часовъ дня, послѣ продолжительной болѣзни скончался заслуженный професоръ Спб. университета, основатель и почетный предсѣдатель физическаго отдѣленія русскаго физико-химическаго общества, *Ѳедоръ Ѳомичъ Петрушевскій*. Ѳедоръ Ѳомичъ родился въ 1828 г. Въ 1851 г. онъ кончилъ курсъ Спб. университета, непосредственно послѣ чего и началась его научно-педагогическая дѣятельность сначала въ качествѣ преподавателя гимназіи, а затѣмъ профессора университета. Ученикъ знаменитаго ученаго Э. X. Ленца, Ѳедоръ Ѳомичъ безгранично уважалъ науку, и какъ человѣкъ глубоко убѣжденный требовалъ такого же уваженія къ ней и отъ другихъ, но воспитанный на высокихъ идеалахъ лучшихъ людей 40-хъ годовъ Ѳ. Ѳ. къ самой наукѣ и къ представителямъ ея предъявлялъ строгія нравственныя требованія. Въ его идеалахъ университетъ долженъ былъ быть не только высшимъ ученымъ учрежденіемъ, но и учрежденіемъ высоко-моральнымъ. Вѣрный своимъ принципамъ, онъ не шелъ никогда на компромисы. Ѳ. Ѳ. читалъ въ университетѣ, начиная съ 1862 г., прекративъ чтеніе лекцій лишь за немного лѣтъ до смерти. Почти всѣ теперешніе професора физики петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній являются его учениками. Въ его дѣятельности, какъ университетскаго преподавателя, прежде всего надо отмѣтить то, что онъ впервые открылъ для студентовъ двери лабораторіи. Онъ первый въ Россіи, среди немногихъ въ Европѣ, устроилъ практическія занятія, и его же трудами былъ созданъ физическій кабинетъ, лишь недавно замѣненный новымъ физическимъ институтомъ. Его мечтой было дождаться того дня, когда русскій университетъ станетъ автономнымъ. Его курсъ физики, написанный въ началѣ 70-хъ годовъ, былъ первымъ большимъ курсомъ въ Россіи, и не мало поколѣній училось по этой книгѣ.

Послѣдніе четыре года, не читая лекцій, Ѳ. Ѳ. тѣмъ не менѣе продолжалъ свою дѣятельность въ университетѣ въ качествѣ предсѣдателя физическаго отдѣленія Р. Ф.-Х. О. и постоянно участвовалъ въ засѣданіяхъ факультета. Осенью 1901 г. былъ изобранъ почетнымъ предсѣдателемъ Физ. отд. Р. Ф.-Х. О. и еще за три дня до смерти просилъ извѣщать его о всѣхъ важныхъ постановленіяхъ отдѣленія.

Ученыя работы Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго тянутся на протяженіи болѣе 35 лѣтъ отъ 1853 до 1890 года. Съ 1891 г. Ѳедоръ Ѳомичъ участвовалъ въ редакціи «Энциклопедическаго Словаря». Кромѣ своей любимой науки физики Ѳ. Ѳ. не мало времени посвящалъ живописи. Многочисленные картины и этюды, принадлежащіе его кисти, свидѣтельствуютъ о его глубокомъ знаніи и пониманіи искусства.

КЪ ИСТОРІИ ЗАКОНА 1893 г.

(Письмо изъ Екатеринославской губерніи).

Законъ 8-го іюня 1893 г., представляющій для Россіи первую правильно поставленную попытку слѣдовать системѣ подоходныхъ налоговъ, все больше

и больше уходить въ «какую-то невѣдомую даль». А работа организованныхъ для осуществленія этого закона земскихъ оцѣночно-статистическихъ бюро за послѣднія 5—6 лѣтъ обратилась въ своего рода скачки съ препятствіями. Были и есть препятствія, такъ сказать, домашнія, извѣстныя подъ названіемъ «статистическихъ конфликтовъ»; были и есть препятствія общія—вспомнимъ хотя бы состоявшееся въ 1902 году распоряженіе временно прекратить оцѣночное обслѣдованіе. Во всякомъ случаѣ законъ 8-го іюня уже отпраздновалъ первое десятилѣтіе своего строго и исключительно бумажнаго существованія. Дѣятельность же оцѣночныхъ бюро находится нынѣ въ состояніи неопредѣленномъ и мало извѣстномъ.

Въ настоящее время было бы слишкомъ смѣло утверждать, что постановка екатеринославскаго оцѣночнаго бюро характерна для всего земскаго оцѣночнаго дѣла. По всей вѣроятности, она не такъ ужъ характерна. Быть можетъ, правильнѣе—и несомнѣнно пріятнѣе—думать, что здѣшнее бюро лишь случайный мазокъ на общей картинѣ. Но даже какъ случайный мазокъ, екатеринославская оцѣночная статистика представляетъ нѣкоторый интересъ—по крайней мѣрѣ настолько, чтобъ ей посвятить нѣсколько строкъ.

Необходимо замѣтить, что теперешняя екатеринославская губернская земская управа, перестроившая оцѣночное дѣло наново, во главѣ съ предсѣдателемъ М. В. Родзянкомъ, является типичной выразительницей тѣхъ вѣяній, какія установились съ 12-го іюня 1890 г., когда, въ разсужденіи земства, былъ сдѣланъ окончательно первый полуоборотъ—«къ варягамъ спиной, лицомъ къ обдорамъ». Обдорское вліяніе сказывается на всемъ, начиная съ исключительно слабаго интереса къ народной школѣ (при довольно щедрыхъ ассигновкахъ на училища среднія и высшія) и кончая мостами, которые строятся капитально, но въ достаточной мѣрѣ случайно. Прежнею управою—«варяжскаго» типа—было произведено спеціальное изслѣдованіе о губернскихъ дорожныхъ нуждахъ, предполагалось въ области дорожныхъ сооруженій работать планомѣрно, соблюдая извѣстную очередь и послѣдовательность. Нынѣшняя—обдорская—управа просто строитъ, вызывая восторженные отзывы у своихъ единомышленниковъ.

— Вотъ видите,—говорятъ единомышленники,—прежде только разговоры разговаривали, а теперь дѣло дѣлаютъ...

И дѣйствительно дѣлаютъ, т.-е. исполняютъ нѣкоторые, наиболѣе по сердцу пришедшіеся, планы бывшихъ дѣятелей, всячески избѣгая обслѣдованій и общихъ соображеній.

Съ другой стороны, нынѣшняя управа сумѣла исполнить то, чего ея предшественники не могли осуществить. Достаточно указать на санитарную организацію, проектъ которой раньше систематически отклонялся собраніемъ. Но г. Родзянку та же самая организація была разрѣшена почти безъ преній. Любопытное, однако, обстоятельство случайно обнаружилось лѣтомъ 1903 года. Въ Славяносербскомъ у., въ экономіи крупнаго землевладѣльца, г. Булацеля, вспыхнула эпидемія тифа. Уѣздные врачи нашли, что содержаніе рабочихъ въ этой экономіи угрожаетъ общественному здравію, и потребовали улучшеній.

Укомплектованное же г. Родзянкомъ санитарное бюро признало требованія врачей, во-первыхъ, основанными якобы на ошибочномъ діагнозѣ *) и, во-вторыхъ, излишними. Одинъ изъ дѣятелей санитарнаго бюро въ уѣздномъ врачебномъ совѣтѣ утверждалъ даже, что грязныя корыта, изъ которыхъ кормятъ рабочихъ, онъ разсматриваетъ, какъ многогранную посуду, и что эмалированныя чашки, которыхъ требовали уѣздные врачи,—«декадентщина», ибо вызываютъ у простонародья отвращеніе...

Повидимому, предсѣдатель нынѣшней управы имѣетъ полное основаніе сказать:

— Мой предшественникъ только и могъ, что намѣчать. А я привожу въ исполненіе, и мнѣ это ничего не стоитъ, потому что пользуюсь большимъ довѣріемъ гг. землевладѣльцевъ вообще и дворянъ въ частности.

И это правда: г. Родзянко пользуется громаднымъ довѣріемъ крупныхъ землевладѣльцевъ и дворянъ.

Ставъ «къ варягамъ спиной, лицомъ повернувшись къ обдорамъ», отъ гласности надо прятаться. Дѣствительно, г. Родзянко и его управа живутъ въ глубокомъ раздорѣ съ печатью. Екатеринославскія газеты, повидимому, это «поняли», и потому въ нихъ сколько-нибудь серьезная критическая статья о дѣятельности губернскаго земства сдѣлалась большой рѣдкостью. Въ послѣднее время исчезли не только статьи, но даже замѣтки, сколько-нибудь намекающія на неблагополучіе въ губернской управѣ. Печатается лишь то, отъ чего г. Родзянку, если онъ походитъ на всѣхъ прочихъ людей, должно быть очень пріятно—по крайней мѣрѣ, какъ завоевателю, къ ногамъ котораго поверженъ газетный врагъ и супостатъ. Тѣмъ не менѣе г. Родзянко на лаврахъ не почіетъ и продолжаетъ чутко стоять на стражѣ интересовъ безгласности. Простой рабочій земской типографіи—нѣкто г. Цорнъ—былъ тотчасъ уволенъ, какъ только стало извѣстно, что онъ сотрудничаетъ въ журналѣ «Наборщикъ». И эту причину членъ управы совершенно откровенно объяснилъ г. Цорну:

— Намъ корреспондентовъ не нужно...

Замѣчу кстати, что г. Цорнъ ничего «обличительнаго» о земствѣ не писалъ. И его уволили, такъ сказать, авансомъ, въ интересахъ управской безопасности... Словомъ, газетная «критика», за ея неудобствомъ, въ мѣстной печати упразднена. А противъ печати иногородней принимаются мѣры.

Попытки къ устной «критикѣ» вначалѣ дѣлались. Въ 1901 г. на очередномъ губернскомъ собраніи съ нѣсколькими замѣчаніями—какъ разъ по поводу доклада объ оцѣночныхъ работахъ—выступилъ было гласный Вл. И. Карповъ. Г. Карповъ настаивалъ «на необходимости передать докладъ въ коммиссію, которая ...и разъяснила бы собранію истинное положеніе оцѣночно-статистическаго дѣла и въ какихъ рукахъ оно находится»... Почему г. Род-

*) Это призналъ главный санитарный врачъ, г. Бутаковъ, не видѣвъ (какъ выяснилось изъ газетной полемики г. Бутакова съ уѣздными врачами) ни одного больного, по однимъ лишь разсказамъ служащаго въ экономіи ветеринарнаго фельдшера.

зянко пожелалъ уклониться отъ разъясненій коммиссіи—это, конечно, его секретъ. Только онъ отвѣтилъ «критику» очень громко (даже слишкомъ громко), стуча кулакомъ по пюпитру:

«— Владиміръ И. Карповъ высказываетъ подозрѣніе въ томъ, что... дѣло (оцѣночное) находится въ неумѣлыхъ рукахъ. Заявляю, что это ложь и неправда» *).

Г. Карповъ поспѣшилъ уйти, собраніе же «выразило предсѣдателю управы полнѣйшее и самое глубокое довѣріе и... двукратно сочувствіе шумными апплодисментами» **).

Справедливость требуетъ сказать, что «двукратно выражали сочувствіе шумными апплодисментами» все-таки не всѣ гласные. А нѣкоторыхъ послѣ «двукратныхъ апплодисментовъ», какъ бы въ отвѣтъ на слова: «ложь и неправда», въ губернскомъ собраніи уже не видѣли ***). Да и оно понятно. Устроивъ при такихъ обстоятельствахъ г. Родзянку тріумфъ, собраніе eo ipso установило порядокъ, при которомъ гласный, если онъ сочтетъ своею обязанностью «критиковать» управу, долженъ предварительно запастись секундантами и написать духовное завѣщаніе или, по крайней мѣрѣ, переговорить съ адвокатомъ. Зато послѣ отповѣди, какую получилъ г. Карповъ, губернскія собранія стали походить на сплошное тріумфальное шествіе. Строго говоря, всѣ засѣданія свелись къ «шумнымъ апплодисментамъ» управѣ in corpore и г. Родзянку въ особенности. Нѣкоторое подобіе диссонанса внесъ было въ 1903 г. членъ управы г. Кисличный своимъ докладомъ, съ которымъ, однако, случилось нѣчто небывалое въ земскихъ лѣтописяхъ. Собраніе даже не подозрѣвало еще, что докладъ Кисличнаго существуетъ, а ужъ онъ оказался переданнымъ какой-то коммиссіи, которую губернскій предводитель дворянства, г. Миклашевскій, составилъ изъ членовъ ревизіонной и редакціонной коммиссій, и въ которую тотъ же г. Миклашевскій пригласилъ по собственному выбору нѣкоего г. Гана, а самого себя назначилъ предсѣдателемъ. Конечно, распространились слухи о необыкновенно таинственныхъ ночныхъ засѣданіяхъ необыкновенной коммиссіи, о которой собранію ничего неизвѣстно. Наконецъ, корреспонденты узнали, въ чемъ, приблизительно, дѣло, и одновременно въ «Новомъ Времени» и въ «Одесскихъ Новостяхъ» появились телеграммы, что въ собраніе поступилъ докладъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ г. Родзянка и погрѣшностяхъ денежнаго отчета. Немедленно корреспондентъ «Новаго Времени», присутствовавшій все время въ публикѣ, былъ предсѣдателемъ собранія — и самоучрежденной коммиссіи,—г. Миклашевскимъ удаленъ изъ зала. И этотъ актъ собраніе привѣтствовало шумными апплодисментами. И по какой-то странной и непонятной причинѣ никто изъ гласныхъ не догадался спросить: «Изъ-за чего, собственно, власть предсѣдателя по отношенію къ публикѣ превышается?» Почему о существованіи доклада собраніе узнаетъ лишь изъ

*) „Постановленія“ 1901 г., стр. 105.

**) Ibid. стр. 106.

***) Напр., глас. М. М. Алексѣенка. (Попечитель харьковскаго учебнаго округа).

«Новаго Времени»? Какъ могъ докладъ, неизвѣстный собранію, попасть въ столь же неизвѣстную коммиссію? Кѣмъ въ данномъ случа нарушенъ обыч ай и законъ?

Впрочемъ, память объ участи гл. Вл. И. Карпова еще слишкомъ жива. Вслѣдъ за изгнаніемъ корреспондента выступилъ предсѣдатель ревизіонн о коммиссіи, г. Бродницкій, который спѣшно телеграммой въ «Спб. Вѣд.» заявилъ, что докладъ г. Кисличнаго—ложь, хотя коммиссіей еще не разсмотрѣнъ до конца... Словомъ, гг. Миклашевскій и Бродницкій дѣлали все, чтобъ подчеркнуть свои шаги въ пользу г. Родзянка. Г. Кисличному ничего другого не оставалось, какъ выступить со вторичнымъ заявленіемъ, въ которомъ онъ проситъ привлечь его къ судебной отвѣтственности, если коммиссія и собраніе найдутъ въ его докладѣ ложь.

Когда докладъ сталъ, наконецъ, извѣстенъ, то его даже не успѣли разсмотрѣть до конца, прежде чѣмъ вынести рѣшеніе. Пришлось вѣрить коммиссіи на слово, и собраніе признало докладъ г. Кисличнаго сплошной и недобросовѣстной ложью. Между тѣмъ, г. Кисличный лишь убѣждаетъ собраніе упорядочить дѣлопроизводство управы: «чтобы (денежные) отчеты составлялись по той же формѣ, какъ и книги, и представляли копіи съ нихъ; чтобы они печатались и разсылались гласнымъ, по крайней мѣрѣ, за мѣсяцъ до начала собранія и были правильны во всѣхъ частяхъ; рѣшить, какой отчетъ за 1901 г. долженъ считаться утвержденнымъ,—тотъ ли, который разсматривала прошлый годъ ревизіонная коммиссія, или тотъ, который имѣется теперь въ управѣ, вновь исправленный», и т. д. Какъ опытный земецъ, безсмѣнно прослужившій членомъ управы 15 лѣтъ, г. Кисличный голословныхъ утвержденій избѣгаетъ. Что денежные отчеты слишкомъ запаздываютъ — это фактъ безспорный. Что тѣ же отчеты не соотвѣтствуютъ книгамъ, это признаетъ управская объяснительная записка къ денежному отчету за 1902 г., гдѣ говорится, что «итоги по отчету не сходятся съ итогами по книгамъ». Управа даже обѣщаетъ по этому поводу особое разслѣдованіе *). Но, къ сожалѣнію, предсѣдатель, г. Миклашевскій, избралъ странный способъ знакомить собраніе съ непріятнымъ управѣ докладомъ. Вмѣсто того, чтобъ читать его цѣликомъ, а потомъ уже доложить мнѣніе организованной г. Миклашевскимъ коммиссіи, читали отдѣльные пункты, сопровождая ихъ немедленными опроверженіями, безъ связи съ сущностью доклада. Немудрено, что у гласныхъ, принявшихъ такой порядокъ чтенія почему-то безропотно, возникло два предположенія: или г. Кисличный—человѣкъ психически больной, или весь докладъ—недобросовѣстная ложь. Послѣднее мнѣніе восторжествовало, и по этому поводу г. Родзянка еще разъ бурно привѣтствовали «шумными апплодисментами». Отъ привлеченія же г. Кисличнаго къ суду г. Родзянко, по всей видимости, имѣетъ твердое намѣреніе уклониться.

---

*) Впрочемъ, по словамъ „Одес. Нов.“, денежный отчетъ за 1902 г. вышелъ въ двухъ видахъ — вначалѣ съ объяснительной запиской, но затѣмъ послѣдняя изъ отчета куда-то исчезла.

Судьба, постигшая докладъ г. Кисличнаго, съ необыкновенною выразительностью показала, что нынѣшній предсѣдатель губернской управы дѣйствуетъ не одиноко и не за собственный рискъ и страхъ. Онъ строго сообразуется съ желаніями и надеждами большинства, установленнаго реформой 1890 года и ввѣрившаго г. Родзянку земскія бразды. Крупновладѣльческое по желаніямъ и помѣщичье по надеждамъ, это большинство даетъ тонъ и направленіе земской дѣятельности. А г. Родзянко лучше другихъ идетъ съ большинствомъ «въ ногу». Въ этомъ его сила; поэтому его защищаютъ отъ «критиковъ», и поэтому же оцѣночное дѣло въ губерніи дошло до жизни такой, которою оно теперь прозябаетъ.

Въ самомъ началѣ своей предсѣдательской службы г. Родзянко взялъ оцѣночное бюро подъ свое исключительное наблюденіе. Это было въ 1901 г., когда новый предсѣдатель еще только обдумывалъ планъ упомянутой выше санитарной организаціи и шелъ къ цѣли какъ бы ощупью. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весь составъ оцѣночно-статистическаго бюро, работавшій съ 1898 г. оставилъ службу. Внѣшнихъ поводовъ къ такому шагу было два: во-первыхъ, г. Родзянко потребовалъ, чтобы статистики «согласно мыслили»—что это значитъ, такъ и осталось не выясненнымъ, во-вторыхъ, обязалъ статистиковъ вести дневники, якобы съ цѣлью контролировать, чѣмъ служащіе въ оцѣночномъ бюро занимаются. Оба требованія, слишкомъ не соотвѣтствующія достоинству земскихъ учрежденій, въ печати вызвали горестное недоумѣніе. Однако, мѣстные люди поводамъ внѣшнимъ особаго значенія не придавали, стараясь угадать внутреннія причины статистическаго погрома, или, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, «статистическихъ безпорядковъ».

Ни для кого не было секретомъ, что прежней—до-родзянкинской—управѣ ея серьезное отношеніе къ оцѣночному дѣлу противники вмѣняли въ одинъ изъ смертныхъ грѣховъ; что на самый законъ 8-го іюня, какъ на попытку подоходнаго обложенія, нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей смотрятъ неодобрительно. Извѣстно также было, какъ новый предсѣдатель губернской управы передъ самымъ своимъ избраніемъ доказывалъ, что «желательно не производить подворной переписи» *) и, упразднивъ ее, сократить ассигновку на бюро, и собраніе, не разсматривая вопроса о «подворной переписи», ассигновку сократило. Для екатеринославцевъ «статистическіе безпорядки» были, несомнѣнно, проявленіемъ «новаго курса». Но куда «новый курсъ» цѣлитъ—пока оставалось неяснымъ.

Организованная заново «статистика» заставляла ждать, что «подворной переписью» сокращенія не ограничатся. Въ бюро вошли (кромѣ двухъ второстепенныхъ служащихъ, по статистикѣ работавшихъ) люди весьма разнообразныхъ спеціальностей—отъ бывшихъ сельскихъ учителей до сотрудниковъ приблудившагося къ печатному дѣлу г. Крушевана включительно; но ни завѣдывающій, ни главные статистики не были даже шапочно знакомы со статистикой. Впрочемъ, это обстоятельство отнюдь не помѣшало г. Родзянку тор-

*) „Постановленія" за 1900 г., стр. 54.

жественно заявить послѣ доклада собранію 1901 г., «что при нынѣшнемъ составѣ статистическаго отдѣленія оцѣночное дѣло находится въ надежныхъ и свѣдущихъ рукахъ» *). Съ своей стороны тогдашній предводитель дворянства А. П. Струковъ «счелъ долгомъ засвидѣтельствовать, что, дѣйствительно, теперь дѣло находится въ свѣдущихъ рукахъ, дальше оно пойдетъ лучше, будетъ стоить дешевле, и оцѣночныя работы окончатся скорѣе». **) Заявленіемъ г. Струкова—о дешевизнѣ и скорости—собственно лишь резюмировался управскій докладъ, и безъ того составленный въ выраженіяхъ ясныхъ и рѣшительныхъ.

По словамъ доклада, въ дѣятельности прежняго бюро (разбѣжавшагося или разогнаннаго—не будемъ спорить о словахъ) «управа не могла не усмотрѣть необъяснимую и нежелательную медленность». Ибо что оно успѣло сдѣлать за время отъ 1898 до половины 1901 г.? (По счету составителей доклада это составляетъ полныхъ четыре года). 1) Организовать бюро; 2) обслѣдовать полностью Екатеринославскій и Александровскій уѣзды; 3) издать сборникъ по Екатеринославскому у. и не окончить сборникъ по Александровскому у. (кто понудилъ не окончить—докладъ великодушно умалчиваетъ; умалчивалось и о томъ, что первая часть Александровскаго сборника была уже напечатана); 4) обслѣдовать почти весь Верхнеднѣпровскій и часть Маріупольскаго уѣздовъ ***). Насколько ничтожны эти результаты, можно видѣть изъ того, что новое бюро за одинъ 1902 годъ: 1) издастъ сборникъ по Александровскому у.; 2) закончить обслѣдованіе Верхнеднѣпровскаго и Маріупольскаго уу.; 3) издастъ сборники по обоимъ этимъ уѣздамъ; 4) приведетъ въ порядокъ матеріалы, оставленные прежнимъ бюро въ хаотическомъ видѣ... И все это, включая 3 сборника, будетъ стоить 2.400 р., тогда какъ прежняя управа, издавшая только одинъ сборникъ (по Екатеринославскому у.), истратила свыше 90.000 р...

Какъ ни побѣдоносны казались управѣ эти цифры, однако имѣть дѣло съ матеріалами, «оставленными въ хаотическомъ безпорядкѣ», и издать въ одинъ годъ три сборника—намѣреніе слишкомъ героическое. И какъ бы потрясенный глубиною собственнаго героизма, докладъ относительно сборниковъ по Маріупольскому и Верхнеднѣпровскому уу. дѣлалъ скромную оговорку: «если позволитъ время и размѣръ ассигнованія». Въ сущности, эта оговорка, вопреки торжественнымъ увѣреніямъ гг. Струкова и Родзянка, головой выдавала новое статистическое бюро. Не разсчитать, что можно сдѣлать въ теченіе года—одинъ или сразу три сборника,—черезчуръ даже для профана. Сомнѣніе вызывалось невольно. Оно и было высказано гл. Вл. И. Карповымъ. Именно за это г. Карпову отвѣтили словами: «ложь и неправда»... Организатору же новаго статистическаго бюро, г. Родзянку, «собраніе выразило полнѣйшее и самое глубокое

*) „Постановленія", за 1901 г., стр. 105.

**) „Постановленія", за 1901 г. стр. 106.

***) Относительно Маріупольскаго у. въ докладѣ характерная для нынѣшней управы неточность: вначалѣ докладъ говоритъ, что обслѣдовано *двѣ трети* уѣзда, а черезъ одиннадцать строкъ тѣ же двѣ трети обращены уже въ *одну четверть*.

довѣріе» *). Кстати сказать—ко времени собранія 1901 г. «въ освѣдомленныхъ кругахъ» уже говорили о строгомъ приказѣ статистикамъ, «чтобъ дохода съ десятины больше четырехъ рублей не было». Впрочемъ, приказъ этотъ оказался впослѣдствіи неисполнимымъ.

Докладъ къ очередной сессіи 1902 г. вышелъ уже не за полной подписью управской коллегіи—отсутствуетъ подпись г. Кисличнаго. Однако тонъ попрежнему рѣшительный и побѣдоносный. Почти всѣ обѣщанія выполнены:

1) «Закончена разработка и изданіе матеріаловъ по оцѣнкѣ земель въ Александровскомъ у.». Далѣе узнаемъ, что для Александровскаго сборника «добыты въ Александровскомъ у. экспедиціоннымъ путемъ данныя объ урожаѣ по экономическимъ группамъ, опредѣленнымъ по размѣру землевладѣнія крестьянскихъ хозяйствъ». Вообще же матеріалы по Александровскому у переработаны на основаніи новаго принципа дѣленія на районы.

Александровскій сборникъ лишь въ срединѣ прошлаго 1903 г. сдѣлался достояніемъ гласности и подвергся детальной критикѣ въ южныхъ газетахъ. Напр., въ обширной статьѣ г. Носалевича, напечатанной въ «Вѣстникѣ Юга» (послѣдняя по времени серьезная статья въ мѣстной печати о дѣятельности губернской управы), документально устанавливается, что составители Александровскаго сборника обращаются съ цифрами въ лучшихъ случаяхъ младенчески-наивно, а сплошь и рядомъ не этично; что сборникъ этотъ нуждается въ тщательной провѣркѣ и въ теперешнемъ его видѣ совершенно не пригоденъ для губернской сводки. Статья эта взволновала и бюро, и управу, но что на нее возразить—ни бюро, ни управа не находятъ до сего дня.

Со спеціальной же экспедиціей, о которой говоритъ докладъ, повидимому, случилось какое-то недоразумѣніе. По крайней мѣрѣ, составитель главы о пашнѣ очень жалуется на условность находившихся въ его распоряженіи свѣдѣній объ урожаѣ. Онъ даже говоритъ, какъ бы кивая на прежнее бюро: «Несмотря, однако, на отрицательную сторону данныхъ объ урожаѣ, мы должны были ими воспользоваться, такъ какъ другихъ въ нашемъ распоряженіи не было» (стр. 30).

Стало быть, надо предположить одно изъ двухъ: или экспедиціонные матеріалы не подверглись обработкѣ, или экспедиція была организована не цѣлесообразно.

2) Разработаны — говоритъ далѣе докладъ 1902 г. — и печатаются матеріалы по оцѣнкѣ земель Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

Дѣйствительно, 6-го декабря 1902 г., т.-е. во время сессіи, вышелъ и врученъ гласнымъ обширный—въ 674 страницы—томъ, сплошь наполненный цифрами и безъ оглавленія. Пояснительнаго текста въ немъ всего 2 строчки—петитная выноска на стр. 8—9. Выноска гласитъ, что въ уѣздѣ остались не обслѣдованными 28.974 дес. (Прежними же статистиками, какъ узнаемъ изъ доклада 1901 г., не дообслѣдовано лишь 16 селеній). Къ сожалѣнію, выноска забыла похвалиться, что зато нѣсколько селеній обслѣдованы дважды, такъ

*) „Постановленія“ за 1901 г., стр. 106.

какъ высланный новымъ бюро статистикъ заблудился и производилъ работу тамъ, гдѣ она уже произведена. Но это, конечно, мелочь: каждому человѣку свойственно заблудиться, если онъ не знаетъ, куда нужно ѣхать. Гораздо интереснѣе, что послѣ сессіи, съ января 1903 г., статистическое бюро принялось за исправленіе и провѣрку уже изданнаго цифрового матеріала. А еще интереснѣе, что матеріалы не были разработаны и не могли печататься, ибо они приготовлены лишь въ 1903 году, притомъ къ 1-му декабря 1903 г., т.-е. даже въ тотъ день, когда предполагалось открыть очередное губернское собраніе, приступить къ печатанію Верхнеднѣпровскаго сборника все еще было нельзя. Случайно открытіе собранія замедлилось на недѣлю. А 5-го декабря (матеріалы все еще не печатались) г-на Родзянка и управляемое имъ оцѣночное бюро неожиданно для всѣхъ постигъ—въ разсужденіи Верхднепровскаго сборника—непостижимый force majeure: завѣдывающій статистическимъ отдѣленіемъ и убѣжденный врагъ карточной системы г. Дембровскій въ припадкѣ умоизступленія сжегъ самую важную и отвѣтственную главу—о пашнѣ. Г. Дембровскаго отправили въ психіатрическое отдѣленіе губернской земской больницы, а изъ его квартиры, гдѣ почему-то и неизвѣстно зачѣмъ находились всѣ приготовленные къ печати матеріалы по Верхнеднѣпровскому уѣзду, уцѣлѣвшее отъ сожженія было возвращено въ управу. Уцѣлѣло, впрочемъ, все, кромѣ главы о пашнѣ, которую писалъ самъ г. Дембровскій. На слѣдующій день онъ вышелъ изъ больницы, такъ какъ врачи уже не нашли его больнымъ. Газетныя сообщенія назвали болѣзнь г. Дембровскаго бѣлой горячкой.

Верхнеднѣпровскій сборникъ вышелъ изъ печати во время собранія 1903 г. Главы «Пашня» въ немъ нѣтъ. Зато есть «Приложенія къ главѣ 1-ой—«Пашня». Впрочемъ, странности этого совершенно невѣроятнаго статистическаго «труда» неисчислимы. Достаточно сказать, что въ главѣ второй («Сѣнокосъ») общая площадь сѣнокосныхъ угодій опредѣлена: сначала въ 69949,7 дес., черезъ нѣсколько строкъ (таблица № 1)—69159,6 дес., при провѣркѣ же итога оказывается вовсе не 69159,6, а лишь 38.988 дес. Оцѣнивать сборникъ подробнѣе—жаль и времени, и мѣста. Да и безполезно: ибо рядъ поразительныхъ небрежностей заставляетъ прежде всего спросить,—что же надо думать о соовѣтствіи между сырыми матеріалами и сдѣланными изъ нихъ такимъ способомъ и такими людьми извлеченіями?

То, что сборникъ по Верхнеднѣпровскому уѣзду запоздалъ, г. Родзянко объяснилъ на собраніи неожиданной болѣзнью завѣдывающаго статистическимъ бюро. Какъ могла болѣзнь, приключившаяся 5-го декабря 1903 г., задержать выпускъ матеріаловъ, которые, по категорическому утвержденію управы, разработаны и печатались еще въ 1902 г.,—г. Родзянко разъяснять не сталъ.

3) О Маріупольскомъ сборникѣ управа въ 1902 г. докладывала такъ, какъ будто онъ не былъ обѣщанъ. «Въ концѣ апрѣля 1902 г. начато—говоритъ докладъ—описаніе и обслѣдованіе. Но въ началѣ іюня, когда работы по всему уѣзду были почти закончены, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ собиранія оцѣночныхъ матеріаловъ въ уѣздѣ, а потому управа распорядилась о прекращеніи работъ. Несмотря, однако, на это, работы въ

Маріупольскомъ уѣздѣ можно считать почти законченными, такъ какъ только въ 4—5 селеніяхъ не произведено подворнаго описанія». Дальше повторяется обѣщаніе въ теченіе 1903 г. издать сборникъ по Маріупольскому уѣзду. Обѣщаніе и въ 1903 г. не выполнено. Пока Маріупольскій уѣздъ не дождался и той макулатуры, какой удостоенъ Верхнеднѣпровскій. И хоть макулатура эта преслѣдуетъ цѣли, явно не оцѣночныя, а какія-то особыя, однородныя съ гипнотическими пассами, и жалѣть о томъ, что ея нѣтъ, вовсе приходится, тѣмъ не менѣе не исполненное надо называть не исполненнымъ.

4) Въ томъ же 1902 г. управа обѣщала «въ случаѣ разрѣшенія экспедиціонныхъ работъ приступить къ обслѣдованію Славяносербскаго уѣзда, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы закончить работы и по учету земель, и по собиранію оцѣночныхъ матеріаловъ». Работы были разрѣшены. Поговаривали даже—не пора ли, и въ самомъ дѣлѣ, приступить къ обслѣдованію. Потомъ возникъ проектъ произвести «обслѣдованіе» путемъ переписки съ волостными писарями. И въ заключеніе помощникъ завѣдывающаго статистическимъ бюро, г. Ипполитовъ *), чуть не выписалъ по подложной ассигновкѣ на свое имя 8.500 руб. на обслѣдованіе Славяносербскаго уѣзда. Подлогъ былъ во́-время обнаруженъ. Вотъ и все, что могли бы узнать гласные о работахъ въ Славяносербскомъ уѣздѣ, если бы управа полагала, что о невыполненныхъ крупныхъ обѣщаніяхъ все-таки надо доложить собранію.

Взамѣнъ Славяносербскаго уѣзда, по указанію управы, мѣстнымъ профессоромъ химіи, г. Куриловымъ, были произведены въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ почвенныя изслѣдованія. Объ этомъ управа доложила собранію 1903 г., и теперь рѣшено на широкихъ началахъ организовать изслѣдованія такого рода, пользуясь услугами того же г. Курилова. Гласнымъ А. М. Александровымъ (извѣстный присяжный повѣренный) высказано было замѣчаніе, что для столь спеціальной и при томъ широко задуманной работы гораздо резоннѣе пригласить не просто химика, а спеціалиста-почвовѣда. Но—какъ выразился на собраніи предсѣдатель, г. Миклашевскій,—«*недовѣріе*, высказанное гл. Александровымъ профессору Курилову, никѣмъ не было поддержано». Эта формулировка, которою, неизвѣстно зачѣмъ, принципіальный вопросъ переносится на личную почву, странна и неудобна, но вполнѣ понятна: разъ сотрудникъ «Бессарабца», не вѣдая статистики, сдѣлался руководящимъ статистикомъ, почему профессору химіи не быть почвовѣдомъ? Послѣднее все-таки вѣроятнѣе перваго.

Впрочемъ, почвенныя изслѣдованія—статья особая, и цѣли у нихъ тоже особыя. Дѣло въ томъ, что нынѣшняя управа, какъ видно изъ доклада 1902 г., въ основу оцѣночныхъ трудовъ кладетъ слѣдующее правило: «способъ обработки—техника полеводства, какъ принципъ дѣленія на районы, не выдерживаетъ критики... Наиболѣе устойчивымъ факторомъ является почва, въ особенности въ Екатеринославской губерніи, гдѣ продуктивность урожая... главнымъ образомъ зависитъ отъ качества чернозема». Прежнее же бюро технику полеводства

*) Тотъ самый, который изучалъ статистику въ редакціи „Бессарабца".

полагало важнѣйшимъ для оцѣнки экономическимъ признакомъ. Оба принципа имѣютъ интересъ не только академическій и свою исторію, о которой здѣсь говорить не мѣсто. Достаточно сказать, что система, которую излюбилъ г. Родзянко, равняетъ, въ смыслѣ доходности, крупныя и интенсивныя хозяйства съ мелкими и экстенсивными. Методъ прежняго бюро давалъ для интенсивнаго хозяйства болѣе высокія оцѣночныя нормы, нежели для первобытнаго. Одно даетъ исключительныя преимущества владѣніямъ крупнымъ и солидно капитализированнымъ, понижая для нихъ оцѣнку; другое болѣе соотвѣтствуетъ подоходности. Но это различіе, хоть и выясняетъ намѣреніе управы, руководимой г. Родзянкомъ, однако существеннаго значенія, при данномъ положеніи оцѣночнаго дѣла, не имѣетъ. Что бы ни намѣривалась сдѣлать управа, по какой бы причинѣ она ни избѣгала спеціалистовъ (народа, какъ извѣстно, упрямаго), итоги ея оцѣночной дѣятельности на лицо:

1) Пригодность Александровскаго сборника для губернской сводки остается подъ большимъ сомнѣніемъ.

2) Верхнеднѣпровскаго сборника до сихъ поръ нѣтъ, пока его пытаются замѣнить суррогатами.

3) Маріупольскій уѣздъ не имѣетъ даже суррогатовъ.

4) Оба уѣзда—и Верхнеднѣпровскій и Маріупольскій—остаются все еще не дообслѣдованными.

Съ половины 1901 года оцѣночное дѣло въ Екатеринославской губерніи стоитъ на одномъ мѣстѣ и пока не обнаружило особой готовности двинуться впередъ, навстрѣчу закона 1893 года. Мѣстные пессимисты утверждаютъ, что такъ оно и впередъ будетъ: ибо—говорятъ они въ доказательство, подражая Кузьмѣ Пруткову,—плохъ тотъ охотникъ, который, видя бѣгущаго зайца, стрѣляетъ самому себѣ въ носъ; и нѣтъ такой кошки, которая бы, взирая на мышонка, съѣла собственный хвостъ.

Но туманныя метафоры—плодъ угнетеннаго остроумія. Онѣ убѣдительно говорятъ о душевномъ состояніи пессимистовъ, а на сколько пессимисты правы—пусть рѣшитъ будущее. Пока несомнѣнно одно: исторіей екатеринославской статистики хорошо опредѣляются примѣты, по которымъ надо узнавать такъ называемаго «новаго земца».

А. Петрищевъ.

P. S. Когда это письмо было уже отослано, въ печати появились извѣстія, что предсѣдатель губернской управы, г. Родзянко, сдѣлалъ дальнѣйшіе шаги къ «сокращенію» оцѣночной статистики: двое служащихъ въ бюро уволены, подворное же обслѣдованіе Славяносербскаго уѣзда рѣшено поручить сельскимъ учителямъ. Такимъ образомъ, центръ тяжести оцѣночныхъ работъ окончательно переносится къ почвеннымъ изслѣдованіямъ, ближайшій смыслъ которыхъ, какъ уже сказано, въ уравненіи доходности мелкихъ, крестьянскихъ, хозяйствъ съ крупными, помѣщичьими.

А. П.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Мысль"—январь.—„Историческій Вѣстникъ"—февраль.—„Русское Богатство"—январь.—„Образованіе"—январь.)

Госпожа Некрасова является у насъ несомнѣнно однимъ изъ знатоковъ жизни, дѣятельности и литературныхъ произведеній А. И. Герцена. Ея, помѣщавшіяся въ различныхъ изданіяхъ, многія статьи, касающіяся личности знаменитаго литературнаго и общественнаго дѣятеля, читаются всегда съ живымъ интересомъ. Это же впечатлѣніе вызываетъ и напечатанная г-жой Некрасовой въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» ея новая статья, озаглавленная «Актеръ М. С. Щепкинъ и А. И. Герценъ». (Какъ гласитъ примѣчаніе автора статьи, послѣдняя была читана на закрытомъ засѣданіи «Общества любителей россійской словесности» 21-го ноября 1903 года). Громадный интересъ представляетъ въ исторіи развитія нашего самознанія личность самого А. И. Герцена, но она становится какъ-то еще болѣе яркой, еще болѣе выпуклой, когда рядомъ съ нею появляются его друзья, товарищи, пріятели, люди, съ которыми Герценъ часто не сходился во многихъ, чрезвычайно существенныхъ взглядахъ, но безъ встрѣчъ съ которыми онъ и самъ бы едвали развилъ въ себѣ вполнѣ все многообразіе заложенныхъ въ его натурѣ богатыхъ дарованій. Къ кругу такихъ-то лицъ относится и стяжавшій себѣ въ свое время громадную извѣстность на поприщѣ артистической дѣятельности М. С. Щепкинъ. Знакомство Герцена со Щепкинымъ, пишетъ въ своей статьѣ г-жа Некрасова, относится къ декабрю 1839 года, т. е. ко времени, когда Герценъ, отбывъ свою вятскую и владимірскую ссылку, получилъ право жительства въ Москвѣ. Щепкинъ сразу заинтересовалъ Герцена не только своимъ артистическимъ талантомъ, но и глубокою наблюдательностью, вмѣстѣ съ мастерскимъ изображеніемъ картинъ жизни родной земли, такихъ картинъ, отъ которыхъ становилось, конечно, жутко на душѣ и не такимъ впечатлительнымъ людямъ, какъ Герценъ. Какое впечатлѣніе долженъ былъ производить на членовъ московскихъ кружковъ разсказъ (разумѣется, устный) Щепкина о двухъ офицерахъ, изъ которыхъ «одинъ держалъ пари, что у него въ ротѣ есть солдатъ Степановъ, который выдержитъ тысячу палокъ и не упадетъ».

Послали за солдатомъ.

— Степановъ! — дружески обращается къ нему офицеръ: — синенькую и штофъ водки—выдержишь тысячу палокъ?

— Радъ стараться, ваше благородіе!

Когда солдатъ вышелъ, его догналъ Щепкинъ, тогда еще юноша, и удивленно спросилъ:

— Какъ же ты, братецъ, на это согласился?

— Эхъ, парнюга,—махнулъ рукою солдатъ,—все равно даромъ дадутъ!..

Извѣстно, что одинъ изъ разсказовъ того же Михаила Степановича Щепкина легъ въ основу повѣсти Герцена «Сорока-воровка».

Г-жа Некрасова приводитъ въ своей статьѣ два, еще не видавшіе свѣта, разсказа Щепкина, которые были сообщены ей въ рукописи Н. А. Ога-

ревой. Оба разсказа относятся къ началу XIX вѣка и носятъ названіе: одинъ—«О дядѣ, племянницѣ и ихъ казачкѣ», а другой—«О крѣпостномъ музыкантѣ и генеральской дочкѣ». Воспроизводить здѣсь эти разсказы мы не будемъ, но читателю будетъ небезынтересно прочесть ихъ въ подлинникѣ. Оба разсказа переносятъ насъ къ тѣмъ, мрачной памяти, временамъ, когда фактъ рожденія человѣка въ крѣпостной средѣ опредѣлялъ разъ навсегда лишь двоякую и никакую болѣе его судьбу: человѣкъ заурядный долженъ былъ оставаться навѣки приниженнымъ и забитымъ рабомъ, человѣкъ выдающійся окончить въ громадномъ большинствѣ случаевъ свое ужасное существованіе не иначе, какъ трагически... Это время прошло, но прошло, такъ сказать, лишь въ химически чистомъ видѣ, крѣпостническій же духъ его далеко не отошелъ въ вѣчность: онъ живетъ среди насъ, онъ оказываетъ и на современность свое тлетворное вліяніе.

Странными, однако, свойствами обладало большинство даже самыхъ передовыхъ «людей сороковыхъ годовъ». Люди эти ненавидѣли въ глубинѣ души крѣпостное право и весь крѣпостническій укладъ русской жизни, но, когда среди нихъ нашелся человѣкъ, который захотѣлъ проявить свое негодованіе и свою ненависть къ этимъ прелестямъ не на словахъ только, а на живомъ дѣлѣ, то большинство его друзей вздрогнуло, посторонилось, смутилось, «прижукнуло», стало сожалѣть о «безумномъ поведеніи» своего друга и, наконецъ, уговаривать его оставить начатое дѣло, дать какъ-нибудь забыть про себя, а затѣмъ добровольно отдаться на милость. Въ послѣднемъ отношеніи проявилъ наиболѣе энергіи именно М. С. Щепкинъ, тотъ самый Щепкинъ, который умѣлъ до глубины души трогать своихъ собесѣдниковъ разсказами о невыразимо безпросвѣтномъ положеніи крѣпостного люда. И вотъ, этотъ Щепкинъ, вслѣдъ за изданіемъ Герценомъ его первыхъ свободныхъ произведеній, направляется въ Англію и умоляетъ Герцена прекратить его дѣло. «Я, вотъ, на старости лѣтъ, не говоря ни слова по-англійски,—говорилъ онъ Герцену, пріѣхалъ посмотрѣть на васъ въ Лондонъ. Я сталъ бы на свои старыя колѣни предъ тобой, сталъ бы просить тебя остановиться, пока есть время... Поѣзжай въ Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда, года черезъ два три мы начнемъ работать, чтобы тебѣ разрѣшили въѣздъ въ Россію...»

Герценъ былъ тронутъ, но, какъ извѣстно, «пошелъ своей дорогой»...

Свиданіе Герцена со Щепкинымъ описано въ свое время самимъ Герценомъ, но г-жа Некрасова добавила къ этому еще нѣсколько характерныхъ подробностей, касающихся времени пребыванія Щепкина въ Парижѣ непосредственно послѣ свиданія съ Герценомъ.

«Все время пока Михаилъ Степановичъ жилъ въ Парижѣ,—пишетъ г-жа Некрасова, — онъ не могъ успокоиться отъ мысли, что не исполнилъ своей миссіи, не уговорилъ, не смогъ уговорить Герцена свернуть съ «ложной» дороги. Его мучила мысль, что такой умный, такой хорошій человѣкъ и такъ ошибся, такъ увлекся мыслью о свободѣ народа, объ уничтоженіи крѣпостного права. Михаилъ Семеновичъ теперь готовъ былъ даже сомнѣваться, доросли ли до права на свободу русскіе крестьяне? И онъ горько корилъ себя за то, что

не могъ убѣдить, не могъ заставить Герцена свернуть съ «ложнаго пути». Мысль эта не давала ему покоя. Ему казалось, что онъ не все высказалъ пріятелю, что большая доля неудачи лежала въ немъ самомъ, въ томъ, что онъ былъ мало убѣдителенъ, былъ мало настойчивъ. И вотъ, передъ отъѣздомъ въ Россію онъ снова обращается къ Герцену, пишетъ ему изъ Парижа большое, рѣзкое и даже, можно сказать, «жестокое письмо». Это была съ его стороны послѣдняя попытка, послѣдній опытъ; если ужъ и онъ не удастся, то больше этого, больше того, чтобы рѣшиться на «жестокое слово» къ любимому человѣку, больше этого, онъ, Щепкинъ, сдѣлать уже не можетъ,—не въ силахъ».

«Оригиналъ письма Щепкина къ Герцену,—пишетъ далѣе г-жа Некрасова,—подаренъ мнѣ А. А. Герценомъ и въ настоящую минуту находится у меня въ рукахъ. Приводить его здѣсь цѣликомъ считаю лишнимъ; письмо очень длинно, однообразно,—лучше ограничусь краткой передачей его содержанія».

Вотъ за это г-жу Некрасову похвалить нельзя. Пусть это письмо «длинно и однообразно»,—что за бѣда,—оно все же принадлежитъ къ литературнымъ памятникамъ, которые должны бы служить общественнымъ достояніемъ. Его авторъ, его адресатъ, его содержаніе и поводъ, по которому оно написано, даютъ ему именно такое значеніе. Но г-жа Некрасова разсуждала иначе, что дѣлать, она теперь собственница письма, а право собственности есть, какъ извѣстно, jus utendi et *abutendi*... Удовольствуемся, поэтому, ознакомленіемъ нашихъ читателей съ тѣми отрывками изъ письма Щепкина къ Герцену, которые г-жа Некрасова сочла нужнымъ привести въ ея статьѣ.

«Щепкинъ начинаетъ письмо,—пишетъ она,—обращеніемъ на «вы», но очень скоро бросаетъ этотъ сухой, оффиціальный тонъ и переходитъ на привычное и болѣе идущее къ нему «ты».

«Онъ бранитъ Герцена за его первыя брошюры, изданныя въ Лондонѣ, говоритъ, что въ нихъ только «блестящій наборъ словъ», одни «слова, слова и слова», находитъ неразумнымъ и воззваніе его объ уничтоженіи крѣпостного состоянія, находитъ, что Герценъ и съ этимъ вопросомъ «заигрался въ слова». «Неужели человѣку слово дано только для того, чтобы изрыгать безъ пользы колкости? Нельзя ли употреблять его благороднѣе и полезнѣе?» Самъ сторонникъ освобожденія крестьянъ, Щепкинъ начинаетъ убѣждать Герцена, что освобождать народъ рано, что онъ напрасно хочетъ двигать исторію, которая идетъ своимъ путемъ, «по своимъ, невѣдомымъ человѣку, законамъ». Онъ возстаетъ даже и противъ равенства людей и подтвержденіе себѣ находитъ въ природѣ: «въ ней нѣтъ ни въ чемъ равенства».

«Представьте, что вопросы ваши есть слѣдствіе заблужденія, и повѣрьте, что у многихъ (я тебя исключаю) человѣчество только предлогъ, а все дѣло въ своихъ убѣжденіяхъ, для которыхъ вы готовы это любимое человѣчество облить кровью и предать огню и мечу; но изъ-за своего я, изъ-за своей гордости вы будете упрямиться и для поддержанія своихъ нечувствуемыхъ вами ошибокъ будете возмущать, будете лить кровь любимаго вами человѣчества, а отвѣтомъ вашимъ вопросамъ все будетъ прошедшая всемірная исторія».

«Онъ требуетъ, чтобы Герценъ и его единомышленники отказались отъ своихъ ошибокъ: «неужели всѣ милліоны на всемъ земномъ шарѣ глупы, а только мы, избравшіе сами себя въ руководители цѣлаго міра, только мы— полное совершенство и потому имѣемъ право учить весь міръ,—не слишкомъ ли самолюбиво».

«Михаилъ Степановичъ совѣтуетъ лучше начать уроки съ себя самого, съ исправленія своихъ недостатковъ, стараться сѣять вокругъ «нравственную мысль», «братскую любовь»... «Будемъ же дѣлать то, что по силамъ, нежели щеголять фразами только о томъ, что производитъ время... право, прочь всѣ вопросы, вырви себя изъ этой волны хоть года на два, а затѣмъ и за дѣло—уѣзжай въ Америку или другую какую страну, вездѣ можно быть человѣкомъ, не истощаясь въ безполезныхъ остротахъ и щегольскихъ фразахъ...» Напоминаетъ Герцену, что онъ отецъ, что долженъ дѣтей своихъ научить быть людьми, «да не мечтательными фразами, а дѣломъ».

«Прощай! Надо, чтобы душа моя сильно страдала, чтобы я рѣшился такъ много наболтать... зато нѣтъ строки, которая бы не была облита горькими слезами».

«Онъ сознается, что мало логики въ его письмѣ, потому проситъ Герцена оставить письмо безъ отвѣта: «ты знаешь, что это будетъ неравный бой и поэтому это будетъ нечестно»... «Безъ отвѣта у меня останется надежда, что ты примиришься съ самимъ собой и найдешь въ сердцѣ своемъ хоть часть утраченнаго блага».

«Письмо заканчивается словами:

«Обнимаю тебя и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, а ты обойми за меня дѣтей своихъ и вмѣстѣ съ ними вспоминай иногда о старикѣ».

Прошло пять лѣтъ послѣ заграничной поѣздки Щепкина. Герценъ не послушался наивно-благодушныхъ совѣтовъ истиннаго москвича, и его «Колоколъ» гудѣлъ на всю Россію, призывая все живое къ новой жизни.

Съ тѣмъ же Щепкинымъ произошелъ такой эпизодъ: московскіе актеры уполномочили его ѣхать въ Петербургъ, хлопотать у директора театровъ Гедеонова о выдачѣ недоданныхъ имъ денегъ. Щепкинъ поѣхалъ и явился къ директору. Гедеоновъ отвѣчалъ на его просьбу отказомъ.

«— Въ такомъ случаѣ,—погрозилъ Щепкинъ,—я обращусь къ министру.

«— Министръ вамъ откажетъ.

«— Ну, такъ я обращусь къ государю.

«— Я вамъ это запрещаю.

«— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается одно средство: обратиться въ «Колоколъ» къ Герцену.

Послѣ такой угрозы Гедеоновъ велѣлъ Щепкину приходить завтра въ контору: «Я посмотрю».

Неизвѣстно, припомнилъ ли при этомъ Щепкинъ свои, обращенныя къ Герцену, личныя и письменныя увѣщанія—не становиться «на ложный путь» и прекратить лондонскія изданія.

Чѣмъ сложнѣе личность человѣка и писателя, тѣмъ болѣе поражаетъ она такими удивительными противорѣчіями ея природы, сосуществованіе которыхъ, казалось бы, также невозможно, какъ невозможно сосуществованіе огня и воды, яркаго солнечнаго свѣта и непроглядно-темной ночи. Г-жѣ В. В. Т-вой (О. Починовской, какъ разоблачаетъ она тутъ-же сама свой псевдонимъ) пришлось проработать цѣлый годъ въ должности корректорши въ журналѣ «Гражданинъ» въ то самое время, когда соредакторомъ князя Мещерскаго былъ не болѣе, не менѣе, какъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Хотя черезъ годъ совмѣстной работы Достоевскій и покинулъ съ облегченнымъ сердцемъ своего компаньона, но все же самый фактъ мирнаго сожительства на страницахъ одного и того же органа печати во многихъ отношеніяхъ колосса Достоевскаго и во всѣхъ безъ исключенія отношеніяхъ пигмея Мещерскаго является одною изъ такихъ страничекъ въ исторіи нашей журналистики, на которой невольно останавливается вниманіе читателя. Но этой любопытной стороны дѣла г-жа Починовская касается мало или, правильнѣе, вовсе не касается. Въ своей, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», статьѣ «Годъ знакомства съ знаменитымъ писателемъ» она разсказываетъ, немудрствуя лукаво, о своихъ частыхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и разныхъ мелкихъ, но характерныхъ событіяхъ его жизни, быть свидѣтельницей которыхъ привела ее судьба. Разсказываетъ все это г-жа Починовская правдиво, искренно, хорошо. Оттого и вѣетъ отъ ея разсказа тою безыскусственностью, которая составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній всякаго литературнаго произведенія. Относясь къ памяти Достоевскаго съ чувствомъ, близкимъ къ благоговѣнію, г-жа Починовская не считаетъ нужнымъ, однако, скрывать на этомъ основаніи такія черты характера знаменитаго писателя, которыя удивительно не гармонируютъ съ общимъ интеллектуальнымъ и моральнымъ обликомъ Ѳедора Михайловича. Здѣсь много можетъ быть работы для психолога. Прислали какъ то въ «Гражданинъ» статью о необходимости введенія въ народныхъ школахъ звукового метода обученія грамотѣ и Ѳедоръ Михайловичъ разразился по этому поводу необыкновенными репликами:

«— Не хочу я, чтобы нашихъ крестьянскихъ дѣтей обучали по этой методѣ!—съ непонятнымъ мнѣ еще тогда ожесточеніемъ говорилъ онъ.—Это не человѣческая метода, а попугайная. Пусть обучаютъ они по этой методѣ обезьянъ или птицъ. А для людей она совсѣмъ не годится! Бб! вв! сс! тт!.. Развѣ свойственны людямъ такіе дикіе звуки? У людей должно быть человѣческое названіе каждой буквѣ. У насъ есть свои историческія преданія. То ли дѣло наша старинная азбука, по которой мы всѣ учились! Азъ, буки, вѣди, глаголь, живѣти, земля!—съ наслажденіемъ выговаривалъ онъ.—Сейчасъ чувствуешь что то живое, осмысленное,—какъ будто физіономія есть своя у каждой отдѣльной буквы. И неправда это, будто по звуковой онѣ легче выучиваются. Задолбить, можетъ быть, скорѣе задолбятъ. Но никакого просвѣщенія отъ этого не прибавится. Все это однѣ выдумки. Никогда не повѣрю!» Или такая, напримѣръ, сцена:

Требуетъ Достоевскій отъ метранпажа, чтобы онъ помѣстилъ одну статью.

«— Воля ваша,—сказалъ на это Ѳедору Михайловичу метранпажъ,—но только помѣстить эту статью я теперь никакъ не могу. Иначе придется весь наборъ вынимать изъ машины, снова верстать—и мы опоздаемъ.

Но Ѳедоръ Михайловичъ требовалъ, «чтобы безъ всякой переверстки вышло».

Метранпажъ усмѣхнулся.

«— То-есть какъ же это безъ всякой переверстки? Вѣдь, въ листѣ то печатномъ опредѣленное количество буквъ: куда же я втисну новый наборъ, когда листъ у меня заполненъ сполна?

«— Знать ничего не хочу!—по барски крикнулъ Ѳедоръ Михайловичъ, и глаза его надменно сузились, все лицо помертвѣло, губы задергала судорга. Пристукивая по столу крѣпко зажатыми пальцами, онъ хрипло, растягивая слова, произнесъ: хоть на стѣнѣ, хоть на потолкѣ, а чтобы было мнѣ напечатано!

«— Ну, отъ такихъ чудесъ я отказываюсь,—съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣтилъ метранпажъ (М. А. Александровъ). Я не Богъ. Я на потолкѣ или на стѣнѣ верстать не умѣю. Воля ваша!

«— А не умѣете, такъ я себѣ другого метранпажа найду, который сумѣетъ!

«— И потрудитесь найти другого! А я не могу!.—говорилъ, уходя, М. А. Александровъ. А Ѳедоръ Михайловичъ, задыхаясь отъ волненія, кричалъ ему вслѣдъ:

«— И найду! И найду! Мнѣ нужно людей готовыхъ на все для меня, преданныхъ мнѣ собачьею преданностью... такихъ, на которыхъ я могу всегда положиться... А это ни на что не похоже! Какой нибудь метранпажъ и вдругъ смѣетъ указывать мнѣ, редактору, что можно и чего нельзя!.. Я этого никогда не позволю! Я редакторъ, я распорядитель журнала! Онъ обязанъ исполнять мои приказанія! Гдѣ Траншель?—уже изступленно кричалъ онъ.—Позовите сюда содержателя типографіи. Пусть онъ дастъ мнѣ сейчасъ новаго метранпажа!

«Но Траншель былъ на дачѣ, и Ѳедоръ Михайловичъ, взявъ бланковый листокъ, тутъ же написалъ, что проситъ дать ему другого метранпажа, «такъ какъ этотъ грубитъ и отказывается работать».

«Записку эту, не запечатанную и даже не сложенную, Ѳедоръ Михайловичъ вручилъ мнѣ для передачи Траншелю.

«— Вы передадите это Траншелю отъ меня,—отрывисто произнесъ онъ, устремляя на меня испытующій взглядъ, точно желая видѣть насквозь, что я теперь о немъ думаю.

«Мнѣ хотѣлось и успокоить его, и сказать ему, что онъ не правъ. Но, поднявъ на него глаза, я не рѣшилась сказать ни слова: такъ исказилось его лицо и такъ оно было неумолимо и до жестокости строго, и такъ страшно напряженно, что, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ съ нимъ сдѣлаются корчи отъ бѣшеной злобы или онъ разрыдается, какъ больной и несчастный ребенокъ, отъ сознанія, что онъ виноватъ...

*

«Молча принявъ отъ него записку, я только выраженіемъ старалась показать, что я не сочувствую такому его образу дѣйствій, и мы сухо, безмолвно разстались.

«Страшно тогда поразилъ меня этотъ барственный крикъ и эти слова о «собачьей преданности»...

Вся эта сцена происходила въ присутствіи автора статьи и служившаго въ конторѣ Крейтенберга. Она до такой степени дика, что въ эту минуту нельзя было не признать справедливости замѣчанія Крейтенберга, уподобившаго Достоевскаго князю Мещерскому. И этотъ «такой же», сказалъ Крейтенбергъ.

Но было бы, разумѣется, глубоко несправедливо видѣть въ подобнаго рода сценахъ истинное существо Достоевскаго. Въ иномъ видѣ представляется онъ вотъ хоть бы въ такой, рисуемой г-жой Починовской, сценѣ.

Достоевскій заговорилъ съ ней объ идеалахъ и рекомендовалъ всегда оставаться имъ вѣрной.

«— Стремитесь всегда къ самому высшему идеалу,—говорилъ онъ.—Разжигайте въ себѣ это стремленіе, какъ костеръ! Чтобы всегда пылалъ душевный огонь, никогда чтобы не погасалъ. Никогда!

«— Ну, а вы мнѣ все-таки не сказали, какой же у васъ идеалъ?—снова началъ онъ, помолчавъ.—Идея-то ваша какая?

«— Идеалъ одинъ... для того, кто знаетъ Евангеліе...

«— А вы его знаете?—недовѣрчиво спросилъ онъ.

«— Въ дѣтствѣ я была религіозна и постоянно читала его.

«— Но съ тѣхъ поръ, конечно, вы выросли, поумнѣли и, получивъ образованіе отъ высшихъ наукъ и искусствъ...

«На углахъ его губъ появилась знакомая мнѣ «кривая» улыбка. Но въ этотъ разъ она меня не смутила.

«— Потомъ,—продолжала я тѣмъ же тономъ,—подъ вліяніемъ науки религіозность эта стала принимать другія формы, но я всегда и думала и думаю, что лучше и выше Евангелія ничего у насъ нѣтъ!

«— Но какъ же вы понимаете Евангеліе? Его, вѣдь, разно толкуютъ. Какъ по вашему, въ чемъ главная суть?

«Вопросъ, который онъ задалъ мнѣ, впервые пришелъ мнѣ на умъ. Но сейчасъ же, точно какіе-то отдаленные голоса изъ глубины моей памяти подсказали отвѣтъ:

«— Осуществленіе ученія Христа на землѣ, въ нашей жизни, въ совѣсти нашей...

«— И только?—тономъ разочарованія протянулъ онъ.

«Мнѣ самой показалось этого мало.

«— Нѣтъ, и еще... Не все кончается здѣсь на землѣ. Вся эта жизнь земная—только ступень... въ иныя существованія...

«— Къ мірамъ инымъ!—восторженно сказалъ онъ, вскинувъ руку вверхъ, къ раскрытому настежъ окну, въ которое виднѣлось тогда такое прекрасное, свѣтлое и прозрачное іюньское небо.

«— И какая это дивная, хотя и трагическая задача—говорить это людямъ!—съ жаромъ продолжалъ онъ, прикрывая на минуту глаза рукою.—Дивная и трагическая, потому что мученій тутъ очень много... Много мученій, но зато—сколько величія! Ни съ чѣмъ не сравнимаго... то-есть рѣшительно ни съ чѣмъ! Ни съ однимъ благополучіемъ въ мірѣ сравнить нельзя!

«— И какъ трудно осуществить эту задачу!—робко вставила я, думая *о своемъ*.

«Онъ взглянулъ на меня съ блескомъ въ глазахъ.

«— Вы говорите, что хотите писать. Вотъ вы и пишите *объ этомъ!*

«И какъ бы въ благословеніе на этотъ путь Ѳедоръ Михайловичъ подарилъ мнѣ тогда три чистыхъ листа оставшейся у него почтовой бумаги въ осьмушку, на которой всегда писалъ онъ свои статьи.

«— Вотъ вамъ отъ *меня*—съ удареніемъ сказалъ онъ, передавая ихъ мнѣ.

«Они живы у меня до сихъ поръ—эти три листка, пожелтѣвшіе, гладкіе и простые. Мы простились въ тотъ вечеръ, какъ еще никогда не прощались: точно мы были съ нимъ равные другъ другу, взаимно преданные друзья.

«Послѣ этого разговора мнѣ уже не хотѣлось ѣхать на взморье и, вмѣсто того, чтобы идти на Фонтанку, какъ мы условились съ Демертомъ, я долго бродила гдѣ-то по улицамъ, «разжигая душевный костеръ».

Этотъ и другіе подобные же разговоры съ Достоевскимъ произвели на г-жу Починовскую неизгладимое впечатлѣніе и, вспоминая Достоевскаго много лѣтъ послѣ того, когда его уже не стало, она характеризуетъ его такими глубоко прочувствованными строками:

«Есть люди, которыхъ оцѣнишь вполнѣ только послѣ того, какъ утратишь. Вблизи они слишкомъ захватываютъ и иногда подавляютъ своимъ обаяніемъ, своей силой... нельзя безнаказанно смотрѣть открытымъ глазомъ прямо на солнце—блескъ его нестерпимъ, можно ослѣпнуть. Нужны темныя стекла времени, чтобы увидѣть свѣтило своими собственными глазами...

«Къ такимъ именно людямъ принадлежалъ и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

«На разстояніи сгладились всѣ безпокойныя и рѣзкія черты, и мягко засіяла неугасимо-ровнымъ, любящимъ свѣтомъ эта пламенно-нѣжная, объединенная въ своей высшей сложности, устремленная къ одной высшей цѣли, многострадальная и глубокая личность писателя».

Очень интересную замѣтку помѣстилъ въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Колычевъ. Замѣтка эта носитъ названіе «Вопросы просвѣщенія на пріискахъ Сибири» и немножко подымаетъ завѣсу того малоизвѣстнаго у насъ мірка, который называется «золотыми пріисками». Мы говоримъ подымаетъ «немножко», потому что г. Колычевъ вовсе или почти вовсе не касается въ своей замѣткѣ экономическаго положенія пріисковыхъ рабочихъ, ихъ правового состоянія и многихъ другихъ основныхъ чертъ, характеризующихъ бытъ населенія пріисковъ, но и то малое, что даетъ замѣтка, заслуживаетъ несомнѣннаго вниманія читателей. Дѣло идетъ о положеніи на золотыхъ пріискахъ

школьнаго и внѣшкольнаго образованія рабочихъ и ихъ дѣтей, которое обстоитъ прямо-таки ниже всякой критики. А между тѣмъ вопросъ этотъ имѣетъ большое значеніе и долженъ интересовать общество. «Вопросъ объ устройствѣ на пріискахъ воспитательно-образовательныхъ учрежденій,—пишетъ г. Колычевъ,—пріобрѣтаетъ особенную остроту въ силу условій золотого промысла. Какъ специфическая особенность большинства пріисковъ—отдаленность ихъ отъ населенныхъ мѣстъ и культурныхъ центровъ и полнѣйшая оторванность отъ культурной жизни. Особенность эта ставитъ пріисковую рабочую массу въ условія, неблагопріятныя для ея культурнаго и экономическаго роста. На пріискахъ, удаленныхъ отъ горнаго надзора, не можетъ быть рѣчи о законахъ, нормирующихъ положеніе рабочихъ, потому что тамъ некому наблюсти за исполненіемъ этихъ законовъ. Что значатъ шесть окружныхъ инженеровъ съ помощниками на золотопромышленный районъ, занимающій площадь въ нѣсколько западно-европейскихъ государствъ! Представитель горнаго надзора здѣсь рѣдкій и недолгій гость... На пріискахъ работаютъ по 12—15 часовъ въ сутки въ теченіе операціи, длящейся 6—7 мѣсяцевъ; на пріискахъ живутъ въ шалашахъ, землянкахъ и избушкахъ, гдѣ холодно, сыро, тѣсно, грязно; на пріискахъ всякіе необходимые рабочему продукты и припасы продаются втридорога, потому что существующія таксы или высоки, или не исполняются золотопромышленниками; на пріискахъ, гдѣ заболѣваемость изумительно высока, существуетъ лишь подобіе медицинской помощи, которую подаетъ малограмотный солдатъ-фельдшеръ. Наконецъ, на пріискахъ не существуетъ ни школъ, ни библіотекъ, ни чтеній, ни спектаклей, ни другихъ какихъ просвѣтительныхъ учрежденій, хотя нужда въ этого рода учрежденіяхъ должна быть, и дѣйствительно чувствуется, очень сильная. Многіе рабочіе живутъ съ семьями, кто одну операцію, а кто и дольше, и какъ для дѣтишекъ нужна школа, такъ для взрослыхъ—театръ и книга. Иначе дѣти обречены на безграмотность, въ наши годы страшную по своимъ послѣдствіямъ, а взрослые, оторванные отъ всего міра, угнетенные и экономически, и духовно, и физически, находятъ «одну торную дорогу»—къ пріисковому амбару, гдѣ въ изобиліи хранится хозяйская сивуха».

Такимъ образомъ условія, въ которыхъ живутъ пріисковые рабочіе, требуютъ особенно настоятельно заботъ о созданіи на пріискахъ всякаго рода просвѣтительныхъ учрежденій. Какъ же обстоитъ это дѣло на практикѣ? А вотъ какъ: въ томскомъ горномъ округѣ первый съѣздъ золотопромышленниковъ, состоявшійся въ 1897 году, высказался за устройство передвижныхъ школъ и за привлеченіе къ участію въ расходахъ и промышленниковъ и рабочихъ, но на дѣлѣ изъ этого ничего не вышло. «Въ 1899 году,—пишетъ г. Колычевъ,—на пріискахъ томскаго округа «считалось» 7 школъ грамоты, о функціонированіи которыхъ никакихъ свѣдѣній, впрочемъ не имѣется». Вотъ и все то, болѣе чѣмъ немногое, что имѣется по вопросу о школьномъ дѣлѣ въ томскомъ округѣ. Перейдемъ къ другимъ округамъ.

«На первомъ съѣздѣ *южно-енисейскаго* округа,—пишетъ г. Колычевъ,—«по общему убѣжденію, по мѣстнымъ условіямъ» признана «болѣе подходя-

щею» подвижная школа. Опредѣлено было въ будущемъ же (1898) году открыть двѣ такихъ школы, пока на счетъ тѣхъ золотопромышленниковъ, на пріискахъ которыхъ онѣ будутъ функціонировать. Согласно этому постановленію, двѣ школы, дѣйствительно, были открыты, но не какъ подвижныя, а какъ постоянныя, обѣ въ системѣ рѣки Б. Мурожной». Въ одной изъ нихъ обучалось въ 1799 году—25 человѣкъ, въ другой—12. Къ 1901 году число школъ выросло до громадной цифры. Ихъ было уже цѣлыхъ 4 и въ нихъ обучалось 69 дѣтей обоего пола, изъ которыхъ оканчивало курсъ, впрочемъ, лишь весьма небольшое количество. «Незначительный контингентъ оканчивающихъ курсъ объясняется,—по мнѣнію докладывавшаго съѣзду о школахъ горнаго исправника Барышникова,—съ одной стороны подвижностью пріисковаго населенія, а съ другой—погонею родителей *за наживой*: дѣтей берутъ изъ школы подъ гальку, гдѣ мальчики получаютъ по 14—18 рублей въ мѣсяцъ». «Г. исправникъ немножко преувеличиваетъ,—говоритъ, приведя эту цитату, г. Колычевъ: не жажда «наживы», а нужда заставляетъ рабочаго, быть можетъ, скрѣпя сердце, взять мальчика изъ училища, чтобы пустить въ работу всѣ наличныя силы семьи».

«Ачинско-минусинскій съѣздъ,—продолжаетъ г. Колычевъ,—остановился на мысли устроить по одной подвижной школѣ на каждую группу пріисковъ. «Двадцать малютокъ (обоего пола) учебнаго возраста на пріискахъ данной системы должны составить норму, при которой содержаніе подвижной школы обязательно для промышленниковъ той системы,—полагалъ съѣздъ.—Промышленники, устроившіе школу непосредственно на своемъ пріискѣ, въ расходахъ по содержанію подвижной школы могутъ не участвовать». Но дальше добрыхъ намѣреній, если даже и предположить ихъ наличность, дѣло и здѣсь не пошло: «школьный вопросъ въ ачинско-минусинскомъ округѣ такъ и не шагнулъ дальше многотерпѣливой бумаги».

«Такая же участь постигла школьный вопросъ и на съѣздахъ золотопромышленниковъ степныхъ областей и сѣверно-енисейскаго округа, гдѣ его обошли полнѣйшимъ молчаніемъ».

Такъ патріархально обстоитъ дѣло со школьныхъ образованіемъ на пріискахъ. Да и зачѣмъ оно, когда и безъ него предпринимателямъ, право, живется недурно, а что касается пріисковаго люда, то, вѣдь, давно уже сказано: не бѣда, что потерпитъ мужикъ... Зачѣмъ образованіе, если экономическая сторона золотопромышленныхъ предпріятій является, по сдѣланному г. Колычевымъ разсчету, въ слѣдующемъ видѣ:

«Въ 1900 году въ томской горной области разрабатывалось 654 пріиска, занято было 21.021 рабочій; намыто золота 321 пудъ, въ среднемъ около 60 золотниковъ каждымъ рабочимъ. Оцѣнивая 60 золотниковъ въ 400 руб. и прибавляя къ этому доходъ промышленника отъ продажи пищевыхъ продуктовъ и другихъ припасовъ и вина рабочимъ (всего на сумму 70—80 рублей), получимъ, что каждый рабочій приносилъ 480 рублей. Въ то же время заработокъ средняго рабочаго въ операціи колебался между 220 и 250 руб.»

Тутъ «прибавочную стоимость» вычислить уже не трудно. Ясно, что

образованіе рабочихъ въ глазахъ предпринимателей должно являться совершенно излишнею роскошью.

Относительно внѣшкольнаго образованія взрослыхъ рабочихъ дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ школьное образованіе пріисковой дѣтворы. Правда, съѣзды золотопромышленниковъ возбуждали по этому поводу разнаго рода ходатайства, но послѣднія по обыкновенію не удовлетворялись, и съѣзды, повидимому, этимъ очень мало огорчались. Среди золотопромышленниковъ встрѣчались, правда, отдѣльныя просвѣщенныя личности, искренно желавшія сдѣлать что-нибудь существенное для блага трудящейся массы (къ такимъ исключительнымъ личностямъ принадлежалъ нерѣдко упоминаемый г. Колычевымъ золотопромышленникъ г. Саввиныхъ), но, въ общемъ, узко-классовые интересы промышленниковъ выступали на пріискахъ съ особенною яростью. То немногое, что устроено на пріискахъ для развитія духовныхъ потребностей взрослыхъ рабочихъ, до такой степени мизерно, что заслуживаетъ вниманія читателей исключительно со стороны своей. мизерности. Г. Колычевъ формулируетъ въ концѣ своей замѣтки тѣ пожеланія, осуществленіе которыхъ является на пріискахъ крайне необходимымъ. Эти пожеланія сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

«1) Для интеллектуальнаго развитія рабочихъ, имѣющихъ въ настоящее время очень невысокій умственный уровень, а также съ цѣлью отвлеченія ихъ отъ пьянства и съ цѣлью разумнаго использованія свободнаго времени, на пріискахъ необходимо завести библіотечки. Въ виду экономіи расходовъ на это дѣло и наиболѣе цѣлесообразной постановки его, библіотеки могутъ быть передвижныя, подобранныя свѣдущимъ въ литературѣ лицомъ.

«2) Такъ какъ въ настоящее время рабочіе не пользуются свободными днями и, вслѣдствіе тяжелыхъ условій труда и жизни, крайне нуждаются въ отдыхѣ, то необходимо измѣнить существующій законъ въ томъ смыслѣ, чтобы отдыхъ былъ *обязателенъ*, а не предоставлялся соглашенію хозяина съ рабочимъ.

«3) Въ дни отдыха продажа питейныхъ напитковъ изъ пріисковыхъ амбаровъ ни въ какомъ случаѣ не должна допускаться и всякое отступленіе отъ этого правила должно строго преслѣдоваться. Ибо, если промышленники попрежнему будутъ спаивать рабочихъ, то никакія культурныя средства не помогутъ оздоровленію пріисковой жизни».

Все это прекрасно, но гдѣ же тѣ силы, которыя взяли бы на себя починъ въ подобныхъ начинаніяхъ?

Въ январьской книжкѣ «Образованія» помѣщена заслуживающая вниманія статья г. Изгоева, носящая названіе «Интеллигенція, какъ соціальная группа». Извѣстно, что въ 70-хъ годахъ подъ интиллигенціей подразумѣвался, по опредѣленію одного изъ крупнѣйшихъ писателей того времени, такой слой населенія Россіи, у котораго «сердце и разумъ съ народомъ». Съ этой точки зрѣнія заявлялось, что Бѣлинскій и Лермонтовъ—интеллигенція, а «Аксаковъ есть *интеллигенція*, состоящая въ вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи,

къ московскимъ купцамъ». Г. Изгоевъ вѣрно указываетъ на несостоятельность такого опредѣленія «Логическая несостоятельность этихъ чисто субъективныхъ опредѣленій, — говоритъ онъ, — бьетъ въ глаза. Если въ понятіе интеллигенціи, какъ необходимый признакъ, входитъ требованіе, чтобы «сердце и разумъ» человѣка были «съ народомъ», то какъ же можно назвать «интеллигенціей» Аксакова, «состоящаго въ вассальныхъ отношеніяхъ къ буржуазіи»... Въ наше время, конечно, никто не подпишется подъ этимъ опредѣленіемъ. Поговорите-ка, напримѣръ, съ нововременскимъ Энгельгардтомъ или княземъ Мещерскимъ. Они горячо васъ будутъ увѣрять, что именно ихъ «разумъ» и ихъ «сердце» съ «народомъ», и что они съ чистою совѣстью могутъ сказать про себя: мы интеллигенція, тогда какъ Н. К. Михайловскій, В. Г. Короленко не кто другіе, какъ лица, «состоящія въ вассальныхъ отношеніяхъ» къ врагамъ Россіи. И очевидно, что на этой почвѣ никакой споръ съ ними невозможенъ, очевидно также, что на столь шаткомъ и субъективномъ критеріи нельзя построить опредѣленія цѣлой соціальной группы, наличность которой въ Россіи для всѣхъ очевидна и крупная роль которой въ жизни страны ни для кого не является тайной».

Послѣ длиннаго ряда разсужденій, г. Изгоевъ предлагаетъ свое опредѣленіе понятія «интеллигенція»:

«Признакомъ,—говоритъ онъ,—позволяющимъ изъ рядовъ класса интеллектуальныхъ работниковъ выдѣлить извѣстное количество индивидуумовъ и объединить ихъ въ особую соціальную группу — интеллигенцію, служитъ *присущій профессіональной дѣятельности этихъ лицъ элементъ учительства въ широкомъ смыслѣ слова* (курсивъ г. Изгоева), передача людямъ свѣдѣній и накопленныхъ знаній съ цѣлью наученія. Признакъ вполнѣ объективный, объясняющій матеріальныя основы существованія «интеллигенціи», не включающій такихъ, напримѣръ, субъективныхъ требованій, чтобы у представителя интеллигенціи «сердце и разумъ» были «съ народомъ». Даже обыденное словоупотребленіе, въ которомъ царитъ полный хаосъ, содержитъ явные намеки, что «учительство» — характернѣйшій признакъ интеллигенціи. Средній человѣкъ, при перечисленіи представителей интеллигенціи, непремѣнно назоветъ на первомъ планѣ: профессоровъ, учителей, литераторовъ, проповѣдниковъ. Для нихъ обычное словоупотребленіе создало даже особый терминъ: представители *высшей* интеллигенціи страны, причемъ подъ низшей, очевидно, разумѣются всѣ остальные представители интеллектуальнаго труда—отъ врачей до бухгалтеровъ и отъ консисторскихъ писцовъ до департаментскихъ заправилъ. Педагоги всѣхъ родовъ, литераторы и проповѣдники, дѣйствительно, называются наиболѣе типичными представителями соціальной интеллигенціи; они даютъ окраску и другимъ лицамъ, подобно тому какъ въ наше время принципы *профессіональнаго* «учительства» распространяются и на учительство, не ставшее еще профессіей».

Отсюда г. Изгоевъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ.

«Учительство,—пишетъ онъ, — понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, нуждается въ свободѣ. Сдѣлайте элементарный психологическій опытъ.

Если въ самой обыкновенной школѣ, гдѣ учитель занимается съ ребятишками, будетъ постоянно присутствовать лицо для надзора за преподаваніемъ, ученіе пойдетъ крайне скверно даже въ томъ случаѣ, если надзиратель будетъ только наблюдать и производить, какъ сказано, нравственное давленіе; если же онъ будетъ и активно вмѣшиваться, поправляя учителя, то изъ ученія ровно ничего не выйдетъ. Это же явленіе, только въ большемъ масштабѣ, повторяется въ дѣятельности всей интеллигенціи. Учительство требуетъ наличности извѣстныхъ отношеній между лицомъ, распространяющимъ знанія, и тѣмъ, кто ихъ воспринимаетъ, такихъ отношеній, которыя бы обезпечивали для интеллигента сомоуваженіе. Безъ самоуваженія трудъ интеллигенціи никогда не будетъ производительнымъ. Учительство въ широкомъ смыслѣ безспорно самый тонкій видъ интеллектульнаго профессіональнаго труда. И, дѣйствительно, ни въ одной соціальной группѣ самоуваженіе, чувство собственнаго достоинства не развито такъ сильно, какъ у интеллигенціи. И имѣетъ оно при этомъ свой специфическій характеръ. Чувство собственнаго достоинство было развито очень сильно у феодаловъ, у родовой аристократіи. Но тамъ оно было иного типа. На основаніи его требовали власти, покорности и другихъ признаковъ подчиненности. Чувство же собственнаго достоинства у интеллигенціи заставляетъ ее требовать свободы, отстаивать свою независимость, даже больше, требовать свободы и для враждебныхъ мнѣній, для своихъ противниковъ»...

Эти свойства интеллигенціи заставляютъ ее играть и особую роль въ жизни страны, особливо въ ея критическія эпохи.

«Когда въ окружающей жизни мало простора,—пишетъ г. Изгоевъ,—интеллигенція, въ силу присущаго ей стремленія къ свободѣ, становится на самый высокій пьедесталъ въ странѣ, переживаетъ героическую эпоху. Такъ было во всѣхъ странахъ, вездѣ было время, когда интеллигенція рождала несмѣтное число героевъ. По мѣрѣ того, какъ область свободы расширяется (все относительно), по мѣрѣ того, какъ усиливаются ранѣе надавленныя общественныя группы. интеллигенція обезцвѣчивается, распаивается, идетъ на службу къ различнымъ общественнымъ группамъ. Это процессъ фатальный...

«Но въ тѣ времена, когда въ жизни вообще нѣтъ простора, когда всѣ общественныя группы чувствуютъ потребность и въ прочной независимости для своей дѣятельности, и въ обезпеченности личности членовъ своей группы, интеллигенція, съ ея стремленіемъ къ полной и разносторонней свободѣ, становится передовымъ элементомъ общества. Въ это время она и можетъ сыграть выдающуюся роль въ національной жизни, твердо дѣйствовать, какъ особая, цѣльная по своимъ практическимъ стремленіямъ, общественная группа, громко говорить отъ имени всей націи, интересы которой она представляетъ, такъ какъ эти интересы въ самой общей формулировкѣ сводятся къ освобожденію человѣческой личности, къ освобожденію духа».

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

I.

Ляо-дун'скій (Квантунскій) полуостровъ.

Постепенно расширяющіеся торговые и политическіе интересы европейскихъ державъ на Дальнемъ Востокѣ заставили Россію, Францію, Германію и Англію подумать объ огражденіи своихъ интересовъ отъ возможныхъ случайностей, и вскорѣ послѣ японско-китайской войны начались съ Китаемъ переговоры объ уступкѣ на правахъ арендаго пользованія извѣстныхъ пунктовъ, благодаря которымъ державы могли бы защищать свои интересы. 15-го марта 1898 г. россійскіе и китайскіе уполномоченные подписали въ Пекинѣ договоръ, по которому часть Ляо-дун'скаго полуострова съ Портъ-Артуромъ и портомъ Далянь-вань, съ соотвѣтствующимъ воднымъ пространствомъ, была отдана Россіи въ аренду на 25 лѣтъ съ правомъ продолжить этотъ срокъ по взаимному соглашенію. По этому же договору Россія получила право провести отъ сибирской магистрали желѣзнодорожную линію на соединеніе съ Портъ-Артуромъ по китайскимъ владѣніямъ, именно по Манчжуріи. 16-го марта русскія войска съ эскадры подъ начальствомъ контръ-адмирала Дубасова, стоявшей на Портъ-Артурскомъ рейдѣ съ конца 1897 г., заняли Портъ-Артуръ.

Вскорѣ по занятіи русскими Портъ-Артура была назначена разграничительная коммиссія, въ составъ которой вошли представители Китая и Россіи, для установленія точной границы какъ новыхъ русскихъ владѣній, такъ и нейтральной зоны къ сѣверу отъ нашихъ владѣній, которая осталась во владѣніи Китая, но безъ права держать тамъ войска. Несмотря на противодѣйствіе китайскихъ коммиссаровъ и даже явное сопротивленіе со стороны довольно враждебно настроеннаго населенія, коммиссія эта выполнила возложенную на нее задачу и къ концу 1898 г. подробно обозначила орографически ничѣмъ не отмѣченную границу постановкой 31 пограничнаго столба.

Русскіе получили Портъ-Артуръ въ почти совершенно разрушенномъ состояніи. Чтобы привести его въ видъ, соотвѣтствующій морскому порту, имѣющему столь важное значеніе, потребовалась громадная затрата энергіи и средствъ. Работать приходилось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но уже въ самомъ непродожительномъ времени Портъ-Артуръ былъ укрѣпленъ и съ моря, и съ суши.

16-го августа состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи временного положенія объ управленіи Квантунской областью. По этому положенію Квантунская область, за исключеніемъ гор. Цзинь-чжоу, которому была сохранена автономія, раздѣляется на пять участковъ. Управленіе области составляютъ: главный начальникъ Квантунской области, онъ же командующій войсками области и морскими силами Тихаго океана; коммиссары по частямъ гражданской и финансовой, чиновникъ по дипломатической части и другія управле-

нія отдѣльными частями разныхъ вѣдомствъ; мѣстныя административныя учрежденія—участковыя, городскія и сельскія, и, наконецъ, судебныя установленія. Въ порядкѣ общаго управленія Квантунская область состоитъ въ вѣдѣніи военнаго министерства. Мѣстопребываніемъ управленія назначенъ гор. Портъ-Артуръ. Обществу китайской восточной желѣзной дороги предоставлено устройство гор. Дальняго, образующаго отдѣльное градоначальство, находящееся въ вѣдѣніи министерства финансовъ. Въ гор. Дальнемъ устраивается коммерческій портъ, эксплоатація котораго предоставляется тому же желѣзнодорожному обществу. 19-го августа 1899 г. главнымъ начальникомъ области назначенъ вице-адмиралъ Е. И. Алексѣевъ.

Мирное развитіе Квантунскаго полуострова было нарушено въ 1900 году возникшимъ тогда въ Китаѣ возстаніемъ боксеровъ, для усмиренія котораго пришлось истратить много средствъ и энергіи и на время отвлечься отъ созидающей дѣятельности. Китайскія власти старались всячески возбуждать населеніе противъ русскаго управленія, продолжали взыскивать съ населенія таможенныя и соляныя пошлины и всячески противились мѣропріятіямъ русскихъ властей. Въ октябрѣ 1898 г. русскія власти арестовали таможенныя и соляныя конторы въ Би-цзы-во и Янъ-тоу-ва, при посредствѣ которыхъ китайскія власти взыскивали пошлины съ мѣстнаго населенія. 14-го же іюля 1900 г. былъ взятъ и самый городъ Цзинъ-чжоу, мѣстопребываніе китайскихъ властей, и тамъ введено русское гражданское управленіе.

Непосредственно послѣ занятія начались всестороннія изслѣдованія русскими занятой территоріи, и теперь наши свѣдѣнія о ней, хотя далеко еще неполныя, даютъ возможность представить краткій очеркъ Ляо-дун'скаго полуострова съ физико-географической и статистической точекъ зрѣнія.

Занятая нами территорія извѣстна подъ именемъ Квантунской области. Русскій синологъ Э. В. Бретшнейдеръ указываетъ на то, что названіе Кванъ-тунъ есть испорченное китайское названіе Гуань-дунъ (на востокъ отъ заставы), которое въ простонародьи употреблялось для обозначенія всей Манчжуріи. Южная часть Манчжуріи издавна называлась Ляо-дунъ (востокъ отъ р. Ляо), почему этому названію и слѣдуетъ отдать предпочтеніе, какъ болѣе древнему. Нѣкоторые авторы именемъ Квантуна называютъ только южную часть полуострова къ югу отъ гор. Цзинь-чжоу, соединенную съ Ляо-дунъ'скимъ полуостровомъ узкимъ перешейкомъ. По мнѣнію Бретшнейдера, русскіе изслѣдователи были здѣсь введены въ заблужденіе англійской морской картой 1860 г., на которой у оконечности полуострова написано «Kwantung Peninsula». По мнѣнію того же Бретшнейдера, правильно какъ названіе Ляо-дун'скій, такъ и Квантунскій, только слово Квантунъ надо передавать Гуань-дунъ, тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ протоколѣ пекинскаго договора полуостровъ названъ Гуань-дун'скимъ. Самое правильное названіе полуострова будетъ такое: «Гуань-дун'скій (Ляо-дун'скій) полуостровъ».Оффиціальное же названіе—Квантунская область.

Границы Квантунской области: съ сѣвера пограничная линія, идущая отъ сѣверной оконечности порта Адамса до сѣверной оконечности бухты Би-цзы-

во, съ запада—Ляо-дун'скій заливъ, съ юга—Чжилійскій заливъ, съ востока—Корейскій. Береговая линія, включая сюда и острова, уступленные Россіи, составляетъ около 400 верстъ, а сѣверная пограничная линія—53¾ версты. Вся площадь занятой Россіею территоріи, входившей раньше въ составъ манчжурской провинціи Шэнъ-цзинъ, равняется вмѣстѣ съ островами 2.784 кв. верстъ, т.-е. меньше Царскосельскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Береговая линія очень изрѣзана и образуетъ много бухтъ, но всѣ эти бухты мелководны, доступны вѣтрамъ и, за немногими исключеніями, не представляютъ удобствъ для судовъ.

Въ орографическомъ отношеніи полуостровъ представляетъ средней высоты нагорье, низменныхъ мѣстъ очень мало—всего около 8% всей поверхности. Горы, заполняющія полуостровъ, повидимому, составляютъ отроги хребта Чанъ-бо-шань между Кореей и Манчжуріей. Отроги эти не имѣютъ вполнѣ опредѣленнаго направленія, но все же вдоль всего полуострова можно прослѣдить водораздѣльный хребетъ между рѣками, впадающими въ Ляо-дун'скій и Корейскій заливы. Хребетъ заходитъ въ нашу территорію съ сѣвера и идетъ въ южномъ и юго-западномъ направленіи, представляя собою гряду пологихъ холмовъ, вышиною до 85 метровъ. Постепенно понижаясь, близъ дер. Ю-цзя-тунь онъ сходитъ почти на нѣтъ. Повышаясь далѣе, наибольшей высоты онъ достигаетъ на горѣ Сампсонъ (Лао-ху-шань), высотою до 630 м. Гора Лао-ху-шань (Тигровая гора) представляетъ собою могучій массивъ, южные отроги котораго замыкаютъ съ востока бухту Да-лянь-вань. Далѣе водораздѣлъ слѣдуетъ по перешейку и переходитъ въ группу Ань-цзы-шань (Double-Peak), вышиною въ 340 м., далѣе онъ переходитъ въ группу Си-шань, высотою 110 м., еще далѣе онъ носитъ названіе Дунь-да-линъ (около 210 м.). Къ югу отъ Дунь-да-лин'а, оканчивающагося на сѣверномъ берегу бухты Луиза, отдѣляется отрогъ Яо-шань (около 200 м. высотою), охватывающій Портъ-Артуръ съ сѣв.-запада, и отдѣленный отъ него долиною р. Лунъ хребетъ Драконовъ, средней высотою 150 м., огибающій Портъ-Артуръ съ сѣвера и сѣверо-востока. На юго-западномъ концѣ полуострова водораздѣльный хребетъ оканчивается массивомъ Лао-тѣ-шань, высотою 430 м., восточные отроги котораго съ запада ограничиваютъ Портъ-Артурскую бухту.

Восточнѣе бухты Та-хэ отъ группы Дунь-да-линь тянется вѣтвь вплоть до бухты Викторія, отдѣленная отъ первой вѣтви дикою и скалистою долиною р. Малянь, впадающей въ заливъ Хао-суй.

Общій характеръ горъ болѣе или менѣе одинаковъ. Большинство вершинъ имѣетъ коническую или шатровую форму, а кряжи образуютъ оголенные узкіе скалистые гребни. Горы безжизненны благодаря отсутствію на нихъ лѣса, и вообще ландшафтъ представляетъ довольно безотрадную картину. По геологическому строенію полуостровъ относится къ древнѣйшимъ образованіямъ. Древнѣйшія породы—гнейсы и гнейсо-граниты тѣсно перепутаны между собою. Гнейсо-граниты наибольшее развитіе имѣютъ въ сѣверномъ участкѣ къ сѣверу отъ гор. Цзинь-чжоу. Слѣдующей свитой горныхъ породъ являются кварциты, сланцы и филлиты, названные Рихтгофеномъ Да-гу-шань'ской свитой по имени

горы Да-гу-шань. Третьей по возрасту группой породъ являются породы кембрійскаго возраста, названныя Рихтгофеномъ китайской формаціей. Эти породы на югѣ полуострова представлены, главнымъ образомъ, разныхъ сортовъ песчаниками, а къ сѣверо-востоку отъ Портъ-Артура разныхъ сортовъ известняки. Что касается полезныхъ ископаемыхъ, то здѣсь издавна добывается соль, каменный уголь и золото.

Соль добывается изъ морской воды выпариваніемъ воды, впущенной во время прилива въ особые бассейны. Перепуская воду тонкимъ слоемъ изъ одного бассейна въ другой, китайцы обогащаютъ воду солью и, наконецъ, сгущаютъ ее до того, что начинаетъ садиться самосадочная соль. По добычѣ соли особенно замѣчателенъ гор. Би-цзы-во. Соль получается трехъ сортовъ: первый сортъ—шанъ-дынь-янь—2—3 коп. за пудъ, второй сортъ—цунъ-дынь-янь и третій, самая грязная соль, санъ-дынь-янь (вообще грязная ха-янь), стоимостью 1½—2 коп. за пудъ. Кромѣ поваренной соли, китайцы попутно получаютъ еще и глауберову соль (пси-шо), идущую на приготовленіе квасцовъ и выдѣлку кожъ, а главнымъ образомъ для приготовленія подошвъ. Добыча соли такимъ способомъ требуетъ большой опытности отъ рабочихъ. При такой дешевизнѣ получаемаго продукта выгодность работы обусловливается дешевизной рабочихъ рукъ (вмѣстѣ съ харчами содержаніе рабочаго и плата ему обходятся 4 руб. въ мѣсяцъ), благопріятными климатическими условіями и, наконецъ, отсутствіемъ расхода на погашеніе затратъ при устройствѣ солеваренъ, такъ какъ онѣ переходятъ по наслѣдству и существуютъ лѣтъ по 100 и болѣе. Около Би-цзы-во добывалось ежегодно до полъ-милліона пудовъ соли, которая вывозилась въ Корею и въ порты Ляо-дун'скаго побережья. Продажная цѣна соли на промыслахъ 5 коп. за пудъ. Въ виду дороговизны соли во Владивостокѣ и Николаевскѣ на Амурѣ экспортъ ея былъ не безвыгоденъ.

Хорошаго каменнаго угля до сихъ поръ въ Квантунской области найдено не было. Старинныя китайскія работы можно видѣть въ нѣсколькихъ пунктахъ—на востокъ отъ Да-лянь-ваня на берегу бухты Deep и на устьѣ р. Ломашань, на берегу бухты Society, но уголь, добывавшійся изъ нихъ, весьма низкаго качества. Близъ дер. Па-ту-цзы русскій предприниматель Озеровъ производилъ развѣдку на каменный уголь, но благопріятныхъ результатовъ не получилось. По сообщенію Самойлова порядочный каменный уголь есть въ нейтральной зонѣ.

Что касается золота, то мѣсторожденій его, которыя бы безусловно заслуживали разработки, повидимому, тоже не имѣется. Извѣстный знатокъ и изслѣдователь Китая Рихтгофенъ допускаетъ, что мѣсторожденія золота на Квантунскомъ полуостровѣ существуютъ, потому что кое-гдѣ видны старинныя разработки. Начальникъ охотско-камчатской экспедиціи, горный инженръ К. И. Богдановичъ, которому поручено было осмотрѣть и Квантунскій полуостровъ, нашелъ мѣсторожденія золота въ 10 пунктахъ. Мѣсторожденія золота здѣсь встрѣчаются какъ разсыпныя, такъ и руднаго золота, и даже въ западной мелководной части бухты Портъ-Артура противъ дер. Бей-лянъ-цзы и въ бухтѣ Сяо-бинь-дао Богдановичемъ открыты морскія розсыпи. Золото изъ

Квантунскихъ мѣсторожденій очень хорошихъ качествъ—высокопробное, чистое, крупное, но содержаніе его въ пустой породѣ неизвѣстно.

Рѣки Квантунскаго полуострова дѣлятся на два бассейна: рѣки, впадающія въ Ляо-дун'скій заливъ и впадающія въ Корейскій заливъ. Болѣе значительныя изъ нихъ впадаютъ въ Корейскій заливъ, а въ Ляо-дун'скій впадаетъ много, но совершенно незначительныхъ рѣчекъ. Надо замѣтить, что большая часть рѣчекъ и ручьевъ сухи и наполняются водой лишь послѣ ливней. Рѣчекъ, въ которыхъ вода имѣется постоянно, очень немного. Таковы рѣки, впадающія въ Корейскій заливъ: Цанъ-цзя-хэ, Да-ша-хэ, Цинъ-шуй, Малань-хэ, Да-хэ, Лунъ-хэ и др., а изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Ляо-дун'скій заливъ—Ань-цзы-хэ, Ши-хай-да-хэ, Цзинь-чжоу-хэ. Всѣ рѣки несудоходны. Озеръ мало, и они не велики. Самое большое озеро Да-пао, въ 2 в. къ западу отъ бухты Викторія, имѣетъ всего $1^3/_4$ в. въ діаметрѣ. Вода рѣкъ не всегда пригодна для питья, потому что она нерѣдко бываетъ солоновата и имѣетъ непріятный привкусъ.

Климатъ Портъ-Артура умѣренный, но съ нѣкоторыми особенностями. Къ этимъ особенностямъ нужно отнести муссоны, дующіе зимой съ сѣвера и сѣверо-запада, а лѣтомъ съ юга и юго-востока, большое количество солнечнаго свѣта и теплоты даже зимою, рѣзкія колебанія температуры атмосфернаго воздуха осенью и зимой и чрезмѣрно влажное лѣто. Зимній муссонъ начинается въ сентябрѣ—октябрѣ; онъ сухъ, благодаря прохожденію его надъ материкомъ, приноситъ ясную, холодную и сухую погоду. Лѣтній съ конца мая до сентября влаженъ, проходя надъ океаномъ, обусловливаетъ лѣтніе ливни. Снѣгъ зимою рѣдокъ, если и выпадаетъ, то не на долго. Средняя температура года въ Портъ-Артурѣ 11,5°С. Самые холодные мѣсяцы декабрь и январь. Самая низкая температура, наблюдавшаяся на портъ-артурской метеорологической станціи, открытой въ серединѣ марта 1899 г., была 19°С. Послѣдніе морозы бываютъ въ началѣ апрѣля, первые въ началѣ ноября. Наивысшія среднія мѣсячныя температуры въ іюлѣ и августѣ. Общая сумма осадковъ около 350 мм. Наибольшее количество даютъ іюль и августь. Лѣто настолько влажно, что металлическія предметы ржавѣютъ въ самое непродолжительное время, кожаныя вещи и хлѣбъ покрываются плѣсенью. Зной лѣтомъ очень силенъ, и солнечные удары не рѣдкость.

Коренное населеніе преимущественно китайцы, переселившіеся сюда изъ провинцій Чжи-ли и Шань-дун'а. Манчжуры если и есть, то они настолько въ настоящее время окитаились, что ихъ очень трудно, если даже не невозможно, отличить отъ китайцевъ. До прибытія русскихъ другихъ народностей не было. Теперь, кромѣ китайцевъ, есть еще русскіе, прочіе европейцы, японцы и корейцы. Въ «Памятной книжкѣ Квантунской области на 1901—1902 гг.» приведено слѣдующее исчисленіе населенія *). Всего жителей 264.267, изъ нихъ русскихъ 3.286, европейцевъ 194, японцевъ и корейцевъ 628, манчжуръ 67.576, китайцевъ 192.583. По городамъ они распредѣляются

---

*) Войска не включены въ эту перепись.

такъ: въ Портъ-Артурѣ 26.459, въ Дальнемъ 18.628, въ Таліенванѣ 3.557, въ Би-цзы-во 6.009, въ Цзинь-чжоу 11.272, въ остальной области 198.342. Средняя плотность населенія 95 чел. на 1 кв. версту. Откинувъ городское населеніе, получимъ плотность населенія въ области 71 чел. на 1 кв. версту. Изъ этихъ цифръ видно, что область населена очень плотно. Къ югу отъ Цзинь-чжоу населеніе распредѣлено болѣе или менѣе равномѣрно, къ сѣверу менѣе равномѣрно. Къ югу отъ Цзинь-чжоу наиболѣе населены окрестности Цзинь-чжоу, побережье Таліенванской бухты и побережья бухтъ Louise и Pigeon. Къ сѣверу наиболѣе населены окрестности Цзинь-чжоу, долина р. Ань-цзы-хэ и мѣстность Цзи-цзинь-шэ, занимающая весь сѣверо-восточный уголъ полуострова и ограниченная съ запада рѣкой Да-ша-хэ, а съ сѣвера границей. Китайскіе выходцы изъ внутренняго Китая, населяющіе теперь Квантунъ, по времени своего прибытія и различію въ соціальномъ положеніи раздѣляются на хань-цзюнъ'овъ (благородныхъ) и минъ'овъ (простолюдиновъ). Различаются они между собою лишь подробностями соціальнаго положенія. Въ отношеніи языка и обычаевъ они представляютъ въ общемъ совершенное тожество.

Въ административномъ отношеніи Квантунская область раздѣлена на 5 участковъ: I. Би-цзы-воскій (центръ управленія гор. Би-цзы-во), II. Лянъ-дзя-дян'скій (дер. Го-цзя-линъ), III. Портъ-Артурскій (дер. Шуй-ши-инъ), IV. Цзинь-чжоу'скій (гор. Цзинь-чжоу), V. Островной (гор. Таліенванъ). Каждый участокъ раздѣленъ на волости, волости на общества, а общества составляются изъ деревень, которыхъ въ 1901 г. было 1.828.

Главное занятіе мѣстнаго населенія земледѣліе. Въ 1901 году подъ посѣвами было занято 567.354 му *) земли. Изъ этого количества наибольшее приходилось на кукурузу (бао-ми)—250.910 му, гао-лянъ (Sorghum vulgare)—113.364 му, чумизу—88.808 му, бобы и горохъ—55.907 му, просо—24.580 му, пшеницу—20.296 му. Кромѣ того, въ незначительныхъ количествахъ воздѣлывается овесъ, рисъ, ячмень, гречиха и макъ. Небольшое количество земли занято садами и огородами. Кукуруза составляетъ одинъ изъ главныхъ пищевыхъ продуктовъ населенія и даже служитъ въ урожайные годы предметомъ вывоза. Гао-лянъ, или высокое просо, идетъ на кормъ скоту и употребляется для выкуриванія водки. Просо гу-цзы, называемое также сяо-ми, употребляется для уплаты подати натурой. Другой видъ просо-ми-цзы идетъ на выкуриваніе слабаго желтаго вина. Бобы и горохи также разводятся въ значительномъ количествѣ. Цинъ-доу—темный горохъ—употребляется для выдѣлки масла, а изъ выжимокъ приготовляютъ галеты. Этимъ дѣломъ занимается нѣсколько заведеній, главнымъ образомъ въ Би-цзы-во. Галеты употребляются, главнымъ образомъ, на кормъ скоту и на удобреніе полей, часть ихъ вывозится въ Чи-фу. Масло идетъ въ пищу и на освѣщеніе. Другой видъ гороха—люй-доу—зеленый горохъ—идетъ въ пищу и считается лакомствомъ. Небольшое количество мака, воздѣлываемое въ Квантунѣ, идетъ на приготовленіе опіума, но невысокаго качества. Картофель также разводится, но въ весьма

*) Му = 132 кв. с. $42^{60}/144$ кв. ф. = около 1/18 десятины.

небольшихъ количествахъ, такъ какъ употребленіе его еще не привилось у мѣстнаго населенія.

Изъ огородныхъ овощей разводятся салатъ, огурцы, баклажаны, лукъ, чеснокъ, стручковый перецъ, фасоль, редисъ, рѣдька. Въ небольшихъ количествахъ разводится также и табакъ, исключительно для собственнаго потребленія.

Во многихъ деревняхъ есть сады съ фруктовыми деревьями. Большинство растущихъ здѣсь плодовъ полудики, мелки и на вкусъ непріятны. Изъ плодовъ здѣсь дозрѣваютъ абрикосы, персики, тѣ и другіе мелкіе и мало ароматичные, нѣсколько сортовъ яблокъ, грушъ и сливъ, грецкіе орѣхи съ толстой скорлупой и очень грубые на вкусъ. Около Цзинь-чжоу въ небольшихъ размѣрахъ культивируется виноградъ, синій, бѣлый и розовый, нѣсколько похожій на бессарабскій. Культура его привита здѣсь католическими миссіонерами.

Скотоводство, какъ промыселъ, здѣсь не развито въ виду отсутствія пастбищъ. Жители держатъ скотъ только для домашнихъ надобностей, какъ рабочую силу. Въ 1901 г. было на полуостровѣ: лошадей 1.681, быковъ и коровъ 16.396, муловъ 9.078, ословъ 9.425, свиней 8.397, козъ и овецъ 6.110.

Прибрежные жители занимаются, кромѣ того, рыболовствомъ. Островные жители доставляютъ еще значительное число мореходовъ. О добычѣ соли уже сказано.

Въ общемъ же населеніе крайне бѣдно, бьется изъ-за куска хлѣба. Вся годная къ обработкѣ земля эксплоатируется и свободной земли не остается ни клочка. Торговля развита мало. Главными торговыми пунктамъ служатъ: г. Би-цзы-во и Цзинь-чжоу. Изъ Би-цзы-во вывозятся въ Чифу кукуруза, бобы, галеты и бобовое масло. Изъ Чифу получаются мануфактурные товары. пшеничная мука и рисъ. Второй по важности сношенія съ Би-цзы-во портъ Дадунъ-гоу, откуда получается лѣсъ и торфъ.

Флора и фауна изслѣдованы мало. Можно сказать, что фауна очень неразнобразна, благодаря большой плотности населенія. Изъ млекопитающихъ извѣстны только сѣрые зайцы и хорьки. Птицъ также очень мало. Лѣсовъ мало, состоятъ они изъ японской сосны, обыкновенной сосны, тополя, дуба, уксуснаго дерева и др.

Пути сообщенія до занятія русскими были въ крайне плачевномъ состояніи. Единственной дорогой служила дорога изъ Портъ-Артура въ Нью-чуанъ (Инкоу) черезъ Цзинь-чжоу и Фу-чжоу, называемая по-китайски Гуань-дао, а по русски Мандаринской дорогой и имѣющая по нашей территоріи протяженіе около 100 верстъ. Мандаринская дорога представляетъ полосу поселеній китайскихъ войскъ (такъ называемыхъ 8-знаменныхъ), на обязанности которыхъ лежало охранять путь, поддерживать и ремонтировать дорогу и держать гоньбу. Самыя названія селеній лежащихъ по этой дорогѣ, Эрръ-жи-ли-пу Сань-ши-ли-пу, Сы-ши-ли-пу и др., т.-е. «станки въ 20, 30. 40 ли», *) по-

*) Ли—½ версты.

казываютъ на ихъ происхожденіе. Вообще дороги не заслуживаютъ даже такого названія, никто ихъ не устраивалъ и не поддерживалъ. Только Мандаринская дорога болѣе или менѣе сносна.

Съ водвореніемъ русскихъ началась въ началѣ 1899 г. постройкой желѣзная дорога, идущая почти параллельно Мандаринской. Къ концу 1899 г. она была уже окончена. Отъ главной линіи отдѣляется вѣтвь Нанга-линъ—Дальній, длиною въ 15 в., Тафашинъ—Таліенванъ, длиною въ 5 в. Рѣчныхъ путей сообщенія нѣтъ, такъ какъ рѣки всѣ несудоходны.

Городами въ Квантунской области считаются Портъ-Артуръ, Цзинь-чжоу, Би-цзы-во (въ просторѣчіи Пи-коу) и Дальній. На мѣстѣ Портъ-Артура раньше находилась небольшая деревушка Люй-шунь-коу, въ которой жило небольшое рыбацкое населеніе. Но назначенный въ началѣ 1880 годовъ генералъ-губернаторомъ Печилійской провинціи Ли-хунь-чжанъ, обративъ вниманіе на прекрасное стратегическое положеніе Люй-шунь-коу (Портъ-Артура *), рѣшилъ сдѣлать изъ него военный портъ. Изъ Европы были выписаны инженеры и матеріалы, и работа закипѣла. Портъ-Артуръ оживился, сюда наѣхала масса рабочихъ и купцовъ, и въ скоромъ времени въ немъ насчитывалось уже нѣсколько тысячъ жителей. Взятый и разрушеный въ 1894 г. японцами, онъ былъ возстановленъ и еще сильнѣе укрѣпленъ русскими и теперь представляетъ сильную крѣпость. Расположенъ онъ на берегу Портъ-Артурскаго залива. Входъ въ заливъ узокъ и ограниченъ съ запада Тигровымъ полуостровомъ, а съ востока Золотой горой и грядой холмовъ. Заливъ этотъ довольно значителенъ по величинѣ, но мелководенъ. Въ восточной части его вырытъ искусственный бассейнъ съ двумя доками для миноносокъ и большихъ судовъ, весь бассейнъ облицованъ гранитомъ. Въ настоящее время въ Портъ-Артурѣ имѣется уже нѣсколько учебныхъ заведеній (реальное училище, женская гимназія и др.). издается газета «Новый Край», имѣется церковь, госпиталь, городская больница. метеорологическая станція, драматическое общество, театръ и другія учрежденія Въ гавани стоитъ постоянно русская эскадра. Съ 30 іюня 1903 г. Портъ-Артуръ получилъ еще большее значеніе, какъ мѣстопребываніе намѣстника. И съ моря, и съ суши Портъ-Артуръ защищенъ очень хорошо.

Городъ Дальній, большой порто-франко и коммерческій портъ, строится на западномъ берегу бухты Викторія на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 30-го іюля 1899 г. и въ настоящее время представляетъ уже вполнѣ благоустроенный городъ.

Городъ Цзинь-чжоу, взятый русскими 14-го іюля 1900 г., расположенъ на перешейкѣ, соединяющемъ сѣверный полуостровъ съ южнымъ, въ $1^1/_2$ в. отъ бухты Си-хай-коу, и обнесенъ толстой каменной стѣной, вышиною около 2 чжановъ (болѣе $2^1/_2$ саж.) и такой же толщины. Въ стѣнѣ оставлено 4 воротъ, прямо на сѣверъ, югъ, западъ и востокъ. Съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ городъ пересѣченъ двумя улицами. Въ центрѣ города по-

*) Портъ-Артуръ получилъ свое названіе въ 1880 г. въ честь командира одного англійскаго судна.

мѣщается кумирня въ честь бога войны Гуань-лао-ѣ-мяо. Здѣсь же сосредоточены главные рынки и лавки. Городъ очень бѣдный, зажиточные люди въ немъ только купцы, ведущіе экспортную торговлю. Торговля ведется черезъ западный портъ Си-хай-коу, очень мелководный и неудобный, но главнымъ образомъ черезъ Нань-хай-коу, извѣстный на морскихъ картахъ болѣе подъ именемъ Odin-Cove. Цзинь-чжоу — главный городъ Цзинь-чжоус'каго округа. Главныя занятія жителей округа—земледѣліе, солепромышленность и винокуреніе.

Таліенванъ—небольшой поселокъ, расположенный на полуостровкѣ, далеко вдающемся въ Таліенванскій заливъ, у такъ называемаго миннаго городка. Этотъ городокъ служилъ складомъ артиллерійскихъ запасовъ для китайскихъ батарей, защищавшихъ входъ въ заливъ. Би-цзы-во, называемый въ просторѣчіи Пикоу, расположенъ у бухты Би-цзы-во надъ моремъ на скатахъ лёсовыхъ холмовъ въ весьма живописной мѣстности. Бухта Би-цзы-во очень мелководна, только въ приливъ могутъ подходить лишь туземныя плоскодонныя джонки и шампунки. Площадь города равна $^3/_4$ квадр. вер. Набережныхъ нѣтъ. Дома очень невзрачные, китайской постройки. Параллельно набережной тянется главная улица. Какъ торговый портъ, Би-цзы-во довольно значителенъ. Въ 1894 г. было вывезено изъ Би-цзы-во на 150.000 фунтовъ стерл. Главные предметы вывоза—продукты земледѣлія, преимущественно бобовое масло. Отъ Би-цзы-во на востокъ тянется группа острововъ, извѣстныхъ на картахъ подъ именемъ Blond-и Elliot-grupре. Число значительныхъ острововъ въ группѣ Эллiотъ достигаетъ 16. Главное занятіе островного населенія—земледѣліе и рыболовство. Эти же острова доставляютъ значительное количество мореходовъ. Въ военномъ отношеніи эти острова очень удобны для стоянки миноносокъ, и въ ихъ лабиринтѣ можетъ прятаться цѣлый миноносный флотъ.

Таковы въ общемъ свѣдѣнія объ этомъ ничтожномъ сравнительно клочкѣ земли, на которомъ сосредоточено въ настоящее время вниманіе всего міра.

А. С—вичъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Свобода искусства и германскій рейхстагъ. Въ германской печати много толковъ вызываютъ пренія, происходившія въ рейхстагѣ по вопросу о свободѣ искусства. Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ, на сцену по случаю обсужденія устройства германскаго художественнаго отдѣла на выставкѣ въ Сен-Луи. Пренія по этому поводу приняли совершенно неожиданный характеръ и всѣ партіи рейхстага высказались противъ исключенія такъ называемыхъ «сецессіонистовъ», послѣдователей современнаго направленія въ искусствѣ устраненныхъ отъ участія въ выставкѣ. Особенно были поражены всѣ, когда депутатъ центра д-ръ Шпанъ вступился за сецессіонистовъ, признавая заслуги современнаго направленія въ искусствѣ, и горячо высказался въ пользу полнаго равноправія всѣхъ направленій въ искусствѣ. Произошла, какъ выра-

жаются газеты, настоящая демонстрація въ пользу свободы искусства, заключающая въ себѣ явное порицаніе правительства за его пристрастное отношеніе къ сецессіонистамъ. Не только лѣвая, но и правая рейхстага заявила, что искусство должно быть свободно и что ни какая верховная власть не можетъ ему предписывать никакихъ правилъ и навязывать догматовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно постоянное вмѣшательство верховной власти въ дѣло искусства вызвало этотъ протестъ, явно направленный противъ произнесенной императоромъ Вильгельмомъ, по случаю открытія «Аллей побѣды», рѣчи объ искусствѣ, въ которой онъ устанавливалъ для искусства извѣстныя рамки и предписывалъ ему извѣстное направленіе. Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ искусства принялъ политическій характеръ, тѣмъ болѣе, что прусское правительство, довольно безцеремонно относилось къ южно-германскимъ государствамъ, навязывая имъ свои взгляды на искусство и вызвало этимъ усиленіе партикуляристскихъ тенденцій, южно-германскія государства, Баварія, Баденъ, Вюртембергъ, а также Саксонія и великое герцогство Гессенское придаютъ огромное значеніе заботамъ о своемъ отечественномъ искусствѣ и смотрятъ на Мюнхенъ, какъ на столицу нѣмецкаго искусства. Во всѣхъ этихъ государствахъ далеко не раздѣляютъ взглядовъ прусскаго правительства, которое относится къ сецессіонистамъ чуть ли не какъ къ полицейски-неблагонадежнымъ людямъ, подлежащимъ надзору и подозрѣнію. Представители современнаго направленія въ искусствѣ въ южной Германіи не только пользуются всѣми правами, но получаютъ отличія и преподаютъ въ высшихъ художественныхъ школахъ. Само собою разумѣется, что этимъ союзнымъ государствамъ не могло быть пріятно, что прусское правительство совершенно игнорировало ихъ взгляды въ своихъ постановленіяхъ относительно выставки, хоть въ совѣщаніяхъ коммиссіи эти взгляды были выдвинуты на сцену. Такое поведеніе прусскаго правительства ясно носило характеръ давленія, направленнаго къ тому, чтобы обуздать свободное искусство и заставить его всюду организоваться по излюбленному прусскому образцу. Неудовольствіе вызванное этимъ стремленіемъ Пруссіи къ гегемоніи даже въ дѣлахъ искусства, выразилось въ преніяхъ рейхстага и бѣдный графъ Посадовскій очутился словно па горячихъ угольяхъ, когда ему пришлось отвѣчать на всѣ эти рѣчи по поводу того что сецессіонисты не будутъ участвовать въ германскомъ художественномъ отдѣлѣ. Онъ видимо былъ смущенъ, такъ какъ у него очевидно не было желанія играть роль диктатора въ искусствѣ, а приходилось нести отвѣтственность за то, что въ сущности не было его виной. Осторожный и предусмотрительный графъ Бюловъ искусно ретировался, предоставивъ своему коллегѣ выпутываться въ рейхстагѣ. Не даромъ одинъ изъ депутатовъ, Мюллеръ-Мейнининъ, сказалъ, что въ данномъ случаѣ графъ Посадовскій играетъ роль «козла отпущенія» или то, что по нѣмецки называется: «Prügelknabe», получающій побои за другого.

Женскій вопросъ снова былъ выдвинутъ на сцену въ рейхстагѣ по случаю дебатовъ объ учрежденіи особыхъ купеческихъ судовъ для разбирательства споровъ, возникающихъ между хозяевами и приказчиками. Эти суды, которые бубутъ организованы по образцу промышленныхъ судовъ, должны будутъ имѣть

своею главною цѣлью улаженіе разногласій, примиреніе сторонъ и предупрежденіе стачекъ. Какъ хозяева такъ и приказчики имѣютъ право выбирать одинаковое число членовъ въ эти суды. Печать отнеслась очень сочувственно къ этому законопроекту правительства, либеральныя же газеты поставили на видъ, что правительственный законопроектъ совершенно игнорируетъ права женщины, служащихъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, какъ будто ихъ совсѣмъ не существуетъ. Въ время преній въ рейхстагѣ только одни консерваторы высказались въ пользу такого взгляда на трудящуюся женщину, какъ на совершенно безправное существо, несмотря на то, что, по даннымъ оффиціальной статистики въ Германіи не менѣе 120.000 служатъ въ различныхъ магазинахъ и конторахъ, исполняя совершенно одинаковыя съ мужчиной обязанности. И тутъ графъ Посадовскій, которому пришлось отвѣчать на рѣчи депутатовъ, не зналъ какъ ему вывернуться. Онъ даже соглашался, что нѣтъ никакихъ аргументовъ противъ распространенія на приказчицъ тѣхъ же правъ, какими будутъ пользоваться приказчики, но прибавилъ все-таки, что правительство возьметъ назадъ свой законопроектъ, если рейхстагъ будетъ настаивать на включеніе женщинъ и распространеніи на нихъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права. Законопроектъ поступилъ теперь на обсужденіе коммиссіи и надѣются, что она взглянетъ на это дѣло иначе, чѣмъ графъ Посадовскій

Очень оживленныя пренія въ рейхстагѣ вызвалъ также вопросъ о принудительныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ (Zeugnisszwang) редакторовъ и о профессіональной тайнѣ. За отказъ назвать суду автора какой-нибудь статьи нѣмецкіе судьи приговариваютъ редактора къ денежному штрафу, а иногда и къ тюремному заключенію до шести мѣсяцевъ. Такіе случаи повторялись, особенно въ послѣднее время, довольно часто и главнымъ образомъ доставалось редакторамъ оппозиціонныхъ газетъ, отказывавшихся называть авторовъ статей, непріятныхъ высокопоставленнымъ лицамъ, поэтому въ рейхстагъ былъ внесенъ предсѣдателемъ союза германскихъ издателей запросъ, который выставлялъ на видъ все несоотвѣтствіе закона, не принявшаго во вниманіе особыхъ условій печати. Авторъ запроса указывалъ на то, что священникъ, врачъ и чиновникъ обязаны сохранять профессіональную тайну, тогда какъ журналисты ставятся въ этомъ отношеніи въ совершенно особое положеніе и имъ закономъ вмѣняется въ обязанность нарушать профессіональную тайну.

Предсѣдатель союза германскихъ издателей націоналъ-либералъ, но его поддерживали не только депутаты его партіи, но даже нѣкоторые изъ консерваторовъ. Одинъ изъ соціалъ-демократовъ привелъ нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, что этотъ законъ въ большинствѣ случаевъ служитъ лишь орудіемъ для преслѣдованія оппозиціонной печати. Но къ чести германской печати надо все-таки сказать, что редакторъ выдающій своего сотрудника изъ страха передъ наказаніемъ, составляетъ крайне рѣдкое явленіе. Депутатъ правой Отто Арендтъ также выступилъ въ защиту правъ печати, сказавъ, что ее нельзя заключать въ узкія рамки и что это невыгодно даже съ правительственной точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ вопросъ о профессіональной тайнѣ редак-

тора поставленъ теперь на очередь и, конечно, на него будетъ обращено вниманіе во время предстоящаго обсужденія судебной реформы.

Разумѣется, эти пренія въ рейхстагѣ вызвали и въ газетахъ оживленныя разсужденія. Консервативная печать доказывала, что нельзя приравнивать священниковъ и врачей къ редакторамъ. Вѣдь священникъ и врачъ должны непремѣнно имѣть дипломъ, а редакторомъ можетъ быть каждый и никакого диплома для этого не нужно! На это оппозиціонная печать справедливо возражаетъ, что именно въ журналистикѣ трудъ и талантъ имѣютъ первостепенное значеніе, тогда какъ плохой врачъ или священникъ сохраняютъ свое положеніе, благодаря своему диплому, не взирая на свою непригодность. Дипломъ, слѣдовательно, не можетъ имѣть большого значенія и нѣмецкій журналистъ можетъ стоять высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, хотя бы не сдавалъ никакихъ экзаменовъ и не имѣлъ никакого диплома.

Возстаніе въ юго-западной Африкѣ. Германіи не везетъ съ ея африканскими колоніями. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ уже колоніальныя власти были встревожены поведеніемъ туземцевъ въ германскихъ юго-западныхъ владѣніяхъ Африки, опасаясь, что на нихъ какъ бы рикошетомъ отразилось возбужденіе кафровъ, вызванное южно-африканскою войною. Опасенія эти не замедлили оправдаться. Сперва начались волненія среди племени бондельцвартовъ, а затѣмъ еще болѣе опасное и серьезное возмущеніе вспыхнуло на сѣверѣ колоніи, среди гереро, численность которыхъ гораздо больше. Въ Германіи извѣстіе объ этомъ возмущеніи вызвало сильное безпокойство и тотчасъ же была снаряжена экспедиція, но положеніе колонистовъ, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ, такъ какъ колонія обнимаетъ обширную территорію въ 830.000 кв. кил., возбуждаетъ весьма серьезныя опасенія.

Причины возстанія туземцевъ не вполнѣ выяснены до сихъ поръ и вызываютъ много толковъ въ германской печати. Противники колоніальной политики видятъ въ этомъ неожиданно вспыхнувшемъ возстаніи, уже стоившемъ крови и денегъ германской имперіи, новое доказательство не только безполезности, но и вреда такихъ колоній. Дѣйствительно, эта колонія, являющаяся однимъ изъ первыхъ продуктовъ пробужденія колоніальнаго духа Германіи, съ экономической точки зрѣнія не могла быть названа удачнымъ предпріятіемъ. Земледѣліе тамъ почти неизвѣстно, и главный источникъ доходовъ страны составляетъ скотоводство. Гереро—народъ, насчитывающій около 75.000 душъ, преимущественно занимаются скотоводствомъ и нуждаются для этого въ обширныхъ и свободныхъ пространствахъ земли. Съ появленіемъ же бѣлыхъ фермеровъ началось отчужденіе земель туземцевъ, такъ какъ фермеры нуждались также въ большихъ пространствахъ для своихъ стадъ. Нѣмецкія колоніальныя газеты открыто говорили о томъ, что земля должна перейти изъ рукъ туземцевъ въ руки бѣлыхъ и что это вполнѣ отвѣчаетъ цѣлямъ колонизаціи и т. д., и т. д. Но уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ одинъ изъ нѣмецкихъ дѣятелей, долго жившій въ колоніи, предупреждалъ, что такой образъ дѣйствій долженъ вызвать неудовольствіе среди гереро и что это неудовольствіе будетъ

все усиливаться, пока не наступитъ моментъ для открытаго возстанія. Этотъ моментъ, очевидно, теперь наступилъ.

Одинъ изъ знатоковъ страны, прожившій около 30 лѣтъ среди гереро, указываетъ, между прочимъ, въ «Frankfurt. Zeit.» еще на одну причину волненій: на плохой подборъ колонистовъ. Тутъ повторилась та же исторія, что и во многихъ другихъ европейскихъ колоніяхъ Африки. Среди бѣлыхъ колонистовъ встрѣчается особенно много совершенно ненадежныхъ элементовъ, часто возбуждающихъ своимъ поведеніемъ не только негодованіе, но и презрѣніе туземцевъ. Къ тому же и мѣстныя колоніальныя власти часто оказывались не на высотѣ и своимъ неумѣлымъ, безтактнымъ и часто жестокимъ обращеніемъ съ туземцами возбуждали этихъ послѣднихъ противъ себя и противъ всѣхъ бѣлыхъ колонистовъ. Одному изъ такихъ начальниковъ туземцы даже дали прозвище «кнута» (Peitsche) и на совѣсти этого послѣдняго лежитъ много беззаконныхъ поступковъ. Затѣмъ этотъ нѣмецъ, прожившій столько лѣтъ въ колоніи и хорошо знакомый съ туземнымъ населеніемъ, отрицаетъ общепринятое мнѣніе, будто гереро—не что иное, какъ никуда не годный сбродъ лѣнтяевъ. Прежде они каждый кусокъ хорошей земли засѣвали пшеницей и разводили сады, но распространеніе спиртныхъ напитковъ, ввозимыхъ европейцами, пьянство и болѣзни оказали свое пагубное вліяніе, и туземцы забросили свое хозяйство, предавшись пороку. Отношенія между туземнымъ населеніемъ и европейцами давно уже настолько обострились, что возстаніе ни для кого изъ знающихъ положеніе дѣлъ въ колоніи не было сюрпризомъ,—ни для кого, кромѣ центральнаго управленія въ Берлинѣ, гдѣ, повидимому, были очень мало освѣдомлены насчетъ истиннаго положенія дѣлъ. Ненависть накоплялась давно, и если до сихъ поръ не произошло взрыва, то это всецѣло слѣдуетъ приписать, по мнѣнію знающихъ людей, примирительному вліянію миссіонеровъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ авторовъ, обсуждая колоніальный вопросъ, указываетъ между прочимъ, на странное явленіе, которое постоянно наблюдается, а именно: на измѣненіе характера европейцевъ подъ вліяніемъ климата и обстановки. Особенно рѣзко бросается въ глаза необыкновенная жестокость, которая вдругъ обнаруживается у европейцевъ, никогда не проявлявшихъ прежде такой черты въ своемъ характерѣ. Благодаря ей, европеецъ не только уподобляется дикарю, но даже иногда превосходитъ его. Въ такомъ случаѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о цивилизующемъ вліяніи европейца, культура котораго словно растворяется подъ вліяніемъ жгучихъ лучей тропическаго солнца.

Экспедиціонному отряду, посланному въ колонію, не удалось еще возстановить тамъ спокойствіе. Около Виндгука, административнаго центра колоніи, находящагося въ семидесяти миляхъ отъ берега, внутри страны, постоянно происходятъ стычки съ туземцами, но объ открытой, правильной войнѣ не можетъ быть и рѣчи. Гереро нападаютъ изъ-за засады, подстерегаютъ и убиваютъ европейцевъ, гдѣ только могутъ. Участь многихъ колонистовъ, находящихся на фермахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и лежащихъ внутри страны, возбуждаетъ большія опасенія; многіе изъ нихъ, вѣроятно, погибли.

Парламентскіе выборы въ Англіи. Составъ британскаго парламента долженъ мѣняться каждые семь лѣтъ, но еще ни одинъ изъ парламентовъ не дожилъ до этого законнаго срока, и всѣ были распущены раньше. Въ общемъ, каждый парламентъ существуетъ не болѣе пяти лѣтъ, а за послѣдніе 60 лѣтъ этотъ срокъ еще сократился. По всей вѣроятности, и теперешній парламентъ, избранный въ 1900 году, не достигнетъ до срока, и такъ какъ во всякое время могутъ быть объявлены новые выборы, то англійскія партіи должны быть постоянно наготовѣ. Даже лѣтомъ, когда наступаютъ парламентскія вакаціи, тѣ изъ членовъ парламента, которые руководятъ партіями, не прекращаютъ своей дѣятельности. Особенно много имъ работы выпадаетъ въ августѣ, когда вездѣ, на церковныхъ дверяхъ, на стѣнахъ ратуши и т. д., вывѣшиваются списки избирателей и каждый, намѣревающійся воспользоваться своимъ правомъ голоса, можетъ удостовѣриться въ томъ, находится ли его имя въ спискѣ. Руководители партій особенно зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы имена ихъ приверженцевъ не были выключены изъ списковъ. Тогда-то и начинается усиленная агитація. Окончательные списки опубликовываются только послѣ 20-го августа и оспаривать ихъ уже нельзя. Еслибъ даже въ нихъ заключались ошибки, то и тогда нельзя все-таки поправлять ихъ, хотя бы онѣ и являлись нарушеніемъ закона. Такъ, напр., женщины не обладаютъ еще парламентскимъ избирательнымъ правомъ въ Англіи, но случается, что нарочно или нечаянно имена женщинъ-избирательницъ выставляются въ спискахъ, и если никто не сдѣлаетъ противъ этого возраженій, то женщины могутъ идти и выбирать. Во время послѣднихъ выборовъ, въ 1900 году, былъ даже такой случай: двѣ женщины попали въ избирательныя списки и, воспользовавшись ошибкой, подали свои голоса вмѣстѣ съ прочими избирателями. Одна изъ нихъ подала голосъ за консервативнаго кандидата. Иногда такія ошибки дѣлаются нарочно, когда партія хочетъ заручиться лишнимъ голосомъ на выборахъ. Въ Бермондесѣ попалъ въ списки даже четырнадцатилѣтній мальчикъ, и такъ какъ окончательный списокъ оспаривать нельзя, то мальчикъ былъ приведенъ и его заставили выбирать.

Настоящая политическая жизнь и дѣятельность партій въ Англіи начинается собственно тогда, когда объявлено распущеніе парламента и выборы должны произойти въ самомъ скоромъ времени. Кандидаты партій и тѣ, которые помогаютъ имъ, заняты бываютъ по горло. Прежде всего они должны позаботиться о деньгахъ для покрытія издержекъ по операціи и о хорошихъ и опытныхъ выборныхъ агентахъ. Закономъ 1883 года ограничены издержки кандидатовъ и для округовъ въ 2.000 избирателей онѣ опредѣлены въ 650 фунтовъ, на каждую же лишнюю тысячу избирателей это число возрастаетъ на 60 ф. Кромѣ того, кандидатамъ еще надо имѣть довольно крупную сумму, для уплаты выборнымъ агентамъ. Эти послѣдніе имѣютъ очень большое значеніе на выборахъ и поэтому первая забота кандидата должна заключаться въ томъ, чтобы найти подходящаго агента, который является повѣреннымъ въ дѣлахъ и представителемъ кандидата. Ничто во время выборовъ, не можетъ быть предпринято безъ его согласія. Дѣятельность агента,

однако, весьма разносторонняя и вся организація избирательной кампаніи въ пользу кандидата, лежитъ въ его рукахъ. Этотъ агентъ беретъ себѣ помощниковъ разсылаетъ ихъ по разнымъ мѣстамъ своего избирательнаго округа, ведетъ переговоры съ избирательнымъ комитетомъ, устраиваетъ цѣлый рядъ избирательныхъ собраній и заботится объ ораторахъ. Но главное онъ долженъ всегда во-время опредѣлить, нужно или нѣтъ личное присутствіе кандидата на собраніи; онъ долженъ позаботиться о распространеніи избирательныхъ брошюръ, памфлетовъ и т. д., однимъ словомъ, онъ не долженъ упускать ни одного способа воздѣйствовать на избирателей, но долженъ при этомъ строго соблюдать законность, для того чтобы не вовлечь кандидата въ какую-нибудь непріятность.

Однако и кандидату не приходится сидѣть сложа руки, въ то время какъ агентъ разъѣзжаетъ по округу и хлопочетъ за него. Одни посѣщенія избирателей чего-нибудь да стоятъ! Гладстонъ, напр., выступивъ впервые кандидатомъ въ 1832 году, не только лично посѣтилъ каждаго изъ 2.000 избирателей своего округа, но у каждаго побывалъ въ домѣ пять разъ, чтобы заручиться голосами тѣхъ, кто пользовался избирательнымъ правомъ и вліяніемъ тѣхъ, кто въ выборахъ не участвовалъ. Такимъ образомъ Гладстонъ сдѣлалъ тогда не болѣе, не менѣе, какъ 10.000 избирательныхъ визитовъ. Теперь, впрочемъ, этотъ обычай посѣщенія избирателей уже оставленъ, и кандидатъ ограничивается тѣмъ, что издаетъ свою программу — избирательный манифестъ, въ которомъ излагаетъ свои политическіе взгляды и распространяетъ эту программу во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Послѣ этого, онъ уже самолично старается пріобрѣсти популярность въ своемъ округѣ. Онъ долженъ вездѣ показываться, произносить безчисленное множество рѣчей, стоять на одинаково дружеской ногѣ съ высшими и низшими и быть готовымъ во всякое время принимать интервьюеровъ и вообще находиться въ распоряженіи мѣстной печати. Кромѣ того, онъ долженъ отвѣчать съ величайшей аккуратностью на всѣ письма, получаемыя имъ изъ круга избирателей и выказывать большой интересъ ко всѣмъ благотворительнымъ учрежденіямъ, а также къ тому роду спорта, который предпочитаютъ его избиратели. Въ то время какъ онъ переѣзжаетъ съ одного мѣста на другое, его друзья заботятся о томъ, чтобы благопріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на округъ, не испарилось, и вездѣ вывѣшиваются его портреты, напоминающіе о немъ избирателямъ. При благопріятной погодѣ избирательныя собранія устраиваются на открытомъ воздухѣ и для произнесенія рѣчей приглашаются наиболѣе популярные члены партіи. Во всемъ округѣ царитъ большое оживленіе; на площадяхъ, въ паркахъ и другихъ мѣстахъ устраиваются трибуны для ораторовъ, причемъ иногда такою трибуной служитъ даже простая телѣга. По домамъ расхаживаютъ люди; это такъ называемые—собиратели голосовъ, выполняющіе ту обязанность, которую прежде самолично исполнялъ кандидатъ, вербовавшій для себя голоса.

Женщины играютъ довольно важную роль на всѣхъ парламентскихъ выборахъ въ Англіи. Въ особенности же онѣ бываютъ полезны кандидатамъ въ качествѣ собирателей голосовъ или избирательныхъ агентовъ. Нѣкоторыя

избранія являются исключительно дѣломъ рукъ женщинъ. Такъ, напр., леди Сомерсетъ въ 1900 году произнесла въ избирательномъ собраніи рѣчь за своего сына, который еще не вернулся изъ колоній. Личное присутствіе кандидатовъ вовсе не представляетъ безусловной необходимости, и жены зачастую руководятъ избирательною кампаніей за своихъ мужей, находящихся въ это время гдѣ-нибудь въ Африкѣ, Индіи или другихъ мѣстахъ.

Но вотъ наступаетъ день генеральнаго сраженія. Вѣрные своему дѣлу граждане отправляются къ избирательнымъ урнамъ, и съ 8-ми утра до 8-ми вечера не прекращается движеніе. Англичанинъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ воздерживается отъ подачи голоса и только на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ въ 1900 году, извѣстныхъ подъ именемъ «Khaki election» (khaki — матерія, изъ которой дѣлаются мундиры колоніальныхъ войскъ), много избирателей изъ убѣжденія не подавали голоса на выборахъ, не сочувствуя направленію англійской политики. Избраніе въ парламентъ считается величайшею честью въ Англію, и каждый депутатъ, имѣющій право поставить подъ своимъ именемъ на своей карточкѣ буквы: «M. P.» (Member of Parliament), очень гордится этимъ.

Если теперь произойдутъ парламентскіе выборы, къ которымъ англійскіе избиратели уже начинаютъ готовиться довольно усиленно, то они представятъ особенно выдающійся интересъ, такъ какъ на нихъ должна будетъ рѣшиться судьба всей фискальной политики Чэмберлена. По увѣренію нѣкоторыхъ газетъ звѣзда бывшаго министра колоній уже начала меркнуть. Чэмберленъ не только натknулся на сопротивленіе либеральной партіи, сплотившейся для этой цѣли, но встрѣтилъ оппозицію и въ нѣдрахъ собственной партіи, среди либераловъ-уніонистовъ, среди молодыхъ консерваторовъ и среди многихъ финансовыхъ авторитетовъ, отвергающихъ его выводы.

Политическія партіи въ южной Африкѣ. Выдающееся событіе въ южной Африкѣ составляютъ въ настоящее время выборы въ законодательное собраніе (Legislative Assembly) Капской колоніи, такъ какъ отъ результата этихъ выборовъ зависитъ вся будущность южной Африки. Побѣда такъ называемой «прогрессивной партіи» была бы равносильна окончательной передачѣ Капской колоніи въ руки группы крупныхъ капиталистовъ, которые уже теперь управляютъ Трансвааленъ и Родезіей и всѣми способами стараются подчинить себѣ голландское африкандерское населеніе. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ въ Капской колоніи было только двѣ партіи: прогрессивная и африкандерская. Къ первой принадлежали всѣ джинго и капиталисты, стремящіеся утвердить господство «Union Jack» въ южной Африкѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и господство англійской націи. Это та самая партія, главою которой былъ Сесиль Родсъ и которая организовала набѣгъ Джемсона и вызвала бурскую войну. Теперь эта партія господствуетъ въ Іоганнесбургѣ, Кимберлеѣ и Булувайо и глава ея тотъ самый докторъ Джемсонъ, другъ Родса, который нѣкогда былъ приговоренъ трансваальскимъ судомъ къ висилицѣ, затѣмъ помилованъ президентомъ Крюгеромъ, подъ условіемъ никогда больше не вмѣшиваться въ южно-

африканскую политику, и, наконецъ, посаженъ въ тюрьму въ Лондонѣ, по приговору суда, за свое покушеніе на спокойствіе иностраннаго государства. Отбывъ наказаніе, Джемсонъ вернулся въ южную Африку, но уже не игралъ никакой активной роли, оставаясь при своемъ другѣ Сесилѣ Родсѣ до самой его смерти. Теперь Джемсонъ снова выступаетъ на сцену, сдѣлавшись послѣ смерти Родса главою прогрессивной партіи. Эта партія недавно опубликовала свой политическій манифестъ, главные пункты котораго слѣдующіе: 1) главенство Великобританіи и преобладаніе англійскихъ идей и идеаловъ въ южной Африкѣ; 2) дешевый трудъ; 3) централизація народнаго образованія въ рукахъ правительства и исключеніе вліянія церкви; 4) равноправіе всѣхъ цивилизованныхъ людей въ южной Африкѣ, безъ различія національности, вѣры и цвѣта кожи; 5) государственная помощь иммигрантамъ, съ цѣлью заселенія страны англичанами. Тенденція такой политики партіи вполнѣ опредѣленна и не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Программа же африкандерской партіи прямо противоположна программѣ прогрессистовъ. Эта партія состоитъ не только изъ однихъ членовъ африкандерскаго союза и изъ голландцевъ, но къ ней принадлежатъ и англичане, большею частью либералы, не раздѣляющіе политическихъ взглядовъ джинго. Лозунгъ этой партіи: «Африка для африканцевъ», и интересы Великобританіи имѣютъ для нея лишь второстепенное значеніе. Мощь южной Африки они полагаютъ не въ ея минеральныхъ богатствахъ, которымъ придаютъ лишь преходящее значеніе, а въ развитіи ея сельскаго хозяйства и скотоводства. Поэтому африкандерская партія требуетъ, чтобы правительство оказывало самую широкую помощь фермерамъ, въ особенности же во всемъ, что касается устройства орошенія, такъ какъ недостатокъ воды составляетъ главное зло, отъ котораго страдаетъ страна. Далѣе партія требуетъ введенія покровительственной пошлины для всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и т. п., а въ вопросахъ народнаго образованія какъ разъ придерживается противоположной точки зрѣнія, т.-е. стремится не къ централизаціи образованія въ рукахъ правительства, а къ расширенію правъ мѣстныхъ школьныхъ властей.

Къ обѣимъ этимъ партіямъ присоединилась теперь третья—рабочая партія, не носящая, однако, соціалистическаго характера, какъ рабочія партіи въ другихъ странахъ, и очень умѣренная въ своихъ требованіяхъ. Она добивается, главнымъ образомъ, удешевленія жизненныхъ припасовъ и квартирной платы и соотвѣтствующаго вознагражденія за трудъ, такъ какъ въ южной Африкѣ жизнь очень дорога, а заработная плата все таки относительно низка и не устанавливается никакими правилами.

Четвертая южно-африканская партія называется «партіей независимости», но въ сущности не имѣетъ никакой опредѣленной программы. Въ ея рядахъ находится Шрейнеръ, бывшій первымъ министромъ Капской колоніи въ 1899 и 1900 гг. Но онъ скорѣе философъ-политикъ, нежели практическій политикъ, и потому, несмотря на всѣ свои высокія качества ума и образованія, не можетъ быть настоящимъ вождемъ партіи, обезпечивающимъ ея успѣхъ.

Вслѣдствіе своей мощной организаціи прогрессивная партія имѣла больше

всего шансовъ на успѣхъ, что и оправдалось на дѣлѣ, такъ что теперь первымъ министромъ колоніи будетъ знаменитый Джемсонъ и имперіалистская политика получитъ въ южной Африкѣ дальнѣйшее развитіе.

Одинъ нѣмецкій журналистъ, долго жившій въ южной Африкѣ и лично знавшій Джемсона, дѣлаетъ слѣдующую характеристику новаго перваго министра Капской колоніи: «При первомъ взглядѣ, Джемсона легко принять за фанфарона, но это впечатлѣніе исчезаетъ при ближайшемъ знакомствѣ, и тогда открывается, что подъ этою непріятною оболочкой скрывается хорошее зерно. Джемсонъ одинъ изъ немногихъ образованныхъ людей, отправившихся въ южную Африку искать счастья. Ему было 24 года, когда онъ въ 1877 году получилъ дипломъ доктора медицины въ лондонскомъ университетѣ и быстро пріобрѣлъ репутацію искуснаго хирурга, такъ что ему пророчили блестящую медицинскую карьеру, но его безпокойная натура, не выносящая никакихъ тѣсныхъ рамокъ, заставила его скоро покинуть Англію и отказаться отъ предстоящей ему карьеры. Онъ уѣхалъ въ Капъ, гдѣ ему было больше простора и скоро пристроился, въ качествѣ врача, при бриллiантовыхъ копяхъ въ Кимберлеѣ. Тамъ то онъ и познакомился съ Сесилемъ Родсомъ, который долженъ былъ имѣть такое большее вліяніе на его жизнь. Родсу, впрочемъ, Джемсонъ сначала не понравился и онъ оцѣнилъ его какъ слѣдуетъ лишь послѣ того, какъ въ Кимберлеѣ возникла эпидемія. До сихъ поръ еще нѣкоторые изъ южно-африканцевъ помнятъ это время и воздаютъ должное Джемсону, который спасъ много человѣческихъ жизней. Съ этого времени Родсъ и Джемсонъ стали друзьями и Родсъ болѣе не упускалъ изъ вида Джемсона. Настоящая совмѣстная дѣятельность началась у нихъ, впрочемъ, лишь съ основанія «Chartered Company», Джемсонъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ помощникомъ Родса во всѣхъ его дѣлахъ и экспедиціяхъ, но зачастую его пылкій, необузданный темпераментъ вредилъ планамъ Родса. Въ 1891 году Джемсонъ былъ сдѣланъ администраторомъ Родезіи и въ качествѣ таковаго устроилъ свой знаменитый набѣгъ, за который ему пришлось поплатиться десятимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Когда онъ вернулся послѣ этого въ Капъ, то не искалъ случая снова вступить въ сношенія съ Родсомъ, но тотъ самъ, первый, пошелъ къ нему на встрѣчу и предложилъ ему мѣсто личнаго секретаря и довѣреннаго при своей особѣ. Джемсонъ согласился, и тогда, какъ онъ самъ выражался потомъ, «наступило самое счастливое время его жизни». Онъ покланялся Родсу, котораго считалъ геніальнымъ, и ничто не могло ему доставить большаго наслажденія, какъ совмѣстная работа съ этимъ человѣкомъ и посвященіе въ широкіе планы «капскаго Наполеона».

«Несмотря на то, что Джемсонъ постоянно находился въ сношеніяхъ съ богатѣйшими людьми міра и могъ извлечь большія матеріальныя выгоды изъ этого, также какъ изъ своего положенія довѣреннаго Родса, онъ остался бѣденъ, какъ «церковная мышь». Потребности у него очень скромныя и среди міра, поклоняющагося Маммону, онъ одинъ презиралъ такъ называемое «money making», вслѣдствіе чего весьма часто находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. На себя онъ смотритъ, какъ на политическаго наслѣдника Родса, планы котораго

онъ призванъ осуществить. По смерти Родса онъ сдѣланъ былъ директоромъ компаніи «De Beers» и «Chartered Company», но всѣ свои доходы употребилъ на политическую агитацію. Его избраніе первымъ министромъ должно еще усилить расовую вражду въ южной Африкѣ и привести или къ побѣдѣ чэмберленовской южно-африканской политики, или же къ очень опасному фіаско. Во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ теперь очень серьезно».

Эли Реклю. Французская наука понесла потерю въ лицѣ Эли Реклю, профессора этнографіи въ брюссельскомъ свободномъ университетѣ. Эли Реклю никогда не разставался со своимъ братомъ Элизе Реклю, который занимаетъ каѳедру сравнительной географіи въ томъ же самомъ университетѣ.

Семидесятисемилѣтній Эли Реклю былъ старшимъ въ родѣ и вполнѣ раздѣлялъ политическіе и соціальные взгляды своихъ братьевъ Элизе и Поля. Отецъ Реклю былъ протестантскимъ пасторомъ и желалъ, чтобы старшій сынъ пошелъ по его стопамъ. Эли изучалъ богословіе въ Моншанбанѣ, но не чувствуя призванія къ духовному званію, отправился потомъ путешествовать и изучилъ нѣсколько языковъ. Послѣ переворота 1851 года ему пришлось эмигрировать. Эли было тогда 24 года. Онъ поселился въ Лондонѣ и защищалъ кооперативную систему.

Разумѣется у обоихъ братьевъ было много друзей. Восемь лѣтъ, предшествовавшихъ паденію имперіи, они провели въ Парижѣ, и Эли много помогалъ своими совѣтами и идеями брату, который уже пріобрѣлъ извѣстность. Когда вспыхнула война, Элизе отправился въ полкъ, и Эли былъ очень огорченъ, что не могъ послѣдовать за нимъ, но у него была повреждена правая рука во время одной горной экскурсіи и поэтому онъ не годился для военной службы. Во время коммуны Эли былъ назначенъ директоромъ національной библіотеки, и благодаря ему эта драгоцѣнная коллекція книгъ осталась неприкосновенной, но послѣ коммуны ему пришлось бѣжать и онъ эмигрировалъ въ Цюрихъ, гдѣ поселился недалеко отъ своего брата Элизе. Когда объявлена была амнистія, оба брата вернулись въ Парижъ. Элизе продолжалъ свои географическія работы и искалъ и находилъ издателей для своихъ сочиненій, но Эли ни за что не соглашался вступать въ какія-либо переговоры и поэтому только два тома его изслѣдованія первобытныхъ народовъ «Les primitifs» были изданы и то лишь благодаря хлопотамъ его сына, професора, Поля Реклю. Эли ни сколько не заботился о деньгахъ и не зналъ тревоги о завтрашнемъ днѣ, всегда отдавая то, что у него было, нуждающимся. Онъ былъ воплощеніемъ честности и доброты и поражалъ дѣтскою чистотою души, привлекавшею къ нему всѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ сношенія.

Французскія газеты говорятъ, что послѣ него осталось много цѣнныхъ, не публикованныхъ имъ документовъ по исторіи происхожденія религій и исторіи хлѣба отъ самой первобытной эпохи существованія міра до нашего времени.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Патріотизмъ и гуманность.—Характеристика Канта. Моммзенъ о Императорѣ Вильгельмѣ.

«La Revue» помѣщаетъ продолженіе своей «enquête» по вопросу о патріотизмѣ и любви къ человѣчеству. На этотъ разъ журналъ сообщаетъ мнѣніе политиковъ, ученыхъ и публицистовъ, французскихъ и иностранныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно: Шарль Рише, Морисъ Бушаръ, Анатоль Франсъ, Урбенъ Гойе, Маньо, Фурньеръ, Наке, Ломброзо, Новиковъ и Вандервельде мечтаютъ о европейской федераціи. Большинство писателей и ученыхъ и большинство политиковъ полагаютъ, что любовь къ человѣчеству и патріотизмъ не исключаютъ другъ друга, и только ярые націоналисты, такіе, какъ Дерuледъ и Эдмонъ Лепеллетье, а также консерваторъ Денисъ Кошенъ, проповѣдуютъ непримиримый патріотизмъ, который находится въ прямой оппозиціи съ идеей всеобщаго братства. Дюкло, Мирбо, Элизе Реклю, Метерлинкъ идутъ даже дальше идеи европейской федераціи и стремятся къ полному сліянію народовъ и радикальной отмѣнѣ всѣхъ границъ. Изъ иностранцевъ, къ которымъ обращался французскій журналъ, Домела Ньювенгуисъ, голландскій соціалистъ, и Энрико Ферри, итальянскій профессоръ и соціалистскій депутатъ, одинаково находятъ, что патріотизмъ, такъ, какъ его понимаютъ обыкновенно, наноситъ прямой ущербъ гуманитарнымъ идеямъ. Это узкій патріотизмъ, культивируемый правительствами въ школахъ и печати, который всегда приводитъ къ войнѣ и къ конфликту между націями. Выше патріотизма—любовь къ человѣчеству, та любовь, которая заставляетъ трудиться для прогресса человѣчества и свободна отъ такихъ старыхъ предразсудковъ, какимъ является патріотизмъ во многихъ случаяхъ. Писатель Максъ Нордау, осуждая агрессивный шовинизмъ, который часто замѣняетъ истинный патріотизмъ, говоритъ, что патріотизмъ долженъ служить конкретнымъ выраженіемъ человѣческой солидарности. Знаменитый германскій ученый, профессоръ іенскаго университета Эрнстъ Геккель, находитъ, что патріотизмъ и «интернаціонализмъ» должны играть такую же роль въ жизни народовъ, какъ альтруизмъ и эгоизмъ въ жизни отдѣльныхъ индивидовъ. Оба эти чувства вполнѣ естественны и законны, но необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соблюдать равновѣсіе между ихъ противоположными стремленіями.

Англичанинъ сэръ Чарльзъ Дилькъ, извѣстный политикъ, бывшій статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ въ министерствѣ Гладстона, прислалъ очень короткій отвѣтъ: «Ни одинъ англичанинъ не умѣетъ писать о какомъ-нибудь абстрактномъ вопросѣ. Мы всѣ вообще невоспріимчивы къ общимъ идеямъ».

Моммзенъ, незадолго до своей смерти, написалъ слѣдующій отвѣтъ журналу: «Человѣчество не можетъ обходиться ни безъ патріотизма, ни безъ интер-

націонализма (простите за выраженіе), и, чтобы установить границы между обоими, надо быть или богомъ, или дьяволомъ, а такъ какъ я ни то, ни другое, то и воздерживаюсь. Притомъ же вдаваться въ подробности такого щекотливаго вопроса, когда онъ дебатируется международно, по моему рискованно. Для сохраненія добраго согласія, надо оставаться въ предѣлахъ общихъ идей».

Въ журналѣ напечатанъ также и отвѣтъ покойнаго Н. К. Михайловскаго, который указываетъ на различіе понятій о патріотизмѣ. Патріотизмъ, по его мнѣнію, можетъ заключаться въ стремленіи къ осуществленію въ своей странѣ гуманитарнаго идеала... Но теперь, когда только что кончилась англо-бурская война, когда въ Македоніи происходитъ возстаніе и мы оказываемся чуть-ли не наканунѣ ужасныхъ гекатомбъ, которыя намъ угрожаютъ на Дальнемъ Востокѣ, было бы нелѣпо вѣрить въ торжество справедливости, несмотря на горячія стремленія къ этому всѣхъ избранныхъ душъ. Еще недавно такіе мыслители, какъ Спенсеръ, полагали, что промышленная дѣятельность, мирная по существу, положитъ конецъ войнѣ. Это ошибка: развитіе капиталистической промышленности вызвало поиски за новыми рынками и жаркую борьбу изъ-за нихъ. Кровь снова проливается обильнымъ образомъ и на ряду съ движеніемъ мирныхъ идей прогрессируетъ и международная ненависть; поэтому только полная ликвидація существующей соціальной организаціи могла бы положить конецъ ужасному состоянію міра.

«Deutsche Rundschau» помѣщаетъ характеристику Канта, какъ человѣка, на основаніи біографическихъ данныхъ и разсказовъ его современниковъ, а также замѣчаній, высказанныхъ самимъ Кантомъ. Знаменитый нѣмецкій философъ, какъ оказывается, знакомъ былъ только съ очень маленькимъ уголкомъ вселенной. Онъ никогда не выѣзжалъ за предѣлы своей родной провинціи, хотя первый настаивалъ на введеніи преподаванія физической географіи въ программу школъ. Море онъ видѣлъ только въ Пиллау, но никогда не видалъ горъ, долинъ, скалъ, овраговъ, вулканы, ледники, океанъ, острова и синее южное небо. Яркія краски тропическихъ странъ ему были совсѣмъ незнакомы. Между тѣмъ, силою своего воображенія онъ воспроизводилъ всю эту красоту и могъ наслаждаться ею, запечатлѣвая ее въ своей феноменальной памяти. Если онъ читалъ какое-нибудь описаніе природы, то получалъ при этомъ такое ясное и яркое представленіе, что оно принимало для него совершенно конкретную форму. Въ памяти его сохранялись всѣ самыя мельчайшія детали, такъ что однажды, разговаривая съ однимъ англичаниномъ, онъ столь подробно описалъ ему Вестминстерскій мостъ, что тотъ былъ удивленъ и спросилъ Канта, сколько лѣтъ онъ былъ въ Лондонѣ и не была ли архитектура его спеціальностью?

Главнымъ наслажденіемъ Канта было чтеніе. Онъ читалъ ужасно много и даже нарочно поселился у самой библіотеки, чтобы быть поближе къ источнику всѣхъ своихъ работъ. Когда онъ писалъ, то возлѣ него всегда лежала какая-нибудь новая книга, которую онъ перелистывалъ отъ времени до вре-

мени, чтобы дать отдыхъ уму. У него было особенное пристрастіе къ оригинальнымъ и даже нѣсколько парадоксальнымъ писателямъ. Его умъ требовалъ постоянно новой пищи, потребной ему для созданія новыхъ мыслей и выходящей за предѣлы обычной сферы. Кантъ любилъ также поговорить, но тщательно избѣгалъ въ разговорѣ философскихъ темъ. Въ числѣ близкихъ ему людей находились два коммерсанта, уроженцы Англіи, и много другихъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ міромъ ученыхъ. Онъ отлично умѣлъ обходиться съ людьми и становиться на ихъ точку зрѣнія, и всѣ его біографы признаютъ, что онъ всегда умѣлъ найти подходящій тонъ въ разговорѣ съ высшими и низшими. Его словамъ придавали даже большее значеніе, нежели клятвамъ другихъ лицъ. Искренность, точность и абсолютная вѣрность во всемъ, даже въ самыхъ мелкихъ вещахъ, была для него основою и фундаментомъ всѣхъ соціальныхъ сношеній. Кантъ совершенно былъ лишенъ эмотивности и съ презрѣніемъ относился къ импульсамъ, которые увлекаютъ людей. Самъ онъ никогда ихъ не испытывалъ и признавалъ только одинъ родъ энтузіазма, тотъ который возбуждаютъ въ человѣкѣ идеи и въ особенности идея свободы, представляющую истинное величіе человѣка. Чувство простой человѣческой любви было ему совсѣмъ незнакомо. Онъ любилъ своихъ родителей, когда былъ ребенкомъ, а затѣмъ въ старости любилъ своего вѣрнаго друга и совѣтника Вельянскаго и въ обоихъ этихъ случаяхъ любовь была вызвана глубокимъ чувствомъ благодарности за заботы и жертвы, которыя приносились ему. Въ молодости онъ даже совсѣмъ не признавалъ дружбы, считая ее химерой, и только къ старости сознался Вельянскому, что измѣнилъ свое мнѣніе въ этомъ отношеніи. Отношенія его къ другимъ людямъ были чисто интеллектуальныя, хотя онъ и выказывалъ себя порою доброжелательнымъ другомъ, готовымъ придти на помощь, оказать поддержку, гдѣ она нужна, но это не вытекало у него изъ сердца, а обусловливалось чувствомъ общаго благоволенія къ человѣчеству и въ частности къ людямъ, которымъ онъ былъ благодаренъ за доставленные ему пріятные часы.

Кантъ былъ въ высшей степени общественнымъ человѣкомъ и самое большое матеріальное удовольствіе доставлялъ ему хорошій обѣдъ въ хорошемъ обществѣ, но и то, и другое должно было быть избраннымъ. Про него даже въ шутку говорили, что онъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ написать критику кулинарнаго искусства, какъ и критику чистаго разума. Кантъ, впрочемъ, всегда находилъ, что женщина прежде всего должна быть хорошею хозяйкой. и его идеалъ брачной жизни былъ самый буржуазный. Онъ часто высказывался въ пользу браковъ по разсчету и служилъ посредникомъ для своихъ пріятелей въ матримоніальныхъ дѣлахъ. Два раза онъ самъ серьезно подумывалъ жениться, но, поразмысливъ, отказался отъ этого намѣренія. Страстная любовь, готовая на всѣ жертвы, была ему неизвѣстна и казалась ему не только противной разуму но и недостойной человѣка. Музыки онъ не любилъ; онъ находилъ, что она разслабляетъ человѣка и всегда отговаривалъ своихъ послѣдователей заниматься музыкой; говоря, что она отнимаетъ слишкомъ много времени и отвлекаетъ ихъ отъ серьезныхъ занятій. Онъ былъ

совершенно лишенъ чувства красоты; весна, цвѣты, ихъ ароматъ все это оставляло его совершенно равнодушнымъ. Онъ говорилъ Вельянскому: «вѣдь это повторяется ежегодно и всегда одно и то же»; у него не было также потребности окружать себя красивыми вещами со вкусомъ меблировать и украшать свои комнаты, а между тѣмъ онъ, благодаря своему уму и силѣ своихъ разсужденій, сдѣлался отцомъ нѣмецкой эстетики.

Одинъ изъ сотрудниковъ англійскаго журнала «Truth» передаетъ свой разговоръ съ покойныхъ нѣмецкимъ историкомъ Моммзеномъ объ императорѣ Вильгельмѣ. Старикъ Моммзенъ, конечно, расхваливалъ характеръ Вильгельма II и превозносилъ его качества, но при этомъ сказалъ, что у Вильгельма нѣтъ ровно никакихъ военныхъ талантовъ. «Онъ самъ это знаетъ,—прибавилъ старый профессоръ,—и поэтому, пока онъ живъ, Германія будетъ избѣгать войны. Въ другихъ же отношеніяхъ императоръ Вильгельмъ очень способный человѣкъ, умный и добрый. Правда, онъ любитъ разыгрывать тирана, и надо полагать, что чѣмъ дальше, тѣмъ онъ больше будетъ разыгрывать роль деспота, но это пустяки. Въ сущности, это такая же уловка, къ какой при бѣгаютъ дѣтскія няньки, которыя постоянно угрожаютъ наказаніемъ, но въ дѣйствительности никогда не наказываютъ. Худшій изъ недостатковъ императора, это его манія рубить прекрасныя деревья въ нашемъ Тиргартенѣ и замѣнять ихъ мертвымъ камнемъ. Я никогда не прощу ему нелѣпыхъ статуй аллеи побѣды!—воскликнулъ Моммзенъ.—Очень многіе берлинцы раздѣляютъ мой взглядъ въ этомъ отношеніи. У императора Вильгельма очень много общихъ чертъ съ его матерью, императрицею Викторіей. Со мною произошелъ такой случай: она захотѣла изучить римскую археологію и обратилась ко мнѣ. Но всякій разъ она мнѣ давала урокъ, а не я ей. Она дѣйствительно много знала, но еще больше говорила, и я рѣшительно не имѣлъ возможности вставить ни одного слова. Вотъ императоръ и наслѣдовалъ отъ своей матери свою удивительную способность говорить обо всемъ».

— «Ну, а какую роль играютъ женщины въ жизни императора Вильгельма?» спросилъ журналистъ.—Никакой.—отвѣчалъ Моммзенъ.—Императору некогда обращать на нихъ вниманіе. Онъ очень привязанъ къ императрицѣ и довѣряетъ ей свое семейное счастье. Но въ домашнемъ быту она дѣлаетъ все, что захочетъ. Со своими сыновьями императоръ очень строгъ, а свою единственную дочку очень балуетъ. Но онъ сожалѣетъ, что она не родилась или немного раньше, или немного позже. Онъ бы хотѣлъ обезпечить ей корону, но въ цѣлой Европѣ не найдется, теперь наслѣднаго принца соотвѣтствующаго возраста, котораго императоръ Вильгельмъ могъ бы просить въ мужья своей дочери».

ЖЕНЩИНЫ-ИЗБИРАТЕЛЬНИЦЫ ВЪ НОРВЕГІИ.

29-го мая 1901 г. въ Норвегіи вошелъ въ силу законъ, согласно которому норвежскія женщины, достигшія 25-ти-лѣтняго возраста и лично или сообща съ мужемъ владѣющія имуществомъ или доходомъ, съ котораго уплачиваютъ налоги не менѣе 400 (въ городахъ)—300 кронъ (въ деревняхъ) въ годъ, имѣютъ право голоса при коммунальныхъ выборахъ, а равно и сами могутъ быть избираемы въ качествѣ членовъ или должностныхъ лицъ органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Принятіе этого закона стортингомъ явилось сюрпризомъ для многихъ. Народное собраніе, несмотря на всѣ старанія и заманчивыя обѣщанія лѣвой партіи, всегда относилось къ этому такъ несочувственно, что норвежки уже отказались-было, до поры до времени, отъ надеждъ на расширеніе своихъ гражданскихъ правъ. Законъ *), вѣроятно, не прошелъ бы и на этотъ разъ, если бы не встрѣтилъ неожиданной поддержки правой, которая рѣшилась на это отчасти изъ чувства справедливости, отчасти въ видахъ противовѣса одновременно предложенному и принятому закону «всеобщаго голосованія», т.-е. закону, надѣлившему выборнымъ правомъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ и граждански-правоспособныхъ мужчинъ, безъ различія имущественнаго ценза.

Едва законъ былъ принятъ, всѣ партіи стали усиленно ухаживать за женщинами-избирательницами, признавая въ нихъ новую силу и стараясь переманить ее на свою сторону. Вожаки лѣвой партіи напоминали при этомъ женщинамъ, чѣмъ онѣ обязаны прогрессивной партіи, всегда стоявшей за права женщинъ. Правые же говорили красивыя слова о смягчающемъ, облагораживающемъ вліяніи женщинъ и о присущемъ женщинамъ «чувствѣ справедливости», безъ которыхъ, однако, обѣ партіи такъ долго отлично умѣли обходиться. И обѣ партіи сошлись въ сочувственномъ привѣтствіи «новому элементу» гражданской жизни.

Какъ скоро обнаружилось, нововведеніе не застало женщинъ-избирательницъ врасплохъ; напротивъ, онѣ успѣли настолько подготовиться къ своей новой роли, что могли-бы обойтись и безъ всякой указки со стороны вожаковъ партій, дѣйствовать вполнѣ сомостоятельно. Такою подготовкой женская масса была обязана передовымъ женщинамъ писательницамъ и общественнымъ дѣятельницамъ. Эти послѣднія принялись за дѣло, какъ только законъ былъ принятъ, да времени и нельзя было терять, такъ какъ выборы предстояли ближайшею осенью.

*) Свѣдѣнія почерпнуты изъ отчета Кайи Гэльмунденъ, появившагося въ журналѣ „Det Ny Aarhundrede“.

Женскія общества, кружки и союзы—особенно въ столицѣ—немедленно начали созывать экстренныя засѣданія и устраивать публичныя лекціи для распространенія среди женщинъ точныхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній о ихъ новыхъ правахъ и проистекающихъ отсюда обязанностяхъ. Благодаря талантливымъ организаторшамъ засѣданій и лекцій, тѣ и другія возбудили сильнѣйшій интересъ къ вопросу даже среди такихъ женщихъ, которыя до тѣхъ поръ вообще держались въ сторонѣ отъ женскаго движенія.

Для передовыхъ, самостоятельно мыслящихъ женщинъ сразу было ясно, что если женщины хотятъ дѣйствительно явиться «новымъ элементомъ» въ гражданской жизни страны, то имъ прежде всего слѣдуетъ избѣгать всего того, что отзывается шаблономъ. Само собой, что проще всего было бы женщинамъ прямо примкнуть къ какой-нибудь изъ существующихъ хорошо дисциплинированныхъ партій, увеличить такимъ образомъ ея вліяніе и воспользоваться послѣднимъ для того, чтобы провести своихъ кандидатовъ. Но это значило бы заранѣе отказаться отъ самостоятельности, плестись въ чужомъ хвостѣ. И вотъ, въ Христіаніи, возникъ «союзъ женщинъ-избирательницъ», который и обратился ко всѣмъ норвежскимъ женщинамъ съ приглашеніемъ не связывать свободы своихъ взглядовъ и дѣйствій, не примыкать ни къ какой изъ политическихъ партій, но держаться собственнаго «анти-политическаго», «безпрограммнаго» способа выборовъ, при которомъ женщины подавали бы голоса за дѣльныхъ и честныхъ дѣятелей обоего пола, безъ различія ихъ политической окраски. Нѣсколько позже «союзомъ» былъ избранъ комитетъ изъ 20 лицъ для выработки списка такихъ кандидатовъ.

Дѣйствія «союза» возбудили тѣмъ большее вниманіе, что среди заправилъ и членовъ его находилось большинство извѣстныхъ норвежскихъ дѣятельницъ, которыя, по общему мнѣнію, могли считаться первыми кандидатками на выборныя должности при коммунахъ и которыхъ, въ видѣ приманки, добивались привлечь въ кандидатки своихъ списковъ вожаки различныхъ партій. Разъ ужъ приходилось допустить въ свою среду женщинъ, то каждой партіи избирателей хотѣлось заручиться наиболѣе извѣстными и вліятельными изъ нихъ. Поэтому выказанная этими женщинами самостоятельность пришлась очень не по вкусу мужчинамъ, и сразу сдѣлалась предметомъ нападокъ и насмѣшекъ со стороны партійныхъ органовъ печати, которые находили проектъ сліянія партій при коммунальныхъ выборахъ идеальнымъ, но не осуществимымъ.

«Союзъ», однако, не испугался насмѣшекъ и продолжалъ свое дѣло. На многолюдномъ собраніи, созванномъ «союзомъ», пользующаяся большою извѣстностью въ странѣ общественная дѣятельница фру Рагна Нильсенъ изложила въ замѣчательно ясной и убѣдительной формѣ profession de foi «союза». Прежде всего ораторша выяснила причину все увеличивающейся «программности» послѣдняго времени. Причина эта—стремленіе каждой партіи обезпечить себѣ преобладающее число голосовъ. Но если въ политической жизни страны партіи

*

и являются необходимостью, то въ коммунальной онѣ излишни. Тутъ совершенно незачѣмъ руководиться, напримѣръ, тѣмъ, какого мнѣнія данный кандидатъ держится по вопросу объ уніи (со Швеціей), а надо руководиться его дѣловитостью и освѣдомленностью по части вопросовъ и дѣлъ общественнаго самоуправленія. Городское благоустройство, санитарное дѣло, церковное и школьное и прежде всего экономическое процвѣтаніе общины—представляютъ одинаковый интересъ для плательщиковъ налоговъ, принадлежащихъ къ правой и лѣвой партіи. Женщины могутъ заинтересоваться въ коммунальномъ управленіи многимъ, что̀ мужчины оставляютъ безъ вниманія. Не мало также въ этой области вопросовъ спеціальнаго характера, которые могутъ быть лучше всего разрѣшены именно женщинами. Если же послѣднія уже въ самомъ началѣ своей общественной дѣятельности дадутъ себя поглотить давнымъ-давно выработаннымъ и замкнутымъ организаціямъ мужчинъ, самостоятельные женскіе взгляды на дѣло скоро совсѣмъ сотрутся и погибнутъ въ столкновеніи партійныхъ интересовъ. На этихъ основаніяхъ ораторша и призывала норвежскихъ женщинъ попробовать мыслить и выбирать самостоятельно, прежде чѣмъ примкнуть къ какой-либо партіи.

Въ противоположность фру Рагнѣ Нильсенъ, предсѣдательница «Провинціальнаго союза женщинъ-избирательницъ», супруга члена государственнаго совѣта, фру Квамъ, выступила съ рѣшительнымъ порицаніемъ новаго теченія. Члены «Провинціальнаго союза» приглашались всячески распространять среди женщинъ убѣжденіе, что единственный путь для нихъ достигнуть чего-нибудь—это примкнуть къ существующимъ партіямъ. Фру Квамъ при этомъ особенно напирала на то, что женщинамъ не достаетъ нужнаго опыта, да и денежныхъ средствъ для самостоятельной выборной агитаціи *).

Мысль объ устраненіи политики изъ коммунальныхъ выборовъ нашла, однако, сочувствіе и въ провинціи. Въ Бергенѣ, напримѣръ, какъ и въ Христіаніи, наиболѣе выдающіяся женщины отказались связывать свободу дѣйствій партійными программами.

Кромѣ живого слова, защитницы самостоятельности женщинъ-избирательницъ прибѣгли и къ печатному. Такъ, въ теченіе лѣта и осени въ издаваемомъ писательницею Гиной Крогъ журналѣ появился цѣлый рядъ статей, имѣвшихъ цѣлью разъяснить женщинамъ ихъ права и обязанности по новому закону. Статьи эти, впрочемъ, сослужили службу не однѣмъ женщинамъ. Послѣднія, обращаясь къ мужьямъ или другимъ мужчинамъ за разъясненіемъ того или другого пункта въ правахъ и обязанностяхъ избирателей, часто имѣли случаи убѣдиться, что ихъ учителя сами обрѣтались по этой части въ полномъ невѣдѣніи.

---

*) Оказалось, однако, что Христіанійскій „союзъ женщинъ-избирательницъ“ сумѣлъ обойтись суммой, составившейся изъ микроскопическихъ членскихъ взносовъ и равнявшейся половинѣ той суммы, въ которую обошлась выборная агитація одной изъ крупныхъ политическихъ партій.

Наконецъ, для подготовки выборной агитаціи были организованы особыя справочныя бюро для женщинъ-избирательницъ.

По мѣрѣ того, какъ время выборовъ приближалось и обычная агитація партій усиливалась, учащались и нападки какъ на «женскій списокъ» Христіанійскаго союза избирательницъ, такъ и на лишенные политической окраски кандидатскіе списки вообще. Въ агитаціи противъ «женскаго» списка принимали горячее участіе и женщины, примкнувшія къ лѣвой или правой партіи, убѣдительно призывавшія всѣхъ остальныхъ женщинъ-избирательницъ подавать голоса непремѣнно за кандидатовъ ихъ партіи или въ крайнемъ случаѣ за кандидатовъ противной, только не поддерживать «безпрограммныхъ» и въ особенности женщинъ.

Комитетъ Христіанійскаго «союза женщинъ-избирательницъ», который, благодаря числу своихъ членовъ (20), получилъ двусмысленное прозвище «Tyvekomiteen» или «Tyvekvinderne» *), однако, покойно продолжалъ свою работу; не страшась предсказаній, что ему не удастся даже привлечь въ свой списокъ имени ни одного сколько-нибудь выдающагося кандидата изъ мужчинъ, не говоря уже о томъ, чтобы, вообще, провести хоть одного изъ своихъ кандидатовъ. Не поддался комитетъ и прямымъ предложеніямъ вожаковъ партій— доставить голоса кандидаткамъ комитета, если «Союзъ» пойдетъ на извѣстный компромиссъ съ другими союзами. «Союзъ женщинъ-избирательницъ» остался вѣренъ объявленному имъ съ самаго начала образу дѣйствій: «мы дѣйствуемъ во имя того, что считаемъ правильнымъ, и тѣмъ путемъ, который считаемъ правильнымъ; не хотимъ ни сами вести агитацію на политической подкладкѣ, ни входить въ соглашеніе съ политическими партіями. Если мы ничего не добьемся на этотъ разъ, начнемъ сызнова въ слѣдующій».

Несмотря на то, что комитетъ съ самаго же начала ясно объявилъ о томъ, «что считаетъ правильнымъ и чего имѣетъ въ виду достигнуть», газеты то и дѣло подымали его на смѣхъ, вопрошая, чего въ сущности «дамы» полагаютъ достичь своею «безпрограммной» программой. Прессѣ и удалось до извѣстной степени сбить публику съ толку относительно списка «союза». Нѣкоторые стали думать, что «комитетъ двадцати» выставляетъ кандидатуру однѣхъ женщинъ, другіе — что лицъ, совершенно безцвѣтныхъ, лишенныхъ всякихъ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія. Съ цѣлью разсѣять эти недоразумѣнія, предсѣдательница «союза женщинъ-избирательницъ», фрёкенъ Анна Гольсенъ прочла еще одну публичную лекцію, настолько ясную и убѣдительную, что даже самымъ ярымъ противникамъ «союза» оставалось только сознаться, что эти женщины знаютъ, чего хотятъ.

Послѣ опубликованія всѣхъ кандидатскихъ списковъ оказалось, что въ «женскихъ» спискахъ красуется цѣлый рядъ именъ извѣстныхъ и уважаемыхъ

*) „Tyve“ означаетъ и цифру двадцать, и множественное число отъ „Tyv“— воръ; такъ что выходитъ „комитетъ двадцати“ или „воровской комитетъ“, и „женщины-воровки“.

дѣятелей, между прочимъ, и такихъ, которыхъ тщетно старались привлечь къ кандидатурѣ политическія партіи. Кромѣ того, въ «женскихъ» спискахъ находились и имена лучшихъ представительницъ женщинъ. Партіи забили настоящую тревогу, и въ своемъ опасеніи лишиться голосовъ избирателей начали выдвигать тяжелую артиллерію. Въ дни, непосредственно предшествовавшіе выборамъ, и въ самый день ихъ въ газетахъ появились страстные призывы всѣмъ избирателямъ остерегаться такъ называемаго «антиполитическаго списка», этого «лютаго волка» (выраженіе газеты «Aftenposten»), причемъ газеты лѣвой партіи обзывали этотъ списокъ «презрѣннымъ прихвостнемъ» правыхъ, а газеты правой—«ничѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ спискомъ лѣвыхъ». Это помогло. При подачѣ голосовъ, изъ выставленныхъ въ женскомъ спискѣ прошли лишь двѣ, зато наилучшія представительницы самостоятельности женщинъ-избирательницъ, фру Рагна Нильсенъ и фрёкенъ Анна Гольсенъ, а кандидатками къ нимъ тоже двѣ изъ членовъ «союза». Изъ мужчинъ же кандидатовъ союза не прошелъ ни одинъ. Въ Тромсё вышло какъ разъ наоборотъ. Партія такъ называемыхъ «независимыхъ лѣвыхъ», заручившись содѣйствіемъ женщинъ при составленіи кандидатскаго списка, взяла да на выборахъ и вычеркнула всѣ имена женщинъ, такъ что прошли одни мужчины.

Такой пріемъ лѣвыхъ наблюдался, впрочемъ, при выборахъ по всей странѣ, что возбудило и удивленіе, и возмущеніе. Въ нѣкоторыхъ городахъ въ списки лѣвой партіи не попало ни одной женщины, хотя имѣвшіяся тамъ на лицо женщины-кандидатки удовлетворяли всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ общественнымъ дѣятельницамъ.

При выборахъ 1901 г. за женщинами числилось свыше $^1/_3$ всего числа избирательныхъ голосовъ, или изъ 633.487 избирателей 231.164 были женщины, и изъ нихъ 18.971 личныхъ плательщицъ подоходнаго налога. Самое же участіе женщинъ въ выборахъ выразилось различно. Въ деревняхъ, гдѣ вообще ко всему новому относятся недовѣрчиво и осторожно, замѣчалось вообще мало интереса къ выборамъ, и изъ общаго числа женщинъ избирательницъ участвовало въ выборахъ среднимъ числомъ всего 9,4%. Въ $^1/_5$ всѣхъ уѣздовъ женщинами не было даже подано ни одного голоса. Въ городахъ наблюдалось совершенно другое отношеніе. Принимало личное участіе въ выборахъ среднимъ числомъ 48% женщинъ-избирательницъ (мужчины-избиратели давали въ среднемъ 57%); во многихъ небольшихъ городкахъ участіе женщинъ въ выборахъ выразилось еще сильнѣе, давая до 80—90%, а въ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ, наоборотъ, значительно слабѣе.

Изъ общаго числа 12.428 выбранныхъ коммунальныхъ представителей оказалось 98 женщинъ; изъ нихъ 86 были выбраны въ 27 городахъ и лишь 12 въ сельскихъ общинахъ. Въ 1 городѣ (Христіансзандѣ) было выбрано 7 женщинъ; въ 5 городахъ по 6; въ остальныхъ отъ 5 до 1. Въ 33 городахъ вовсе не прошла ни одна женщина. Кандидатками были выбаллотированы 160 женщинъ; изъ нихъ 105 въ городахъ и 55 въ сельскихъ общинахъ. Въ нѣкоторыхъ западныхъ провинціяхъ, гдѣ еще сильно замѣтны слѣды піэ-

тизма, женщины рабочихъ классовъ почти поголовно воздерживались отъ участія въ выборахъ. Женщины, принадлежащія къ партіи соціалъ-демократовъ, повсюду избѣгали солидарности съ другими женщинами-избирательницами, дѣйствуя исключительно въ интересахъ своей партіи, тѣмъ не менѣе не особено преуспѣвшей на выборахъ.

Въ общемъ, на первыхъ коммунальныхъ выборахъ, произведенныхъ въ Норвегіи съ участіемъ женщинъ, послѣднія большею частью все-таки подавали голоса за кандидатовъ тѣхъ партій, къ которымъ издавна принадлежали ихъ мужья или родные и друзья мужчины. Правая, которой удалось провести значительное большинство своихъ кандидатовъ, много была обязана этимъ именно участію женщинъ. Бюргеры-консерваторы, въ глазахъ которыхъ предоставленіе женщинамъ права голоса еще такъ недавно казалось ни съ чѣмъ несообразнымъ, теперь мирно подходили къ избирательнымъ урнамъ подъ руку со своими половинами, и этимъ послѣднимъ волей-неволей приходилось помогать своимъ мужьямъ «ставить препоны соціалистамъ лѣвой». Правая вообще всячески старалась застращать мирныхъ избирателей, рисуя имъ ненасытныя вожделѣнія соціалистовъ, чѣмъ и успѣла обратить на путь истинный не мало заблудшихъ или колебавшихся овецъ. По опубликованіи результатовъ выборовъ газеты правой не преминули всячески благодарить «дамъ» за доброе содѣйствіе. Газеты лѣвой, напротивъ, обвиняли, женщинъ за неудачный для партіи результатъ выборовъ и утѣшали себя надеждой, что при выборахъ представителей въ стортингъ, въ которыхъ женщины не будутъ участвовать, все пойдетъ какъ должно.

Если теперь спросить, замѣтны ли уже какіе-либо результаты участія женщинъ въ общественномъ самоуправленіи, то на это безусловно приходится отвѣтить утвердительно, хотя въ общемъ онѣ еще сохраняютъ выжидательное положеніе, сознавая свою неопытность и необходимость многому поучиться—особенно по части соблюденія разнаго рода формальностей. Въ нѣкоторыхъ городахъ женщины передъ каждымъ оффиціальнымъ коммунальнымъ собраніемъ устраиваютъ предварительныя частныя засѣданія, на которыхъ и обсуждаютъ между собою предстоящіе вопросы и дѣла. Многоглаголаніемъ и празднословіемъ представительницы прекраснаго пола на оффиціальныхъ собраніяхъ пока не грѣшатъ, какъ многіе мужчины; по крайней мѣрѣ, одна изъ женщинъ, засѣдающихъ въ коммунальномъ управленіи одного большого города, прямо заявила, «что, участвуя въ засѣданіяхъ, прежде всего научилась молчать, такъ какъ происходящее на нихъ празднословіе просто претитъ. Ни одна изъ моихъ товарищей женщинъ въ этомъ отношеніи еще не провинилась, поэтому и можно надѣяться, что насъ станутъ слушать, когда придетъ нашъ чередъ сказать слово».

Въ Христіаніи, гдѣ изъ 84 членовъ коммунальнаго управленія всего 6 женщинъ, послѣднія однако играютъ значительную роль. Въ числѣ ихъ находится такая выдающаяся представительница женской энергіи и общественной дѣятельности, какъ Рагна Нильсенъ, и ни одинъ важный вопросъ не рѣ-

шается безъ ея участія, причемъ ея здравый практическій взглядъ на вещи и неустрашимая критика приносятъ большую пользу, особенно при обсужденіи вопросовъ экономическаго характера. Въ этомъ отношеніи она сразу произвела реформу общепринятой системы — разговаривать объ экономіи, вмѣсто того, чтобы строго проводить ее на дѣлѣ.

Главные же результаты предоставленія женщинамъ избирательнаго права сами передовыя женщины видятъ, во-первыхъ, въ невольно установившемся съ тѣхъ поръ большемъ уваженіи къ труду женщинъ и ихъ взглядамъ—особенно въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ считалось немыслимымъ предоставить женщинамъ какое-либо вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ и гдѣ вообще весь «женскій вопросъ» казался чѣмъ-то вродѣ «красной тряпки». А во-вторыхъ въ томъ ободряющемъ, возбуждающемъ дѣйствіи, какое способенъ оказывать примѣръ женщинъ выборныхъ представительницъ общества на здравомыслящихъ, но робкихъ ихъ сестеръ; послѣднія видятъ, какъ первыя, такія же женщины, какъ онѣ, оффиціально выступаютъ со своими мнѣніями и энергично отстаиваютъ ихъ, не стѣсняясь тѣмъ, что расходятся съ общепринятыми, и заставляютъ себя слушать съ уваженіемъ даже при обсужданіи такихъ вопросовъ, по которымъ общество прежде или вовсе не спрашивало мнѣнія женщинъ, или выслушивало его только съ насмѣшливой улыбкой, какъ «бабье сужденіе».

Женщины-члены коммунальныхъ управленій рѣшаютъ теперь совмѣстно съ мужчинами вопросы народнаго просвѣщенія, призрѣнія бѣдныхъ, опеки дѣтей, народнаго здравія, засѣдаютъ во всякаго рода комитетахъ и коммиссіяхъ, и ни откуда не слышно о ихъ дѣятельности ничего кромѣ хорошаго.

На одномъ изъ предшествовавшихъ выборамъ собраній женщинъ-избирательницъ въ г. Драмменъ одною изъ послѣднихъ было высказано слѣдующее: «Мы приступаемъ къ участію въ общественной жизни съ нашими простыми опредѣленными понятіями о хорошемъ и о дурномъ. И не будемъ стыдиться этой нашей главной точки зрѣнія на всѣ вещи». Эта точка зрѣнія подавала надежду, что женщины будутъ судить всегда по совѣсти, не поддаваясь никакимъ партійнымъ соображеніямъ, и надежда эта, повидимому, оправдалась— по крайней мѣрѣ, въ лицѣ тѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ личное мнѣніе. Никто, повидимому, также не жалѣетъ, что женщинъ допустили къ участію въ общественныхъ дѣлахъ.

Да и странно было бы иначе. Потому что въ сущности это вовсе не такая ужъ новость. Въ дѣйствительности женщины всегда принимали участіе не только въ общественныхъ дѣлахъ, а и во всѣхъ дѣлахъ въ мірѣ, всегда оказывали на нихъ вліяніе—хотя бы и не гласно, косвенно, черезъ вліяніе на мужчинъ. Вліяніе это на столько общеизвѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда трудно отыскать причину какого-либо факта, частнаго или общественнаго характера, принято говорить: «cherchez la femme!» Но сами-то женщины не хотятъ болѣе удовлетворяться такимъ закулиснымъ вліяніемъ; по крайней мѣрѣ, такихъ теперь навѣрно окажется меньшинство; остальныя же, если про-

должають еще тратить свои силы на такое вліяніе, то главнымъ образомъ потому, что имъ не предоставлено другого исхода для проявленія вложенныхъ въ нихъ отъ природы и развитыхъ воспитаніемъ жажды дѣятельности, энергіи и способностей. Насколько невыгодно для общества сохранять въ этомъ отношеніи statu quo,—кажется, не требуетъ поясненій, и надо надѣяться, что починъ норвежцевъ скоро найдетъ послѣдователей и тамъ, гдѣ по разнымъ причинамъ, преимущественно же въ силу рутины, не приступали еще къ расширенію гражданскихъ правъ «половины» рода человѣческаго. Норвегія же, если судить по недавно появившемуся въ газетахъ извѣстію, не остановилась на первомъ шагѣ, но готовится даровать женщинамъ право голоса и при общихъ выборахъ народныхъ представителей въ стортингѣ.

П. Ганзенъ.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

Еще о радіоактивности.

Этотъ фельетонъ намъ приходится начать опять-таки радіоактивностью. За 5 мѣсяцевъ (съ октября прошлаго года) снова накопилось много интересныхъ фактовъ, и данный вопросъ становится кардинальнымъ вопросомъ не только физики, но и всего нашего знанія, въ немъ въ зародышѣ заложены такія возможности, которыя современная наука не въ силахъ не только ввести въ свою систему, но даже предвидѣть.

Отсылая тѣхъ изъ читателей, которые не знакомы съ этимъ вопросомъ, къ прежнимъ нашимъ статьямъ *), мы все же напомнимъ самые основные, твердо уже установленные факты и попутно сообщимъ все новое, что выяснилось за послѣдніе 5 мѣсяцевъ. Найдены новыя простыя тѣла—элементы (*радій*, *полоній*, *актиній*), которые испускаютъ какіе-то новые невидимые лучи, названные въ честь открывшаго ихъ ученаго (Беккереля)—*беккерелевскими*. Беккерелевскіе лучи дѣйствуютъ на фотографическую пластинку, дѣлаютъ газъ, черезъ который они проходятъ, проводникомъ электричества, проникаютъ черезъ черную бумагу и металлы; они не преломляются, не отражаются и не поляризуются.

Лучи,—испускаемые *радіемъ* удалось разбить на три группы: лучи α, лучи β и лучи γ. Отличаются они другъ отъ друга, во-первыхъ, своимъ отношеніемъ къ магнитному полю: первые—α—отклоняются отъ своего прямолинейнаго движенія очень слабо, подобно закатоднымъ лучамъ Гольдштейна, и притомъ только при воздѣйствіи на нихъ магнитнаго поля очень высокаго напряженія; вторые—β—отклоняются гораздо легче, подобно катоднымъ лучамъ, и, наконецъ, третьи не отклоняются совсѣмъ и аналогичны рентгеновскимъ лучамъ.

Другія свойства этихъ трехъ группъ лучей также весьма различны.

Лучи α обладаютъ весьма слабой способностью проникать черезъ тѣла: пластинка аллюминія, въ нѣсколько сотыхъ миллиметра, совершенно поглощаетъ

---

*) Научные фельетоны за февраль и ноябрь прошлаго года. „М. Б.“ См. также статьи проф. И. И: Боргмана „Основы электронной теоріи“ Августъ. 1903. „М. Б.“

ихъ; они поглощаются воздухомъ и не могутъ проникать въ него при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи глубже, чѣмъ на 10 сантиметровъ, при этомъ оно сильно іонизируютъ воздухъ, гораздо больше, чѣмъ лучи β и γ, поэтому можно предположить, что въ пучкѣ беккерелевскихъ лучей они преобладаютъ. Изученіе свойствъ лучей α заставляетъ склониться къ мнѣнію, что они представляютъ изъ себя, вѣроятно, однородныя частицы бо̀льшихъ размѣровъ, чѣмъ электроны, обладаютъ скоростью въ 20 разъ меньшей, чѣмъ скорость свѣта, и заряжены положительнымъ электричествомъ.

Лучи β аналогичны катоднымъ лучамъ, но не представляютъ такой однородной группы, какъ лучи α; одни лучи β отличаются отъ другихъ β—какъ степенью способности проникать черезъ тѣла, такъ и степенью отклоненія въ магнитномъ полѣ, наиболѣе проникающіе лучи въ то же время наименѣе отклоняемые. Предполагаютъ, что эти лучи образованы мельчайшими частицами—электронами, заряженными отрицательно и выбрасываемыми радіоактивными веществами съ громадной скоростью, достигающей для нѣкоторыхъ изъ нихъ скорости свѣта. Способность лучей β проникать черезъ тѣла громадна. Различныя теоретическія соображенія *) заставляютъ признать, что инерція такого электрона зависитъ отъ его состоянія электрическаго заряда, находящагося въ движеніи, и что скорость движенія такого электрическаго заряда не можетъ быть измѣнена безъ затраты энергіи; иначе говоря, масса электрона, по крайней мѣрѣ отчасти, есть масса только кажущаяся—масса электромагнитная.

Лучи γ—совершенно аналогичны рентгеновскимъ лучамъ и составляютъ крайне незначительную часть въ свитѣ всѣхъ лучей, испускаемыхъ радіемъ.

Полоній испускаетъ лучи, должно быть, весьма близкіе къ лучамъ α радія.

Торій, *уранъ* и *актиній* испускаютъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и лучи α, и лучи β.

Лучи радія вызываютъ фосфоресценцію (самосвѣченіе) во многихъ тѣлахъ; наиболѣе чувствительными въ этомъ отношеніи являются — платиновосинеродистый барій, минералъ виллемитъ (силикатъ цинка), сѣрнистый цинкъ (Сидо), алмазъ и мн. др. Вещества эти не только фосфоресцируютъ, но при продолжительномъ дѣйствіи лучей радія претерпѣваютъ болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Во-первыхъ, они начинаютъ тогда слабѣе фосфорисцировать, затѣмъ измѣняютъ окраску или окрашиваются, напр., стекло становится или фіолетовымъ, или чернымъ, или коричневымъ, безцвѣтный кварцъ превращается въ дымчатый, безцвѣтный топазъ—въ желтовато-оранжевый и т. д. Соли радія и сами свѣтятся, вѣроятно, подъ вліяніемъ испускаемыхъ ими же беккерелевскихъ лучей. Тѣ же лучи превращаютъ бѣлый фосфоръ въ красный, выдѣляютъ изъ смѣси сулемы и щавелевой кислоты каломель, а Гизель (также и Кюри) утверждаетъ, что при воздѣйствіи лучей радія на кислородъ иногда образуется озонъ.

Недавніе опыты Блайсвуда (Blythwood) показали, что лучи радія совер-

---

*) См. упомянутую выше статью проф. Боргмана „Основы электронной теоріи".

шенно разрушаютъ растительныя вещества; такъ, напр., былъ совершенно сожженъ кусокъ бумажной матеріи при дѣйствіи на нее въ теченіе 4-хъ дней лучей радія. (Hargy) Гэрги описываетъ замѣчательное дѣйствіе лучей радія на коллоидальныя вещества. Глобулинъ крови былъ растворенъ сначала въ минимальномъ количествѣ уксусной кислоты и въ такомъ же количествѣ ѣдкаго натра. Въ первомъ растворѣ глобулинъ двигался въ электрическомъ полѣ отъ анода къ катоду, въ присутствіи же щелочи движеніе происходило въ обратномъ направленіи. Въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, глобулинъ былъ заряженъ положительнымъ, во второмъ—отрицательнымъ электричествомъ. Оба раствора были подвергнуты дѣйствію бромистаго радія, причемъ первый растворъ черезъ 3 минуты превратился въ непрозрачное желе, второй же сдѣлался менѣе опалесцирующимъ.

Вообще лучи радія оказываютъ весьма разнообразныя физіологическія дѣйствія. Они оказываютъ губительное дѣйствіе на кожу. Если подержать на кожѣ всего нѣсколько минутъ трубочку съ какимъ-нибудь препаратомъ радія, то сначала не будетъ замѣтно ничего особеннаго, но по истеченіи 15—20 минутъ на кожѣ въ данномъ мѣстѣ появляется краснота, а затѣмъ струпъ. Если же дѣйствіе радія было болѣе продолжительно, то появляются трудно излечимыя язвы. Беккерель первый подвергся губительному дѣйствію открытаго имъ вещества; онъ продержалъ 6 часовъ въ боковомъ карманѣ трубочку съ радіемъ и не мало былъ удивленъ, когда черезъ 10 дней на соотвѣтственномъ мѣстѣ появился нарывъ, а затѣмъ и глубокая язва; язва эта зарубцовалась лишь черезъ 49 дней.

Соль радія, даже заключенная въ непрозрачную картонную коробочку, дѣйствуетъ, какъ уже извѣстно нашему читателю, на глазъ, закрытый непроницаемой для обыкновеннаго свѣта черной матеріей, и производитъ впечатлѣніе свѣта. Здѣсь лучи радія дѣлаютъ фосфоресцирующей, свѣтящейся среду глаза, главнымъ образомъ, сѣтчатку, и потому соотвѣтственный мозговой центръ получаетъ ощущеніе свѣта. То же свѣтовое ощущеніе производитъ коробочка съ радіемъ, если ее приблизить даже не къ глазу, а къ какой-нибудь другой части головы,—къ затылку, ко лбу и т. д.

Столь же губительное дѣйствіе оказываютъ лучи радія и на нервную систему, вызывая, какъ то показали опыты Дениза, параличъ, а въ концѣ концовъ смерть. Къ тѣмъ же результатамъ привели и опыты нашего соотечественника, доктора Лондона, которому объектомъ изслѣдованія служили бѣлыя мыши. Онъ помѣщалъ этихъ животныхъ въ особый ящикъ въ возможно благопріятныя жизненныя условія, но только на крышку этого ящика помѣщалъ коробочку съ солью радія. Черезъ нѣсколько часовъ у этихъ мышей стало обнаруживаться покраснѣніе ушей. Г. Лондонъ объясняетъ это покраснѣніе параличемъ вѣтвей симпатическаго нерва. «На вторыя, третьи сутки,—говоритъ нашъ экспериментаторъ,—появляются ясные симптомы мозгового заболѣванія; животныя какъ бы погружаются въ свой внутренній міръ; равнодушно отвернувшись отъ всего окружающаго, они закрываютъ глаза, отказываются отъ пищи, дѣлаются вялыми и неподвижными. Затѣмъ начинаютъ выступать паралечныя

явленія со стороны конечностэй, особенно заднихъ. Въ концѣ концовъ они совершенно лишаются способности передвигаться, впадаютъ въ безсознательное состояніе и погибаютъ при появленіяхъ паралича дыханія».

Докторъ Лондонъ говоритъ, что достаточно 25—30 миллиграммовъ радія, чтобы убить въ теченіе года до 3.000 мышей; при этомъ вѣсъ даннаго количества соли радія не уменьшиться.

Бону удалось наблюдать силу радія (трубка съ бромистымъ радіемъ) на множество живыхъ существъ, подвергая ихъ непрерывному дѣйствію этого метала впродолженіи 7-ми мѣсяцевъ. Онъ констатировалъ при этомъ много интересныхъ явленій и, между прочимъ, то обстоятельство, что при разныхъ положеніяхъ радія по отношенію къ подвергавшимся его дѣйствію животнымъ послѣднія погибали черезъ различные промежутки времени. Подъ вліяніемъ лучей радія изъ личинокъ лягушекъ выходятъ недолговѣчныя, уродливыя формы головастиковъ. Если трубку съ радіемъ заключить вмѣстѣ съ муравьями въ небольшое замкнутое пространство, то муравьи не выживаютъ болѣе восьми часовъ; для рыжихъ муравьевъ экспозиція должна продолжаться дольше.

Диксонъ нашелъ, что радій почти не оказываетъ никакого дѣйствія на растенія, но миссъ Уилькокъ приходитъ къ заключенію, что отрицательные результаты опытовъ Диксона произошли благодаря тому, что разстояніе, отдѣлявшее отъ зеренъ то небольшое количество радія, которымъ пользовался при своихъ опытахъ Диксонъ, было черезчуръ велико.

Миссъ Уилькокъ пользовалась при опытахъ тремя порціями радія: въ 5 миллиграммовъ, въ 10 миллигр. и 40 миллигр. Всѣ три порціи были помѣщаемы на разстояніи 3 миллиметровъ отъ сосуда, въ которомъ содержались животныя. Чтобы уменьшить поглощеніе лучей, стѣнки сосуда была сдѣлана не изъ стекла, а изъ слюды. Результаты получились слѣдующіе:

Actenosphoerium—съ вытянутыми ложноножками; отъ дѣйствія 10 миллиграммъ радія ложненожки не вытягивались, но по истеченіи двухъ часовъ послѣдовала смерть животнаго. 2 экземпляра стенторовъ (stentor) сдержались нѣсколько часовъ до опыта въ темнотѣ, чтобы увеличить ихъ чувствительность къ лучамъ радія. Подъ вліяніемъ дѣйствія 50 мил. радія, находящагося отъ нихъ на разстояніи 4 миллим., оба животныя медленно съеживались, при удаленіи же радія такъ же медленно вытягивались. 16 экземпляровъ стенторовъ держались въ темнотѣ въ сосудѣ, одна изъ стѣнокъ котораго сдѣлана изъ свинца толщиной въ 3 мил.; въ этой стѣнкѣ пробуравлено отверстіе въ 5 мил. въ діаметрѣ, подъ которое вкладывалось 50 миллиграм. бромистаго радія. На слѣдующій день 15 животныхъ помѣстились въ мѣстѣ, находящемся внѣ вліянія лучей β; на пути же лучей остался одинъ только стенторъ.

Гидры зеленыя удаляются отъ лучей β, если же ихъ все-таки насильно погрузить въ эти лучи, то послѣ третьяго раза онѣ погибаютъ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Диксона надъ нѣкоторыми бациллами (Bacilus pyocyanus, B. typhosus, B. pradigiosus, B. anthracis), радій замедляетъ ихъ развитіе, парализуетъ ихъ дѣйствіе, но, однако, не убиваетъ ихъ.

Такое разрушительное дѣйствіе лучей радія на организмы навело

медиковъ на мысль о возможности примѣнить эти лучи къ леченію нѣкоторыхъ болѣзней, напримѣръ, раковыхъ опухолей. Попытки подобнаго рода дѣлаются уже во многихъ странахъ,—между прочимъ и у насъ въ Россіи. Такъ, докторъ Гольдбергъ (Петербургъ) подвергнулъ одного больного раковою язвой леченію при помощи лучей радія; леченіе продолжалось $2^1/_2$ мѣсяца, причемъ въ общей сложности радій дѣйствовалъ на эту язву всего 7 часовъ. Г. Гольдбергъ утверждаетъ, что результатъ былъ блестящій—язва совершенно исчезла.

Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, соли радія непрерывно выдѣляютъ теплоту. Измѣренія показали, что граммъ радія выдѣляетъ въ часъ 80 малыхъ калорій—количество теплоты достаточное, чтобы расплавить граммъ льда. Но выдѣляя теплоту, радій не претерпѣваетъ измѣненій, которыя могли бы быть констатированы нашими обычными химическими методами.

Кромѣ того, нужно отмѣтить, что свѣжеприготовленный радій выдѣляетъ сначала относительно мало теплоты и только съ теченіемъ времени это выдѣленіе постепенно возрастаетъ и достигаетъ указаннаго выше максимума. То же можно сказать и по отношенію къ растворамъ солей радія: свѣжеприготовленный растворъ выдѣляетъ въ началѣ мало теплоты, но выдѣленіе съ теченіемъ времени возрастаетъ и, достигнувъ максимума по прошествіи мѣсяца, становится постояннымъ; при этомъ максимумъ тотъ же, что и соли въ твердомъ состояніи, и пропорціоналенъ количеству находящагося въ данномъ растворѣ радія. Это удивительное выдѣленіе теплоты безъ видимаго измѣненія и потери вещества радія большинствомъ ученыхъ, занимавшихся даннымъ вопросомъ, объясняется медленнымъ распадомъ атомовъ радія и освобожденіемъ при этомъ тепловой энергіи.

Кромѣ беккерелевскихъ лучей, радіоактивныя вещества—*радій*, *торій* и *актиній* испускаютъ еще особые потоки матеріальныхъ частицъ, такъ называемыя *эманаціи*.

Уже во время первыхъ изслѣдованій этихъ радіоактивныхъ веществъ стало ясно, что они сообщаютъ свои свойства тѣламъ, находящимся около нихъ. Это явленіе названо было индуктивной или *наведенной радіоактивностью*. Предполагаютъ, что такая *эманація* распространяется въ газѣ, окружающемъ радіоактивное вещество, что оно мало-по-малу разрушается, испуская беккерелевскіе лучи и превращаясь въ другія неустойчивыя радіоактивныя вещества, которыя осаждаются на поверхности окружающихъ твердыхъ тѣлъ и дѣлаютъ послѣднія радіоактивными.

Такая наведенная радіоактивность быстро и рѣзко ослабляется, становится въ нѣсколько тысячъ разъ слабѣе, какъ только данное тѣло удаляютъ изъ сферы вліянія радіоактивнаго вещества, но все же не исчезаетъ совершенно; эта остаточная, такъ сказать, наиболѣе устойчивая наведенная радіоактивность сохраняется годами.

Кромѣ беккерелевскихъ лучей такіе «искусственно» радіоактивныя тѣла испускаютъ и сами эманацію, но только въ крайне незначительномъ количествѣ и обыкновенно не дольше 20 минутъ послѣ того, какъ данное тѣло освободили

отъ непосредственнаго вліянія радіоактивнаго вещества; впрочемъ, нѣкоторыя твердыя вещества (парафинъ, каучукъ, целлулоидъ) обладаютъ способностью какъ бы пропитываться эмманаціей радія и потомъ выдѣлять ее въ довольно большихъ количествахъ въ теченіе многихъ дней.

Жидкости, подвергнутыя вліянію радія, тоже дѣлаются радіоактивными, онѣ, вѣроятно, растворяютъ нѣкоторое количество эманаціи. Если жидкость съ такой наведенной радіоактивностью освободить отъ дальнѣйшаго воздѣйствія радія и заключить въ запаянную трубку, то радіоактивность жидкости теряется очень медленно; если же такую жидкость помѣстить въ открытый сосудъ, то она, испуская въ окружающій воздухъ заимствованную эманацію, очень быстро становится неактивной.

Интересно отмѣтить, что вода нѣкоторыхъ минеральныхъ источниковъ является радіоактивной. Такъ, напр., въ водѣ источниковъ Bath'а (около Кембриджа) констатировано присутствіе радіоактивнаго газа. Адамсъ изслѣдовалъ этотъ газъ и нашелъ, что онъ обладаетъ свойствами очень сходными съ эманаціей радія и своею радіоактивностью, вѣроятно, обязанъ эманаціи радія. Вопреки мнѣнію Руттерфорда, Адамсу удалось показать, что незначительное количество эманаціи поглощается водой; послѣдняя можетъ быть избавлена отъ нея кипяченіемъ, тогда какъ вода упомянутаго выше минеральнаго источника сохраняетъ эманацію и послѣ кипяченія, вѣроятно, потому, что содержитъ, кромѣ растворенныхъ эманацій, еще нѣкоторое, конечно, крайне незначительное, количество соли радія. Поэтому Адамсъ предположилъ, что вблизи этого источника находятся какія-нибудь горныя породы, заключающія радій. Предположеніе его оправдалось въ настоящее время: въ желѣзныхъ рудахъ, залегающихъ недалеко отъ ключей Bath'а, открыто присутствіе радія.

Изъ другихъ радіоактивныхъ веществъ, ураній и полоній не испускаютъ эманацій, торій испускаетъ очень слабую эманацію, актиній же—очень сильную. Эманація актинія исчезаетъ очень быстро, въ теченіе одной секунды она ослабляется на половину своей первоначальной величины. При обыкновенномъ давленіи эманація актинія не можетъ распространяться въ воздухѣ далѣе какъ на 7, 8 миллиметровъ отъ испускающаго вещества и, слѣдовательно, можетъ переноситься только на тѣла, находящіяся у самаго источника; но въ пустотѣ она распространяется гораздо быстрѣе, при этихъ условіяхъ актиній дѣйствуетъ на тѣло, находящееся отъ него даже на разстояніи 10 сантимотровъ.

Руттерфордъ и Содди показали, что эманаціи радія и торія могутъ быть сгущены при температурѣ жидкаго воздуха.

Уже относительно давно было извѣстно, что атмосферный воздухъ всегда способенъ слабо проводить электричество, что онъ всегда нѣсколько іонизированъ, т.-е. въ немъ находится то или иное количество іоновъ-газовыхъ частицъ, способныхъ переносить электрическіе заряды. Эльстеръ и Гейтель объясняютъ это явленіе тѣмъ, что атмосферный воздухъ всегда содержитъ небольшое количество эманацій, подобныхъ испускаемымъ радіоактивными веществами. Эти ученые показали, что на вершинахъ горъ атмосферный воздухъ богаче эманаціями, чѣмъ воздухъ равнинъ или морскихъ береговъ; особенно

же богатъ эманаціями почвенный воздухъ, а также воздухъ пещеръ и погребовъ. На основаніи этихъ изслѣдованій Эльстеръ и Гейтель заключаютъ, что въ атмосферный воздухъ эманаціи попадаютъ изъ почвы, гдѣ онѣ образуются, благодаря присутствію радіоактивныхъ веществъ; кромѣ того, какъ показали изслѣдованія Лебона *), вообще всѣ вещества обладаютъ слабой радіоактивностью.

Итакъ, въ окружающей насъ атмосферѣ находятся громадные запасы радіоактивныхъ веществъ въ видѣ эманацій. Немудрено, что многимъ ученымъ приходитъ въ голову мысль, нельзя ли какъ-нибудь извлечь изъ воздуха эти вещества, представляющія такіе могучіе конденсаторы энергіи. Еще Рутерфордъ показалъ, что эманаціи съ особенной силой осаждаются на поверхностяхъ отрицательно наэлектризованныхъ проводниковъ. Эльстеръ и Гейтель воспользовались этимъ и поставили слѣдующіе опыты. Цилиндръ изъ мѣдной проволочной сѣтки заряжали отрицательнымъ электричествомъ большого напряженія (до 10.000 вольтъ) и затѣмъ выставляли его на открытый воздухъ на нѣсколько часовъ. Когда такой цилиндръ вносили въ помѣщеніе, гдѣ стоялъ электроскопъ, соединенный съ заряженнымъ тѣломъ, электроскопъ указывалъ на быструю потерю этимъ тѣломъ его заряда, что могло быть объяснено только іонизаціе воздуха, происшедшей подъ вліяніемъ эманацій нашего цилиндра.

Вещество, производящее эти эманаціи, можно, какъ показали прямые опыты многихъ ученыхъ, даже снять съ такого цилиндра при помощи кожи или бумаги, смоченной аммiакомъ или соляной кислотой; тогда кожа и бумага и даже зола ихъ становятся радіоактивными.

Что же такое эманація?

Слѣдующія свойства заставляютъ многихъ ученыхъ склоняться къ той мысли, что эманація—газъ. Такъ, если въ одномъ изъ двухъ сообщающихся сосудовъ находятся эманація, а въ другомъ ея нѣтъ, то эманація диффундируетъ изъ перваго сосуда во второй и въ концѣ концовъ распредѣляется въ нихъ соотвѣтственно объему каждаго сосуда; если одинъ изъ сосудовъ нагрѣть до 350°, а другой оставить при температурѣ окружающей средѣ, то распредѣленіе эманаціи въ сосудахъ слѣдуетъ законамъ Маріотта и Гэй-Люссака. Извѣстно также, что диффузія эманацій въ воздухѣ совершается согласно закону диффузіи газа; наконецъ, мы видѣли, что эманаціи сгущаются при низкихъ температурахъ, также какъ и газы. Но съ другой стороны, какъ указываетъ Кюри, до сихъ поръ эманаціи не удалось взвѣсить, не удалось и констатировать ея давленія на окружающую среду; свойство эманаціи улетучиваться изъ запаянной трубки и притомъ со скоростью, независимой, напримѣръ, отъ температуры, ея полная химическая пассивность, необыкновенная легкость, съ которой она проходитъ черезъ самыя тонкія щели и дырки въ твердыхъ тѣлахъ, говоритъ также противъ газообразной природы эманацій.

Въ нашемъ ноябрьскомъ фельетонѣ мы сообщали уже объ удивительномъ открытіи Рамзая—превращеніи радія въ гелій.

Теперь это открытіе получило блестящее подтвержденіе въ слѣдующемъ

*) См. „Научный фельетонъ“, февраль 1903. „М. Б.“

опытѣ г-жи Кюри. Въ стеклянную трубку было помѣщено 4 дециграмма бромистаго радія, изъ трубки выкачали воздухъ и запаяли ее. Черезъ три мѣсяца былъ изслѣдованъ спектръ содержимаго трубки, спектральныхъ линій гелія не оказалось. Запаянная трубка была переслана изъ Парижа въ Лондонъ физику Дьюару. Онъ пересыпалъ бромистый радій изъ этой трубки въ особую кварцевую (огнеупорную) и подвергъ послѣднюю столь сильному прокаливанію, что бромистый радій сплавился; затѣмъ изъ трубки выкачали воздухъ, запаяли ее и переслали обратно г-жѣ Кюри. Теперь спектръ обнаружилъ характерныя линіи гелія.

По поводу этого поразительнаго превращенія одного элемента въ другой г. Кюри дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе.

И радій и гелій встрѣчаются только въ минералахъ, содержащихъ уранъ; не указываетъ ли совмѣстное нахожденіе этихъ трехъ элементовъ на родство ихъ происхожденія?

II.

О причинахъ, вызывающихъ отталкиваніе солнцемъ кометныхъ хвостовъ.

На послѣднемъ собраніи международнаго астрономическаго общества нашъ соотечественникъ, извѣстный физикъ, проф. московскаго университета Лебедевъ сдѣлалъ крайне интересное сообщеніе «О физическихъ причинахъ отклоненій отъ закона всемірнаго тяготѣнія».

Въ виду важности этого вопроса, мы въ нашемъ изложеніи очень мало уклонимся отъ изложенія почтеннаго докладчика.

Вопросъ объ аномаліяхъ въ законѣ всемірнаго тяготѣнія и о физическихъ причинахъ этого явленія считается однимъ изъ самыхъ старыхъ въ астро-физикѣ; вопросъ этотъ обсуждался еще ранѣе появленія закона Ньютона. Триста лѣтъ тому назадъ Кеплеръ занимался этимъ вопросомъ и пытался дать ему объясненіе, лучше котораго не найдено еще и до сихъ поръ. Самый поразительный и въ то же время самый простой случай аномаліи представляютъ хвосты кометъ; здѣсь мы замѣчаемъ ясно выраженное отталкиваніе со стороны солнца.

Исторія развитія взглядовъ на природу этого явленія и объясненій его, основанныхъ на данныхъ физики, составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ главъ астро-физики; на протяженіи трехъ вѣковъ мы можемъ прослѣдить взаимную связь между астро-физическими теоріями и физическими понятіями каждой данной эпохи.

Въ 1608 году Кеплеръ высказалъ мнѣніе, что хвостъ кометъ состоитъ изъ газовъ, образующихся въ ядрѣ, газы эти имѣютъ независимое отъ ядра движеніе и отталкиваются солнцемъ вмѣсто того, чтобъ притягиваться имъ. Причину этого отталкиванія Кеплеръ приписывалъ солнечному лучеиспусканію. Въ тѣ времена теорія лучеиспусканія играла первенствующую роль въ оптикѣ; по теоріи этой свѣтовые лучи оказываютъ давленіе на встрѣчаемые ими предметы; такимъ образомъ можно было объяснять и отталкиваніе частицъ газа

солнечными лучами. Ньютонъ (1687) доказалъ ясно, что теорія Кеплера, приписывая отталкиваніе давленію вызываемому солнечнымъ свѣтомъ, можетъ служить основаніемъ для объясненія этого факта; но самъ Ньютонъ не призналъ этого взгляда Кеплера и уклоненія хвоста кометы считалъ кажущимся. Онъ высказалъ гипотезу, что вселенная заполнена газообразной средой болѣе плотной, чѣмъ хвостъ кометы, который и приподнимается, слѣдуя закону Архимеда; такимъ образомъ уклоненіе, вызываемое солнцемъ, будетъ только кажущимся.

Эйлеръ въ 1744 году увидѣлъ затрудненія, вызываемыя гипотезой Ньютона, и вернулся ко взглядамъ Кеплера, стараясь, какъ и онъ, объяснить отклоненіе давленіемъ свѣта. Но въ противоположность теоріи лучеиспусканія Эйлеръ принялъ теорію Гюйгенса и думалъ, что свѣтъ вызывается волнообразнымъ движеніемъ, сопровождаемымъ продольнымъ перемѣщеніемъ эѳира. Эйлеръ смотрѣлъ на давленіе свѣта, какъ на результатъ цѣлаго ряда толчковъ, производимыхъ продольными волнообразными движеніями на встрѣчные предметы.

Въ половинѣ 18 вѣка почти за 35 лѣтъ до того момента, когда Кавендишъ производилъ лабораторные опыты съ закономъ притяженія, Меранъ и Дю-Фэ (Mairan и du-Fay) (1754) старались впервые провѣрить на опытахъ давленіе свѣтовыхъ лучей, давленіе, дѣйствію котораго приписывались исключенія въ законѣ Ньютона. Они начертали очень искусный планъ предполагавшихся опытовъ, но натолкнулись на затрудненія (воздушныя теченія), которыя невозможно было устранить съ помощью существовавшихъ въ 18 вѣкѣ приспособленій; имъ пришлось оставить неразрѣшеннымъ вопросъ о существованіи механическаго давленія, вызываемаго свѣтомъ.

Въ 19 вѣкѣ наблюденія Ольберса (Olbers) снова направили вниманіе ученыхъ на движеніе кометъ. Въ 1812 году Ольберсъ отбросилъ объясненія и Кеплера, и Ньютона, какъ гипотезы, не опирающіяся на опытныя данныя; съ большою осторожностью Ольберсъ формулировалъ новую гипотезу: «невольно думается,—говоритъ онъ,— о чемъ-нибудь сходномъ съ электрической силой притяженія и отталкиванія». Если мы вспомнимъ, что онъ сдѣлалъ такое предположеніе въ то время, когда теорія электричества праздновала свои первыя побѣды, мы поймемъ, что онъ думалъ объ электрическихъ силахъ, законы дѣйствія которыхъ были открыты опытами Куломба (1785).

Электрическая теорія Ольберса одержала верхъ. Законъ уменьшенія электрической силы въ прямомъ отношеніи къ квадрату разстоянія, законъ, примѣняемый также къ давленію свѣта, далъ возможность Бесселю (1836) создать простую теорію движенія кометныхъ хвостовъ и высчитать, по степени изгиба хвоста, абсолютную величину силы отталкиванія. Съ помощью большого числа измѣреній Бредихинъ нашелъ, что величина этой отталкивающей силы стоитъ въ зависимости отъ составныхъ частей хвоста. Сила эта въ 17,5 разъ больше силы притяженія. Электрическая сила Ольберса покоится на двухъ гипотезахъ: во-первыхъ, солнце должно быть всегда заряжено электричествомъ, во-вторыхъ, каждая молекула газа въ хвостѣ кометы должна быть наэлектризирована однозначно съ солнцемъ. Но до сихъ не удалось еще на опытахъ доказать эти двѣ гипотезы. Не удалось найти связи между предположеніемъ,

что солнце представляетъ изъ себя наэлектризованное тѣло, и магнитными явленіями земли, не прибѣгая къ помощи добавочныхъ гипотезъ; невозможно также измѣрить абсолютную величину электрической энергіи въ солнцѣ, а равно и опредѣлить знакъ этой энергіи. Съ другой стороны, физики въ своихъ лабораторныхъ опытахъ не доказали еще электризаціи молекулъ газа въ условіяхъ, требуемыхъ второй гипотезой. Въ защиту гипотезы электризаціи элементовъ, составляющихъ хвостъ кометы, приводилось часто сходство между оптическими явленіями, наблюдаемыми въ хвостѣ кометы и въ гейслеровской трубкѣ; но аргументъ этотъ не можетъ быть принятъ; онъ противорѣчитъ закону сохраненія энергіи, по которому каждое свѣтовое явленіе влечетъ за собою трату энергіи, этой траты энергіи не должно быть въ молекулахъ газа, сохраняющихъ постоянную электризацію. Гораздо вѣроятнѣе объяснять свѣтовыя явленія въ хвостѣ кометы флуоресенціей, проявляемой газами при сильномъ освѣщеніи.

Цёльнеръ, лучше всѣхъ развившій электрическую теорію интересующаго насъ явленія, соглашался все же (въ 1872 г.) отказаться отъ своей теоріи и признать теорію Кеплера, если ему докажутъ существованіе давленія, производимаго солнечнымъ свѣтомъ. Вопросъ объ этомъ существованіи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ 30 лѣтъ тому назадъ, въ 1873 г., Максвелемъ, какъ выводъ изъ его электро-магнитной теоріи свѣта, и Бартоли въ 1876 г., какъ слѣдствіе второго закона термодинамики. Эти теоретическія изысканія привели двухъ вышеупомянутыхъ ученыхъ къ выводу, что свѣтъ долженъ непремѣнно производить опредѣленное давленіе и что оно находится въ простомъ отношеніи съ энергіей, падающей на данное тѣло въ секунду (пучкомъ параллельныхъ лучей), и съ быстротой свѣта. Было вычислено, что солнечный свѣтъ на разстояніи, равномъ разстоянію солнца отъ земли, даетъ давленіе 0,5 миллиграмма на квад. метръ.

Лебедеву, Никольсу и Гёллу удалось доказать лабораторными опытами существованіе давленія свѣта; опыты эти подтвердили данныя формулы Бартоли и Максвеля. Еще раньше этихъ опытовъ, въ 1884 г. Фитцгеральдъ приложилъ теоретическіе выводы Максвеля къ исключеніямъ въ законѣ Ньютона, къ движеніямъ кометъ; только онъ сдѣлалъ ошибку, распространивъ ихъ и на газообразныя молекулы хвоста, не обративъ вниманія на то, что выводы ксвеля относятся исключительно къ тѣламъ довольно большимъ по отношенію къ длинѣ свѣтовой волны, ихъ ударяющей. Ошибка эта была избѣгнута въ наблюденіяхъ, опубликованныхъ одновременно Лебедевымъ *) и Лоджемъ, надъ отталкивающей силой солнца и надъ деформаціей и распаденіемъ кометныхъ ядеръ (одинъ Лебедевъ).

Изъ очень простой формулы можно вычислить, что отклоненія отъ закона Ньютона для тѣла размѣрами больше метра, будутъ гораздо ниже границъ ошибокъ астрономическихъ наблюденій. Но для ядра кометы, составленнаго

*) Съ изслѣдованіями проф. Лебедева по этому вопросу читатели нашего журнала были своевременно ознакомлены. (См. „М. Б.“ 1901 г., мартъ).

изъ массы камней, величиною менѣе сантиметра, при благопріятныхъ условіяхъ наблюденія, законъ тяготѣнія уже не дѣйствуетъ болѣе. Если камни эти еще меньшихъ размѣровъ, то отклоненіе будетъ еще замѣтнѣе. И обратно: если не замѣчается замѣтнаго разногласія съ закономъ Ньютона и если мы знаемъ границы ошибокъ нашихъ астрономическихъ наблюденій, то можно опредѣлить минимальный предѣлъ размѣра камней, составляющихъ ядро кометы.

Если ядро состоитъ изъ метеоритовъ различной величины, причемъ часть ихъ достаточно мелка, то ядро доформируется и распадается; это особенно хорошо должно быть замѣтно на кометахъ, сдѣлавшихся періодическими. Въ этомъ случаѣ высчитанная заранѣе, обычнымъ способомъ, орбита проявитъ, при послѣдующемъ прямомъ наблюденіи,болѣе значительныя, чѣмъ обыкновенно уклоненія. Упомянутая нами формула не можетъ имѣть примѣненія въ томъ случаѣ, когда частички кометной пыли бываетъ величиной не болѣе нѣсколькихъ тысячныхъ миллиметра, и слѣдовательно, одной величины съ волной солнечныхъ лучей, которые ихъ встрѣчаютъ. Шварцшильдъ доказалъ, что въ этомъ случаѣ сила отталкиванія достигаетъ максимума для нѣкоторыхъ размѣровъ частицъ и что сила эта уменьшается быстро, когда размѣры эти становятся еще меньше.

Молекулы газа, подвергнутыя солнечному лучеиспусканію, развиваютъ явленія резонанса, сопровождаемыя давленіемъ, вызваннымъ падающими лучами солнца.

Такимъ образомъ взгляды Кеплера получили прочное обоснованіе и мы можемъ теперь утверждать, что солнце обладаетъ дѣйствительно силой отталкиванія, величина которой опредѣлена лабораторными опытами. Мы можемъ заранѣе предсказать въ каждомъ данномъ случаѣ величину отступленія отъ закона Ньютона и выяснить послѣдствія этихъ отступленій. Могутъ ли электрическія силы вмѣшиваться въ томъ или иномъ случаѣ и вызывать разногласіе съ закономъ Ньютона.? Вотъ вопросъ, который еще не можетъ быть теперь рѣшенъ. Пока мы не выразимъ въ точныхъ цифрахъ дѣйствіе солнечнаго свѣта, которое, очевидно, играетъ здѣсь главную роль, мы не можемъ дѣлать выводовъ о присутствіи или отсутствіи здѣсь другихъ силъ, ни утверждать, необходимы ли для объясненія этого явленія второстепенныя гипотезы, или достаточно одной теоріи Кеплера.

III.

Изъ области біологіи.

Примѣненіе низкихъ температуръ при разработкѣ біологическихъ проблемъ. Доказавъ на тифозныхъ бацилахъ, что низкая температура жидкаго воздуха (—190° Ц.) и даже жидкаго водорода не уничтожаетъ жизни, англійскій ученый *Мэкфейденъ* примѣнилъ низкія температуры къ изученію клѣточныхъ соковъ. Нормальная или патологическая ткань животныхъ, напр., эпителіальныя клѣтки, раковая опухоль и т. п. растираются при такой температурѣ, и внутриклѣточное содержимое ихъ подвергается соотвѣтственнымъ опытамъ; такой же обработкѣ подвергнуты нѣкоторыя плѣсени, дрожжи и бактеріи. Благодаря такимъ изслѣдованіямъ удалось доказать, что существуетъ особый классъ токсиновъ и ферментовъ, которые находятся и дѣйствуютъ внутри

клѣтокъ данной ткани или внутри бактерій; этотъ классъ противополагается другому, въ настоящее время уже относительно хорошо знакомому классу токсиновъ, находящихся при жизни данной клѣтки въ окружающей ее средѣ. Къ этому послѣднему классу принадлежитъ дифтеритный напр. ядъ, который служитъ для выработки дифтеритнаго противоядія (антитоксина). Многіе инфекціонные организмы не развиваютъ замѣтныхъ внѣклѣточныхъ токсиновъ, и потому неизвѣстные намъ токсины слѣдуетъ разыскивать внутри специфическихъ клѣтокъ, которымъ, повидимому, и слѣдуетъ приписывать отравленіе организма въ теченіе данной болѣзни. Практическая польза изученія этихъ внутриклѣточныхъ токсиновъ доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что вытяжка, полученная изъ внутриклѣточнаго токсина тифозной бациллы, даетъ намъ противоядіе противъ этого же токсина.

Изслѣдованія микроорганизмовъ гноя доказали, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ внутриклѣточными токсинами.

Примѣненіе низкихъ температуръ сдѣлало возможнымъ разработку и многихъ другихъ біологическихъ проблемъ. Напримѣръ, оказалось, что свѣтящіяся бактеріи сохраняютъ эту способность и будучи опущены въ жидкій воздухъ, но растертыя, онѣ уже перестаютъ свѣтиться. Отсюда ясно, что свѣченіе составляетъ функцію живого организма данной бактеріи и проявляется только тогда, если организація клѣтки не нарушена. Ядъ бѣшенства не найденъ еще до сихъ поръ или, по крайней мѣрѣ, не выдѣленъ въ чистомъ видѣ, хотя въ немъ и видятъ организованное вещество. Мѣсто нахожденія неизвѣстнаго намъ яда бѣшенства въ нервной сисмемѣ. Если мозговое вещество бѣшенаго животнаго будетъ растерто при низкой температурѣ, то его заразительныя свойства уничтожаются. Это служитъ новымъ доказательствомъ тому, что причиной болѣзни бѣшенства является организованный ядъ.

Образованіе бѣлковыхъ веществъ растеніями. Долголѣтніе, крайне обстоятельные опыты Лорана и Маршаля (Laurent et Marchal) надъ образованіемъ растеніями (горчица, цикорій, спаржа, горошекъ и мног. др.) бѣлковыхъ веществъ привели ихъ къ выводу, что безъ свѣта и хлорофилла не происходитъ несомнѣннаго образованія этихъ веществъ на счетъ азотистыхъ минеральныхъ соединеній. Доказать это можно различными способами: наиболѣе демонстративнымъ является слѣдующій, сравнительно довольно легкій, опытъ. Приготовляютъ растворъ калійной селитры (1 на 1.000) съ небольшимъ количествомъ сахарозы и опускаютъ туда свѣжіе, зеленые стебли различныхъ растеній. Стебли дѣлятъ на три группы: первая подвергается немедленно анализу для опредѣленія количества бѣлковаго вещества, вторая остается на ночь въ темнотѣ, послѣ чего дѣлается анализъ, третья также остается на ночь въ темнотѣ, но весь слѣдующій день на солнцѣ, послѣчего уже производится анализъ.

Цифры первой группы будутъ основными; цифры второй укажутъ, произошло ли увеличеніе бѣлковаго вещества въ темнотѣ, а цифры третьей дадутъ прирость бѣлковаго вещества подъ вліяніемъ свѣта. Опыты эти и привели къ упомянутому выше выводу, что приростъ бѣлковыхъ веществъ происходитъ только днемъ, на свѣту.

Другіе опыты, подъ вліяніемъ различныхъ лучей спектра, показали, что лучи, наиболѣе содѣйствующіе образованію бѣлковыхъ соединеній, будутъ лучи ультрафіолетовые, въ особенности же наиболѣе преломляемые изъ нихъ.

Вотъ какую общую картину усвоенія азота растеніями даютъ Маршаль и Лоранъ. Свободный азотъ можетъ усвояться нѣкоторыми низшими организмами (или въ одиночку, или въ симбіозѣ), напр., *Clostridium pasteurianum*, различными бактеріями, ностоками, Rhizobium'ами. Азотъ въ видѣ амміачныхъ солей усвояется бактеріями, плѣсенями и другими низшими растеніями, лишенными хлорофилла, безъ вмѣшательства свѣтовыхъ лучей. То же самое явленіе можно наблюдать и у зеленыхъ растеній и при свѣтѣ и въ темнотѣ, и въ зеленыхъ тканяхъ и въ тканяхъ, лишенныхъ хлорофилла, но только при свѣтѣ процессъ этотъ совершается гораздо интенсивнѣе. Наконецъ, азотъ въ видѣ солей азотной кислоты усваивается безхлорофильными растеніями и въ темнотѣ и при свѣтѣ, но только въ послѣднемъ случаѣ совершается быстрѣе.

Когда ассимиляція азота въ какомъ-либо изъ этихъ трехъ видовъ идетъ въ темнотѣ, то происходитъ потребленіе углеводовъ, доставляющихъ необходимую энергію для химическихъ процессовъ возстановленія и синтеза. Но полный синтезъ бѣлковаго вещества можетъ совершаться въ темнотѣ только у низшихъ растеній, лишенныхъ хлорофилла, у растеній же зеленыхъ онъ происходитъ только при свѣтѣ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые процессы и здѣсь могутъ совершаться въ темнотѣ: крахмалистыя вещества могутъ возникать въ органахъ, лишенныхъ хлорофилла, присоединеніе же нѣкоторыхъ крахмалистыхъ веществъ къ образовавшимся уже въ данномъ растеніи веществамъ сахаристымъ можетъ сопровождаться образованіемъ бѣлковыхъ веществъ, несмотря на темноту. Но вѣдь сахары не могутъ образоваться въ растеніи безъ вліянія свѣта. Такимъ образомъ для перехода амміака или азотной кислоты въ бѣлковое вещество у взрослаго зеленаго растенія свѣтъ безусловно необходимъ.

Что же касается до усвоенія растеніями углекислоты, то здѣсь мы встрѣчаемъ большее однообразіе. За исключеніемъ очень незначительнаго числа организмовъ, какъ, напр., нитрифицирующихъ бактерій, возстановляющихъ этотъ газъ безъ участія хлорофилла и свѣта, всѣ остальныя растенія для осуществленія этого процесса нуждаются въ солнечномъ свѣтѣ. А такъ какъ солнечные лучи необходимы для образованія сахаровъ, а они, въ свою очередь, необходимы для образованія бѣлковыхъ веществъ, то можно сказать, что образованіе этихъ послѣднихъ всегда обусловливается солнечнымъ свѣтомъ.

Опыты прививки сифилиса обезьянамъ. Старый и новый способъ леченія этой болѣзни. Не такъ давно Мечникову и Ру удалось привить сифилисъ шимпанзе. До недавняго времени не удавалось привить эту болѣзнь ни одному позвоночному, ни даже млекопитающему. Только въ 1893 г. Николь привилъ его макаку (bonnet chinois), а нѣсколько позже Гамони японскому макаку. Мечниковъ и Ру производили свои опыты также и надъ макаками (bonnet chinois); черезъ 20 дней послѣ прививки образовывались популы и отеки вокругъ этихъ послѣднихъ; но все это держалось очень не-

долго, дальнѣйшихъ явленій сифилиса не появлялось и притомъ папулы наблюдались всего у 2-хъ изъ 5-ти животныхъ, подвергнутыхъ опыту. Затѣмъ Мечниковъ и Ру сдѣлали прививку шимпанзе, какъ наиболѣе близкому къ человѣку (въ анатомическомъ отношеніи) изъ всѣхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ. Для опыта была взята шимпанзе—самка, приблизительно около 2-хъ лѣтъ отъ роду. Сначала ей была введена серозная жидкость, взятая изъ твердаго шанкра человѣка; затѣмъ сифилитическая серозная жидкость введена была въ надбровную область. Обѣ эти прививки сифилитическаго яда сдѣланы отъ людей, лечившихъ эту болѣзнь. Въ 3-й же разъ этому же шимпанзе ввели сифилитическій ядъ отъ твердаго шанкра человѣка не лечившагося. Только черезъ 20 дней у шимпанзе появился маленькій прозрачный пузырекъ, окруженный краснотой. Вскорѣ пузырекъ превратился въ язвочку, а ткань вокругъ него съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе плотной. Дно шанкра, образовавшагося такимъ образомъ, стало круглымъ, желтаго цвѣта и покрылось сѣрой пленкой съ ясно выраженными контурами. Черезъ 20 дней послѣ появленія пузырька шанкръ находился въ полномъ своемъ развитіи; черезъ 56 дней послѣ первой прививки появились на спинѣ и на животѣ 4 разсѣянныхъ папулы; спустя нѣсколько дней число ихъ достигло 15. Папулы эти были покрыты сухими чешуйками, при осторожномъ соскабливаніи которыхъ появлялась розовая серозная жидкость. Позже между периферіей и чешуйками появилось тонкое кольцо, покрытое бѣлыми бляшками. Спустя нѣкоторой время послѣ періода наивысшаго развитія всѣхъ явленій сифилиса периферія шанкра изъ красной стала блѣдной, затѣмъ пигментированной въ черный или темно-коричневый цвѣтъ; затвердѣніе папулъ исчезло, также и при дотрогиваніи онѣ легко сморщивались. Черезъ 3 мѣсяца послѣ начала опыта обезьяна заболѣла и проболѣвъ 2 недѣли умерла. Трупъ ея вѣсилъ всего 4.600 граммъ. При вскрытіи найдены были паховыя лимфатическія железы съ правой стороны болѣе увеличенными, чѣмъ съ лѣвой, селезенка твердой и гипертрифированной; печень—большой, малокровной, желтой, съ выпуклостями; почки также малокровныя, съ ненормально увеличеннымъ корковымъ слоемъ. Вещества для культуры, засѣянныя кровью изъ сердца, печени, селезенки и легкихъ, дали громадное количество пневмококковъ. Животное, слѣдовательно, погибло благодаря развитію въ организмѣ этихъ послѣднихъ. Изъ своего опыта Мечниковъ и Ру вывели слѣдующіе результаты: шимпанзе болѣе чувствителенъ къ сифилитическому яду, чѣмъ остальныя обезьяны; развитіе сифилиса у шимпанзе идетъ въ томъ же порядкѣ, что и у человѣка и, наконецъ, вторичныя явленія обнаруживаются въ видѣ чешуйчатыхъ папулъ.

Кромѣ того, опытъ Мечникова и Ру показалъ, что твердый шанкръ человѣка, даже находящійся на пути къ заживленію, содержитъ достаточно сифилитическаго яда, для зараженія имъ шимпанзе; и, наконецъ, что иммунитетъ наступаетъ очень быстро.

Мечниковъ и Ру привили затѣмъ сифилисъ отъ перваго шимпанзе второму, на этотъ разъ самцу, чѣмъ и доказали, что болѣзнь эта можетъ быть передаваема отъ одного шимпанзе къ другому.

Новыми опытами вышеупомянутые ученые хотятъ рѣшить вопросъ, не явится ли сифилитическій ядъ ослабленнымъ, если онъ пройдетъ черезъ организмъ шимпанзе. Понятна важность результатовъ съ точки зрѣнія леченія этой страшной болѣзни.

За послѣднее время снова поднимаются споры о «старомъ» и «новомъ» леченіи сифилиса.

Такъ, Кюнъ (Kuhn) подымаетъ вопросъ о женитьбѣ сифилитиковъ и о леченіи ихъ.

Въ послѣднее время многіе сифилитологи держатся того мнѣнія, что нетолько сифилитики, не проведшіе курсъ леченія въ теченіе 3-хъ, 5-ти лѣтъ, не должны вступать въ бракъ, но даже и лечившіеся такимъ образомъ не могутъ быть вполнѣ годными мужьями. Свои слова спеціалисты эти подтверждаютъ обширной практикой, которая позволила имъ сдѣлать заключеніе, что будущее многихъ изъ ихъ паціентовъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались продолжительному леченію, никогда не застраховано отъ новыхъ проявленій болѣзни, притомъ тѣмъ болѣе частыхъ, чѣмъ болѣе коротко было леченіе.

По мнѣнію же Кюна, всѣ эти увѣренія основаны на результатахъ плохого леченія, и онъ убѣжденъ, что именно продолжительное специфическое леченіе сдѣлаетъ изъ сифилитика инвалида и плохого мужа, такъ какъ подобное леченіе совершенно недостаточно и можетъ уничтожить нѣкоторыя проявленія сифилиса, радикально не вылечивая; если же и вылечиваетъ, то это касается тѣхъ доброкачествеоныхъ случаевъ, гдѣ исцѣленіе происходитъ безъ всякаго лекарства.

Въ осужденіе метода, заключающагося въ веденіи въ организмъ въ теченіе продолжительнаго времени небольшихъ количествъ ртути, такихъ, при которыхъ слюнетеченіе не проявляется, Кюнъ приводитъ слова извѣстнаго страсбургскаго профессора Шютценбергера:

«Я убѣдился, что введеніе небольшихъ дозъ ртути приводитъ къ леченію часто очень продолжительному, что рецидивы при такомъ леченіи часты и что способъ этотъ, въ общемъ вводя въ организмъ большія количества ртути, не приводилъ къ радикальному излечиванію... Для меня становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что способъ этотъ плохой, и потому, начиная съ 1840 г., я вернулся къ старому, которымъ пользовались: Фабръ, Рустъ, Гессертъ, Шааль и др., въ чемъ я никогда не раскаивался». Всѣ подробности стараго метода находятся въ работѣ Шютценбергера «Observations pratiques sur la syphilis», вышедшей послѣ 1870 г. Достаточно сказать, что все леченіе распадается на 3 періода: 1) Подготовительный періодъ, совершенно пренебрегаемый большинствомъ сифилитологовъ, между тѣмъ какъ дальнѣйшій опытъ показалъ, что если извѣстнымъ режимомъ не подготовить больного, то специфическое леченіе остается часто недѣйствительнымъ или же только дастъ временное облегченіе.

2) Курсъ специфическаго леченія *интенсивными* втираніями, при которомъ, въ противоположность продолжительному методу леченія, въ организмъ вводится въ короткое время значительныя количества ртути, могущія уничтожить инфекціонное начало или сдѣлать ткани невоспріимчивыми къ нему.

3) Періодъ возстановляющій, которымъ оканчивается леченіе въ виду того, что больные худѣютъ и теряютъ до 10-ти килогр. вѣса.

Общая продолжительность всѣхъ 3-хъ періодовъ колеблется отъ 7-ми до 10 недѣль, впродолженіи которыхъ больной не покидаетъ комнаты.

«Я прослѣдилъ, — говоритъ Шютценбергеръ,—въ теченіе 10, 20, 30 лѣтъ очень много моихъ старыхъ паціентовъ, многіе изъ нихъ старики, отцы и дѣдушки. Здоровье ихъ и ихъ дѣтей прекрасно. Поэтому я не подпишусь подъ увѣреніями въ неизлечимости пріобрѣтеннаго сифилиса».

Самому Кюну пришлось также слѣдить много лѣтъ за сифилитиками, лечившихся по старому методу; многіе изъ нихъ женаты и дѣти ихъ не представляютъ никакихъ слѣдовъ наслѣдственнаго сифилиса. И ни у кого изъ нихъ не было рецидивовъ, точно также, какъ никто изъ нихъ не является какъ мужъ и какъ отецъ худшимъ, чѣмъ не болѣвшіе сифилисомъ. Но даже сифилитологи, не признающіе вообще интенсивнаго метода, стоятъ за него при тяжелыхъ проявленіяхъ сифилиса. Такъ Фурнье, находитъ, что если сифилисъ проявится въ воспаленіи сѣтчатой и сосудистой оболочекъ глазъ, то немедленно надо прибѣгнуть къ ртути наиболѣе активнымъ, наиболѣе энергичнымъ образомъ. Слабое леченіе въ теченіе продолжительнаго времени, не примѣнимо въ подобныхъ случаяхъ. Сулема, ртуть, вводимыя внутрь черезъ желудокъ, даже въ большихъ дозахъ являются недѣйствительными и недостаточными противъ такого рода проявленій сифилиса.

Внутривенное вспрыскиваніе сулемы при заразныхъ болѣзняхъ. Недавно появилась работа *Маріони* о противоядномъ дѣйствіи сулемы. Свои многочисленные опыты онъ производилъ надъ животными и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Внутривенныя вспрыскиванія сулемы увеличиваютъ противодѣйствіе организма животныхъ заразнымъ началамъ, что объясняется скорѣй антитоксическимъ вліяніемъ этихъ вспрыскиваній, чѣмъ бактерициднымъ, т.-е. уничтоженіемъ самихъ бактерій.

Впрыскиванія вызываютъ и усиливаютъ способность кровяной сыворотки склеивать бактеріи и спасаютъ животныхъ, которымъ былъ введенъ какой-нибудь бактерійный ядъ.

Такъ удалось спасти животныхъ, зараженныхъ диплококками и стрептококками. Нужно только, чтобы вспрыскиваемый растворъ сулемы былъ очень слабый и въ количествѣ $^1/_{50}$ миллигр. на каждый килограммъ животнаго.

Такимъ образомъ вспрыскиванія сулемы могутъ служить предохранительной прививкой. Если вспрыскивать животнымъ черезъ извѣстный промежутокъ времени ежедневно $^1/_{10}$ миллигр. раствора сулемы, то послѣ этого имъ можно безнаказанно ввести смертельную дозу какого-нибудь изъ вышеупомянутыхъ токсиновъ или вспрыснуть въ брюшину вирулентную культуру бактерій.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Мартъ. **1904 г.**

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Публицистика.— Соціологія и политическая экономія. — Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Б. Якимовъ. „Безъ хлѣба насущнаго“.—*И. Гривскій.* „Записки рабочаго“.—*Артуръ Шницлеръ.* „Пьесы“.

В. Якимовъ. Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904 г. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 25 к. Годъ тому назадъ г. Якимовъ издалъ сборникъ интересныхъ очерковъ изъ голоднаго 1899 года. Хотя сами очерки и не отличались особыми литературными достоинствами, будучи написаны только, что называется, прилично, но какъ правдивое описаніе голодающей деревни и отношенія къ ней разныхъ соприкасающихся элементовъ—книга его «По слѣдамъ голода» заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ сожалѣнію, мы боимся, что нѣкоторый успѣхъ его первой книги побудилъ автора поспѣшить съ изданіемъ второй книги его разсказовъ, которая, не отличаясь никакими литературными достоинствами, лишена и того фактическаго интереса, какой несомнѣнно представляетъ первая. Г. Якимовъ пишетъ прилично, гладко, правильнымъ русскимъ языкомъ и въ высшей степени добродѣтельно. Каждый его очеркъ заключаетъ въ себѣ мораль и поученіе, въ родѣ того, что къ людямъ надо относиться хорошо («Неизбѣжный процентъ»), не слѣдуетъ никогда забывать о бѣдныхъ («Безъ хлѣба насущнаго»), надо помогать, не надо соблазнять чужихъ женъ («Съ больной совѣстью») и т. д. Въ каждомъ разсказѣ та или иная мораль торчитъ какъ шестъ и злитъ своей назойливостью даже и непритязательнаго читателя. А происходитъ это по той простой причинѣ, что для литературнаго произведенія недостаточно добрыхъ мыслей и расположенія къ людямъ, а надо хоть капельку таланта. Возьмемъ для примѣра лучшій очеркъ г. Якимова «Неизбѣжный процентъ», въ которомъ идетъ рѣчь о дурномъ отношеніи строителей желѣзной дороги къ рабочимъ. Инженеръ, конечно, хапуга и картежникъ по трафарету очерченный. Гости станового, у котораго онъ спускаетъ добытыя нечистымъ путемъ деньги, всѣ на одно лицо. Двое студентовъ—одинъ уже копія съ инженера, другой съ добродѣтельной закваской—не живые люди, а два для соотвѣтственной цѣли приспособленные манекена. Мы ихъ не видимъ, не слышимъ, а только внемаемъ автору, какъ онъ силится ихъ представить живыми при помощи общихъ словъ, обычныхъ эпитетовъ, но нѣтъ у автора ни одной *своей* черточки, *своего* пріема, *своего* глаза, который бы открылъ намъ въ его герояхъ нѣчто такое, чего мы раньше не видѣли, не чувствовали, не замѣчали. Вотъ это-то отсутствіе *своей* физіономіи и дѣлаетъ всю книгу г. Якимова безличной, блѣдной, не интересной и ненужной. Къ концу книги приложено нѣсколько небольшихъ очерковъ изъ голоднаго года, которые

какъ-то не вяжутся съ содержаніемъ остальной части книги, и умѣстнѣе было бы ихъ включить во второе изданіе первой книги г. Якимова «По слѣдамъ голода». *А. Б.*

И. Гривскій. Записки рабочаго. Спб. 1904 г. Ц. 80 к. Небольшая книжечка г. Гривскаго открывается двумя небольшими разсказами, до того наивными и ничтожными, что становится неловко за автора. Но не въ этихъ разсказикахъ значеніе этой книжечки, и будетъ жалко, если иной читатель, пробѣжавъ ихъ, броситъ книжку, какъ обычную макулатурную стряпню еще одного неудачника. Значеніе и несомнѣнный интересъ придаютъ ей два очерка— «Изъ жизни мастеровыхъ» и «Безатестатный», составляющіе главное ея содержаніе. Въ нихъ нѣтъ никакихъ попытокъ на вымыселъ и художественное «сочиненіе»: это безхитростное описаніе жизни петербургскихъ мастеровыхъ, ихъ быта, условій труда, оплаты его и невозможной, убійственной обстановки. Очерки несомнѣнно написаны человѣкомъ если не рабочимъ, то очень близко стоящимъ къ рабочей средѣ. Въ первомъ авторъ начинаетъ съ описанія квартиры, въ которой ютятся большинство рабочихъ въ Петербургѣ. Въ небольшой полутемной квартирѣ изъ четырехъ комнатъ живутъ 35 человѣкъ—артель столяровъ, артель маляровъ и артель каменьщиковъ. И вотъ какъ живутъ: «Постели у задней стѣны нижняго яруса (наръ) занимали маляры. Они платили по два рубля съ человѣка въ мѣсяцъ. Ихъ постели были пропитаны масломъ и красками, хотя они и были изъ мочальныхъ матрасовъ и перовыхъ подушекъ, но наволочки на нихъ блестѣли, точно клеенчатыя, потому что онѣ никогда не были въ стиркѣ и ничѣмъ не закрывались, а днемъ на нихъ тѣ же столяры клали, что попало; да и сами маляры приходили съ работы въ блузахъ и фартукахъ, запачканныхъ красками и разною грязью, ибо по своему ремеслу малярамъ больше всѣхъ другихъ мастеровъ приходится убирать грязь вездѣ... Вотъ въ такихъ-то костюмахъ они и приходятъ съ работы, снимая всю свою одежду, тутъ же около постели и складываютъ, и ложатся спать по два человѣка на одной постели, гдѣ отъ стружекъ столярной мастерской такая масса блохъ, что онѣ буквально всѣхъ ихъ, какъ говорится, обсыплютъ». Чѣмъ же объясняется такая обстановка? Прежде всего заработкомъ. Авторъ описываетъ всю жизнь одного мастерового, отъ выхода его мальчикомъ изъ деревни и до того момента, когда его застаетъ разсказъ—уже взрослымъ, женатымъ и трезвымъ, искуснымъ мастеромъ. «Послѣдніе годы онъ больше не рядился на все лѣто, а работалъ поденно. Прошлое лѣто онъ получалъ 1 р. 60 к. въ день. Съ 15 мая по 15 сентября имъ было заработано за 101 день 161 р. 60 к. При самомъ скудномъ питаніи онъ издерживалъ по 25 к. въ день, съ праздниками вышло 39 р. 50 к.; одежда и обувь 10 р., баня и стирка бѣлья 2 р. 50 к., за уголъ въ темной комнатѣ по 2 р. въ мѣсяцъ—10 р., да на дорогу изъ деревни (въ Костромской губерніи, откуда ѣдутъ большинство маляровъ, плотниковъ и штукатуровъ) и обратно издержалъ 25 р. Поэтому при самой скромной жизни у него выходило расхода 87 р. и оставалось на круглый годъ для деревни 74 р. 60 к.». И такъ живетъ и работаетъ не пьющій, хорошій мастеръ, которымъ дорожатъ и охотно берутъ на работу.

Такой же безхитростный разсказъ и «Безатестатный», тоже несомнѣнно «записанный» съ натуры. Это судьба мастера повыше, который, благодаря врожденной способности къ рисунку, мало-по-малу выбивается на поверхность, но удерживается здѣсь съ великимъ трудомъ, постоянно рискуя потонуть. Жизнь не обезпечена ничѣмъ, болѣзнь сразу губитъ плоды работы цѣлыхъ годовъ; жадность, несправедливость въ разсчетахъ, невозможность стоять за личное достоинство и тысячи случайностей—вотъ обычная обстановка такого мастера высшаго разряда. Наивность изложенія, подчасъ дѣтскія почти размышленія автора нѣсколько прискучиваютъ, но эти недостатки подчеркиваютъ правди-

вость разсказа. «Сочинитель», хотя бы въ родѣ г. Якимова, сразу выдалъ бы себя попытками на художественность и психологію, чѣмъ справедливо внушилъбы недовѣріе къ фактичности и правдѣ своихъ очерковъ. *А. Б.*

Артуръ Шнитцлеръ. Пьесы. Въ погонѣ за легкой добычей. Завѣщаніе. Сказка. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 1903. — Его же. Покрывало Беатриче. Драма въ 5 актахъ. Пер. Михаилъ Свободинъ. Москва. 1903. — Его же. Часы жизни. Пер. О. Н. Поповой.—Его же. Часы жизни. Пер. А. Гретманъ и Е. Ю-ге. Москвя 1902. Симпатіи нашихъ переводчиковъ, или вѣрнѣе сказать, издателей иностранной беллетристики чрезвычайно инертны: въ теченіе долгаго времени писатель игнорируется совершенно, а затѣмъ благодаря какой-нибудь случайности, очень часто не стоящей въ связи съ литературными достоинствами его произведеній, онъ становится предметомъ увлеченія; не успѣетъ онъ издать что-нибудь въ оригиналѣ, удачно ли новое произведеніе или неудачно, оно тотчасъ же преподносится русскому читателю въ нѣсколькихъ переводахъ, и при этомъ издатели вполнѣ убѣждены, что этого требуетъ именно вкусъ читателя, а не ихъ собственная рутина. Такъ ведется ужъ у насъ изстари: пристрастіе къ именамъ и равнодушіе къ сущности. Этой едва ли завидной участи подвергались въ числѣ другихъ Шпильгагенъ, Зола, Доде, въ болѣе недавнее время Ибсенъ, Гауптманъ и, наконецъ, Шнитцлеръ. Послѣдній вошелъ у насъ въ моду съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что онъ вступилъ въ принципіальный конфликтъ съ офицерскимъ кодексомъ чести мундира. Но вниманіе, которымъ онъ пользуется среди русскихъ переводчиковъ и издателей, по нашему мнѣнію, далеко превышаетъ его истинныя литературныя заслуги. Мы не утверждаемъ, что Шнитцлеръ бездарный писатель, и не отрицаемъ за нимъ нѣкоторыхъ солидныхъ качествъ; въ своихъ повѣстяхъ онъ хорошій разсказчикъ съ развитымъ зрительнымъ воображеніемъ, онъ всегда беретъ интересныя психологическія или общественныя темы, очень умно и пикантно ихъ обставляетъ, тѣ мысли, которыя онъ вкладывалъ въ уста своимъ героямъ, часто глубоко продуманы и всегда остроумно выражены, у него развитой вкусъ, предохраняющій его отъ аляповатости, все это очень почтенныя качества, но до творческаго таланта отсюда еще далеко. Той естественности и конкретности, которыя даютъ читателю непосредственное ощущеніе жизненной правды, которыя дѣлаютъ литературное произведеніе какъ бы явленіемъ дѣйствительности, у него не встрѣчается. Его повѣсти и особенно драмы похожи на тщательные чертежи инженера, а не на рисунки художника. Особенно холодны его произведенія на философскія темы, какъ напр., исторически декорированная драма «Покрывало Беатриче». Для человѣка существуетъ только настоящій моментъ; прошлое—сонъ, будущее—никто не можетъ сказать, что онъ будетъ чувствовать и хотѣть черезъ полчаса. «Никто не можетъ дважды вступить въ одинъ и тотъ же потокъ», какъ говоритъ древній мудрецъ; душа не есть нѣчто единое и цѣльное, а лишь цѣпь безконечно перемѣнчивыхъ состояній сознанія. Все это очень интересно и въ рукахъ геніальнаго художника могло бы породить безсмертные образы, тогда какъ драма Шнитцлера неубѣдительна, растянута, полна глубокими, но скучными философствованіями; въ ней нѣтъ поэзіи живого чувства, но есть много того, что Л. Н. Толстой называетъ поэтичностью, т.-е. поддѣлки подъ поэзію. Удачнѣе, во всякомъ случаѣ интереснѣе его драмы изъ современной жизни, затрогивающія общественныя темы: объ условной корпоративной чести («Въ погонѣ за легкой добычей»), о бракѣ, не записанномъ въ метрику («Завѣщаніе»), о порочности женщины, совершившей «ошибку» («Сказка»). Здѣсь авторъ, полный самаго достойнаго свободомыслія, вполнѣ побѣдоносно разрушаетъ всѣ доводы безсмысленныхъ предразсудковъ и рисуетъ злую сатиру буржуазной ограниченности и черствости. Но и въ этихъ драмахъ разсудочность гораздо сильнѣе художественной

реализаціи, а для русской публики значеніе ихъ много ослабляется тѣмъ, что поставленные авторомъ вопросы для нея давно уже безповоротно рѣшены, не только въ теоріи, но и по чувству. Касты, старающіяся придерживаться искусственныхъ понятій о формальной чести, у насъ немногочисленны, и никому въ голову не придетъ изображать ихъ заскорузлые принципы въ видѣ бича общественнаго мнѣнія. Формальное отношеніе къ браку, по крайней мѣрѣ въ интеллигентной средѣ, также давно разрушено. Третій мотивъ — непреодолимое отвращеніе, которое, несмотря ни на какіе доводы ума, мужчина питаетъ къ «прошлому» любимой женщины, сильно занимаетъ западныхъ писателей, начиная съ Анатоля Франса («Le lis rouge») и кончая Пшибышевскимъ («Дѣти сатаны» и др.), но русской литературѣ онъ совершенно чуждъ, если не считать уже совсѣмъ ненормальныхъ героевъ Достоевскаго («Записки изъ подполья» и нѣкоторые другіе), а отсюда позволительно заключить, что и самое чувство мало распространено въ русскомъ обществѣ. Особнякомъ стоитъ маленькая одноактная пьеска Шнитцлера «Послѣднія маски» (въ сборникѣ «Часы жизни»), гдѣ сила выраженія соотвѣтствуетъ глубинѣ содержанія. Несчастный неудачникъ-писатель, въ полномъ сознаніи умирающій въ больницѣ, хочетъ еще разъ увидѣть своего злѣйшаго врага, прославленнаго поэта, чтобы однимъ словомъ разбить благополучіе и самодовольство этого баловня судьбы: было время, когда онъ, жалкій горемыка, былъ любовникомъ жены своего счастливаго соперника, онъ можетъ это доказать, у него сохранились письма. Но когда тотъ великодушно навѣщаетъ его въ больницѣ, бѣдняга не исполняетъ своего плана: «Какъ жалки люди, которымъ предстоитъ еще жить и завтра,—говоритъ онъ послѣ свиданія своему сосѣду по палатѣ.—Что можетъ быть общаго съ людьми у насъ, которыхъ завтра уже не будетъ на свѣтѣ?» Пьеса эта хорошо переведена г-жею Гретманъ. Вообще всѣ указанныя здѣсь произведенія Шнитцлера переведены вполнѣ удовлетворительно. Г. Свободинъ, за рѣдкими исключеніями, передалъ подлинникъ гладкими, иногда даже звучными стихами. Языкъ О. Н. Поповой лишенъ характера; она слишкомъ буквально старается передать оригиналъ,—мѣстами это прямо нарушаетъ смыслъ: такъ ein Nest, въ приложеніи въ городу, не значитъ «гнѣздо», какъ переводитъ г-жа Попова, а трущоба, яма, дыра; ein sauberes Mädel въ данномъ контекстѣ не значитъ «опрятная дѣвочка», а славная, миленькая дѣвушка или дѣвочка... Однако, въ общемъ, какъ сказано, всѣ лежащіе передъ нами переводы исполнены достаточно литературно.

Е. Дегенъ.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Энгельгардтъ. „Очерки исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати.— *К. Храневичъ.* „Очерки новѣйшей польской литературы".

Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати (1703—1903). Спб. 1904 г. Цѣна 1 р. 75 к. На 355 стр. новаго труда г. Энгельгардта напечатаны такія строки: «Принципы, которыми руководился Бѣлинскій, которымъ не могъ не слѣдовать, по сущности природы своей, стали завѣтомъ для всей русской литературы, закономъ писательской чести». Чтобы познакомить читателя съ принципами Бѣлинскаго, далѣе перепечатаны выдержки изъ его писемъ къ Краевскому, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Не любя присвоивать себѣ ничего чужого, ни худого, ни хорошаго, я не уступаю никому моихъ мнѣній, справедливы или ложны они, хорошо или дурно изложены». И такъ, не присваивать себѣ ничего чужого — это «законъ писательской чести», по признанію самого г. Энгельгардта. Какъ со-

блюдался г. Энгельгардтомъ этотъ «законъ» раньше, хорошо извѣстно изъ рецензій, посвященныхъ «Исторіи русской литературы XIX вѣка». Но это дѣло прошлое, по крайней мѣрѣ, дѣло 1902 и 1903 годовъ, а передъ нами книга, помѣченная 1904 годомъ. Можетъ быть, теперь г. Энгельгардтъ сталъ гораздо осторожнѣе и рѣшился не скупиться на подстрочныя примѣчанія и кавычки? Дѣйствительно, того и другого въ новой книгѣ г. Энгельгардта очень много, пожалуй, еще болѣе чѣмъ въ «Исторіи русской литературы». Въ своихъ ссылкахъ онъ теперь старается быть точнымъ, на сколько возможно: онъ указываетъ иногда не только годъ изданія, но даже адресъ типографіи, гдѣ эта книга была напечатана. Не смотря на все это, и въ новой книгѣ г. Энгельгардта оказывается не мало чужихъ словъ, не отмѣченныхъ кавычками. Иногда, впрочемъ, сдѣланы подстрочныя примѣчанія, которыя даютъ возможность думать, что тутъ мы имѣемъ дѣло если не съ чужими словами, то, по крайней мѣрѣ, съ чужими мыслями. Но встрѣчаются и такія мѣста, которыя присвоены себѣ г. Энгельгардтомъ безъ всякихъ указаній на источники. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

У Шелгунова („Воспоминанія“), гл. VII. „Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли, были Москва и Петербургъ... Въ поддержку „Русской Бесѣды“ Кошелева явился „Парусъ„ Ив. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ—„Русскій Вѣстникъ“, основанный въ 1856 г., въ умѣренно-либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность интересомъ и дѣльностью содержанія; но уже въ 1857 г., возникъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ расколъ по вопросу о централизаціи и часть его сотрудниковъ, отдѣлившись, основала „Атеней“.

У г. Энгельгардта (стр. 239): „Главными мѣстами изданій, какъ и главными очагами русской мысли въ періодъ съ 1855 по 1862 годъ, были Москва и Петербургъ... Въ поддержку „Русской Бесѣдѣ“ Кошелева возникъ „Парусъ“ Ив. С. Аксакова. Но та же Москва создала и солидный органъ на западно-европейской подкладкѣ — „Русскій Вѣстникъ“, основанный въ 1859 г. въ умѣренно-либеральномъ направленіи и сразу завоевавшій популярность дѣльностью содержанія. Но уже въ 1857 году возникъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ расколъ по вопросу о централизаціи, и часть его сотрудниковъ, отдѣлившись, основала „Атеней“.

У г. Невѣдѣнскаго („Катковъ и его время; стр. 121):

„Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ былъ заведенъ отдѣлъ современной лѣтописи, но онъ состоялъ въ первые годы большею частью изъ свода мелкихъ статей разныхъ авторовъ по частнымъ предметамъ... Въ означенномъ отдѣлѣ Катковъ высказывался въ смыслѣ дарованія крестьянамъ гражданской полноправности, освобожденія крестьянъ съ землей и осуществленія операціи выкупа съ помощію правительства“.

У г. Энгельгардта (с. 240): „Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ былъ заведенъ отдѣлъ „Современная Лѣтопись“, но онъ состоялъ въ первые годы большею частью изъ свода мелкихъ статей разныхъ авторовъ по частнымъ предметамъ.., Катковъ высказывался въ смыслѣ дарованія крестьянамъ гражданской полноправности, освобожденія крестьянъ съ землею и осуществленія операціи выкупа съ помощью правительства.“

У Джаншіева („Эпоха великихъ реформъ“, изданіе 7-ое, с. с. 373—374), „Обращаясь къ Россіи, баронъ Корфъ замѣчаетъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ, и само высшее правительство, передававшее на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою.“

У г. Энгельгардта (с. 265): „Баронъ Корфъ прямо заявилъ, что переломъ, происшедшій въ послѣдніе (60-е) годы въ направленіи внутренней политики, привелъ къ необходимости дать печати полный просторъ, такъ какъ убѣдились, что только при содѣйствіи свободнаго общественнаго мнѣнія возможно плодотворное движеніе и осуществленіе законодательныхъ реформъ и само высшее правительство, предавшее (!) на литературное сужденіе свои проекты, не могло не оцѣнить услугъ, оказанныхъ литературою“.

Можно даже сказать, что въ «Очеркахъ исторіи русской цензуры» такихъ позаимствованій гораздо больше, чѣмъ въ «Исторіи русской литературы». Въ первой изъ названныхъ книгъ мы находимъ цѣлый рядъ перепечатокъ изъ второй, конечно, безъ всякихъ кавычекъ и указаній. При этомъ перепечатаны цѣлыя страницы вмѣстѣ съ цитатами, которыя при второй перепечаткѣ не всегда отмѣчены кавычками. Такимъ образомъ, то, что въ «Исторіи русской литературы» было еще *чужимъ*, въ «Очеркѣ исторіи русской цензуры» оказалось уже *своимъ*. И послѣ всего этого г. Энгельгардтъ рѣшился сдѣлать такое заявленіе: «Считая русскихъ невѣждами и варварами, презирая ихъ, какъ полякъ, Сенковскій смѣло плагіировалъ, черпая обѣими руками изъ западныхъ литературъ» (стр. 118). За кого же считаетъ русскихъ читателей самъ г. Энгельгардтъ, «смѣло... черпая обѣими руками» не только изъ мало доступныхъ, но и изъ широко распространенныхъ русскихъ книгъ? Характерна также строгость г. Энгельгардта по отношенію къ чужимъ стилистическимъ промахамъ. На 288 стр. послѣ словъ г. Скабичевскаго: «является замѣчательнѣйшимъ явленіемъ», поставлено въ скобкахъ: «является явленіемъ... гмъ!» Интересно знать, какимъ бы междометіемъ разразился г. Энгельгардтъ, если бы ему пришлось уличить кого-нибудь въ забывчивости по части кавычекъ передъ чужими словами.

Самый подборъ цитатъ, составляющихъ большую часть новой книги г. Энгельгардта, сдѣланъ крайне безпорядочно. Если бы, напримѣръ, читатель захотѣлъ ознакомиться съ дѣятельностью тайнаго цензурнаго комитета, учрежденнаго 2-го апрѣля 1848 года, онъ, конечно, обратился бы къ «Очеркамъ николаевской цензуры», вошедшимъ въ книгу г. Энгельгардта, но нашелъ бы тамъ всего одно предложеніе: «учрежденъ негласный комитетъ, такъ называемый «бутурлинскій» (стр. 164). Болѣе подробно, и совершенно неумѣстно, говорится объ этомъ комитетѣ въ отдѣлѣ «Цензура въ эпоху великихъ реформъ».

Поражаетъ новая книга г. Энгельгардта и грубѣйшими ошибками въ области исторіи русской цензуры и журналистики. Невѣрно, что императрица Екатерина II создала «первый русскій журналъ» (стр. 8): были журналы и до появленія «Всякой всячины». Невѣрно, что «русская печать начинаетъ предъявлять притязанія на самостоятельность» только съ 1790 г., со времени Радищева и Карамзина (стр. 8): въ такихъ притязаніяхъ никакъ нельзя отказать Новикову. Невѣрно, что «только съ 1796 года начинается борьба правительства съ *вредными* идеями» (стр. 27): Радищевъ, Новиковъ и трагедія Княжнина «Вадимъ» пострадали до 1796 года. Невѣрно, что въ царствованіе императора Александра I «книги и авторы, говорившіе противъ крѣпостной зависимости, всегда подвергались остракизму» (стр. 64): «Теорія налоговъ» Николая Тургенева выдержала два изданія, несмотря на заключавшіеся въ этой книгѣ протесты противъ «рабства». Невѣрно, что въ 1848 году «учреждено сразу до двадцати различныхъ цензуръ» (стр. 164): «множественность» цензуръ явилась не сразу, а образовалась постепенно.

Подобныя ошибки въ большинствѣ случаевъ можно опровергнуть на основаніи собственной же книги г. Энгельгардта, у котораго наблюдается интересная способность скоро забывать даже то, что недавно еще было имъ написано или напечатано. Этою только способностью можно объяснить и такой, напримѣръ, фактъ, что на стр. 38-ой Булгаринъ «названъ сыномъ польскаго магната», а на стр. 50-ой—«минскимъ шляхетскимъ недорослемъ». Даже на одной и той же страницѣ сначала сказано, что «обсужденіе внутреннихъ дѣлъ не допускалось впродолженіи 50-хъ годовъ», а вслѣдъ затѣмъ говорится, что именно въ пятидесятыхъ годахъ Катковъ писалъ о дарованіи крестьянамъ гражданской полноправности и объ освобожденіи крестьянъ съ землею посред-

ствомъ выкупа, Безобразовъ писалъ о дворянствѣ, а Громека—о взяткахъ и полиціи (стр. 240).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какого «историка» русской цензуры и русской журналистики мы имѣемъ въ лицѣ г. Энгельгардта. Что касается его собственныхъ взглядовъ на цензуру, то объ этомъ уже было сказано въ февральской книжкѣ нашего журнала. *С. Ашевскій.*

К. І. Храневичъ. Очерки новѣйшей польской литературы. Спб. 1904. Существуютъ и по днесь критики, которые чувствуютъ себя призванными судить живыхъ и мертвыхъ и произносить имъ приговоры къ свѣдѣнію писателей и въ назиданіе «обыкновеннаго читателя». Къ подобнымъ критикамъ принадлежитъ г. Храневичъ. «Пусть каждый судитъ по личному опыту,—говоритъ онъ,—насколько интересно и полезно бываетъ сопоставить личное впечатлѣніе, полученное отъ того или другого художественнаго произведенія, съ приговоромъ присяжнаго критика—предполагается (хотя далеко не всегда такъ бываетъ, — объективно прибавляетъ авторъ)—тонкаго и справедливаго цѣнителя». Безъ критики не можетъ быть никакого порядка въ литературѣ, въ родѣ того, какъ на ярмаркѣ безъ урядника. Поэтому, русская критика, которая, по мнѣнію автора, послѣ Добролюбова окончательно выродилась, уступивъ свое мѣсто «куцой рецензіи», наноситъ непоправимый вредъ литературѣ и публикѣ. «Цѣлая плеяда крупныхъ талантовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ остается въ полномъ пренебреженіи со стороны литературной критики; произведенія ихъ, несомнѣнно читаемыя публикой, для критики остаются какимъ-то заколдованнымъ кладомъ, до котораго она не хочетъ или боится прикоснуться». Имена этихъ талалантовъ, внушающихъ такой страхъ нашей робкой критикѣ, авторъ такъ и не сообщаетъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ мы убѣждены, что руская критика грѣшитъ не столько робостью (въ этомъ, по крайней мѣрѣ, ее еще никогда не упрекали), сколько невѣдѣніемъ: просто, она не имѣетъ понятія о существованіи того клада, который извѣстенъ г. Храневичу. Польская литература, наоборотъ, вполнѣ удовлетворяетъ автора: «здѣсь, можно сказать, каждый Гансъ имѣетъ свою Гретхенъ», т.-е. сколько писателей, столько и критиковъ. Кому изъ нихъ принадлежитъ мужская роль, а кому женская, авторъ также не объясняетъ. Не знаемъ, какую пользу приноситъ богатство критической литературы польскому читателю, но г. Храневичъ несомнѣнно извлекъ изъ нея очень много: онъ обѣими руками черпаетъ изъ извѣстныхъ трудовъ Петра Хмѣлёвскаго («Zarys najnowszej literatury polskiej») и Вильгельма Фельдмана («Wspolczesna literatura polska»; впрочемъ, наиболѣе полная версія послѣдняго сочиненія, «Pismennictwo polskie», осталась ему неизвѣстной), у которыхъ онъ кстати, а чаще не кстати выписываетъ библіографическія и біографическія свѣдѣнія, невсегда удачно разбавляя ихъ собственными стилистическими разводами: такъ, напр., В. Фельдманъ сообщаетъ объ Клем. Юношѣ, что онъ «послѣ краткой чиновничьей карьеры хозяйничалъ въ родной деревнѣ»; г. Храневичу это кажется блѣднымъ, и онъ считаетъ нужнымъ установить психологическую связь этихъ фактовъ: «Юноша, — утверждаетъ онъ,—быстро *разочаровался* въ чиновничьей жизни и поселился въ небольшомъ своемъ фольваркѣ...» Что Юноша былъ когда-нибудь очарованъ чиновничьей дѣятельностью, польской критикѣ неизвѣстно. При убожествѣ мысли, въ чисто литературныхъ, какъ и въ общественныхъ вопросахъ, г. Храневичъ заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы писать такъ, какъ пишется въ «настоящихъ» книжкахъ: слова онъ употребляетъ больше «по звону», не задумываясь о томъ, что они собственно означаютъ. Приведемъ примѣры. «Что Юноша не такой крупный талантъ, который давалъ бы право на помѣщеніе его въ пантеонѣ, хотя бы *только лишь* въ польскомъ,—противъ этого нельзя спорить; (но) будетъ только дѣломъ справедливости сказать, что въ немъ

квартирують нѣкоторые національные герои, въ сравненіи съ которыми вашъ беллетристъ *куда какъ выше* и почтеннѣе...» Какихъ «квартирантовъ» пантеона подразумѣваетъ г. Храневичъ, опять загадка. Холодность критики къ Юношѣ авторъ объясняетъ (неосновательно) тѣмъ, что польская литература интересуется теперь только жизнью большого города и съ пренебреженіемъ смотритъ на мелкую, экономически вымирающую деревенскую шляхту, слабо откликающуюся «на отдаленный рокотъ волнующихся центровъ», тогда какъ Юноша, наоборотъ, увлекался бытомъ этой общественной группы. Авторъ считаетъ такую исключительность (которой, впрочемъ, вовсе не существуетъ) въ высшей степени несправедливой: тутъ начинается историческая философія. «Именно по отношенію къ польской шляхтѣ нельзя устанавливать такого рѣзкаго разграниченія, потому что шляхта всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ, а особенно сеймовымъ устройствомъ, воспитана и пріучена къ особенной чуткости во всемъ (ко всему?), что касается польской націи и ея интересовъ. Такъ называемая «провинція» въ Польшѣ, правда, очень старомодна, но отнюдь не мертва въ отношеніи умственныхъ запросовъ, и развѣ это можно ставить ей въ вину, видѣть въ этомъ ея отсталость?» Разумѣется, самые злые враги «провинціи» и не поставятъ ей въ вину ея живости «въ отношеніи умственныхъ запросовъ», и если видятъ въ чемъ-нибудь ея отсталость, то, конечно, въ противоположной чертѣ—въ мертвенности и отсутствіи умственныхъ запросовъ. Что касается разсужденій объ особенной чуткости польской шляхты къ интересамъ польской націи, то врядъ ли авторъ могъ бы конкретно объяснить, что собственно онъ подразумѣвалъ подъ этими словами. Особенные восторги внушаетъ г. Храневичу, конечно, Сенкевичъ. Хотя онъ и у него находитъ нѣсколько «пробѣловъ», но, въ общемъ, все грандіозно, очаровательно, безподобно и т. п. въ томъ же восклицательномъ, но безсодержательномъ стилѣ. Даже палачъ и висѣльникъ Іеремія Вишневецкій (изъ «Огнемъ и мечомъ») — «тоже очень великій и достойный человѣкъ, но онъ стоитъ слишкомъ высоко», и автору еще болѣе нравится Заглоба, къ которому, онъ относится какъ къ живому человѣку. «Разсказъ Сенкевича,—говоритъ, напр., авторъ,—въ этомъ пунктѣ достигаетъ чисто майнъ-ридовской интересности и для читателей юношескаго возраста доставитъ самое высокое наслажденіе. Да и мы съ вами,—обращается онъ фамильярно къ читателю,—хотя останемся равнодушны къ техническимъ усовершенствованіямъ (?), введеннымъ здѣсь беллетристомъ, не безъ удовольствія узнаемъ, что панъ Заглоба остался цѣлъ, невредимъ и долго еще будетъ оживлять своимъ появленіемъ страницы трилогіи». Г. Храневичъ сожалѣетъ только, что Сенкевичъ пропускаетъ нѣкоторые эпизоды, въ которыхъ навѣрное долженъ былъ блеснуть Заглоба. «Къ сожалѣнію,—огорчается авторъ,—Сенкевичъ не нашелъ нужнымъ описать свадебный вечеръ, который былъ, несомнѣнно, однимъ изъ счастливѣйшихъ дней жизни и для пана Заглобы. Въ подобные моменты обычное веселое благодушіе Заглобы лилось черезъ край и заражало всѣхъ, а рѣчь его особенно сверкала остроуміемъ». Присутствуя на представленіи пьесы «Заглоба-сватъ», сочиненной по случаю юбилея Сенкевича, и «вспоминая юбилейное чествованіе Сенкевича,—говоритъ г. Храневичъ—мнѣ пришло въ мысль, что гораздо лучше было бы, еслибъ панъ Заглоба, хоть на одинъ день, воскресъ тогда изъ мертвыхъ (лучше, но авторъ забылъ, что это гораздо труднѣе) и явился поздравить Сенкевича съ юбилеемъ его блестящей дѣятельности...» «Не берусь гадать,—скромно прибавляетъ авторъ,—что собственно сказалъ бы Заглоба юбиляру», но онъ думаетъ, что Заглобѣ кстати было бы повторить свою фразу: «Apud Polonos nunquam sine clamore et strepitu gaudia fiunt» (у поляковъ безъ шуму и треску не бываетъ празднествъ), не предполагая, повидимому, что въ этихъ словахъ заключается злая эпиграмма. Такое наивное отношеніе къ авторамъ, къ

ихъ персонажамъ, къ читателю и къ общественнымъ вопросамъ не покидаетъ г. Храневича никогда. Такъ, напр., въ статьѣ о Маріи Конопницкой, восхваляя ея теплое сердце ко всѣмъ страждущимъ, онъ пускаетъ такія тирады: «Заставьте-ка кого-нибудь проникнуться симпатіей къ еврею, симпатіей не отвлеченно-публицистической (такихъ симпатій по пятачку за строку у насъ не занимать стать), а искренней, настоящей, родящейся не въ умѣ, а въ тайникахъ сердца... Еврей *всѣмъ намъ* кажется чужой, такъ какъ мы не признаемъ въ немъ свойственной *всѣмъ намъ* привязанности къ тому клочку земной поверхности, который зовется родиной... *Всѣ мы* думаемъ, что евреи не способны ни къ какимъ лучшимъ, благороднѣйшимъ порывамъ, что они бываютъ въ состояніи отдаваться единственному увлеченію—денежно-коммерческому...» «Всѣ мы»—очевидно читатели и поклонники гг. Буренина, Крушевана и К°; другіе люди г. Храневичу не встрѣчались. Мы подчеркиваемъ, однако, что эти пошловатыя выраженія являются скорѣе плодомъ некультурности и малограмотности, чѣмъ человѣконенавистничества. Въ общемъ, г. Храневичъ не обнаруживаетъ людоѣдскихъ наклонностей по отношенію къ «инородцамъ». Но для усвоенія русскимъ читателямъ польской литературы его очерки ничего не даютъ. Не идущая къ дѣлу библіографія (заимствованная), длинныя цитаты, восторженныя похвалы или снисходительныя порицанія,—кому это нужно? *Е. Дегенъ.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. С. Пругавинъ. „Религіозныя отщепенцы (очерки современнаго сектантства". Вып. I и II.—„Періодическая печать на Западѣ".—*Кн. Эсп. Ухтомскій.* „Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ".

А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектанства). Выпускъ первый. Цѣна 1 руб. Спб. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1904 г. А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы (очерки современнаго сектантства). Выпускъ второй. Цѣна 1 руб. Спб. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1904 г. Расколъ и сектантство по праву занимали русскую печать съ конца 50-хъ и до половины 80-хъ годовъ. Покойный Н. И. Костомаровъ разсматривалъ расколъ, какъ «крупное явленіе умственнаго прогресса», потому что «раскольникъ любилъ мыслить, спорить; онъ не успокаивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія, пытался самъ все провѣрить и изслѣдовать». Щаповъ видѣлъ въ расколѣ явленіе «не только религіозное, но историческо-бытовое и соціальное», а его послѣдователь В. В. Андреевъ говорилъ: «Представители раскола — безспорно представители ума и гражданственности въ русской простонародной средѣ... Старина для раскола—только предлогъ,—онъ борется не за нее, а противъ поглощенія правъ земства центральною властью, противъ введенія новыхъ порядковъ безъ спроса земства». Соглашаетесь-ли вы полностью съ этой точкой зрѣнія на расколъ, или держитесь того новѣйшаго взгляда, что «вопросы совѣсти были первой и главной причиной раскола» и что вопросъ объ отношеніи къ государству выдвинулся въ немъ исключительно благодаря преслѣдованіямъ, какимъ подвергались раскольники,—все равно, нельзя отрицать знаменательности и интереса этого умственнаго и нравственнаго движенія среди народныхъ массъ. Тѣмъ большую важность имѣетъ для пониманія народнаго міросозерцанія изученіе сектантства—раціоналистическаго и мистическаго (евангельскаго и духовнаго христіанства), изу-

ченіе процесса «постепенной спиритуализаціи религіи», «постепеннаго превращенія религіи обряда въ религію души», по выраженію проф. Милюкова. Этотъ процессъ занимаетъ видное мѣсто у насъ съ конца XVIII ст., а со второй половины XIX вѣка онъ является предметомъ изслѣдованій и еще больше — темой для ряда публицистическихъ статей, освѣщающихъ факты изъ жизни и стремленій сектантовъ. Особенно большой интересъ къ умственному броженію въ народной средѣ вызывался статьями А. С. Пругавина (въ «Русской Мысли» и др. изд.) и Я. В. Абрамова (Федосѣевца, въ «Отеч. Запискахъ» и «Словѣ») и программами, составленными ими для собиранія свѣдѣній о сектантствѣ; программа перваго была напечатана въ «Русской Мысли» (1881 г., кн. 3), второго—въ «Отеч. Запискахъ» (1882 г., кн. 4 и 5). Но со второй половины 80-хъ годовъ этотъ интересъ, къ сожалѣнію, сталъ ослабѣвать и въ литературѣ, и въ жизни; говоримъ «къ сожалѣнію» потому, что для самосознанія общества (въ широкомъ смыслѣ слова), слѣдовательно, и для правового и экономическаго роста важно знать не только, какъ работаетъ, питается, одѣвается, чѣмъ дышитъ народъ, но не менѣе существенно знать, что онъ думаетъ, чего хочетъ, на сколько удовлетворяютъ его современныя формы общественной жизни.

По той же причинѣ мы поспѣшили ознакомиться съ книгой А. С. Пругавина «Религіозные отщепенцы», разсчитывая найти въ ней данныя о современныхъ сектахъ: подзаголовокъ книги «Очерки современнаго сектантства» далъ намъ право на это. Но оказалось, что передъ нами два сборника прежнихъ статей автора (и то не всѣхъ), помѣщенныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ въ 1880—1884 гг.,—только одинъ очеркъ «Бѣлоризцы» впервые появился на свѣтъ въ 1903 г. Двадцать лѣтъ—періодъ достаточно значительный для того, чтобы народная мысль успѣла болѣе или менѣе видоизмѣнить свое направленіе и свое содержаніе. Возьмемъ хотя бы штундизмъ, появившійся у насъ, какъ опредѣленное ученіе, въ 60-хъ годахъ. Эволюціонируя, онъ переходитъ съ 70-хъ годовъ въ штундо-баптизмъ, который, въ свою очередь, въ слѣдующее десятилѣтіе—въ 80-е годы—мало-по-малу уступаетъ мѣсто младо-штундизму. Такъ и раіонъ, охваченный той или другой сектой, не остается одинаковъ: онъ расширяется или съуживается.

Что представляетъ сектантство въ наши дни, не возникли ли въ немъ за эти 20 лѣтъ какія-нибудь новыя направленія, нѣтъ ли измѣненій въ старыхъ, увеличилось или уменьшилось его распространеніе—вотъ вопросы, на которые книга А. С. Пругавина не даетъ никакихъ отвѣтовъ, если не считать данныхъ о новой сектѣ «бѣлоризцевъ».

Тѣмъ не менѣе мысль собрать воедино свои статьи—мысль хорошая: сборники даютъ возможность современному молодому поколѣнію до извѣстной степени ознакомиться съ исторіей, направленіями и положеніемъ нѣкоторыхъ сектъ въ половинѣ 80-хъ годовъ. Наибольшей полнотой и законченностью отличаются тѣ очерки, которые написаны на основаніи личнаго знакомства автора съ представителями религіознаго отщепенства. Таковы обрисованные въ первомъ выпускѣ «сютаевцы»—съ ихъ совершенно самостоятельно выработаннымъ христіанско-соціальнымъ ученіемъ; «апостолъ Зосима», видящій главную основу жизни въ трудѣ, любви и братствѣ,—«только то мое, што выработалъ», «земля должна быть обчая»; наконецъ, «Еретики»,—тутъ авторъ вводитъ читателя въ соловецкую монастырскую тюрьму и знакомитъ съ Пушкинымъ, знаменитымъ узникомъ, поплатившимся болѣе чѣмъ 16-ю годами страшнаго одиночнаго заключенія за свою idée fixe, которой нельзя отказать въ величіи: «Новый искупитель міра и людей долженъ явиться... Горе все растетъ на землѣ, и съ каждымъ днемъ растетъ людская скорбь все больше, больше... Народы, какъ звѣри, дерутся другъ съ другомъ, и люди живутъ, какъ враги... Скоро, скоро настанетъ

крайній предѣлъ, настанетъ время суда... время возрожденія человѣка... И тогда-то явится новое небо и новая земля... духъ истины воцарится на землѣ, настанетъ миръ и правда, настанетъ на землѣ царство Божіе...» Эта святая надежда горитъ въ глазахъ узника, она поддерживаетъ въ немъ силу переносить разлуку съ близкими и суровый режимъ темницы; она поддерживаетъ самую жизнь его...

Во второмъ выпускѣ полнѣе другихъ сектантовъ обрисованы «бѣлоризцы», жизнь которыхъ проникнута суровымъ ригоризмомъ, а ихъ представитель, Писцовъ—типичный неугомонный «изыскатель истины». Въ остальныхъ своихъ очеркахъ А. С. Пругавинъ пользуется почти исключительно свѣдѣніями, почеркнутыми изъ оффиціальныхъ источниковъ. Какъ ни скудны данныя этого рода, но и они устанавливаютъ достаточно полно и убѣдительно причины сектантскаго движенія и связь разныхъ направленій въ немъ съ измѣненіями и усложненіями соціально-экономическихъ отношеній. Эта связь ярко выступаетъ—и даже подчеркивается оффиціальными источниками—въ исторіи такихъ сектъ, какъ «немоляки», «медальщики», особенно въ исторіи такъ называемыхъ «вредныхъ сектъ» («бѣгуны», «неплательщики», «лучинковцы»).

Читатель найдетъ въ книгахъ А. С. Пругавина много любопытныхъ страницъ, характеризующихъ отношеніе православнаго духовенства и администраціи къ сектантству (замѣтимъ, что сборники изданы съ разрѣшенія петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета). У насъ нѣтъ сейчасъ подъ рукой свѣдѣній о томъ, измѣнилось ли это отношеніе, за послѣднее двадцатилѣтіе, хотя сколько-нибудь, въ смыслѣ большаго уваженія личности и ея правъ на свободу мысли и совѣсти. Едва ли. Да и мудрено ожидать, чтобъ получило преобладаніе воздѣйствіе (разъ оно считается необходимымъ) на сектантовъ путемъ убѣжденія, когда даже наиболѣе образованные представители духовенства пока еще не находятъ возможнымъ обходиться въ дѣлахъ вѣры безъ помощи государства. Вспомните, напр., религіозно-философскія собесѣдованія, въ Петербургѣ въ 1903 г., и рѣчи преосвящ. Сергія и священника Левашова. Послѣдній, признавая, что «каждая мѣра, которую государство принимаетъ якобы въ защиту церкви, должна ложиться тяжелымъ бременемъ на совѣсть церкви и духовенства», находитъ, однако, что «церковь не имѣетъ нравственнаго права отказаться отъ помощи, которую даетъ ей государство мѣрами насилія», а «должна воздѣйствовать на государство такъ, *чтобы мѣры насилія сдѣлались ненужными*» («Вѣст. Ев.» 1903 г., кн. 7, стр. 437 и 438). Послѣднюю мысль едва ли кто будетъ оспаривать.

Какъ бы ни смотрѣли духовныя и свѣтскія правящія сферы на вопросъ о борьбѣ съ «превращеніемъ религіи обряда въ религію души», какъ бы онѣ ни относились къ соединенію «религіи съ экономикой»,—факты, собранные въ статьяхъ А. С. Пругавина, свидѣтельствуютъ, что «суровыя мѣры на практикѣ привели къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которые отъ нихъ ожидались». Этотъ выводъ и довольно обстоятельная характеристика ученій «религіозныхъ отщепенцовъ» придаютъ книгѣ Пругавина, помимо вышеуказаннаго значенія, особую цѣнность въ наши дни, когда жизнь выдвигаетъ на очередь общій вопросъ о расширеніи сферы самоопредѣленія личности и въ частности—вопросъ о свободѣ совѣсти. *Л. Л—о.*

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей П. Берлина, Г. Гроссмана, П. Звѣздича, Д. Сатурина, А. Лабріола, Е. Смирнова, И. Гурвича, Э. Пименовой. Спб. 1904 л. Стр. 447. Ц. 1 р. 50 к. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Трудно быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Но иногда это необходимо. Журналисты обязаны разъяснять обществу значеніе періодической печати, безъ ложной скромности выдвигая ея заслуги и безъ ложнаго стыда раскрывая ея невольныя и вольныя прегрѣшенія. Однихъ общихъ фразъ

о великой силѣ печатнаго слова, о благодѣтельномъ вліяніи гласности—недостаточно. Необходимо время отъ времени оглядываться на всю совокупность работы, произведенной журналистами всѣхъ направленій, всѣхъ категорій за опредѣленный періодъ времени, и изъ итоговъ прошлаго выводить уроки для будущаго. Поэтому очень удачной и вполнѣ своевременной слѣдуетъ признать идею нѣскольких сотрудниковъ «Образованія» дать русскимъ читателямъ рядъ очерковъ о прошломъ и настоящемъ періодической печати на Западѣ. Сами авторы очерковъ, очевидно, руководились мыслью, что знакомство съ періодической печатью Запада должно привести русскаго читателя къ извѣстнымъ выводамъ относительно Россіи. Учительная цѣль сквозитъ во всѣхъ статьяхъ; авторы излагаютъ факты только для того, чтобы ставить приговоры, оправдывать и обвинять. Быть можетъ, это невыгодно отразилось на полнотѣ матеріала и планомѣрности работы. Но авторы, очевидно, и не задавались цѣлью дать настоящую научную исторію печати или глубокій теоретическій анализъ ея задачъ. Субъективизмъ ихъ, иногда слишкомъ замѣтный для читателя, станетъ понятнымъ, если вспомнить, какъ тяжело должно быть журналисту, любящему свое дѣло, разочаровывать читателя разсказомъ о страшныхъ опасностяхъ и тяжелыхъ внутреннихъ болѣзняхъ, портящихъ это любимое дѣло. Въ большую заслугу авторамъ нужно поставить, что они смѣло, безъ умолчаній и недомолвокъ, обнаруживаютъ язвы, которыми страдаетъ періодическая печать на Западѣ. Пусть лучше читатели узнаютъ про эти язвы отъ людей, которые любятъ печать и вѣрятъ въ нее, чѣмъ отъ тѣхъ, кто боится ея силы и злобствуетъ на ея успѣхи. «Язва литературнаго капитализма, — говоритъ г. П. Берлинъ въ вступительной статьѣ «Сборника»,—все разростается и грозитъ на практикѣ жизни полнѣйшею гибелью элементарному, сформулированному Гоголемъ требованію — съ печатнымъ словомъ надо обращаться честно» (стр. 30). Г. Звѣздичъ въ очеркѣ объ австрійской печати соглашается, въ концѣ концовъ, со слѣдующимъ рѣзкимъ приговоромъ: «Въ Вѣнѣ до сихъ поръ существуетъ, можно сказать, только два типа изданій: богатыя газеты, живущія подкупомъ, и честныя газеты, умирающія отъ истощенія» (162). Про англійскую печать г. Д. Сатуринъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Наиболѣе грустной страницей въ новѣйшей исторіи англійской прессы является переходъ либеральныхъ и радикальныхъ газетъ въ джингоистскій лагерь. Когда большинство газетъ подпало вліянію небольшой группы безпринципныхъ людей, независимому слову стало трудно сохранять свои позиціи, и добросовѣстность и серьезность, бывшія отличительными чертами англійской прессы, начали подвергаться остракизму и вытѣсняться ложью и клеветами, диктуемыми корыстными вожделѣніями» (210). По словамъ г. Е. Смирнова, во Франціи «газета превратилась въ буквальномъ смыслѣ въ лавочку», ежедневная пресса «имѣетъ деморализующее вліяніе на массу читателей» (329, 330). Американская печать, въ изложеніи г. Гурвича, представляется какимъ-то сплошнымъ темнымъ пятномъ, какимъ-то гнѣздомъ невѣжественныхъ, корыстныхъ, наглыхъ и продажныхъ рабовъ капитализма.

Замалчивать язвы западной печати было бы, конечно, и нечестно, и не умно. Но раздавая похвалы и порицанія, нужно сообразоваться съ практическими выводами, которые могутъ быть изъ нихъ сдѣланы. Когда хвалишь и бранишь только для того, чтобы отвести душу, похвалы легко превращаются въ невольную лесть, а порицанія — въ невольную клевету. И вотъ практическихъ-то выводовъ, практической пользы отъ порицаній и обличеній, собранныхъ авторами, какъ будто и не видно. Происходитъ это отъ одного основного недостатка разбираемой книги: въ ней отсутствуетъ идея объ отвѣтственности печати передъ обществомъ. Авторы не устанавливаютъ различія между такими недостатками печати, за которые отвѣтственна сама печать,

сами журналисты, и такими, за которые отвѣтственность падаетъ на общество, на правительство, на внѣшнія обстоятельства. Въ Россіи внѣшнія обстоятельства, дѣйствительно, играютъ совершенно исключительную роль. Но чѣмъ тяжеле бремя внѣшнихъ обстоятельствъ, тѣмъ интенсивнѣе должна бы идти внутренняя работа и тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ заслуги и грѣхи самой журналистики. И въ разбираемомъ «С орникѣ» признается, что, «въ силу особыхъ условій, на нашей прессѣ лежитъ гораздо болѣе всеобъемлющая и отвѣтственная роль, чѣмъ на европейской или американской прессѣ» (33). Если такъ, то русскимъ публицистамъ менѣе всего пристало успокаиваться на дешевыхъ соціологическихъ обобщеніяхъ, гласящихъ, что пресса — зеркало общества, что нечего обществу на зеркало пенять, — недостатки смѣшиваются въ одну кучу и читатель не знаетъ, кого за нихъ винить и отъ кого ждать помощи въ будущемъ. Сами авторы, не задумываясь надъ отвѣтственностью журналистовъ, склонны преувеличивать значеніе внѣшнихъ обстоятельствъ и окружающей среды. Можно, пожалуй, сказать, что такая точка зрѣнія—самая естественная для русскаго публициста, ибо недостатки прессы суть недостатки всего общества или всего современнаго строя. А между тѣмъ, почти всѣ статьи сборника проникнуты желаніемъ свалить грѣхи журнализма на голову все того же пресловутаго «капитализма». Авторы не замѣчаютъ, что это слишкомъ легкое оправданіе вредитъ прежде всего той же самой прессѣ. Вѣдь гораздо почетнѣе и выгоднѣе для самихъ журналистовъ признать, что современная періодическая печать есть новая огромная сила, которою люди еще не научились какъ слѣдуетъ пользоваться, которая требуетъ отъ своихъ работниковъ приспособленія и выучки, сила, которая можетъ принести на первыхъ порахъ вредъ даже и въ честныхъ рукахъ. Возьмемъ, напр., чрезвычайно важный вопросъ о вредной односторонности партійной печати. Наши авторы внимательно изучаютъ распредѣленіе органовъ печати по направленіямъ и по партіямъ. Но они совершенно упускаютъ изъ виду, что въ настоящее время обязанности человѣка партіи часто сталкиваются съ профессіональными обязанностями журналиста. По мнѣнію г. Звѣздича, «это обвиненіе (въ односторонности, вытекающей изъ партійныхъ предубѣжденій) будетъ падать не столько на публицистику, сколько на самый фактъ существованія партій. Но это явленіе неизбѣжное» (163). Авторъ тутъ не рѣшаетъ, а просто обходитъ вопросъ. Вѣдь въ основѣ обвиненія лежитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что именно сама пресса разжигаетъ борьбу партій, обостряетъ противорѣчія, вызываетъ такую степень вражды и классовой нетерпимости, которой вовсе не было бы безъ прессы. Недавно на глазахъ у всего міра могучая англійская пресса разжигала вражду англичанъ къ бурамъ и къ другимъ народамъ. Этотъ фактъ самымъ безпощаднымъ образомъ клеймится въ статьѣ г. Сатурина. Отчего же, если признается вредное вліяніе прессы на обостреніе національной вражды, не признать возможности такого же вреднаго вліянія ея и на обостреніе классовой борьбы? Но скажутъ намъ—безъ прессы классовая борьба имѣла бы еще болѣе тяжелыя послѣдствія. Совершенно вѣрно, но являясь полезнымъ орудіемъ въ борбѣ партій и классовъ, пресса въ то же время создаетъ новую опасность, заключающуюся въ томъ, что партіи и классы начинаютъ судить о своихъ интересахъ и объ интересахъ своихъ враговъ только по сужденіямъ журналистовъ, а не по собственному разуму и чувству. Съ этой опасностью могутъ бороться только сами журналисты; они одни могутъ поставить естественныя границы своей власти надъ умами читателей; только они одни имѣютъ право сказать читателю: «провѣряй меня, не довѣряй мнѣ на слово»! И въ этомъ самоограниченіи, въ самокритикѣ — первая и лучшая гарантія для журналистовъ противъ опасности разныхъ внѣшнихъ ограниченій. Та печать, въ которой растетъ

внутренняя дисциплина, внутренняя свобода мнѣній, самообладаніе, разумное самоограниченіе во властвованіи надъ чувствами читателей, способна къ здоровому развитію, какъ бы велики ни были ея ошибки въ прошломъ и каково бы ни было негодованіе, возбуждаемое ею въ тѣхъ или другихъ общественныхъ кругахъ.

Какъ же обстоитъ на этотъ счетъ въ Западной Европѣ? Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, авторы призываютъ громы небесные на капитализмъ да на продажныхъ журналистовъ. Вмѣсто объясненія общеизвѣстныхъ печальныхъ явленій получаются шаблонныя обвиненія, лишенныя всякаго практическаго значенія. Г. Смирновъ даже плохую освѣдомленность французской печати пытается поставить въ вину «монополіи господствующихъ классовъ» (326). Но, вѣдь вотъ и въ Англіи господствующіе классы, если вѣрить г. Сатурину, окончательно наложили руки на періодическую печать, а между тѣмъ англійскія газеты не оставляютъ желать лучшаго относительно освѣдомленности. Или возьмемъ вопросы о рекламѣ. Ни въ Англіи, ни въ Германіи нѣтъ такого систематическаго пользованія редакціонными статьями въ качествѣ оплачиваемыхъ рекламъ, какъ во Франціи. А капитализмъ въ Англіи и въ Германіи достигъ не меньшей силы, чѣмъ во Франціи. Значитъ, нельзя всю вину взваливать только на капиталъ.

Говоримъ мы все это не въ защиту капитала, а въ защиту журналистовъ и журнализма. Авторы сборника своими постоянными ссылками на капитализмъ, фальсифицирующій будто бы общественное мнѣніе, незамѣтно для себя принижаютъ великое значеніе печати. Если капиталистамъ достаточно только собрать извѣстное число милліоновъ, чтобы взять въ свои руки журналистовъ всей страны и повернуть въ желательную сторону общественное мнѣніе, то, значитъ, дѣло журнализма, дѣйствительно, обстоитъ плохо. А судя по нѣкоторымъ страницамъ сборника именно такъ и выходитъ. И какой печальной ироніей звучатъ послѣ такихъ безнадежныхъ картинъ заключительныя слова г. Смирнова: «сознательная масса нуждается въ хорошей политической прессѣ—и она съумѣетъ ее создать» (333), или г. Сатурина: «а разъ такая партія (рабочая) будетъ сформирована, на сцену выступитъ самостоятельная рабочая пресса, а съ ней исчезнетъ и нынѣшняя нравственная физіономія англійской печати» (221). Т.-е. честнымъ журналистамъ будто бы ничего не остается, какъ ждать развитія самосознанія народныхъ массъ. Да вѣдь именно сознаніе этихъ самыхъ народныхъ массъ и фальсифицируется, по мнѣнію авторовъ сборника, современной печатью! Именно печать то и затемняетъ самосознаніе народа! Для развитія народа нужна честная печать, а для честной печати нужно развитіе народа. Изъ этого круга не выйти, пока всѣ сужденія о печати сводятся къ подраздѣленію ея на честную и нечестную и журналистовъ на «истинныхъ», «настоящихъ» журналистовъ «въ благородномъ смыслѣ слова» и продажныхъ. Вовсе не всѣ журналисты, потворствующіе дурнымъ вкусамъ народныхъ массъ, дѣлаютъ это вслѣдствіе продажности. Вовсе не всѣ газеты, снисходительныя къ буржуазному строю, виновны въ низкой угодливости и прислуживаніи сильнымъ міра сего. Гораздо проще и ближе къ истинѣ искать причину зла въ новизнѣ дѣла, въ неподготовленности журналистовъ и всего общества.

Даже и американская печать, которую въ такихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ г. Гурвичъ, не даетъ повода къ чрезмѣрному пессимизму. Самъ г. Гурвичъ не знаетъ хорошенько, кого ему обвинять, или, вѣрнѣе, онъ обвиняетъ всѣхъ, т.-е. американскій народъ вообще. А подобное обвиненіе не такъ ужъ страшно. По словамъ г. Гурвича, въ Америкѣ пресса «является болѣе или менѣе вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія», и ея изученіе «даетъ ключъ къ уразумѣнію соціальной психологіи американскаго народа», (337);

пресса вполнѣ соотвѣтствуетъ умственнымъ запросамъ читателей; уровень прессы стоитъ очень низко, столь же низко, значитъ, стоитъ и уровень читателей; отъ газеты требуютъ только, чтобы она была богатой фабрикой сенсаціонныхъ новостей, дѣловыхъ справокъ и пустыхъ сплетенъ. Противъ фактовъ г. Гурвичъ, можетъ быть, и не погрѣшаетъ. Но освѣщеніе имъ онъ все-таки даетъ произвольное. Отсутствіе идейности онъ постоянно отожествляетъ съ продажностью (см., напр., стр. 356: «примѣнительно къ подлости» и т. д.).

А между тѣмъ американскій журналистъ совершенно искренно считаетъ, что его обязанности ограничиваются своевременной доставкой новостей; онъ—репортеръ и подлежитъ критикѣ только за репортажъ. Каждый работникъ можетъ отвѣчать только за тѣ обязанности, которыя онъ сознательно на себя возложилъ. Если американскіе читатели не желаютъ выслушивать нравственныхъ и политическихъ поученій отъ журналистовъ, то это еще не значитъ, что у американскихъ читателей и американскихъ журналистовъ нѣтъ никакихъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Своеобразная американская печать, конечно, не можетъ служить предметомъ зависти и источникомъ подражанія для другихъ странъ. Но нельзя и ее судить по нашей мѣркѣ, какъ судитъ г. Гурвичъ. «Американскіе читатели,—говоритъ Брайсъ (Американская республика, часть III, глава LXXIX)—болѣе разборчивы, болѣе самостоятельны въ своихъ убѣжденіяхъ и менѣе склонны подчиняться вліянію таинственнаго слова «мы». Я не знаю, есть ли въ Америкѣ такая газета, на сужденія которой постоянно ссылался бы какой-нибудь многочисленный разрядъ читателей; но я увѣренъ, что тамъ очень мало людей, которые ссылались бы, подобно многимъ англичанамъ, на свою любимую газету, какъ на оракулъ». «Въ Америкѣ, быть можетъ, и не найдется такихъ же, какъ въ Старомъ Свѣтѣ, газетъ и журналистовъ, которые успѣли пріобрѣсти громадное вліяніе на значительную часть публики, но это объясняется тѣмъ, что американскіе читатели болѣе англійскихъ самостоятельны въ своихъ убѣжденіяхъ и смотрятъ на газеты совершенно другими глазами, чѣмъ англичане» (тамъ же).

Мы не будемъ останавливаться на особенностяхъ отдѣльныхъ статей. Всѣ онѣ написаны приблизительно въ одномъ и томъ же духѣ. Общимъ недостаткомъ является невниманіе къ культурному значенію печати. Ничего или почти ничего не говорится о томъ, какъ отражалось развитіе газетнаго дѣла на изящной литературѣ, на литературной и вообще эстетической критикѣ, на распространеніи научныхъ знаній и образованности. Большаго вниманія заслуживали бы также, на нашъ взглядъ, вопросы профессіональной этики и профессіональной организаціи журналистовъ.

Что же касается достоинствъ, то о нихъ достаточно говоритъ сама тема и направленіе сотрудниковъ. Во всѣхъ статьяхъ читатель найдетъ массу интереснаго матеріала. Особенно интересными намъ показались страницы, посвященныя англійской печати, которая занимаетъ въ сборникѣ почетное мѣсто: ей удѣлено цѣлыхъ двѣ статьи—во-первыхъ, статья г. Д. Сатурина о современномъ положеніи печати въ Англіи и во-вторыхъ, помѣщенный въ приложеніи, историческій очеркъ г-жи Э. Пименовой о драматической борьбѣ англійской печати за свободу печатнаго слова. *А. Рыкачевъ.*

Кн. Эсперъ Ухтомскій. Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ. Спб. 1904 г. Давно уже кн. Ухтомскій избралъ предметомъ своихъ усиленныхъ заботъ Азію и все, что съ ней связано. Въ свое время онъ хлопоталъ о выходѣ въ Великій океанъ и доказывалъ, что истинная задача и, такъ сказать, провиденціальная миссія Россіи на Востокѣ это—сліяніе съ Ки-

таемъ и объединеніе всѣхъ народовъ Азіи подъ русско-китайскимъ скипетромъ. Теперь его заботитъ Тибетъ и коварные шаги англичанъ въ этомъ направленіи.

«Мы опоздали! — горестно восклицаетъ онъ:—Англичане готовятся властно вторгнуться въ царство Далай-Ламы. Очевидно, назрѣваетъ потребность для русскаго общества ближе познакомиться съ извѣстнаго рода вопросами, стоящими нынѣ на очереди, благодаря своему научному и политико-экономическому значенію. Культура тѣхъ дальнихъ и замкнутыхъ краевъ слишкомъ долго оставалась намъ чуждою и малопонятною. Пора разсѣять туманъ и многое выяснить». И сіятельный авторъ выясняетъ, что если бы два съ половиной столѣтія тому назадъ мы объ этомъ позаботились, «завяжи мы связь съ Лхассой черезъ благоговѣвшихъ въ ней кочевниковъ, при ихъ невольномъ тяготѣніи къ намъ, при быстротѣ захвата Амура въ 1651 г., Китай не явился бы объединяющимъ центромъ древнеязыческой цивилизаціи». Мѣсто Китая заняли бы мы, и осуществилась бы тогда еще излюбленная мечта князя Ухтомскаго о сліяніи Китая и Россіи воедино. Но тогда упустили случай, и вотъ нашъ авторъ снова обращается къ тѣмъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, съ предостереженіемъ. Англичане хотятъ добраться въ Лхассу и завязать прямыя сношенія съ Далай-Ламой. Надо этому помѣшать, предотвратить гибельныя послѣдствія, кому-то сказать, кого-то послать, что-то сдѣлать. Словомъ, у бѣднаго князя хлопотъ полонъ ротъ.

Изъ-за чего же, однако, шумъ, и какое отношеніе къ намъ имѣетъ эта экспедиція въ Тибетъ? Очень просто и ясно: у насъ есть нѣсколько сотъ тысячъ бурятъ-буддистовъ и столько же калмыковъ-буддистовъ, а такъ какъ ихъ духовный глава сидитъ въ Лхассѣ, значитъ—намъ, а не англичанамъ надо захватить эту таинственную обитель буддизма. Второе—тамъ много интересныхъ и важныхъ историческихъ и религіозныхъ документовъ по исторіи буддизма. Теперь они могутъ попасть въ руки англичанъ, и наши ученые будутъ черпать свѣдѣнія по буддизму изъ вторыхъ рукъ. Князь такъ вошелъ вовкусъ, что готовъ былъ бы самъ возсѣсть на верблюда или яка и вести экспедицію въ Лхассу, по примѣру доблестныхъ предшественниковъ—Пржевальскаго и его компаньоновъ. А пока пишетъ глубокомысленныя записки съ указаніями для будущей нашей политики... въ Тибетѣ.

Итакъ, два съ половиной столѣтія тому назадъ Россія лишилась счастья видѣть русскаго царя на тронѣ богдыхана. Не будемъ же упускать хотя теперь случая—увидѣть князя Ухтомскаго, возсѣдающаго на тронѣ Далай-Ламы въ Лхассѣ. За такое рѣдкое зрѣлище можно заплатить и дорогую цѣну,—напр., въ родѣ той, какою теперь мы расплачиваемся на Дальнемъ Востокѣ... Но оставимъ все это княжеское великолѣпіе и попробуемъ взглянуть на дѣло проще,—зачѣмъ намъ Тибетъ? Какіе наши интересы въ этой горной пустынѣ? Неужели только потому намъ надо лѣзть туда, что среди милліоновъ русскихъ подданныхъ есть буддисты? Но у насъ есть десятки милліоновъ католиковъ,—не завладѣть ли поэтому Римомъ? Есть еще больше мусульманъ,—не попытаться ли захватить Мекку и посадить тамъ своего ахуна? Лиха бѣда начало, а тамъ какъ войдемъ во вкусъ, такъ и всего міра покажется мало. И какія богатѣйшія перспективы открываются! Князь Ухтомскій возсядетъ въ Лхассѣ; въ Меккѣ посадимъ, напр., кн. Мещерскаго, благо онъ имѣетъ «влеченіе, родъ недуга» къ восточнымъ нравамъ; въ Іерусалимѣ хотя бы г. Меньшикова, который только что сдѣлалъ открытіе, что японцы и жиды —одна нація. Для разныхъ прочихъ мѣстъ тоже найдется тьма охотниковъ, въ особенности если хорошими окладами ихъ снабдить, подъемными, суточными и прочимъ добромъ.

Имѣя дѣло съ патріотами-мечтателями, невольно забываешь о серьезной сторонѣ, а таковая дѣйствительно есть—не во вздорныхъ мечтаніяхъ того или иного князя, а въ той общей тенденціи, которая сказывается въ ихъ фантастическихъ проектахъ. Иногда устами сіятельныхъ младенцевъ глаголетъ—не столько истина, сколько скрытая отъ простыхъ смертныхъ причина очень важныхъ дѣйствій, за тяжкія послѣдствія которыхъ приходится намъ потомъ расплачиваться. И это новое натравливаніе Россіи на Тибетъ развѣ не повтореніе исторіи о Манчжуріи, о «исторической миссіи» на Дальнемъ Востокѣ, о «Желтороссіи» и т. д.

А въ сущности, какое намъ дѣло до Тибета? И что бы съ нимъ ни сдѣлали англичане, намъ отъ того ни тепло, ни холодно. Довольно съ насъ тибетской медицины г. Бадмаева, чтобы еще заводить новую исторію изъ-за обуявшей князя Ухтомскаго попечительности о ламаизмѣ и русскихъ ламаистахъ.

А. Б.

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Кн. Н. В. Шаховской. „Земледѣльческій отводъ крестьянъ"—„Труды мѣстныхъ Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности".

Кн. Н. В. Шаховской. Земледѣльческій отходъ крестьянъ. Спб. 1903 г. Трудъ кн. Шаховского уже знакомъ русскимъ читателямъ: выпущенный нѣсколько лѣтъ назадъ подъ заглавіемъ: «Сельскохозяйственные отхожіе промыслы», онъ былъ удостоенъ московскимъ университетомъ преміи имени Юрія Самарина и встрѣченъ одобрительными отзывами большинства нашей печати. Въ настоящемъ изданіи авторъ дополнилъ старый матеріалъ нѣкоторыми новыми данными для цѣлей особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Эти дополненія не отразились, однако, ни на основныхъ взглядахъ автора, ни на общемъ характерѣ его работы. Какъ и въ первомъ изданіи, кн. Шаховской даетъ чисто описательное изслѣдованіе сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ и намѣчаетъ то направленіе, которое должна, по его мнѣнію, принять политика государственной власти по отношенію къ сельскимъ рабочимъ. Теоретическое значеніе отхода, какъ одного изъ наиболѣе яркихъ проявленій интенсивнаго капиталистическаго процесса, совершающагося въ современномъ крестьянствѣ, г. Шаховской не выясняетъ, хотя собранныя имъ данныя представляютъ богатый матеріалъ для выводовъ. Кромѣ того, авторъ разсматриваетъ рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ изолированно отъ окружающихъ общихъ условій нашей политической и соціально-экономической жизни, что, естественно, ведетъ къ неполнотѣ и неясности въ очень многихъ случаяхъ. Но, какъ обширный, умѣло разработанный и хорошо систематизированный матеріалъ, трудъ г. Шаховского, отличающійся еще и живымъ изложеніемъ, является единственнымъ источникомъ для всесторонняго ознакомленія съ положеніемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Россіи. Извѣстныя среди спеціалистовъ изслѣдованія г. Тезякова не могутъ быть признаны доступными широкимъ слоямъ читающей публики. Трудъ Варба (Браве) («Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ», М. 1899 г.), обѣщавшій широкое теоретическое освѣщеніе вопроса, прерванъ въ самомъ началѣ безвременною смертью автора. Многочисленныя же статьи, замѣтки, корреспонденціи и монографіи, разсѣянныя въ оффиціальныхъ изданіяхъ, медицинскихъ и земско-статистическихъ сборникахъ, въ журналахъ и

еженедѣльныхъ газетахъ, конечно, имѣютъ значеніе только въ смыслѣ пособій для обобщающаго изслѣдованія. Г. Шаховской собралъ и использовалъ весь этотъ обширный и разнообразный сырой матеріалъ.

Онъ начинаетъ съ характеристики раіоновъ выхода сельскохозяйственныхъ рабочихъ и причинъ, побуждающихъ населеніе искать заработковъ на сторонѣ; переходитъ, затѣмъ, къ раіонамъ найма, отмѣчаетъ ихъ экономическія особенности и подробно описываетъ положеніе сельскихъ рабочихъ. Послѣднія главы книги посвящены выясненію вѣроятной будущей судьбы сельскохозяйственнаго отхода, попыткамъ организаціи передвиженія сельскихъ рабочихъ на югъ и мѣрамъ, предлагавшимся для упорядоченія сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ. Точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ отхожихъ промышленниковъ у насъ, какъ извѣстно, не имѣется. Единственнымъ источникомъ для опредѣленія размѣровъ отхода являются паспортныя книги, которыя ведутся въ волостныхъ правленіяхъ. По этимъ книгамъ, довольно вѣрно выражающимъ дѣйствительное число лицъ, уходящихъ на сторону, наша деревня съ каждымъ годомъ выдѣляетъ все большее и большее количество крестьянъ, вынужденныхъ отказываться отъ самостоятельнаго хозяйствованія. Ежегодное среднее число отхожихъ промышленниковъ въ десятилѣтіе 1861—1870 гг. равнялось 1.291.280; въ 1871—1880 гг.—3.692.930; въ 1881—1890 гг.—4.946.610; въ 1891—1900 г.—7.136.620. Такимъ образомъ, свыше семи милліоновъ крестьянскаго населенія ежегодно ищетъ приложенія своихъ силъ за предѣлами собственнаго хозяйства, и эта судьба, очевидно, предстоитъ еще большему числу. Въ особенности велики размѣры отхода въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Въ пяти уѣздахъ Смоленской губ., напримѣръ, уходитъ 91 чел. на каждые сто мужчинъ рабочаго возраста, въ Петербургской—83 чел., въ Московской—80, въ Вятской—72 и т. д. Въ составъ этой массы сельскохозяйственные рабочіе, являющіеся предметомъ изслѣдованія г. Шаховского, входятъ въ числѣ 1.178.200 чел. Трудно сказать, насколько достовѣрна эта цифра; во всякомъ случаѣ она нисколько не уменьшаетъ размѣровъ явленія.

Причины «экономическихъ скитаній» крестьянства, какъ онѣ выясняются изъ показаній рабочихъ при регистраціи на земскихъ врачебно-продовольственныхъ пунктахъ и подтверждаются статистическими данными о крестьянскомъ землевладѣніи въ районахъ отхода, являются, главнымъ образомъ, малоземелье и безземелье. Какой слой крестьянства поставляетъ сельскохозяйственныхъ батраковъ,—видно изъ того, что на земскихъ пунктахъ Самарской губерніи зарегистрованы рабочіе, никогда не ѣвшіе мяса. Большинство рабочихъ выходитъ изъ черноземной полосы и направляется въ районы, гдѣ развитіе капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ достигло значительной степени: въ Новороссійскій край, Донскую область, Заволжье и Предкавказье. Обычный способъ передвиженія—пѣшее хожденіе; обычная пища—черствый хлѣбъ, захваченный изъ дому. Въ районахъ, прилегающихъ къ Днѣпру, рабочіе отправляются и по рѣкѣ въ особыхъ лодкахъ, «дубахъ», большихъ, неповоротливыхъ, на скорую руку сколоченныхъ деревянными гвоздями. Предприниматели, занимающіеся перевозкою рабочихъ, заботятся только о большей выручкѣ и нагружаютъ дубы сверхъ всякихъ нормъ. Въ результатѣ, плаваніе сплошь и рядомъ оканчивается гибельными катастрофами. По прибытіи на рынки найма, рабочіе располагаются обыкновенно на голой землѣ подъ открытымъ небомъ. Далеко не всѣ изъ пришедшихъ крестьянъ получаютъ заработокъ, но и тѣ, кому удастся наняться въ экономіи, попадаютъ въ очень неблагопріятныя условія. Отсутствіе помѣщеній, пригодныхъ для жилья, отвратительная пища, обсчитыванье, непосильная продолжительная работа, постоянная возможность увѣчья—вотъ та обстановка, которая окружаетъ отхожан

въ экономіяхъ и которая тѣмъ болѣе тяжела, что въ послѣдніе годы, съ переходомъ южнаго хозяйства къ машинамъ, среди пришлыхъ рабочихъ громадный процентъ составляютъ дѣвушки, подростки и даже дѣти.

При такихъ условіяхъ, понятны всѣ нарушенія договоровъ, о которыхъ такъ громко вопятъ наши аграріи. Г. Шаховской, очевидно, въ цѣляхъ безпристрастія, приводитъ достаточное количество отзывовъ дикихъ помѣщиковъ, но самъ, повидимому, стоитъ на сторонѣ тѣхъ хозяевъ, которые полагаютъ, что при добросовѣстномъ отношеніи землевладѣльца къ рабочимъ никакихъ столкновеній не бываетъ и не можетъ быть. Къ сожалѣнію, г. Шаховской уклоняется здѣсь отъ несомнѣнной истины и становится на какую-то странную сословно-националистическую точку зрѣнія. По его мнѣнію, дурное обращеніе съ рабочими на югѣ Россіи зависитъ преимущественно отъ отсутствія тамъ дворянскаго элемента среди землевладѣльцевъ и наличности нѣмцевъ, армянъ и другихъ инородцевъ. Здѣсь сказывается явный недостатокъ теоретическихъ знаній, такъ какъ тогда авторъ былъ бы освѣдомленъ, что капиталъ «стоитъ выше» сословныхъ и національныхъ различій и одинаково эксплоатируетъ трудъ, покупаемый для цѣлей производства.

Послѣднія главы труда г. Шаховского, посвященныя попыткамъ разрѣшенія рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ очень интересны, хотя и здѣсь практицизмъ автора оказываетъ неблагопріятное вліяніе на достоинство его труда. Всѣ мѣропріятія въ области рабочаго движенія, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общественныхъ учрежденій, были вызваны, естественно, не требованіями рабочихъ. Жалобы хозяевъ на недостатокъ рабочихъ рукъ, на своеволіе, нарушеніе договора и т. п. явились главнымъ поводомъ къ составленію правилъ о наймѣ на сельскохозяйственныя работы и выработкѣ различныхъ неосуществившихся проектовъ организаціи рабочаго движенія съ цѣлью обезпечить южно-русское хозяйство достаточнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Среди этихъ измышленій наиболѣе характернымъ является проектъ инженера Баталина, который, какъ вѣрный слуга капитала, придумалъ цѣлую систему закабаленія рабочихъ еще на мѣстѣ ихъ жительства и затѣмъ доставки ихъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ со всѣми предосторожностями противъ бѣгства (хорошъ проектъ, въ которомъ бѣгство предусматривалось, какъ неизбѣжное явленіе!), съ рядомъ наказаній, налагаемыхъ упрощеннымъ административнымъ порядкомъ. Но всѣ эти откровенно-хищническія попытки не получили практическаго осуществленія, прежде всего, потому, что онѣ относятся къ области зловредныхъ утопій. Даже правила о сельскохозяйственномъ наймѣ, стѣснительныя для рабочихъ, не достигли никакихъ результатовъ. Въ степномъ просторѣ, въ горячую пору земледѣльческой страды, при слабости деревенскихъ органовъ власти и многочисленности рабочихъ, регламентація взаимныхъ отношеній оказалась неисполнимою. Другой характеръ носятъ начинанія земскихъ учрежденій. Кромѣ попытокъ организацій правильнаго ознакомленія мѣстнаго населенія съ состояніемъ рабочихъ рынковъ, не удавшихся вслѣдствіе общей неподготовленности страны къ такимъ культурнымъ мѣрамъ (напримѣръ, безобразное положеніе почтоваго дѣла въ деревни), земство нашло наиболѣе цѣлесообразную и наименѣе опекунскую форму помощи рабочему народу. Подъ вліяніемъ опасеній, вызванныхъ возможностью появленія холеры и чумы въ губерніяхъ, гдѣ скопляется масса безпріютнаго и голоднаго люда, въ Херсонской, Самарской, Екатеринославской, отчасти въ Симбирской и Таврической были организованы земствомъ врачебно-продовольственные пункты, ставившіе цѣлью выдачу рабочимъ дешевыхъ и безплатныхъ обѣдовъ и, въ случаѣ необходимости, подачу медицинской помощи. Эти пункты быстро завоевали симпатію рабочаго люда и

оказались вполнѣ приспособленными къ жизненнымъ нуждамъ. Плодотворность ихъ дѣятельности признана и высшимъ правительствомъ. Г. Шаховской придаетъ ихъ развитію большое значеніе.

Попытки «упорядочить» рабочее движеніе, превратить его въ стройное организованное передвиженіе арміи, управляемой центральнымъ учрежденіемъ, кажутся автору явно утопическими. Единственно, что необходимо сдѣлать въ интересахъ рабочаго населенія,—это предоставить ему возможно большую свободу. Правительство можетъ только содѣйствовать улучшенію участи рабочихъ путемъ установленія льготныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, благопріятныхъ для рабочихъ правилъ перевозки, обязательныхъ постановленій о работѣ на машинахъ и—maximum—учрежденія сельскохозяйственной инспекціи. Заботы же о здоровьѣ рабочихъ, объ организаціи для нихъ справочныхъ конторъ и т. п. должны быть предоставлены вѣдѣнію земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій. Всѣ другія опекунскія мѣропріятія г. Шаховской считаетъ излишними, такъ какъ обезпеченіе южно-русскаго хозяйства рабочими силами и взаимныя отношенія предпринимателей и рабочихъ въ значительной степени опредѣляются стихійнымъ процессомъ экономическаго развитія. Уже теперь на югѣ рабочій вопросъ съ точки зрѣнія предпринимателей теряетъ свою остроту, благодаря распространенію машинъ. Въ общемъ, при данныхъ условіяхъ, предложенія г. Шаховскаго являются вполнѣ цѣлесообразными. Но, при всей ихъ полезности, они недостаточны. Г. Шаховской, горячо настаивая на учрежденіи земскихъ врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, ничего не говоритъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ этимъ земскимъ начинаніемъ со стороны администраціи. Между тѣмъ, постоянныя неутвержденія медицинскаго персонала, стѣснительный надзоръ за нимъ и другія постороннія обстоятельства сплошь и рядомъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ отзываются на попыткахъ земства облегчить участь рабочаго народа. Такимъ образомъ, естественно, возникаетъ вопросъ о современной постановкѣ земскаго дѣла. Затѣмъ, также естественно, возникаетъ и другой вопросъ—о самодѣятельности рабочихъ, безъ которой всѣ благія начинанія теряютъ три четверти своей цѣны. Но эти вопросы—общіе вопросы русской жизни, которые возникаютъ всякій разъ, когда мы приступаемъ къ изслѣдованію ея частныхъ явленій. Люди, которые дошли до сознанія связи между частнымъ и общимъ, сдѣлаютъ необходимые выводы, несмотря на пробѣлы въ трудѣ г. Шаховского: матеріалъ, собранный авторомъ, говоритъ самъ за себя; цѣнность его несомнѣнна, какъ и тѣхъ основныхъ положеній, которыя руководили г. Шаховскимъ въ его трудѣ. *Н. І—скій.*

Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. С.-Пб. 1903 г. — Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по 49 губеріямъ Европейской Россіи. С. Пб. 1903 — 1904 г. Наконецъ стали доступны обыкновеннымъ смертнымъ Труды мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, до сихъ поръ составлявшіе почти что канцелярскую тайну: по постановленію особаго овѣщанія они теперь разсылаются въ университеты, губернскія земскія управы, ученыя общества; получили ихъ также нѣкоторыя редакціи и отдѣльныя лица. Всѣхъ томовъ Трудовъ 58: по тому для 50 губерній Европейской Россіи и 8 томовъ для Привислянскаго, Кавказкаго, Туркестанскаго, Степного края, губерній—Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Томы убористаго шрифта, въ большинствѣ очень объемистые, по 400—500 страницъ, нѣкоторые до 1138 стр. (по Кіевской губ.), 1112 стр. (Подольская губ.), 876 (Курская губ.), 850 (Полтавкая). Въ каждомъ помѣщены: журналы засѣданій губернскихъ комитетовъ и отдѣльныя разсмотрѣнныя ими записки; затѣмъ слѣдуютъ въ алфавитномъ порядкѣ уѣздовъ журналы и записки уѣздныхъ комитетовъ. Кромѣ

этихъ 58 томовъ, содержащихъ въ себѣ свыше 28 тысячъ страницъ, особое совѣщаніе даетъ 18 томовъ сводныхъ работъ по разнымъ вопросамъ, изъ которыхъ вышли изъ печати слѣдующіе шесть: 1) «Крестьянское землепользованіе», 126 страницъ, составлено г. Риттихомъ, 2) «Денежное обращеніе», 34 стр., сост. г. Никифоровымъ, 3) «Природныя препятствія сельскому хозяйству», 146 стр., составилъ г. Скрипицынъ, 4) «Сельскохозяйственная техника», 264 стр. сост. г. Бирюковичемъ, 5) «Аренда», стр. 176, сост. г. Флексоромъ, 5) «Подсобные къ земледѣлію промыслы и производства», 116 стр., составл. г. Пономаревымъ. Въ каждой сводной работѣ имѣется краткій общій очеркъ положенія вопроса на основаніи матеріала, заключающагося въ трудахъ комитетовъ, въ связи съ пожеланіями и мѣрами, указанными отдѣльными лицами. Затѣмъ приводятся заключенія, принятыя комитетами, причемъ сдѣланы ссылки на соотвѣтствующія страницы изданныхъ Трудовъ.

Такимъ образомъ, особое совѣщаніе дало цѣлую библіотеку, осуществивъ изданіе довольно скоро, менѣе, чѣмъ въ полгода. Опубликованіе вошедшихъ въ него матеріаловъ представляется намъ чрезвычайно важнымъ.

Всѣмъ памятно, какъ всколыхнули инертное русское общество собиравшіеся въ 1902 и началѣ 1903 г. комитеты. Оно на время ожило, заговорило и, къ удивленію многихъ, обнаружило по цѣлому ряду вопросовъ вполнѣ зрѣлую общественную мысль, правильно и довольно единодушно намѣтивъ нѣкоторые общіе недуги времени.

Во множествѣ уѣздовъ шла кипучая работа: мѣстные дѣятели собирались, обсуждали вопросы, которыми охватывалась почти вся жизнь, писали записки, давая въ нихъ если не отвѣты, то огромный матеріалъ для отвѣтовъ, очень часто односторонне освѣщенный, иногда пристрастно изложенный, но обильный фактами. Имѣя все вмѣстѣ теперь въ рукахъ, можно видѣть, какой это цѣнный, неисчерпаемый источникъ для изученія страны въ различныхъ направленіяхъ. Но онъ не однороденъ; въ этомъ главный его недостатокъ. Труды отдѣльныхъ комитетовъ отличаются одинъ отъ другого вопервыхъ внѣшне: съ одной стороны напечатаны подробные журналы засѣданій съ почти стенографически записанными преніями, которыя дополняютъ заключенія комитетовъ и многое въ нихъ разъясняютъ; съ другой стороны, по цѣлому ряду комитетовъ помѣщенъ лишь сухой перечень постановленій, иногда даже безъ краткихъ протоколовъ засѣданій. Второго рода неоднородность матеріаловъ, — внутренняя, и о ней приходится всего больше сожалѣть. Причина ея лежитъ въ разнообразіи составовъ комитетовъ и въ различныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности, опредѣлявшихъ и объемъ, и содержаніе принятыхъ ими постановленій. Составъ комитетовъ, какъ количественный, такъ и качественный (въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, въ нихъ входившихъ) и условія дѣятельности комитетовъ зависѣли отъ случайной причины усмотрѣнія предсѣдательствовавшихъ лицъ, которые очень различно относились къ своей задачѣ. Въ однихъ мѣстахъ предводители дворянства вербовали свѣдущихъ людей изъ самихъ широкихъ круговъ, включая въ составъ комитетовъ цѣлыя земскія собранія, приглашая представителей деревни—крестьянъ, священниковъ, учителей, врачей, иногда спрашивая, кромѣ того, на мѣстахъ всѣхъ сколько нибудь извѣстныхъ дѣятелей, созывая для этого сходы крестьянъ и т. п., другіе же предводители ограничивали составъ комитетовъ небольшимъ числомъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же къ совершенно опредѣленной общественной группѣ.— Вотъ два примѣра разницы въ отношеніи къ вопросу о составѣ комитетовъ, быть можетъ не самые характерные. Опочецкій уѣздный комитетъ (Псковской г.), въ которомъ принимало участіе свыше 80 человѣкъ, въ первомъ своемъ засѣданіи призналъ необходимымъ имѣть въ своемъ составѣ возможно большее число

представителей отъ крестьянъ, въ виду того, что нѣкоторые вопросы, поставленые особыми совѣщаніями, относятся всецѣло къ крестьянскому хозяйству. Исполняя эти постановленія, предсѣдатель комитета объѣхалъ въ сентябрѣ 1902 г. весь уѣздъ и созвалъ въ 5 пунктахъ совѣщанія изъ представителей отъ крестьянъ трехъ ближайшихъ волостей въ количествѣ около 60 человѣкъ каждое; совѣщанія, высказавъ общія соображенія по предложеннымъ вопросамъ, указали по три человѣка для участія въ засѣданіяхъ уѣзднаго комитета. Не вдаваясь здѣсь въ критику постановки опроса крестьянъ Опочецкаго уѣзда и способа избранія крестьянскихъ представителей, указываемъ на этотъ уѣздъ, какъ на примѣръ одного рода. Примѣромъ другого рода можетъ служить Борисоглѣбскій уѣздный комитетъ Тамбовской губ. Предводитель дворянства вмѣстѣ съ большинствомъ участниковъ перваго засѣданія комитета не только не нашли возможнымъ пригласить крестьянъ въ свою среду, но у нихъ даже мотивомъ противъ передачи вопросовъ на обсужденіе земскаго собранія явилось участіе крестьянъ. Въ комитетахъ указывалось «на опасность обсужденія вопросовъ программы въ земскомъ собраніи при участіи крестьянъ», такъ какъ «при обсужденіи этомъ могутъ возникнуть вопросы болѣе общаго характера, вопросы правовые, управленія, земельныхъ распредѣленій; вопросы для крестьянъ жгучіе, но такого объема, что разобраться въ нихъ они достаточно не могутъ. Принявъ же во вниманіе не только полную некультурность массы населенія, но даже отсутствіе достаточной грамотности, что дѣлаетъ эту среду особенно впечатлительной, вопросы эти могутъ породить въ нихъ преувеличенные толки и надежды, не желательные особенно въ настоящее время». Ясно, что два названные комитета—величины неоднородныя. Отношеніе предсѣдателей и членовъ комитетовъ къ объему подлежавшихъ ихъ обсужденію вопросовъ и свободѣ преній было также самое различное. Одни предводители, руководствуясь циркуляромъ предсѣдателя особаго совѣщанія и желая выяснить нужды сельскохозяйственной промышленности въ цѣломъ, во взаимодѣйствіи всѣхъ прямо и косвенно вліяющихъ на нее причинъ, представляли свободно высказываться участникамъ комитетовъ и въ рамкахъ данной программы, и не ограничиваясь этими рамками, ставя вопросы изъ нея выходящіе, другіе наоборотъ, даже самую программу съузили, не находя нужнымъ давать отвѣты на многіе вопросы ея, не имѣющіе, по ихъ мнѣнію, мѣстнаго значенія, и накладывали свое властное veto на все, что казалось имъ не подлежащимъ обсужденію, какъ формально, такъ и по существу. Дѣло доходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до открытыхъ протестовъ, до выхода части членовъ, иногда очень значительной, изъ состава комитетовъ, до прекращенія занятій комитетовъ вовсе.

Такимъ образомъ, будучи цѣннымъ матеріаломъ для изученія явленій народохозяйственной жизни, труды комитетовъ не имѣютъ того значенія, какое могли бы имѣть, какъ результатъ работы нѣсколькихъ тысячъ мѣстныхъ дѣятелей надъ одними и тѣми же вопросами; въ сотняхъ мѣстъ это не былъ опросъ не только страны, но даже отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Поэтому по не сравнимымъ между собою трудамъ комитетовъ нельзя выяснять, какъ распространены у насъ тѣ или иныя мнѣнія и настроенія и сознательное отношеніе къ кореннымъ вопросамъ русской жизни, нельзя сопоставлять одни мѣстности съ другими, нельзя статистически подводить итоги. Такіе выводы допустимы лишь въ самой грубой формѣ, какъ общее впечатлѣніе, такъ какъ до извѣстной степени сила общественнаго мнѣнія оказывала вліяніе на поведеніе предсѣдателей комитетовъ и на опредѣленіе состава послѣднихъ.

Значительной доли значенія трудовъ комитетовъ лишаетъ также ихъ неполнота въ изданіи особаго совѣщанія... Было бы желательно, чтобы особое совѣщаніе которому, конечно, не трудно было бы затребовать недополученные матеріалы

отъ соотвѣтствующихъ предсѣдателей комитетовъ, издало ихъ дополнительнымъ томомъ; еще болѣе было бы желательно, чтобы оно присоединило къ этимъ матеріаламъ все то, что, имѣя въ рукахъ, не напечатало въ вышедшихъ томахъ. Полнота трудовъ комитетовъ, имѣющихъ значеніе богатаго источника всякихъ свѣдѣній и являющихся содержательной страницей исторіи развитія русской общественной мысли, представляетъ, по нашему мнѣнію, огромную важность.

Въ заключеніе выскажемъ еще одно пожеланіе. Труды комитетовъ вышли изъ печати всего въ 600 экземплярахъ. Особое совѣщаніе, принципіально ничего въ настоящее время не имѣя (какъ высказалось въ постановленіи 22-го ноября) противъ распространенія изданія, стѣсненное, однако, количествомъ экземпляровъ, разсылаетъ его оффиціальнымъ учрежденіямъ и отдѣльнымъ лицамъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Слѣдовательно, труды, несмотря на большой интересъ къ нимъ очень широкаго круга лицъ, все же останутся мало доступными. Было бы, поэтому, желательно, чтобы было теперь же предпринято новое изданіе трудовъ, которое мы, увѣрены, окупило бы себя; матеріальный рискъ могъ бы быть уменьшенъ предварительной подпиской.

В. Х—овъ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Оживленіе провинціи и большой спросъ на книгу, развившійся въ широкихъ народныхъ массахъ, вызвали въ различныхъ городахъ развитіе дѣятельности книгоиздательствъ, выпускающихъ въ свѣтъ цѣлыя серіи дешевыхъ книгъ. Въ нашемъ послѣднемъ обзорѣ народной литературы мы остановили вниманіе читателя на изданіяхъ т-ва «Донской Рѣчи» въ Ростовѣ-на-Дону, выпустившаго недавно еще цѣлый рядъ беллетристическихъ произведеній, также изящно и дешево изданныхъ; на этотъ разъ намъ хочется поговорить о новомъ издательскомъ товариществѣ, работающемъ въ Вяткѣ.

Изъ имѣющихся у насъ 12 книжекъ изданій вятскаго товарищества, четыре составляютъ сборники избранныхъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ на слѣдующія темы: 1) «Несчастные» ц. 6 к., 2) «Сказки и легенды» ц. 12 к., 3) «Крестьянскія дѣти» ц. 7 к., 4) «Женская доля» ц. 10 к.

Въ сборникахъ этихъ мы встрѣчаемъ часто изъ русскихъ поэтовъ имена—Некрасова, Никитина, Сурикова, Плещеева, Шевченко, изъ иностранныхъ—имена Беранже, Гюго, Гете, Т. Гуда. Имена поэтовъ говорятъ сами за себя, что же касается до подбора стихотвореній, то нельзя не отмѣтить слишкомъ большого однообразія мотивовъ и настроеній, звучащихъ во всѣхъ этихъ сборникахъ произведеній русской и иностранной поэзіи. Касаясь исключительно жизни трудящагося люда и преимущественно крестьянскихъ массъ и освѣщая ея мрачныя стороны, составители сберниковъ не пытались расширить кругозоръ читателя и показать ему другую сторону жизни, внести бодрое настроеніе, указавъ на общественные идеалы, осуществленіе которыхъ волнуетъ міръ. На недостатокъ матеріала для этого и въ русской, и въ иностранной поэзіи пожаловаться нельзя, а между тѣмъ такихъ произведеній почти нѣтъ въ сборникахъ вятскаго товарищества. Если они не могли найти себѣ мѣсто въ такомъ спеціальномъ по содержанію сборникѣ, какъ сборникъ, посвященный крестьянскимъ дѣтямъ, очень недурно составленномъ, то они были бы вполнѣ умѣстны во всѣхъ другихъ сборникахъ, затрагивающихъ общіе вопросы. Вообще едва ли удачна мысль составителей выпускать сборники поэтическихъ произведеній на опредѣленныя частныя темы, общечеловѣческіе интересы въ этомъ отношеніи сослужили бы лучшую службу и навѣрно не нагоняли бы такого

тоскливаго настроенія, которое остается по прочтеніи сборниковъ стихотвореній вятскаго товарищества. Съ внѣшней стороны изданія вятскаго товарищества производятъ пріятное впечатлѣніе, видна заботливая рука и любовь къ дѣлу; они напечатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и по цѣнѣ не дороги.

Изъ беллетристическихъ произведеній, изданныхъ вятскимъ товариществомъ, отмѣтимъ художественный разсказъ г. Елпатьевскаго «Гекторъ» 36 стр. 5 к., и рядъ хотя и менѣе художественныхъ, но интересныхъ по содержанію разсказовъ изъ жизни крестьянъ и рабочихъ: Данилина «Наслоенія» 47 стр. 6 к. «Панкратыча», 17 стр., 3 к. Е. Некрасовой «Больше чѣмъ родная» 32 стр. 1 к. А. Баранова «Макарычъ» 32 стр. 2 к. Во всѣхъ этихъ разсказахъ мы видимъ попытки отдѣльныхъ личностей, не удовлетворяющихся жизнью изо дня въ день, внести такъ или иначе свѣтъ въ окружающую ихъ мрачную обстановку. Въ различныхъ формахъ проявляются эти попытки въ зависимости отъ разнообразія жизненныхъ условій, но по существу аналогичны желанія Макарыча подыскать въ интересахъ его деревни «забористый закончикъ» или добыть «подходящее рѣшеньице» и желаніе Панкратыча «сказать правду» хозяевамъ, у которыхъ онъ работаетъ, и стремленія молодыхъ мастеровъ (идущія, впрочемъ, нѣсколько дальше) въ разсказѣ Данилина «Наслоенія», интересномъ по темѣ, но нехудожественномъ по изложенію.

Съ большимъ или меньшимъ интересомъ, вѣроятно, всѣ эти разсказы будутъ охотно читаться въ широкихъ кругахъ массоваго читателя.

Остановимся еще на одной книжкѣ, изданной вятскимъ товариществомъ.

У. А. В—въ. О томъ, какъ защищать себя на судѣ, не имѣя повѣреннаго защитника. Защита въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ стр. 52 ц. 15 к. Авторъ подробно, шагъ за шагомъ излагаетъ, какъ ведутся уголовныя дѣла въ окружныхъ судахъ, начиная съ предварительнаго слѣдствія и заканчивая исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ и способовъ ихъ апелляціи и кассаціи. Изложеніе довольно простое и ясное, книжка можетъ дать рядъ цѣнныхъ практическихъ указаній на случай, если придется имѣть дѣло или защищать себя въ окружномъ судѣ. Попытка дать толковую книжку о судебныхъ порядкахъ заслуживаетъ большого вниманія, такъ какъ полное невѣдѣніе крестьянскихъ массъ въ этомъ отношеніи служитъ часто причиной непоправимыхъ бѣдъ, несчастій и разоренія цѣлыхъ семей, а между тѣмъ у насъ еще почти нѣтъ хорошо составленныхъ популярныхъ книгъ на эту тему. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ даетъ слишкомъ краткія общія свѣдѣнія о судахъ и характерѣ судопроизводства въ нихъ; читателю не выясняется разница уголовныхъ и гражданскихъ процессовъ; упоминая о томъ, что не всѣ уголовныя дѣла разбираются въ окружныхъ судахъ, авторъ не указываетъ, какія же именно дѣла подлежатъ окружному суду, какія низшимъ судамъ и какія—судебнымъ палатамъ. Разница между окружнымъ судомъ и судебной палатой остается мало выясненной. Излагая уставъ уголовнаго судопроизводства, авторъ почему-то не указываетъ никогда статей устава, что практически могло бы быть полезно. Всѣ эти дополненія при второмъ изданіи значительно увеличили бы цѣнность этой полезной книги.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ. Издательство О. Н. Поповой. **Шарль Рабо. Огненная Земля (по Отто Норденшильду). Подъ редакціей и со вступительной статьей Д. А. Коропчевскаго. «Человѣкъ на крайнемъ югѣ» (XIX стр.). Стр. 65. Ц. 40 к. Спб.** Очерки Рабо—описаніе шведской экспедиціи Норденшильда въ Огненную Землю—знакомятъ читателя съ географіей и этнографіей этого острова, лежащаго на крайнемъ югѣ. Довольно подробное описаніе мѣстностей, по которымъ двигалась экспедиція, климата, животнаго и растительнаго міра и естественныхъ богатствъ страны въ сухомъ и

мало доступномъ изложеніи не можетъ заинтересовать широкій кругъ читателей; этнографическій очеркъ быта и нравовъ туземцевъ Огненной Земли болѣе интересенъ, но ему отведено всего лишь 12 стр. Живѣе и доступнѣе изложена вступительная статья Коропчевскаго, дающая характеристику общихъ условій жизни и быта человѣка на крайнемъ югѣ.

Э. К. Пименова. Австралія и ея обитатели. Стр. 21. Ц. 30 к. Спб. Небольшая книжечка Пименовой въ живомъ разсказѣ знакомитъ читателей съ исторіей открытія и колонизаціи Австраліи, съ природой страны, бытомъ ея чернокожихъ обитателей и съ тѣми измѣненіями, которыя были внесены въ ихъ жизнь и природу страны европейскими колонистами. Не останавливаясь подробно на условіяхъ государственной, общественной и экономической жизни современной Австраліи, авторъ въ общихъ чертахъ лишь знакомитъ читателей съ главнѣйшими занятіями жителей и культурой современныхъ австралійскихъ колоній.

М. Стокманъ-Диксонъ. Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ. Переводъ съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 198 Ц. 60 к. Открытіе и заселеніе Америки—вотъ содержаніе книжки. Разсказъ написанъ для дѣтей, но съ удовольствіемъ будетъ читаться и взрослыми. Задачу свою—дать читателямъ представленіе объ историческомъ значеніи открытія Америки и поставить его въ связь съ предшествовавшей исторіей и послѣдующими событіями—авторъ выполняетъ удачно. Главное мѣсто въ его книгѣ отведено не путешествію и планамъ Колумба, что обыкновенно занимаетъ центральное мѣсто въ книгахъ, посвященныхъ открытію Новаго Свѣта, а постепенное изслѣдованіе земель Новаго Свѣта и его колонизація. Путешествіе Колумба стоитъ въ ряду другихъ, ему предшествовавшихъ и за нимъ послѣдовавшихъ съ цѣлью открытія новыхъ земель и ихъ заселенія. При заселеніи Америки колонистами изъ различныхъ странъ Европы, указаны главнѣйшія причины внутренней жизни этихъ народовъ, вызвавшія развитіе колонизаціи. Переводъ хорошій.

Персія и персы. Составила Евг. Богрова. Историческая коммиссія учебн. отд. общ. распр. техн. знаній. Москва. Стр. 80. Ц. 20 к. Книжка эта знакомитъ читателя съ Персіей прошлаго и настоящаго времени. Религія, обычаи, занятія, бытъ древнихъ персовъ и краткій очеркъ могущества древне-персидской монархіи, ея славные цари и ихъ управленіе—все это заинтересуетъ читателя, такъ какъ авторъ касается лишь наиболѣе существенныхъ сторонъ жизни, не останавливаясь на подробностяхъ. Хорошо изложены авторомъ и періодъ упадка Персіи, завоеваніе ея Александромъ Македонскимъ, вліяніе греческой и римской культуры и, наконецъ, владычество арабовъ и распространеніе магометанства, оставившія глубокій, неизгладимый слѣдъ на всей странѣ. Указавъ далѣе на религіозныя распри, внутреннія смуты и опустошительныя нашествія дикихъ азіатскихъ народовъ, наводнившихъ страну и тяготѣвшихъ надъ персидскимъ населеніемъ, пока, наконецъ, не утвердилась въ странѣ династія нынѣ правящихъ князей, авторъ переходитъ къ современной Персіи. Природа страны, современное управленіе ею, бытъ народа, занятія его и религія—все это изложено въ простомъ, живомъ разсказѣ, доступномъ самому широкому кругу читателей.

Серія книжекъ по географіи и этнографіи **Вл. Львова** пополнилась выпускомъ книгъ: **Новая Земля, природа животный міръ**, промыслы и населеніе. Москва. 75 стр., ц. 25 к., и «**Русская Лапландія и русскіе лопари**». Географическій и этнографическій очеркъ. Москва. 81 стр., ц 25 к. Обѣ книжечки снабжены рисунками и географической картой описываемыхъ мѣстностей, составлены онѣ умѣло и содержательно, изложеніе довольно живое и доступное, а потому ихъ можно рекомендовать, какъ хорошее пособіе для знакомства съ природой, условіями жизни и бытомъ обитателей сѣвера Евро-

пейской Россіи. Въ первой книгѣ главное вниманіе обращено на природу, климатъ и естестественныя богатства долго бывшаго совершенно необитаемымъ острова и на исторію его постепеннаго изслѣдованія; во второй-же авторъ останавливается преимущественно на топографіи края, описывая внѣшній, семейный и общественный бытъ лопарей, ихъ занятія, промыслы, религію, ихъ религіозныя представленія и народную поэзію. Указавъ на слабыя стороны и недостатки русской просвѣтительной дѣятельности среди лопарей, страдавшихъ отъ угнетенія и эксплоатаціи просвѣтителей, авторъ отмѣчаетъ способность лопарей къ совершенствованію и развитію.

О. М. Жирновъ. Что такое земская страховка и куда она идетъ. Изданіе вятскаго губернскаго земства. Стр. 39. Цѣна не обозначена. Вятка. Книжка Жирнова знакомитъ съ сущностью земскаго отъ огня страхованія обязательнаго и добровольнаго, съ различными видами страховыхъ обществъ, съ тѣмъ, какъ производятся страховыя оцѣнки и устанавливаются страховые платежи въ различныхъ земствахъ, и, наконецъ, указываетъ, куда идетъ и какъ расходуется земскій страховой капиталъ. Въ концѣ книжки указаны различныя мѣропріятія, предпринимаемыя земствами для уменьшенія числа пожаровъ и ихъ опустошительнаго дѣйствія. Изложеніе простое и толковое, доступное каждому взрослому, хорошо грамотному.

А. В. Мезіеръ. Тернистой дорогой. Страничка изъ исторіи дѣтскаго фабричнаго труда въ Англіи. Изд. Гершунина. Спб. Стр. 92. Ц. 40 к. Развернувъ передъ читателемъ картину ужасающихъ условій дѣтскаго фабричнаго труда въ Англіи первой четверти XIX вѣка и давъ краткій, но яркій очеркъ промышленнаго переворота, вызвавшаго введеніе дѣтскаго труда въ фабричной промышленности, авторъ останавливается на исторіи борьбы за введеніе и расширеніе фабричнаго законодательства въ Англіи. Рядъ борцовъ за лучшія условія дѣтскаго труда проходитъ передъ читателемъ, но наиболѣе подробно останавливается авторъ на жизни и дѣятельности на этомъ поприщѣ Ричарда Остлера, «короля фабричныхъ дѣтей». Упорная энергія этого борца не останавливалась передъ стоявшими на пути препятствіями и склонила, наконецъ, враждебно настроенное противъ фабричныхъ законовъ общественное мнѣніе на сторону борцовъ за несчастныхъ фабричныхъ дѣтей. Пробужденіе сознанія и самодѣятельности въ средѣ рабочихъ массъ, наконецъ постепенное расширеніе избирательныхъ правъ населенія обезпечили этимъ борцамъ окончательную побѣду, навсегда закрѣпившую право на законодательную охрану труда рабочихъ въ Англіи и отодвинувшую въ невозвратное прошлое всѣ ужасы безусловной свободы промышленности и невмѣшательства государства въ промышленную жизнь народа. Къ сожалѣнію, авторъ почти не останавливается на участіи самихъ рабочихъ въ борьбѣ за лучшія условія труда, отмѣчая лишь громадное значеніе ихъ самодѣятельности въ окончательномъ исходѣ борьбы. Попутно авторъ останавливается на многихъ интересныхъ фактахъ изъ исторіи промышленной и политической жизни Англіи первой половины XIX ст. и и на экономическихъ теоріяхъ, господствовавшихъ въ то время въ наукѣ и обществѣ.

Интересная книга Мезіеръ заслуживаетъ широкаго распространенія.

Л. К—ва.

---

*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го января по 15-ое февраля 1904 г.

Джеромъ К. Джеромъ. За чашкой чая. Пер. съ англ. М. Даниловской. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

И. Н. Попапенко. Живая жизнь. Романъ. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

П. Гнѣдичъ. Новый скитъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйст. Изд. Маркса. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

З. Ихоровъ. Исповѣдь человѣка на рубежѣ XIX вѣка. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Н. Брешко-Брешковскій. Шопотъ жизни. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Левъ Даксергофъ. Передъ новой жизнью. 2-ое изд. М. 1904 г. Ц. 1 р.

Его же. Около душевнаго недуга. М. 1904 г. Ц. 80 к.

Его же. Изъ-за человѣка. М. 1904 г. Ц. 80 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмерт. собр. сочиненій съ порт. автора, свѣд. о его жизни и статьей В. Брюсова о его творчествѣ. М. Изд. «Скорпіонъ». 1904 г. Ц. 2 р.

Г. Сѣверцевъ. Онѣ... Новеллы. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Его же. Трудящіеся. Повѣсти. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Т. Бордулякъ. Оповидання зъ галыцького жыття. Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.

П. Добротворскій. Моя исповѣдь. М. 1904 г.

Русскіе поэты (Карманная хрестоматія). Сост. П. Вейнбергъ. Т. I и II. Изд. Суворина. «Дешевая библ.». 1904. Спб. Ц. по 20 к.

Библіотека «Юнаго Читателя». В. Оксъ. Обитель въ осадѣ. В. Зутнеръ. Долой оружіе!

В. Шекспиръ. Король Лиръ въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы. И. И. Иванова. М. 1904 г.

М. Стокманъ-Диксонъ. Какъ былъ открытъ Новый Свѣтъ. Пер. съ англ. О. Коропчевскаго съ 65 рис. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

В. фонъ-Поленцъ. Деревенскій священникъ. Ром. Перев. съ нѣм. В. Величкиной. Изд. «Посредника». Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

С. Т. Семеновъ. Дѣвичья погибель и другіе разсказы. Изд. «Посредника». М. 1904. Ц. 80 к.

Его же. У пропасти и другіе разсказы Изд. «Посредника». М. 1904 г. Ц. 80 к

Г. Чулковъ. Кремнистый путь. М. 1904 г Ц. 1 р.

П. Красновъ. Любовь абиссинки. Изд. Сойкина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

В. В. Умановъ-Каплуновскій. Славянская муза. Сборникъ перев. стих. 3-ье изд., исправл. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Энтони Хопъ. Графъ Антоніо. Ром. Пер. съ англ. М. Дубровиной. Спб. 1904 г. «Новыя Сочиненія». Ц. каждой книги 30 к.; по подпискѣ 12 кн. 2 р. 40 к.

В. Микуличъ. Встрѣча со знаменитостью. Съ пор. Достоевскаго. Изд. «Посредника». М. 1903 г. Ц. 20 к.

Н. Тимковскій. Повѣсти и разсказы. Т. I. Изд. 2-ое. М. 1904 г. Ц. 1 р.

А. Чеховъ. Каштанка. Съ 55 рис. Д. Кардовскаго. Изд. Маркса. Спб. 1904 г.

Э. Сетонъ-Томпсонъ. Жизнь сѣраго медвѣдя. Съ 35 р. автора. Пер. съ анг. Н. Шишкова. М. 1903 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Феликсъ Гра. Марсельцы. Повѣсть изъ вр. франц. революціи. Ростовъ-на-Д. 1903 г. Ц. 35 к.

А. Купринъ. Молохъ. Ростовъ-на-Д. 1903 г. Ц. 12 к.

И. Франко. На днѣ. Ростовъ-на-Д. 1903. Ц. 9 к.

И. Бѣлоконскій. Деревня. Печальная. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 8 к.

А. Петровскій. Не дался. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 1 к.

В. Танаевская. Беспокойная. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 3 к.

И. Митропольскій. На плотахъ. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 3 к.

Скиталецъ. Атаманъ. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 2 к.

Пѣсни труда. Р.-на-Д. 1903 г. Ц. 5 к.

Некрасовъ и Никитинъ. Избр. стихотворенія. Р.-на-Д. 1903. Ц. 4 к.

А. Гинрихсонъ. Руководство къ изученію фотографированія растеній безъ аппа-

рата, объектива, пластинокъ и темной комнаты. Спб. 1903 г.

И. Елинъ. Разведеніе плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ. М. 1904 г. Ц. 20 к.

С. Орловскій. Жизнь Диккенса. Съ 12 рис. М. 1904 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

А. Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи. Пер. съ анг. А. Коншина. М. 1904 г. Изд. «Посредника». Ц. 60 к.

П. Буланже. Жизнь и ученіе Конфуція. Со ст. Л. Н. Толстого. «Изложеніе китайскаго ученія». Изд. «Посредника». М. 1904 г. Ц. 75 к.

Изд. т-ва «Донская Рѣчь» въ Ростовѣ-на-Д.: **И. Серафимовичъ.** Въ камышахъ. Ц. 2 к. Въ бурю. Ц. 3 к. **А. Яблоновскій.** Конокрадъ. Ц. 3 к. Въ консультаціи. Ц. 3 к. **И. Бунинъ.** Вайбаки. Ц. 3 к. Надъ городомъ. Ц. 1 к. **С. Елпатьевскій.** «Отлетаетъ мой соколикъ». Ц. 2 к. **Л. Андреевъ.** Жили-были. Ц. 3 к. Ангелочекъ. Ц. 3 к. **Н. Телешовъ.** Противъ обычая. Ц. 3 к. **В. Дмитріева.** Волки. Ц. 3 к. Бѣлыя крылья. Ц. 2 к. **В. Немировичъ-Данченко.** Воскресшая пѣснь. Ц. 5 к. **К. Станюковичъ.** Эмигрантъ. Ц. 3 к. **В. Вересаевъ.** Звѣзда. Ц. $1^1/_2$ к. Повѣтріе. Ц. 4 к. **В. Короленко.** Черкесъ. Ц. 4 к. **А. Крандіевская.** Только часъ. Ц. 10 к.

Изд. «Посредника». М. 1903 г. **Д. Марковичъ.** На вовчомъ хуторѣ. Ц. 1 к. **С. Семеновъ.** Деревенскіе герои. Драм. сцены. Ц. $1^1/_2$ к. **М. Конопницкая.** Торгашъ Гедали. **И. Старининъ.** Горбунъ Яша. Ц. 1 к. Левоники. Ц. 1 к. Дядя Өирсай. Ц. 1 к. Пѣсенники. Ц. каждаго 1 к. Состав. И. Горбуновъ-Посадовъ. **С. Семеновъ.** Надежда Гигалдаева. Драм. произв. Ц. 50 к. **А. Зубрилинъ.** Ленъ и обработка его на волокно. Съ 7-ю рис. Ц. 4 к. Какую пользу приноситъ травосѣяніе? Ц. 3 к. Изд. «Деревенское хозяйство и деревенская жизнь». Кн. 34-я и 30-я.

А. Чеглокъ. Разсказы изъ жизни животныхъ для дѣтей: 1) Лѣсникъ Николай. 2) Разбойники лѣса. 3) Исторія волчьяго семейства. 4) Несуразный звѣрь. 5) Отчего я не сдѣлался охотникомъ. 6) Сусликъ. 7) Мой ежикъ. 8) Степной орелъ. 9) Скопа. 10) Какъ моя сорока попала въ газету. 11) Несчастная птица. 12) Синицы. 13) Водяной. 14) Баба. 15) Живой камень. 16) Слово знаетъ. Изъ жизни змѣй. Ц. каждой книжки 5 к. Спб. 1904 г.

Н. Каразинъ. На далекихъ окраинахъ. Ром. въ 3-хъ час. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Устименко. Село Павловка въ пожарномъ отношеніи по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія. 1903 г. Саратовъ. 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности Харьков. Общества распространенія въ народѣ грамотности за 1901 годъ. Въ 2-хъ частяхъ. Харьковъ. 1903 г.

В. В. Корсаковъ. Въ Старомъ Пекинѣ. Очерки изъ жизни въ Китаѣ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Янжулъ. Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Спб. 1904 г. Ц. 2 р.

Н. Пинкусъ. Страхованіе рабочихъ въ Германіи. Варшава. 1903 г.

К. Скальковскій. Новая книга. Публицистика. Эконом. вопросы. Путевыя впечатлѣнія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. Н. Линдъ. Учить-ли мужика или у него учиться? М. 1904 г. Ц. 20 к.

О. Лоджъ. Современные взгляды на матерію. Пер. А. Вачинскаго. М. 1903 г. Ц. 20 к.

М. Петровичъ. По Черногоріи. Путевыя впечатлѣнія и наброски. М-ва. 1903. Ц. 75 к.

С. Кисовъ. Изъ боевой и походной жизни. 1877—1878 г. Пер. съ болгар. М. Горюнинъ. Софія. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

Кн. Е. Трубецкой. Философія Ницше. Крит. очеркъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Яковлевъ. Геологическая исторія животн. царства. Съ 33 рис. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

А. Погодинъ. Боги и герои Эллады. Съ 15 рис. Изд. О. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

В. Гессенъ. Вопросы мѣстнаго управленія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Мечниковъ. Невоспріимчивость въ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Съ 45 рис. распр. въ текстѣ. Спб. 1903 г. Ц. 5 р.

Н. Вороновъ. На отвлеченныя темы. М. 1904 г. Ц. 30 к.

В. Дмитріевъ. Экономическіе очерки. М-ва. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Пименова. Австралія и ея обитатели. Съ 16 рис. и картою. Изд. О. Поповой. 1904 г. Спб.

Э. Борецкая. Проблема объективности познанія.

Гулишамбаровъ. Благородные металлы и камни въ міровой промышленности. Спб. 1904 г.

Е. Чебышева-Дмитріева. Роль женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

Карта театра военныхъ дѣйствій Манчжуріи, Японіи и Кореи. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

Богуславскій. Иллюстр. путеводитель по Кіеву. Кіевъ. 1903. Ц. 50 к.

В. Бокъ. П. И. Добротворскій. Критико-біограф. очеркъ. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

Н. Беровко. Психологія мышленія. Варшава. 1904 г. Ц. 60 к.

Г. Сергѣевъ. Школа первоначальнаго рисованія для дѣтей отъ 8 до 12-лѣт. возр. въ штриховкѣ 2-мя цвѣт. карандашами. Вып. I и II. Спб. Изд. Маркса. 1904 г. Ц. каждаго вып. 80 к., съ перес. 1 р.

У. Кеннингэмъ. Ростъ англійской промы-

шленности и торговли. Ранній періодъ и средніе вѣка. Пер. съ 3-го англ. изд. Н. Теплова. М. 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Таблицы Клюверъ-Штрауха для опредѣленія живого и убойнаго вѣса рог. скота двойнымъ обмѣромъ. Пер. на рус. мѣры. А. Калантаръ. Изд. 2-ое, испр. Спб. 1903 г. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

С. Кулюкинъ. Первая книга для чтенія послѣ азбуки. М. 1903 г. Ц. 25 к.

С. Шохоръ-Троицкій. Наглядность и наглядныя пособія при обученіи ариѳметикѣ. Спб. 1904 г. Ц. 25 к.

Ф. Мускатлибъ. Россія и Японія на Дальнемъ Востокѣ. Ист.-пол. этюдъ. Одесса. 1904 г. Ц. 25 к.

П. Вольногорскій. Страницы изъ книги природы. Со мног. рис. въ текстѣ. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

П. Майковъ. Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904 г. Ц. 4 р.

Э. Марешаль. Исторія девятнадцатаго вѣка (1789—1899 гг.). Пер. Э. Ону, подъ ред. А. Трачевскаго. Спб. 1904 г. Ц. 3 р.

М. Рецелинъ. Руководство къ хозяйству и домоводству въ вопросахъ и отвѣтахъ. Для семьи и школы. Изд. Маркса. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Р. Кацъ. О защитѣ глаза отъ внѣш. вред. вліяній. 2-ое изд., испр. и дополн. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

К. Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Сомова. Спб. 1903 г. Т. I, вып. 17—20. Ц. 1 р. 60 к.

Картинныя галлереи Европы. 100 хромотипогравюръ. Текстъ проф. А. Филиппи. Вып. I. Изд. Вольфа. Спб. 1904 г.

Н. Крайнскій. Ученіе о памяти съ точки зрѣнія теоріи психической энергіи. Спб. 1903 г.

А. Брагинъ. 5 лѣтъ жизни одной школы. Отчетъ. Мелитополь. 1903 г.

Отчетъ о дѣятельности общества взаимнаго вспоможенія при моск. учит. институтѣ за 1903 г. М.

Отчетъ ялтинской санаторіи. Ялта.

А. Шингаревъ. Горячіе завтраки въ начальныхъ школахъ Ворон. губ. въ 190²/₃ г. Воронежъ. 1903 г.

Русскій астрономическій календарь на 1904 г. Н.-Новгородъ. 1903 г.

С. Уманецъ. Современный бабизмъ. Тифлисъ. 1904 г. Ц. 50 к.

К. Воробьевъ. Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Яр. губ. Статист. очеркъ. Ярославль. 1903 г.

И. Бялоблоцкій. Правительственное посредничество при арендованіи крестьянами частновладѣльческихъ земель. Оренбургъ. 1903 г.

П. Ардашевъ. О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ. 1904 г. Ц. 35 к.

М. Черниковъ. О евреяхъ богачахъ и ихъ богатствахъ. Одесса. 1904 г.

Матеріалы повторной переписи крестьян. хозяйствъ Воронеж. губ. 1900 г. Подъ ред. И. Воронова. Т. II. Воронежъ. 1903 г.

Турутинъ. Означенія дѣятельности крестьянскихъ с.-х. обществъ и о томъ, какъ ихъ устроить. Курганъ. 1903 г. Ц. 20 к.

Сельскохоз. обзоръ Вятской губ. за 1903 г. Ч. I и II. Вятка. 1903 г.

Статистическое описаніе Ярославской губ. Т. I. Ярославль. 1902 г.

В. Гредасовъ. Запретный плодъ. Романъ. Спб. 1904 г. Ц. 30 к.

В. Рахмановъ. Берегите здоровье дѣтей. Бесѣды врача съ учителемъ начальной школы. М. 1904 г. Ц. 35 к.

М. Богдановъ. Что такое птица? Осенній перелетъ птицъ. Съ 7 рис. М. 1904 г. Ц. 12 к.

Э. Сетонъ-Томпсонъ. Маленькій герой и другіе разсказы. Съ 16 рис. М. 1904 г. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

В. Кедровъ. Въ чемъ истинное значеніе творчества Максима Горькаго? Опытъ критическаго анализа произведеній М. Горькаго. Спб. 1904 г. Ц. 60 к.

Л. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904 г. Ц. 85 к.

Др. Зауэръ. Минералогическій атласъ, сост. изъ 24-хъ хромолитографир. таблицъ съ краткимъ текстомъ. М. 1904 г. Ц. 3 р. 75 к.

З. Рахмановъ. Леченіе болѣзней. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Е. Б., пер. съ англ. Капитанъ Январь. Разсказъ. Съ 22 рис. М. 1904 г. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Japan: Aspects and destinies» by W. Petrie Watson. London (Grant Richards). 12 s. 6 d. (*Японія; ея положеніе и судьбы*). Несмотря на то, что авторъ этой прекрасно написанной книги пробылъ три года въ Японіи и постарался изучить ее, онъ откровенно сознался, что все-таки не понимаетъ Японіи и японцевъ и, по его мнѣнію, ни одинъ англичанинъ въ сущности не знаетъ Японіи, такъ какъ въ каждомъ японцѣ заключаются элементы, совершенно ускользающіе отъ взоровъ наблюдателя европейца. Въ то время какъ Японія во многихъ отношеніяхъ сдѣлалась западною державой, въ другихъ она попрежнему осталась восточною страной, которая не могла порвать со своимъ прошлымъ и крѣпко связана съ нимъ всѣми своими традиціями, вѣрованіями и суевѣріями. Однако, хотя авторъ и говоритъ, что онъ не знаетъ японцевъ, тѣмъ не менѣе онъ даетъ въ своей книгѣ чрезвычайно интересное и подробное описаніе страны, ея исторіи и ея населенія въ прошломъ и настоящемъ.

(Daily Chronicle).

«India Impressions» by C. F. Keary (*Впечатлѣнія путешественника по Индіи*) (*Edward Stauford*). Книга представляетъ художественное описаніе Индіи и индусовъ, заключающее въ себѣ много въ высшей степени любопытныхъ подробностей, раскрывающихъ передъ читателемъ блескъ и тайны восточнаго міра.

(Academy).

«The Turk and hislost provinces: Greece, Bulgaria, Servia, Bosni. Sketches and Studies of Life and Travel in the Land of the Sultan» by Willam Eleroy Curtis. With numerous illustrations (*Fleming*). *6 s. 7 d.* (*Турки и ихъ потерянныя провинціи: Греція, Болгарія, Сербія и Боснія*). Этотъ трудъ представляетъ очень удачную комбинацію исторіи, политики и описаній природы и жизни тѣхъ странъ, которыя играютъ выдающуюся роль въ восточномъ вопросѣ.

(Academy).

«Politische Porträts» von Theodor Barth (*Verlag von Georg Reimer*). *2 м.* (*Политическіе портреты*). Въ сборникѣ находятся шестнадцать характеристикъ политическихъ дѣятелей съ Висмаркомъ во главѣ. Со многими изъ этихъ дѣятелей авторъ былъ знакомъ лично и хотя его можно, пожалуй, заподозрить въ нѣкоторомъ пристрастіи, но тѣмъ не менѣе его характеристики не теряютъ своего значенія для современной исторіи.

(Berl. Tag.).

«Weltgeschichte der Gegenwart» von D-r Albrecht Wirth (*Gose und Tetzlaff*) (*Всемірная исторія современной эпохи*). Авторъ поставилъ себѣ задачею помочь читателю оріентироваться въ различныхъ теченіяхъ и стремленіяхъ, характеризующихъ современную міровую политику. Свое изложеніе авторъ начинаетъ съ культуркампфа и затѣмъ переходитъ къ другимъ событіямъ міровой полики, разсматривая ихъ къ точки зрѣнія ихъ значенія для міровой исторіи. Въ книгѣ заключается много цѣннаго историческаго матеріала. Особенно интересны съ политической точки зрѣнія главы: «Отъ Версаля до Занзибара», «Раздѣленіе Африки» и «Ростъ славянъ и англосаксовъ». Авторъ прикладываетъ шесть географическихъ картъ для поясненія своихъ выводовъ.

(Köln. Zeit).

«Unser Leben im Lichte der Wissenschaft» von D-r L. Besser, Bonn (*Karl Georgis Verlagsbuchhandlung*) (*Наша жизнь въ научномъ освѣщеніи*). Ученый авторъ этой книги изучаетъ въ ней важнѣйшія проблемы человѣчества, оставаясь въ предѣлахъ строго научнаго изслѣдованія.

(Köln. Zeit.).

«Das Land der unbegrenzten Möglichkeiten» von Ludwiy Max Goldberger. Beobachtungen über das Wirtschaftsleben der vereinigten Staaten von Amerika (*Fontane*) (*Страна безграничныхъ возможностей*). Авторъ изслѣдуетъ причины огромныхъ экономическихъ успѣховъ сѣверо-американскаго союза за послѣднее десятилѣтіе. Онъ приводитъ статистическія данныя, указывающія на увеличеніе національнаго богатства, на развитіе желѣзныхъ дорогъ, внѣшней торговли и т. д. Очень

пространная глава посвящена трёстамъ и американскимъ рабочимъ союзамъ.

(Berl. Tag.).

«Oxford». Painted by Lohn Fulleylove, described by Edward Thomas (Black). 20 s. (Оксфордъ). Въ Оксфордѣ нѣтъ ничего, что было бы созданіемъ одного человѣка или одного года. Каждая коллегія, церковь или садъ являются созданіемъ многихъ столѣтій и многихъ поколѣній, наложившихъ свой отпечатокъ на это старое университетское поселеніе, описаніе котораго заключается въ книгѣ, знакомящей читателя со всѣми особенностями университетской жизни Оксфорда и его достопримѣчательностями.

(Academy).

La vie et les Livres» par Gaston Deschamps (Colin). 3 fr. 50 (Жизнь и книги). Въ этой серіи томовъ авторъ изслѣдуетъ вліяніе историческихъ событій и современныхъ тенденцій на литературныя произведенія. Слѣдующія заглавія главъ указываютъ на ихъ содержаніе: «Война 70-го года и литература», «Общество и современная беллетристика», «Феминисты», «Три стадіи въ карьерѣ Анатоля Франса». Въ послѣднемъ томѣ авторъ трактуетъ о слѣдующихъ предметахъ: «Циклъ Наполеона», «Циклъ войны», «Колоніальный и живописный экзотизмъ». Въ «Циклѣ войны» авторъ критически разбираетъ всѣ произведенія, имѣющія отношеніе къ войнѣ 1870 года, и старается выяснить, какъ отразилась эта война на французской литературѣ.

(Academy).

«La Morale et la science des Moeurs» par L. Lèvy-Bruhl, professeur à la Sorbonne. Paris (Alcan) (Нравственность и наука нравовъ). Въ послѣднее время было приложено не мало усилій къ созданію науки о нравственности и такъ какъ метафизическія гипотезы и религіозныя вѣрованія лишились своего престижа въ глазахъ многихъ современниковъ, то для того, чтобы придать принципамъ нравственности достаточный авторитетъ, необходимо было поставить ихъ на научную почву. Вышеназванная книга и представляетъ такую попытку, которую нельзя не назвать вполнѣ удачной, такъ какъ авторъ доказываетъ, что судьба нравственности тѣсно связана съ соціальною наукой.

(Temps).

«L'Introduction du Règime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X par I. Barthèlemy (Giard) (Введеніе парламентскаго режима во Франціи). Читатели, интересующіеся проблемами политической науки, найдутъ огромный матеріалъ въ этой книгѣ, такъ какъ авторъ тщательно изучилъ парламентскіе дебаты и мемуары. Между прочимъ, онъ указываетъ, что наканунѣ іюльской революціи уже существовали всѣ элементы для организаціи правительства кабинета, и дѣлаетъ, по этому случаю, весьма интересныя сравненія съ теперешнимъ режимомъ. Несмотря на обычную критику парламентскаго режима, авторъ приходитъ къ заключенію, что все-таки это единственно возможная форма, такъ какъ опытъ до сихъ поръ еще не указалъ никакой другой, которая устанавливаетъ сотрудничество между народомъ и правительствомъ въ дѣлѣ руководства судьбами страны.

(Journal des Débats).

«Idèes Sociales et faits sociaux». Conferences de mm. G. Blondel, Aug. Sochon, Martin Saint Leon, Ch. Combes, Dufourmantelle, Emm. Riviere, avec une introduction de M. Georges Goyan (Librairie Fontemoing) (Соціальныя идеи и соціальные факты). Это обзоръ всего того, что сдѣлано въ XIX вѣкѣ въ области соціальныхъ наукъ. Предполагается выпустить три тома, изъ которыхъ вышелъ только первый. Въ этомъ томѣ изслѣдуется общество вообще, затѣмъ соціальные элементы, соціальные факты (характеръ и классификація) и соціальная эволюція, а также характеръ, раздѣленіе и связь, существующая между соціальными науками. Въ книгѣ подвергаются тщательному критическому анализу всѣ главныя системы соціальныхъ наукъ и соціальныя доктрины.

(Journal des Débats).

«La Magie dans l'Inde Antique» par Victor Henry (Duparc). Prix: 3 fr. 50 (Магія въ древней Индіи). Авторъ изучившій литературу древней Индіи и обнаруживающій въ этомъ отношеніи громадную эрудицію, посвящаетъ читателя во всѣ подробности и тайны индійской магіи и въ заключеніе изучаетъ отношеніе магіи къ мифамъ, религіи и наукѣ.

(Polybiblion).

«L'Histoire de la charité» par Lèon Lallemand. T. II. Les neuf premieres sicècles de l'ère chrètienne Paris (A. Picard). 5 fr. (Исторія благотворительности). Авторъ, предпринявшій обширное историческое изслѣдованіе, раздѣлилъ свой трудъ на пять періодовъ. Первый, раньше вышедшій, томъ былъ посвященъ древней эпохѣ до Константина. Авторъ изслѣдовалъ благотворительность у древнихъ евреевъ, египтянъ, восточныхъ народовъ, грековъ, римлянъ, галловъ и германцевъ. Въ своемъ новомъ томѣ онъ уже изслѣдуетъ девять первыхъ вѣковъ христіанской эры и изображаетъ постепенное развитіе и ростъ христіанской церкви въ эпоху преслѣдованій, положеніе христіанъ въ языческомъ обществѣ и возникновеніе различныхъ организацій благотворительности въ христіанскомъ обществѣ.

(Polybiblion).

«Le Sentiment religieux dans l'Antiquité»— Le Christianisme avant le Christ, par A. Dufieux (Emanuel Vitte) (*Религіозное чувство въ древности*). Авторъ занимается изслѣдованіемъ религіозныхъ понятій древности, съ цѣлью извлечь изъ нихъ квинтъэссенцію религіознаго чувства, которое онъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «Врожденное и утѣшительное довѣріе къ сверхъестественной власти». Авторъ старается найти доказательства абсолютнаго единства религіознаго чувства; этому онъ посвящаетъ первую часть своего труда. Во второй части онъ изслѣдуетъ вѣрованія, а въ третьей и послѣдней—проявленія религіознаго чувства и его высшаго выраженія у грековъ и римлянъ.

(Journal des Débats).

«Les associations des producteurs: Trusts, Kartels et Syndicats» par Paul Duchaine. Paris-Bruxelles (Lebègne et C°) (*Ассоціаціи производителей*). Это популярное сочиненіе, разсчитанное на широкій кругъ читателей и знакомящее ихъ съ общими причинами образованія и распространенія синдикатовъ-производителей и съ происшедшею экономическою эволюціей. Авторъ, главнымъ образомъ, выдвигаетъ на сцену три причины, вызвавшія эту эволюцію: сосредоточеніе промышленности, чрезмѣрную конкуренцію и протекціонизмъ. Далѣе онъ подвергаетъ подробному разбору трёсты, сандикаты и картели въ Соединенныхъ Штатахъ, Германіи, Англіи, Франціи, Бельгіи и другихъ мѣстъ Европы, излагая при этомъ законодательство каждой страны, имѣющее въ виду регламентацію этихъ промышленныхъ группъ.

(Journal des Débats).

«Zukunfts-pädagogik» von W. Münch. Utopien, Ideale, Möglichkeiten (G. Reimer) (*Педагогика будущаго*). Эта книга состоитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ разсматриваетъ цѣлый рядъ всевозможныхъ странныхъ проектовъ, направленныхъ къ полному преобразованію системы преподаванія и воспитанія и съ яростью нападающихъ на педагогику настоящаго. Большинство такого рода проектовъ нѣмецкаго происхожденія, но есть и американскія и французскія. Авторъ останавливается, однако, главнымъ образомъ, на планахъ двухъ французовъ, Лакомба и Дэмолена и на педагогической проповѣди Эллёнъ Кей, шведской писательницы. Но, по мнѣнію автора, всѣ эти реформаторскіе проекты страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ: они слишкомъ просто рѣшаютъ очень сложный вопросъ. Подробно разобравъ всѣ эти педагогическія теоріи, авторъ переходитъ во второй части къ изложенію собственныхъ взглядовъ на современныя педагогическія системы и педагогику будущаго и подвергаетъ строгой критикѣ школьную систему Германіи.

(National Zeitung).

«Neues Land» von Kapitän O. Sverdrup. Vier Jahre in arktischen Gebieten. Zwei Bände. Leipzig (Brockhaus) (*Новая страна*). Это очень интересное описаніе второй норвежской полярной экспедиціи, пробывшей четыре года въ арктической области. Начальникомъ этой второй экспедиціи былъ Свердрупъ, старый товарищъ Нансена, сопровождавшій его въ его первомъ путешествіи по Гренландіи и въ его экспедиціи къ сѣверному полюсу въ 1893—96 году. (Berlin. Tag.).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

Своими дальнозоркими глазами онъ узнавалъ даже отдѣльныхъ солдатъ.

Четвертая батарея какъ разъ въ это время вывозила изъ воротъ свои шесть орудій. Въ пятой же еще никто не шевелился,—капитанъ Моръ не любилъ производить ученье вскорѣ послѣ обѣда; его батарея—шестая—отправлялась на плацъ для пѣшаго ученья. Каски сверкали на солнцѣ, и ему казалось даже, что онъ слышитъ мѣрный топотъ ногъ. Вегштетенъ и оба лейтенанта шли впереди.

Начались упражненія, по взводамъ, въ общемъ строю, церемоніальный маршъ, сначала по походному, потомъ развернутыми колонами — все удавалось какъ нельзя лучше. Истинное удовольствіе было смотрѣть сверху, какъ двигались эти правильныя прямыя линіи. Вмѣсто него, на мѣстѣ вахмистра шелъ Гепнеръ, а сержантъ Кейзеръ, какъ старшій унтеръ-офицеръ шелъ вмѣсто вахмистра впереди ѣздовыхъ.

Но этотъ новый распорядокъ ни въ чемъ не давалъ себя чувствовать; все совершалось въ полномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ опущеній.

А онъ-то, Шуманъ, воображалъ себѣ, что онъ незамѣнимъ,—воображалъ, что безъ него все дѣло станетъ!..

За ужиномъ Юлія Гепнеръ сказала мужу:

— Отто, намъ не хватаетъ тѣхъ денегъ, что ты даешь на хозяйство. Сегодня Ида не могла заплатить молочнику.

Вице-вахмистръ отвѣтилъ съ набитымъ ртомъ:

— Меня это не касается. Устраивайтесь, какъ знаете.

Наѣвшись, онъ надѣлъ мундиръ, подпоясалъ саблю и взялъ фуражку.

Жена слѣдила непріязненнымъ взглядомъ, какъ онъ расчесывалъ передъ зеркаломъ усы и застегивалъ перчатку.

Гепнеръ посмотрѣлъ на нее, насмѣшливо расхохотался и сказалъ:

— Навѣрно ты теперь думаешь: «вѣдь вотъ идетъ въ трактиръ и пропьетъ тамъ послѣднія денежки»! И какъ разъ сегодня ошиблась. Ну, да можешь себѣ думать, что хочешь, по крайней мѣрѣ, будетъ изъ-за чего злиться.

Но эти вѣчныя стычки изъ-за денегъ выводили изъ себя и Иду, вѣдь ей-то именно и приходилось объясняться со всѣми поставщиками, когда имъ нечѣмъ было платить. Поэтому она сердито замѣтила:

— Прекрасно! Ты будешь пропивать деньги, а мы должны умѣть изворачиваться.

Вице-вахмистръ подошелъ къ ней и сказалъ, смѣясь:

— Неужели и ты намѣрена такъ же ворчать, какъ твоя любезная сестрица? Тебѣ это совсѣмъ не идетъ. Но все-таки тебѣ я, пожалуй, скажу. Отъ вчерашнихъ проводовъ осталась добрая толика пива,—я велѣлъ ее припрятать для себя. Ну, чья правда?

Онъ шутя похлопалъ свояченицу по круглому плечу и прибавилъ въ заключеніе:

— Кто знаетъ, можетъ быть, завтра я принесу тебѣ цѣлую кучу денегъ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ дому.

Мимоходомъ онъ заглянулъ еще въ конюшню и строго-на-строго приказалъ дежурнымъ ни подъ какимъ видомъ не уходить со своихъ мѣстъ. Потомъ онъ вышелъ изъ воротъ.

Чувствовалъ онъ себя сегодня превосходно. Этотъ старый придира Шуманъ, несносный ворчунъ, всюду совавшій свой носъ, былъ у него точно бѣльмо на глазу. Давно пора ему было собрать свои потроха и проваливать по добру, по здорову на гражданскую службу, вмѣсто того, чтобы торчать въ батареѣ и мѣшать ему выйти въ вахмистры. Теперь тотъ, слава Богу, убрался, и онъ, Гепнеръ, могъ считать себя все равно что вахмистромъ. А тутъ, вѣдь, дѣло не въ одномъ только жалованьѣ,—это ужъ совсѣмъ иная статья,— у него теперь власть и съ нимъ придется считаться даже лейтенантамъ, а если онъ умненько поведетъ дѣло, то и самому капитану.

Сегодня для него счастливый день, онъ ощущалъ это даже въ кончикахъ пальцевъ, и этимъ обстоятельствомъ

слѣдовало воспользоваться, — вечеромъ нужно во что бы то ни стало перекинуться въ картишки.

Въ предвидѣніи этого онъ пригласилъ раздѣлить съ нимъ остатки прощальнаго ужина только такихъ людей, которые годились для этой цѣли: вахмистра пятой батареи, который стремился перепить своего начальника и въ концѣ концовъ насилу могъ карты въ рукахъ держать, и трубача Генке изъ собственной, шестой батареи — оба завзятые картежники. Остальными партнерами были: самъ хозяинъ «Бѣлаго Коня» и толстый пекарь Кюнъ, получившій поставку бѣлаго хлѣба на полкъ. По разсчетамъ Геппера, этому пекарю и Богъ велѣлъ проиграть—денегъ у него куры не клюютъ.

У воротъ Гепнеру пришло въ голову, что гораздо пріятнѣе идти до города въ компаніи, и онъ рѣшилъ зайти за трубачомъ.

Надо было перейти черезъ улицу и пройти нѣсколько шаговъ по узенькой ольховой аллейкѣ до двухъ крестьянскихъ усадебъ, хозяева которыхъ въ прежнее время занимались обработкой сосѣднихъ полей. Теперь онѣ уже давно перестали служить хозяйственнымъ цѣлямъ: въ переднемъ домѣ, называвшемся почему-то «раемъ», въ нижнемъ этажѣ помѣщалась ремонтная мастерская, а наверху жили полковые мастера. Задняя усадьба упиралась въ отвѣсную гору, такъ что едва оставался тѣсный проходъ по берегу ручейка, протекавшаго у подошвы. Она называлась «адомъ» и тамъ были отведены квартиры женатымъ унтеръофицерамъ, не помѣстившимся въ главной казармѣ.

Большая часть жильцовъ были трубачи. Но никто ихъ нихъ не заживался слишкомъ долго въ «аду». Ненасытная музыкантская глотка гнала ихъ изъ уютнаго крестьянскаго домика, подъ окнами котораго мирно журчалъ ручей. Трубачамъ, исполнявшимъ въ походѣ должность вѣстовыхъ, не позволялось толстѣть. Полковникъ издалъ постановленіе, по которому ни одинъ изъ нихъ не долженъ былъ вѣсить больше 75 килограммовъ (4½ пуда), и каждое лѣто, не опредѣляя заранѣе срока, онъ приказывалъ всѣхъ ихъ взвѣшивать. Кто при этомъ испытаніи оказывался хоть на полфунтика выше нормы, безъ милосердія исключался.

Сержанту Генке было еще пока далеко до опаснаго предѣла. Это былъ живой, подвижный человѣкъ съ свѣжимъ краснощекимъ лицомъ, красивой черной бородкой, черными кудрями, отпущенными немного не по формѣ. Солдатъ онъ былъ хоть куда и составлялъ прекрасную пару съ своей женой Елизаветой, хорошенькой, стройной блондинкой, сохранившей, благодаря своему прекрасному росту, видъ молодой дѣвушки.

Бѣлокурая молодая женщина до сихъ поръ была слѣпо влюблена въ своего мужа. Она положительно боготворила его, а онъ принималъ ея обожаніе какъ должное и обращалъ на нее, въ общемъ, весьма мало вниманія. Онъ мнилъ себя великимъ артистомъ, такъ какъ на концертахъ въ капеллѣ игралъ соло на пистонѣ и пользовался большимъ успѣхомъ, особенно среди женской половины слушателей. Онъ утверждалъ, что только женитьба помѣшала ему стать «знаменитостью». Однажды онъ получилъ пламенное любовное посланіе, подписанное «высокородной дамой, оплакивавшей кровавыми слезами разъединявшую ихъ пропасть». Конечно, это было дѣломъ какого-нибудь шутника, но тщеславный Генке создалъ въ своемъ воображеніи какую-то богатую наслѣдницу, и это окончательно вскружило ему голову. Съ этихъ поръ, онъ старался имѣть видъ свѣтскаго джентельмена и бѣгалъ по пятамъ за всѣми изящными женщинами въ городѣ; жену онъ едва удостаивалъ взгляда. Но она работала, не покладая рукъ, и старалась экономить на чемъ возможно, чтобы супругъ ея могъ удовлетворять своимъ благороднымъ вкусамъ. Она была счастлива и тѣмъ, что онъ позволялъ ей жить рядомъ съ собой. А онъ, ни мало не стѣсняясь, заставлялъ ее набирать какъ можно больше работы, чтобы накопить побольше де-

негъ. Его мечта была разбогатѣть и стать на самомъ дѣлѣ равнымъ всѣмъ этимъ важнымъ господамъ.

Для этой же цѣли должны были служить ему и карты. Кромѣ того, онъ почему-то считалъ картежную игру чрезвычайно изысканнымъ видомъ развлеченія.

Онъ уже собирался идти и только послѣдній разъ прихорашивался передъ зеркаломъ, когда подъ окномъ раздался сигналъ «рысью». Этимъ способомъ Гепнеръ, его всегдашній товарищъ по игрѣ, обыкновенно вызывалъ его. Въ одну минуту онъ уже былъ на улицѣ рядомъ съ вице-вахмистромъ. Обмѣнявшись короткимъ привѣтствіемъ, они быстрыми шагами отправились по дорогѣ въ городъ.

Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до «Бѣлаго Коня», трубачъ вдругъ остановился, хлопнулъ себя по карману и воскликнулъ:

— Проклятье! Я забылъ дома деньги.

Въ дѣйствительности у него ихъ совсѣмъ не было,—ни дома, ни въ карманѣ.

Благодушно настроенный Гепнеръ успокоилъ его:

— Пустое! Ѣсть и пить мы будемъ сегодня даромъ, а на прочіе расходы я ссужу тебѣ талеръ. Вотъ тебѣ, изволь!

И онъ, не входя въ дверь, сунулъ ему въ руку большую серебряную монету. Трубачъ обрадовался. Взятыя въ долгъ деньги приносятъ счастье.

Хозяинъ приготовилъ пиршество въ отдѣльной комнатѣ. Остатки вчерашняго ужина были аккуратно разложены, и посрединѣ красовался во льду бочоночекъ пива въ добрыхъ сорокъ литровъ.

Но изъ пяти партнеровъ только одинъ, Блехшмитъ, вахмистръ пятой батареи, воздалъ честь приготовленіямъ хозяина. Онъ исправно ѣлъ и пилъ, между тѣмъ какъ четверо другихъ, очистивъ себѣ одинъ уголъ стола, принялись, не теряя времени, за дѣло, т.-е. за игру.

— Прежде всего что-нибудь основательное!—сказалъ пекарь Кюнъ.

Поэтому начали играть въ «двуглаваго короля», причемъ каждый долженъ былъ ставить по три марки.

Игра тянулась долго, не хотѣлось бросать, пока въ кассѣ оставалось хоть что-нибудь. Наконецъ, ее опустошили, Гепнеръ торжествовалъ. Предчувствіе не обмануло его: когда онъ подсчиталъ свои деньги, оказалось, что онъ выигралъ цѣлыхъ двѣ марки. И пекарь и хозяинъ сыграли почти что ни въ чью, за всѣхъ поплатился одинъ трубачъ.

Поработавъ, не грѣхъ было немножко подкрѣпить силы, да и горло промочить. Закусывая, они оживленно обсуждали случайности карточной игры.

Гепнеръ не любилъ копаться; едва проглотивъ послѣдній кусокъ, онъ сталъ выразительно поглядывать на другой уголъ стола.

«Ну-съ, что-жъ терять золотое времячко», говорили его взгляды.

Пекарь сочувственно засмѣялся и сказалъ:

— Кто началъ, какъ мы, съ солидной игры, тотъ можетъ немножко и побаловаться.

Хозяинъ тщательно заперъ дверь на задвижку и осмотрѣлъ, плотно ли притворены ставни. Игроки сдвинулись тѣснѣе, и Блехшмитъ тоже подсѣлъ къ нимъ.

Начали играть по порядку въ «Семнадцать и четыре», въ «Тетки» и въ «Точки» — все игры самыя азартныя. Въ «Точкахъ» можно въ одну ставку проиграть до пятидесяти марокъ и даже больше.

Игроки совсѣмъ полегли на столѣ, лица у нихъ горѣли, глаза, не отрываясь, слѣдили за падающими картами. Они бросали на полъ докуренныя сигары, зажигали новыя, а когда въ горлѣ очень ужъ пересыхало, торопливо выпивали нѣсколько глотковъ пива, которое текло теперь изъ крана скучной медленной струйкой.

Они утратили всякое представленіе о времени.

Вдругъ Блехшмитъ, неисправимый пьяница, вскричалъ сердито:

— Ну, я вамъ больше не товарищъ! Пива нѣтъ!

Хозяинъ вынулъ часы.

— Скоро пять,—сказалъ онъ.

*

Никто не хотѣлъ вѣрить. Имъ казалось, что они играли никакъ не больше часа.

Но какъ бы то ни было, приходилось, доигравъ круговину, заканчивать игру.

Когда, наконецъ, послѣднія ставки были разыграны, всѣ съ облегченіемъ перевели духъ. Во время игры никто не чувствовалъ усталости, а какъ только заговорили, что пора кончать, каждый почувствовалъ, что всѣ его члены точно свинцомъ налиты.

Оставалось только подсчитать свои проигрыши и выигрыши.

Трубачъ раньше всѣхъ покончилъ съ этимъ дѣломъ. Онъ подалъ Гепнеру взятый взаймы талеръ и не могъ сдержать счастливаго смѣха. Да и было чему порадоваться. Пришелъ онъ сюда безъ единаго пфенига, а теперь у него въ карманѣ побрякивала немалая сумма въ сто слишкомъ марокъ! Больше все серебромъ, конечно, но было и нѣсколько золотыхъ монетъ.

Остальные четверо были всѣ въ проигрышѣ. Вице-вахмистръ не досчитывался цѣлыхъ тридцати марокъ, Блехшмитъ и хозяинъ отдѣлались всего нѣсколькими пфенигами. И только на пекарѣ Кюнѣ пожеланіе Гепнера исполнилось въ полной мѣрѣ: онъ оставилъ на столѣ больше семидесяти марокъ.

Вице-вахмистръ мрачно смотрѣлъ на лежавшую еще передъ нимъ маленькую кучку денегъ. Истинный онъ дуракъ! Вмѣстѣ съ талеромъ онъ передалъ Генке все свое счастье,—это ужъ какъ Богъ святъ! И вотъ теперь этотъ болванъ вмѣсто него набилъ себѣ карманы за счетъ толстаго пекаря. Вотъ тебѣ и награда за доброту.

Онъ почувствовалъ непобѣдимое желаніе затѣять ссору съ этимъ нахальнымъ трубачомъ, беззаботно качавшимся на стулѣ,—такъ бы вотъ, кажется, и съѣздилъ его по зубамъ, чтобъ отбить у него охоту зубы скалить. Но если онъ только прорвется, выдастъ свое бѣшенство, его засмѣютъ въ конецъ.

Вдругъ Генке пришла въ голову блестящая идея.

— Почтенная компанія! — сказалъ онъ:—вижу, что мнѣ безбожно повезло. Надо мнѣ откупиться чѣмъ-нибудь.

Онъ толкнулъ въ бокъ задремавшаго было хозяина и крикнулъ ему въ самое ухо:

— Эй, Антонъ, тащи двѣ бутылки шампанскаго! Я угощаю!

Гепнеръ и пекарь начали было возражать, увѣряя, что пора домой. Оба были въ прескверномъ расположеніи духа, устали и сознавали, что стаканчикъ-другой этой «сладкой жижицы», какъ окрестилъ Кюнъ шампанское, не вернетъ имъ ихъ денежекъ.

Но вѣчно жаждущій Блехшмитъ заявилъ рѣшительно:

— Шампанское? Великолѣпно!

Хозяинъ тоже сразу повеселѣлъ. Когда такъ, вечеръ и для него кончится изряднымъ выигрышемъ.

Когда Гепнеръ и Кюнъ увидѣли, что остались въ меньшинствѣ, они, конечно, тоже присоединились къ компаніи. Хоть это имъ и не очень улыбалось, а все-таки отчего же не выпить на чужой счетъ.

— Какой же ты хочешь марки, Генке?—спрашивалъ хозяинъ. — Принести тебѣ карту винъ? У меня есть всякое: и французское, и нѣмецкое.

— Подавай самое дорогое!—провозгласилъ трубачъ.

— Да, вѣдь, оно одиннадцать марокъ бутылка, Генке!

— Ну, такъ что-жъ? Если господа офицеры пьютъ, то и я могу! Живо, тащи!

Хозяинъ ощупью спустился въ погребъ и вытащилъ изъ потаеннаго уголка двѣ бутылки изъ подъ «Помери» — настоящая солидная марка,—не такъ давно два лошадиныхъ барышника спрыснули имъ выгодное дѣльце.

Прохладный воздухъ погреба окончательно отрезвилъ его. Онъ лукаво подмигнулъ обѣимъ бутылкамъ, осторожно снялъ съ нихъ этикетки и наклеилъ ихъ на двѣ какія-то бутылки съ серебряными горлышками, влачившія до того дня безымянное существованіе.

Ледъ теперь трудно было достать. Поэтому онъ сталъ раскупоривать бутылки, какъ только принесъ ихъ изъ

погреба. Пробка прыгнула до потолка, и вино фонтаномъ брызнуло изъ горлышка.

Оба вахмистра скомандовали «пали», а трубачъ протрубилъ на губахъ какую-то фанфару. Потомъ всѣ опустили носы въ стаканы и съ удовольствіемъ ощущали, какъ ихъ щекочетъ поднимающійся оттуда газъ. Наконецъ они стали пробовать тепловатый напитокъ и не могли достаточно нахвалиться имъ.

Трубачъ, старавшійся всегда блеснуть подслушанными у офицеровъ выраженіями, объявилъ, что онъ знатокъ шампанскаго. Онъ усиленно разнюхивалъ его, держалъ его на языкѣ, причемъ лицо его принимало восторженое выраженіе, и, наконецъ, воскликнулъ съ одушевленіемъ:

— Господа! По этому букету я узнаю французскую марку. Нѣмецкому шампанскому до него далеко? Это совсѣмъ другая музыка!

Остальные вполнѣ соглашались съ нимъ.

Только Кюнъ замѣтилъ съ неудовольствіемъ:

— Горькимъ миндалемъ отзываетъ это пойло!

Тутъ ужъ вступился и хозяинъ.

— Развѣ ты не знаешь, пекарь,— замѣтилъ онъ сердито,—что именно этотъ вкусъ и служитъ признакомъ французскаго шампанскаго?

И онъ съ нѣжностью поглядывалъ на пробки, которыя предусмотрительно оставилъ въ углу.

Войдя утромъ въ батарейную канцелярію, капитанъ Вегштетенъ спросилъ сейчасъ же вице-вахмистра:

— Что съ вами? У васъ ужасный видъ.

— Простите, господинъ капитанъ,— отвѣтилъ Гепнеръ, — моя жена очень дурно провела нынѣшнюю ночь.

— Вотъ какъ? — протянулъ капитанъ.—Очень жаль, коли такъ.

Про себя же онъ подумалъ: «Если это и правда, то ты, вѣрно, залилъ горе изряднымъ количествомъ пива; несетъ отъ него на двѣ сажени».

Тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ освободить его отъ верховой ѣзды, но Гепнеръ не согласился, онъ пожелалъ во чтобы то ни стало принять участіе въ ученьи. Часокъ верховой ѣзды—лучшее средство отъ этого рода болѣзни. Да и вообще неужели же одна безсонная ночь можетъ сломить такого молодца, какъ онъ.

Капитанъ порадовался такому усердію, особенно, когда увидѣлъ, какъ великолѣпно ѣздилъ вице-вахмистръ въ этотъ день на своей лошади, а лошадь его была безспорно самая непокорная во всей батареѣ. Послѣ ученья онъ сказалъ ему:

— Сегодня послѣ обѣда, Гепнеръ, я, вѣроятно, сообщу вамъ пріятную вещь.

Въ это самое время ему вспомнилось, что онъ намѣревался представить полковнику нѣкоторыя возраженія противъ назначенія Гепнера, а теперь это ужъ неудобно,—онъ самъ себя связалъ этимъ обѣщаніемъ.

Тѣмъ не менѣе, при разговорѣ съ Фалькенгеймомъ, онъ упомянулъ ему о своихъ сомнѣніяхъ, но на того они не произвели особаго впечатлѣнія. Полковникъ даже самъ облегчилъ ему отступленіе.

— Чего вы собственно хотите, милѣйшей мой Вегштетенъ?—сказалъ онъ.— Припомните-ка всѣхъ вашихъ унтерофицеровъ. За котораго вы можете поручиться, что онъ не играетъ? Совершенно естественно, что люди въ этомъ промежуточномъ званіи подражаютъ всему, что они видятъ у офицеровъ, а дурному и глупому, конечно, всего охотнѣе. Они разыгрываютъ изъ себя важныхъ господъ, пьютъ, кутятъ съ женщинами, играютъ, и это всѣ, одни больше, другіе меньше.

Вегштетенъ почтительно возразилъ:

— Простите, полковникъ, не всѣ всетаки. Мой старый вахмистръ...

Но тутъ Фалькенгеймъ живо перебилъ его:

— Вы говорите о Шуманѣ? Ну, да, тутъ вы, конечно, правы. Онъ былъ послѣднимъ изъ цѣлаго поколѣнія, представитель старыхъ традицій: основательный, скромный, спокойный и притомъ добросовѣстный и вѣрный до послѣдней

капли крови. Но этотъ рѣдкій типъ унтерофицеровъ вымираетъ. Что прежде было правиломъ, то теперь становится исключеніемъ. Въ пѣхотѣ ихъ уже давно нѣтъ, только въ кавалеріи да у насъ сохраняется еще нѣсколько образцовъ.

Полковникъ помолчалъ минуту, потомъ продолжалъ снова:

— Ради Бога, Вегштетенъ, не дѣлайте вы такой похоронной физіономіи. Дѣло не такъ ужъ плохо. Есть, конечно, и теперь порядочные унтерофицеры, но почти у всѣхъ у нихъ,—замѣтьте, мой милый Вегштетенъ, я говорю: «почти», —тѣ или другія непріятныя свойства, которыхъ прежде не было. Другія времена, другіе люди! Оглядитесь кругомъ въ мірѣ, вездѣ то же самое, мы еще сравнительно въ лучшихъ условіяхъ. Но, если я спрошу васъ, скажите мнѣ по совѣсти, капитанъ Вегштетенъ, сталъ ли унтерофицерскій корпусъ лучше или хуже, съ тѣхъ поръ хотя бы, какъ вы служите въ офицерахъ,—что вы скажете?

— Къ сожалѣнію—хуже, господинъ полковникъ,—отвѣтилъ капитанъ.

— Да, къ сожалѣнію. Я и самъ такъ же думаю.

Изъ кучи бумагъ, ожидавшихъ подписи, полковникъ выбралъ двѣ и положилъ ихъ передъ собой.

— Ну, милѣйшій Вегштетенъ,—сказалъ онъ,—вотъ приказъ о назначеніи. Я не могу дольше ломать голову надъ подобными мелочами. Это не мое дѣло. Я обращаюсь съ этимъ къ вамъ: хотите вы попробовать, что выйдетъ изъ Гепнера?

— Слушаю, господинъ полковникъ.

— И прекрасно, я самъ такъ же думаю.

Фалькенгеймъ подписалъ бумагу и передалъ ее капитану.

— Ну вотъ! Теперь онъ вахмистръ!— сказалъ онъ.—Я думаю, что у васъ съ нимъ дѣло пойдетъ на ладъ. Способовъ для надзора за нимъ у васъ достаточно. Досаднѣе всего, что для фронтовой службы онъ у васъ въ значительной степени будетъ потерянъ. А это его истинное назначеніе. Но все-таки нельзя посадить ему на голову болѣе молодого.

Онъ взялъ вторую бумагу и подалъ Вегштетену:

— Вотъ и другое назначеніе. Я приготовилъ оба согласно вашему представленію. Сержантъ Геймертъ назначается вице-вахмистромъ и освобождается отъ своихъ обязанностей. Сегодня онъ передастъ слѣдующему за нимъ весь матерьялъ и завтра представится вамъ.

— Благодарю васъ, господинъ полковникъ,—отвѣчалъ капитанъ.—Могу ли я оставить у себя оба назначенія?

— Какъ хотите, милѣйшій Вегштетенъ. Ординарецъ можетъ отнести ихъ вамъ.

Но Вегштетенъ засунулъ обѣ бумаги за обшлагъ и откланялся. Полковникъ любезно проводилъ его до дверей и еще разъ пожалъ ему руку.

Спускаясь съ лѣстницы, капитанъ подумалъ: «Каждый человѣкъ долженъ имѣть хоть одинъ недостатокъ. Онъ, какъ и всѣ, былъ того мнѣнія, что Фалькенгеймъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ арміи и что ему несомнѣнно предстоитъ въ будущемъ стать дивизіоннымъ, если даже не корпуснымъ командиромъ. А для артиллериста это очень много. Но почему всякій, имѣвшій счастье служить въ великой арміи при незабвенномъ Мольтке, считалъ своимъ долгомъ смотрѣть на все послѣдующее сверху внизъ—это онъ не вполнѣ понималъ. Конечно, имя Мольтке стоило цѣлой арміи, а то и двухъ, но развѣ нельзя допустить, что теперешній главнокомандующій проявитъ такіе же таланты, если представится къ тому случай? Его имя онъ не могъ сразу припомнить. Ну, да, конечно, графъ Шлифенъ. Такъ вотъ, почему имя Шлифенъ не могло стать такимъ же славнымъ, какъ Мольтке?

Въ сущности онъ и самъ не слишкомъ-то этому вѣрилъ, — почему, онъ не могъ отдать отчета,—такъ какъ-то не вѣрилось, да и все.

Было что-то смутное, переходное въ теперешнемъ времени, мѣшавшее всякому яркому проявленію. А между тѣмъ онъ инстинктивно возмущался противъ тѣхъ, кто постоянно превозносилъ доброе старое время. Смѣшное противорѣчіе, право!

Вегштетенъ яростно взмахнулъ сво-

имъ хлыстомъ и пробормоталъ какое-то проклятіе.

И все это ни къ чему? Чортъ возьми! Нельзя же плыть противъ теченія! Никто не рубитъ сукъ, на которомъ сидитъ!

Вечеромъ Гепнеръ самъ прочелъ въ приказѣ по батареѣ о своемъ назначеніи вахмистромъ и о назначеніи сержанта Геймерта вице-вахмистромъ.

Солдаты удивленно переглянулись. Геймертъ? Это кто такой? Никто его и не видывалъ.

Ага! Дальше было сказано: «Вице-вахмистръ Геймертъ сдастъ немедленно надзоръ за артиллерійскими матеріалами и вернется къ батареѣ».

Такъ это тотъ, съ громаднымъ носомъ, что вертится постоянно въ сараяхъ и въ складахъ!

Послѣ прочтенія приказа Гепнеръ вернулся въ канцелярію и сѣлъ за свой столъ, на немъ лежала еще цѣлая груда неоконченной работы.

Теперь только сказывалась безсонная ночь. Вахмистръ зѣвнулъ и неохотно принялся за работу.

Должность вахмистра имѣла тоже много обратныхъ сторонъ! Во-первыхъ, это вѣчное торчанье въ комнатѣ! Онъ, положительно, неохотно разставался со своей службой. Выѣзжать лошадей, учить верховой ѣздѣ или вести взводъ во время ученья, — это было по душѣ ему. Ну, а ужъ это вѣчное бумагомаранье совсѣмъ ему не по вкусу.

Если бы еще у него, по крайней мѣрѣ, былъ работящій писецъ, какъ у Блехшмита въ 5-й батареѣ; тотъ не слишкомъ-то изводилъ себя надъ работой! Но Кепхенъ извѣстный лѣнтяй, и хуже всего то, что онъ самъ въ большой зависимости отъ него,—по многимъ вопросамъ ему, вахмистру, приходилось обращаться къ тому за совѣтомъ, такъ какъ самъ-то онъ почти ни въ чемъ еще не могъ толкомъ разобраться.

А этотъ шельмецъ пользовался этимъ и сочинилъ одну ловкую штуку. По поводу большинства дѣлъ, особенно, если они касались какихъ-нибудь личныхъ вопросовъ, онъ заявлялъ:

— Господинъ капитанъ считаютъ этого рода дѣла до нѣкоторой степени секретными и находятъ, что никто, кромѣ вахмистра, не долженъ совать въ нихъ носа.

И Гепнеру приходилось волей-неволей вѣрить на слово своему ловкому руководителю.

Было уже довольно поздно, когда онъ заперъ свою конторку и отправился домой.

Свояченица встрѣтила его извѣстіемъ, которое тоже не могло улучшить его настроеніе.

— Былъ портной, — сказала она, — получить по счету за твой новый мундиръ. Вѣдь ужъ цѣлый мѣсяцъ ты ему не платишь. Онъ завтра опять придетъ.

— Ну, долго ему придется ждать,— проворчалъ Гепнеръ. Денегъ у него больше не было. Вчера онъ проигралъ большую часть, а сегодня еще какъ разъ предстояло выдать женѣ на хозяйство.

Сердито насупившись, усѣлся онъ за ужинъ.

— Тебя назначили вахмистромъ? — спросила вдругъ жена. Она приподнялась и нетерпѣливо ждала отвѣта, не сводя съ него глазъ.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Этой еще чего нужно? Ишь запѣла! Неужели она думаетъ ломать передъ нимъ комедіи?

Но и свояченица тоже съ ожиданіемъ смотрѣла на него. Онъ буркнулъ въ ея сторону:

— Да, — потомъ грубо обратился къ женѣ:—тебѣ-то что за дѣло?

Она откинулась на подушку и тихо проговорила:

— Я рада этому.

— Вотъ какъ!—насмѣшливо воскликнулъ онъ. Онъ кинулъ на нее подозрительный взглядъ и пробормоталъ сквозь зубы:

— Заткни глотку.

Потомъ онъ съ сердцемъ отодвинулъ отъ себя тарелку, осушилъ одну за другой двѣ бутылки пива и ушелъ къ себѣ спать.

Сестры остались вдвоемъ, больная неподвижно лежала на диванѣ, младшая

молча шила около лампы. Изъ-за перегородки доносился храпъ Гепнера.

Лицо лежащей было въ тѣни, но глаза неотступно слѣдили за сестрой съ выраженіемъ острой, непримиримой ненависти.

Въ дверь постучали. Батарейный портной принесъ мундиръ вахмистра, на которомъ онъ сдѣлалъ двойныя нашивки на рукавѣ. Ида молча взяла его и повѣсила на вѣшалку.

Больная равнодушно смотрѣла на это. Нѣсколько минутъ назадъ она испытала легкое движеніе радости, узнавъ о повышеніи мужа, но онъ сейчасъ же постарался убить въ ней это чувство. Теперь ей не было никакого дѣла до всего этого.

Вдругъ черты ее исказились, и руки судорожно сжались.

Ей показалось, что сестра съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ сдержанной ласки провела рукой по мундиру!

Такъ вотъ какъ далеко зашелъ ея позоръ!..

Юлія Гепнеръ думала уже, что ей придется умереть совершенно одинокой, вѣроломно покинутой всѣми, но неожиданно у нея явился другъ и утѣшитель — вновь назначенный вице-вахмистръ Геймертъ.

Геймертъ поселился въ бывшей квартирѣ Шумана. Онъ былъ, положимъ, холостой, но черезъ нѣсколько недѣль предстояла его свадьба, и капитанъ разрѣшилъ ему занять квартиру для женатыхъ. Вице-вахмистръ сейчасъ же занялся устройствомъ своего помѣщенія и съ трогательной заботливостью занимался украшеніемъ пустыхъ стѣнъ и оконъ. У него были маленькія сбереженія, и онъ рѣшилъ цѣликомъ употребить ихъ для этой цѣли. Чуть не каждый день онъ пріобрѣталъ что-нибудь новенькое, что, по его мнѣнію, могло придать больше уютности его квартиркѣ, по нѣскольку разъ принимался переставлять мебель и все по новому укладывалъ складки на гардинахъ.

Онъ былъ раньше кустаремъ и смекалъ кое-что почти во всѣхъ ручныхъ ремеслахъ. По воскресеньямъ онъ иногда съ утра до вечера возился съ пилами да подпилками, молотками и клеемъ. Послѣ обѣда, когда въ казармѣ все затихало, изъ его квартиры отчетливо доносились удары молотка и визгъ пилы.

По праздникамъ ему въ сущности неудобно было видѣться съ невѣстой. Въ остальные дни онъ посвящалъ ей каждую свободную минуту, но Альбина Ворцуба, служила буфетчицей въ небольшомъ городскомъ ресторанчикѣ, и въ праздничные дни у нея не было для него ни одной свободной минутки. Да и ему не доставляло особеннаго удовольствія видѣть, какъ тотъ или другой изъ гостей подходилъ къ буфету и, заплативъ за пару пива, считалъ себя въ правѣ отпустить какую-нибудь шуточку Альбинѣ или даже похлопать ее по спинѣ. У него не разъ уже выходили изъ-за этого серьезныя стычки, и въ концѣ концовъ хозяинъ почти что запретилъ ему приходить въ свою пивную. Альбина тоже совѣтовала ему бывать порѣже. Пока она служитъ буфетчицей, разсуждала она, она должна быть любезной и смѣшно ей обижаться на всякую шутку гостей. Если же ему непріятно видѣть это, то лучше всего для него держаться подальше. И кидая на него многообѣщающій взглядъ, она прибавляла,—сдѣлавшись его женой, она будетъ принадлежать ему безраздѣльно.

Геймертъ неохотно соглашался на ея доводы.

Теперь онъ просиживалъ воскресенья за станкомъ, терзая себя ревнивыми подозрѣніями, неопредѣленными и потому еще болѣе мучительными. Видѣть заигрыванія съ Альбиной полупьяныхъ посѣтителей было, пожалуй, даже легче, чѣмъ сидѣть здѣсь, воображая себѣ Богъ знаетъ что. Когда онъ смотрѣлъ въ зеркало, ему казалось вообще невѣроятнымъ, чтобы Альбина любила его. Онъ съ радостью отдалъ бы все свое имущество, чтобы хоть на одинъ день получить въ свое обладаніе шапку невидимку. Онъ бы узналъ тогда, какъ ведетъ себя Альбина, когда его нѣтъ. Встрѣчаетъ ли она своихъ ухаживателей съ такимъ же неприступ-

нымъ видомъ, какъ при немъ, или посылаетъ другимъ такія же нѣжныя улыбки, какъ ему.

Въ одно изъ такихъ воскресеній Геймертъ услышалъ во время работы какой-то стонъ. Онъ вышелъ за дверь и прислушался. Жалобные звуки доносились изъ квартиры Гепнера. Онъ отворилъ туда дверь и вошелъ.

Больная была въ полномъ одиночествѣ. Сестра, должно быть, ушла гулять, а вахмистръ навѣрно сидѣлъ гдѣнибудь въ трактирѣ. Это случалось довольно часто, но на этотъ разъ у нея сдѣлался страшный припадокъ удушья, и она вообразила, что умираетъ.

Умереть—совершенно одной! Не почувствовать въ послѣднюю минуту ободряющаго пожатія человѣческой руки, погрузиться въ мракъ, не озаренный въ послѣдній разъ лучомъ участливаго человѣческаго взгляда.

Задыхаясь, она съ отчаяніемъ призывала имя своего мужа:

— Отто, Отто, Отто!

Геймертъ, перепуганный, подбѣжалъ къ ней. Она схватила его за руку и судорожно сжимала ее все время, пока онъ старался успокоить ее и вытиралъ ей со лба крупныя капли пота платкомъ.

Всѣ его движенія были какъ-то удивительно женственно-мягки, что совершенно не гармонировало съ его тяжелой приземистой фигурой. Благодаря его заботамъ больная скоро успокоилась. Она закрыла глаза и на губахъ ея заиграла даже легкая улыбка. Ей чудилось, что около нея сидитъ мать и нѣжно поглаживаетъ ея руку.

Геймертъ далъ ей время совершенно успокоиться и потомъ тихо спросилъ:

— Хотите, фрау Гепнеръ, я разыщу вашихъ?

Но она отрицательно закачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ!—и потомъ прошептала, съ трудомъ переводя дыханіе: если бы вы могли еще немного побыть со мной, господинъ Геймертъ.

Вице-вахмистръ кивнулъ головой и остался молча сидѣть на мѣстѣ.

Прошло еще довольно много времени, прежде чѣмъ фрау Гепнеръ собралась съ силами разсказать ему, что съ ней случилось. Только тутъ она ближе вглядѣлась въ него и почти испугалась его безобразія. Грубое лицо съ большими торчащими ушами, съ громаднымъ вѣчно краснымъ носомъ возбуждало не то смѣхъ, не то отвращеніе. Что изъ того, если съ этого лица смотрѣли прекрасные, добрые дѣтскіе глаза? Кому придетъ въ голову искать ихъ среди такого безобразія?

Больная вспомнила, что кто-то говорилъ при ней, будто вице-вахмистръ женится. Удрученная своимъ горемъ, она подумала, что этотъ бракъ можетъ быть счастливымъ только въ томъ случаѣ, если онъ выбралъ себѣ жену такую же безобразную, какъ онъ самъ. Тогда въ общемъ несчастіи они будутъ черпать утѣшеніе и находить новый источникъ любви.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она освѣдомилась у него о его невѣстѣ, и влюбленный женихъ сталъ превозносить передъ ней красоту и прелести Альбины.

Больная стала раздумывать, предостеречь ли ей его или нѣтъ? Въ концѣ концовъ она оставила это намѣреніе. Пусть себѣ онъ осуществитъ свое намѣреніе! Быть можетъ, ему выпадетъ на долю хоть маленькая крупица счастья, хоть нѣсколько короткихъ мгновеній. Иначе онъ совсѣмъ не узнаетъ его. Вѣдь и она сама была же счастлива когда-то, хотя теперь ея несчастіе и превосходило всякую мѣру. Между ея настоящимъ и тѣмъ далекимъ временемъ нагромоздилась такая громада горя, что она едва могла припомнить о немъ. Но все-таки она твердо знала, что когда-то она была счастлива, она была благодарна и за эту милость и будетъ благодарна до послѣдняго вздоха.

Геймертъ казался ей товарищемъ по несчастью, только она готовилась уже сложить свое бремя, а онъ только еще собирался взвалить его на плечи.

Они разговаривали между собой, точно были знакомы уже долгіе годы; почти обо всемъ они были одинаковаго мнѣнія. На прощанье больная попросила

вице-вахмистра почаще заходить къ ней, когда она одна; она будетъ подавать ему знакъ, а онъ можетъ спокойно приносить съ собой свою работу,—стукъ молота нисколько не мѣшаетъ ей.

И дѣйствительно Геймертъ являлся всякій разъ, когда Юлія Гепнеръ звала его; такимъ образомъ ему легче было бороться со своими ревнивыми подозрѣніями, а сама вахмистрша казалась ему очень хорошей женщиной, только по несчастью вышедшей замужъ за неподходящаго человѣка. Другой навѣрно отлично ужился бы съ нею. Но обращенье съ ней Гепнера, всѣ тѣ грубости и униженія, которымъ тотъ подвергалъ ее, глубоко возмущали вице-вахмистра.

Въ его ограниченной головѣ едва вмѣщались необходимыя мысли о службѣ, объ Альбинѣ и обо всемъ, связанномъ съ ней,—ни для чего другого тамъ уже е было мѣста. Но теперь, при видѣ возмутительнаго поведенія вахмистра, гдѣ-то на самой глубинѣ начинали шевелиться у него какія-то забытыя школьныя, дѣтскія воспоминанія: что же это, вѣдь есть же Богъ на небѣ, какъ же онъ не поразитъ своей молніей этого негодяя?

Состраданіе къ несчастной женщинѣ незамѣтно перешло у Геймерта въ сильнѣйшее отвращеніе къ вахмистру, а изъ отвращенія развилась мало-по-малу самая настоящая ненависть.

Вахмистръ любилъ посмѣяться надъ Геймертомъ. Онъ называлъ его «король носъ» и изводилъ жену разговорами о ея «возлюбленномъ».

— Вы двое — самая подходящая пара!—смѣялся онъ. — По красотѣ вы другъ другу не уступите!

Разъ, проходя мимо сосѣдней квартиры, вахмистръ заглянулъ въ открытую дверь и увидѣлъ, что Геймертъ любуется портретомъ своей невѣсты. Застигнутый врасплохъ, тотъ хотѣлъ было спрятать карточку, но Гепнеръ сталъ упрашивать его показать ему.

Онъ воображалъ, что увидитъ такую же безобразную женщину, какъ его жена, или еще хуже,—какая же другая могла влюбиться въ Геймерта!—и когда онъ взялъ карточку, у него невольно вырвалось восклицаніе:

— Чортъ возьми! Какая раскрасавица!

Съ этой минуты онъ сталъ постоянно приставать къ Геймерту, упрашивая взять его какъ-нибудь съ собой къ невѣстѣ.

— Зачѣмъ тебѣ? — спрашивалъ съ неудовольствіемъ вице-вахмистръ. — Не хочешь ли ты отбить ее у меня?

Гепнеръ расхохотался.

— Какъ же! Чорта съ два! У меня у самого пара бабъ въ домѣ. За глаза съ меня. Я думаю, бѣды нѣтъ — познакомиться съ невѣстой товарища?

И онъ нарочно прибавилъ:

— Или ты такъ въ ней не увѣренъ?

— Ну нѣтъ!—проворчалъ Геймертъ.— Это ты врешь!

— А коли такъ, за чѣмъ же дѣло?— подхватилъ тотъ.—Какъ ни какъ, не станешь же ты ее прятать и подъ замкомъ держать, когда она будетъ твоей женой. Что же за бѣда, если я теперь же повидаю ее.

Припертый къ стѣнѣ, вице-вахмистръ принужденъ былъ сдаться. Отчасти ему даже льстило сознаніе, какую онъ выискалъ красавицу. Завистливый огонекъ въ глазахъ вахмистра навѣрно доставитъ ему нѣкоторое удовольствіе. Наконецъ, онъ согласился въ будущій понедѣльникъ захватить его съ собой къ Грундману. Грундманъ былъ хозяинъ того трактира, гдѣ служила буфетчицей Альбина; по понедѣльникамъ торговля тамъ шла всего слабѣе, и можно было надѣяться перемолвиться нѣсколькими словами съ Альбиной.

Гепнеръ съ своей стороны съ умысломъ хотѣлъ непремѣнно присосѣдиться къ вице-вахмистру. Онъ могъ бы, конечно, и одинъ отправиться въ трактиръ, но онъ предчувствовалъ, что дѣвушка будетъ тогда держаться съ нимъ очень настороже, хотя бы изъ опасенія сплетенъ. Если же онъ придетъ съ женихомъ и отрекомендуется его другомъ, то онъ будетъ представленъ ей съ самой выгодной стороны. Кромѣ того, онъ прекрасно сознавалъ, что для него очень выгодно сосѣдство Геймерта.

Въ понедѣльникъ вечеромъ онъ въ условленный часъ встрѣтился съ Геймертомъ въ сѣняхъ.

Вице-вахмистръ постарался принарядиться. Онъ надѣлъ новую парадную форму, предназначавшуюся собственно къ свадьбѣ, а свои огромныя руки затянулъ въ бѣлыя лайковыя перчатки. Воротникъ былъ въ сущности слишкомъ высокъ и такъ стѣснялъ шею, что онъ съ трудомъ могъ поворачивать голову. Гепнеръ остался въ своемъ обычномъ мундирѣ. Онъ былъ въ очень хорошемъ настроенiи и все время болталъ, Геймертъ же шелъ съ нимъ рядомъ мрачно и молчаливо.

По дорогѣ женихъ купилъ букетикъ фiалокъ для невѣсты. Вахмистръ насмѣшливо поглядывалъ, какъ тотъ совалъ въ цвѣты свой громадный носъ.

У «Грундмана» все сложилось какъ нельзя удачнѣе. Они оказались единственными гостями, и хозяинъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Альбина посидѣла съ ними за столомъ.

Гепнеръ сѣлъ такъ, чтобы ему удобно было сбоку разсматривать дѣвушку. Она ему понравилась. Какъ разъ въ его вкусѣ—высокая грудь, великолѣпныя бедра и круглыя руки. И лицомъ она была настоящая красавица—живые, блестящiе глаза и полныя немного выпяченныя впередъ губы,—такъ бы, кажется и припечаталъ ихъ сейчасъ сочнымъ поцѣлуемъ. Волосы у нея были черные и густые, точно хорошiй лошадиный хвостъ, а причесывала она ихъ какъ то по новомодному, такъ что выглядѣла совсѣмъ барыней, да и надушена она была точь въ точь какъ самыя важныя дамы.

— Какъ называются духи, которыми отъ васъ пахнетъ?—спросилъ вахмистръ во время разговора.

— Мускусъ, — отвѣтила Альбина.

Вахмистръ кивнулъ головой.

— Вотъ-вотъ. Мускусъ. Мнѣ ужасно нравится этотъ запахъ; первый сортъ— духи, тонкiе духи.

Красавица мелькомъ взглянула на него и промолвила:

— Не правда ли?

Въ общемъ Гепнеръ находилъ, что она обращаетъ на него слишкомъ мало вниманiя, и сердился. Она почти исключительно говорила со своимъ женихомъ, который разсказывалъ ей разныя подробности объ убранствѣ ихъ квартиры. Его она лишь изрѣдка удостаивала взглядомъ.

А между тѣмъ языкъ у нея былъ, видимо, хорошо привѣшенъ. Когда онъ спросилъ ее, чтобъ только сказать что нибудь, откуда она родомъ, она охотно разсказала ему всю свою исторiю.

Она была родомъ изъ Праги. Отецъ ея былъ сапожникъ, или лучше сказать, не сапожникъ, а сапожный фабрикантъ и не просто сапожный фабрикантъ, а придворный королевскiй сапожный фабрикантъ, работавшiй не на перваго встрѣчнаго, а только на эрцгерцоговъ и на высшую венгерскую знать. Она, Альбина, записывала въ книгу, когда отецъ снималъ мѣрку, и какъ разъ въ это время случилось такъ, что въ нее влюбился нѣкiй графъ—Колоредо. Онъ хотѣлъ похитить ее и жениться, но она не согласилась, потому что знатная родня ея возлюбленнаго хотѣла отказаться отъ него, если онъ женится на дочкѣ сапожника.

Ей было очень ужъ жаль, что ему придется тогда снять свою прекрасную драгунскую форму.

Тутъ въ разсказѣ Альбины оказался маленькiй пробѣлъ, но она съумѣла живо заполнить его. Дѣло въ томъ, что она бѣжала изъ родительскаго дома,—почему—она сперва умолчала,—и послѣ долгихъ скитанiй нашла наконецъ прибѣжище, гдѣ она была вполнѣ защищена отъ преслѣдованiй отца. Дальше выяснилось, что отецъ имѣлъ намѣренiе выдать ее за трубочистнаго мастера, а она его терпѣть не могла, хотя онъ былъ страшный богачъ—миллiонеръ.

Въ дѣйствительности она была дочерью бѣднаго, какъ Iовъ, сапожника и послѣ весьма бурно проведенной молодости причалила свою сильно потрепанную житейскую ладью къ грундмановской пивной въ маленькомъ гарнизонномъ городкѣ.

Геймертъ нетерпѣливо ждалъ окон-

чанія этого романа, который онъ уже должно быть, не одинъ разъ выслушивалъ. Но когда Альбина начинала разсказывать свою исторію, она напоминала музыкальный ящикъ, который долженъ во что ни стало проиграть свой репертуаръ, пока не кончится весь заводъ.

На вопросы жениха она попросту не отвѣчала, а когда онъ перебилъ ее, сказавъ, что графъ Коллоредо служилъ въ «палатинскихъ» гусарахъ, а не въ драгунахъ,—она грубо оборвала его и попросила въ другой разъ вести себя повѣжливѣе, когда она что нибудь разсказываетъ. При этомъ она смѣрила его съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ.

Но какъ только она кончила свою исторію и вернулась къ сознанію дѣйствительности, она снова повернулась къ Геймерту и подарила его нѣжнымъ взглядомъ.

— Не правда ли, у тебя я отдохну отъ всего горя, какое мнѣ пришлось перенести?—прошептала она.

Появилось нѣсколько новыхъ посѣтителей, и ее призвали къ исполненію обязанностей. Оба унтеръ-офицера остались вдвоемъ за столикомъ. Геймерту казалось, что вахмистръ поглядываетъ на него насмѣшливо и недовѣрчиво. Ему стало неловко, и онъ сталъ разрисовывать столъ разводами пролившагося пива.

— Да, да,—вымолвилъ онъ, наконецъ,—удивительный народъ эти женщины! Конечно, она все это выдумываетъ, про свое происхожденіе и все прочее.

— Да,—отвѣтилъ вахмистръ,—женщины это любятъ.

— Но не все, что она говорила, сплошь враки, — продолжалъ онъ.— Отецъ ея правда сапожникъ,—т.-е. былъ, такъ какъ теперь онъ умеръ,—хоть и не придворный. И состояніе у него, должно быть, было, такъ какъ она получила только законную долю, и съ нея ей идетъ пятьдесятъ кронъ процентовъ въ мѣсяцъ. Этото ужъ я знаю вѣрно.

— Чертъ возьми! Да вѣдь это больше сорока марокъ!

— Да.

— Такъ ты просто счастливчикъ! Она, значитъ, прямо-таки богатая невѣста!

— Ну, какое же это богатство! Но, конечно, все-таки дѣло хорошее. Только я совсѣмъ не изъ-за этого женюсь на ней. Я и самъ-то недавно только узналъ про это, когда уже давно рѣшился.

Гепнеръ чуть не лопнулъ съ досады, слушая его: этакій уродъ, этакое страшилище и выудилъ — Богъ вѣсть какимъ способомъ — такую красавицу, да еще и богатую притомъ. Про проценты-то это ужъ навѣрняка была правда; Геймертъ никогда не лгалъ — стоило только взглянуть на него.

И дѣйствительно соблазнительная буфетчица получала каждый мѣсяцъ пятьдесятъ кронъ. Но только и тутъ была маленькая загвоздка. Деньги эти не были процентами съ унаслѣдованнаго отъ отца капитала, а пожизненной рентой, положенной на ея имя ея первымъ любовникомъ. То былъ толстый, добродушный салотопенный заводчикъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ разставшійся съ юной Альбиной Ворцуба, когда жена накрыла его на этомъ маленькомъ уклоненіи отъ супружескаго долга. Въ утѣшеніе Альбинѣ онъ подарилъ ей на прощанье небольшую ренту.

Альбина не находила нужнымъ посвящать своего жениха въ эти подробности. Къ чему? Она думала: вѣра даетъ счастье. А главное ей самой прискучила эта жизнь,—то буфетчица, то кельнерша, а то и еще что-нибудь похуже,— а она хотѣла найти успокоеніе въ солидномъ бракѣ. Имѣть ее любовницей не отказался бы, пожалуй, никто изъ мужчинъ, но жениться на ней могъ только такой простодушный и по уши влюбленный человѣкъ, какъ Геймертъ. Поэтому она обѣими руками схватилась за этотъ планъ и вовсе не хотѣла осложнять его излишней щепетильностью. Прага была далеко, со времени той исторіи прошло много лѣтъ, а по деньгамъ, вѣдь, не угадаешь, откуда онѣ...

Дѣла у буфетчицы все прибывало, и врядъ ли она могла скоро освободиться.

Унтеръ-офицеры рѣшили наконецъ встать, они расплатились и подошли къ буфету проститься съ ней.

Только въ эту минуту Альбина, казалось, замѣтила разницу между своимъ женихомъ и вахмистромъ. Когда они стояли рядомъ, Гепнеръ былъ чуть не на цѣлую голову выше вице-вахмистра. И всѣ его члены были такіе же крупные, хотя и соразмѣрные. Сила, грубая, безудержная мускульная сила составляла самую сущность этого человѣка. Широкая, неуклюжая фигура Геймерта казалась рядомъ съ нимъ какимъ-то уродствомъ, а лицо его напоминало маску клоуна.

Съ нѣмымъ удивленіемъ смотрѣла дѣвушка на Гепнера и, казалось, не въ силахъ была отвести отъ него глазъ. Когда она, наконецъ, перевела взглядъ на жениха, она не могла удержать презрительной гримасы. Но въ слѣдующую секунду она уже ласково улыбалась ему.

Гепнеру она сказала:

— Я очень рада, что, наконецъ, познакомилась съ однимъ изъ товарищей моего жениха.

Вахмистръ любезно возразилъ:

— О, сударыня, все удовольствіе на моей сторонѣ.

— Что же, увидимся мы еще когда-нибудь?—спросила она шутя.

— А какъ же, конечно. Когда вы будете молодой дамой, мы будемъ жить на одной площадкѣ.

Альбина переспросила смущенно:

—Неужели правда? На одной площадкѣ?

— А какъ же,—отвѣтилъ Гепнеръ,—всенепремѣнно. Тогда ужъ мы хорошенько познакомимся. Не правда ли?

Красавица особеннымъ образомъ повела глазами и отвѣтила томно:

— О да. Я думаю.

IV.

Въ концѣ марта, просматривая передъ обѣдомъ военный еженедѣльникъ, Реймерсъ прочелъ, что оберъ-лейтенантъ Гюнцъ, его задушевный другъ, увольняется 1-го апрѣля изъ испытательной артиллерійской коммиссіи и возвращается въ свой полкъ. Во время командировки другъ его получилъ красный орденъ четвертаго класса.

Онъ сейчасъ же велѣлъ ординарцу подать себѣ открытое письмо и написалъ на немъ: «Дорогой старина, радуюсь твоему возвращенію. Привѣтъ тебѣ. Твой Бернгардъ».

— Вы такъ сіяете, Реймерсъ,—сказалъ, подходя къ нему, маленькій докторъ Фребенъ,—точно по меньшей мѣрѣ орденъ получили!

— Я-то нѣтъ, — отвѣтилъ весело Реймерсъ,—а Гюнцъ дѣйствительно получилъ.

— Чортъ возьми! Неужто правда?—удивился Фребенъ.

Онъ заглянулъ въ газету и, замѣтивъ на столѣ открытое письмо, сказалъ:

— Не разрѣшите ли вы мнѣ, Реймерсъ, прибавить тутъ же кстати и мое поздравленіе?

— Пожалуйста, — отвѣтилъ тотъ, и веселый докторъ Фребенъ написалъ своимъ неразборчивымъ почеркомъ—такой почеркъ онъ считалъ необходимой принадлежностью академическаго званія: «Позволяю себѣ съ своей стороны поздравить: П. Р. А. 4. Докторъ Фребенъ».

— Что это за кабалистическіе знаки?—освѣдомился Реймерсъ.

— Помилуйте! — закипятился Фребенъ.—Кабалистическіе знаки! Что вы такое говорите! Да, вѣдь, это же оффиціальное сокращеніе названія даннаго орденскаго знака!

И онъ продолжалъ, качая своей рыжей головкой съ видомъ шутливаго отчаянія:

— Однако, государь мой, вы, оказывается, весьма мало освѣдомлены въ вещахъ далеко не маловажныхъ. Нѣтъ, серьезно говоря, надо кое-что знать и въ этой области.

Реймерсъ съ улыбкой смотрѣлъ на веселаго доктора. Въ другое время онъ, можетъ быть, посмѣялся бы надъ его

ученымъ педантизмомъ въ отношеніи разныхъ пустяковъ, но теперь онъ былъ въ слишкомъ хорошемъ расположеніи духа.

Гюнцъ возвращается! Милый, трезвый Гюнцъ, безжалостно разбившій столько его иллюзій. Въ сущности говоря, по истинной правдѣ, въ послѣднее время онъ почти не вспоминалъ о другѣ, а теперь сразу почувствовалъ страстное желаніе увидѣть его. Хоть бы онъ скорѣе пріѣхалъ сюда со всей своей безпощадной логикой! Онъ, Реймерсъ, готовъ пожертвовать ему еще парой иллюзій.

Молодой офицеръ поймалъ себя на томъ, что считалъ дни до перваго апрѣля.

Ему самому не вѣрилось, что онъ способенъ на подобное нѣтерпѣніе.

Въ эту зиму онъ чувствовалъ себя въ полку какъ то особенно хорошо. Вѣроятно, не остыла еще радость отъ возвращенія домой. Онъ какъ-то дружелюбнѣе и проще шелъ навстрѣчу товарищамъ, и они какъ будто относились къ нему гораздо сердечнѣе. Ни одна зима не проходила для него такъ быстро.

Тѣмъ не менѣе большую часть вечеровъ онъ проводилъ по обыкновенію дома, надъ своими книгами. Онъ возобновилъ опять подготовленіе къ экзамену въ военную академію, прерванное его болѣзнью.

Въ разныхъ областяхъ военныхъ знаній онъ чувствовалъ себя достаточно подготовленнымъ. Только одинъ предметъ сильно затруднялъ его,—это русскій языкъ. Въ сущности ему не было необходимости знать его досконально но онъ поставилъ себѣ цѣлью, раньше чѣмъ идти на экзаменъ, овладѣть имъ такъ же какъ французскимъ. Изъ-за этого онъ по возможности удалялся отъ развлеченій молодежи, и по этой же причинѣ не замѣчалъ, что его отношенія съ товарищами носили въ сущности чисто внѣшній характеръ. Даже рѣдкія встрѣчи съ полковникомъ почти не нарушали его уединенія.

Совершенно неожиданно въ немъ проснулось сознаніе своего одиночества. Но теперь все будетъ хорошо, такъ какъ Гюнцъ возвращается. У него будетъ не только отецъ, но и братъ, равный ему и по положенію, и по возрасту. Съ нимъ онъ могъ говорить, какъ Богъ на душу положитъ, могъ пойти къ нему всегда, когда придетъ охота.

Въ офицерскомъ кругу на возвращеніе Гюнца не обратили почти никакого вниманія. Дѣло было самое обычное. По нѣскольку разъ въ годъ тотъ или другой офицеръ уѣзжалъ въ командировку или возвращался оттуда.

Только среди дамъ это обстоятельство вызвало нѣкоторое волненіе. Всплылъ и настоятельно требовалъ отвѣта одинъ вопросъ, который никого не интересовалъ, пока Гюнцъ былъ въ отсутствіи.

Оказалось, что въ Берлинѣ Гюнцъ женился. И на комъ же? На гувернанткѣ! И даже по слухамъ не Богъ вѣсть какая красавица. Разрѣшеніе онъ получилъ, слѣдовательно противъ семейства невѣсты ничего нельзя было возразить, но во всякомъ случаѣ сама молодая женщина принадлежала до свадьбы къ классу «наемниковъ» и необходимость вступить въ общеніе съ ней шокировала многихъ дамъ.

Майорша Лишке, принесшая своему мужу большое приданое, начала заговаривать о томъ, какъ неудобно будетъ встрѣчаться постоянно «съ особой, жившей раньше по мѣстамъ, въ отношеніи которой придется волей-неволей быть осмотрительной».

Само собой разумѣется капитанша Гропхузенъ была противоположнаго мнѣнія и не безъ ехидства спрашивала:

— Почему вы не говорите просто «служанка», милѣйшая фрау Лишке? А разъ вы уже заговорили объ осмотрительности, я бы на вашемъ мѣстѣ велѣла пришить себѣ на всякій случай застежки къ карманамъ, все-таки портмонэ цѣлѣе будетъ.

Тутъ майорша Лишке встала и съ достоинствомъ отвѣтила.

— Фрау фонъ Гропхузенъ, я не могу отвѣчать вамъ въ вашемъ тонѣ. Я считаю его ниже своего достоинства.

Капитанша Гропхузенъ сейчасъ же поняла, въ чемъ дѣло, и тоже поторопилась встать и выйти.

Побѣдитель, какъ извѣстно, тотъ, кто

оставляетъ за собой поле сраженія. На этотъ разъ, очевидно, восторжествовала майорша Лишке.

Единственную каплю горечи въ ея торжество внесла маленькая лейтенантша Меллеръ, урожденная Кейль. Какъ только капитанша Гропхузенъ вышла, она воскликнула своимъ звонкимъ голоскомъ:

— Что такое она сказала въ дверяхъ? Она, кажется, сказала «банда»!

Отъ ужаса она открыла свой розовый ротикъ, такъ что можно было пересчитать всѣ ея остренькіе зубки, и не закрывала до тѣхъ поръ, пока ея старшая невѣстка, оберъ-лейтенантша Кейль, рожденная Меллеръ, не произнесла укоризненно:

— Минни! что съ тобой?..

Въ концѣ концовъ майорша Лишке прибѣгла къ мужу. Она изложила ему сомнѣнія полковыхъ дамъ и потребовала, чтобы онъ попросилъ у полковника руководства для поведенія.

— Пожалуй, я спрошу,— сказалъ майоръ,—но долженъ тебѣ сказать, что мнѣ это не доставитъ ни малѣйшаго удовольствія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Фалькенгеймъ умѣетъ быть грубъ, какъ извозчикъ.

— Какъ извозчикъ?—вскричала его супруга.—Да съ тобой, милѣйшій мой, и не такъ еще надо разговаривать! Да, вотъ кстати! Разъ ты уже заговоришь съ нимъ о неслужебныхъ дѣлахъ, упомяни, сдѣлай милость, объ этомъ увальнѣ Реймерсѣ. Цѣлую зиму онъ самымъ непозволительнымъ образомъ сторонился отъ нашего общества. Скажи полковнику, что я нахожу это совершенно неприличнымъ для молодого офицера.

Въ обыкновенное время Лишке вовсе не отличался особенной робостью въ отношеніи начальства, но теперь порученіе супруги повергло его въ немалое смущеніе, и онъ далеко не увѣреннымъ тономъ изложилъ его Фалькенгейму.

Полковникъ молча выслушалъ его. Потомъ онъ заговорилъ нѣсколько возбужденнымъ тономъ:

— Милѣйшій мой майоръ, передайте вашей супругѣ мой поклонъ и скажите ей слѣдующее: лейтенантъ Реймерсъ готовится къ экзаменамъ въ военную академію. Я думаю, что его отсутствіе достаточно оправдывается этимъ, и меня, милѣйшій майоръ, удивило бы, наоборотъ, еслибы онъ принималъ участіе во всякой благотворительной ерундѣ, какую устраиваетъ ваша почтенная супруга—въ качествѣ патронессы. Допускаю, что нѣкоторые начальники держатся на этотъ счетъ другихъ взглядовъ, но пока я буду имѣть честь командовать полкомъ, я буду считать подобные праздники обязательными только для тѣхъ молодыхъ людей, которые нуждаются еще въ нѣкоторомъ свѣтскомъ воспитаніи. Надѣюсь, что для Реймерса въ этомъ нѣтъ надобности. Ваша почтенная супруга такъ наблюдательна, что, конечно, отъ нея это не укрылось. Я изложилъ вамъ мой оффиціальный взглядъ на этотъ вопросъ, мой милый майоръ, лично же я думаю, пусть бы чортъ побралъ всѣ эти дурацкіе балы и плясы,—только объ этомъ, прошу васъ, не говорить вашей супругѣ.

Фалькенгеймъ совсѣмъ разгорячился. Онъ перевелъ духъ и продолжалъ все болѣе взволнованнымъ голосомъ:

— Что касается жены оберъ-лейтенанта Гюнца, то я покорнѣйше прошу выразить вашей супругѣ мое почтительнѣйшее удивленіе. Если военное министерство не могло ни въ чемъ придраться къ молодой дѣвушкѣ, то ужъ дамъ я попросилъ бы успокоиться! Онѣ, должно быть, просто боятся, что бывшая гувернантка перещеголяетъ ихъ ученостью? Не правда ли? Ну, это дѣло возможное.

Онъ всталъ со стула и сталъ въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Чертовня проклятая! — воскликнулъ онъ наконецъ.—Это чортъ знаетъ на что похоже. Изъ-за какой-то дамской дребедени я долженъ себѣ битый часъ языкъ трепать! Да когда же вы, наконецъ, научите вашихъ женъ сидѣть смирно и не брюзжать?

Лишке совсѣмъ съежился. Наконецъ добродушному Фалькенгейму стало его жалко и онъ на прощанье дружески пожалъ ему руку.

— Ну, ничего, милый майоръ, не обижайтесь, — сказалъ онъ. — Когда у человѣка накипитъ на сердцѣ, надо ему дать выбраниться. Итакъ, передайте вашей уважаемой супругѣ мой почтительнѣйшій поклонъ и сообщите ей, что найдете нужнымъ. Но только въ деликатной формѣ, разумѣется.

Лишке пробормоталъ:

— Слушаю-съ, господинъ полковникъ!—поклонился и вышелъ.

Полковникъ подошелъ къ своей конторкѣ и громко перевелъ духъ. На крышкѣ лежалъ тонкій длинный ножъ изъ пальмоваго дерева. На немъ было выжжено: «Привѣтъ съ Капри».

Онъ схватилъ его и сталъ съ силою разсѣкать имъ воздухъ, бормоча сквозь зубы что-то невнятое.

Должно быть, въ характерѣ у капитанши Гропхузенъ и у полковника Фалькенгейма было нѣчто родственное. По крайней мѣрѣ, у нихъ обоихъ вырвалось одно и то же выраженіе.

— «Банца»,—буркнулъ съ сердцемъ полковникъ.

Реймерсъ встрѣтилъ Гюнца на вокзалѣ.

Онъ нашелъ его немного растолтѣвшимъ. И не мудрено,—цѣлый годъ онъ не несъ фронтовой службы.

— Ты остановишься пока въ «Орлѣ»?—спросилъ онъ его.

Гюнцъ покачалъ головой.

— И не подумаю! Дома!

— Гдѣ же это твой домъ? Развѣ ты уже успѣлъ нанять себѣ квартиру?

— Всенепремѣнно. Сиротская улица, пятьдесятъ семь! Рядомъ съ полковникомъ. Маленькій домикъ, гдѣ жилъ раньше Клетикъ. Онъ командированъ, кажется, въ каваллерійскую школу? Правда?

— Ну, да. Но это, вѣдь, новый домъ. Ты же его совсѣмъ не знаешь. Какъже ты рѣшился нанять его?

— Богъ мой! потребовалъ себѣ подробный планъ! Успокойся, дружище! Я, вѣдь, не спросясь броду, не суюсь въ воду. Я могу тебѣ сказать, какой длины и ширины тамъ каждый чуланчикъ. Мой неизмѣнный Гейдрухъ, чудесный малый, навѣрно, ужъ тамъ устраивается.

По дорогѣ оберъ-лейтенантъ внимательно оглядѣлъ младшаго товарища.

— Знаешь, Реймерсъ,—сказалъ онъ весело,—ты выглядишь совсѣмъ молодцомъ! Ахъ ты, африканскій путешественникъ! Бурскій воинъ! Что, и въ крѣпости пришлось-таки посидѣть? Ну, что же было лучше всего?

— Все въ своемъ родѣ, — отвѣчалъ Реймерсъ.—Одно стоило другого.

— Такъ, такъ! Видишь, не я одинъ занимаюсь разбиваніемъ иллюзій! Ну, все это ты долженъ мнѣ разсказать какъ слѣдуетъ. Идетъ?

— Тебѣ, Гюнцъ, съ радостью.

— Ну, и отлично. Да, еще одно: какъ у насъ тутъ въ гарнизонѣ теперь? Каковъ духъ?

— Да ничего, такъ себѣ. Вотъ каково-то тебѣ покажется, послѣ Берлина.

— Сойдетъ. А впрочемъ... ну, да тамъ видно будетъ.

Нѣсколько минутъ пріятели шли молча. Только что Гюнцъ хотѣлъ заговорить, какъ Реймерсъ перебилъ его:

— Постой, дай же и мнѣ спросить тебя. Прежде всего: какъ здоровье твоей супруги и гдѣ ты ее оставилъ?

Гюнцъ посмотрѣлъ на него съ улыбкой:

— Дружище,—отвѣтилъ онъ,—прежде всего жена, а не «супруга». Нусъ, чувствуетъ она себя прекрасно, осталась пока въ Тюрингіи у своего брата пастора. А потомъ, что-жъ ты не спрашиваешь о моемъ сынѣ?

— Какъ? Развѣ у тебя есть сынъ?

— Понятное дѣло. Толстый мальчишка, круглый, какъ бомба. Десять недѣль отъ роду. И ты долженъ мнѣ его окрестить.

— Гюнцъ! Объ этомъ-то ты ужъ долженъ былъ сообщить мнѣ.

— Объ чемъ?

— Да что ты сталъ отцомъ.

— Это почему? Срокъ, кажется, законный? Кромѣ того, было напечатано въ военномъ еженедѣльникѣ. Слѣдовательно, самъ виноватъ! Ну, что-жъ, согласенъ ты идти въ крестные папаши?

— Господи, конечно. Съ радостью.

— Въ такомъ случаѣ просимъ. На будущей недѣлѣ въ субботу. Одежда—мундиръ.

Реймерсъ весело расхохотался.

— Скажи, пожалуйста, Гюнцъ, — вскричалъ онъ, смѣясь, — съ какихъ это поръ ты усвоилъ себѣ этотъ телеграфный стиль? Развѣ въ Берлинѣ слова такъ дороги?

Совершенно неожиданно тотъ вскипѣлъ:

— Дороги? Какъ же! Дешевы, очень дешевы! На грошъ сто тысячъ!

Его открытое добродушное лицо омрачилось и приняло раздраженное выраженіе.

— Ну,—сказалъ онъ въ заключеніе,—теперь мы будемъ видѣться, и часто, я надѣюсь, очень часто. До свиданія, дружище...

Дѣйствительно Реймерсъ сталъ постояннымъ гостемъ супруговъ Гюнцъ. Иногда ему казалось даже, что онъ приходитъ слишкомъ часто. Онъ боялся показаться навязчивымъ.

— Скажи-ка, Гюнцъ,—спросилъ онъ какъ-то,—только по истиной правдѣ, не стѣсняю ли я васъ?

Оберъ-лейтенантъ даже привскочилъ на своемъ удобномъ креслѣ.

— Какъ такъ?

— Я хочу сказать, не слишкомъ ли часто я прихожу?

Гюнцъ раскурилъ сигару и отвѣтилъ:

— Ни въ какомъ случаѣ, дружище. Еслибъ это было такъ, я, ни минуты не колеблясь, сказалъ бы тебѣ.

И Реймерсъ продолжалъ по обыкновенію являться каждое воскресенье къ обѣду и по средамъ вечеромъ въ уютный домикъ на Сиротской улицѣ.

Клара Гюнцъ, маленькая женщина, съ хорошенькимъ свѣжимъ личикомъ и ясными скромными глазами, называла это своими jour fixe'ами.

— Видишь ли, муженекъ,—говорила она Гюнцу,—я изо всѣхъ силъ стараюсь сравняться съ майоршей.

Она подняла плечи и продолжала, поджимая губы:

— Бывшая гувернантка не должна упускать изъ вида ни малѣйшихъ оттѣнковъ свѣтскихъ приличій. Ахъ, какъ это трудно! Иногда я начинаю терять надежду, что когда-нибудь стану совершенно такой же, какъ Густава Лишке.

Она глубоко вздохнула и весело подмигнула мужу.

Тотъ погрозилъ ей пальцемъ.

— Субординація, Клара! Непочтительности не потерплю!

Потомъ онъ продолжалъ со смѣхомъ:

— Густава! Богъ мой, сказалъ бы кто-нибудь Густѣ Краузе, что ее будутъ величать Густавой! Если бы папашѣ Краузе приходилось звать ее Густавой!

Онъ обратился къ Реймерсу:

— Мы съ этой Густавой жили по сосѣдству въ дѣтствѣ. Но она теперь отрицаетъ это знакомство. Мой старикъ — царство ему небесное!—былъ строительный мастеръ, а отецъ Густавы торговалъ масломъ и яйцами оптомъ. И торговалъ по совѣсти, Богъ мой, по чистой совѣсти. Ничего позорнаго за нимъ не было. Но ужъ такая теперь мода—подымай выше! Такимъ образомъ, отецъ Густавы превратился въ «крупнаго негоціанта».

Онъ приподнялся съ нѣкоторымъ трудомъ, чтобы стряхнуть пепелъ съ сигары. Потомъ опять лѣниво откинулся на спинку. Медленно, точно говоря съ самимъ собой, и отъ времени до времени затягиваясь сигарой, онъ продолжалъ, слегка посмѣиваясь:

— Крупный негоціантъ! Я представляю себѣ при этомъ одного изъ этихъ генераловъ отъ торговли въ Гамбургѣ, что ли, или въ Бременѣ, которые изъ своихъ конторъ командуютъ сокровищами стараго и новаго міра,—ну, чай тамъ, кофе, шелкъ, хлопокъ, дорогой табакъ,—послѣднее онъ произнесъ съ особымъ удареніемъ,—это я понимаю. Но папаша Краузе командовалъ только надъ бочками масла и ящиками яицъ, и его торговыя сношенія простирались не дальше границъ Галиціи.

Въ концѣ концовъ въ его словахъ зазвучала даже нотка раздраженія. Онъ закинулъ руки за голову и вскричалъ:

— Ахъ, Густава! Густава! Еслибъ тебя здѣсь не было, Клара, я бы ска-

залъ про нее словечко, которое показало бы въ настоящемъ свѣтѣ все это свинство. Наша Густава, къ несчастію, вѣдь, только симптомъ. Но долженъ тебѣ сказать Клара, если бы ты стала такою, какъ эта, то я бы... я бы...

— Ну, что бы ты тогда сдѣлалъ?— спросила, смѣясь, молодая женщина.

Гюнцъ сразу успокоился. Онъ лукаво улыбнулся и отвѣтилъ:

— Я бы тогда воспользовался правомъ тѣлеснаго исправленія, предоставленнымъ мнѣ добрымъ старымъ закономъ.

Клара весело расхохоталась.

— Въ сущности, — сказала она, — наши дамы не такія ужъ чудовища, какъ ты ихъ изображаешь.

Оберъ-лейтенантъ покачалъ головой:

— Да, какъ же, Клара! Я видѣлъ, вѣдь, какъ онѣ сидѣли передъ тобой настоящими истуканами и смотрѣли на твои руки, не потрескались ли онѣ «на мѣстахъ» отъ подтиранья половъ, стирки дѣтскаго бѣлья и т. п.

Клара не соглашалась.

— Ну, не бросаться же имъ сразу ко мнѣ на шею и осыпать изъявленіями любви и преданности.

— Этого отъ нихъ никто и не требуетъ,—возразилъ мужъ.—Но, знаешь, когда сюда явилась первый разъ жена полкового адъютанта Кауергофа, которая до тѣхъ поръ тоже была для нихъ неизвѣстной величиной, x или y,— онѣ всѣ просто душили ее въ своихъ объятіяхъ, цѣловались точно самыя любящія сестры. Еслибъ ты только слышалъ, какое у нихъ пошло сразу щебетанье и стрекотанье. Конечно, супруга Кауергофа, урожденная фонъ Любенъ, дочь полковника и начальника отдѣленія въ военномъ министерствѣ, а ты, милая моя Кларочка,—фу, стыдись!—ты была всего только гувернанткой.

Но молодая женщина не сдавалась и начала даже горячиться.

— Да полно тебѣ,—вскричала она.— Право, это становится твоимъ пунктомъ помѣшательства—будто бы мнѣ не оказываютъ должнаго уваженія. А я увѣряю тебя, сколько разъ я тебѣ говорила, что всѣ дамы безъ исключенія были ко мнѣ чрезвычайно вѣжливы и любезны. И право, искренно говоря, я нахожу, что онѣ вовсе не такъ плохи. Вы согласны со мной, лейтенантъ Реймерсъ.

Реймерсъ внимательно слушалъ споръ между мужемъ и женой. Онъ по своему обыкновенію относился къ дѣлу серьезно и основательно и по совѣсти не могъ не согласиться съ Гюнцемъ. Но, съ другой стороны, онъ находилъ что Гюнцъ сталъ въ Берлинѣ что-то очень ужъ радикаленъ, иногда онъ готовъ былъ, какъ говорится, выплеснуть и ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны.

Поэтому онъ отвѣтилъ:

— Конечно, вы правы, сударыня. Но, сказать по правдѣ, у меня тоже не лежитъ сердце къ нашимъ полковымъ дамамъ. Большинство изъ нихъ по моему крайне необразованы и поверхностны.

— Просто гусыни, — проворчалъ Гюнцъ,—стадо глупыхъ гусынь!

— Фу, муженекъ, какъ некрасиво,— воскликнула Клара.

Но онъ только засмѣялся изъ глубины своего кресла:

— Ну, скажи, обняла ли тебя хоть одна изъ нихъ? Поцѣловала ли? Поговорила ли съ тобой просто, сердечно?

— Знаешь-ли, — сказала Клара, немного задѣтая, — я вовсе и не желаю, чтобъ мнѣ бросались на шею, не зная меня. Я считаю это неуваженіемъ! А вотъ одна такъ и правда была ко мнѣ и мила, и любезна, право, очень даже мила и любезна!

— Ба! кто же это такое?

— Капитанша Гропхузенъ!

— Такъ я и думалъ! Вѣрно; эта составляетъ исключеніе,—она не гусыня, она просто немножко тронутая.

— Не будь такимъ злымъ, голубчикъ! Ну что она тебѣ сдѣлала, бѣдняжка?

Гюнцъ всталъ, наконецъ, съ кресла и сталъ ходить взадъ и впередъ, чтобы размять ноги.

— Сдѣлала? мнѣ? — пробурчалъ онъ.—Что же она могла мнѣ сдѣлать? Только она настоящая истеричка. Это ужъ несомнѣнно.

Клара горячо вступилась за обиженную.

— Можетъ быть, ты и правъ, только навѣрно были какія-нибудь серьезныя причины.

— Конечно, конечно! — отвѣтилъ Гюнцъ.—Супругъ ея,—извини за выраженіе, Клара,—настоящая свинья тупорылая. Но только я не выношу истеричныхъ женщинъ, я ихъ просто боюсь.

— А мнѣ такъ жалко ее.

— Да и мнѣ жалко. Только лучше бы ей быть подальше отъ тебя, чтобъ какъ-нибудь не заразить тебя.

Молодая женщина посмотрѣла прямо въ глаза мужу:

— Меня она не заразитъ, — сказала она твердо.

Въ эту минуту изъ-за нѣсколькихъ дверей послышался заглушенный плачъ.

Клара прислушалась и сейчасъ же бросилась изъ комнаты.

Мужчины остались одни и нѣсколько времени сидѣли молча, задумавшись.

Наконецъ, Реймерсъ нарушилъ молчаніе:

— Я нахожу, что ты преувеличиваешь, Гюнцъ. Легкомысліе и глупость встрѣчаются не только въ офицерской средѣ, и во всякомъ случаѣ лбомъ стѣну не прошибешь.

— Нѣтъ, конечно,—отвѣтилъ оберъ-лейтенантъ,—но если, по моему мнѣнію, карета заѣхала въ грязь, я перестаю везти ее.

Онъ продолжалъ ходить по комнатѣ, и мало-по-малу черты его стали проясняться.

Наконецъ, онъ съ веселой улыбкой остановился передъ своимъ гостемъ.

— Я думаю,—заговорилъ онъ,—капитанша Гропхузенъ можетъ смѣло приходить къ Кларѣ, если это доставляетъ ей удовольствіе. Кажется, къ истерическимъ бациламъ жена моя не воспріимчива. Не правда ли?

Реймерсъ еще не успѣлъ отвѣтить, какъ Клара вернулась. Она несла мальчика въ конвертикѣ и, немного раскраснѣвшись, покачивала его на рукахъ.

Ребенокъ, видимо, только что до сыта насосался материнскаго молока: на личикѣ у него выражалось полнѣйшее удовольствіе и онъ слегка покачивалъ головой, задремывая. Молодая мать прижимала крошечную ручку ребенка къ своей щекѣ и тихонько поцѣловала его въ лобъ, когда онъ закрылъ глазки.

Отецъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Онъ не рѣшался притрогиваться къ хрупкому созданію. Но въ своихъ рукахъ онъ чувствовалъ достаточно силы, чтобы въ случаѣ надобности взять ихъ обоихъ: и мать, и ребенка, и унести, уберечь отъ малѣйшей непріятности.

Глубокое умиленіе овладѣло имъ при видѣ матери и ребенка, точно горячая волна счастья поднималась у него въ груди.

Чтобы обуздать свое волненіе, онъ вскричалъ строгимъ голосомъ:

— Сколько разъ я тебя просилъ, Клара, не заставлять людей любоваться нашимъ мальчишкой.

Но молодая женщина отвѣтила увѣренно:

— О, я знаю, лейтенанту Реймерсу доставляетъ удовольствіе посмотрѣть на такого прелестнаго мальчугана. Вѣдь правда?

Реймерсъ, конечно, поспѣшилъ отвѣтить утвердительно.

Но несносный педантъ Гюнцъ не удовольствовался этимъ, онъ долженъ былъ разобрать дѣло досконально.

— Очень бы мнѣ любопытно было знать, что можетъ королевскій лейтенантъ видѣть интереснаго въ тринадцатинедѣльномъ ребенкѣ, конечно, если онъ не его собственный. Отцы, тѣмъ ужъ по закону полагается быть дураками во всемъ, что касается ихъ дѣтей, особенно такихъ перловъ красоты и ума, какъ мой сынъ. Итакъ, Реймерсъ, положа руку на сердце, почему тебѣ доставляетъ удовольствіе смотрѣть на этотъ маленькій сверточекъ? Что тебѣ въ немъ собственно нравится?

Реймерсъ на минуту задумался.

— Именно то, что это ребенокъ,— сказалъ онъ наконецъ.

— Чортъ возьми! — вскричалъ Гюнцъ.—Какъ сантиментально! Знаешь ли, милый мой, мнѣ такъ это противно. Развѣ ты не радъ, что ты мужчина, человѣкъ? Человѣкъ, который знаетъ, чего онъ хочетъ, и можетъ все, что хочетъ? Все, что хочетъ! Все!—только что

не звѣзду съ неба достать! И тебѣ кажется завиднымъ это безсознательное прозябанье? Благодарю покорно!

Въ эту минуту ребенокъ почувствовалъ какое-то неудобство. Онъ зашевелилъ ножками въ конвертикѣ и жалобно запищалъ.

— Видишь! — продолжалъ отецъ.— Маленькій человѣчекъ тоже не всегда благоденствуетъ. Ну, {тащи его, Клара! Онъ намъ всѣ уши прожужжитъ.—Надѣюсь, что онъ въ свое время будетъ думать иначе, чѣмъ ты, мой милый Реймерсъ!

Мать унесла маленькаго крикуна, а молодой офицеръ подошелъ къ старшему товарищу и пожалъ ему руку:

— Ты правъ, Гюнцъ, — сказалъ онъ, — это былъ сейчасъ голосъ моего безсознательнаго «я». Это глупое созданіе надо всегда держать на привязи...

Въ семьѣ Гюнцевъ Реймерсъ чувствовалъ себя превосходно. Ясность и увѣренность, которой была проникнута жизнь этихъ людей, невольно сообщалась и ему и немного отрезвляла его, когда полетъ фантазіи увлекалъ его слишкомъ далеко въ надзвѣздную высь.

Онъ думалъ, что долгая разлука внесетъ нѣкоторую отчужденность въ его отношенія съ другомъ, но оказалось, что они стали даже какъ будто ближе. Время нѣсколько охладило мечтательный пылъ Реймерса, а Гюнцъ, должно быть, подъ вліяніемъ своего личнаго счастья, сталъ какъ-то мягче, нѣжнѣе, и охотнѣе позволялъ отрывать себя отъ твердой почвы.

Оба они долгое время пробыли вдали отъ гарнизона и чувствовали себя теперь какъ-то свободнѣе въ оцѣнкѣ своего полка.

Въ большей части вопросовъ они совершенно сходились въ мнѣніяхъ. Только Гюнцъ судилъ тверже и безпощаднѣе.

Реймерсъ былъ очень радъ, узнавъ, что Гюнцъ раздѣлялъ его глубокое уваженіе къ Фалькенгейму. Иногда даже его холодный и уравновѣшенный другъ шелъ еще дальше его въ восторженныхъ похвалахъ полковнику.

— Вотъ это такъ человѣкъ!—говорилъ онъ.—У этого и голова, и сердце на мѣстѣ! Однимъ словомъ, молодецъ, настоящій мужчина.

Это была высшая похвала въ устахъ Гюнца. Въ обратныхъ случаяхъ онъ говорилъ прежде, до женитьбы—«баба». Теперь онъ заявлялъ, что одна праведница—разумѣется, его Клара—искупила весь этотъ грѣшный родъ и вмѣсто этого слова поставилъ на нижней ступени своей лѣстницы выраженіе «фитюлька», вывезенное имъ изъ столицы.

Очень онъ тамъ привыкъ къ разнымъ берлинскимъ словечкамъ и далеко не всегда особенно деликатнымъ. О товарищахъ - офицерахъ онъ сталъ отзываться совсѣмъ ужъ свободно.

Реймерсъ и самъ считалъ, что нѣтъ никакой надобности закрывать глаза на недостатки товарищей или начальниковъ, но Гюнцъ, по его мнѣнію, заходилъ иногда черезчуръ далеко. И онъ какъ-то высказалъ ему это.

— Передъ кѣмъ же мнѣ облегчать душу, дружище, если не передъ тобой?— отвѣтилъ ему Гюнцъ.—Ты думаешь, мнѣ самому это пріятно, что я по чести не могу считать настоящими офицерами большую часть товарищей и начальниковъ? Можетъ быть, какъ люди они ничего себѣ. Меня это не касается. Я ставлю вопросъ: выполняютъ ли они свое назначеніе, какъ офицеры? Если нѣтъ, тогда они нуль.

— Прежде ты судилъ мягче,—замѣтилъ Реймерсъ.

— Возможно, — продолжалъ тотъ.— Но кто уже разъ стряхнулъ съ себя привычную дремоту и протеръ глаза, тотъ не можетъ не видѣть лучше. А впрочемъ, примѣры сами по себѣ достаточно убѣдительны. Стукартъ назначается майоромъ. Что-жъ, ты считаешь его способнымъ командовать дивизіономъ?

— Нѣтъ, конечно; онъ и въ одной-то батареѣ натворилъ Богъ знаетъ какой ерунды. Ну, да онъ дольше года не пробудетъ штабнымъ офицеромъ.

— Зачѣмъ же онъ назначается? Ему бы и капитаномъ-то быть не слѣдовало. Идемъ дальше: Гропхузенъ?

— Ну, еще бы этотъ! Онъ совсѣмъ не по той дорогѣ пошелъ.

— Почему же онъ остается?

Гюнцъ сердито разсмѣялся.

— Чѣмъ же ему слѣдовало быть по твоему?—спросилъ онъ.

— Живописцемъ, — отвѣтилъ Реймерсъ.

Тотъ сдѣлалъ гримасу.

— Возможно. По моему, онъ опоздалъ родиться вѣка на два. И очень жаль.

— Почему?

— У него очень много общаго съ Людовикомъ XV. Они бы прекрасно поняли другъ друга! Ну, дальше: мой достоуважаемый начальникъ, капитанъ Моръ. О немъ что ты думаешь?

— Ну, этотъ, вѣдь, ужъ приговоренъ. Послѣ маневровъ навѣрно слетитъ!

— А, вѣдь, онъ тянетъ горькую, съ тѣхъ поръ, какъ я его знаю!

Оберъ-лейтенантъ громко вздохнулъ и продолжалъ:

— Увѣряю тебя, Реймерсъ, служить подъ начальствомъ такого человѣка далеко не весело! Эта исторія мнѣ вотъ гдѣ сидитъ—и онъ постучалъ себѣ по затылку.

Реймерсъ кивнулъ головой.

— Сочувствую тебѣ, дружище. И вѣдь подумать только, половина полка завидуетъ тебѣ, что ты служишь въ пятой батареѣ.

— Ба!—засмѣялся Гюнцъ,—самъ видишь, что это за банда! При этакомъ пьяницѣ они свободно могли бы бездѣльничать. А имъ этого-то и нужно, за этимъ только и гонятся! Туда ихъ тянетъ, гдѣ дѣла меньше. Всѣ они на одну колодку! А ты еще говоришь, я преувеличиваю! До другихъ мнѣ дѣла нѣтъ, но я-то самъ долженъ знать, въ чемъ моя задача. Если у меня есть призваніе, оно должно меня удовлетворять. Я вовсе не желаю служить для чего-то декораціей.

Реймерсъ пытался успокоить друга, но тотъ не унимался.

— Я просто въ ужасъ пришелъ, увѣряю тебя,—когда вернулся въ батарею. Точно обухомъ по головѣ! Этакого опустошенія, какъ тамъ, ты и представить не можешь. Я спрашивалъ себя, неужели въ дивизіонѣ и въ полку неизвѣстно, что у насъ въ батареѣ творится. У нихъ тамъ цѣлая система выработалась, какъ все на скорую руку къ смотру подготовлять—въ родѣ знаменитыхъ потемкинскихъ деревень. И надо отдать имъ справедливость. Тутъ ужъ всѣ, начиная съ достоуважаемаго начальника и до послѣдняго канонира изъ кожи вонъ лѣзутъ,—кое-какъ и сходитъ съ рукъ. Точно и въ самомъ дѣлѣ величайшая дисциплина царитъ, а въ сущности это простая уловка: два-три дня они изъ силъ выбиваются, чтобъ остальное время напропалую бездѣльничать. И въ этакомъ-то хозяйствѣ долженъ я принимать участіе! И безъ того,—самъ знаешь, другъ,—офицеръ въ мирное время не Богъ вѣсть что можетъ сдѣлать, а ужъ такъ, рѣшетомъ воду носить—не согласенъ! Этого я не выдержу. И знаешь, что я тебѣ скажу, если такъ и дальше пойдетъ, я сброшу этотъ мундиръ, хоть и люблю его.

Онъ остановился и съ грустью провелъ рукой по темно-зеленому сукну своего мундира. Потомъ онъ снова принялся бѣгать взадъ и впередъ и закончилъ съ горькой усмѣшкой.

— Теперь моя единственная надежда, что мой возлюбленный начальникъ допьется, наконецъ, до бѣлой горячки.

— Но ты долженъ согласиться,—замѣтилъ Реймерсъ,—что въ этой батареѣ очень ужъ скверно сложились обстоятельства. Это какъ-ни-какъ исключеніе. Знаешь, что я тебѣ посовѣтую, старина! Затѣй ссору со своимъ Моромъ. Правда, конечно, будетъ на твоей сторонѣ. Онъ, вѣдь, совсѣмъ собой не владѣетъ. И переходи къ Маделунгу или, еще лучше, къ намъ, къ Вегштетену.

— Это идея! — сказалъ Гюнцъ.—А, впрочемъ, не стоитъ. Фалькенгеймъ намекалъ мнѣ,—только это между нами,—что осенью меня, вѣроятно, произведутъ въ капитаны. И я тогда, вѣроятно, займу мѣсто Мора.

Реймерсъ привскочилъ отъ радости.

— Чудесно, старина! — воскликнулъ онъ.—Тогда все дѣло въ шляпѣ. Ты ужъ съумѣешь выправить пятую батарею! Это какъ разъ по тебѣ дѣло! И чѣмъ теперь хуже, тѣмъ больше будетъ твоя заслуга. Тогда второй дивизіонъ

будетъ на славу—Маделунгъ, Гюнцъ, Вегштетенъ! Лучшіе капитаны во всемъ корпусѣ! Истинная правда!

Но оберъ-лейтенантъ не раздѣлялъ его восторговъ.

— Все это прекрасно, дружище,— сказалъ онъ.—Но признаться по правдѣ, въ меня забрался какой-то червячокъ. Сдается мнѣ, что вся наша военная система дала гдѣ-то трещину. Всѣ мы на ложномъ пути—и Маделунгъ, и Вегштетенъ, да и я тоже. Работаемъ мы, работаемъ, и, можетъ быть, все зря.

Онъ вдругъ замолчалъ. Его открытое лицо затуманилось и стало озабоченнымъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Реймерсъ.

Тотъ вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Да мнѣ пока и самому все это не совсѣмъ ясно, дорогой мой. Попробую еще, можетъ, и привыкну опять къ строевой службѣ. Обѣщаю тебѣ одно: какъ только я разберусь въ этомъ, я тебѣ первому открою все, что теперь смутно бродитъ у меня въ головѣ.

Онъ горячо пожалъ руку Реймерсу, и тому показалось даже, что глаза у него были влажны.

Гюнцъ продолжалъ задумчиво:

— Еслибъ ты зналъ, другъ ты мой, каково на душѣ у человѣка, когда ему начинаетъ казаться, что онъ убилъ свою жизнь на фальшивое, безплодное дѣло. Въ сущности, какое значеніе имѣетъ одинъ человѣкъ?.. Иногда мнѣ представляется,—а вдругъ мои опасенія оправдаются? Я просто думать объ этомъ не могу...

— Какія опасенія?

— Я не могу выкинуть изъ головы одно скверное воспоминаніе...

— Какое?

— О Іенѣ.

Реймерсъ вздрогнулъ. Это несчастное слово дѣйствовало на него какъ ударъ бича. Онъ выпрямился и сказалъ:

— А Седанъ?

Тотъ продолжалъ спокойнѣе.

— Седанъ... Іена?.. Можетъ, ты и правъ, а можетъ быть и я. Никто напередъ не знаетъ.

Послѣ этого разговора Гюнцъ сталъ избѣгать затрагивать съ Реймерсомъ подобные вопросы. Когда Реймерсъ просилъ его высказаться опредѣленнѣе, онъ отвѣчалъ уклончиво.

— Я, вѣдь, говорилъ тебѣ, — мнѣ нужно сперва самого себя провѣрить. Мнѣ не охота стрѣлять на воздухъ.

Мало-по-малу онъ сталъ какъ будто спокойнѣе и уравновѣшеннѣе. Его саркастическія замѣчанія утратили свою первоначальную рѣзкость и горечь. Невольно приходило въ голову, что это было просто поверхностное брюжжанье, навѣянное берлинскими разговорами.

На Пасхѣ одно маленькое событіе нарушило однообразіе гарнизонной жизни.

Полковникъ Фалькенгеймъ воспользовался маленькимъ отпускомъ на страстной и поѣхалъ за своей дочерью въ невшательскій пансіонъ. Послѣ праздника молодая дѣвушка должна была «вступить въ общество».

Реймерсъ соображалъ, удобно ли будетъ сдѣлать обычный визитъ Фалькенгейму въ одинъ изъ первыхъ праздничныхъ дней. Бо̀льшая часть холостой молодежи взяла отпускъ на праздникъ. Въ пасхальный понедѣльникъ онъ оказался буквально единственнымъ гостемъ въ казино.

Онъ рѣшилъ отправиться оттуда къ полковнику.

До̀чка его ни малѣйшимъ образомъ не возбуждала любопытства Реймерса. Три года тому назадъ Марихенъ пріѣзжала изъ своего пансіона къ отцу.

Въ то время она была хорошенькая, немного хрупкая дѣвочка. На спинѣ у нея болталась толстая бѣлокурая коса, а когда кто-нибудь кланялся ей, она краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и быстро дѣлала хорошенькій книксенъ.

И теперь, семнадцатилѣтней дѣвушкой, она осталась все такой же хрупкой, а недурненькое личико было окружено рамкой такихъ же свѣтлыхъ волосъ. Густая масса бѣлокурыхъ локоновъ казалась черезчуръ тяжелой для маленькой головки. Глаза у нея были большіе, сѣрые и ясные, но больше всего Реймерсъ обратилъ почему-то вниманіе на прямой тоненькій носикъ. По нему какъ-то сразу можно было замѣтить,

когда его обладательницу что нибудь сильно волнуетъ. Свое званіе дочери полковника она старалась поддерживать съ милымъ достоинствомъ. Она наливала чай съ пріемами опытной хозяйки и поддерживала разговоръ съ нѣсколько преувеличеной солидностью.

Фалькенгеймъ не сводилъ глазъ со своего дитятка. Иногда онъ улыбался про себя, наблюдая, съ какой непринужденностью она принимаетъ своего перваго гостя,—онъ зналъ какъ она втайнѣ боялась, что не съумѣетъ играть роль хозяйки дома. Въ дѣйствительности она великолѣпно выполняла свои обязанности.

Когда Реймерсъ собрался уходить, полковникъ пригласилъ его поужинать съ ними.

Лейтенантъ съ радостью согласился. Онъ былъ увѣренъ, что послѣ ужина ему удастся по душѣ поговорить съ полковникомъ. Каждый разъ послѣ такого разговора его уваженіе къ Фалькенгейму росло. И кромѣ того изъ его словъ онъ почерпалъ часто такія жизненыя знанія, какія трудно найти въ книгахъ.

Пріѣздъ дочери ничѣмъ видимо не нарушилъ обычаевъ фалькенгеймовскаго хозяйства. Подавались, какъ и всегда, самыя простыя холодныя кушанья.

Какъ и всегда только къ столу вышла «тетя Амалія». Въ этой старой дамѣ было что-то въ высшей степени комическое. Ея мужъ, лейтенантъ стрѣлковаго полка, числился «выбывшимъ изъ строя» во время великой войны. Горе, еще удвоеное полной неизвѣстностью о постигшей его судьбѣ, слегка помутило въ то время ея разсудокъ. Съ тѣхъ поръ она отдалась безвредной страсти къ чтенію. Почти весь свой вдовій пенсіонъ она тратила на абонементъ въ разныхъ столичныхъ библіотекахъ, которыя должны были отъ времени до времени высылать ей свои книги. Что было написано въ этихъ книгахъ въ сущности было ей почти все равно, и она съ одинаковымъ удовольствіемъ перечитывала черезъ нѣкоторое время второй разъ одну и ту же книгу. Вмѣстѣ съ тѣмъ она стала немного жадна въ пищѣ. Она упорно избѣгала всякаго общества и только неукоснительно появлялась при всякой ѣдѣ. Считалось, что она ведетъ хозяйство своего двоюроднаго брата, но въ сущности Фалькенгеймъ просто изъ жалости пріютилъ ее. При данныхъ обстоятельствахъ ея присутствіе въ домѣ оказалось очень кстати, для Марихенъ все равно нужна была какая нибудь компаньонка.

Реймерсъ съ перваго момента догадался о ея новой функціи.

Поздоровавшись съ нимъ, фрейлейнъ Фалькенгеймъ сказала, указывая на полуоткрытую дверь сосѣдней комнаты.

— У тети Амаліи, къ сожалѣнію, мигрень. Она была бы, конечно, очень рада васъ видѣть.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался какой-то утвердительный звукъ и потомъ время отъ времени раздавался шелестъ переворачиваемыхъ страницъ.

За столомъ тетя Амалія отвѣчала совершенно разумно, когда къ ней обращались съ какимъ нибудь вопросомъ, но, покончивъ съ ѣдой, она сейчасъ же вернулась назадъ къ своимъ книгамъ.

Такъ бывало всякій разъ, когда Реймерсъ обѣдалъ или ужиналъ у полковника. И всякій разъ, какъ только старая дама удалялась, полковникъ закуривалъ сигару и начиналъ дѣлиться съ Реймерсомъ сокровищами своихъ воспоминаній и опыта.

Но въ этотъ пасхальный вечеръ вышло нѣсколько иначе.

Въ присутствіи молоденькой дѣвушки мужчинамъ неудобно было погружаться въ такіе спеціальные военные вопросы, какъ обыкновенно.

Тѣмъ не менѣе Реймерсъ не испытывалъ скуки.

Послѣ ухода тети Амаліи фрейлейнъ Мари хотѣла было снова затѣять такой же комически солидный свѣтскій разговоръ, но полковникъ перебилъ ее.

— Знаешь, что, мальчуганъ,—сказалъ онъ,—брось ты эту скучную болтовню! Можешь себѣ упражняться въ ней съ другими, а лейтенантъ Реймерсъ, поскольку я его знаю, не очень-то любитъ такое времяпрепровожденіе. А знаю я его, сдается мнѣ, хорошо. Онъ вѣдь

одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ полку, малютка!

Маленькая женщина посмотрѣла на лейтенанта большими глазами и сказала искреннимъ тономъ:

— Ну, если папа это говоритъ, господинъ лейтенантъ, то поздравляю васъ.

Полковникъ засмѣялся, и разговоръ сразу сталъ веселымъ и непринужденнымъ. Молоденькая дѣвушка очень мило разсказывала о своихъ школьныхъ впечатлѣніяхъ и предлагала толковые вопросы. Подъ конецъ она даже довѣрчиво освѣдомилась у лейтенанта о полковыхъ домахъ.

Тутъ Фалькенгеймъ спросилъ вдругъ Реймерса:

— Скажите, милый Реймерсъ, вы, вѣдь, кажется, часто бываете у оберъ-лейтенанта Гюнца? Правда?

— Да, господинъ полковникъ?

— Ну, еще бы, Гюнцъ, вѣдь, и раньше былъ вашимъ другомъ. Знаете, его жена мнѣ чрезвычайно понравилась. Такая милая, простая, скромная. Мы, вѣдь, близкіе сосѣди, что если бы они немножко пригрѣли мою дочурку? Только они, кажется, живутъ очень замкнуто?

— О, это чистая случайность, господинъ полковникъ. Гюнцы не любятъ только пустыхъ и поверхностныхъ свѣтскихъ знакомствъ.

— Также какъ и я, да и вы тоже, не правда-ли. Я васъ вполнѣ понимаю, мой милый Реймерсъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней оберъ-лейтенантъ Гюнцъ съ женой сдѣлали визитъ полковнику, и вслѣдъ затѣмъ между сосѣдними домами завязались постоянныя сношенія. Марія Фалькенгеймъ по институтской привычкѣ сейчасъ же начала «обожать» Клару Гюнцъ и ея «прелестнаго мальчугана», а Клара сердечно полюбила молоденькую дѣвочку, такъ рано лишившуюся матери.

Съ этого момента положеніе «бывшей гувернантки» значительно измѣнилось, и майорша Лишке стала приглашать «прелестную фрау Гюнцъ» на чашку кофе, даже въ дни самыхъ интимныхъ собраній. Но Клара благодарила и отказывалась, она все еще кормила своего мальчика и не могла отлучаться изъ дому больше, чѣмъ на два часа.

Когда вечера стали теплѣе, какъ-то само собой устроилось, что Фалькенгеймы и Гюнцы стали ужинать вмѣстѣ въ садовой бесѣдкѣ. Меню ужиновъ было разъ навсегда твердо установлено,— холодныя закуски и пиво. Изрѣдка только допускался легкій пуншъ. Заботы о кушаньяхъ и напиткахъ несли поочередно обитатели дома № 55 и дома № 57.

Тетю Амалію Фалькенгеймы оставляли дома.

— Иначе разсчетъ будетъ невѣрный, — добродушно замѣчалъ полковникъ.

Реймерсъ въ счетъ не шелъ. Его не допускали къ участію въ расходахъ. Разъ, когда онъ съ торжествомъ выложилъ на столъ колбасу съ трюфелями, мужчины сдѣлали ему замѣчаніе за «неисполненіе служебнаго приказанія», а Клара Гюнцъ воскликнула:

— Боже мой! лейтенантъ Реймерсъ! Колбаса съ трюфелями по такой жарѣ! Посмотрите, пожалуйста, она уже теперь испортилась.

Въ полку косились на такую «интимность». Находили, что подобныя отношенія должны неминуемо подрывать авторитетъ начальника. Тѣмъ не мѣнѣе многіе добивались благосклонности оберъ-лейтенантши Гюнцъ; а владѣлецъ домика, гдѣ жили Гюнцы, не разъ получалъ анонимныя предложенія сдать свою дачу кому-нибудь другому за болѣе высокую плату. По странной случайности хозяинъ былъ вполнѣ доволенъ и своими жильцами, и получаемымъ съ нихъ доходомъ.

Итакъ, Гюнцъ получилъ удовлетвореніе: его жена стала одной изъ любимѣйшихъ дамъ въ полку, если судить по количеству посѣщеній и по любезности посѣтительницъ.

Онъ уже началъ дразнить свою жену, увѣряя, что она задираетъ носъ, что ее теперь рукой не достанешь.

Въ дѣйствительности Клара сошлась нѣсколько ближе только съ двумя дамами. Кромѣ Маріи Фалькенгеймъ, она

чаще всего видалась съ Анной Гропхузенъ, супругъ ея говорилъ: «Клара удостаиваетъ своею благосклонностью капитаншу Гропхузенъ».

Эта женщина была поистинѣ загадкой. Все въ ней было порывъ и неуравновѣшенность. Иногда она по цѣлымъ недѣлямъ не показывала глазъ, а иногда какъ зачаститъ, такъ каждый день ходитъ и такъ бы, кажется, и не ушла. Порой, она была вся жизнь и движеніе, а порой могла цѣлый часъ просидѣть неподвижно, мрачно глядя въ пространство.

Наконецъ, оберъ-лейтенантъ взроптал:

— Право, мнѣ какъ-то не по себѣ, Клара, когда она здѣсь. Знаешь, что мнѣ приходитъ въ голову?—И онъ продолжалъ, таинственно понизивъ голосъ:—должно быть, они съ Гропхузеномъ совершили когда-нибудь страшное преступленіе и теперь ихъ связываетъ кровавая цѣпь, хотя они ненавидятъ другъ друга, какъ кошка съ собакой.

Но Клара нашла эту шутку совершенно неостроумной.

— Вѣдь ты не знаешь, что у нея на душѣ,—замѣтила она серьезно.—Можетъ быть, и дѣйствительно въ прошломъ у нихъ убійство. Только совершилъ его одинъ Гропхузенъ,—онъ убилъ душу бѣдной женщины. Такъ что ужъ ты лучше избери другой предметъ для шутокъ, мой милый.

Счастливая молодая женщина чувствовала глубочайшее состраданіе къ этой несчастной, точно носившей съ собой какой-то неизлѣчимый недугъ. Не разъ ей хотѣлось разспросить о причинѣ ея глубокаго страданія. Ее влекло не пустое любопытство, а истинно сестринское участіе и стремленіе облегчить, если возможно, чѣмъ-нибудь ея горе. Но стоило ей заглянуть въ мрачные безнадежные глаза той, чтобы почувствовать, что это горе не ищетъ повѣренныхъ. Поэтому она оставляла въ покоѣ Анну Гропхузенъ. Она терпѣливо выслушивала, когда та по обыкновенію нервно и непослѣдовательно болтала о чемъ-нибудь, точно стараясь заглушить какой-то внутренній голосъ. Въ другой разъ она не прерывала ни однимъ словомъ мрачное молчаніе, въ которое погружалась ея гостья, глядя, какъ Клара что-нибудь шьетъ или чинитъ. Повидимому, эта мирная работа скорѣе всего дѣйствовала на ту успокоительно. Черты ея лица понемногу теряли напряженное выраженіе, тѣнь, лежавшая на нихъ, разсѣивалась, она глубоко вздыхала, точно освободившись отъ тяжелаго кошмара.

— У васъ въ домѣ какъ-то особенно мирно и спокойно, фрау Клара,—говорила она иногда.—Это удивительно хорошо дѣйствуетъ.

Оберъ-лейтенантъ только покачивалъ головой, онъ не одобрялъ такихъ штукъ. Единственно, что примиряло его съ нею,—это ея искреннее восхищеніе ихъ младенцемъ. Мать не могла доставить ей большаго удовольствія, какъ дать ей подержать своего мальчика. Анна смотрѣла тогда на ребенка съ почтительнымъ благоговѣніемъ, точно на колѣняхъ у нея дѣйствительно лежалъ настоящій херувимъ, а не самый обыкновенный сосунокъ съ безсмысленной мордашкой. Ея тонкія, точно выточеныя черты озарялись въ эти минуты какой-то просвѣтленной красотой, такъ что однажды Гюнцъ шепнулъ своей женѣ:

— Знаешь, Клара, чего ей не хватаетъ? Ребенка!

Ему захотѣлось и съ той подѣлиться своей мыслью, и онъ сказалъ ей шутя.

— Вамъ, вѣрно, тоже хотѣлось бы имѣть такого чудеснаго мальчишку?

Анна Гропхузенъ вскочила, точно ужаленная. Руки у нея дрожали такъ, что Клара едва успѣла подхватить ребенка. Бѣлая, какъ бумага, она вскричала, точно обезумѣвъ:

— Мнѣ?.. Ребенка?.. Сохрани Богъ!.. Никогда! Никогда!

И снова она повторяла:

— Ребенка? Нѣтъ! нѣтъ! Никогда! Никогда!

Взглядъ ея выражалъ безграничный ужасъ. Она подняла руки, точно обороняясь отъ чего-то страшнаго.

Гюнцъ въ испугѣ отступилъ назадъ

и тихонько вышелъ изъ комнаты. Расплакавшагося мальчугана онъ предусмотрительно захватилъ съ собой. Клара обняла обѣими руками дрожащую женщину и стала успокаивать ее, какъ ребенка.

Анна Гропхузенъ дала усадить себя въ кресло. Мягкій, успокоительный голосъ звучалъ въ ея ушахъ, не доходя до сознанія, она сидѣла, не имѣя силъ пошевелиться.

— Поплачьте лучше, дорогая моя,— говорила Клара, стоя на колѣняхъ и поддерживая ее,—это васъ облегчитъ.

Анна Гропхузенъ машинально проводила по ея волосамъ своей холодной, какъ ледъ, рукой.

— Нѣтъ, дѣточка,—сказала она наконецъ,—это не поможетъ. Это тоже не даетъ успокоенья.

Вдругъ она встала и сказала какимъ-то неестественно спокойнымъ голосомъ:

— Извините меня, дорогая фрау Клара, я надѣлала вамъ тревоги! Это ни на что не похоже, такъ плохо владѣть собой. Пожалуйста, не сердитесь на меня, и забудьте, что произошло сегодня.

Она поспѣшно собралась. Руки у нея дрожали, когда она передъ зеркаломъ закалывала себѣ шляпу.

— Я провожу васъ, дорогая фрау Гропхузенъ,—предложила Клара.

Но Анна Гропхузенъ уже настолько овладѣла собой, что могла отвѣтить съ какимъ-то подобіемъ улыбки.

— Нѣтъ, нѣтъ, моя дорогая. Не безпокойтесь, я найду дорогу.

На прощанье она еще разъ сказала:

— Такъ вы простите меня? Правда? и съ этими словами быстро ушла.

Гюнцъ между тѣмъ все еще не могъ успокоить маленькаго крикуна. Онъ былъ очень радъ, когда Клара взяла у него непокорнаго сына.

— Что съ ней такое приключилось?— спросилъ онъ.

Клара пожала плечами.

— Она не говоритъ. Можетъ быть это слишкомъ тяжело, слишкомъ страшно, такъ что она и сказать не можетъ.

— Ты оставила ее одну, чтобы она успокоилась?

— Нѣтъ, она ушла.

Оберъ лейтенантъ выглянулъ въ окно. Клара съ ребенкомъ на рукахъ подошла къ нему.

— Посмотри,—сказалъ онъ, — вонъ она идетъ: молодая, красивая, богатая элегантная, просто шикъ. Кажется,— все есть, чтобъ быть счастливой?

И онъ заключилъ, качая головой:

— Бѣдная, бѣдная женщина!

Про себя онъ поклялся не дѣлать больше никакихъ замѣчаній объ Гропхузенъ. Одно только онъ долженъ былъ все-таки сказать женѣ:

— Не правда ли, Клара, — сказалъ онъ,—ты будешь порѣже давать ей ребенка? Правда?

Съ наступленіемъ весны Анна Гропхузенъ какъ будто ожила.

У ней была одна страсть, которой она каждую весну отдавалась съ новымъ увлеченіемъ — игра въ лаунъ-тенисъ.

Въ качествѣ дочери отставного генерала, проживавшаго свою пенсію и остатки состоянія въ Висбаденѣ, она имѣла возможность состязаться съ лучшими игроками Англіи и материка.

Въ маленькомъ гарнизонѣ она, конечно, не нашла себѣ достойнаго партнера. Единственнымъ серьезнымъ противникомъ могъ быть Реймерсъ, но онъ вотъ ужъ цѣлый годъ не принималъ участія въ состязаніяхъ. Зато теперь она съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчала наступленіе теплыхъ дней.

Сначала она хотѣла было увлечь съ собой и Клару Гюнцъ, но та рѣшительно отказалась.

— Можетъ быть, я и правда большая педантка,—говорила она, — но я привыкла всякое дѣло обсуждать со всѣхъ сторонъ. Между прочимъ и съ эстетической точки зрѣнія. И, видите ли, я считаю, что быстрыя движенія во время тениса очень неизящны для такой фигуры, какъ моя,—маленькой и и округлой.

Гюнцъ слышалъ это и вскричалъ со смѣхомъ:

— Слава тебѣ Господи! Наконецъ-то хоть въ чемъ-нибудь ты оказалась не вполнѣ совершенствомъ, Клара!—и онъ

продолжалъ, обращаясь къ Аннѣ Гропхузенъ:

— Надо вамъ сказать, фрау Гропхузенъ, что жена моя выражается весьма краснорѣчиво и тонко. На обыкновенномъ языкѣ это можно сказать гораздо проще: «я слишкомъ тщеславна, чтобы участвовать въ томъ, что мнѣ не къ лицу».

— Ну, пусть такъ,—отвѣтила молодая женщина, краснѣя.—Но я съ удовольствіемъ буду приходить иногда посмотрѣть на васъ, если вы позволите.

Реймерсъ очень любилъ тенисъ. Въ это время шли какъ разъ упражненія съ орудіемъ въ запряжкѣ. Утромъ часа четыре приходилось проводить на плацу, все время на лошади и все время съ напряженнымъ вниманіемъ. Послѣ полудня производили упражненія съ орудіемъ безъ запряжки, — тоже штука очень утомительная. Послѣ всего этого самымъ подходящимъ занятіемъ былъ тенисъ, самый легкій и пріятный видъ спорта.

Немножко трудно было преодолѣть послѣобѣденную лѣнь. Но стоило придти на мѣсто, и игра увлекала сама собой.

Обыкновенно онъ и Анна Гропхузенъ уходили послѣдними. Иногда игра такъ затягивалась, что въ наступающихъ сумеркахъ едва можно было различить летящіе мячи.

Анна Гропхузенъ находила, что ея партнеръ значительно усовершенствовался за время своего отсутствія Въ Каирѣ онъ прошелъ хорошую школу у англичанъ, лучшихъ знатоковъ этого спорта. Она же, напротивъ, играя все съ болѣе слабыми игроками, утратила до нѣкоторой степени свою прежнюю увѣренность. Теперь они стояли какъ разъ на одномъ уровнѣ.

Чувствуя это, Реймерсъ игралъ легче и свободнѣе. Онъ уже не былъ, какъ прежде, весь поглощенъ стараніемъ не ударить въ грязь лицомъ. Только теперь сталъ онъ замѣчать, какъ хороша Анна Гропхузенъ,—прежде это совершенно ускользало отъ его вниманія.

Зимой, когда онъ встрѣчалъ ее въ обществѣ, грустную, удрученную какимъ-то тайнымъ горемъ, безучастную къ окружающему веселью, — она казалась ему старше своихъ лѣтъ. Никто бы не повѣрилъ, что ей только 24 года и никакихъ заботъ, по крайней мѣрѣ, судя по внѣшности. Но теперь на фонѣ цвѣтущей весны, въ блескѣ жаркаго солнца, увлеченная игрой, она казалась совсѣмъ другой, точно она выкупалась въ живой водѣ. Куда дѣвалась ея равнодушная усталость. Даже обычная у молодыхъ женщинъ мягкость и такъ называемая женственность какъ будто оставила ее. Въ ней снова воскресла бойкая живость молоденькой дѣвушки. Не обращая вниманія, какое впечатлѣніе произведетъ тотъ или другой поворотъ ея тѣла, она вся отдавалась спорту. Движенія ея были естественны и полны безпечной граціи, что такъ рѣдко встрѣчается у опытныхъ женщинъ.

Ея костюмъ для тениса былъ очень простъ. Широкій поясъ, вмѣсто корсета, свѣтлая блузка и сѣрая юбка, очень узкая вверху и спускающаяся только до щиколки, темно-сѣрые шелковые чулки и туфли безъ каблуковъ изъ датской кожи.

Полковыя дамы находили этотъ костюмъ «нескромнымъ», но, конечно, ни одна изъ нихъ не поколебалась бы надѣть такой же, если бы къ ней онъ шелъ такъ же, какъ капитаншѣ Гропхузенъ.

Жена полкового адъютанта Кауэргофа, рожденная фонъ-Любенъ, попробовала одинъ единственный разъ явиться въ такомъ же туалетѣ. Только юбка вмѣсто сѣрой была цвѣта морской воды.

И Богъ вѣсть почему,—юбка у нея была даже чуточку длиннѣе, чѣмъ у Гропхузенъ,—общій видъ оказался гораздо болѣе рискованнымъ, чѣмъ у той.

«Вульгарно», опредѣлила оберъ-лейтенантша Кейль. А между тѣмъ фрау Кауэргофъ была положительно красива, высокая, стройная, немного полная, правда, особенной полнотой цвѣтущихъ блондинокъ. Въ свободной блузкѣ полнота эта какъ-то черезчуръ выступала, и взгляды юныхъ лейтенантовъ невольно обращались въ сторону прекрасной адъю-

тантши. Ноги ея тоже привлекали вниманіе,—икры начинались какъ-то сразу надъ щиколками. И икры внушительныя.

Кромѣ того, самая ступня у нея въ плоскихъ бѣлыхъ туфляхъ казалась громадной,—это всѣ дамы констатировали съ чувствомъ искренняго удовлетворенія и противъ этого не находили никакихъ возраженій.

Что же касается остального, то капитаншѣ Вегштетенъ, какъ старшей по чину, необходимо было поговорить по душѣ съ молодой женщиной.

Но тутъ тоже встрѣтилось затрудненіе: капитанша рѣшительно отказывалась отъ такого щекотливаго порученія. Нельзя такъ, здорово живешь, задѣвать особу, отецъ которой завѣдуетъ отдѣленіемъ личныхъ назначеній въ военномъ министерствѣ.

Такъ этотъ вопросъ и остался бы нерѣшеннымъ къ удовольствію юныхъ лейтенантовъ, если бы счастливый случай не привелъ въ этотъ самый день адъютанта Кауэргофа къ площадкѣ, гдѣ играли въ тенисъ.

Онъ любезно проводилъ свою жену домой и тамъ прямо подвелъ ее къ зеркалу. Накрахмаленная кофточка вся смялась и кое-гдѣ смокла отъ пота. Туфли, сидѣвшія раньше аккуратно, сразу стоптались.

— Дорогая Маріанна,—сказалъ Кауэргофъ,—я не спорю, когда ты декольтируешься на балахъ, сколько тебѣ угодно, ты очень хороша,—онъ поцѣловалъ ее черезъ блузку,—но я тебя прошу не показываться людямъ въ такомъ видѣ, какъ сейчасъ.

Маріанна покраснѣла и отвѣтила:

— Пожалуй, на этотъ разъ ты правъ. То-то Фребенъ и Ландсбергъ такъ увивались за мной сегодня.

Но вдругъ она надула губки и сказала съ досадой:

— А почему же Аннѣ Гропхузенъ это можно? Она точь-въ-точь такъ же одѣвается.

— Дитя мое, — возразилъ спокойно мужъ,—«quod licet Iovi, non licet bovi».

Недаромъ онъ прошелъ гимназическій курсъ.

Маріанна наморщила носикъ и спросила подозрительно:

— Это что еще значитъ?

Кауэргофъ любезно перевелъ:

— «Когда двое дѣлаютъ одно и то же, выходитъ неодинаково». Ты красивѣе Гропхузенъ, но она тоньше тебя.

Съ женщиной, отецъ которой завѣдуетъ отдѣленіемъ личныхъ назначеній въ министерствѣ, приходится быть любезнымъ и послѣ брака.

Послѣ этого капитанша Гропхузенъ продолжала попрежнему одна носить эффектный спортменскій костюмъ. Ни одна не рѣшалась подражать ей. И носила она его съ такой вызывающей граціей, что другихъ дамъ все больше разбирала зависть.

Теперь «вульгарной» стали называть ее, хотя первый разъ эпитетъ былъ примѣненъ къ адъютантшѣ Кауэргофъ.

Только маленькая лейтенантша Меллеръ, рожденная Кейль, неисправимый enfant terrible полка, смущавшая всѣхъ своими неумѣстными замѣчаніями, вскричала:

— Ахъ, нѣтъ, что вы! По моему фрау Гропхузенъ въ этомъ костюмѣ точно нарочно создана для поцѣлуевъ. Если бы я была мужчиной, я бы непремѣнно влюбилась въ нее. Мнѣ бы самой страшно хотѣлось надѣть такой костюмъ.

И она съ грустью окинула взглядомъ свой туалетъ. Она и во время тениса носила очень длинныя юбки, у нея, какъ и у младшаго брата, лейтенанта Кейля II-го, были немного кривыя ноги.

Во всякаго рода дурачествахъ и флиртѣ, которому посвящали большую часть времени молодые офицеры, Реймерсъ былъ совершенно неопытенъ. Поэтому онъ нисколько не заботился о томъ, чтобы какъ-нибудь особенно скрывать свое искреннее восхищеніе Анной Гропхузенъ.

Нерѣдко случалось, что онъ забывалъ отпарировать мячъ, заглядѣвшись на какое нибудь граціозное движеніе своей противницы. Ея ноги даже въ тенисовской обуви казались прелестными, онѣ точно крылья ласточки едва

касались земли. Самые смѣлые прыжки, выходившіе у другихъ грубыми и неизящными у нея были исполнены кошачей граціи.

Реймерсъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя, гдѣ у него были раньше глаза. Ему казалось, что онъ никогда не видѣлъ ничего болѣе прекраснаго.

Но Анна Гропхузенъ сердилась, когда онъ стоялъ передъ ней въ наивномъ удивленіи.

— Лейтенантъ Реймерсъ! — звала она.—Вы невнимательны. Слѣдите хорошенько за мячомъ.

Но когда она чувствовала на себѣ очарованные взгляды лейтенанта, она видимо смущалась. Легкій румянецъ поднимался все выше по ея оживленному лицу и постепенно заливалъ чистый бѣлый лобъ, на которомъ теперь рѣдко обозначалась ранняя морщинка.

— Посмотрите-ка, лейтенантъ,—сказала она разъ вечеромъ,—мы опять остались послѣдними.

Солнце только что сѣло. Вечерній воздухъ былъ напоенъ ароматомъ. Непогасшіе еще лучи зари боролись съ надвигавшимися съ рѣки сумерками.

Анна Гропхузенъ поставила правую ногу на садовый стулъ и застегивала разстегнувшуюся пряжку туфли.

Реймерсъ, ждалъ держа въ рукѣ ея ракету.

Даже и въ этой странной, повидимому, неудобной позѣ Анна Гропхузенъ казалась воплощеніемъ совершенной гармоніи.

Онъ сказалъ спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ, безъ малѣйшаго трепета страсти въ голосѣ.

— Вы изумительно хороши, фрау Гропхузенъ!

Анна Гропхузенъ ниже склонилась надъ своей туфлей. Ей хотѣлось отвѣтить также просто и естественно, но ничего не приходило въ голову, и она произнесла противную избитую фразу:

— Пожалуйста, лейтенантъ Реймерсъ, не начинайте говорить комплиментовъ!

Голосъ ея какъ-то сорвался при этомъ.

Они молча пошли рядомъ по узенькой луговой тропинкѣ къ городу.

Реймерсъ чувствовалъ себя подъ властью какихъ-то чаръ. Онъ былъ не въ силахъ заговорить. Онъ слышалъ легкіе быстрые шаги рядомъ съ своими медленными, слышалъ шелестъ шелковой юбки, въ тактъ съ этими легкими шагами, а когда съ рѣки поднимался теплый вѣтерокъ до него доносился слабый ароматъ духовъ. Онъ невольно вспоминалъ прекрасныя стройныя руки, которыя просвѣчивали на солнцѣ сквозь густую кисею рукавовъ. Легкій ароматъ навѣрно шелъ отъ нѣжной, гладкой кожи этихъ рукъ. Онъ вдругъ почувствовалъ страстное желаніе цѣловать эти прекрасныя руки.

Анна Гропхузенъ избѣгала смотрѣть на своего спутника. Только разъ она украдкой взглянула на него робкимъ, вопрошающимъ взглядомъ. Случайно въ эту самую минуту Реймерсъ тоже обернулся къ ней. Взгляды ихъ встрѣтились и долго не могли оторваться другъ отъ друга.

У садовой калитки онъ, прощаясь, поцѣловалъ ей руку. Она слегка вздрогнула и сказала съ слабой попыткой пошутить:

— Боже мой, что это съ нами? Въ такой теплый майскій вечеръ у насъ обоихъ руки какъ ледъ.

Реймерсъ вернулся домой взволнованный.

Въ половинѣ девятаго ему надо быть у Гюнцевъ — ужинать. Сегодня среда, «его» день. Восемь давно пробило, а ему надо еще переодѣться. Полковникъ, который, конечно, тамъ будетъ, не любилъ, когда его офицеры являлись куда нибудь въ штатскомъ костюмѣ. Это допускалось только на охотѣ или во время тениса.

Дома у него все было приготовлено. Свѣжая вода въ умывальникѣ, мохнатое полотенце, мыло, рубашка, мундиръ, сапоги и даже чистый носовой платокъ и свѣжія перчатки.

— Прикажете еще что нибудь, ваше благородіе?—спросилъ Гелеръ.

— Нѣтъ, благодарю, ничего не надо,— отвѣтилъ Реймерсъ.

Деньщикъ скромно удалился, всякому было ясно, что онъ знаетъ свое мѣсто.— При одѣваньи лейтенантъ не любилъ пользоваться чьими-нибудь услугами.

Реймерсъ оглянулся. Все было на своемъ мѣстѣ. Онъ могъ быть доволенъ Гелеромъ. Даже откупоренная бутылка краснаго вина стояла на столѣ рядомъ съ графиномъ чистой холодной воды. Ничто такъ не утоляло жажду послѣ тениса, какъ стаканъ холодной воды слегка подкрашеной виномъ.

Онъ быстро приготовилъ себѣ стаканъ этой смѣси и залпомъ выпилъ. Это прекрасно освѣжало. Онъ налилъ второй и выпилъ медленнѣе. Вода была такая холодная, что стаканъ весь запотѣлъ снаружи. Но она не могла затушить пламени, горѣвшаго у него въ груди, въ горлѣ, въ головѣ.

Онъ началъ быстро переодѣваться. До половины девятаго оставалось всего нѣсколько минутъ.

Онъ былъ почти готовъ. Оставалось только надѣть мундиръ..., и вдругъ все окружающее исчезло изъ его сознанія. Онъ почувствовалъ себя внѣ времени и пространства.

Машинально онъ сѣлъ на стулъ, опустилъ голову на руки и закрылъ глаза.

Онъ думалъ объ Аннѣ Гропхузенъ. Какъ она хороша, какъ дивно хороша! Вспоминалъ ея робкій взглядъ. О чемъ спрашивали ея прекрасныя глаза? Онъ, кажется, понялъ этотъ вопросъ: «Неужели и мнѣ суждено счастье? Неужели я, правда, могу надѣяться? И неужели *ты* дашь мнѣ это счастье?» спрашивалъ ея боязливый взглядъ.

Изъ самой бездны горя и отчаянія достигъ до него этотъ взглядъ.

Какъ глубоко несчастна эта женщина!

И какъ дивно хороша!..

Дверь скрипнула. Вошелъ Гелеръ.

Реймерсъ вскочилъ.

— Что вамъ нужно?

— Извините, ваше благородіе,—пробормоталъ деньщикъ,—я думалъ, что ваше благородіе готовы.

Въ рукахъ у него была сабля и фуражка.

— Ага! ну, хорошо! Давайте!

Лейтенантъ поспѣшно докончилъ свой туалетъ и отправился въ Сиротскую улицу.

Тамъ какъ разъ садились за столъ, когда онъ вошелъ въ садъ. Въ виноградной бесѣдкѣ все было по старому. Тѣ же люди и то же свободное благодушно-веселое настроеніе. Но Реймерсъ на этотъ разъ чувствовалъ себя чужимъ. Обыкновенно онъ былъ самымъ оживленнымъ изъ всей компаніи, но сегодня онъ сидѣлъ молчаливый и задумчивый.

Его страсть къ Аннѣ Гропхузенъ росла съ каждымъ днемъ. Онъ и не пытался бороться съ ней. Конечно, любимая женщина была женой другого, товарища, но онъ былъ увѣренъ, что даже въ мысляхъ не оскорбитъ ее нескромнымъ желаніемъ, а если это случится, онъ сумѣетъ совладать съ собой.

И дѣйствительно, они не сказали другъ другу ни одного слова, котораго не могъ бы слышать третій. Даже при прощаньи они не рѣшались горячѣе и крѣпче пожать другъ другу руки, только глаза ихъ обмѣнивались тайными признаніями, говорили о великой, страстной любви, жаловались на жестокое страданіе, сулили сладостное утѣшеніе, посылали другъ другу ласки и поцѣлуи.

И въ то время какъ глаза ихъ разговаривали другъ съ другомъ, сами они стояли на твердо утоптанной площадкѣ, раздѣленные другъ отъ друга сѣткой.

Она чувствовала, что своимъ присутствіемъ доставляетъ радость своему возлюбленному, а онъ, не отрывая глазъ, съ почтительнымъ восторгомъ любовался гибкими движеніями своей милой.

Конечно, полковая сплетня съ радостью ухватилась за новую жертву. Со времени флирта съ майоромъ Шредеромъ цѣлую зиму капитанша Гропхузенъ не давала никакой пищи длиннымъ языкамъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ они принялись теперь за дѣло.

Не прошло и мѣсяца, какъ молодые офицеры стали дѣлать Реймерсу довольно недвусмысленные намеки.

Маленькій докторъ Фребенъ грозилъ ему пальцемъ и лукаво замѣчалъ:

— Да, да, не даромъ говорится: въ тихомъ омутѣ черти.

Ландсбергъ при первомъ удобномъ случаѣ поздравилъ его:

— Экій счастливецъ!—сказалъ онъ съ завистью.—Кабы я...

И онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ всевозможныхъ совершенствъ капитанши Гропхузенъ, «этой великолѣпной женщины», какъ онъ ее называлъ.

Реймерсъ рѣзко оборвалъ его.

Подобныя столкновенія показали ему, какая глубокая пропасть лежала между его міросозерцаніемъ и взглядами его товарищей.

— Какой вы еще юноша,—сказалъ ему какъ-то полковникъ,—точно вы и не жили совсѣмъ.

Должно быть, это и въ самомъ дѣлѣ было такъ. По его мнѣнію, разсуждать такъ, какъ Ландсбергъ, можно развѣ о женщинѣ, которая даритъ свою благосклонность за деньги, но никакъ не о женщинѣ уважаемой, принятой въ обществѣ. Онъ, Реймерсъ, не могъ бы даже сказать, высокая или низкая грудь у Анны Гропхузенъ, онъ зналъ только, что она прекрасна.

Ему хотѣлось дать пощечину негодяю Ландсбергу, но это вызвало бы, конечно, скандалъ и могло повредить любимой женщинѣ.

Во всякомъ случаѣ онъ сталъ держаться немного подальше отъ нея. Изъ-за него она не должна страдать. Онъ сталъ не такъ аккуратно посѣщать тенисъ и, приходя, игралъ не исключительно съ ней.

Анана Гропхузенъ была видимо, поражена этимъ. Она не понимала его. Что за дѣло до всѣхъ этихъ сплетенъ? Да и еще и лживыхъ притомъ. Она уже привыкла къ нимъ. Ея кожа стала нечувствительной къ подобнаго рода уколамъ. А онъ мужчина. Неужели изъ-за этого онъ отворачивается отъ нея? Она охотно бросилась бы къ его ногамъ и молила бы:

— Не отнимай у меня своей любви! Я живу ею!

Судорожныя рыданія сжимали ей горло. Чтобы заглушить ихъ, она вмѣшивалась въ толпу, вела оживленную болтовню. Старалась завладѣть общимъ вниманіемъ, чтобы и онъ чувствовалъ, что она тутъ. Ею овладѣвало безумное желаніе во что бы то ни стало быть у него на глазахъ, заставить его видѣть и чувствовать свое присутствіе, какой угодно цѣной, рискуя даже сдѣлать ему больно, или, можетъ быть, именно ради того, чтобы сдѣлать ему больно.

Она кокетничала съ мужчинами и своимъ дрожащимъ, беззвучнымъ голосомъ говорила ужасныя вещи, странно звучавшія въ ея устахъ.

Однажды вечеромъ они очутились втроемъ на площадкѣ для тениса—она, Реймерсъ и Ландсбергъ. Именно съ Ландсбергомъ она особенно вызывающе кокетничала эти послѣдніе ужасные дни. Она знала, что Реймерсъ ненавидѣлъ его. Тупоголовый малый былъ очень польщенъ этимъ.

Всѣ трое отдыхали послѣ игры.

Ландсбергъ бросился на траву у самой площадки и остался лежать тамъ, упорно глядя въ одномъ направленіи.

Реймерсъ считалъ, что валяться на землѣ въ присутствіи дамы показываетъ неуваженіе къ ней. Онъ мрачно посмотрѣлъ на товарища и невольно прослѣдилъ за направленіемъ его взгляда.

Анна Гропхузенъ сидѣла на стулѣ, безпечно положивъ ногу на ногу. Обѣ ея ноги въ сѣрыхъ шелковыхъ чулкахъ были видны чуть не до колѣнъ.

Безумное бѣшенство овладѣло Реймерсомъ. Ему захотѣлось схватить мерзкаго мальчишку за шиворотъ и надавать ему пощечинъ.

Но въ эту минуту Анна Гропхузенъ замѣтила упорный взглядъ Ландсберга. Она съ презрѣніемъ отвернулась и медленно поправила платье.

Реймерсъ всталъ. Онъ чувствовалъ потребность что-нибудь сломать, разбить, разрушить. Онъ нервно размахивалъ ракетой, борясь съ желаніемъ пустить ее въ голову нахалу. Вдругъ онъ почувствовалъ сильную боль въ сгибѣ руки. Ракета выпала у него.

— Что съ вами?—спросила Анна.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ рѣзко.— Я собирался откланяться вамъ.

Онъ низко поклонился. Было такъ темно, что онъ различалъ только контуры ея фигуры.

Съ минуту она молчала. Потомъ она отвѣтила голосомъ, полнымъ нѣжной ласки.

— Развѣ вы не хотите проводить меня, лейтенантъ Реймерсъ?

— Если вы прикажете, фрау Гропхузенъ.

Ландсбергъ торопливо и нѣсколько смущенно попрощался съ ними. Они пошли медленно слѣдомъ за нимъ.

Тяжелыя дождевыя облака низко нависли надъ землей, иногда по полю пробѣгалъ порывъ вѣтра.

Реймерсъ зашагалъ быстрѣе.

Только разъ Анна Гропхузенъ прервала молчаніе:

— Вы сильно ушибли руку?

— Да... нѣтъ... не знаю.

Когда они подошли къ калиткѣ, наступилъ почти полный мракъ.

— Покажите мнѣ вашу руку,—тихо попросила женщина.

Реймерсъ молча протянулъ ее. На сгибѣ была порядочная опухоль.

Вдругъ Анна нагнулась и быстро поцѣловала больное мѣсто.

Когда она подняла голову, по щекамъ ея струились слезы.

Реймерсъ наклонился къ ней. Онъ схватилъ ея блѣдныя, похолодѣвшія руки и припалъ къ нимъ долгимъ поцѣлуемъ.

— Анна!—вырвалось у него съ рыданіемъ.

Она нѣжно провела рукой по его лбу и посмотрѣла на него съ безконечной печалью.

Потомъ онъ ушелъ.

Издали онъ оглянулся. Все потонуло во мракѣ. Но вдругъ на горизонтѣ блеснула молнія. На одно мгновеніе онъ различилъ смутныя очертанія одинокой фигуры, и вслѣдъ за тѣмъ все исчезло.

— Ничего опаснаго,—рѣшилъ полковой врачъ. — Вы вытянули сухожиліе. Немножко помассировать да хорошенькій бандажъ и больше ничего! Службѣ это не помѣшаетъ, ну, а тенисъ, конечно, придется на время оставить.

Тенисъ и безъ того приходилось кончать. Наступалъ срокъ выхода въ лагери на стрѣльбу.

Отъ товарищей онъ слышалъ, что Анна Гропхузенъ тоже не появлялась на площадкѣ. Говорили, что она не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ и собирается на воды. Мужчины при этомъ значительно посмѣивались. Они думали, вѣроятно:

«Эге, должно быть, произошелъ крахъ»!

Но онъ не обращалъ на это вниманія.

Онъ зналъ, въ чемъ дѣло.

Его обычная компанія въ Сиротской улицѣ, видимо, не безъ удовольствія узнала о такомъ оборотѣ дѣлъ.

Послѣднее время онъ нерѣдко опаздывалъ и въ извиненіе всегда говорилъ одно: «Простите, я заигрался въ тенисъ». При этомъ у всѣхъ нихъ дѣлались какія-то особенныя лица, замкнутыя и чужія. И эта замкнутость и связанность лишь постепенно уступала мѣсто обычной непринужденности, а иногда и совсѣмъ не исчезала.

Теперь они снова встрѣтили его попрежнему, искренно и сердечно. Къ его поврежденію никто не отнесся серьезно, всѣ, должно быть, считали его благовиднымъ предлогомъ.

Онъ старался доказать противное, показывалъ опухоль—она, впрочемъ, быстро опадала,—но никто ему, видимо, не вѣрилъ.

Но самое удивительное еще предстояло впереди.

Послѣ ужина Клара и Марія Фалькенгеймъ прогуливались по дорожкамъ сада. Клару позвали, должно быть, къ ребенку, и Реймерсъ встрѣтилъ дочь полковника одну.

Онъ почтительно поклонился ей.

Молодая дѣвушка прямо взглянула на него своими ясными сѣрыми глазами и сказала:

— Я искренно рада, лейтенантъ Реймерсъ, что вы такъ рѣшительно положили конецъ всѣмъ сквернымъ сплетнямъ. Меня они очень огорчали и за фрау Гропхузенъ, и за васъ. Такъ больно выслушивать гадкія вещи и не знать, что возразить.

Гондола аэростата была снабжена веслами и рулемъ.

Въ ней находились герцогъ Шартрскій, два брата Роберъ и ихъ своякъ Коллэнъ-Гюллэнъ. Быстро поднявшійся аэростатъ былъ подхваченъ сильнымъ вихремъ, благодаря которому подъемъ чуть было

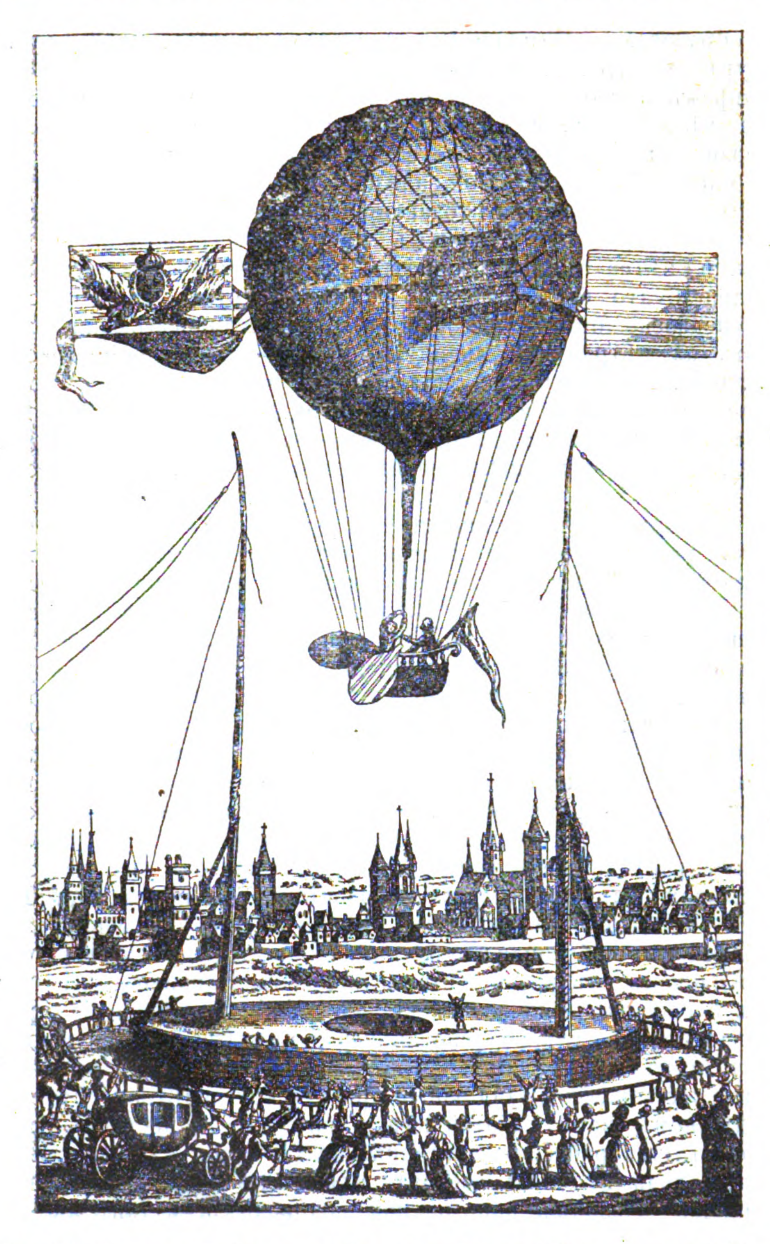

Рис. 23. Подъемъ Гюйтона де-Морво въ Дижонѣ 25-го апрѣля 1784 г.

не кончился ужасной катастрофой. Объ управленіи нечего было и думать, руль и весла—были сорваны, и, къ довершенію несчастья, внутренній шаръ закупорилъ нижнее отверстіе аэростата. Между тѣмъ

нагрѣтый солнечными лучами водородъ, не находя выхода, раздувалъ оболочку аэростата больше и больше. Барометръ показывалъ уже высоту 4800 метровъ, и при дальнѣйшемъ подъемѣ шара гибель становилась неизбѣжной. Тогда герцогъ Шартрскій схватилъ флагъ и его древкомъ проткнулъ оболочку въ нижней части шара. Такъ какъ при этомъ образовалась большая трещина, то аэростатъ сталъ опускаться черезчуръ быстро. Благодаря усиленному выбрасыванію баласта, пассажирамъ, однако, удалось опуститься на землю невредимыми.

Два мѣсяца спустя братья Роберъ въ компаніи съ Гюллэномъ повторили опытъ съ тѣмъ же самымъ аэростатомъ. Полетъ продолжался около 7 часовъ. По заявленію Роберовъ результаты опыта можно было назвать вполнѣ благопріятными, ибо при помощи веселъ и руля имъ удавалось отклонить направленіе полета на 22 градуса отъ линіи вѣтра и даже описать при полетѣ замкнутую кривую. Благодаря будто бы тѣмъ же весламъ и рулю, при спускѣ аэростата (недалеко отъ Арраса), воздухоплаватели избѣжали опасности налетѣть на вѣтряную мельницу. Всѣ эти утвержденія несомнѣнно преувеличены, но значеніе этого опыта заключается въ томъ, что впервые примѣненная здѣсь овоидальная форма аэростата вмѣстѣ съ пропеллеромъ послужила зародышемъ, изъ котораго столѣтіе спустя развился типъ современныхъ управляемыхъ воздушныхъ шаровъ.

Но изъ всѣхъ появившихся въ то время проектовъ и идей относительно управленія воздушными шарами наиболѣе замѣчательными являются работы военнаго инженера и члена академіи наукъ Менье (Meusnier), впослѣдствіи генерала инженернаго корпуса, убитаго въ 1793 году въ сраженіи при Майнцѣ. Съ момента появленія первыхъ воздушныхъ шаровъ и до конца своей жизни, Менье не переставалъ трудиться надъ разрѣшеніемъ этой проблемы на основаніи строго научныхъ методовъ, и его классическія работы послужили основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ научныхъ изысканій въ этомъ направленіи. «Онъ изучилъ,—говоритъ о немъ президентъ французской академіи Жансенъ,—не только наиболѣе пригодную форму аэростата, форму его гондолы и способъ привѣски ея, обезпечивающій ей наибольшую неподвижность и наименьшую порчу оболочки шара, но также возможность сохранить постоянный объемъ шара и обезпечить его движенія въ вертикальномъ направленіи помимо баласта и безъ потери газа. Еще съ большею тщательностью онъ изслѣдовалъ вопросъ о давленіи газовъ на заключающія ихъ оболочки и придумалъ приборъ для измѣренія сопротивленія оболочекъ изъ различныхъ матеріаловъ. Наконецъ, онъ коснулся вопроса о способахъ передвиженія аэростата, и данное имъ рѣшеніе этого вопроса послужило основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ работъ въ этомъ направленіи».

Менье замышлялъ грандіозный проектъ кругосвѣтнаго путешествія на воздушномъ шарѣ. Съ этой цѣлью онъ хотѣлъ построить исполинскій аэростатъ-корабль, разсчитанный на 30 человѣкъ экипажа. Самый аэростатъ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: внутренней непроницаемой оболочки, наполненной водородомъ, и такъ называемой предохранительной наружной оболочки, сдѣланной изъ очень толстаго, крѣпкаго холста и обмотанной сѣтью веревокъ (см. рис. 24). Между этими двумя оболочками долженъ былъ находиться сжатый воздухъ,

---

*) Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытіи памятника Менье въ г. Турѣ, 29-го іюля 1888 г.

который играя роль баласта, придавалъ въ то же время прочную форму аэростату. Воздухъ, по мѣрѣ надобности, долженъ былъ накачиваться во время путешествія при помощи большихъ, сильныхъ мѣховъ. Вѣсъ аэростата при этомъ увеличивался и онъ начиналъ опускаться; эффектъ подъема достигался обратной операціей. «Поступательное движеніе аэростата во время путешествія должно было обусловливаться вѣтрами, причемъ винтообразныя весла, приводимыя во вращательное движеніе мускульною силою экипажа, позволяли бы совершать нѣкоторыя, перпендикулярныя къ направленію вѣтра, движенія и достигать такимъ образомъ полосы благопріятныхъ вѣтровъ. Проектъ Менье едва ли могъ быть выполненъ въ то время уже по одному тому, что для его осуществленія требовались огромные капиталы, но это отнюдь не уменьшаетъ его великаго значенія для послѣдующаго развитія воздухоплавательной техники, которая столѣтіе спустя воспользовалась

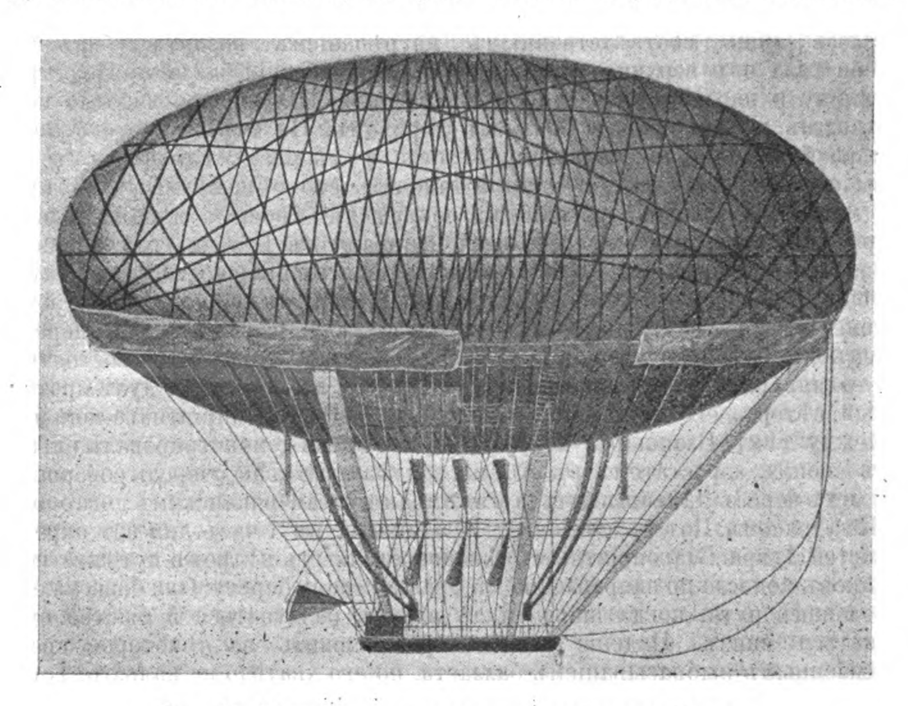

Рис. 24. Проектъ воздушнаго шара генерала Менье.

всѣми идеями, высказанными въ этомъ проектѣ. «Въ общемъ, можно сказать,—говоритъ Жансенъ въ упомянутой нами рѣчи,—что если братья Монгольфьеръ были славными инициаторами воздухоплаванія, то Менье является его законодателемъ».

Исходя изъ идей Менье, французскій ученый Бриссонъ предложилъ въ 1784 г. проектъ управляемаго шара. Проектъ этотъ былъ изложенъ въ докладѣ, сдѣланномъ Бриссономъ академіи наукъ. Его аэростатъ долженъ былъ имѣть форму цилиндра съ конусообразными заостреніями на концахъ, причемъ длина цилиндра предполагалась въ 6 разъ больше его діаметра. Въ виду того, что Бриссонъ не предвидѣлъ сколько-нибудь подходящаго двигателя для самостоятельнаго движенія шара противъ вѣтра, онъ остановился на утилизаціи для этой цѣли тѣхъ-же

воздушныхъ теченій. По его мнѣнію, на разныхъ высотахъ теченія эти идутъ въ различныхъ направленіяхъ, такъ что при подъемѣ на извѣстную высоту всегда можно разсчитывать найти благопріятный вѣтеръ. Легкость передвиженія аэростата въ вертикальномъ направленіи обезпечивалась при этомъ системой двойной оболочки Менье.

Высказанная Бриссономъ мысль о возможности утилизаціи воздушныхъ теченій для аэростатическихъ полетовъ запала въ голову Пилатру де-Розье, который рѣшилъ воспользоваться ею для переправы на воздушномъ шарѣ черезъ Ламаншъ. Но Розье не пожелалъ почему-то воспользоваться для этой цѣли конструкціею аэростата Менье, а придумалъ свой собственный типъ аэростата, и въ этомъ заключалась его роковая ошибка. Аэростатъ Розье представлялъ комбинацію газоваго шара съ монгольфьеромъ, причемъ послѣдній былъ прикрѣпленъ къ первому. Монгольфьеръ долженъ былъ играть роль регулятора при вертикальныхъ движеніяхъ аэростата, что достигалось лишь соотвѣтственнымъ нагрѣваніемъ воздуха, безъ потери газа изъ верхняго шара и безъ употребленія балласта. По остроумному и вполнѣ справедливому выраженію Шарля, это значило подставлять жаровню подъ бочку съ порохомъ. Но смѣлость этого человѣка буквально не имѣла предѣловъ и мысль о какой бы то ни было опасности едва ли могла остановить его рѣшеніе. Выхлопотавъ у министра Колонна субсидію на сооруженіе своего «аэромонгольфьера», Пилатръ де-Розье поселился на время въ Булони, гдѣ познакомился и вступилъ въ компанію для осуществленія своего проекта съ нѣкіимъ Пьеромъ Ромэномъ, которому и поручилъ сооруженіе аэромонгольфьера. Послѣдній былъ сдѣланъ въ Парижѣ, откуда перевезенъ въ Булонь въ декабрѣ 1784 г. Полетъ долженъ былъ состояться 1-го января 1785 г., но въ виду того, что въ это время дулъ противный вѣтеръ, его пришлось отложить до болѣе благопріятнаго момента. Между тѣмъ Бланшаръ, который въ это время демонстрировалъ опыты съ своимъ аэростатомъ въ Англіи, задумалъ въ свою очередь совершить полетъ черезъ Ламаншъ оттуда въ компаніи съ американскимъ докторомъ Жеффрисомъ. Полетъ состоялся 7-го января въ 1 часъ дня изъ окрестностей Дувра. Благопріятнымъ сѣверовосточнымъ вѣтромъ путешественниковъ понесло по направленію къ французскому берегу. Они были уже на половинѣ пути, когда шаръ сталъ вдругъ раздуваться и быстро опускаться внизъ. Паденіе удалось пріостановить на нѣкоторое время усиленнымъ выбрасываніемъ балласта, но его хватило не надолго. Тогда въ море полетѣли инструменты, провизія, якоря, весла и даже одежда воздухоплавателей, но шаръ все-таки продолжалъ опускаться. Воздухоплаватели были уже въ виду французскаго берега. Чтобы спасти Бланшара, Жеффрисъ рѣшился броситься въ море и попытаться достичь берега вплавь, Бланшаръ удержалъ его и предложилъ отрѣзать гондолу а самимъ держаться за сѣтку. Но въ это время спускъ шара остановился самъ собою, подулъ свѣжій вѣтеръ, и путешественники были спасены. Въ 3 часа дня они спустились въ окрестностяхъ Калэ, населеніе котораго устроило имъ восторженный пріемъ. Успѣхъ этого полета былъ необычаенъ и Бланшаръ сдѣлался героемъ дня. Муниципалитетъ города Калэ поднесъ ему званіе «гражданина Калэ» и назначилъ пенсію. Такая же пенсія была пожалована Бланшару королемъ, у котораго онъ получилъ аудіенцію. На мѣстѣ, гдѣ опустились путешественники, былъ поставленъ каменный столбъ съ надписью, увѣковѣчившей ихъ подвигъ.

Между тѣмъ Пилатръ де-Розье былъ въ отчаяніи, такъ какъ время уходило мѣсяцъ за мѣсяцемъ, а вѣтеръ попрежнему не благопріятствовалъ его предпріятію. Съ другой стороны Колоннъ грубо намекалъ на то, что стотысячная субсидія выдана ему вовсе не за тѣмъ, чтобы онъ сидѣлъ въ Булони. Къ этому присоединились насмѣшки и эпиграммы, которыя сочинялись насчетъ Пилатра и его спутника. Его положеніе становилось невыносимымъ, и чтобы выйти изъ него онъ рѣшился попытаться совершить полетъ, несмотря ни на что. Подъемъ произошелъ 15-го іюня 1785 г. въ 7 часовъ утра. Аэростатъ медленно поднялся и понесся надъ проливомъ. «Радость и увѣренность были написаны на лицахъ путешественниковъ,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ,—и въ то же время смутное безпокойство овладѣло зрителями». Вскорѣ аэростатъ погнало вѣтромъ обратно къ берегу и онъ очутился надъ сушей, держась на высотѣ приблизительно 600 метровъ. Пилатръ, очевидно, хотѣлъ спуститься ниже, въ надеждѣ попасть въ полосу благопріятнаго вѣтра и должно быть сильно дернулъ за веревку попорченнаго отъ долгаго неупотребленія клапана. Клапанъ оторвался (его нашли потомъ въ галлерейкѣ аэростата), образовавъ большое отверстіе въ шарѣ. Неизвѣстно, что произошло при этомъ *), но аэростатъ камнемъ полетѣлъ внизъ. Пилатръ былъ убитъ на мѣстѣ, его спутникъ Ромэнъ оставался живымъ еще 10 минутъ, но не могъ уже произнести ни слова. Паденіе произошло въ 4-хъ километрахъ отъ Булони, въ 300 шагахъ отъ морского берега, по жестокой ироніи судьбы недалеко отъ того мѣста, на которомъ былъ воздвигнутъ памятникъ въ честь перваго полета Бланшара черезъ Ламаншъ. Такъ погибъ первый воздухоплаватель, которому суждено было сдѣлаться и первой жертвой воздухоплаванія **).

Катастрофа съ Пилатромъ де-Розье и его спутникомъ произвела потрясающее впечатлѣніе повсюду, куда могла проникнуть вѣсть о гибели отважнаго піонера воздухоплаванія, но она не охладила господствующаго увлеченія воздухоплаваніемъ. Напротивъ, число воздушныхъ подъемовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, съ другой стороны, публика также вошла во вкусъ возбуждавшаго ее своею опасностью зрѣлища и охотно оплачивала его. При такихъ условіяхъ воздухоплаваніе являлось очень выгоднымъ занятіемъ—появляются профессіональные воздухоплаватели. Первымъ и въ то же время наиболѣе замѣчательнымъ изъ этого рода воздухоплавателей былъ уже извѣстный намъ Бланшаръ. Опьяненный успѣхомъ своего путешествія черезъ Ла-Маншъ и той огромной популярностью, какую оно ему доставило, Бланшаръ сталъ объѣзжать большіе города Франціи и столицы другихъ европейскихъ государствъ, устраивая повсюду публичные полеты при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и поднимаясь по бóль-

---

*) Судя по тому, что при осмотрѣ аэростата не найдено слѣдовъ обжоговъ и серьезныхъ поврежденій, можно предполагать, что взрыва водорода при этомъ не произошло.

**) Эта мысль выражена въ слѣдующей восторженной надписи на могилѣ Пилатра-де-Розье въ Вимильѣ:

Ci gît un jeune téméraire
Qui dans un généreux transport
De L'Olympe étonné franchissant la barière
Y trouva le premier et la gloire et la mort,

т. е. здѣсь покоится молодой смѣльчакъ, который въ благородномъ порывѣ, сломивъ преграды удивленнаго Олимпа, первый снискалъ на немъ славу и смерть.

шей части въ компаніи съ своей женой. Бланшаръ неоднократно совершалъ и настоящія воздушныя путешествія, перелетая изъ одного государства въ другое *). Изъ подражателей и соперниковъ Бланшара въ этой области большую извѣстность пріобрѣлъ также Тестю-Брисси (Testu-Brissy), благодаря своимъ подъемамъ верхомъ на лошади, которая находилась на деревянной платформѣ, прикрѣпленной къ шару. Ему же принадлежитъ, между прочимъ, первый ночной подъемъ, во время котораго онъ оставался въ воздухѣ впродолженіи 11-ти часовъ, выдержавъ при этомъ сильную бурю.

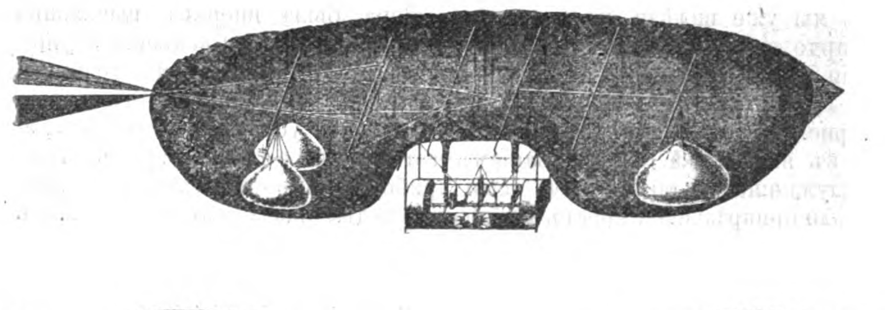
Одновременно съ этимъ не ослабѣвалъ и интересъ къ вопросу объ управленіи воздушными шарами. Проекты продолжаютъ появляться одинъ за другимъ, но большинство ихъ попрежнему были продуктомъ невѣжественной фантазіи ихъ авторовъ, не желавшихъ считаться съ основными законами механики и физики. Изъ всѣхъ проектовъ того времени лишь одинъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія—это проектъ драгунскаго офицера барона Скотта **). Скоттъ думалъ осуществить идею такъ называемаго парящаго аэростата (ballon-planeur), идею, къ которой, какъ мы увидимъ, неоднократно возвращались впослѣдствіи. По идеѣ Скотта аэростатъ долженъ былъ имѣть удлиненную форму, которая бы позволяла придавать ему какой угодно наклонъ по отношенію къ его горизонтальной оси. Если въ моментъ поднятія аэростатъ будетъ наклоненъ переднею частью внизъ, то его подъемъ совершится по діагонали и эростатъ одновременно съ подъемомъ будетъ подвигаться впередъ; наоборотъ, если при спускѣ наклонить противоположный конецъ аеростата, то опускаясь, онъ будетъ подвигаться въ томъ же направленіи, что и въ первомъ случаѣ. Такимъ образомъ, путемъ послѣдовательныхъ поднятій и спусковъ на аэростатѣ Скотта достигается поступательное движеніе въ какомъ угодно направленіи. Свою идею Скоттъ думалъ осуществить путемъ устройства аэростата, изображеннаго на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 25), причемъ вертикальныя движенія аэростата и сообщеніе ему соотвѣтствующаго наклона достигалось при помощи особаго рода баллонетовъ, наполненныхъ воздухомъ и прикрѣпленныхъ къ противоположнымъ концамъ аэростата. При нагнетаніи воздуха въ тотъ или другой изъ баллонетовъ аэростату сообщалось движеніе вверхъ или внизъ и одновременно придавался соотвѣтствующій наклонъ. Челнокъ, какъ это видно изъ рисунка, помѣщался въ углубленіи, находящемся по серединѣ аэростата, который былъ снабженъ, кромѣ того, рулемъ, облегчавшимъ задачу управленія горизонтальными движеніями аэростата. Скоттъ

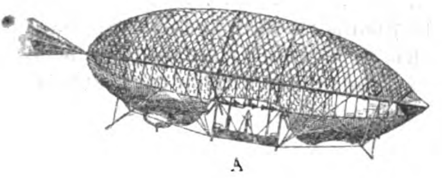
---

*) При одномъ изъ такихъ путешествій онъ былъ схваченъ въ Тиролѣ и посаженъ въ тюрьму по обвиненію въ революціонной пропагандѣ. Послѣ этого онъ перенесъ арену своей дѣятельности въ Сѣверную Америку, гдѣ и умеръ въ 1809 году. По количеству и смѣлости своихъ полетовъ Бланшаръ остается и до сихъ поръ никѣмъ не превзойденнымъ воздухоплавателемъ: имъ было совершено до 70-ти подъемовъ на воздушномъ шарѣ. Его жена, также замѣчательная воздухоплавательница, погибла, спустя 10 лѣтъ послѣ его смерти (6-го іюня 1819 года) при своемъ 67-емъ подъемѣ въ Парижѣ. Поднявшись на шарѣ вечеромъ въ саду Тиволи, при огромномъ стеченіи народа, она стала пускать съ шара ракеты, причемъ произошелъ взрывъ газа, наполнявшаго шаръ, и несчастная Бланшаръ разбилась на смерть, упавъ на мостовую одной изъ ближайшихъ къ саду улицъ.

**) Проектъ этотъ изложенъ въ мемуарѣ, опубликованномъ Скоттомъ въ 1789 г. („Aérostat dirigeable à volonté").

много лѣтъ работалъ надъ своимъ проектомъ, но ему не пришлось увидѣть его осуществленія. Проектъ его былъ опубликованъ въ

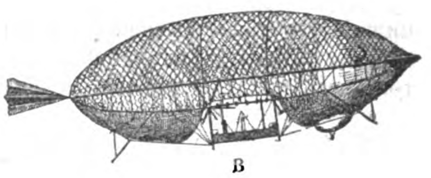

Рис. 25. Парящій аэростатъ (ballon-planeur) Скотта
A.—нисходящее положеніе B.—восходящее положеніе

моментъ, когда уже наступала революція и когда вопросы воздухоплаванія должны были уступить мѣсто другимъ, болѣе существенымъ задачамъ, выдвинутымъ общественной жизнью на родинѣ Скотта.

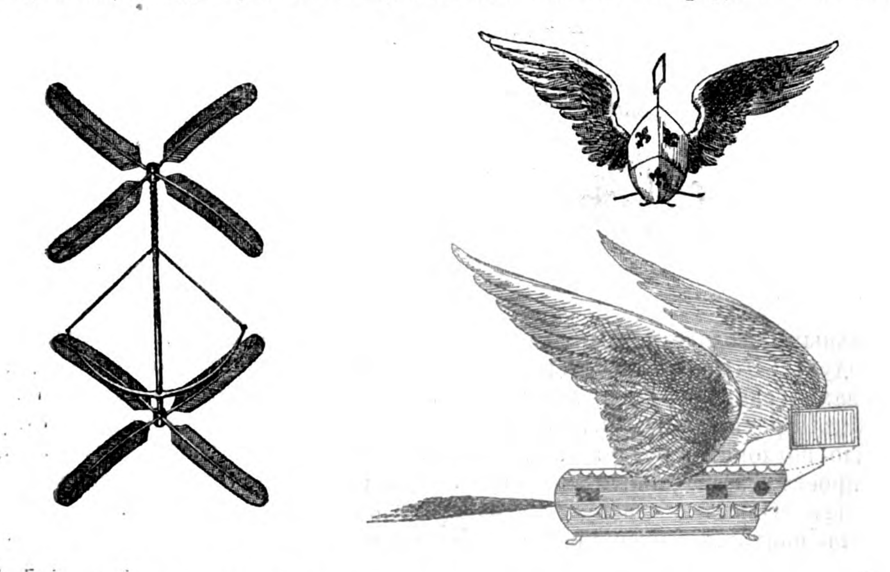

Рис. 26. Первый геликоптеръ, построенный въ 1784 Лоннуа и Бьенвеню.

Рис. 27. Летающая машина Жерара (1484 г.

Заканчивая изложеніе перваго періода исторіи аэростатическаго воздухоплаванія, періода, протекшаго со времени изобрѣтенія Монгольфьера до начала великой революціи, мы должны сказать нѣсколько

словъ о тѣхъ немногихъ попыткахъ въ области динамическаго воздухоплаванія, которыя были сдѣланы за это время. Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь несомнѣнно изобрѣтенію летающаго геликоптера. Какъ мы уже видѣли, идея этого прибора была впервые высказана Леонардо да Винчи. Въ 1784 г. два француза, Лоннуа и Бьенвеню, осуществили идею Леонардо, демонстрировавъ изобрѣтенный ими геликоптеръ въ парижской академіи наукъ. Геликоптеръ Лоннуа и Бьенвеню (см. рис. 26.) состоялъ изъ пластинки китоваго уса, которая натягивалась въ видѣ лука, закручиваніемъ тетивы этого лука вокругъ стрѣлы, служившей въ то же время осью прибора. Къ обоимъ концамъ стрѣлы были прикрѣплены крестъ-на-крестъ по два крыла, наклоненныхъ въ противоположныя стороны. Послѣ того какъ лукъ сильно натягивался и затѣмъ предоставлялся самому себѣ, стрѣла вмѣстѣ съ крыльями приходила въ быстрое вращательное движеніе, причемъ верхніе и нижніе крылья вращались въ противоположныхъ направленіяхъ. Благодаря такому расположенію крыльевъ дѣйствія горизонтальныхъ толчковъ воздуха взаимно уничтожались, тогда какъ дѣйствія верти-

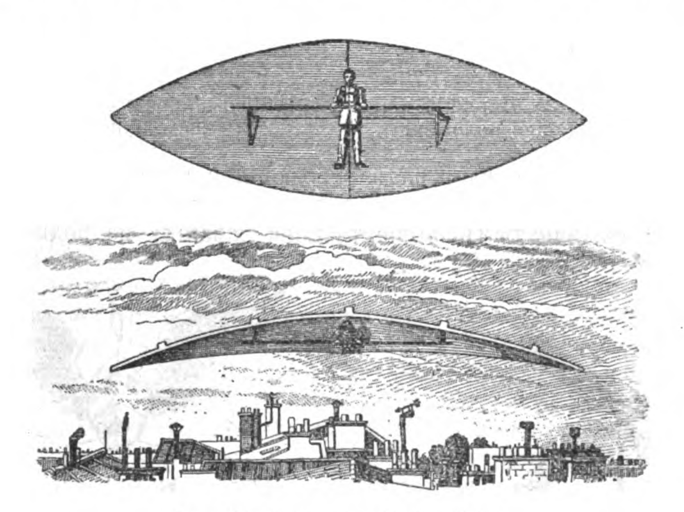

Рис. 28. Аппаратъ Меервейна.

кальныхъ толчковъ складывались и заставляли взлетать приборъ на воздухъ. Это замѣчательное изобрѣтеніе, значеніе котораго для динамическаго воздухоплаванія было оцѣнено впослѣдствіи, прошло въ то время почти незамѣченнымъ, такъ какъ вниманіе общества было поглощено воздушными шарами. Къ тому же 1784 г. относится и проектъ летательный машины Жерара, которая была описана имъ въ его «Опытѣ объ искусствѣ воздухоплаванія» (см. рис. 27). Заслуживаетъ вниманія также проектъ Меервейна, архитектора принца Уэльскаго. Приборъ его, разсчитанный на парящій полетъ (см. рис. 28) состоялъ изъ двухъ огромныхъ выгнутыхъ крыльевъ, экспериментаторъ помѣщался по серединѣ крыльевъ и приводилъ ихъ въ движеніе руками, соединенными съ крыльями ремнемъ.

ГЛАВА IV.

Воздухоплаваніе во время великой революціи: первая попытка примѣненія аэростатовъ къ военному дѣлу и образованіе воздухоплавательнаго парка въ Медонѣ. — Примѣненіе парашюта: опыты Ленормана, парашютъ Гарнерена. Первые подъемы на воздушныхъ шарахъ съ научными цѣлями: Робертсонъ, Гей-Люссакъ и Біо.—Замбеккари.—Воздухоплаваніе въ эпоху первой имперіи—Опыты Дегена.—Дальнѣйшіе проекты управляемыхъ аэростатовъ.—Гибель Коккинга.—Геликоптеръ Филипса.—Аэропланъ Генсонаи Стрингфеллоу.—Дюпю и Делькуръ.—Гринъ.—Научный полетъ Барраля и Биксіо.—Петэнъ и ближайшіе предшественники Жиффара.

Когда вспыхнула великая французская революція, вопросы аэронавтики, естественно, должны были отойти на второй планъ, и хотя по прежнему рѣдкая программа народныхъ увеселеній обходилась безъ того, чтобы въ ней не фигурировало излюбленное парижанами зрѣлище аэростатическихъ подъемовъ, однако подъемы эти уже не вызывали прежняго энтузіазма у публики. Ослабѣлъ также и теоретическій интересъ къ вопросамъ воздухоплавательной техники. Послѣднее объясняется отчасти тѣмъ разочарованіемъ, которое наступило послѣ длиннаго ряда неудачныхъ попытокъ разрѣшить проблему управленія шарами. Тѣмъ не менѣе въ эпоху войнъ конвента съ коалиціей воздушнымъ шарамъ удалось снова привлечь вниманіе общества, благодаря той неожиданной роли, какую имъ пришлось сыграть въ борьбѣ съ союзными войсками. Мы говоримъ о первой попыткѣ примѣненія аэростатовъ къ военнымъ цѣлямъ. Извѣстный уже намъ Гюйтонъ де-Морво, который въ это время былъ членомъ Комитета Общественнаго Спасенія, занялся разработкой проекта привязного аэростата, съ помощью котораго можно было бы наблюдать на далекомъ разстояніи за движеніемъ непріятельской арміи. Проектъ Гюйтона былъ отданъ на разсмотрѣніе научной коммиссіи: она одобрила его, но поставила на видъ, что осуществленіе его она находитъ возможнымъ лишь при условіи добыванія водорода, необходимаго для наполненія аэростата, безъ помощи сѣрной кислоты. Дѣло въ томъ, что въ то время сѣрную кислоту получали исключительно сожиганіемъ сѣры, которой тогда очень дорожили: она цѣликомъ шла на изготовленіе пороха, продукта первостепенной важности въ первый періодъ революціи. Какъ разъ въ то время задача полученія водорода безъ помощи сѣрной кислоты была удачно рѣшена знаменитымъ Лавуазье: онъ нашелъ новый способъ добыванія этого газа, посредствомъ пропусканія водяныхъ паровъ черезъ раскаленныя до-красна желѣзныя трубки. Комитетъ Общественнаго Спасенія предложилъ физику Кутелю, другу Гюйтона де-Морво, произвести опытъ наполненія аэростата водородомъ, добытымъ по способу Лавуазье. Опытъ удался. Тогда, по распоряженію комитета, былъ организованъ военный воздухоплавательный паркъ, въ составъ котораго вошли: капитанъ, поручикъ и 30 нижнихъ чиновъ. Кутель, назначенный капитаномъ, получилъ предписаніе отправиться въ дѣйствующую армію, въ г. Мобежъ, осажденный австрійцами, и предложить свои услуги генералу Журдану. Этотъ послѣдній отнесся весьма сочувственно къ предложенному нововведенію. Прошло нѣсколько дней, и «L'Entreprenant», первый военный аэростатъ, вмѣстимостью въ 400 куб. метр., величественно поднялся вверхъ, при громкихъ кликахъ солдатъ, восхищенныхъ невиданнымъ зрѣлищемъ.

Кутель, находившійся въ лодочкѣ, далъ очень подробное описаніе непріятельскихъ укрѣпленій; ни одно движеніе австрійцевъ не могло ускользнуть отъ парящаго въ воздухѣ наблюдателя, вооруженнаго зрительной трубой.

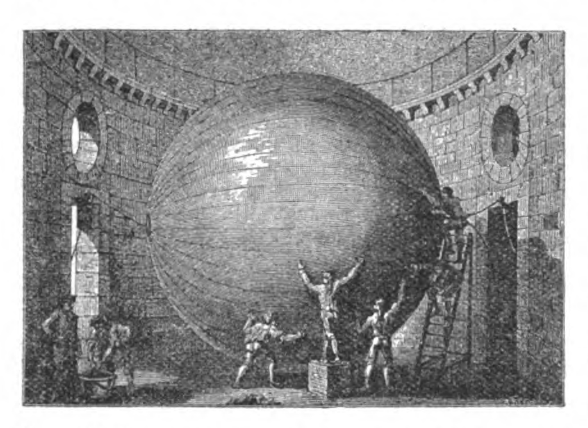

Рис. 29. Лакировка привязного военнаго аэростата въ Медонѣ по способу Кутеля и Де-Конте.

Впечатлѣніе, произведенное видомъ воздушнаго шара на непріятельскую армію, было огромное. Солдаты рѣшили, что французамъ помогаетъ нечистая сила, и замѣтно пріуныли. Что бы ободрить ихъ и показать, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего сверхъестественнаго, австрійскій генералъ приказалъ стрѣлять въ загадочную махину, виднѣвшуюся позади французскаго лагеря. Къ счастью, австрійская артиллерія дѣйствовала плохо: выпущенныя изъ пушекъ ядра не причинили никакого вреда аэростату.

26-го іюля 1794 г. въ битвѣ при Флерюсѣ французы одержали рѣшительную побѣду надъ австрійцами, которыми командовалъ принцъ Кобургскій. Въ этомъ сраженіи несомнѣнныя услуги оказалъ французамъ ихъ военный аэростатъ, поднятый на высоту 1.200 футовъ. Въ лодочкѣ аэростата сидѣли Кутель и дивизіонный генералъ Мороо, безпрерывно доносившіе штабу о всѣхъ замѣченныхъ ими передвиженіяхъ непріятельской арміи,—это обстоятельство являлось выгоднымъ преимуществомъ для республиканской арміи, обусловившимъ до извѣстной степени исходъ упорнаго боя.

Комитетъ общественнаго Спасенія, получивъ извѣщеніе о той полезной службѣ, которую несутъ аэростаты на театрѣ военныхъ дѣйствій, постановилъ организовать второй воздухоплавательный паркъ и учредить національную воздухоплавательную школу въ Медонѣ.

Кутель со своимъ воздушнымъ шаромъ двигался вмѣстѣ съ побѣдоносной французской арміей, вступившей въ предѣлы Германіи. Генералъ Гошъ, смѣнившій Журдана, нашелъ, что аэростаты ему не нужны, и раскассировалъ солдатъ, обслуживавшихъ воздушные шары, по различнымъ полкамъ.

Когда Бонапартъ предпринялъ походъ въ Египетъ, Кутель въ качествѣ воздухоплавателя былъ прикомандированъ къ научной экспедиціи, слѣдовавшей за французскими войсками. Однако воздухоплавателямъ не везло: корабль, на которомъ находились шары и необходимые для нихъ матеріалы, былъ захваченъ англичанами и потопленъ. Въ слѣдующемъ году Наполеонъ, вообще не придававшій значенія вопросамъ аэронавтики, окончательно упразднилъ военные воздухоплавательные парки и закрылъ школу въ Медонѣ.

Тѣмъ не менѣе эта мѣра не подорвала интересса къ дальнѣйшимъ опытамъ въ области воздухоплаванія. Въ 1797 состоялся въ Парижѣ первый спускъ съ воздушнаго шара на парашютѣ.

Идея парашюта, какъ мы уже видѣли, была далеко не нова. Послѣ

Леонардо да-Винчи и Фауста Веранчіо, попытки практическаго примѣненія этой идеи встрѣчаются за долго до изобрѣтенія воздушныхъ шаровъ. Такъ, въ царствованіе Людовика XIII, слѣдовательно въ первой половинѣ XVII вѣка, нѣкто Лавэнъ, уроженецъ Савойи, посажен-

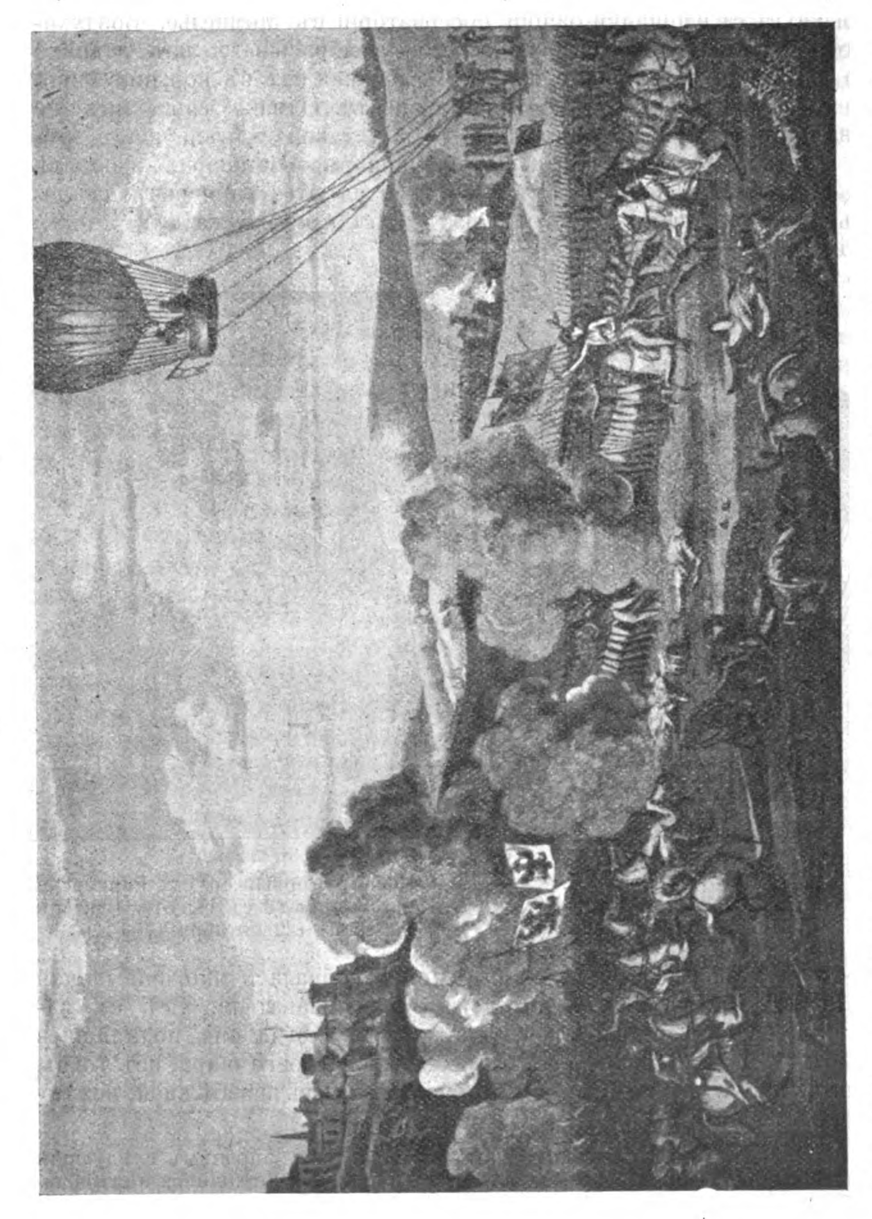

Рис. 30. Битва при Флерюсѣ, во время которой привязной военный шаръ наблюдалъ за движеніями австрійской арміи.

ный въ крѣпость Міоланъ за какое-то преступленіе, сдѣлалъ попытку вырваться на свободу съ помощью парашюта-зонта. Добывъ большой зонтъ, Лавэнъ соединилъ при посредствѣ тонкихъ бичевокъ концы китоваго уса, которыми зонтъ натягивался, съ его рукояткой и, держась за него, прыгнуть со стѣны тюрьмы, въ волны обмывавшаго ее Изера.

Спускъ произошелъ совершенно спокойно, но Лавэнъ былъ замѣченъ стражей и водворенъ обратно въ тюрьму.

Въ 1783 г. физикъ Себастіанъ Ленорманъ бросился внизъ съ верхушки дерева, держа въ каждой рукѣ по большому парашюту діаметромъ въ 30 дюймовъ. Опытъ былъ сдѣланъ удачно и онъ повторилъ его, прыгнувъ съ площадки башни обсерваторіи въ Момпелье. Воздухоплаватель Бланшаръ для потѣхи публики выбрасывалъ изъ лодочки своего аэростата различныхъ животныхъ, сажая ихъ въ корзинку, прикрѣпленную къ маленькому зонтику-парашюту. Однако, самъ онъ не рисковалъ совершить подобный полетъ. На такой смѣлый шагъ рѣшился въ 1797 г. одинъ изъ современниковъ Бланшара, аэронавтъ Жакъ Гарнеренъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на это, Гарнеренъ испробовалъ свой парашютъ нѣсколько разъ, заставляя спускаться съ нимъ животныхъ *).

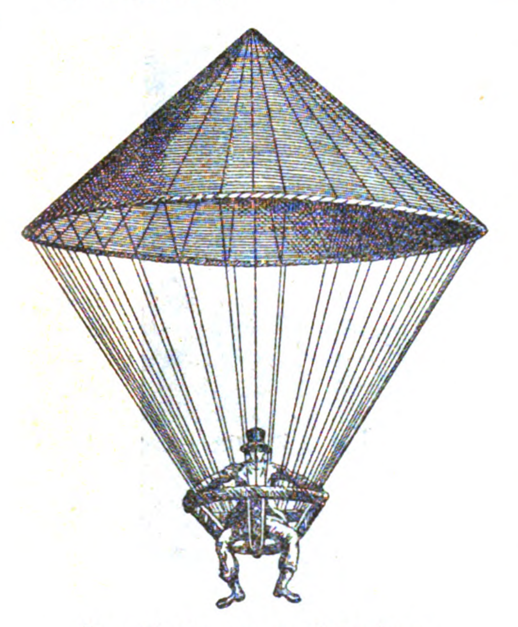

Рис. 31. Парашютъ Себастіана Ленормана.

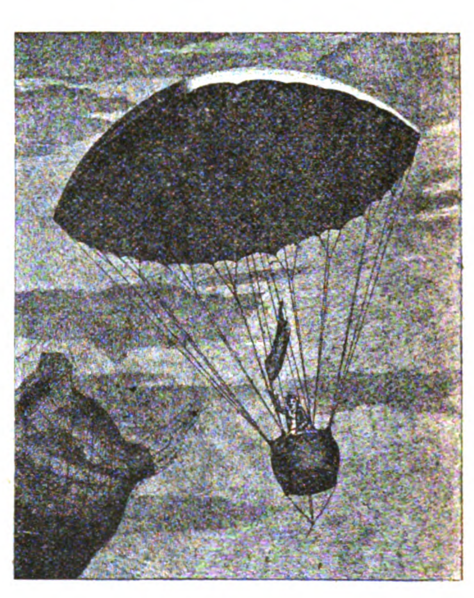

Рис. 32. Первый спускъ Гарнерена на парашютѣ съ высоты 1000 метровъ (22 октября 1797 г.).

22-го октября 1797 г. въ паркѣ Монсо собралась многочисленная толпа посмотрѣть на полетъ молодого воздухоплавателя. Всѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за его движеніями; когда онъ, поднявшись на высоту 1.000 метровъ, перерѣзалъ веревки своего шара, изъ толпы раздались крики ужаса—смерть смѣльчака казалась неизбѣжной, потому

*) При одномъ изъ этихъ опытовъ произошелъ между прочимъ слѣдующій курьезный случай. Однажды, когда аэростатъ Гарнерена находился надъ облаками, былъ спущенъ парашютъ, къ которому была привязана его любимая собака. Вскорѣ парашютъ вмѣстѣ съ собакой погрузился въ облако и исчезъ въ немъ. Спустя нѣкоторое время, когда шаръ Гарнерена сталъ быстро спускаться и попалъ въ то же облако, Гернэренъ услыхалъ гдѣ-то не вдалекѣ отъ себя знакомый лай. Спустившись ниже облака, Гарнеренъ, къ немалому изумленію, увидѣлъ, что парашютъ съ его собакой плаваетъ надъ его аэростатомъ. Такимъ образомъ Гарнерену удалось спуститься на нѣсколько минутъ раньше парашюта.

что парашютъ, за который онъ держался, летѣлъ внизъ съ головокружительной быстротой. Но вотъ парашютъ, развернувшись, замѣтно замедлилъ паденіе и началъ медленно, хотя и не совсѣмъ плавно, опускаться. Гарнеренъ не сдѣлалъ въ своемъ аппаратѣ отверстія для выхода сжатаго воздуха, и этотъ послѣдній, пробиваясь наружу, производилъ сильныя, а вслѣдствіе этого довольно опасныя сотрясенія всего парашюта. Тѣмъ не менѣе, Гарнеренъ благополучно опустился на землю и тотчасъ отправился въ паркъ Монсо, гдѣ толпа устроила ему бурныя оваціи. Астрономъ Лаландъ, находившійся въ числѣ зрителей, побѣжалъ въ академію наукъ сообщить объ удачномъ опытѣ Гарнерена.

Впослѣдствіи Гарнеренъ, а также его племянница Элиза Гарнеренъ неоднократно совершали спускъ на парашютѣ и всегда удачно. Примѣненіе парашюта было послѣднимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ воздухоплаванія въ XVIII столѣтіи. Наступленіе слѣдующаго XIX-го вѣка было отмѣчено въ исторіи воздухоплаванія первыми серьезными попытками воздушныхъ полетовъ съ научными цѣлями. Именно въ 1802 г. знаменитый Гумбольдтъ и Бонпаръ поднялись на аэростатѣ на высоту 5.878 метр. и сдѣлали много интересныхъ наблюденій, измѣряя температуру и барометрическое давленіе въ различныхъ слояхъ атмосферы. Въ слѣдующемъ году физикъ Робертсонъ совершилъ свой первый научный подъемъ въ Гамбургѣ *).

Этотъ полетъ былъ произведенъ на томъ самомъ «L'Entreprenant», который прославился при осадѣ Мобежа и который, по окончаніи войны, былъ проданъ Робертсону. По словамъ Робертсона, ему удалось подняться на высоту 7.400 футовъ, причемъ во время своего путешествія онъ занимался исключительно наблюденіемъ магнитно-электрическихъ явленій. Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, Робертсонъ пришелъ къ заключенію, что по мѣрѣ удаленія отъ земли сила земного магнитизма уменьшается и притомъ почти пропорціонально съ возрастаніемъ высоты надъ уровнемъ моря.

Это открытіе произвело большую сенсацію въ ученомъ мірѣ; многіе естествоиспытатели усумнились въ правильности наблюденій и выводовъ Робертсона, настаивая на повтореніи опытовъ.

Робертсонъ между тѣмъ отправился въ Петербургъ. Петербургская академія наукъ предложила ему снова совершить полетъ для провѣрки сдѣланныхъ имъ ранѣе наблюденій. Вмѣстѣ съ русскимъ физикомъ Захаровымъ Робертсонъ поднялся на аэростатѣ 18-го іюля 1809 г. и во время полета спеціально занимался наблюденіемъ колебаній магнитной стрѣлки. Оба ученые пришли къ заключенію, что ослабленіе земного магнитизма на большихъ высотахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Лапласъ и другіе ученые энергично оспаривали выводы Робертсона. Тогда для окончательнаго выясненія вопроса парижская академія наукъ рѣшила организовать спеціальный полетъ, выбравъ для этого двухъ своихъ членовъ—Біо и Гэй-Люссака. Во время своего

---

*) Робертсонъ родился въ Бельгіи, въ Ліежѣ и по окончаніи коллегіи готовился поступить въ духовное званіе. Революція, разразившаяся въ это время, заставила его измѣнить карьеру. Онъ отправился во Францію и посвятилъ себя изученію физики, обращая главное вниманіе на область электрическихъ явленій. Нѣкоторое время онъ былъ профессоромъ въ одномъ провинціальномъ университетѣ, но вскорѣ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ заинтересовался проблемой воздухоплаванія.

путешествія, одного изъ наиболѣе славныхъ въ лѣтописяхъ научнаго воздухоплаванія (20-го августа 1809 г.), эти ученые сдѣлали много чрезвычайно важныхъ научныхъ наблюденій. Они прежде всего доказали, что никакого замѣтнаго уменьшенія въ напряженіи земного магнитизма не замѣчается даже при значительномъ удаленіи отъ земли; ошибка Робертсона, по ихъ мнѣнію, объясняется тѣми трудностями, съ которыми сопряжено наблюденіе колебаній магнитной стрѣлки на воздушномъ шарѣ, который самъ находится въ неустойчивомъ равновѣсіи, такъ какъ подверженъ постояннымъ толчкамъ и сотрясеніямъ всякаго рода.

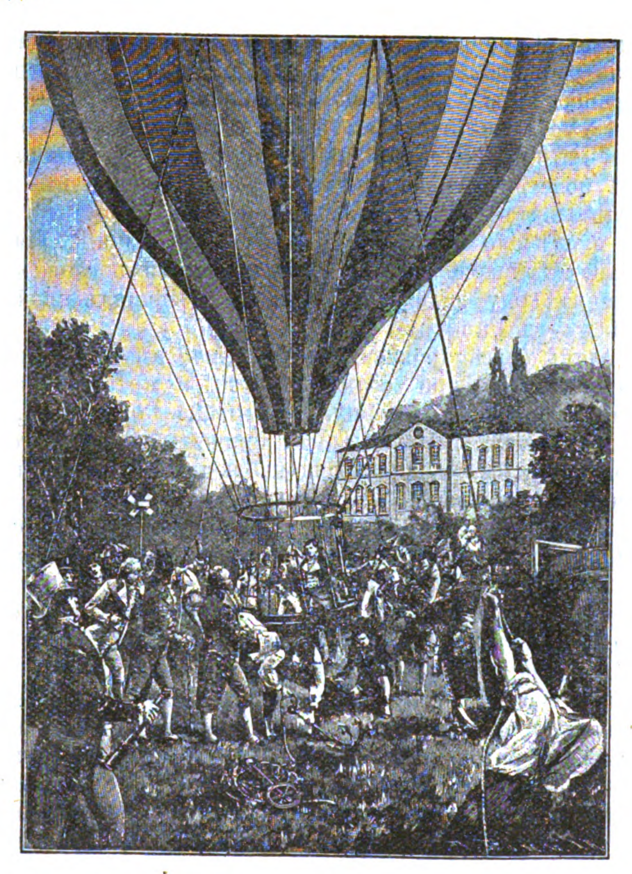

Рис. 33. Подъемъ Гей-Люсака въ Парижѣ 16 сентября 1804 г.

Біо и Гэй-Люссакъ констатировали далѣе прогрессивное уменьшеніе влажности по мѣрѣ поднятія въ болѣе высокіе слои атмосферы, сдѣлали нѣсколько цѣнныхъ наблюденій относительно содержанія электричества въ воздухѣ на различныхъ высотахъ. Наконецъ, сдѣлавъ рядъ термометрическихъ и барометрическихъ наблюденій, ученые наблюдали въ то же время вліяніе уменьшенія давленія на нѣкоторыхъ животныхъ, которыя были ими взязы съ собою.

Это поднятіе было столь богато научными пріобрѣтеніями, что Гэй-Люссакъ 16-го сентября 1804 г. совершаетъ вторичный полетъ; онъ достигъ на этотъ разъ высоты 7.016 метровъ надъ уровнемъ моря, вы-

Рис. 34. Жанъ-Баптистъ Біо.

Рис. 35. Жозефъ-Люи Гей-Люсакъ.

соты, которая долго оставалась не превзойденной послѣдующими воздухоплавателями. Между прочимъ, изъ этого путешествія Гэй-Люссакомъ были принесены двѣ пробы воздуха, взятыя имъ на высотѣ 6.561 и 6.636 метровъ, и анализомъ этихъ пробъ былъ впервые установленъ фактъ тожественности состава воздушной атмосферы на всѣхъ высотахъ.

Къ этому же времени относится и попытки несчастнаго графа Замбеккари разрѣшить проблему управляемаго аэростата. Попытки эти, по самой идеѣ ихъ, были заранѣе обречены на неуспѣхъ, но исторія этого «стоика аэронавта», столь беззавѣтно преданнаго своей идеѣ и принесшаго во имя ея столько жертвъ, интересна сама по себѣ и заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться. Состоя на службѣ въ испанскомъ флотѣ, графъ Замбеккари въ 1787 г. попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, былъ посаженъ въ константинопольскую тюрьму и просидѣлъ въ ней до 1790 г. Сидя въ тюрьмѣ, чтобы разогнать тоску одиночества, Замбеккари сталъ придумывать способъ управленія воздушными шарами и такъ увлекся этимъ вопросомъ, что разрѣшеніе его сдѣлалось для Замбеккари цѣлью его жизни. Замбеккари придумалъ аэростатъ, который по своей идеѣ близко подходилъ къ аэромонгольфьеру Пилатра де-Розье, съ тою лишь разницею, что монгольфьеръ Замбеккари долженъ былъ нагрѣваться спиртовой лампой о 24-хъ фитиляхъ, пламя которой онъ могъ усиливать и уменьшать по желанію, заставляя горѣть то или другое количество фитилей. Этимъ регулировались вертикальныя движенія шара. Роль монгольфьера при этомъ долженъ былъ играть чехолъ, натянутый между экваторіальнымъ кругомъ аэростата и его нижнимъ, привѣснымъ обручемъ. Неудачи Замбеккари начались съ перваго же опыта, во время котораго его шаръ стукнулся о дерево, причемъ отъ пролившагося спирта на Замбеккари вспыхнула одежда. Объятый пламенемъ, самъ аэронавтъ лишь увеличивалъ подъемную силу шара, и, къ ужасу присутствующихъ, въ числѣ которыхъ находилась его молодая жена и дѣти, шаръ быстро уноситъ его въ облака и исчезаетъ. Но на этотъ разъ Замбеккари удалось какъ-то потушить огонь и пришлось отдѣлаться лишь серьезными ожогами. Съ этого времени Замбеккари, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ энергіей и упорствомъ фанатика не переставалъ повторять опыты съ своимъ шаромъ, потративъ на нихъ все свое состояніе и постоянно рискуя своею жизнью. «Въ лѣтописяхъ аэронавтики,—говоритъ Фламмаріонъ,—нѣтъ болѣе трогательныхъ перипетій, какъ тѣ, жертвою которыхъ сдѣлался графъ Замбеккари, особенно въ его путешествіи 7-го сентября 1804 г., закончившемся въ волнахъ Адріатики» *).

Мы приведемъ подлинный разсказъ самого Замбеккари объ этомъ злополучномъ путешествіи:

„7-го сентября 1804 г.,—говоритъ Замбеккари—послѣ долгихъ мѣсяцевъ выжиданія благопріятнаго времени, невѣжество и фанатизмъ толпы заставили меня пуститься въ путь при самыхъ плачевныхъ обстоятельствахъ. Изнуренный усталостью, ничего не ѣвши впродолженіи цѣлаго дня, съ желчью на устахъ и съ отчаяніемъ въ душѣ, я поднялся въ полночь съ двумя моими спутниками, Андреоли и Грассети на аэростатѣ, лишь на половину наполненномъ газомъ.

„Лампа, предназначенная для того, чтобы увеличивать подъемную силу, сдѣлалась для насъ безполезной. Мы могли наблюдать за состояніемъ барометра только при слабомъ свѣтѣ фонаря, и то очень плохо. Невыносимый холодъ, царившій въ той высокой области, въ которой мы были, истощеніе

*) Тиссандье и Фламмаріонъ. „Путешествіе по воздуху", пер. съ франц. Мезіеръ. Москва 1899 г., стр. 364.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

При этомъ № разсылается каталогъ книгоиздательства Н. М. Глаголева.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы**—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку.**

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годоваго экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 [illegible] утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторника* [illegible] о 4½ час. *по пятницамъ* отъ 3 до 4½ час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

